ISSN 2075-7794
№4
2014

ВЕСТНИК

КАЛМЫЦКОГО ИНСТИТУТА ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ РАН

ВЕСТНИК
КАЛМЫЦКОГО ИНСТИТУТА
ГУМАНИТАРНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ РАН

№ 4 / 2014

Элиста
2014

ВЕСТНИК КАЛМЫЦКОГО ИНСТИТУТА ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ РАН

Издается с 1963 г.
ISSN 2075-7794

Журнал зарегистрирован 1 июля 2009 г. в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Рег. номер ПИ № ФС77-49346

№ 4, 2014
Выходит 4 раза в год

Главный редактор:
канд. полит. наук *Н. Г. Очирова*

Заместители главного редактора:
д-р ист. наук *Э. П. Бакаева*,
канд. фил. наук *Б. А. Кичикова*

Редакционный совет:
акад. РАН *Г. Г. Матишов* (председатель — Россия, г. Ростов-на-Дону),
чл.-кор. РАН *С. А. Арутюнов* (Россия, г. Москва), д-р ист. наук *М. М. Балзер* (США),
акад. *Л. Болд* (Монголия), д-р ист. наук *Н. Ф. Бугай* (Россия, г. Москва), д-р юр. наук *Д. М. Демичев* (Белоруссия),
д-р экон. наук *О. В. Иншаков* (Россия, г. Волгоград), д-р фил. наук *М. И. Магомедов* (Россия, г. Махачкала),
д-р ист. наук *К. Н. Максимов* (Россия, г. Элиста), д-р ист. наук *И. Ф. Попова* (Россия, г. Санкт-Петербург),
д-р ист. наук *На. Сухэбаатар* (Монголия), д-р фил. наук *Чао Геджин* (Китай),
д-р ист. наук *Д. Шорковиц* (Германия), акад. РАО, д-р пед. наук *П. М. Эрдниев* (Россия, г. Элиста)

Редакционная коллегия:
чл.-кор. РАН *Х. А. Амирханов* (г. Махачкала), чл.-кор. РАН *Б. В. Базаров* (г. Улан-Удэ),
канд. юр. наук *Л. В. Батиев* (г. Ростов-на-Дону), д-р ист. наук *Н. Л. Жуковская* (г. Москва),
д-р фил. наук *Г. Ц. Пюрбеев* (г. Москва), д-р ист. наук *В. В. Трепавлов* (г. Москва)

д-р ист. наук *Е. Н. Бадмаева* (отв. секретарь),
д-р фил. наук *Т. Г. Басангова*, канд. фил. наук *Е. В. Бембеев*, д-р филос. наук *Б. А. Бичеев*,
канд. фил. наук *В. В. Куканова*, д-р экон. наук *Э. И. Мантаева*, канд. фил. наук *Д. Н. Музраева*,
д-р соц. наук *А. Н. Овшинов*, канд. фил. наук *Э. У. Омакаева*, д-р ист. наук *У. Б. Очиров*,
канд. пед. наук *Б. К. Салаев*, канд. ист. наук *В. П. Санчиров*,
канд. биол. наук *Л. Н. Ташнинова* — г. Элиста

Переводчик:
канд. фил. наук *Е. В. Куканова*

Адрес редакции и издателя:
358000 Республика Калмыкия, г. Элиста, ул. Илишкина, 8;
тел. (84722) 3–55–06, (84722) 3–55–39; факс (84722) 2–37–84
E-mail: vestnik.kigiran@gmail.com
Сайт: www.kigiran.com

© Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Калмыцкий институт гуманитарных исследований Российской академии наук, 2014

BULLETIN
OF THE KALMYK INSTITUTE FOR HUMANITIES OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

Published since 1963
ISSN 2075-7794

The Journal is registered in the Federal Service for Inspection in Communication, Information Technologies and Mass Communication (Roskomnadzor) on July 1, 2009.
Registration number ПИ № ФС77-49346

№ 4, 2014
Released four times a year

Editor-in-chief:
Ph.D. of Political Science N. Ochirova

Associate editors:
Ph.D. of History *E. Bakaeva*,
Ph.D. of Philology *B. Kichikova*

Editorial Council:
Acad. of the RAS *G. Matishov* (Chairman — Rostov-on-Don, Russia),
Corr. Member of the RAS *S. Arutyunov* (Moscow, Russia), Ph.D. of History *M. M. Balzer* (USA),
Acad. L. Bold (Mongolia), Ph.D. of History *N. Bugai* (Moscow, Russia), Ph.D. of Jurisprudence D. Demichev (Belarus),
Ph.D. of Economics *O. Inshakov* (Volgograd, Russia), Ph.D. of Philology *M. Magomedov* (Makhachkala, Russia),
Ph.D. of History *K. Maksimov* (Elista, Russia), Ph.D. of History *I. Popova* (Saint-Petersburg, Russia),
Ph.D. of History *Na. Sukhebaatar* (Mongolia), Ph.D. of Philology *Chao Gedzhin* (China),
Ph.D. of History *D. Schokowitz* (Germany), Acad. of RAE, Ph.D. of Pedagogy *P. Erdniev* (Elista, Russia)

Editorial Board:
Corr. Member of the RAS *Kx. Amirkxanov* (Makhachkala), Corr. Member of the RAS *B. Bazarov* (Ulan-Ude),
Ph.D. of Jurisprudence *L. Batiev* (Rostov-on-Don), Ph.D. of History *N. Zhukovskaya* (Moscow),
Ph.D. of Philology *G. Piurbeev* (Moscow), Ph.D. of History *V. Trepavlov* (Moscow)

Ph.D. of History *E. Badmaeva* (executive secretary),
Ph.D. of Philology *T. Basangova*, Ph.D. of Philology *E. Bembeev*, Ph.D. of Philosophy *B. Bicheev*,
Ph.D. of Philology *V. Kukanova*, Ph.D. of Economics *E. Mantaeva*, Ph.D. of Philology *D. Muzraeva*,
Ph.D. of Sociology *A. Ovshinov*, Ph.D. of Philology *E. Omakaeva*, Ph.D. of History *U. Ochirov*,
Ph.D. of Pedagogy *B. Salaev*, Ph.D. of History *V. Sanchirov*,
Ph.D. of Biology *L. Tashninova* — Elista

Translator:
Ph.D. of Philology *E. Kukanova*

The Editorial Board and Publisher's address:
358000 the Republic of Kalmykia, the city of Elista, Ilishkin Street, 8
tel.: (84722) 3-55-06, (84722) 3-55-39; fax: (84722) 2-37-84
e-mail: vestnik.kigiran@gmail.com
site: www.kigiran.com

© The Federal State Budgetary Institution of Science
The Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

Трепавлов В. В. Российское подданство калмыков в ритуалах и символах (из истории этнической политики (XVII–XIX вв.) . . . 8

Максимов К. Н. Калмыки в Первой мировой войне 20

Мучиряева Е. Н. К вопросу о деятельности Управления калмыцкого народа по учету и статистике в 1873–1892 гг. 27

Самдан А. А. Система налогообложения в Туве в период нахождения в составе Цинской империи 38

Хлынина Т. П., Кринко Е. Ф. Национальный вопрос и институциональные практики его решения на Северном Кавказе в 1920–1930-е гг. 44

Очиров У. Б. Особенности борьбы с «политическим бандитизмом» в Калмыкии в период Гражданской войны (1917–1920 гг.) 51

Казиев С. Ш. Национальная политика и межэтнические отношения в Казахстане в постсталинский период (1953–1964 гг.) 56

Согданова З. Г. Ущерб народному хозяйству Калмыцкой АССР, причиненный в период немецкой оккупации 62

Романова Н. В. Культурная жизнь Кубани и Ставрополья в начале 1960-х годов: художники региона 69

Очирова Н. Г. Современные миграционные и демографические процессы на Юге России: региональные особенности (на примере Республики Калмыкия) 75

ЭТНОЛОГИЯ

Батыров В. В., Команджаев Е. А. Усыновление и опека в калмыцком обществе в XIX в. 84

Бакаева Э. П. Об обозначении возрастных категорий в культуре ойратов и калмыков 89

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Бембеев Е. В. Графо-фонетический анализ согласных по данным «Русско-калмыцкого словаря анонимного автора XVIII в.» 96

Лю Сумэй. Национально-культурная специфика обращений в русском и китайском речевом этикете 102

Омакаева Э. У. Темпоральная лексика в калмыцком героическом эпосе «Джангар» и проблемы ее лексикографического отражения . . . 108

Бадгаев Н. Б. Религиозная лексика в калмыцком героическом эпосе «Джангар» 113

Бату Ч. О значении некоторых терминов из дополнительных указов хана Дондук-Даши 119

Бембеев Е. В., Бутаева А. О., Далюева Г. Х. Модели простого предложения S_1 + N + (COP_F) и S_1 + ADJ + (COP_F) в калмыцком языке: предварительные замечания 129

Очирова Н. Ч., Бачаева С. Е., Мулаева Н. М. Цикл песен эпоса «Джангар» Ээлян Овла: опыт количественной обработки 137

ФОЛЬКЛОРИСТИКА и ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Хисамитдинова Ф. Г. Божества верхнего мира в мифологии башкир 146

CONTENTS

HISTORY

Trepavlov V. Russian Allegiance of Kalmyks in Rituals and Symbols (from the History of Ethnic Policy in 17th–19th centuries) 8

Maksimov K. Kalmyks in World War I 20

Muchiryaeva E. On the Chief Administration of Kalmyk People within Accounting and Statistics between 1873–1892 27

Samdan A. The System of Taxation in Tuva in the Period of its Incorporation into the Ch'ing Empire 38

Khlynina T., Krinko E. The National Question and Institutional Practices of its Solution in the North Caucasus in the 1920s–1930s 44

Ochirov U. Peculiarities of the Fight against "Political Banditry" in Kalmykia during the Civil War (1917–1920) 51

Kaziyev S. The National Policy and Interethnic Relations in Kazakhstan in the Post-Stalin Period (1953–1964) 56

Sogdanova Z. The Economic Damage Caused to the Kalmyk ASSR during the Nazi Occupation 62

Romanova N. Cultural Life of the Kuban and Stavropol Regions in the Beginning of the 1960s: Regional Artists 69

Ochirova N. Contemporary Migratory and Demographic Processes in the South of Russia: Regional Peculiarities (the Case Study of the Republic of Kalmykia) 75

ETHNOLOGY

Batyrov V., Komandzhaev E. Adoption and Guardianship in the Kalmyk Society in the 19th century 84

Bakaeva E. To the Issue of Denoting Age Categories in the Oirat and Kalmyk Cultures 89

LINGUISTICS

Bembeev E. Graphophonetic Analysis of Consonants Based on Russian-Kalmyk Dictionary by Anonymous Author of 18th century 96

Lu Sumei. National and Cultural Specifics of Appellatives in Russian and Chinese Speech Etiquette 102

Omakaeva E. Temporal Lexis in the Kalmyk Heroic Epic *Dzhangar* and the Issues of its Lexicographic Reflection 108

Badgaev N. Religious Lexis in the Kalmyk Heroic Epic *Dzhangar* 113

Batu Ch. On the Meaning of Some Legal Terms from the Supplementary Laws of Khan Donduk-Dashi 119

Bembeev E., Butaeva A., Dalyueva G. Models of Simple Sentence S_1 + N + (COP_F) and S_1 + ADJ + (COP_F) in the Kalmyk Language: Preliminary Notes 129

Ochirova N., Bachaeva S., Mulaeva N. The Song Cycle of the Epic *Dzhangar* by Eelyan Ovla: Experience in Quantitative Analysis 137

FOLKLORE & LITERATURE STUDIES

Khisamitdinova F. The Deities of the Upper World in the Bashkir Mythology 146

Хусаинова Г. Р. Мифологические помощники героя в башкирской волшебной сказке 155

Оросина Н. А. Образы удаганок в якутском героическом эпосе (по материалам олонхо таттинской локальной традиции) 160

Борлыкова Б. Х. К истории изучения и публикации калмыцких народных песен 165

Музраева Д. Н., Батсуурь А. К характеристике письменных источников на тибетском языке из коллекции Кобдоского государственного университета (Монголия) 171

Меняев Б. В. Список рукописи «Наставления V богдо Джибцзун-Дамба гэгэна» (на материале сочинения «Поучения Джибцзун-Дамба-ламы») 175

Кичикова Б. А. «Желай мне здравия, Калмык!» (вопросы текстологии, материалы к комментарию: Часть II) 183

Эльдышев Э. А. К изданию биобиблиографического словаря «Писатели Калмыкии. 1920–2010» 192

ПЕДАГОГИКА

Витвар О. И. Актуальность командной и проектно-групповой работы в социальном воспитании школьников 196

ЭКОНОМИКА

Мусаев Р. А., Урумова И. О. Инвестиционные стратегии регионов России и европейский опыт региональной политики 203

Мантаева Э. И., Слободчикова И. В., Андреева С. Н. Проблемы и перспективы реализации региональной политики в сфере обеспечения экологической безопасности (на материалах Республики Калмыкия) 209

Юшкова Н. Г. Институциональные особенности типологического ранжирования региональных систем в контексте инновационного развития 214

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Команджаев Е. А. Осуществление правосудия в Калмыкии в XIX в. 223

Бессонов А. А. Объект (предмет) преступного посягательства как элемент криминалистической характеристики преступлений 228

Подройкина И. А. Уголовное наказание, его цели и практика применения в свете философских концепций наказания 234

Бальжинимаева В. В. Экономические и социальные предпосылки уголовной ответственности юридических лиц 240

СОЦИОЛОГИЯ

Марзаева М. Б. О формировании гражданской идентичности студенческой молодежи (на примере Республика Калмыкия) 244

ОБЗОРЫ и РЕЦЕНЗИИ

Санжиева В. Ш. Научный архив КИГИ РАН и его фонды 249

Басангова Т. Г. Т. С. Тягинован амн урн үгин көрңгәс. Фольклорные материалы из репертуара Т. С. Тягиновой. Самозапись 2004–2010 гг. / предисл. Н. Г. Очировой, сост., коммент. Б. Б. Горяевой. Элиста: КИГИ РАН, 2011. – Өвкнрин зөөр (Сокровища предков). – На калм. и рус. яз. – 230 с. 257

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Куканова В. В. Экспедиционная деятельность Калмыцкого института гуманитарных исследований Российской академии наук 260

IN MEMORIAM

Очирова Н. Г. «Драгоценные труды Б. Х. Тодаевой и свет ее души навсегда останутся в наших сердцах» (Памяти ученого) 264

Khusainova G. Mythological Hero Assistants in the Bashkir Fairy Tale 155

Orosina N. The Images of Udagan Women in the Yakut Heroic Epic Olonkho (Tradition of the Tattinsky Region) 160

Borlykova B. On the History of Studying and Publishing Kalmyk Folk Songs 165

Muzraeva D., Batsuuri A. Towards the Characteristics of the Tibetan Written Sources from the Collection of Khovd State University (Mongolia) 171

Menyaev B. The Manuscript Copy of „The Fifth Bogdo Gegen Jebtsundamba's Precepts" (the Case Study of the Work of „The Jebtsundamba Lama's Teachings") 175

Kichikova B. „Wish me Health, Kalmyk!" (The Issues of the Textual Aspect, the Materials to the Comments: Part II) 183

Eldyshev E. To the Issue of Publishing 'The writers of Kalmykia. 1920–2010' Bio-Bibliographical Dictionary 192

PEDAGOGICS

Vitvar O. The Relevance of Team and Group Project Work in Social Upbringing of Schoolchildren 196

ECONOMICS

Musaev R., Urumova I. Investment Strategies of Russian Regions and European Experience of Regional Policy 203

Mantaeva E., Slobodchikova I., Andreeva S. Problems and Prospects of Implementation of Regional Policy in the Sphere of Environmental Security (the Case Study of the Republic of Kalmykia) 209

Yushkova N. Institutional Features of Typological Ranking of Regional Systems in the Context of Innovative Development 214

JURISPRUDENCE

Komandzhaev E. The Administration of Justice in Kalmykia in the 19th century 223

Bessonov A. The Object (Subject) of Criminal Assault as an Element of Criminalistics Characteristic of Crimes 228

Podroykina I. Criminal Penalty, its Purposes and Practice of Application in the Light of Philosophical Concepts of Punishment 234

Balzhinimaeva V. Economic and Social Preconditions for Corporate Criminal Liability 240

SOCIOLOGY

Marzaeva M. On the Formation of Youth Civic Identity of Students (the Case Study of the Republic of Kalmykia) 244

REVIEW

Sanzhieva V. Scientific Archive of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences and its Funds 249

Basangova T. *Review of: T. Tyaginovan amn urn ɣgin kərɳgəs.* [Folklore Materials from the T. Tyaginova's Repertoire. Self recording of 2004–2010]. Foreword by N.G. Ochirova, compil., comment. by B. B. Goryaeva. Өvknrin zөөr [Treasures of the ancestors]. Elista, KIGI RAS Publ., 2011, 230 p. 257

SCHOLARLY MATTERS

Kukanova V. Fieldwork Activity of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences 260

IN MEMORIAM

Ochirova N. "B.Kh. Todaeva's precious works and light of her soul will remain in our hearts forever" (to the memory of the scientist) 264

УДК 94 (47)
ББК 63.3 (2) 6-36

РОССИЙСКОЕ ПОДДАНСТВО КАЛМЫКОВ В РИТУАЛАХ И СИМВОЛАХ (ИЗ ИСТОРИИ ЭТНИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ XVII–XIX вв.)

Russian Allegiance of Kalmyks in Rituals and Symbols (from the History of Ethnic Policy in 17th–19th centuries)

В. В. Трепавлов (V. Trepavlov)[1]

[1]доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН, руководитель Центра истории народов России и межэтнических отношений Института российской истории РАН (Ph.D of History, Leading Scientist at the Institute of Russian History of the RAS, Chief of the Center for the History of Russia's Peoples and Interethnic Relations at the Institute of Russian History of the RAS). E-mail: trepavlov@yandex.ru.

Важной частью этнической политики в России XVII–XIX вв. являлась взаимная репрезентация власти и подданных, которая осуществлялась посредством официальных депутаций к царскому двору, аудиенций и представлений; участия представителей народов в придворных торжествах; различных видов правительственного жалованья; подношений царям; путешествий членов царствующей фамилии по стране и знакомства с жизнью подвластных народов; ритуалов возведения в должность вассальных правителей; взаимоотношений с ними на уровне правительства и провинциальных администраций. Эти сюжеты рассмотрены в статье на примере калмыков и Калмыцкого ханства, которые играли важную роль в военно-политической и культурно-религиозной жизни России того периода.

Ключевые слова: репрезентация, этническая политика, власть, ритуалы, калмыки, ханство.

Legations and deputations of the Kalmyks were present at the court more frequently than representatives of any other ethnicity of Russia throughout the 17th–19th centuries. Starting from the 19th century the Kalmyks were compulsory participants of official solemn ceremonies (emperors' coronations, important anniversaries celebrations etc.). Tsars and their family members paid numerous visits to the Kalmyk steppe and had an opportunity to learn about household activities, daily routines and culture of their key subjects during tours around the empire. In such a case the Kalmyks seized the occasion to demonstrate their religious identity, their rootedness in Buddhism. They arranged special tours to Khuruls to show religious attributes and rites to the crowned guests.

An important component of ethnic policy and its symbolic material presentation was the governmental (tsarist) allowance, which was occasionally paid to the Kalmyk taishas, who patrolled the south borderline. Many documents testifying provision of fabrics, food supplies, arms, ammunition, etc. have been preserved until now. During the Kalmyk Khanate the government kept strict watch over the interrelationship among the top Kalmyk elite and exercised control over succession to the throne. Developing the order of investiture and establishing insignia of Khans' power was vital in an unspoken competition with the authority of Dalai Lamas who also officially sanctioned accession of Kalmyk khans to the throne.

Review of relations between the Kalmyks and Russian authorities in 17th–19th centuries shows that interethnic relations were absolutely dominated by vertical ties – from bottom to top, from the periphery to the Centre. This was a consistent pattern of Russian internal policy. It was necessary to retain the reputation of the monarch as an arbiter, patron, guard of privileges, and punisher of those who depart from prescribed social conventions. Horizontal inter-elite ties were much weaker due to their little usefulness under autocratic rule and unlimited power of bureaucracy. In this context tolerance to the institute of traditional political culture was positively perceived among non-Slavic population, and reconciled it to administrative innovations of Russian authorities.

Keywords: representation, ethnic politics, power, rituals, Kalmyks, khanate.

Формирование образа верховной власти в восприятии граждан (подданных) государства является объектом исследования нескольких дисциплин. Поскольку это явление охватывает сферы социальной психологии, культурологии, этнографии, семиотики, эстетики и мн. др., то его полное исследование возможно лишь усилиями специалистов из разных областей научного знания. Историка в нем интересует, прежде всего, обусловленность связи между реальной политикой и общественным сознанием, восприятие населением политических, экономических и прочих административных акций и формирование различных образов и стереотипов.

Чрезвычайно актуальна проблема образа власти в многонациональном государстве. Учет культурных различий и этнических ментальностей его населения должен сопутствовать любым управленческим мероприятиям. При этом власть всегда заботится о том, чтобы представить себя в позитивном ракурсе, стремится убедить в своей адекватности, обоснованном прагматизме, способности отвечать на вызовы, умении аккумулировать и разумно (справедливо) распределять экономические ресурсы. Для создания такого представления ей необходимо репрезентовать себя населению. Достигается это посредством визуальных и вербальных образов, актов и символов, выработанных в ходе столетий управленческой практики.

Столь же актуален обратный процесс — репрезентация населения по отношению к правителям. Обратная связь нужна для контроля над ситуацией в государстве, информирования о ней правящих инстанций. Поэтому правительство заинтересовано (во всяком случае, так должно быть) в получении информации непосредственно от граждан/подданных, помимо своих низовых органов и учреждений.

Вопрос о том, каким образом верховная власть старается представить себя в глазах подданных, занимал многих ученых. Постоянный интерес к этой проблеме вызывается не только исследовательским интересом, но и ее практической востребованностью. Меняются формы репрезентации правящей элиты, увеличиваются ее технические возможности (через средства массовой информации, интернет), но суть остается прежней: власть стремится обеспечить лояльность подданных. Делается это не только за счет реальных политических, социальных и экономических акций, но и путем демонстрации, подчеркивания властью своих привлекательных качеств — могущества, справедливости, гуманности, щедрости (как производной от богатства государственной казны), внимания к нуждам народа и проч.

Важнейшим условием успешной взаимосвязи власти и народа является характер коммуникации между ними — «существует ли обратная связь, как часто и каким образом правящая элита общается с народом, насколько она открыта для этих интеракций» [Преснякова 2000: 136].

Все это относится к такой сложной сфере внутригосударственной жизни, как этническая политика. Взаимная репрезентация власти и народов России всегда играла в этой политике важную роль. Предметом наших разысканий в данной статье станет «внутренняя дипломатия» по отношению к калмыкам — как часть этнической политики России XVI–XIX вв. — и олицетворявшие ее ритуалы и потестарные символы. Мы рассмотрим ее с двух противоположных точек обзора: «сверху» — со стороны высшей правящей элиты, и «снизу» — со стороны подданных.

В течение XVII в. калмыки постепенно заселяли Нижнее Поволжье. Они образовали там новое владение во главе с ханом, вассальное по отношению к царю и фактически в пределах Российского государства. Шертными договорами 1654 и 1657 гг. было оформлено, как обычно считается, их вхождение в состав России. Правительство России официально признало существование Калмыцкого ханства в 1664 г.

По подсчетам Ж. Б. Кундакбаевой, только за период 1684–1719 гг. калмыцкие посольства прибывали в Москву 97 раз (русских официальных делегаций к калмыкам за тот же период было 30). Несомненно, это были самые частые визиты по сравнению с депутациями от других российских народов. Правительство стремилось из экономии уменьшить интенсивность контактов. В 1691 г. астраханскому воеводе было велено пропускать в столицу калмыцких посланцев только с наиболее важными делами [Кундакбаева 2006: 531].

Многократно появлявшиеся при дворе калмыки не могли не быть замеченными европейскими наблюдателями. В 1665 г. с ними столкнулся Н. Витсен, не преминувший описать свое впечатление от экзотичных азиатов. Кроме их запоминающегося

облика (низкий рост, желто-коричневая кожа, плоские лица, маленькие глаза, косы на бритых головах, одежда из грубых овечьих шкур, пристрастие к курению табака), он отметил радушие, с которым их принимают в Москве [Витсен 2010: 360–362].

Сам прием описан знаменитым эмигрантом, бывшим подьячим Посольского приказа Г. Котошихиным. Правда, он сочинял свой трактат в 1666 г., естественно, излагая сведения о Московии за более раннее время, когда визитеры из Калмыцкого ханства пока воспринимались как представители самостоятельного государственного образования. Котошихин и рассказывает о них заодно с крымскими и ногайскими послами. Всех их принимали по приблизительно одинаковому протоколу, разве что у крымцев издавна имелось в Москве свое пристанище (Крымский двор в Замоскворечье), ногаи же и калмыки размещались, «где поставят». К посольствам прикомандировывали приставов из московских дворян. Когда наступал назначенный срок явиться на аудиенцию, за ними посылали из царской конюшни оседланных лошадей, «на чем им ехать в город». Татары и ногаи направлялись сперва в Посольский приказ, калмыки — в «профильный» для них Приказ Казанского дворца и затем в государеву резиденцию [Котошихин 1906: 69, 70; РГАДА, ф. 396, оп. 1, д. 11254, л. 6, 11–13, 28, 29].

При этом ранг калмыцких посольств был явно не первостепенным. Царь принимал их не по самому торжественному разряду [Дворцовые разряды 1851: 210]. Он сидел на троне в повседневной одежде, тогда как для встречи с посетителями более высокого статуса облачался в «царское платье». Стоявшие у трона рынды тоже были, хоть и с бердышами, но в ферязях, а не в торжественном «белое платье».

Обязательным элементом посольского обычая, в том числе в сфере «внутренней дипломатии», было одаривание приезжих. Котошихин пишет, что калмыцким послам (а также крымским и ногайским) из казны перед приемом у царя посылался парадный наряд: атласные шубы, суконные однорядки, камчатые кафтаны, лисьи шапки и сапоги. В расходных ведомостях дворцового хозяйства XVII в. в самом деле имеются записи о столь щедрых пожалованиях — правда, не во всем совпадающие с котошихинским перечнем. Драгоценные одеяния фигурируют довольно редко и исключительно по отношению к посланцам ханов и самых высокопоставленных тайшей. Их свита получала сукно разных видов (английское, амбурское) и иногда камку (см., например [РГАДА, ф. 396, оп. 1, д. 8598, л. 1; д. 8615, л. 1; д. 17049, л. 1, 2; д. 17189, л. 1; д. 34702, л. 1; 34819, л. 1; д. 35153, л. 1]). Так же награждались служилые люди, стрельцы и толмачи, которые сопровождали посланцев по пути от Астрахани, по поручению местных воевод [РГАДА, ф. 396, оп. 1, д. 7049, л. 1; д. 7061, л. 1]. И так же — представители донских калмыков, которые селились на землях казачьего Донского войска и не подчинялись калмыцким ханам. В росписях жалованья гонцы от них так и названы: «рядовые казаки» [РГАДА, ф. 396, оп. 1, д. 33712, л. 1, 1 об.; д. 35153, л. 1].

В XVIII в. порядок приема «инородческих» депутаций несколько изменился. В различных источниках зафиксировано посещение знатными калмыками царского двора и правительственных учреждений. Пока существовало ханство, его правителя (им были то хан, то наместник) принимали в Петербурге с должным почетом. В день высочайшей аудиенции из императорской конюшни к месту его постоя присылали или коляску для него, верховых лошадей, или извозчиков для свиты. В сопровождении русского чиновника калмыки следовали во дворец. На приеме им следовало клясться в верности и благодарить за милостивое отношение.

Обобщив процедуру допуска приезжих визитеров к августейшей персоне за несколько лет, Коллегия иностранных дел в 1744 г. составила записку, в которой предлагался порядок аудиенции калмыкам. Явившись перед императрицей, посланцы клянутся в верности ей и благодарят за милость. Та в ответ их «приемлет милостиво и обнадеживает своею императорскою милостию». Иногда с уточнением: «милость» распространяется на «весь [калмыцкий] народ». Если приезжает сам хан или наместник Калмыцкого ханства, то государыня его «всемилостивейше жалует… своим императорским столом» (т. е. приглашает разделить трапезу), а в случае особого расположения — «своим императорским портретом, столом и особливым жалованьем» (т. е. подарками или деньгами) [РГАДА, ф. 156, оп. 1, д. 224, л. 1, 4–9, 15 об., 20–21, 26].

Среди разнообразных политических и дипломатических мероприятий и придвор-

ных увеселений было порой непросто выбрать время для общения с «иноверными» подданными. Трудно было долгое время восседать на троне и терпеливо выслушивать однообразные изъявления верности от посетителей, съехавшихся с разных концов громадной страны. Иногда старались посвятить этому целый день, и тогда депутации шли одна за другой. Так произошло после коронации Елизаветы Петровны, когда аудиенция ради выслушивания поздравлений давалась поочередно: крещеным калмыкам, наместнику Калмыцкого ханства, казахским старшинам, группе башкир и мещеряков [РГАДА, ф. 156, оп. 1, д. 224, л. 1–2].

Если депутации были невысокого ранга, то вместо аудиенции они удостаивались краткого представления. Кроме того, с окончанием эпохи единоличного правления императриц посланцам стали устраивать аудиенции у супруг царствующего монарха. «Культурная программа» пребывания депутации при дворе иногда предусматривала участие их в увеселениях. В сентябре 1743 г. калмыцкая депутация из двух владельцев, шести зайсангов и приставов напросилась взглянуть на маскарадный бал, куда они и были доставлены на казенных конных колясках [РГАДА, ф. 156, оп. 1, д. 224, л. 51–52 об.].

Состав и количество лиц, допускаемых к представлению, согласовывались заранее. Не могло возникнуть ситуации, когда монарх внезапно сталкивался с нежданным визитером. Он заранее решал, желателен ли тот или иной посетитель и как с ним надлежит обходиться. В качестве примера такого предуведомления приведем резолюцию Екатерины II — распоряжение генерал-адьютанту А. М. Голицыну от 20 марта 1764 г.: «Послов калмытских, также и владетеля, завтра поутру после обедни представить можете, естьли меж ими о первенство спор не будет, а естьли спор вы предвидите, то кто первый приехал, того и представьте, и пожалуй прикажите с ними со всякой ласкостию и учтивости[ю] обходиться и прикормите их как возможно больше (орфография источника. – *В. Т.*)» [Сборник 1886: 239].

Деловые визиты занимали калмыцких представителей не меньше, чем официальные мероприятия. Свидетелем двух таких визитов, к канцлеру в Коллегию иностранных дел, был ганноверский посланник Ф.-Х. Вебер. В 1714 г. он наблюдал, как калмыцкий посол, пав ниц перед русским вельможей, вручил ему свиток с посланием от хана и невнятно пробормотал несколько слов. Собеседник ответил: «Это очень хорошо», — и на этом визит завершился. Через пять лет калмыцкий представитель явился к президенту Адмиралтейств-коллегии Ф. М. Апраксину. Визитер проговорил речь, вручил адмиралу сахарную голову и кусок шелка. Затем из кармана была извлечена скомканная бумага — как оказалось, письмо к Апраксину, которое тут же было переведено драгоманом. Вельможа не стал вступать в разговоры с калмыком, а велел подать ему чарку водки и пригласил отобедать. Затем дал ему денег, чтобы нанять лодку для переправы через Неву [Вебер]. Сверхлаконичные ответы были обычны в общении высших лиц империи с посетителями-«иноверцами». В последнем случае угощение водкой и оплата лодки явно выбивались из дипломатического ритуала и свидетельствовали о «домашнем» характере отношений, о поистине внутренней дипломатии. Такое поведение Апраксина трудно представить в общении с европейскими послами.

Имеется интересное сообщение о моральном климате, сопровождавшем организацию таких поездок. В 1731 г. одна степная аристократка писала астраханскому чиновнику: «Калмыцкий нрав таков, что если какой-нибудь владелец намерен ехать к вашему государю, то обычно этого не любят. Особенно не возлюбят, если среди них есть люди, равные мне. Если услышат раньше, то могут помешать» [Сусеева 2009: 382]. Зависть и ревность к удачливым соплеменникам, которым выпала участь посетить столицу «белого царя», оказывается, влияли на организацию калмыцко-русских отношений.

Само прибытие депутации служило основанием для пожалования ее членам. Но порой к факту приезда добавлялись дополнительные причины наградить приезжих. Это могло быть отдаривание за подношения царю; объявление раскаяния за участие в бунте и «принесение вин» или, наоборот, поощрение за неучастие в мятеже; воинская доблесть (для получения награды целые отряды запорожцев и калмыков везли в Москву захваченных в степи татарских языков) (см., например [РГАДА, ф. 396, оп. 1, д. 8210, л. 2; д. 8215, л. 1; д. 8567, л. 1, 1 об.; д. 27264, л. 1; д. 29464, л. 1)].

Со второй половины XIX в. участие представителей народов империи стало непременным элементом торжеств по случаю коронации очередного самодержца. Калмыки всегда присутствовали на них. Вернувшись домой, они делились впечатлениями о своем путешествии в Москву, расписывали великолепную постановку венчания на царство. В доме нойона Тюменя долго, уже после его смерти, висели на стене различные объявления о торжествах, пригласительные и пропускные билеты, привезенные им с коронации Александра II [Победоносцев, Бабст 1864: 344, 345].

Столь же уместным считалось привлечение «инородцев», чтобы отметить другие важные события в царствующей фамилии: юбилеи, бракосочетания, похороны… В последнем случае к протокольной обязанности участвовать в трауре добавлялась порой искренняя печаль об усопшем. В частности, калмыки хранили благодарность Александру III. При нем в 1892 г. был принят закон «Об отмене обязательных отношений между отдельными сословиями калмыцкого народа», по которому ликвидировалась зависимость рядовых калмыков по отношению к кочевой аристократии. Жители Большедербетовского улуса, узнав о его кончине, решили «в память освобождения от обязательных отношений к владельческим сословиям в Бозе почившим императором Александром III» возложить на гроб «царя-освободителя их» серебряный венок. В следующем году большедербетовцы дали поручение возложить венки на могилу «царя-освободителя их» своим посланцам, которые направлялись в Петербург для поздравления Николая II и Александры Федоровны с бракосочетанием. Также постановили в честь усопшего царя отчислять ежегодно 500 рублей «на воспитание детей недостаточных родителей-калмыков» при Ставропольской мужской гимназии [Большедербетовский улус 1894: 3; Большедербетовский улус 1895: 3].

Калмыки выразили скорбь и по поводу смерти бывшего наместника Кавказа великого князя Михаила Николаевича в 1909 г. Они украсили венками его гробницу, а сыну, Николаю Михайловичу, преподнесли изображение Будды и траурный адрес с такими, в частности, словами: «На высоком посту наместника… Михаил Николаевич облагодетельствовал и наш калмыцкий народ, испросив высочайшего… соизволения на дарование душевых земельных наделов» [Депутация калмыков 1910: 3].

Важным компонентом этнической политики и материальным символическим ее воплощением было правительственное (царское) жалованье, выделявшееся с разной степенью регулярности элите подвластных народов. Калмыцким тайшам, стоявшим на страже южных границ, шли драгоценные ткани. В качестве платы за верность шертям для них не жалели разредить казенный гардероб и слали в степные стойбища собольи шубы, лисьи шапки, кожи-юфти, шкурки лис, белок и выдр, не говоря уже о разнообразных сортах сукна [РГАДА, ф. 396, оп. 1, д. 19889, л. 1–5, 19]. От Петра I тайши и их родственники получали венецианский бархат, золотую объярь, атлас, китайскую камку, синий и алый кармазин [РГАДА, ф. 396, оп. 1, д. 30285, л. 10; д. 33773, л. 1, 2]. Рядовые калмыки — участники войн получали водку, табак (целыми пудами), сахар, конфеты, муку, иногда сукна, кожу-юфть на сапоги и небольшие денежные суммы [Дополнения, 1862: 3; РГАДА, ф. 396, оп. 1, д. 30285, л. 10; д. 33773, л. 1, 2; д. 35482, л. 8, 10; Сусеева 2009: 231; Khodarkovsky 1992: 29]. В 1675 г. в Казенном приказе изготовили 1500 суконных шапок и послали князю Г. Г. Ромодановскому для раздачи калмыкам – участникам его будущего похода на Крым [РГАДА, ф. 396, оп. 1, д. 15762, л. 1–4].

Предметы вооружения и военной амуниции передавать «иноверцам», как правило, воздерживались. Калмыки составляли исключение. Основное предназначение их в составе Московского государства заключалось в защите степного пограничья, которое в силу природных условий было открыто для неприятельских вторжений. Военные действия в тех местах велись долгое время по правилам средневековых конных баталий. Да и противники были соответствующими: крымцы, ногайцы, кавказцы. Поэтому иногда Москва участвовала в военной экипировке калмыков. Правда, это участие выражалось в пожалованиях только главным или самым преданным тайшам. Они получали из казны ценные доспехи, украшенные золотом и серебром для демонстрации высокого статуса владельца. В документах Оружейной палаты упоминаются позолоченные и посеребренные латы и их компоненты (зерцала, наручи), шлемы: шапки-мисюрки, железная ерихонская шапка-подшеломник в алом атласе. Составля-

лись их подробные описания для отчетности и во избежание путаницы, воровства и подмены.

Эра огнестрельного оружия, давно наступившая в Европе, в XVIII в. ощущалась и в дальних восточных российских пределах. В виде награды могли быть пожалованы пистолеты, а степняки, обзаведшиеся таким вооружением, просили у властей боеприпасов для стрельбы: пороха, свинца, селитры и серы. Об объеме таких поставок говорит случай из 1739 г., когда калмыцкий хан Дондук Омбо снарядил караван из 40 верблюдов, «чтобы забрать порох, свинец и железо» [Ерофеева 2013: 128; Сусеева 2009: 231, 237, 475, 564]. В XVII в. в степные ставки посылались винтовые и гладкоствольные пищали. Хотя в обычном конном бою это тяжелое и требующее долгого заряжания оружие было малопригодно, факт получения его от государя служил знаком высочайшего расположения и вдохновлял тайшей на верную службу. К тому же пищали для тайшей, как и защитные доспехи, украшались драгоценными металлами и перламутром. Иногда они специально производились в кремлевских мастерских, но порой на юг отправлялись явно импортные изделия. В расходных ведомостях встречаются «черкасские» мисюрки с золотым и серебряным орнаментом, шлемы и пищали со «словами арапскими». Явно церемониальный смысл имели двуглавые орлы в клеймах на прикладах пищалей [РГАДА, ф. 396, оп. 1, д. 9324, л. 1; д. 9327, л. 1; д. 14376, л. 1–3; д. 14681, л. 1, 2; д. 24297, л. 1, 2; д. 24298, л. 1, 2; д. 25208, л. 1, 4; д. 25209, л. 1; д. 25932, л. 1–5; д. 26182, л. 1–4]. Эти пожалования со временем все более обретали вид ритуальных символов. Панцирь, шишак и наручи, дарованные калмыцкому хану Аюке, при его преемниках воспринимались как инсигнии верховного правителя калмыков [Пальмов 1927 II: 153].

В XIX в. геройски проявившим себя на поле боя стало вручаться наградное холодное оружие, золотые сабли и шашки с надписями «За храбрость» [Двенадцатый год 1912: 45, 46; Иванов 1912: 64; Казахско-русские отношения 1961: 522]. Несколько калмыцких предводителей получили их за участие в сражениях во время заграничной кампании 1813–1814 гг. За отвагу в зарубежных походах, в том числе в Битве народов 16–19 октября 1813 г., нойон калмыков-хошеутов, командир Второго калмыцкого астраханского полка, подполковник Серебджаб Тюмень, захвативший под Лейпцигом две вражеские пушки, получил ордена св. Анны 2-й степени, св. Георгия 4-й степени, св. Владимира 4-й степени (а также высший прусский орден Pour le Mérite) [Двенадцатый год 1912: 45, 46]. В начале Первой мировой войны благодарность Николая II другому калмыцкому аристократу, князю Церен-Давиду Тундутову, за сбор средств на нужды армии с населения подведомственных улусов выразилась в ордене св. Анны 3-й степени [Хроника 1914: 3].

Заметим, что при контактах с казахской верхушкой правительство было гораздо более прижимистым, поскольку участие калмыцкой конницы в военных кампаниях представляло для него гораздо большую ценность, чем абстрактная покорность казахских жузов. Соответственно, и выплаты в Калмыцкое ханство назначались заметно более щедрые.

В ряду пожалований «инородческим» предводителям отдельного упоминания заслуживают кареты. Одна была изготовлена для последнего крымского хана Шахин-Гирея, который после отречения от трона жил в России. После отъезда его в османские владения Екатерина II подарила эту карету турецкому послу [Камер-фурьерский церемониальный журнал 1894: 67 (прилож.)]. От Николая I казахскому хану Джангиру доставили карету, запряженную лошадьми. Катание на ней по степи вошло у него в церемониал приема гостей [Зиманов 1982: 103; Сабанщиков 1832: 670]. В отличие от него калмыцкий хан Аюка сотней лет раньше нашел другое применение английской карете, подаренной ему А. Д. Меньшиковым. По сообщению Ф. Х. Вебера, она стояла без движения в его степной ставке и использовалась в качестве своего рода тронного зала: в ней хан принимал посланников соседних государств и устраивал пиры в торжественные дни. Лошадей в нее не запрягали, а дышла отрубили за ненадобностью [Вебер].

Вообще, Аюка активно использовал связи с Россией, чтобы увеличить пышность своего двора (так, как он ее понимал). Принимая китайское посольство в июне 1714 г., он вызвал из Астрахани русских артиллеристов и драгун, чтобы они салютовали и отдавали воинские почести цинским сановникам. Оттуда же приехали

музыканты для концерта в честь визитеров и была привезена выданная напрокат золотая и оловянная посуда [Пальмов 1926: 33]. Такой величественный антураж вселял в хана уверенность и избавлял от необходимости пресмыкаться перед далеким богдыханом.

В этнической политике России довольно развита была культура подношений царям. При высочайших приемах инородческих депутаций и во время поездок членов царствующей фамилии по стране у полиэтничного населения империи появлялась возможность рассказать о своем народе, его обычаях и жизненном укладе, продемонстрировать искусство местных умельцев и — одновременно — искреннюю преданность престолу. Расширить познания такого рода у царя, царицы, цесаревичей, великих князей и т. д. можно было самым наглядным способом: преподнести им продукцию местных промыслов, предметы быта и религиозного неправославного культа, а также специально изготовленные стилизованные изделия с познавательной этнической символикой. Пожалуй, наиболее массивными изделиями из всех подношений были два деревянных трона с серебряными накладками, привезенные донскими калмыками для Николая II и Александры Федоровны в 1908 г. Верные своему вероучению, калмыки поместили на престолах, наряду с двуглавыми орлами, сакральные зооморфные фигуры из буддийской мифологии[1].

Следует заметить, что калмыки часто пользовались случаем, чтобы на фоне беспредельной преданности самодержцу продемонстрировать свою религиозную особость, укорененность в буддийской вере. В Области Войска Донского в 1887 г. венценосная чета и наследник посетили буддийский храм-хурул донских калмыков, где лама поднес им серебряную курильницу тибетского производства. А в 1909 г. от калмыцкой депутации в Царском селе Николай II и цесаревич Алексей получили изображение божества Дара Эхе [Депутация от калмыков 1909: 3]. В газетной информации не уточняется, была ли это скульптура (что вероятнее), или икона. Но ясно, что образ богини милосердия из ламаистского пантеона, «спасительницы от восьми препятствий», предполагал подспудное внушение адресатам дара благосклонного отношения к калмыцким подданным.

Калмыки были давними партнерами русских в торговле скотом. В дар императорам они приводили породистых лошадей. После показа царю или цесаревичу животных бережно переправляли в Петербург. Кроме того, калмыкам царское охотничье хозяйство было обязано ценнейшим предметом аристократической потехи — ловчими хищными птицами.

Знакомство с этническим многообразием империи во время царских поездок по стране не ограничивалось официальными церемониями. По пути венценосцы знакомились с жизненным укладом подданных. Конечно, это знакомство оказывалось беглым и поверхностным. Но какие-то бытовые детали замечались. Александр II во время проезда на Кавказ через земли калмыков в 1871 г. имел возможность увидеть жилище кочевников во всей красе: по всей степи собирали ковры, кошмы, куски разноцветного шелка, чтобы установить и украсить предназначенный только для показа гэр — калмыцкую юрту [Бурдуков 1898: 8]. Эта юрта сооружалась для своеобразной этнографической выставки с целью дать императору представление о том, чем и как живут его калмыцкие подданные. Кроме гэра, был поставлен павильон, в котором разместили жалованные царские грамоты из разных времен, традиционные одежду и оружие. Все экспонаты были осмотрены императором и наследником-цесаревичем, будущим Александром III. Калмыки ловко продемонстрировали визитерам процесс перекочевки и установки такого жилища.

При посещении степных местностей гостям старались показать народные развлечения. Когда цесаревич Александр Александрович по пути из столицы в Крым в 1863 г. заехал в Калмыцкую степь, для него были устроены «увеселения и зрелища». Замысел астраханских чиновников состоял в том, чтобы «показать великому князю в продолжение одного дня всю жизнь и весь быт калмыков в степи». Устроители сочли, что сановным посетителям будет интересен и процесс перегонки молока в водку-арку

[1] В 1927 г., в ходе кампании по распределению столичных музейных фондов между региональными хранилищами, трон царицы из Царскосельского дворца был перевезен в Омск. Сейчас он отреставрирован и находится в Омском музее изобразительных искусств им. М. А. Врубеля. О судьбе второго трона мне неизвестно.

[Победоносцев, Бабст 1864: 415–421].

Скачки всегда были любимым развлечением кочевников. Калмыцкие, казахские, башкирские всадники с удовольствием показывали свое мастерство и удаль, вихрем проносясь перед ликующими земляками и любопытствующими приезжими зрителями. Иногда для солидности зрелища их облачали в одинаковую одежду. Калмыки также устраивали показательные конные состязания среди мальчиков и женщин. И взрослых, и юных победителей, обогнавших соперников на конях или верблюдах, подзывали к царственным особам, и те поощряли их щедрыми призами (часами, деньгами, золотыми монетами) [Бурдуков 1898: 7; Путешествие 1871: 4]. Налицо был весь набор потех и забав кочевников: скачки на лошадях, борьба, соколиная охота, ловля и укрощение диких лошадей, джигитовка, усаживание на землю верблюдов и проч. Наследник решил прокатиться на верблюде, и этим новым впечатлением остался очень доволен. А уж «самодовольствие калмык не имело границ» [Путешествие 1869: 5].

При проезде путешественников через Калмыцкую степь им старались продемонстрировать буддийские храмы и исполнить некоторые религиозные обряды. Ставились кибитка для бакши (старшего ламы) и кочевой разборный хурул, перед ним выстраивались священнослужители и монахи в канонических желтых и красных одеждах, музыканты хурульного оркестра. При приближении высоких гостей начинали реветь длинные трубы, пищать дудки и рожки, грохотать барабаны и литавры. После этого десятиминутного приветствия, которое в одной публикации тех лет названо «страшным молитвенным концертом», прибывших приглашали осмотреть молельню и резиденцию бакши, с удовольствием отвечали на вопросы о смысле обрядов и назначении тех или иных предметов. В честь царственных особ устраивалось богослужение [Победоносцев, Бабст 1986: 389–414; Путешествие 1869: 460–465; Путешествие 1871: 3].

Посещение Новочеркасска и хурула донских калмыков Александром II с женой и сыном в 1887 г. вдохновило местного краеведа Ф. К. Траилина на стихотворный опус:

В казачьей семье доля есть и калмык:
Кочуют они на Задонских степях, —
Забилося сердце степное у них,
Узнавши, что Царь у них будет в гостях…
За городом вмиг, на зеленом ковре,
Калмыцких кибиток явился хутун;
Гостей ожидали восторженно все:
Калмыки, калмычки и каждый гелюн.
Прибыл и взошел в их хурун Государь,
Царица сама и Наследник за ним.
Ламайский богато был убран алтарь;
Стоял тут собором духовный весь чин.
Бакша управлял богомолием сим:
Раздалась молитва о здравьи Гостей –
Царице он ценный поднес фимиам,
Ее обожая по вере своей [Траилин 1872: 113].

Правители калмыков в конце XVII–XVIII в. (ханы и некоторое время наместники) избирались по древним монгольским обычаям на собраниях знати. Нередко возникали распри и междоусобицы по поводу кандидатур, но обрядовая сторона — выбор по воле аристократического собрания — оставалась неизменной. «Вся калмыцкая орда имеет одного начальника, который называется ханом, — писал проехавший через Калмыцкую степь академик И. И. Лепехин на рубеже 1760–1770-х гг. — Ханы выбираются по собственному их (калмыков. — *В. Т.*) изволению и с согласия первенствующей знатности; однако к сему требуется и соизволение российского двора» [Полное собрание 1822: 333]. Однако по мере утраты ханством самостоятельности нарастало вмешательство столичных и особенно астраханских властей в его внутренние дела, в том числе в вопрос о замещении и наследовании должности хана. Для принуждения народа принять кандидатуру правителя, угодную российскому начальству, иногда приходилось вводить на территорию ханства войска и посылать по улусам казачьи разъезды (см. [Позднеев 1886: 158]). Последний хан Убаши был провозглашен по сценарию, полностью разработанному русской стороной [Цюрюмов 2007: 296]. Это был один из тех признаков угасания калмыцкой государственности, которое (в числе прочих факторов) привело к откочевке большинства народа в Джунгарию в 1771 г.

Восшествие на трон в глазах калмыков оказывалось легитимным, если оно не только утверждалось императорским указом, но и имело другое важнейшее основание — инвеституру от Далай-ламы, главы тибетской

ветви буддизма. Вместе с грамотой о присвоении ханского звания и тронного имени из тибетской столицы Лхасы в Калмыцкую степь привозили новую печать. Для оглашения воли тибетского иерарха ставилась «бурханная кибитка», и священнослужитель-гелюнг торжественно, в присутствии русского чиновника, вручал избраннику ханские инсигнии (о них см. ниже). Обычно считается, что это началось с интронизации Аюки в 1690 г., получившего титул и печать от VI Далай-ламы (хотя есть мнение, что еще в 1650 г. V Далай-лама удостоил этим званием деда Аюки, Дайчина). Дарование права на престол из двух источников нисколько не смутило Аюку. Наоборот, вдвое увеличился его авторитет среди равновеликих ему дотоле тайшей. «Святитель Далай-лама пожаловал Аюке ханское достоинство (хан доло) и печать (тамга)… — гласит анонимная калмыцкая хроника XVIII в. — Хотя Аюка и был данником (албату) русского царя, но, не извещая его, принял своей властью это высокое ханское титло» [Лунный свет 2003: 116–117].

В феврале 1737 г. русское правительство объявило ханом Дондук Омбо, но он не смел так титуловать себя, поскольку не получил волеизъявления буддийского первосвященника. В такой же ситуации оказался и следующий хан, Дондук Даши. А вот их предшественник и дядя, Церен Дондук, чувствовал себя уверенно, поскольку обрел от главного ламы и ханскую печать, и сакральное тронное имя Дайчин Шаса Бюджа-хан [Батмаев 2002: 93; Бичурин 1991: 103; Курапов 2007: 96, 156, 168, 169, 189, 190; Пальмов 1927: 164]. Легитимация ханского звания, исходящая из Лхасы, была необходима для обеспечения лояльности к хану со стороны калмыцкой знати. Нойоны и зайсанги соглашались подчиняться только правителю, статус которого был подтвержден всеми тремя источниками законности: избранием съезда князей, российской и тибетской инвеституры.

Самыми распространенными атрибутами инвеституры в российской этнической политике были предметы вооружения и дорогая одежда. Прецедентом здесь, скорее всего, послужила практика одаривания калмыцких предводителей как государей первого присоединившегося к России владения с единоличным правлением. Во всяком случае, инсигнии Нурали — первому хану казахского Младшего жуза, который получил инвеституру от Елизаветы Петровны в 1749 г., назначили «по примеру… калмыцких ханов и их наместников», т.е. точно такие же [Казахско-русские отношения 1961: 445]. Из оружия чаще всего жаловались парадные сабли, ценой в несколько тысяч рублей — в ножнах, покрытые золотом или серебром, драгоценными камнями, иногда с нанесенным именем получателя или императорским вензелем. Вместе с саблей могли вручить железные доспехи. Российские власти стремились утвердить символическое значение жалуемых предметов: «дабы сие калмыки почитали во знак ханства, и, может быть, у них в обычей сие вошло, что кому того (сабли, панциря и щита. – *В. Т.*) не будет дано, тот за прямова хана принят не будет» (цит. по: [История, 2009: 386] (предложение астраханского губернатора А. П. Волынского 1724 г.)[1].

При утверждении статуса Калмыцкого ханства наблюдалось интересное явление, иллюстрировавшее понимание русской правящей элитой места нового владения в системе российской государственности. Первым ханом калмыков был Мунчак (Пунцук), который в 1664 г. шертовал Алексею Михайловичу и получил от него согласие на ханский статус вместе с инсигниями. Таковыми оказались позолоченная серебряная булава, украшенная яшмой, и белое знамя с красной каймой [История 2009: 344]. Насколько мне известно, последующим ханам булава не присылалась. В наделении ею Мунчака мне видится аналогия, которую усматривали кремлевские политики XVII в. между новообразованным Калмыцким ханством и Гетманщиной. Оба автономных образования входили в состав Московского государства (т. е. признавали верховную власть царя), но имели значительные отличия от уездов и воеводств Европейской России и Сибири.

Неформальные отношения с вассалами у российских императоров завязывались нечасто. Исключительным случаем можно считать обоюдное гостеприимство Петра I и калмыцкого хана Аюки в июне 1722. Направляясь на галере по Волге к Каспию, Петр сделал остановку в Саратове, где ему передали просьбу от Аюки о посещении.

[1] Инвеститура от Далай-ламы сопровождалась сходным набором регалий: печатью, шапкой, одеждой, саблей, знаменем и отсутствующим в русской практике седлом [Курапов 2007: 96, 156].

Вскоре хан, который кочевал неподалеку, прибыл с женой, сыном, внуком и свитой. Их переправили на корабль и устроили двухчасовой прием. Гостей представили императрице Екатерине I — спутнице мужа в начавшемся Персидском походе. Петр предпринял «прием приласкания», по выражению Н. Н. Пальмова: обильно кормил и поил калмыков, выслушивал заверения в преданности, подарил им целую коллекцию медалей, выпущенных в честь побед в недавней Северной войне. Затем они спустились на берег и отправились в ставку Аюки. В шатре государя усадили на ханском месте, хан расположился слева от него и угощал чаем с верблюжьим молоком [Батмаев 1993: 194; Пальмов 1929: IV; Походный журнал 1855: 42–44, 69, 92].

Несмотря на независимый нрав этого степного правителя и его временные расхождения с политикой Москвы и Петербурга, память о нем в российском общественном мнении осталась в целом доброжелательная — как о «славном калмыцком хане… известном даже в Китае, ласкаемом Петром Великим, преданным России» [Леопольдов 1850: 64].

Фактическое положение вассальных правителей не позволяло им свободно и по каждому поводу общаться с государем. Повседневные контакты налаживались у них с региональной администрацией. В силу близкого соседства и знания внутреннего состояния инородческих владений она зачастую играла бóльшую роль в их жизни, чем далекие столичные инстанции. И отношения с губернаторами, пограничными воинскими и прочими начальниками у подвластных предводителей выстраивались соответствующие.

Впрочем, это зависело от самоощущения и реального объема власти у правителя. Скажем, Аюка в XVII – первой четверти XVIII в. считал себя привилегированной особой и свои послания к астраханским воеводам и губернаторам называл указами (и те принимали их). Более того, в воеводских обращениях к хану конца XVII в. сквозило уничижение, неподобающее, казалось бы, представителям московского государя: «…Их царского пресветлаго величества подданному слуге и моему добродетелю хану Аюке тайше Мунчакову астраханский меньший воевода Иван Волков челом бьет». Правда, столь откровенное заискивание объяснялось конкретным обстоятельством — необходимостью выпросить у хана провожатых для возвращавшегося из Кабарды русского посольства. Но все же характер взаимоотношений здесь оказывался перевернут с ног на голову: не Аюке обещалась награда в виде государева жалованья, а выполнение им просьбы воевода считал ханским жалованьем себе («я твоего жалованья не забуду») [Письмо 1850: 28].

Такие странные отношения продолжались до тех пор, пока очередной нижневолжский наместник А. П. Волынский не счел это неприемлемым. Он отправил офицера в кочевую ставку Аюки с непрочитанным письмом от него и с увещеванием, что писать *указы* для хана — «не что иное, токмо один стыд». Хан попытался было увести спор в лингвистические детали (в калмыцком языке-де слова *приказ* и *указ* — «невеликие, а великое толкуется «повеление», и кроме бога и его царского величества другого повелителя никакого нет»), но в итоге внял отповеди и перестал озаглавливать свои письма повелительным «указ» [Пальмов 1992: 55]. Его внук, хан Дондук Даши, в 1740-х гг. действовал уже совсем в иной модальности и подписывал свои послания к астраханскому губернатору «Ваш младший брат» (*тани инаг дөү*) [Сусеева 2009: 625, 626, 631, 632, 642, 645, 646, 651, 652][1].

Рассмотрение связей между калмыками и российскими властями в XVII–XIX вв. показывает, что в межэтнических межэлитных отношениях абсолютно господствовали вертикальные связи: «снизу вверх», от периферии к Центру. Это была закономерность российской внутренней политики. Требовалось сохранять репутацию монарха как арбитра, заступника, охранителя привилегий, карателя отступивших от установленных норм жизни в государстве. При этом упования на пресечение несправедливостей обычно не связывались с царским сановным окружением: боярами, министрами, высшими генералами. Горизонтальные же межэлитные связи были гораздо слабее — ввиду своей малой полезности в условиях самодержавного правления и всевластия бюрократии. Так выстраивалась четкая и жесткая пирамидальная структура отношений, пронизывающая все уровни управления, социальной жизни и даже культурно-религиозную сферу. При этом терпимость к институтам традиционной политической

[1] Однако это, кажется, не было характерно для других калмыцких ханов.

культуры позитивно воспринималась в среде «инородческого» населения, примиряла его с административными нововведениями российских властей.

Непосредственные, пусть и эпизодические, контакты власти с «инородцами» представляли собой дополнительный канал информации о положении в провинциях, средство получения сведений от самого нижнего социального слоя подданных, через голову стоящего над ними многочисленного и многоступенчатого начальства. Высшее руководство империи имело еще одну возможность для сбора сведений о ситуации на местах и, таким образом, еще один инструмент контроля над управленческими органами в регионах. Теоретическая возможность пробиться во дворец или приблизиться к государю во время его путешествий по стране и рассказать о своих нуждах являлась, кроме того, своеобразным амортизатором протеста.

Источники

Российский государственный архив древних актов (РГАДА)

Литература

Батмаев М. М. Калмыки в XVII–XVIII веках. События, люди, быт. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1993. 381 с.

Батмаев М. М. Социально-политический строй и хозяйство калмыков в XVII–XVIII вв. Элиста: Джангар, 2002. 400 с.

Бичурин Н. Я. (Иакинф). Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1991. 128 с.

Большедербетовский улус, Ставроп. губ. // Северный Кавказ. 1894. 11 декабря. С. 3.

Большедербетовский улус, Ставроп. губ. // Северный Кавказ. 1895. 26 февраля. № 17. С. 3.

Бурдуков Н. Император Александр II (В Калмыцкой степи в 1871 г.) // Гражданин. 1898. 8 ноября. С. 6–8.

Вебер Ф. Х. Записки Фридриха Вебера о Петре Великом [Электронный ресурс] // URL: http://www.bibliotekar.ru/reprint-44/ (дата обращения: 03.08.2014).

Витсен Н. Северная и Восточная Тартария, включающая области, расположенные в северной и восточной частях Европы и Азии. Т. I / пер. с гол. В. Г. Трисман; ред. и науч. рук. Н. П. Копанева, Б. Наарден. Амстердам: Pegasus, 2010. 624 с.

Двенадцатый год // Русско-калмыцкий календарь на 1912 год. Астрахань: Б. изд., 1912. С. 28–50.

Дворцовые разряды. Т. 3. 1645–1676 г. СПб.: тип. II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1851. 838 с.

Депутация калмыков // Северокавказская газета. 1910. 8 декабря. С. 3.

Депутация от калмыков // Астраханский вестник. 1909. 24 февраля. С. 3.

Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 8. СПб.: тип. Э. Праца, 1862. 368 с.

Ерофеева И. В. «Между всеми старшинами знатнейший». Первый казахский тархан Жанибек Кошкарулы. Алматы: Б. изд., 2013. 308 с.

Зиманов С. З. Россия и Букеевское ханство. Алма-Ата: Наука, 1982. 171 с.

Иванов М. О наградах, полученных калмыками за отличия в военных действиях 1807–1814 гг. // Русско-калмыцкий календарь на 1912 год. Астрахань: Б. изд., 1912. С. 61–79.

История Калмыкии с древнейших времен до наших дней. Т. 1 / отв. ред. К. Н. Максимов, Н. Г. Очирова. Элиста: Издат. дом «Герел», 2009. 848 с.

Казахско-русские отношения в XVI–XVIII веках (Сборник документов и материалов) / под ред. В. Ф. Шахматова, Ф. Н. Киреева, Т. Ж. Шоинбаева. Алма-Ата: Изд-во АН Казах. ССР, 1961. 760 с.

Камер-фурьерский церемониальный журнал 1794 года. СПб.: тип. Глав. упр. уделов, 1896. 1068 с.

Котошихин Г. О России в царствование Алексея Михайловича. СПб.: тип. Глав. упр. уделов, 1906. 248 с.

Кундакбаева Ж. Б. «Прислал де их Аюкай тайша бить челом великому государю царю…» (Приезд в Москву калмыцких посланников во второй половине XVII в.) // Иноземцы в России в XV–XVII веках. Сб. мат-лов конф. 2002–2004 гг. / отв. ред. С. П. Орленко. М.: Древлехранилище, 2006. С. 520–532.

Курапов А. А. Буддизм и власть в Калмыцком ханстве XVII–XVIII вв. Элиста: Джангар, 2007. 248 с.

Леопольдов А. Ф. О проезде вдовы калмыцкого хана Аюки Дарма Басна через Царицын // Саратовские губернские ведомости. 1850. № 17. С. 64–65.

Лунный свет. Калмыцкие историко-литературные памятники / ред.-сост. А. В. Бадмаев. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2003. 476 с.

Пальмов Н. Н. Очерк истории калмыцкого народа за время его пребывания в пределах России. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1992. 160 с.

Пальмов Н. Н. Этюды по истории приволжских калмыков. Ч. I. XVII и XVIII века. Астрахань: Калм. област. исполн. ком., 1926. 266 с.

Пальмов Н. Н. Этюды по истории приволжских калмыков. Ч. II. XVIII век. Астрахань: Калм. област. исполн. ком., 1927. 238 с.

Пальмов Н. Н. Этюды по истории приволжских калмыков. Ч. III–IV. Ограничительные мероприятия правительства в отношении к калмыкам. Астрахань: Калм. област. исполн. ком., 1929. 402 с.

Письмо астраханского воеводы Ивана Волкова к калмыцкому хану Аюке // Временник Московского общества истории и древностей российских. Кн. 5. М., 1850. Смесь. С. 28 (отд. паг.).

Победоносцев К. П., Бабст И. Письма о путешествии государя наследника цесаревича по России от Петербурга до Крыма. М.: тип. Грачева и комп., 1864. 578 с.

Позднеев А. М. Астраханские калмыки и их отношения к России до начала нынешнего столетия // Журнал Министерства народного просвещения. 1886. Ч. 244. С. 140–170.

Полное собрание ученых путешествий по России. Т. 4. Продолжение записок путешествия академика Лепехина. СПб.: тип. имп. Акад. наук, 1822. 440 с.

Походный журнал 1722 года. СПб.: Б. изд., 1855. 196 с.

Преснякова Л. А. Структура личностного восприятия политической власти // Полис. 2000. № 4. С. 135–140.

Путешествие его императорского высочества государя великого князя Николая Николаевича старшего, генерал-инспектора по инженерной части и кавалера. III // Русский инвалид. 1871. 20 мая. С. 3–4.

Путешествие их императорских высочеств государя наследника цесаревича, государыни цесаревны и великого князя Алексия Александровича в Земле Войска Донского // Русский инвалид. 1869. 26 августа. С. 2–5.

Сабанщиков. Рын пески // Заволжский муравей. 1832. Ч. II. № 12. Июнь. С. 660–678.

Сборник Русского исторического общества. Т. 51. Политическая переписка Екатерины II. Ч. 2. 1763 и 1764 г. / изд. под наблюд. Ф. А. Бюлера. М.: Унив. тип., 1886. 616 с.

Сусеева Д. А. Письма калмыцких ханов XVIII века и их современников (1713–1771 гг.). Избранное. Элиста: Б. изд., 2009. 991 с.

Траилин Ф. К. О посещении государем императором Области войска Донского 12, 13 и 14 августа 1872 года. Новочеркасск: Обл. войска Донского тип., 1872. 120 с.

Хроника. От и.д. губернатора // Астраханские ведомости. 1914. 21 ноября. С. 3.

Цюрюмов А. В. Калмыцкое ханство в составе России: проблемы политических взаимоотношений. Элиста: Джангар, 2007. 464 с.

Khodarkovsky M. Where Two Worlds Met. The Russian State and the Kalmyk Nomads, 1600–1771. Ithaca; London: Cornell univ. press, 1992. 292 p.

Sources

[The Russian State Archives of Ancient Acts]. (In Russ.)

References

[Addenda to Historical Acts, Collected and Published by the Archaeographic Commission]. Vol. 8. St. Petersburg: E. Prats's Print. shop, 1862. 368 p. (In Russ.)

[Bolshederbet Ulus, Stavropol Region]. *North Caucasus*. 1894. 11 December. P. 3. (In Russ.)

[Bolshederbet Ulus, Stavropol Region]. *North Caucasus.* 1895. 26 February. No. 17. P. 3. (In Russ.)

[Chamber Fourier Ceremonial Magazine, 1794]. St. Petersburg: Print. shop of the Main Department of Crown Domain, 1896. 1068 p. (In Russ.)

[Chronicle. From the Acting Governor]. *Astrakhan Bulletin*. 1914. 21 November. P. 3. (In Russ.)

[Collection of the Russian Historical Society. Vol. 51. Political Correspondence of Catherine II]. Part 2. 1763 and 1764. F. A. Bühler (ed.). Moscow: Univ. Print. shop, 1886. 616 p. (In Russ.)

[Complete Collection of Scientific Traveling in Russia. Vol. 4. Continuation of Travel Notes of Academician Lepekhin]. St. Petersburg: Print. shop of Imper. Acad. of Sciences, 1822. 440 p. (In Russ.)

[History of Kalmykia from the most Ancient Times to the Present Day]. Vol. 1. K. N. Maksimov, N.G. Ochirova (ed.) Elista: Gerel, 2009. 848 p. (In Russ.)

[Kazakh-Russian Relations in the XVI–XVIII centuries (Collection of Documents and Materials)]. V. F. Shakhmatov, F. N. Kireev, T. J. Shoinbayev (ed.). Alma-Ata: Publ. House of the Kazakh SSR Acad. of Sciences, 1961. 760 p. (In Russ.)

[Letter from the Governor of Astrakhan Ivan Volkov to the Kalmyk Khan Ayuka]. *Chronicle of the Moscow Society of Russian History and Antiquities.* Book 5. Moscow, 1850. P. 28. (In Russ.)

[Moonlight. Kalmyk Historical and Literary Monuments]. A. V. Badmaev (ed.). Elista: Kalm. Book Publ., 2003. 476 p. (In Russ.)

[Palace Ranks]. Vol. 3. 1645–1676. St. Petersburg: Print. shop of the II Department of His Imperial Majesty's Administrative Office, 1851. 838 p. (In Russ.)

[The 12th Year]. In: [Russian-Kalmyk Calendar for 1912]. Astrakhan: w/o publ., 1912. Pp. 28–50. (In Russ. and Kalm.)

[The Journey of his Imperial Highness the Grand Duke Nikolai Nikolaevich the Senior, Inspector General for Engineering and Knight. III]. *Russian Invalid.* 1871. 20 May. Pp. 3–4. (In Russ.)

[The Journey of their Imperial Highnesses the Sovereign Heir, the Sovereign Princess and Grand Duke Alexei Alexandrovich in the Land of the Don Army]. *Russian Invalid*. 1869. 26 August. Pp. 2–5. (In Russ.)

[The Kalmyk Deputation]. *Astrakhan Bulletin*. 1909. 24 February. P. 3. (In Russ.)

[The Kalmyk Deputation]. North-Caucasian Newspaper. 1910. 8 December. P. 3. (In Russ.)

[Travel Journal of 1722]. St. Petersburg: w/o publ., 1855. 196 p. (In Russ.)

Batmaev M. M. [Kalmyks in the XVII–XVIII Centuries. Events, People, Way of Life]. Elista: Kalm. Book Publ., 1993. 381 p. (In Russ.)

Batmaev M. M. [Social and Political System and Economy of Kalmyks in the XVII–XVIII cent.]. Elista: Dzhangar, 2002. 400 p. (In Russ.)

Bichurin N. Ya. (Iakinf). [Historical Review of Oirats or Kalmyks from the XV century to the Present Day]. Elista: Kalm. Book Publ., 1991. 128 p. (In Russ.)

Burdukov N. [Emperor Alexander II (In the Kalmyk Steppe in 1871)]. *Citizen*. 1898. 8 November. Pp. 6–8. (In Russ.)

Erofeeva I. V. ["Among all the Foremen the most Noble". The first Kazakh Tarkhan Zhanibek Koshkaruly]. Almaty: w/o publ., 2013. 308 p. (In Russ.)

Ivanov M. [On Awards Received by the Kalmyks for Distinguished Service in Military Operations 1807–1814]. In: [Russian-Kalmyk Calendar for 1912]. Astrakhan: w/o publ., 1912. Pp. 61–79. (In Russ.)

Khodarkovsky M. Where Two Worlds Met. The Russian State and the Kalmyk Nomads, 1600–1771. Ithaca; London: Cornell univ. press, 1992. 292 p. (In Eng.)

Kotoshikhin G. [Concerning Russia during the Reign of Alexei Mikhailovich]. St. Petersburg: Print. shop of the Main Department of Crown Domain, 1906. 248 p. (In Russ.)

Kundakbaeva J. B. ["Ayukai Taisha Sent them to Bow Low to the Great Tsar ...". (Arrival of Kalmyk Envoys to Moscow in the second half of the XVII cent.)]. In: [Foreigners in Russia in the XV–XVII cent.]. Conf. proc. 2002–2004. S. P. Orlenko (ed.). Moscow: Drevlekhranilishche, 2006. Pp. 520–532. (In Russ.)

Kundakbaeva J. B. ["By Sign of Grace of His Imperial Majesty". Russia and the Peoples of the North Caspian Sea in the 18th Century]. Moscow: AIRO-XXI; St. Petersburg: Dm. Bulanin, 2005. 304 p. (In Russ.)

Kurapov A. A. [Buddhism and Power in the Kalmyk Khanate of the XVII–XVIII cent.]. Elista: Dzhangar, 2007. 248 p. (In Russ.)

Leopoldov A. F. [About Travel of the Darma Basna, Widow of Kalmyk Khan Ayuka, through Tsaritsyn]. *Saratov Provincial Bulletin*. 1850. No. 17. Pp. 64–65. (In Russ.)

Palmov N. N. [Essay on the History of the Kalmyk People during his Stay within Russia]. Elista: Kalm. Book Publ., 1992. 160 p. (In Russ.)

Palmov N. N. [Etudes on the History of the Volga Kalmyks. Part III–IV. Restrictive Measures of the Government in Relation to the Kalmyks]. Astrakhan: Kalmyk regional executive committee, 1929. 402 p. (In Russ.)

Palmov N. N. [Etudes on the History of the Volga Kalmyks. Part II. XVIII century]. Astrakhan: Kalmyk regional executive committee, 1927. 238 p. (In Russ.)

Palmov N. N. [Etudes on the History of Volga Kalmyks]. Part I. XVII and XVIII centuries. Astrakhan: Kalmyk regional executive committee, 1926. 266 p. (In Russ.)

Pobedonostsev K. P., Babst I. [Letters on the Voyage of the Tsesarevich Heir around Russia from St. Petersburg to the Crimea]. Moscow: Grachev and Comp.'s Print. shop, 1864. 578 p. (In Russ.)

Pozdneev A. M. [Astrakhan Kalmyks and their Relations with Russia up to the Beginning of the Present Century]. *Journal of the Ministry of National Education.* 1886. Part 244. Pp. 140–170. (In Russ.)

Presnyakova L. A. [Structure of a Personal Perception of the Political Power]. *Polis*. 2000. No. 4. Pp. 135–140. (In Russ.)

Sabanshchikov. [The Ryn-Peski Desert]. *Zavolzhskiy Ant.* 1832. Part II. No. 12. June. Pp. 660–678. (In Russ.)

Suseeva D. A. [Letters from the Kalmyk Khans in the 18th century and their Contemporaries (1713–1771)]. Selected Works. Elista: w/o publ., 2009. 991 p. (In Russ.)

Trailin F. K. [Concerning the Visit of His Majesty the Emperor to the Region of the Don Cossack Army on 12, 13 and 14 August 1872]. Novocherkassk: Print. shop of the Don Cossack Army, 1872. 120 p. (In Russ.)

Tsyuryumov A. V. [Kalmyk Khanate within Russia: Problems of Political Relations]. Elista: Dzhangar, 2007. 464 p. (In Russ.)

Vitsen N. [Northern and Eastern Tartaria, Including Areas Located in the Northern and Eastern Parts of Europe and Asia]. Vol. I. V. G. Trisman (transl.). N. P. Kopaneva, B. Naarden (ed.). Amsterdam: Pegasus, 2010. 624 p. (In Russ.)

Weber F. H. [Notes by Friedrich Weber about Peter the Great]. An Internet resource: http://www.bibliotekar.ru/reprint-44/ (accessed: 3 August, 2014). (In Russ.)

Zimanov S. Z. [Russia and the Bukeyev Khanate]. Alma-Ata: Nauka, 1982. 171 p. (In Russ.)

ББК 63.3 (2 Рос – Калм)
УДК 94

КАЛМЫКИ В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

Kalmyks in World War I

К. Н. Максимов (K. Maksimov)[1]

[1]доктор исторических наук, зав. отделом истории и археологии Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Ph.D. of History, Head of the History and Archeology Department at the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS). E-mail: kigiran@mail.ru.

В статье рассматриваются вопросы участия донских военных частей, в составе которых служили и воевали калмыки, в кампании 1914–1915 гг. Первой мировой войны. Обращено внимание на боевые действия донских казачьих полков, на их результаты, подвиги казаков, в том числе и калмыков. Показаны общие трофеи, потери, награды офицеров и казаков, указаны отдельные, наиболее отличившиеся и получившие награды калмыки, воевавшие в составе донских военных частей.

Ключевые слова: Первая мировая война, Россия, фронт, армия, корпус, дивизия, область Войска Донского, донские казачьи полки, казаки, калмыки, сражения, противник, трофеи, потери, награды.

The article examines the issues of World War I and the participation of the Don Cossacks military units as part of the Russian army. 60 Don Cossacks Regiments and a considerable number of stand-alone and special sotnias (companies), as well as gun battalions were distributed along all front army divisions. The forthcoming theatre of war would encompass 2,125 generals and military officers, and 72,830 men of lower ranks, including 3,102 Kalmyks, in the Don Regiments and sotnias. At the outbreak of the war the number of generals and officers increased to 2,292, and the lower ranks totaled 888, 249 men, including 3,760 Kalmyks. All Kalmyks, who were not singled out by their ethnic descent, did military service in almost every Don Cossack regiment and other military units.

During the battles of 1914–1915 the Don Cossack military units, which consisted of Kalmyks among others, captured 251 officers, 26 doctors, and 21,199 lower-rank military men of the enemy, and gained numerous trophies. 44 officers (including 2 Kalmyks) of the Don Cossack regiments were awarded the Order of St. George, and 99 officers (including 5 Kalmyks) received honorable St. George Swords, 13,697 Cossacks (including 598 Kalmyks) were awarded the Cross of St. George and 11,076 Cossacks (including 195 Kalmyks) were granted St. George Medals.

In 1915 Germany did not achieve its goal to defeat and deactivate the Russian army. The Don military units that succeeded in major and minor military operations and battles stood the proof of the first military campaign and retained operational capability with honor, and acquired the experience of contemporary warfighting.

Keywords: World War I, Russia, front, army, corps, division, the Don Cossack Host region, Don Cossack regiments, Cossacks, Kalmyks, battles, enemy, trophies, losses, awards.

Сто лет назад началась Первая мировая война, назревавшая из-за резко обострившихся отношений между ведущими странами Европы. Поводом к ней послужил произведенный сербским террористом 15 (28) июня 1914 г. в г. Сараеве смертельный выстрел в австро-венгерского наследника престола эрцгерцога Франца-Фердинанда и его супруги Софии Хотек. 15 (28) июля 1914 г. Австро-Венгрия объявила войну Сербии, 19 июля (1 августа) 1914 г. Германия — России. Российская империя оказалась втянутой в кровопролитную войну на стороне одной из противоборствующих коалиций.

Вопреки утверждению А. Асташова о том, что в годы Первой мировой войны «были исключены из планов мобилизации» финны, турки, курды, калмыки и др., как находившиеся вне европейской России [Асташов 2014: 18], вместе со всеми народами России в войне приняли участие и калмыки — как непосредственно в боевых действиях в составе военных частей, так и на военных тыловых работах. Они оказали помощь фронту лошадьми и другими видами скота на транспортные и продовольственные нужды армии. Калмыцкое население в значительных размерах поставило фронту продовольствие,

теплые вещи, собрало и сдало денежные средства.

К моменту объявления Германией войны на западных границах России были развернуты войска двух фронтов: Северо-Западного (командующий — генерал от инфантерии Я. Г. Жилинский, начальник штаба – генерал В. А. Орановский) в составе 1-й и 2-й армий; Юго-Западного (командующий — генерал от артиллерии Н. И. Иванов, начальник штаба — генерал М. В. Алексеев) в составе 3-й, 4-й, 5-й и 8-й армий. Верховным главнокомандующим 20 июля (2 августа) 1914 г. император назначил великого князя Николая Николаевича, начальником штаба Ставки — генерал-лейтенанта Н. Н. Янушкевича (его адъютантом являлся корнет лейб-гвардии Гродненского гусарского полка, калмыцкий князь Данзан Церенович (Дмитрий Давыдович) Тундутов).

Кавказская армия (командующий – генерал от инфантерии Н. Н. Юденич) была создана осенью 1914 г. в связи с вступлением Турции в войну на стороне Германии.

Находившиеся на двух фронтах донские казачьи полки, отдельные и особые донские казачьи сотни, артиллерийские дивизионы были распределены почти по всем армиям. На предстоящих театрах военных действий на Западе и на Кавказе в составе российской армии находились 56 донских казачьих полков, в том числе 2 гвардейских, 1 пешая бригада, более 30 отдельных и особых донских казачьих сотен, 8 донских артиллерийских дивизионов в количестве 16 батарей и еще 3 артиллерийские батареи. Остальные 4 донских полка (36-й, 43-й, 54-й, 58-й) и 1 отдельная казачья сотня располагались в других местах.

Накануне войны в строевых частях области Войска Донского состояло 16 генералов, 2292 офицера и 88249 нижних чинов, в том числе 3760 калмыков-казаков, 87317 лошадей (верховых — 80687, артиллерийских — 2893, обозных — 3737). Из них на предстоящем театре военных действий в 60 донских казачьих полках – лейб-гвардии Казачьем его величества и лейб-гвардии Атаманском его императорского высочества государя наследника цесаревича, номерных с 1 по 58 — находились 2125 генералов и офицеров, 72830 нижних чинов, в том числе 3102 калмыка-казака.

Калмыки-казаки, не выделявшиеся по национальному признаку, служили почти во всех донских казачьих полках и других частях. В лейб-гвардии Казачьем его величества полку, как известно лишь по наградному делу, служил урядник Даржа Попов, удостоенный Георгиевского креста 4-й степени за подвиг, совершенный 23 октября 1914 г. на разведке в тылу врага. В лейб-гвардии Атаманском его императорского высочества наследника цесаревича полку служили 20 калмыков-казаков, в их числе Георгиевские кавалеры, награжденные двумя крестами: старший урядник Эрдни Эрдниевич Шарапов (3-й и 4-й степени) и Багла Сафонов в 4-й сотне; награжденные Георгиевскими крестами 4-й степени — приказный Владимир Даржинович Мушанов и казак Бадьма Учурович Бурсаков в 5-й сотне, во 2-й сотне — Зула Зудьбинов (погиб в бою 4 августа 1914 г.), Александр Абушинов, Санжа Бурсаков, Александр Саргинов. В наградном документе говорится, что «у казака Александра Абушинова 4 августа 1914 г. во время конной атаки на немецкую пехоту была убита лошадь, ранен в левую руку, несмотря на это, он продолжал в упор расстреливать неприятеля. Продолжал вести огонь до тех пор, пока не был ранен в голову. Представлен он к награждению Георгиевским крестом 4-й степени» [РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 30. Л. 30, 72–73].

В 4-м Донском казачьем графа Платова полку несли службу 8 калмыков, в 5-м Донском казачьем генерала Власова полку — 25 калмыков. В 9-м Донском казачьем генерала Орлова-Денисова полку служили 9 калмыков; в 19-м Донском казачьем полку – 25 калмыков, в их числе сотник, войсковой старшина Николай Цебикович Мангатов, награжденный за подвиг в сентябре 1914 г., когда он, «командуя офицерским разъездом, определил главное направление германских сил», почетным Георгиевским оружием, погиб 21 ноября 1914 г., а также урядник С. Н. Бургудуков, награжденный Георгиевскими крестами 3-й и 4-й степеней. В 26-м полку служили 22 калмыка-казака, в том числе 5 Георгиевских кавалеров (приказные Санжа Дентилинов, Авэ Настинов, Даржа Буринов, а урядники Церен Джувинов и Леонид Анбушинов к 1917 г. удостоились Георгиевских крестов всех 4-х степеней). В наградном документе отмечается, что «разъезд 26-го полка под командованием сотника Дронова Л.К. из 12 человек, в том числе приказные Буринов Даржа, На-

стинов Авэ, Дентилинов Санжа, при атаке 27 июля 1915 г. зарубили 20 солдат противника и взяли в плен 14» [ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 1464. Л. 17].

В 20-м полку 3-й Донской казачьей дивизии несли службу 3 калмыка-казака, в 21-м полку — 3 калмыка-казака, в 22-м полку – 31 калмык-казак, в их числе хорунжий, затем поручик Гавриил Эрдниевич Тепкин, будущий полковник, командир Зюнгарского донского казачьего полка, награжденный многими орденами и Георгиевским оружием. В 25-м полку служили 4 калмыка-казака, одним из них был войсковой старшина (в реляции о награждении «полковник») Батыр Саксыкович (Борис Леонидович) Мангатов, награжденный в 1915 г. Георгиевским оружием. В реляции из приказа № 367 по войскам 5-й армии отмечалось: «Командуя частями лавы 2 и 4 сотен, пренебрегая своей личной опасностью, под сильным ружейным огнем, одним из первых ворвался на фольварк, увлек примером личной храбрости за собой сотни, чем способствовал дальнейшему продвижению конных частей. Подвиг этот дал возможность завершить атаку полным истреблением противника, захватить трофеи и пленных. После этой атаки соседний стрелковый полк перешел в наступление без единого выстрела». В этом же полку служил есаул (будущий полковник) Андрей Антонович Батырев [ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 42. Л. 525, 637]. В 29-м полку служили 3 калмыка-казака, в 27-м полку несли службу 3 калмыка-казака, в их числе Георгиевский кавалер Иван Бадьминович Шарапов. Как свидетельствуют наградные документы, в 34-м Донском казачьем полку служил сотник Эренжен Дакугинов, награжденный орденом Св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость» [Донские областные ведомости. № 267. 21 ноября 1914 г.].

В 36-м Донском казачьем полку служили 7 калмыков-казаков, в 38-м полку — известен 1 по наградным документам. В 39-м полку служили около 100 калмыков-казаков, а по документам известны фамилии 37 человек, в их числе урядник Александр Учурович Иванов. В 40-м полку служили 8 калмыков-казаков, в 41-м полку — 5 калмыков-казаков, в 43-м полку — 9 калмыков-казаков, в их числе подхорунжий Ока Иванович Городовиков, будущий генерал-полковник Красной Армии, а также Хече Васильевич Городовиков. В 49-м полку служили 5 калмыков-казаков, в 50-м полку служил калмык-казак Яков Белоусов, в 53-м полку — 3 калмыка-казака, в 54-м полку — 2 калмыка-казака, в 56-м полку — 6 калмыков-казаков, в 57-м полку — 14 калмыков-казаков, и в других полках [РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 30. Л. 110–113, 118; Ф. 5048. Оп. 1. Д. 227. Л. 20].

Калмыки-казаки несли службу в отдельных, особых казачьих сотнях и в донских казачьих артиллерийских батареях. Известны участники Первой мировой войны Х. Б. Кануков, В. А. Хомутников, К. Э. Илюмжинов, братья Зара (заслужил 2 Георгиевские медали) и Керядык Басановичи Сафоновы (Баглаевы), Е.А. Басанов, Илюмжа Сельдинов, Андрей Поякович Шарапов, Э. Л. Яманов, Георгиевские кавалеры С. Бургудуков, Бадьма Манжиков, Бадьма Шарманжинов, Даржа Урсунов, Ульян Батырев, Санчир Алексеев, Бембя Умасов, Федор Салынов, Мужик Натырович Юнзунов, Дюртинов, Басан Имкинов, Учур Лузанов, Василий Уркусов, Гавриил Бадынов, Санжа Бембеков, Бембя Дженгуров, Бадьма Илюмжинов, Иван Илюмжинов, урядник Куваков, Бадьма Мартышкин, Козьма Сасыков, Куберла Зодьбинов, Ренцен Канинов, Иван Цеденов, Сармутка Шарапов [Донские областные ведомости. Приложения: 1915 г. № 18. 13.09, № 23. 15.08, № 24. 23.08, № 36. 15.11, № 38. 29.11, № 41. 20.12; 1916 г. № 4. 24.01, № 9. 28.02, № 13. 27.03, № 15. 10.04, № 18. 12.07, № 22. 29.05, № 28. 12.06, № 29. 17.07, № 39. 25.09; 1917 г. № 11. 12.03] и мн. др.

В 15-й казачьей артбатарее 7-го Донского казачьего артдивизиона служил Кука Чебунович Даванушов, в 16-й артбатарее 8-го Донского казачьего артдивизиона — Бабак Учурович Андреев. В отдельной казачьей сотне (номер не указан) служил хорунжий Бадьма Бакбушев, удостоенный ордена Св. Анны 3-й степени с мечами и бантом, с формулировкой «император пожаловал за особые труды, вызванные обстоятельствами текущей войны, с 1 января 1915 г.» [Донские областные ведомости. № 129. 9 июня 1915 г.]. Это далеко не полный список калмыков-казаков, несших службу в составе донских казачьих полков в годы Первой мировой войны. В годы войны на фронте воевали все калмыки-казаки, находившиеся в строевых частях, в том числе 10 офицеров (Н. Ц. Мангатов, Б. С. Мангатов, Э. Дакугинов, Г. Э. Тепкин, Б. Бакбушев, А. А. Батырев, П. У. Кусинов, В. Э. Урху-

сов, Б. И. Абушинов, А. П. Болдырев), а с поступившими пополнениями в войне участвовало более 4 тысяч человек.

Военная кампания 1914 г. началась 5 (18) августа наступлением на Восточном фронте русской армии, основной целью которого являлось стремление помочь англо-французам, оттянуть часть немецких сил с их Западного фронта на Восточный. Выполнение этой задачи возлагалось на Северо-Западный фронт в составе 1-й и 2-й армий. Им противостояла 8-я германская армия (командующий — генерал Притвиц). Уже 17 августа передовые части III и IV корпусов I-й армии, в составе которых находились 34-й и 44-й донские казачьи полки, вступили в сражение на подступах к г. Сталюпенену, заставив немцев отступить к Гумбиннену. В ходе боев и партизанских рейдов 1914–1915 гг. 34-й Донской казачий полк потерял убитыми 1 офицера и 26 казаков, ранения получили 2 офицера и 81 казак, пропали без вести 154 казака, попали в плен 3 офицера и 12 казаков. Полк захватил в плен 2 офицера и 58 нижних чинов, трофеи — 5 зарядных ящиков, 54 лошади, 79 ружей и другие вещи военного назначения. За боевые подвиги 2 офицера полка удостоились орденов Святого Георгия и 1 офицер — почетного Георгиевского оружия, 325 казаков — Георгиевских крестов, 178 казаков – Георгиевских медалей.

44-й Донской казачий полк, участвовавший в этих событиях, пострадал несколько менее. Его потери составили 13 казаков убитыми и 29 казаков ранеными, 2 офицера были ранены, 3 казака пропали без вести, 1 казак попал в плен. В этих боях захватил в плен 22 нижних чина, 2 тыс. сабель, 3 автомобиля и 47 лошадей. За мужество и образцовое выполнение боевых заданий 203 казака заслужили Георгиевские кресты и 123 казака — Георгиевские медали.

В боях за Гумбиннен активно участвовал корпус Хана-Гусейна Нахичеванского, в нем действовали 1-й и 2-й донские казачьи полки. Особенно отличился 3-й Донской казачий полк Ермака Тимофеева во главе с полковником Разгоновым в корпусе генерала В. И. Гурко. По результатам боевых действий 3 офицера этого полка удостоились почетных Георгиевских оружий, 324 казака — Георгиевских крестов и 113 казаков — Георгиевских медалей. Но и потери полка были значительны — из 26 офицеров 5 (19,2 %) были убиты, 2 (7,7 %) попали в плен, 8 (30,76 %) ранены, из 832 казаков погибли 82 (10 %), ранены 145 (17,4 %), без вести пропали 22 (2,6 %) казака. В ходе сражений полк взял в плен 97 нижних чинов противника [РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 30. Л. 1–32].

Удачно для 1-й русской армии завершились августовские сражения под Гумбинненом, особенно южнее его, и Гольдапом, где немцы оставили 12 орудий и до 10 тыс. человек потеряли убитыми. Успешно действовали в эти же дни 1-й Донской казачий графа Суворова-Рымникского полк, 2-й Донской его императорского высочества наследника цесаревича полк и 46-й Донской казачий полк, а также 51-й, 47-й и 48-й донские казачьи полки, переброшенные из других регионов в распоряжение 1-й русской армии.

В выполнении августовской 1914 г. общей тактической задачи Северо-Западного фронта участвовали гвардейские полки — лейб-гвардии Казачий его императорского величества, лейб-гвардии Атаманский его императорского высочества государя наследника и лейб-гвардии Сводно-казачий полки. Они особенно отличились в рейдах по тылам противника на территории Польши. Кроме того, им пришлось в 1914–1915 гг. принимать участие в боевых действиях в составе нескольких армий.

Лейб-гвардии Атаманский полк в ходе сражений уничтожил значительное количество живой силы противника, захватил в плен 1 офицера и 57 нижних чинов, 2 пулемета, 135 ружей и 10,5 тыс. патронов, 37 лошадей. При этом полк потерял убитыми 1 офицера и 52 казака, ранеными — 20 офицеров, 160 казаков, пропали без вести 6 казаков, 1 казак попал в плен. В течение полутора лет за проявленную храбрость и находчивость в сражениях 2 офицера были награждены орденами Святого Георгия и 5 офицеров — почетным Георгиевским оружием, 598 казаков — Георгиевскими крестами и 195 казаков — Георгиевскими медалями.

В начале августа 1914 г. в соответствии с общей задачей оттянуть немецкие войска с Западного фронта и “нанести поражение австро-венгерским армиям” войска Юго-Западного фронта перешли в общее наступление. 8-я армия А. А. Брусилова в составе 4 корпусов с 5 (18) по 15 (28) августа провела ряд удачных боев и 17 августа вступила в крупное сражение на реке Гнилой Липе

против австрийцев и венгерцев. В результате трехдневных боев соединения 8-й армии, в том числе 37-й Донской казачий полк, 16-й Донской казачий генерала Грекова 8-го и 17-й Донской казачий генерала Бакланова полки в составе 2-й Сводно-Казачьей дивизии, разбили противника. Успешно действовали оба полка в обороне у Городка, Львова и в последующих важных боевых операциях ноября-декабря 1914 г. в Карпатах, на позициях Дембовец – Змигород – Бартфельд, в сражениях за Дуклу, где они захватили значительное количество орудий, пулеметов, обозы и много пленных.

В это же время тяжелые бои вела и 5-я армия Юго-Западного фронта в направлении на Люблин и Холм. В составе русских корпусов сражались 1-я и 5-я донские казачьи дивизии, а также 39-й 42-й донские казачьи полки. В этих и последующих сражениях они пленили 4 офицера, 2 врача и 2140 солдат, захватили 4 орудия, 2040 ружей, 1500 патронов, 329 лошадей. А их потери составили: погибшими 15 казаков, ранеными — 1 офицер и 108 казаков, 5 казаков пропали без вести, 3 офицера и 22 казака попали в плен. За боевые успехи в полках 4 офицера были награждены Георгиевским оружием, 222 казака — Георгиевскими крестами и 438 казаков — Георгиевскими медалями [РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 30. Л. 1–32].

Между тем положение 1-й и 2-й армий Северо-Западного фронта осложнилось. 26–27 августа 1914 г. соединения 8-й немецкой армии, отбросив 6-й русский корпус от Бишофсбурга к Ортельсбургу и 1-й русский корпус — от Гильгенбурга к Сольдау, разбив встречные части 15-го армейского корпуса, вышли в тыл 13-го и 15-го русских корпусов. Несмотря на ряд успешных боев отдельных русских частей, в том числе 31-го и 38-го донских казачьих полков, 6-го Донского казачьего генерала Краснощекова полка, 2-я армия потерпела поражение, и 30–31 августа соединения ее 13-го и 15-го армейских корпусов, некоторые части 23-го армейского корпуса попали в плен.

Тяжелая участь окруженцев и пленных постигла казаков 6-го Донского казачьего генерала Краснощекова полка, воевавшего в составе 6-й кавалерийской дивизии, 21-го и 40-го донских казачьих полков, 20-й и 15-й донских отдельных казачьих сотен, сражавшихся, соответственно, в составе 15-го и 13-го корпусов.

4-й Донской казачий графа Платова полк, активно участвуя в авангарде 4-й кавдивизии, когда 2-я армия в начале операции пыталась не допустить ухода немцев за р. Вислу, понес большие потери. Из 26 офицеров полка 5 погибли, 8 получили ранения, 2 оказались в плену, а из 773 строевых и 39 нестроевых казаков погибли 82, получили ранения 245, без вести пропали 22 казака.

Казаки двух отдельных казачьих сотен, сопровождая в окружении штаб 15-й армии во главе с командующим, попавшим в плен, понесли большие потери. С перспективой пленения не примирились казаки 40-го Донского казачьего полка. С боем из вражеского окружения из 21 офицера полка пробились 7 офицеров (в том числе 1 раненый и 2 контуженых), погибшим официально считался 1 офицер, без вести пропавшими — 13 офицеров. Из 879 строевых казаков полка вырвались из окружения 263 казака (в том числе 31 раненый), погибшими официально считались 5 казаков и пропавшими без вести — 611 казаков. За проявленную храбрость в сражениях и сохранение знамени полка при выходе из окружения все 7 офицеров полка удостоились почетного Георгиевского оружия, 89 казаков — Георгиевских крестов и 10 казаков — Георгиевских медалей.

С большими потерями из окружения удалось выйти и 21-му Донскому казачьему полку. Смогли пробиться лишь 5 офицеров и 307 нижних чинов. Командир полка полковник Киреев пропал без вести. Знаменщик урядник К. Соловьев закопал знамя полка в лесу, но сам оказался в плену. Полк вновь был сформирован в декабре 1914 г. в Гомеле в составе 15-го армейского корпуса 10-й армии, удачно действовал в его авангарде и в начале 1915 г. в сражениях под Гродно, и в преследовании противника. За удачные боевые сражения в 1914–1915 гг. 103 казака полка были награждены Георгиевскими крестами 4-й степени, 89 казаков — Георгиевскими медалями.

22-й Донской казачий полк, воевавший в составе 6-го корпуса, хоть и не попал в окружение, но в тяжелых августовских боях понес большие потери. Из 24 офицеров значились 2 ранеными, пропавшим без вести — 1, из 875 строевых и 82 нестроевых казаков были убиты 18 казаков, 43 казака получили ранения и 57 казаков пропали без

вести. В 1914–1915 гг. 161 казак полка был награжден Георгиевскими крестами и 200 казаков — Георгиевскими медалями.

31-й Донской казачий полк в тяжелых боях 2-й армии держался стойко и пытался оказать помощь частям, попавшим в сложную ситуацию, при этом сам понес немалые потери. В полку погибли 1 офицер и 25 казаков, получили ранения 1 офицер и 54 казака, контужены — 4 офицера и 5 казаков, 20 казаков пропали без вести. Ему удалось пленить 1 офицера и 89 нижних чинов противника. 249 казакам полка за проявленную отвагу в боях и образцовое выполнение воинского долга вручили Георгиевские кресты и 144 казакам – Георгиевские медали.

В военных кампаниях 1914–1915 гг. 12-й Донской казачий князя Потемкина-Таврического полк захватил в плен 11 офицеров, 1 врача и 1046 нижних чинов противника, 201 ружье и много патронов. Его безвозвратные потери составили 98 (10 % от личного состава) человек, в том числе 3 офицера и 95 казаков, санитарные — 302 (32 % от личного состава) человека, в том числе 24 офицера и 278 казаков. За мужество и боевые успехи 3 офицерам полка вручили почетное Георгиевское оружие, 323 казакам – Георгиевские кресты 4-й степени и 487 казакам — Георгиевские медали [РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 30. Л. 1–32].

В составе 21-го корпуса и 10-й кавалерийской дивизии 3-й армии участвовали в начавшемся 19 августа 1914 г. сражении на р. Золотой Липе и на других участках в августе-октябре 45-й и 43-й донские казачьи полки и 7-й Донской казачий Войскового атамана Денисова полк, а также 11-я, 31-я и 35-я отдельные донские казачьи сотни. В 11-й Отдельной донской казачьей сотне за отвагу, проявленную в боях, 30 казаков были награждены Георгиевскими крестами и 38 казаков — Георгиевскими медалями, в 31-й Отдельной сотне 29 казаков — Георгиевскими крестами и 73 казака — Георгиевскими медалями. Особо отличилась 35-я Отдельная донская казачья сотня. Она захватила в плен 1 офицера и 377 австро-венгерских солдат. За успешные боевые действия в сотне 51 (34,23 %) казак был удостоен Георгиевских крестов и 62 (41,6 %) казака — Георгиевских медалей.

Австрийцы, понеся большие потери, потерпели поражение и 28 августа отступили по всему фронту на заранее укрепленный рубеж. В последующих боях донские казачьи полки успешно сражались на отведенных позициях. В боях 1914–1915 гг. они пленили 251 офицера, 26 врачей и 21199 нижних чинов противника, захватили 1 поезд в составе 50 вагонов, 69 орудий, 104 зарядных ящика, 88 пулеметов, 10192 винтовки, 17 автомобилей, 6 знамен, несколько аэропланов, 1813 лошадей и много другой техники военного назначения. За успешные боевые действия 38 офицеров (в том числе 2 калмыка) донских казачьих полков были награждены орденами Святого Георгия и 99 офицеров (в том числе 5 калмыков) — почетным Георгиевским оружием, 13697 казаков (в том числе 598 калмыков) удостоились Георгиевских крестов и 11076 казаков (в том числе 195 калмыков) – Георгиевских медалей. Но сами полки понесли немалые потери. По данным штаба Походного атамана при Его Императорском Величестве, погибли 130 офицеров и 2485 казаков, получили ранения 335 офицеров и 7251 казак, пропали без вести 49 офицеров и 2199 казаков, попали в плен 28 офицеров и 106 казаков. Военный историк, генерал А. М. Зайончковский, участник войны, отмечал, что потери русской армии были значительны, но и противник понес большие потери, его состав уменьшился на 45 %. В течение 1914–1916 гг. в донские казачьи полки и другие военные части из области Войска Донского в качестве пополнения поступили 850 офицеров и 23316 нижних чинов, в их числе 994 калмыка-казака, 19465 лошадей[1].

Кавказский военный театр Первой мировой войны, где боевые события развернулись между войсками России и Турции в первые же дни провокации с турецкой стороны, являлся отдельным самостоятельным фронтом. В начале 1915 г. Отдельную Кавказскую армию пополнили 55-й, 56-й и 57-й донские казачьи полки. В апреле 1915 г. на Кавказский театр войны прибыла Донская казачья пешая бригада в составе 4 батальонов (92 офицера, 4607 строевых и 578 нестроевых казаков).

Военная кампания 1915 г., в отличие от предыдущего года, для России завершилась не совсем удачно. Российская армия, вынудившая Германию сосредоточить основные силы на Восточном фронте, предоставила союзникам почти полуторагодовую пере-

[1] Подсчитано автором по сведениям полков, представленным в штаб Походного атамана при Его Императорском Величестве.

дышку, а сама была вытеснена из большей части Галиции, Польши, из части Прибалтики и Белоруссии. Обе воюющие стороны на Восточном фронте понесли значительные потери. Германия в 1915 г. не достигла своей цели — разгромить и вывести русскую армию из войны. Донские казачьи полки и другие донские части, в составе которых сражались калмыки, успешно участвуя в крупных и малых операциях и сражениях, с честью выдержали испытания трудной военной кампании 1915 г. и сохранили свою боеспособность, приобрели опыт ведения современной войны, позволивший вести активные боевые действия в последующих военных кампаниях.

Источники

Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА).

Государственный архив Ростовской области (ГАРО).

Литература

Асташов А. Б. Русский фронт в 1914 – начале 1917 года: военный опыт и современность. М.: Новый хронограф, 2014. 740 с.

Донские областные ведомости. 1914 г.

Sources

[The Russian State Military Historical Archives]. (In Russ.)

[The State Archives of the Rostov Region]. (In Russ.)

References

Astashov A. B. [Russian Front in 1914 – early 1917: Military Experience and Modernity]. Moscow: Novyi Khronograph, 2014. 740 p. (In Russ.)

[The Don Regional Bulletin]. 1914. (In Russ.)

УДК 93 + 311.313
ББК 63.3(2Рос = Калм) + 60.6 (2Рос = Калм)

К ВОПРОСУ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УПРАВЛЕНИЯ КАЛМЫЦКОГО НАРОДА ПО УЧЕТУ И СТАТИСТИКЕ В 1873–1892 гг.

On the Activity of the Chief Directorate of the Kalmyk People in the Field of Accounting and Statistics between 1873–1892.

Е. Н. Мучиряева (*E. Muchiryaeva)*[1]

[1] аспирант Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Post-graduate Student at the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS). E-mail: ekaterinanikolaevna2012@yandex.ru.

В статье рассмотрено развитие ведомственной отчетности в Главном управлении калмыцким народом в период 1873–1892 гг. На основании накопленных исторических и статистических источников проанализирована деятельность Управления, годовые отчеты 1873–1874 гг., 1880–1890-х гг. с приложениями, формулярные списки служащих. Особое внимание уделено персональному составу Управления калмыцким народом в обозначенный период.

Ключевые слова: История органов государственной власти, история Калмыкии, Управление калмыцким народом, Астраханская губерния, учет и статистика.

The article deals with the development of departmental reports of the Chief Directorate of the Kalmyk people between 1873–1892. According to one of the greatest Russian statisticians D.P. Zhuravskiy, ''accounting and statistical work in the steppe of Kalmyk people from the very beginning was fully organized by the state…''. Before the reform of 1892 on the abolition of Kalmyk mandatory relations, there were no specialized bodies of accounting and statistics in the steppe of Kalmyk people located in the Gubernia (Governorate) of Astrakhan except for government and local authorities. Therefore, in 1867, the Directorate of the Kalmyk people renamed the "Horde branch of nomadic peoples" into the "Chief Directorate of Kalmyk People", which turned out to be the main authority that dealt with accounting and statistical work in the steppe of Kalmyk people. In the last third of the XIX century such Kalmyk structures as uluses, khotons and aimags were subordinate to the Chief Directorate, which was considered to be in charge of accounting and statistics and sending the obtained data to the main Headquarters in Astrakhan. The article describes the process of gradually clearing specific record keeping documents, which found expression in the summary tables, lists, certificates, a plan diagram instructions. From the analysis of annual reports of the Chief Directorate, it is evident that officials were to be occupied with collecting and processing a huge amount of information on statistics and accounting.

Thus, the Chief Directorate had to deal with a great amount of statistical information to be sent not only to higher institutions but also to the statistical body of the gubernia (governorate). Almost all of the annual statistical information, which are now used by historians, was gathered by the Chief Directorate.

The article can help to fill in some of the major gaps in the knowledge of the Chief Directorate's activity in the field of accounting and statistics.

Keywords: history of public authorities, History of Kalmykia, the Chief Directorate of the Kalmyk people, Astrakhan governorate, accounting and statistics.

До реформы 1892 г. по отмене обязательных отношений у калмыков специализированные органы учета и статистики в Калмыцкой степи Астраханской губернии отсутствовали, однако их функции выполняли органы власти и самоуправления. Главным органом власти в Калмыцкой степи в последней трети XIX в. являлось Управление калмыцким народом (далее — УКН), созданное в 1867 г. путем переименования Ордынского отделения кочевых народов. История УКН и его деятельность в последней трети XIX в. неоднократно рассматривались учеными-калмыковедами в различных аспектах, однако анализ формирования учетно-статистических сведений, а также персонального состава не являлись темой специального исследования[1]. Данная статья позволит восполнить некоторые пробелы в изучении деятельности УКН.

Прежде чем приступить к анализу ведомственной статистики УКН, рассмотрим структуру его аппарата и персональный состав. В отчетах УКН за 1873–1878 гг. указана общая численность чиновников со ссылкой на то, что «при определении чиновников на должности УКН руководствовалось общим циркуляром по Министерству Государственных Имуществ от 26 апреля 1872 г., за № 6, Управление каждый раз входило с представлением к Главному министру Государственных имуществ». В ряде случаев в составе чиновников учитывались не только сотрудники УКН, но и чиновники улусных управлений. Примером могут служить отчеты за 1873 и 1874 гг.: в одном из которых улусные чиновники отражены, а в другом — нет [НА РК. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 18. Л. 45; Д. 20. Л. 42].

В последней трети XIX в., если не считать Главного попечителя калмыцкого народа (являвшегося также управляющим госимуществ и занимавшего ряд других должностей), в состав УКН в разное время входили: советник (до 1881 г.), помощник Главного попечителя, делопроизводитель (зав. канцелярией) с помощником (бухгалтером), 2 столоначальника с помощниками, 2–3 чиновника особых поручений, 1–3 депутата от калмыков, 1–2 переводчика, 1–2 врача, ветеринарный врач, 1–2 письмоводителя, 1–2 смотрителя училищ, землемер, гражданский инженер и др. По данным «Памятных книжек Астраханской губернии» мы составили полный список чиновников УКН в 1873–1892 гг., что позволило воссоздать картину их перемещений в динамике (см. таблицы № 1 и № 2). При изучении этого списка следует учесть существенную особенность: данные в «Памятных книжках» фиксируют должности чиновников на определенный момент (как правило, начало года), поэтому их перемещения внутри УКН фиксируются в следующем году. Например, в 1890 г. в УКН были «следующие перемены: 1) Столоначальник Управления Зубович перемещен на должность чиновника особых поручений, 2) помощник Попечителя Ельницкий перемещен на должность столоначальника,… 4) Канцелярские Служители Шмаков и Попов назначены помощниками столоначальников» [НА РК. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 106. Л. 21], в то время как в таблице № 2 эти перемещения указаны в графе за 1891 г.

[1] Л. С. Бурчинова изучала отчеты УКН с источниковедческой точки зрения, одну из работ посвятила биографии М. Г. Новолетова, проработавшего в улусных управлениях и УКН более 20 лет [Бурчинова 1976; 1982]. Вопросами демографической статистики Калмыцкой степи, формируемой местными чиновниками, занимался И. В. Борисенко [Борисенко 1982]. А. Н. Команджаев в своей монографии подробно рассмотрел развитие хозяйства (в том числе и с использованием статистической информации УКН), определил характер социальных изменений в калмыцком обществе [Команджаев 1999]. Фундаментальный вклад в исследование развития административно-территориальной системы управления Калмыкии, проблемы ее правового статуса в российской государственности внес К. Н. Максимов [Максимов 2002]. В работе С. С. Белоусова основательно рассмотрены административное устройство Калмыцкой степи, эволюция системы управления калмыцким народом в XIX в. [Белоусов 2009]. В работах Н. П. Мацаковой [Мацакова, Команджаев 2009], С. Ю. Деева [Деев 2005, 2006] и др. рассматривались административные реформы в Калмыкии в конце XIX – начале XX вв., в частности, процессы реорганизации административной власти.

Таблица № 1

Персональный состав УКН в 1873–1882 гг.
[Памятные книжки 1873, 1874, 1875, 1876, 1877, 1878, 1879, 1881, 1882]

Должность	1873	1874	1875	1876	1877	1878	1879	1880	1881	1882
Астраханский губернатор	действительный статский советник (с 1878 г. – тайный советник) Н. Н. Биппен[1]							генерал-лейтенант Н. А. Пратасов-Бахметев		
Управляющий государственными имуществами и Главный попечитель калмыцкого народа	генерал-майор К. И. Костенков		надворный советник (с 1877 г. – коллежский советник, с 1879 г. – статский советник) А. Г. Кандиба							действительный статский советник Н. О. Осипов
Советник УКН	статский советник А. А. Кирш								коллежский асессор А. Г. Фурсов	*должность упразднена*
Делопроизводитель	коллежский асессор (с 1877 г. – надворный советник) М. Г. Новолетов									
Бухгалтер, помощник делопроизводителя	коллежский асессор Г. И. Долинский						канцелярский служащий (с 1880 г. – коллежский регистратор) С. И. Тустановский			вакансия
Столоначальник 1-го стола	коллежский регистратор И. А. Благовидов	коллежский асессор К. С. Крестовский	губернский секретарь П. Ф. Краснов (и.д.)	титулярный советник (с 1879 г. – коллежский асессор) Н. П. Гордеев						
Помощник столоначальника 1-го стола	губернский секретарь (с 1874 г. – коллежский регистратор) П. Ф. Краснов		коллежский регистратор В. А. Наждин	коллежский секретарь П. Ф. Краснов	вакансия	губернский секретарь В. А. Наждин		коллежский регистратор М. И. Петропавлов		вакансия
Столоначальник 2-го стола	коллежский регистратор П. И. Лебедев	коллежский регистратор (с 1875 г. – губернский секретарь) П. А. Петров		вакансия	студент Казанского университета (с 1878 г. – губернский секретарь) Кичик Эрдениев			коллежский асессор И. Н. Канкров		титулярный советник Л. В. Бялоблоцкий
Помощник столоначальника 2-го стола	коллежский регистратор П. А. Петров	вакансия		коллежский регистратор (с 1877 г. – губернский секретарь) В. А. Наждин		коллежский секретарь (с 1879 г. – титулярный советник) С. Д. Лампадчиков				мещанин П. И. Иванов
Чиновник особых поручений	коллежский асессор К. И. Рушевский					коллежский регистратор Л. Л. Мельницкий		коллежский асессор Ф. Л. Вальдштейн (С 1882 г. временно и.д. допущен второй чиновник особых поручений – коллежский секретарь С. И. Тустановский)		
Депутат от калмыков	безаймачный зайсанг Яндыковского улуса Лиджи Санджи-Гаряев		зайсанг Хошоутовского улуса Бембе Аршиев			безаймачный зайсанг Яндыковского улуса Намса Мухлаев		аймачный зайсанг Бембе Аршиев		

[1] С 20 января по 7 апреля 1879 г. главным руководителем губернии являлся временный Астраханский, Саратовский и Самарский генерал-губернатор, генерал от кавалерии граф Т. М. Лорис-Меликов, назначенный на эту должность для борьбы с чумой.

Старший переводчик калмыцкого языка	Васко (Баська) Тугаев		А. П. Санжиев, крещеный	Баська Тугаев, простолюдин	Ходжа Ользеев, простолюдин			Кюкэ Цюрюмов	вакансия	Бадма Очиров
Младший переводчик калмыцкого языка	А. П. Санжиев, крещеный		Аник Гиляшев	вакансия	Бадма Очиров простолюдин	Басанг Габунгов[1]		Бадля Эрдениев	Роля Баджиев	вакансия
Врач УКН (с 1879 г. – двое врачей)	вакансия	надворный советник Н. П. Яновский	вакансия		А. А. Григорьев	не имеющий чина Подечимский	титулярный советник С. А. Томкович	А. Н. Орлов		
							Подечимский	Очир Егоров[2]		
Ветеринарный врач	коллежский асессор (с 1878 г. – надворный советник) Э. У. Томашевский									
Письмоводитель канцелярии Главного попечителя	титулярный советник (с 1874 г. – коллежский асессор) А. С. Шумковский									вакансия
Смотритель училища детей калмыков	коллежский асессор И. С. Михайлов									
Комиссия заселения дорог через калмыцкие земли										
Помощник Главного попечителя	статский советник В. Ф. Милов									вакансия
Чиновник особых поручений	надворный советник И. П. Новиков				—	коллежский секретарь Гусевич	коллежский асессор (с 1882 г. – надворный советник) К. Ф. Егоров			
Письмоводитель	надворный советник И. Я. Ансеров				вакансия			—	надворный советник И. В. Булатов	вакансия
Землемер	коллежский асессор П. А. Андреев			вакансия			коллежский регистратор (с 1882 г. – коллежский секретарь, с 1885 г. – титулярный советник, с 1887 г. – коллежский асессор) Я. Г. Тельнов			
Гражданский инженер	коллежский асессор П. А. Нагурский		вакансия							

В 1882 г. главным попечителем калмыцкого народа стал Н. О. Осипов. Проанализировав деятельность УКН, он предложил отказаться от коллегиального принципа в его работе (заменив его принципом единоначалия) и внести ряд изменений в штатное расписание из-за избытка «лиц, не имеющих определенных занятий и крайней ничтожности их вознаграждения, несущих на себе всю основную тяжесть работы» [цит. по: Белоусов 2009: 532]. Хотя коллегиальность в работе УКН упразднить не удалось, в 1881–1882 гг. был все же ликвидирован ряд должностей: советника УКН (с введением еще одного чиновника по особым поручениям), письмоводителя канцелярии Главного попечителя, младшего переводчика УКН, также письмоводителя и гражданского инженера Комиссии по заселению дорог через калмыцкие степи. Взамен ввели должность архитектора, оклад которого в 2,5 раза превышал зарплату гражданского инженера [Белоусов 2009: 533].

[1] По данным за 1878 г., Б. Габунгов значится простолюдином, за 1879 г. — сыном безаймачного зайсанга. В отчетах УКН безаймачный зайсанг Харахусовского улуса Басан Габунгов значится в перечне калмыков, у которых предполагалось устроить рассадник улучшенных пород скота [НА РК.Ф. И-9. Оп. 1. Д. 52. Л. 46].

[2] В «Памятной книжке» на 1882 г. указано, что О. Егоров состоял врачом сверх штата.

Таблица № 2

Персональный состав УКН в 1883–1892 гг.
Адрес–календарь 1883, 1884;
Памятные книжки 1885, 1886, 1887, 1888, 1889, 1890, 1891, 1892]

Должность	1883	1884	1885	1886	1887	1888	1889	1890	1891	1892
Астраханский губернатор	генерал-майор Е. О. Янковский	генерал-майор Н. И. Петров	Генерал-майор Н. М. Цеймерн				генерал-майор Л. Д. Вяземский		генерал-майор Н. Н. Тевяшов	
Управляющий Государственными имуществами и Главный попечитель калмыцкого народа	действительный статский советник Н. О. Осипов				статский советник (с 1891 г. – действительный статский советник) И. С. Картель					
Помощник Главного попечителя	коллежский асессор С. Д. Кузнецов		коллежский секретарь (с 1886 г. – титулярный советник, с 1887 г. – коллежский асессор) М. П. фон Ашеберг			вакансия		статский советник В. М. Канакотин		
Делопроизводитель (с 1892 г. – также зав. канцелярией)	коллежский асессор (с 1884 – надворный советник) И. Н. Ваников			титулярный советник В. С. Баранович		надворный советник Г. Г. Арищенко				не имеющий чина М. В. Козин
Бухгалтер, помощник делопроизводителя	титулярный советник К. Ф. Энкельман (и.д.)		коллежский асессор К. С. Ларионов							
Столоначальник 1-го стола	коллежский асессор Н. П. Гордеев		вакансия	надворный советник Г. Г. Арищенко		губернский секретарь Н. И. Цуцин		не имеющий чина П. И. Иванов		
Помощник столоначальника 1-го стола	титулярный советник Л. А. Поповицкий								не имеющий чина А. А. Попов	
Столоначальник 2-го стола	кандидат СПб. университета Ф. П. Бобров	вакансия		коллежский секретарь М. И. Соколов		не имеющий чина П. И. Иванов	вакансия		титулярный советник Г. В. Ельницкий	не имеющий чина П. Г. Никифоров
Помощник столоначальника 2-го стола	не имеющий чина П. И. Иванов (и.д.)			вакансия	канцелярский служащий П. И. Иванов	не имеющий чина (с 1889 г. – коллежский регистратор) В. П. Заркевич	дворянин П. О. Зубович		не имеющий чина П. Г. Шмаков	
Старший чиновник особых поручений (с 1888 г.)	*должность отсутствовала*					титулярный советник М. И. Соколов	вакансия		не имеющий чина П. О. Зубович	
Чиновник особых поручений (с 1888 г. – младший)	коллежский секретарь (с 1884 г. – титулярный советник) С. И. Тустановский			коллежский регистратор Е. И. Лесняк		коллежский асессор Н. И. Назаров	коллежский регистратор, с 1891 г. – титулярный советник Н. И. Шавердов			
Чиновник особых поручений (с 1888 г. – младший)	коллежский асессор Ф. Л. Вальдштейн		титулярный советник С. Е. Мерман	не имеющий чина (с 1888 г. – коллежский регистратор, с 1891 г. – губернский секретарь) В. А. Зварковский						
Штатный врач УКН	не имеющий чина (с 1884 г. – титулярный советник, с 1885 г. – коллежский асессор, с 1887 г. – надворный советник) А. Н. Орлов									не имеющий чина А. В. Першин
Сверхштатный врач	титулярный советник Очир Егоров		вакансия	не имеющий чина, лекарь П. В. Пальмирский			*должность упразднена*			
Ветеринарный врач	коллежский асессор (с 1878 г. – надворный советник) Э. У. Томашевский						*должность упразднена*			
Архитектор	не имеющий чина, художник (с 1886 г. – коллежский регистратор, с 1889 г. – губернский секретарь) Э. Э. Крюгер									вакансия

Депутат от калмыков	Васько Тугаев[1]				безаймачный зайсанг Лиджи-Сангаджи Гаряев	
Депутат от калмыков в Енотаевске	Эрдени-Нарынов		Наран Хабанов (безаймачный зайсанг)	*должность упразднена*		
Депутат от калмыков в Черном Яру	Наран Хабанов		Эрдени-Нарынов (безаймачный зайсанг)	*должность упразднена*		
Переводчик калмыцкого языка	вакансия	губернский секретарь (с 1885 г. – коллежский секретарь, с 1887 г. – титулярный советник) Кичик Эрдениев			канцелярский служащий Намин Бадмаев	
Надзиратель Астраханского мужского калмыцкого училища	коллежский асессор И. С. Михайлов		не имеющий чина (с 1888 г. – коллежский секретарь, с 1891 г. – титулярный советник) А. В. Михельсон			коллежский асессор Г. В. Ельницкий
Надзирательница Астраханского женского калмыцкого училища	Э. А. Ольдекоп		*в 1884 г. училище ликвидировано*			
Чиновник особых поручений комиссии заселения дорог через калмыцкие земли	надворный советник К. Ф. Егоров	вакансия	коллежский секретарь В. А. Плющевский-Плющик	*штатная единица отсутствует*	коллежский асессор Н. И. Назаров	*должность упразднена*
Землемер	коллежский регистратор (с 1882 г. – коллежский секретарь, с 1885 г. – титулярный советник, с 1887 г. – коллежский асессор) Я. Г. Тельнов					

Таким образом, управление более чем полутора сотен тысяч подданных Российской империи, ведущих кочевой образ жизни, осуществлялось примерно двумя десятками чиновников. Конечно, квалифицированно выполнять такую работу мог не каждый. Ряд должностей требовал знания и понимания особенностей экономики калмыцких кочевников, их культуры, языка и истории. Вполне закономерно, что ряд чиновников УКН оставили заметный след в калмыковедении. Это, прежде всего, Главный попечитель калмыцкого народа полковник, а затем генерал-майор Капитон Иванович Костенков[2] и др. Автором труда «Калмыки. Исторический очерк» являлся Моисей Григорьевич Новолетов, который поступил на службу в 1854 г[3]. Несколько

[1] В «Памятной книжке» на 1886 г. указано, что Б. Тугаев имеет серебряную медаль с надписью «За усердие», окончил Астраханское калмыцкое училище, женат, на службе с 1856 г., в должности с 1883 г.

[2] Участник Крымской войны 1853–1856 гг., руководил УКН более 15 лет, но известность ему принесла Кумо-Манычская экспедиция 1860–1861 гг., в ходе которой была осуществлена не только съемка местности и определены места для будущих поселений, но и собран значительный объем научных сведений по географии, гидрографии, демографии, статистике, экономике, этнографии, истории Калмыкии, которые и поныне используются учеными [Калмыцкая степь 1868]. Кроме того, он опубликовал ряд трудов по истории Калмыкии, в том числе «Исторические и статические сведения о калмыках…» [Костенков 1870], написанные на базе материалов ПСЗРИ и архива УКН, часть которого ныне утрачена, а также стал составителем первого двуязычного калмыцко-русского букваря [Калмыцко-русский 1871]. При увольнении по болезни в 1874 г. император Александр II назначил ему дополнительно к пенсии «…пожизненные ежегодные выплаты по 800 р. из процентов с калмыцкого капитала» [НА РК. Ф. И-9. Оп. 4. Д. 271. Л. 2–5].

[3] Сначала он являлся писарем Хошеутовского управления, в 1860–1866 гг. занимал должности помощника попечителей различных улусов (со 2 сентября 1860 г. — Багацохуровского, с 11 ноября 1861 г. — Яндыковского, с 13 июня 1862 г. — вновь Багацохуровского, с 1864 г. — Малодербетовского), а 10 мая 1866 г. назначен чиновником особых поручений по хозяйственной части. В 1867 г. Новолетов руководил комиссией по архивным делам УКН и

лет в УКН работал Наймин Бадмаев — известный учитель и просветитель калмыцкого народа[1].

Среди работников УКН значились не только чиновники, но и технические и медицинские специалисты. Например, Александр Николаевич Орлов, окончивший курс в Казанском университете и поступивший на службу в 1877 г., врачом УКН стал в 1880 г., после увольнения С. А. Томковича. Первоначально он числился лекарем, не имеющим чина, но в 1884 г. стал титулярным советником, в 1885 г. — коллежским асессором, в 1887 г. — надворным советником. В итоге он проработал врачом УКН 11 лет и был представлен к производству в коллежские советники [НА РК. Ф. И-9. Оп. 4. Д. 403. Л. 108–109]. Инженер С. Д. Кузнецов до назначения в УКН в чине титулярного советника с 1879 г. изучал Чапчачинские промыслы, а в 1881 г. командирован заведующим Баскунчакским соляным промыслом и Владимирскою соляною пристанью на правах управляющего госимуществом. 8 марта 1882 г. он стал помощником Главного попечителя [НА РК. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 39. Л. 17–25]. В целом, служащие УКН являлись классическими имперскими чиновниками, продвигавшимися по карьерной лестнице не только в должностях, но и в чинах, что было важным не только по финансовым соображениям — IX класс титулярного советника давал право на личное дворянство. Такое же право чиновники могли получить и при награждении орденами[2]. Следует учесть, что в Калмыцкой степи существовал еще один орган управления, осуществлявший функции учета и статистики, — Ламайское духовное правление, в котором также несли службу служащие, входившие в общеимперскую систему чиновничества[3].

Свою текущую статистику УКН в первую очередь направляло органу, которому оно было подотчетно, — Министерству госимуществ. Эта информация также поставлялась и в губернский статистический комитет. В последней трети XIX в. в Калмыцкой степи на подведомственные УКН структуры (улусные, аймачные, хотонные) стала возлагаться, помимо других задач, и функция учета и статистики данных, которые периодически поступали в УКН. Постепенно сформировалась специфическая делопроизводственная документация (сводные таблицы, списки, аттестаты, план-схемы, инструкции). Анализ годовых отчетов УКН показывает, что чиновники собирали огромный объем статистических сведений. Приведем для примера таблицу, составленную по данным отчетов УКН за 1872–1878 гг. [НА РК. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 18. Л. 56–57; Д. 20. Л. 58–59; Д. 21. Л. 60–61; Д. 25. Л. 65–66; Д. 26. Л. 51–52].

разыскал в архивах много не известных ранее сведений о калмыках, которые легли в основу его исторического труда. 31 января 1870 г. он был повышен до делопроизводителя УКН, 24 ноября 1875 г. произведен за выслугу лет в надворные советники. 14 июля 1882 г. Новолетов уволился со службы из-за болезни с правом ношения мундира [НА РК. Ф. И-9. Оп. 4. Д. 496. Л. 1–2].

[1] Он поступил на службу в 1886 г. из «Астраханской классической гимназии, выбыл из 5 класса» и через год был допущен и.о. переводчика УКН, хотя формально на этой должности числился Кичик Эрдениев. После отставки предшественника был утвержден в этой должности, а с 1891 г. стал параллельно преподавать в Калмыцком училище [НА РК. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 99. Л. 61]. Перу Наймина Бадмаева принадлежит ряд статей по педагогике, филологии, этнографии, статистике калмыцкого народа, но самым известным его трудом стал «Калмыцко-русский букварь», переизданный еще при жизни автора [Калмыцко-русский 1910].

[2] Например, 8 декабря 1878 г. орденом Св. Станислава 3-й степ. наградили чиновника особых поручений комиссии заселения дорог через калмыцкие земли, коллежского асессора К. Ф. Егорова, а 31 мая 1881 г. его за выслугу лет произвели в надворные советники [НА РК. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 27. Л. 11–12, 42]. В 1886 г. орденом Св. Станислава 2-й степ. был награжден помощник Главного попечителя М. П. фон Ашеберг [НА РК. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 94. Л. 13–14].

[3] Например письмоводитель Канцелярии Ламы Калмыцкого народа Иван Иванович Михайлов поступил на службу в УКН 15 сентября 1869 г., а уже 10 февраля 1870 г. перемещен в Комиссию по заселению дорог через Калмыцкие земли. Через 9 лет его повысили: 15 мая 1879 г. назначили и.д. письмоводителя Канцелярии Ламы калмыцкого народа, а 11 февраля 1880 г. утвердили в этой должности. Почти одновременно (25 февраля 1880 г.) Сенат за выслугу лет произвел его в коллежские секретари, а 27 апреля 1883 г. — за выслугу лет в титулярные советники [НА РК. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 35. Л. 28–33].

Таблица № 3

Сводная ведомость по данным итоговых отчетов УКН за 1872–1878 гг.

	1872	1873	1874	1875	1876	1877	1878
Оброчные статьи (в руб.)							
Дохода с них	13282,79½	20372,53¾	21107,64¼	21604,08	26119,35¾	25037,25½	25833,47
Поступление денежных повинностей (в руб.)							
Сбор на содержание Калмыцкого управления	83446,78	70798,27	74120,60	68858,54	49937,11½	64732,93½	67051,67
Сбор с общественного капитала с аймаков, не имеющих родовых зайсангов	2584,50½	2366,83½	2297,81	2099,52	1265,36	2819,99	1940,92½
Албанный сбор с дохода владельцев	42944,53	28048,67	46768,24	24987,2½	9184	25645,54	21424,15
Исполнено натуральных повинностей	46612,20	56000,00	51323,64¾	54381,70¼	58667,95½	58667,95½	58667,95
Народонаселение							
Нойонов	16	14	13	13	13	14	14
Зайсангов	1707	1673	1659	1641	1782	1967	2016
Духовенства	1157	1173	1028	992	1013	1020	1035
Калмыков-простолюдинов (считали по кибиткам)	23244	23244	23243	23243	23243	28002	28002
Сторонних лиц временно проживающих в улусах	920	623	541	714	752	724	793
Опек над малолетними							
Было опек	50	53	74	61	62	56	54
В ведении оных имущества на сумму (в руб.)	50204,92	56589,96	63045,36	79573,56	79573,56	80368,36	75859,19
Капиталов (в руб.)	215728,97¾	252138,72¾	268302,99¾	312515,44¾	298177,38¾	319802,85½	340041,25¾
Обревизованных отчетов	8	10	6	–	14	13	5
Осталось необревизованных	1	–	2	–	–	–	–
Вероисповедание							
Хурулов	63	63	63	63	63	63	63
Лама	1	1	1	1	1	1	1
Гелюнгов	490	507	449	439	415	422	429
Гецюлей	351	351	330	327	317	305	299
Манжиков	316	314	249	287	280	292	307
Народное образование							
Мужское калмыцкое училище при УКН	1	1	1	1	1	1	1
Смотритель	1	1	1	–	–	–	–
Учителей	6	6	–	–	–	–	–
Воспитанников	50	50	50	57	50	50	50
Женское училище	1	1	1	1	1	1	1
Смотрительница	1	1	1	–	–	–	–
Учителей	5	5	–	–	–	–	–

Воспитанницы	21	20	20	17	16	17	17
Содержание училищ стоило (в руб.):							
мужского	8472	8472	8472	5270	5279	5842	–
женского	3250	3250	3250	3250	3250	3340	–
В улусах школ	16	16	17	18	18	17	17
В них учащихся	293	197	233	219	230	232	184
Уголовные преступления							
На свободе	1231	808	1486	–	–	–	–
Под стражу	9	13	–	–	–	–	–
Благоустройство в улусах							
Домов для помещения улусных управлений и казачьих команд	12	12	12	17	40	40	40
Прочих домов и магазинов	999	1344	1442	1159	1432	1388	1544
Мельниц, лавок, амбаров и пр.	325	98	–	–	–	–	–
Здравоохранение и ветеринария							
Врачей	1	1	1	1	1	1	2
Фельдшеров и оспопрививателей	57	60	60	49	51	49	50
Ветеринар	1	1	1	1	1	1	1
Его помощник	1	1	1	1	1	1	1
Ветеринарных учеников	3	3	3	3	2	2	2
Привито оспы детям	3407	3077	3396	3531	3232	2358	1826
От повальных болезней привито скота	16235	11415	1724	32899	–	–	–
От болезней и шурганов пало скота	–	–	–	–	194316	11431	5992
Общественный капитал (в руб.)							
Состоит	159845,87	3255,51½	14771,34¾	32473,76¾	12482,76½	7731,95¼	6857,67¼
Сельское хозяйство: собрано хлеба (в четвертях)							
Озимого	223	338	328	1495	1817	2260	5455
Ярового	330	480	405	620	1906	4683	11907
Садоводство							
Казенные сады и калмыцкие	23	24	24	25	25	25	25
Скотоводство							
Крупного	221320	229975	254235	222170	211114	298248	202542
Мелкого	594294	606436	664110	643249	501357	674163	466650
Скачки							
Лошади	34	55	67	37	30	20	28
Выставка сельскохозяйственных животных							
Представлено скота, голов	46	64	75	62	59	57	51
Выдача билетов							
Выдано	15219	15575	14888	14424	14978	12872	13698

На сумму (в руб.)	2282,85	2336,25	2233,20	2163,60	2246,70	1930,80	2054,70
Происшествия							
Смертоубийства	4	2	4	6	1	1	1
Несчастные смертные случаи	4	1	5	1	1	4	3
Утонувшие	2	3	2	1	1	9	3
Пожаров, случайности	4	1	–	1	5	6	4
Грабежей, найдено тел	40	24	2	2	1	–	–

Следует отметить, что годовые отчеты УКН 1870-х гг. по форме отличаются от отчетов 1880-х–1890-х гг. Например, в части 3-й отчетов 1870-х гг. обычно представлялись вопросы УКН, требующие «особо пристального внимания». Так, в отчете 1872–1873 гг. были высказаны предложения «об удалении Зайсангов от управления аймаками и др. лиц, замеченных в слабом надзоре» над борьбой с хищничеством в степи и отгонами скота, и «учреждение… разъездной вооруженной Полицейской команды из 100 человек калмыков, расположенной пикетами на 10 главных пунктах степи» [НА РК. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 18. Л. 49–53]. В отчете 1874 г. поднят вопрос об обременительном кибиточном налоге, раскладывавшемся без учета семейного и имущественного положения [НА РК. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 20. Л. 45–57].

Особо пристальное внимание уделялось вопросам животноводства — основного хозяйственного занятия кочевников-калмыков. Например, в 1874 г. предлагалось с целью улучшения условий ведения скотоводства устраивать зимние помещения для скота [НА РК. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 20. Л. 45–57; Д. 129. Л. 1–3]. Особое внимание УКН уделяет вопросу разведения лошадей для армии и ввиду этого запрещает вывозить их за границу. Лошадей калмыцких пород сравнивают с лошадью донской породы [НА РК. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 25. Л. 61–62]. В отчете 1877 г. УКН ставит вопрос о сокращении численности священнослужителей, названных «бременем», поскольку имевшиеся к тому времени 1020 лам составляли 1 духовное лицо на 17 кибиток, или 127 человек [НА РК. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 25. Л. 61–62].

Отчеты УКН 1880-х–1890-х гг. составлены уже не в табличной форме, как вышеприведенные, а в ведомостях, содержащих более подробные и развернутые сведения: о численности населения в улусах, нойонов и зайсангов, ламаитов, хурулов, о состоянии опеки, о происшествиях, насильственных и случайных смертях, о привитых от оспы, о посевах и урожае хлеба, о скотоводстве, о построенных зданиях и сооружениях и т.д.

Таким образом, очевидно, что УКН, не будучи специальным органом статистики, собирало огромный объем статистической информации, которую представляло не только вышестоящим учреждениям, но и губернским статистическим органам. Практически большая часть сведений ежегодного статистического учета, которыми ныне пользуются историки, была собрана именно УКН.

Источники

Государственный архив Астраханской области (ГА АО)

Национальный архив Республики Калмыкия (НА РК)

Литература

Адрес-календарь Астраханской губернии на 1883 г. Астрахань: Астрах. тип. Е. В. Персидской, аренд. Л. Т. Росляковым, 1883. [2]+II+[3]+167 с.

Адрес-календарь Астраханской губернии на 1884 г. Астрахань: Новая Русская типография, 1884. V+305+XIX+[17] с.

Белоусов С. С. Калмыкия во второй половине XIX в. // История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3 т. Т. 1. Элиста: Герел, 2009. С. 514–559.

Борисенко И. В. Численный состав калмыков в основных ареалах их расселения (XVIII – начало XX вв.) // Проблемы аграрной истории дореволюционной Калмыкии. Элиста: КНИИИФЭ, 1982. С. 42–80.

Бурчинова Л. С. М. Г. Новолетов: к 140-летию со дня рождения // Вестник института. Вып. 15. Сер. истор. Элиста: КНИИЯЛИ, 1976. С. 194–202.

Бурчинова Л. С. Отчеты УКН как источник по аграрной политике царизма в Калмыкии (60 – начало 90-х гг. XIX в.) // Проблема аграрной истории дореволюционной Калмыкии. Элиста: КНИИИФЭ, 1982. С. 81–90.

Деев С. Ю. К вопросу о проблемах системы управления калмыцким народом в XIX в. // Вестник КИГИ РАН. Вып. 20: сб. науч. трудов. Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2006. С. 121–137.

Деев С. Ю. Развитие правительственной программы унификации управления калмыцким народом в конце XIX в. // Вестник КИГИ РАН: сб. науч. трудов. Вып. 19. Элиста: «НПП «Джангар», 2005. С. 143–152.

Команджаев А. Н. Хозяйство и социальные отношения в Калмыкии в конце XIX–начале XX века: исторический опыт и современность. Элиста: Джангар, 1999. 262 с.

Калмыцкая степь Астраханской губернии по исследованиям Кумо-Манычской экспедиции. СПб.: В. Безобразов и Кº, 1868. 36+76+171 с.

Калмыцко-русский букварь для обучения грамоте калмыцких детей / Сост. К. И. Костенков. СПб.: Тип. Имп. академии наук, 1871. 54 с.

Калмыцко-русский букварь / сост. Н. Бадмаев. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб.: Тип. Имп. академии наук, 1910. 92 с.

Костенков К. И. Исторические и статистические сведения о калмыках кочующих в Астраханской губернии. СПб.: Тип. Нусвальта, 1870. 170 с.

Максимов К. Н. Калмыкия в национальной политике, системе власти и управления России (XVII – XX вв.). М.: Наука, 2002. 524 с.

Мацакова Н. П., Команджаев А. Н. Реформа 1892 г. в Калмыкии // История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3 т. Т. 1. Элиста: «Герел», 2009. С. 22–46.

Новолетов М. Г. Калмыки. Исторический очерк. СПб.: В. Демкин, 1884. 79 с.

Памятная книжка Астраханской губернии на 1873 год. Астрахань: Тип. губерн. правл., 1873. 166+8 с.

Памятная книжка Астраханской губернии на 1874 год. Астрахань: Тип. губерн. правл., 1874. 170+8 с.

Памятная книжка Астраханской губернии на 1875 год. Астрахань: Тип. губерн. правл., 1875. 8+1+170 с.

Памятная книжка Астраханской губернии на 1876 год. Астрахань: Тип. губерн. правл., 1876. 8+1+148+33+37 с.

Памятная книжка Астраханской губернии на 1877 год. Астрахань: Тип. губерн. правл., 1877. 6+1+155+38+35 с.

Памятная книжка Астраханской губернии на 1878 год. Астрахань: Тип. губерн. правл., 1878. 9+145+37+34 с.

Памятная книжка Астраханской губернии на 1879 год. Астрахань: Тип. губерн. правл., 1879. 9+148+38+35 с.

Памятная книжка Астраханской губернии на 1881 год. Астрахань: Тип. губерн. правл., 1881. IV+4+228 с.

Памятная книжка Астраханской губернии на 1882 год. Астрахань: Тип. губерн. правл., 1882. IV+4+165 с.

Памятная книжка Астраханской губернии на 1885 год. Астрахань: Тип. губерн. правл., 1885. 1+VIII+203+67 с.

Памятная книжка Астраханской губернии на 1886 год. Астрахань: Тип. губерн. правл., 1886. XI+181+23+XLV+1 с.

Памятная книжка Астраханской губернии на 1887 год. Астрахань: Тип. губерн. правл., 1887. XII+191+XLIX+15 с.

Памятная книжка Астраханской губернии на 1888 год. Астрахань: Тип. губерн. правл., 1888. XV+191+XLIX+7+26+28+1+IV+48+1 с.

Памятная книжка Астраханской губернии на 1889 год. Астрахань: Тип. губерн. правл., 1889. XII+214+1+18+19+14+XXIX+2 с.

Памятная книжка Астраханской губернии на 1890 год. Астрахань: Тип. губерн. правл., 1889. VIII+196+79+XXIX+1 с.

Памятная книжка Астраханской губернии на 1891 год. Астрахань: Тип. губерн. правл., 1890. VIII+5+167+80+100+17+35+21+13+4+12+9+15+XXXI+4 с.

Памятная книжка Астраханской губернии на 1892 год. Астрахань: Тип. губерн. правл., 1892. 11+VI+290+71 с.

Sources

[The National Archives of the Republic of Kalmykia]. (In Russ.)

[The State Archive of Astrakhan Region]. (In Russ.)

References

[Address-calendar of Astrakhan Province in 1884]. Astrakhan: New Russian print. house, 1884. V+305+XIX+[17] p. (In Russ.)

[Address-calendar of the Astrakhan Province in 1883]. Astrakhan: E. V. Persidskaya's Astrakhan Print. shop, rent. by L. T. Roslyakov, 1883. [2]+II+[3]+167 p. (In Russ.)

[Kalmyk Steppe of Astrakhan Province according to the Research of Kumo-Manych Expedition]. St. Petersburg: V. Bezobrazov and Kº, 1868. 36+76+171 p. (In Russ.)

[Kalmyk-Russian ABC Book for Literacy Training of the Kalmyk Children]. K. I. Kostenkov (compl.). St. Petersburg: Print. shop of the Imper. Academy of Sciences, 1871. 54 p. (In Kalm. and Russ.)

[Kalmyk-Russian ABC Book]. N. Badmaev (compl.). 2nd ed. St. Petersburg: Print. shop of the Imper. Academy of Sciences, 1910. 92 p. (In Kalm. and Russ.)

[Reference Book of the Astrakhan Province for 1873]. Astrakhan: Print. shop of Provincial Government, 1873. 166+8 p. (In Russ.)

[Reference Book of the Astrakhan Province for 1874]. Astrakhan: Print. shop of Provincial Government, 1874. 170+8 p. (In Russ.)

[Reference Book of the Astrakhan Province for 1875]. Astrakhan: Print. shop of Provincial Government, 1875. 8+1+170 p. (In Russ.)

[Reference Book of the Astrakhan Province for 1876]. Astrakhan: Print. shop of Provincial Government, 1876. 8+1+148+33+37 p.

[Reference Book of the Astrakhan Province for 1877]. Astrakhan: Print. shop of Provincial Government,1877. 6+1+155+38+35 p. (In Russ.)

[Reference Book of the Astrakhan Province for 1878]. Astrakhan: Print. shop of Provincial Government, 1878. 9+145+37+34 p. (In Russ.)

[Reference Book of the Astrakhan Province for 1879]. Astrakhan: Print. shop of Provincial Government, 1879. 9+148+38+35 p. (In Russ.)

[Reference Book of the Astrakhan Province for 1881]. Astrakhan: Print. shop of Provincial Government, 1881. IV+4+228 p. (In Russ.)

[Reference Book of the Astrakhan Province for 1882]. Astrakhan: Print. shop of Provincial Government, 1882. IV+4+165 p. (In Russ.)

[Reference Book of the Astrakhan Province for 1885]. Astrakhan: Print. shop of Provincial Government, 1885. 1+VIII+203+67 p. (In Russ.)

[Reference Book of the Astrakhan Province for 1886]. Astrakhan: Print. shop of Provincial Government, 1886. XI+181+23+XLV+1p. (In Russ.)

[Reference Book of the Astrakhan Province for 1887]. Astrakhan: Print. shop of Provincial Government, 1887. XII+191+XLIX+15 p. (In Russ.)

[Reference Book of the Astrakhan Province for 1888]. Astrakhan: Print. shop of Provincial Government, 1888. XV+191+XLIX-+7+26+28+1+IV+48+1 p. (In Russ.)

[Reference Book of the Astrakhan Province for 1889]. Astrakhan: Print. shop of Provincial Government, 1889. XII+214+1+18+19+14+XX-IX+2 p. (In Russ.)

[Reference Book of the Astrakhan Province for 1890]. Astrakhan: Print. shop of Provincial Government, 1889. VIII+196+79+XXIX+1 p. (In Russ.)

[Reference Book of the Astrakhan Province for 1891]. Astrakhan: Print. shop of Provincial Government, 1890. VIII+5+167+80+100+1 7+35+21+13+4+12+9+ 15+ XXXI + 4 p. (In Russ.)

[Reference Book of the Astrakhan Province for 1892]. Astrakhan: Print. shop of Provincial Government, 1892. 11+VI+290+71 p. (In Russ.)

Belousov S. S. [Kalmykia in the second half of the XIX cent.]. In: [History of Kalmykia from Ancient Times to the Present Day]. In 3 vol. Vol. 1. Elista: Gerel, 2009. Pp. 514–559. (In Russ.)

Borisenko I. V. [Numerical Structure of Kalmyks in the Main Areas of their Settlement (XVIII – early XX cent.)]. In: [Problem of Agrarian History of Pre-revolutionary Kalmykia]. Elista: Kalmyk Research Institute of History, Philology and Economics, 1982. Pp. 42–80. (In Russ.)

Burchinova L. S. [M. G. Novoletov: to the 140th Anniversary of his Birth]. *Bulletin of the Institute.* Ser.: History. Iss. 15. Elista: Kalmyk Research Institute of Language, Literature and History, 1976. Pp. 194–202. (In Russ.)

Burchinova L. S. [Reports of the Administration of the Kalmyk People as a source on Agrarian Policy of Tsarism in Kalmykia (60-s – early 90-s. XIX cent.)]. In: [Problem of Agrarian History of Pre-revolutionary Kalmykia]. Elista: Kalmyk Research Institute of History, Philology and Economics, 1982. Pp. 81–90. (In Russ.)

Deev S. Yu. [Concerning Problems of Administration System of the Kalmyk People in the XIX cent.]. *Bulletin of the Kalmyk Institute of Humanitarian Research of the RAS.* Iss. 20. Elista: Dzhangar, 2006. Pp. 121–137. (In Russ.)

Deev S. Yu. [Development of the Governmental Program of a Management Unification of the Kalmyk People at the end of the XIX century]. *Bulletin of the Kalmyk Institute of Humanitarian Research of the RAS.* Iss. 19. Elista: Dzhangar, 2005. Pp. 143–152. (In Russ.)

Komandzhaev A. N. [Economy and Social Relations in Kalmykia in late XIX – early XX cent.: Historical Experience and Modernity]. Elista: Dzhangar, 1999. 262 p. (In Russ.)

Kostenkov K. I. [Historical and Statistical Information on Kalmyks Roaming in the Astrakhan Province]. St. Petersburg: Nusvalt's Print. shop, 1870. 170 p. (In Russ.)

Matsakova N. P., Komandzhaev A. N. [Reform of 1892 in Kalmykia]. In: [History of Kalmykia from Ancient Times to the Present Day]. In 3 vol. Vol. 1. Elista: Gerel, 2009. Pp. 22–46. (In Russ.)

Maximov K. N. [Kalmykia in the National Policy, the System of Power and Management of Russia (XVII–XX cent.)]. Moscow: Nauka, 2002. 524 p. (In Russ.)

Novoletov M. G. [Kalmyks. Historical Essay]. St. Petersburg: V. Demkin, 1884. 79 p. (In Russ.)

УДК 9с(18 Тув)
ББК 63.3

СИСТЕМА НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ В ТУВЕ В ПЕРИОД НАХОЖДЕНИЯ В СОСТАВЕ ЦИНСКОЙ ИМПЕРИИ

The System of Taxation in Tuva in the Period of its Incorporation into the Ch'ing Empire

А. А. Самдан (A. Samdan)[1]

[1] кандидат исторических наук, заведующий сектором истории Тувинского института гуманитарных исследований (Ph.D. of History, Head of the Department of History at the Tuvan Institute for Humanities). E-mail: camayana@rambler.ru.

После вхождения Тувы в состав Цинской империи в первой половине XVIII в. были введены разные виды налогообложения населения. В статье на основе архивных источников предпринимается попытка систематизации разных налогов, собиравшихся с тувинских хошунов. Показано, что в результате непосильного размера налога, а также навязанного русскими и китайскими купцами натурального и долгового характера торговли, социально-экономическое положение Тувы значительно ухудшилось.

Ключевые слова: налог, пушнина, повинности, Маньчжурская империя, тувинские хошуны, пограничные караулы.

Various taxes to be collected from the population of Tuva were introduced after Tuva's incorporation into Ch'ing empire. The article based on archive sources attempts to systemize all sorts of taxes collected from khoshuns of Tuva. The main unit of direct tax (alban) was in the form of sable furs. Extermination of fur-bearing animals and penetration of Russian and Chinese commercial capital into Tuva led to increase of price for furs and impoverishment of the population of Tuva. Undurug was one more kind of tax which had to be paid on domestic animals. Undurug was used to pay salaries to officials and for various economic needs.

Military duty seemed to be the most burdensome because it involved labor and financial resources. According to the "Code", there were made "military lists" once in every three years and men from 18 to 60 years old had to take part in annual military call-up. In doing so, they had to provide themselves with the ammunition, two replacement horses and foodstuffs. In addition, guard duty on the borders of Tuva and urton duty (maintenance of messenger service) lay as a heavy burden on arats (poor herdsmen). In particular, urtons had a military organization and Tuvan khoshuns had to pay salaries to officials and maintain urtons. The average expenses for maintenance of all nine urtons equaled up to 4,860–6,480 lans of silver.

Thus, Tuvans had to pay various kinds of taxes and perform various duties in the period of Ch'ing empire. Penetration of Russian and Chinese commercial capital, barter trade and usurious type of commerce imposed by Russian and Chinese merchants considerably aggravated the difficult socio-economic situation as it was in Tuva.

Keywords: tax, furs, duty, the Manchurian Empire, Tuvan khoshuns, border guards.

После вхождения Тувы в состав Цинской империи в первой половине XVIII в. тувинцы были вынуждены нести определенные повинности. Последние можно разделить на три группы: 1) албан — государственная подать, прямой налог в виде пушнины; 2) ундуруг — повинность, связанная с местным налогом (исчислялась скотом); 3) воинские, караульные, уртонные, административные, трудовые, продуктовые и др. повинности.

Маньчжурские власти официально установили размер албана — пушного налога, собираемого с тувинского населения. По утверждению многих исследователей, всего было определено 3000 податных өреге (юрт). Эта цифра оставалась постоянной, поскольку число налогоплательщиков условно считалась неизменным. В число податного населения входили лица мужского пола от 16 до 60 лет.

Изначально было установлено собирать по пять соболей с каждого өреге. Но уже в 1727 г. цзянь-цзюнь Цэрэн уменьшил размер налога, видимо, боясь недовольства населения. «Из годового налога в пять соболей (с каждого двора), — говорилось в документе, — вычесть два соболя» [Оюун-

жаргал 2009: 40]. Сдача налога регулировалась законами Маньчжурской империи, и за несвоевременную и недостаточную уплату налога следовали суровые наказания и штрафы.

В единичных случаях, если на это имелось разрешение улясутайского цзянь-цзюня, разрешалось вносить вместо соболей другую пушнину. Так, А. В. Адрианов, Г. Е. Грумм-Гржимайло писали, что «одна шкура соболя приравнивалась к 40 шкурам белок; шкуры барса, рыси и выдры — к трем соболям; волка, лисы и росомахи – половине соболя; куницы — в четверть соболя» [Грумм-Гржимайло 2007: 627]. В архивных источниках отражены другие выкладки: 1 шкура соболя была равна шкуре 1 выдры, или 3 шкурам рыси, или 2 шкурам лисицы или же 40 шкурам белок. Вышеперечисленные пушные звери считались албанными, и поэтому строго запрещалось их продавать и покупать.

С целью обеспечения установленной нормы «дани пушниной» в 1788 г. амбынойон Тувы Даши издал приказ, в котором строго запрещалось покупать и продавать пушнину, торговать ею в кредит, давать ее в долг. Ответственность за соблюдение данного указа Даши возложил на всех чиновников тувинских сумонов, от десятника до чангы[1] [ГА РТ. Ф. 115. О. 1. Д. 1. Л. 9]. От уплаты албана были освобождены бедные и старики, но они должны были выполнять другие трудовые повинности. Кроме того, в пушной налог включались разные надбавки на расходы, связанные как с самим сбором налога, так и с доставкой его улясутайскому наместнику.

Ежегодно в период промысла правители хошунов организовывали охоту. «По окончании же промысла приступают к разобранию всех добытых каждою ротою собольих шкурок и записывают сколько из оных какой доброты и сколько всех вообще» [Уложение 1828: 207]. При приеме пушнины шкуры тщательным образом сортировались, и на каждой из них ставилось клеймо. Также составлялся список на случай отбраковки шкуры при сдаче, чтобы по нему можно было восстановить налогоплательщика и обязать его возместить брак.

Позднее, после проникновения в Туву русского и китайского торгового капитала, уменьшения лова зверей, помимо замены соболя на другие виды пушнины, прямой пушной налог можно было заменить домашним скотом. Но здесь не было принято единой системы мер, что давало возможность сборщикам завышать размеры самих налогов и надбавок к ним, обращая поборы с населения в свою личную пользу.

Чтобы вовремя и в должном количестве сдать албан, зачастую правители хошунов были вынуждены брать под большие проценты пушнину и деньги у китайских и русских торговцев, что привело к резкому скачку цен на пушнину. Так, в 1860 г. правитель Хемчикского хошуна Очур должен был выплатить всего 1000 шкур белки, 500 овец, 446 голов крупного рогатого скота [ГА РТ. Ф. 115. О. 1. Д. 81. Л. 79]. В 1881–1886 гг. Хемчикский и Бээзи хошуны были должны 2964 ланов серебра. Каждый год на эту сумму набегали проценты – более 1000 ланов серебра [ГА РТ. Ф. 115. О. 1. Д. 107. Л. 30]. В 1894 г. один только Хемчикский хошун задолжал китайскому торговцу более 8000 ланов серебра [ГА РТ. Ф. 115. О. 1. Д. 137. Л. 260]. По данным П. Е. Островских, только в 1896 г. у русских купцов было приобретено тувинцами для уплаты албана 726 рысей, 240 соболей, 20 бобров, 179 выдр и 16947 белок [Дулов 1956: 218].

По данным видного исследователя истории Сибири В. И. Дулова, за полвека цена на пушнину повысилась более чем 8 раз, или с 54 до 450 тыс. руб. [Дулов 1956: 220]. Например, если в 1870-х гг. соболь стоил 6 руб., белка — 10 коп., то в 1913–1914 гг. цена на соболя поднялась до 50–53 руб., а на белку — до 40–42 коп. Шкуру одного соболя можно было купить почти за семь годовалых бычков. Повышение цены на пушнину В. И. Дулов связывал «с ростом вывоза пушнины из Тувы и с уменьшением пушного зверя из-за его хищнического истребления» [Дулов 1956: 219].

Ежегодно весной и осенью правители хошунов приезжали на чыыш (съезд) для распределения албана, образовавшегося долга по хошунам и для сдачи собранного ими налога. Чыыш продолжался 3–10 дней, расходы (юрты, провизия, подводы) собирали с аратов. Чиновники управления амбынойона тщательно проверяли албан и снова все сверяли. Затем весь налог заносился в список и в сопровождении чиновников доставлялся в Улясутай. При этом чиновники обязательно должны были иметь при себе «надлежащее свидетельство» и быть включенными в «особенный список» с указанием

[1] Чангы (манч. *занги*) – командир эскадрона.

чина, возраста и т. д. Если же среди сопровождающих лиц находились люди, которые не были включены в список и «сами не состоят еще ни в какой степени», то, согласно «Уложению», «главноначальствующих князей под теми дивизиями (т. е. хошунами. — *А. С.*), к которым таковые принадлежат, какой бы они ни были степени, наказать удержанием жалованья за один год, а помощников главноуправляющих взысканием 5 девятков[1] скотин с каждого» [Уложение 1828: 204]. Следует отметить, что право сопровождать албан имели только правители хошунов. Только в случае болезни или старости они с разрешения амбын-нойона могли отправить кого-либо вместо себя. В случае же, если «не поедет сам, а пошлет под своим именем другого с подносными дарами, такового лишить достоинства и взыскать с него еще 5 девятков скотин пени, а тому, который принял на себя его имя, дать 100 ударов плетью и сверх того доправить с него 3 девятка скотин» [Уложение 1828: 205].

Для сбора образовавшегося долга албана приезжали чиновники из ставки улясутайского цзянь-цзюня, разумеется, все расходы по их содержанию ложились на тувинские хошуны. В 1889 г. в Туву три раза приезжали чиновники из ставки улясутайского цзянь-цзюня. В один из таких приездов в качестве подарка улясутайскому цзянь-цзюню и его чиновникам амбын-нойон выделил 16 шкур рыси, по 7 — соболей и лисицы, 280 шкур белки, чая, разных хадаков и тканей. Затем в пользу амбын-нойона с тувинских хошунов было собрано ровно в два раза больше — 32 рыси, по 14 — соболей и лисицы, 560 белок, а остальные товары были оценены в 2067 шкур белок. На провизию амбын-нойон собрал 8 волов и 1 корову, на подводы — 10 волов [ГА РТ. Ф. 115. О. 1. Д. 113. Л. 126].

Ежегодная сдача албана привела к тому, что целые тувинские хошуны оказались в огромных долгах. Зачастую податное население не справлялось даже с прямым налогом, поскольку из года в год уменьшалась добыча пушнины, соответственно, цена на нее росла, в отличие от цены на домашний скот. Таким образом, население стремительно нищало.

[1] Девяток – основная единица штрафа скотом. В состав одного девятка входили четыре головы крупного рогатого скота и пять овец, которые в случае необходимости могли заменяться другими видами скота.

Ундуруг, как было сказано выше, в основном взимался скотом. Его размер был установлен в «Уложении» и определялся следующим образом: с пяти голов рогатого скота взимался 1 баран; с 20 овец — 1 баран; с 40 овец — 2, «а более сего не брать, хотя бы кто имел и гораздо большее количество сих животных» [Уложение 1828: 132]. Основные расходы собранного ундуруга составляли выплаты жалования чиновникам, служителям канцелярии амбын-нойона, хошунов и уртонов, на разные канцелярские и хозяйственные товары, а также на содержание уртонов.

Таким образом, албан и другие поборы легли тяжелым грузом на тувинских аратов. Г. П. Сафьянов приводит следующие факты: довольно состоятельный тувинец, имеющий «200 голов лошадей, 70 голов рогатого скота, 200 овец, заплатил в 1898 г. податей и поборов: 600 белок, 5 рысей, 5 соболей, 5 кобыл, 5 баранов, 5 овец и 4 взрослых бычка» [Яковлев 2007: 227–228]. Эти поборы довели народ до обнищания. Как подчеркивал Вс. Родевич, «эти поборы уже несколько лет превосходят прибыль от стад, и сойоты, особенно богатые, постепенно разоряются. Они когда-то были значительными скотоводами по всей Монголии, теперь если у кого сто голов скотины, тот уже выдающийся богач» [Родевич 2007: 577].

Помимо прямого обложения, араты должны были нести и **воинскую повинность**. Как известно, административно-территориальное управление в Цинской империи было организовано по военной системе. Правители хошунов и сумонов имели воинские звания.

Согласно «Уложению Китайской Палаты внешних сношений», один раз в три года составлялись «военные списки» мужского населения, «производя оную эскадронно (по сумонам. — *А. С.*) с показанием числа семейств самым вернейшим образом» [Уложение 1828: 93]. Ежегодно мужчины от 18 до 60 лет проходили военные сборы, имея при этом полное военное снаряжение, двух сменных лошадей и собственную провизию. В мирное время «один из трех должен иметь и носить военную одежду, а в военное время двое из трех отправиться в поход» [Уложение 1828: 100]. В случае мобилизации за бегство, несвоевременное прибытие в зависимости от сословной принадлежности виновные наказывались удержанием жалованья, штрафами, бичеванием до 100

ударов плетью, смертной казнью, снятием с должности.

В 1880 г. по приказу улясутайского цзянь-цзюня из Тувы были мобилизованы 2000 воинов на военную подготовку. Амбын-нойон Олзей-Очур распределил воинскую повинность по следующим пяти хошунам: Тес-Хемский — 400 воинов, Базыр — 400, Майдыр — 400, Хубсугульский — 400 и Тоджинский — 100, Бээзи хошун — 230 и Даа хошун 70 [ГА РТ. Ф. 115. О. 1. Д. 69. Л. 68].

Помимо людских ресурсов, немало средств уходило на содержание самих воинов. В 1872 г. амбын-нойон Тувы получил приказ от улясутайского цзянь-цзюня о выделении средств для отправки в Или войска, подвод, выплаты жалования, строительства дополнительных уртонов. В связи с острой нехваткой провизии войскам из Танну-Урянхая следовало срочно собрать и отправить 10000 голов овец. Амбын-нойон Олзей-Очур распределил необходимое количество овец по хошунам, но, учитывая последствия падежа скота и бедственное положение аратов, приравнял 10 баранов к одному молодому бычку [ГА РТ. Ф. 115. О. 1. Д. 39. Л. 15].

В 1874 г. по приказу улясутайского цзянь-цзюня только с Даа-хошуна для воинских нужд было собрано 800 голов овец. Скот был распределен между десятью сумонами хошуна, видимо, с учетом платежеспособности населения. Чангы Балжинмай должен был собрать 350 голов, а чангы Ванчик только 25 [ГА РТ. Ф. 115. О. 1. Д. 60. Л. 34].

Цинские власти в качестве военной провизии закупали скот в Туве. В 1875 г. по приказу улясутайского цзянь-цзюня необходимо было до середины лета доставить в Улясутай 5262 головы молодых баранов. Олзей-Очур, учитывая невозможность собрать необходимое количество скота за короткий срок, выделил из своего хозяйства 1500 голов. По настойчивому требованию цзянь-цзюня второй раз удалось собрать еще 2028 голов овец, а в качестве отступных цзянь-цзюнь получил взятку — 20 шкур рыси. Но цзянь-цзюнь вновь настаивал на своем, тогда амбын-нойону к концу года удалось собрать 100 ланов серебра и с другими подарками поехать в Улясутай, чтобы получить отсрочку или вовсе не сдавать оставшееся количество скота [ГА РТ. Ф. 115. О. 1. Д. 39. Л. 36, 41; ГА РТ. Ф. 115. О. 1. Д. 41. Л. 72].

Зачастую случалось так, что цены на скот были значительно ниже рыночных, а иногда его и вовсе забирали бесплатно: «В 1911 г. по Салчакскому и Кемчикским хошунам три чиновника собрали 38 лошадей, ничего за них не заплатили, сами же брали с тувинцев по 7 лан в сутки и съедали по одному барану» [Дулов 1956: 226].

Пограничная повинность. После заключения в 1727 г. Буринского трактата между Цинским Китаем и Россией вдоль пограничных линий были установлены гарнизоны-караулы (тув. *хараалы*). Между пограничными пунктами Богсого-даваа (на востоке) и Шабин-даваа (на западе) были расположены 24 пограничных гарнизона-караула.

К службе пограничных караулов главным образом привлекались араты, которые со своими семьями переезжали на место прохождения службы. В каждом гарнизоне также вместе с семьями проходили службу и цирики (солдаты). Во главе гарнизона обычно ставили маньчжурских офицеров. Если же по каким-либо причинам араты не могли прибыть на место службы в назначенный день, то чангы лишали чина и штрафовали на 3 девятка (голов скота. — *А. С.*), хунду — лишали чина и штрафовали на 2 девятка, а рядовых приговаривали к 100 ударам плетью [Уложение 1828: 69].

К основным функциям пограничных караулов можно отнести недопущение бегства за границу, проверку документов и разрешений на пересечение границы, а также товаров — на наличие контрабанды и т. д. По маньчжурским законам, бегство за границу, оставление постоянного места проживания без разрешительных документов считалось тяжким преступлениям и каралось смертной казнью, а «на семьи казненных налагали штраф в размере двух девяток голов скота в пользу маньчжурской казны» [История Монгольской 1967: 197].

Один раз в три года улясутайский цзянь-цзюнь вместе с чиновниками приезжал в Туву, чтобы проверить пограничные знаки: «Для поездки цзянь-цзюня со свитой для осмотра северо-западной границы в 1908 г., продолжавшегося целый месяц, потребовалось 19 980 лошадей, 3870 верблюдов, 5760 проводников (улаачы), 1710 юрт, 270 палаток и 2490 баранов» [Дулов 1956: 226]. Все расходы, конечно, несли простые араты.

Для проверки пограничных караулов тувинские хошуны должны были выделить на

5 человек 5 проводников. 9 лошадей, 9 верблюдов, 6 юрт, 3 барана для еды и ямщиков 14 чел. [ГА РТ. Ф. 115. О. 1. Д. 72. Л. 39].

Уртонная повинность. Помимо пограничных караулов, в направлениях, имевших военно-административное значение, были основаны дорожно-почтовые станции (уртоны). Последние были учреждены для военных целей, и поэтому никто не имел права пользоваться почтовыми лошадьми или отправлять частные письма и посылки, но только служебные. В случае использования почтовых лошадей и людей для личных нужд, согласно «Уложению», чиновников понижали «двумя степенями, определяли к другой должности, а высших его начальников за слабое смотрение, понизив одним чином, оставляли при прежней должности» [Уложение 1828: 56].

Всего на территории Тувы было девять уртонов. Уртоны должны были доставлять почту, обеспечивать транспортом, проводниками (улаачы), ночлегом и провиантом проезжающих чиновников и правительственных гонцов (элчи). Расходы, связанные с обслуживанием уртонов легли на плечи аратов, привлекавшихся к выполнению различных трудовых повинностей: пастьба скота, приготовление еды, пошив одежды и т. д.

Уртоны имели военную организацию, сходную с сумонным, т. е. на каждой станции служили чангы, бижээчи (писарь), бошка[1], несколько рядовых и проводников. «Уложением Китайской палаты внешних сношений» было подробно регламентировано: чиновнику какой степени сколько полагается провизии, штат чиновников, количество лошадей, верблюдов, юрт и т. д. Так, высшим чиновникам отпускали одного барана, 8 человек свиты, 16 лошадей; «полковым адъютантам, поручикам и прапорщикам по две бараньих ноги. Унтер-офицерам и рядовым по одной ноге, 1 человека для свиты, 3 лошади» [Уложение 1828: 32].

Хошуны должны были выплачивать им жалование. Так, чангы в качестве жалованья получал 60 лан серебра в год, бошка — 36, бижээчи — 27, каждый рядовой — 24, проводники — 18 [Уложение 1828: 18]. Помимо жалованья, были и расходы на канцелярские товары, на седла, потники, котлы и другие хозяйственные нужды. По подсчету монгольского историка Ц. Насанбалжира, содержание одного уртона в течение года обходилось в сумму 540–720 лан серебра. Таким образом, в Туве на все 9 уртонов тратилось до 4860–6480 лан серебра.

Иногда случалось, что обедневшие хошуны не были в состоянии нести уртонную повинность. В 1886 г. по приказу амбын-нойона расходы хошуна ухери-да Хишиг-жаргала были распределены между остальными хошунами Тувы. Хошун ухери-да Дугара должен был выплатить 420 шкур белок или эквивалент деньгами [ГА РТ. Ф. 115. О. 1. Д. 112. Л. 38].

О приезде чиновников сообщали нарочными, которые отправлялись вперед. В свою очередь, амбын-нойон, получив известие о составе чиновников, отправлял приказ правителю хошуна, где в конце приписывал перечень необходимого для их содержания. Если же уртоны по разным причинам не могли обеспечить подводы и продовольствие, то за отказ дать подводы чиновник наказывался одним девятком голов скота, за невыдачу продовольствия взыскивался один бык [Уложение 1828: 61].

Начальниками почтовых станций назначались китайцы или чиновники Палаты Внешних сношений. «В 1900 г. для обслуживания проезжавшего цинского чиновника с его свитой у аратов было взято 286 лошадей, 54 верблюда, 51 юрта, 3 палатки, 300 уздечек, 60 арканов и т. д., причем это только на одной уртельной станции» [Дулов 1956: 225–226]. А в 1908 г. для приезда амбын-нойона каждый уртон, лежавший «на пути следования амбын-нойона, должен был приготовить 64 чел. слуг (улаачы), 222 лошади, 43 верблюда, 19 юрт, 3 палатки и большое число баранов для пропитания чиновника и его большой свиты» [История Тувы 2001: 223].

Пожалуй, сходной с уртонной повинностью была **административная служба.** По «Уложению Китайской Палаты внешних сношений», один раз в 3 года хошуны должны были нести административную службу в ставках улясутайского цзянь-цзюня, амбын-нойона Тувы, в канцеляриях правителей хошунов и сумонов. Расходы на обслуживание управления улясутайского цзянь-цзюня в год обходились около 2700 лан серебра [Монгол Улсын түүх 2004: 199]. Не располагая данными о расходах ставки амбын-нойона Тувы, можем, однако, предположить, что они могли составлять лишь немногим меньше этой суммы. Так же как и в уртонной службе, каждый сумон отправ-

[1] Бошка – низшее должностное лицо.

лял штат чиновников и служителей (кочага[1], медээчи[2], соодал[3]) — см.: [Дулов 1956: 226–232] в ставку амбын-нойона. Как писал Г. Н. Потанин, хубсугульские тувинцы «… Уин-огурде (правильно: Оюн угер-да. — *А. С.*) обязаны барщиной из трех человек в год, которые и отправляются из хошуна на Самогылтай (правильно: Самагалтай. — *А. С.*), а через три года сменяются» [Потанин 2007: 423].

В административную службу входили разнообразные формы повинностей: трудовая — уход за скотом, дойка, уборка, приготовление еды и т. д.; транспортная — перевозка чиновников или скота от одного кочевья до другого, доставка документов, писем; общественная — вызов в суд, исполнение судебных решений.

Таким образом, в период пребывания Тувы в составе Цинской империи тувинцы исполняли разного вида подати и повинности. Проникновение русского и китайского торгового капитала, навязанный ими натуральный и долговой характер торговли во многом усугубили и без того тяжелое социально-экономическое положение Тувы.

Источники

Государственный архив Республики Тыва. Ф. 115. Оп. 1 Д. 1, 39, 41, 60, 69, 72, 81, 107, 112, 113, 137.

Уложение Китайской Палаты Внешних Сношений. Перевод С. Липовцева. СПб.: Тип. Департамента народного просвещения, 1828. 319 с.

Литература

Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия и Урянхайский край. // Урянхай. Тыва дептер. Том 2. М.: Слово, 2007. С. 375–638.

Дулов В.И. Социально-экономическая история Тувы (XIX – начала XX в.). М.: Изд-во АН СССР, 1956. 607 с.

История Монгольской Народной Республики. Изд. 2-е. М.: Наука, 1967. 357 с.

История Тувы. Том I. Новосибирск: Наука, 2001. 366 с.

Монгол Улсын түүх. Дөтгөөр боть. (XVII–XX зууны эхэн). Улаанбаатар: ADMON, 2004. 420 с.

Оюунжаргал Очирын. Манж Чин улсаас монголчуудыг захирсан бодлого. Улаанбаатар: Арвин судар ХХК, 2009. 215 с.

Потанин Г.Н. Очерки Северо-Западной Монголии. Вып. IV // Урянхай. Тыва дептер. Том 2. М.: Слово, 2007. С. 419–495.

Родевич В. М. Урянхайский край и его обитатели // Урянхай. Тыва дептер. Т. 3. М.: Слово, 2007. С. 543–582.

Яковлев Е.К. Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея // Урянхай. Тыва дептер. Т. 5. М.: Слово, 2007. С. 202–253.

Sources

[The Regulations of the Chinese Chamber of External Relations]. S. Lipovtsev (transl.). St. Petersburg: Print. shop of Department of National Education, 1828. 319 p. (In Russ.)

[The State Archives of the Republic of Tuva]. Fund 115. Invent. 1. Case 1, 39, 41, 60, 69, 72, 81, 107, 112, 113, 137. (In Russ.)

References

[History of Mongolia. Volume by volume. (XVII – early XX cent.)]. Ulaanbaatar: ADMON, 2004. 420 p. (In Mong.)

[History of Mongolian People's Republic]. 2nd ed. Moscow: Nauka, 1967. 357 p.

[History of Tuva]. Vol. I. Novosibirsk: Nauka, 2001. 366 p. (In Russ.)

Dulov V. I. [Social and Economic History of Tuva (XIX – early XX cent.)]. Moscow: Publ. House of the USSR Acad. of Sciences, 1956. 607 p. (In Russ.)

Grumm-Grzhimailo G. E. [Western Mongolia and Uryankhai Region]. In: [Uryanhai. Tyva depter]. Vol. 2. Moscow: Slovo, 2007. Pp. 375–638. (In Russ.)

Oyuunzhargal Ochirin. [The Policy of the Mongols from the Manchu Dynasty]. Ulaanbaatar: Arvin sudar KhKhK, 2009. 215 p. (In Mong.)

Potanin G. N. [Essays of North-Western Mongolia]. Iss. IV. In: [Uryanhai. Tyva depter]. Vol. 2. Moscow: Slovo, 2007. Pp. 419–495. (In Russ.)

Rodevich V. M. [Uryankhai Territory and its Inhabitants]. In: [Uryankhai. Tyva depter]. Vol. 3. Moscow: Slovo, 2007. Pp. 543–582. (In Russ.)

Yakovlev E. K. [Ethnographical Review of the Non-Slavic Population of the Southern Yenisei Valley]. In: [Uriankhay. Tyva depter]. Vol. 5. Moscow: Slovo, 2007. Pp. 202–253. (In Russ.)

УДК 94(47).323.11 (470.6)
ББК 63.3 (326)

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ ЕГО РЕШЕНИЯ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В 1920–1930-е гг.*

The National Question and Institutional Practices of its Solution in the North Caucasus in the 1920s–1930s

Т. П. Хлынина (T. Khlynina)[1], Е. Ф. Кринко (E. Krinko)[2]

[1]доктор исторических наук, главный научный сотрудник лаборатории истории и этнографии Института социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН (Ph.D. of History, Leading Scientist of the Laboratory of History and Ethnography at the Institute of Social-Economic and Humanities Researches of Southern Scientific Center RAS). E-mail: tatiana_xl@mail.ru.

[2]доктор исторических наук, заместитель директора Института социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН (Ph.D. of History, Deputy Director of the Institute of Social-Economic and Humanities Researches of Southern Scientific Center RAS). E-mail:krinko@mail.ru.

Статья посвящена рассмотрению организационных форм решения национального вопроса на Северном Кавказе в 1920–2000-е гг. В ней анализируются причины возникновения, основные направления и характер деятельности этих институтов. Отмечаются их преемственность и содержательная эволюция.

Ключевые слова: национальный вопрос, Северный Кавказ, Народный Комиссариат по делам национальностей, Национальный Совет; национальные меньшинства, национальная политика.

The paper is devoted to the various organizational forms of solving the national question in the North Caucasus in the 1920s–1930s. It is noted that prior to 1917 in the Russian Empire there were no special departments dealing with national issues. These issues, more commonly known as *inorodchesky* were in charge of the Ministry of Internal Affairs. Came to power, the Bolsheviks decided to create a special authority. For this purpose, the People's Commissariat of Nationalities of the RSFSR was soon established. Further on, the Council of Nationalities of the Central Executive Committee together with the USSR Supreme Soviet functioned as the first Soviet Ministry of Nationalities. In its turn, in the North Caucasus at different times such kind of responsibility was also typical for the National Council of the North Caucasus regional executive committee and various national commissions set up in the autonomous regions and republics. Their creation was conditioned by the need to respect and protect the interests of "national minorities".

Keywords: national question, the North Caucasus, the People's Commissariat for Nationalities, the National Council, national minorities, national policy.

До 1917 г. в Российской империи не существовало специального ведомства, занимавшегося национальными вопросами. Эти вопросы, более известные как «инородческие», находились в ведении Министерства внутренних дел. Пришедшие к власти большевики твердо верили, что доставшиеся им в наследство от «ненавистного царского режима» национальные проблемы требовали для своего разрешения особого органа власти. Таким органом стал созданный 26 декабря 1917 г. Народный комиссариат по делам национальностей РСФСР. Наркомнац являлся единственным учреждением, в основу структурного деления которого был положен национальный принцип. В его состав входили национальные комиссариаты и отделы, в том числе и отдел горцев

* Работа выполнена в рамках проекта «Нациестроительство на Северном Кавказе: исторический опыт и современные практики» Программы фундаментальных исследований секции истории ОИФН РАН «Нации и государство в мировой истории» на 2012–2014 гг.

Кавказа. В последующем функции первого советского министерства по делам национальностей выполняли Советы национальностей ВЦИК и Верховного Совета СССР. Отсутствие на сегодняшний день специального ведомства по делам национальностей в ранге министерства и наличие такового по делам Северного Кавказа свидетельствуют, казалось бы, о применении властью принципиально иных механизмов решения проблем «национально» позиционируемых административных образований. Однако в реальности, по крайней мере, на уровне все тех же регионов национальные вопросы не только представляются, но и разрешаются по рецептам советской эпохи: особыми органами власти и по особым случаям.

В 1926 г. член Президиума Северо-Кавказского исполнительного комитета У. Алиев подготовил докладную записку с характерным названием «О необходимости создания “Национального Совета” в составе Северо-Кавказского краевого исполнительного комитета». В ее подзаголовке стояла фраза, свидетельствовавшая о важности и неотложности рассматривавшегося вопроса: «принципиально санкционировано тов. Микояном». На самой докладной записке значился гриф «Секретная». О ее последующей судьбе ничего не известно, хотя, как представляется, именно она предопределила последующие организационные формы решения национального вопроса в регионе.

Рассуждая о необходимости создания Национального Совета на Северном Кавказе, У. Алиев отмечал: «Край пестрит многочисленными национальностями и нацменьшинствами, составляющими в общем более 30 % всего населения края (т. е. более 2.000.000). При разнородном культурном уровне и историческом развитии мозаичность в национальном составе требует особых причудливых организационных форм Советского правления, как в краевом центре, так и на местах, при которых наиболее чутко могли бы прислушиваться к их запросам и более быстрыми темпами способствовать их культурному, экономическому развитию». Монолитность советского правления в мозаичном крае, по мнению автора записки, неизбежно вела к потере «некоторых текущих культурно-экономических интересов нацменов и националов», учет которых мог бы осуществляться специальным общесоветским органом власти. Существовавшие «подсобные органы при отделах крайисполкома (совнацмен при крайоно, институт замства при националах) <…> не всегда пользуются успехом, чтобы к их голосу прислушивались, и их мероприятия не проходят дальше от “благих намерений”». Отмечавшиеся нарушения автономных прав национальных образований, происходивших не только по «злой», но и «доброй воле» представителей краевых органов власти, становились еще одним веским аргументом в пользу необходимости учреждения специального органа в составе крайисполкома «в ограду и защиту интересов ранее забытых и культурно отсталых националов и нацменьшинств» [ГА РО. Д. 501. Л. 20–21].

Предлагалось три варианта форм организации такого «специального органа». Первый вариант исходил из необходимости учреждения Национального Совета или Совета Национальностей в составе Северо-Кавказского краевого исполнительного комитета. Обосновывалось такое предложение «подражанием союзному ЦИКу в создании второй палаты – выборного органа не на началах пропорционального числа населения, а на началах представительства, паритетности в нашем масштабе». Более того, создание такого органа в краевом центре получило свое решение еще в первоначальном проекте «Положения о Северо-Кавказском крае», принятом на Пленуме крайисполкома в марте 1924 г., «каковое вследствие не вхождения в край Горской и Дагестанской АССР и уменьшением удельного веса национальных объединений осталось неосуществленным». К компетенции Совета относилось наблюдение за своевременным и точным выполнением постановлений всех высших государственных и краевых органов по вопросам, касавшихся национальных республик и областей; рассмотрение, согласование и представление в краевой исполком и его Плановую комиссию хозяйственных планов автономных республик и областей; контроль над осуществлением высшими органами автономных республик и областей производственных программ в пределах единого краевого хозяйственного плана и принятием необходимых мер для правильного его выполнения. Отмечались необходимость наблюдения за правильным и целесообразным использованием всех материальных ресурсов автономных образований; содействие в деле их снабжения всеми материальными средствами для хозяйствен-

ного развития и «преуспеяния»; развитие государственно-административных, культурных и хозяйственных инициатив автономий и «принятие всякого рода мер, направленных к повышению их хозяйственного и культурного уровня» [ГА РО. Д. 501. Л. 22].

Второй вариант предусматривал создание при краевом исполнительном комитете Отдела национальностей или уполномоченного по делам нацменьшинств, в задачи которых входило бы осуществление мер в области национальной политики, а также защита прав и интересов национальных меньшинств. Третий вариант исходил из создания краевой Комиссии по делам национальностей по примеру Украины. Ее деятельность предполагала выявление законодательной инициативы и принятие участия в разработке и согласовании через соответствующие органы всех законопроектов, касавшихся политики края по делам национальностей; вхождение «в сношения с соответствующим отделом ВЦИК или управлением по разрешению тех или иных вопросов экономического, культурного и иного характера, касавшихся национальных меньшинств»; возбуждение вопросов о пересмотре уже принятых постановлений, противоречащих интересам той или иной национальности. В отличие от других предлагавшихся органов Комиссия наделялась и культуртрегерскими функциями. Она должна была собирать, изучать и разрабатывать материалы, относившиеся к экономике, культуре и быту национальных меньшинств, проводить «в случае надобности их непосредственные обследования на местах», а также принимать меры к изданию и распространению на национальных языках «важных декретов и распоряжений власти для ознакомления нацменов с их правами и обязанностями» [ГА РО. Д. 501. Л. 23–24]. В заключительной части «Докладной записки» создание в краевом центре «общего авторитетного советского органа специально для осуществления мероприятий национальной политики и для защиты прав, интересов националов и национальных меньшинств в Северо-Кавказском крае» признавалось принципиальной необходимостью. Наиболее оптимальной формой его организации представлялся Национальный Совет в составе краевого исполнительного комитета на правах второй палаты. До его учреждения предлагалось создание Национальной Комиссии из пяти человек под началом одного из заместителей председателя крайисполкома, «на коих временно и возлагалось исполнение функций Национального Совета».

К моменту появления этого программного документа в составе краевого исполкома уже был создан и действовал Крайнацсовет — краевой Национальный Совет по вопросам культуры и просвещения горских народностей. Он был учрежден в 1925 г. «в целях планомерного содействия скорейшему культурному развитию горских народов Северо-Кавказского края, согласования работ и мероприятий всех краевых и местных советских учреждений и общественных организаций в деле культуры и просвещения горских народов …». Совет образовывался из представителей отдельных горских народов «в составе от Чечни — 2, от Ингушетии — 1, Осетии — 2 (один иронец, другой — дигорец), Кабарды — 1, Балкарии — 1, Карачая — 1, Черкесии — 1, абазинцев — 1, ногайцев — 1, Адыгеи — 1, шапсугов — 1, туркмен — 1, тюрко-татар — 1, калмыков — 1», которые избирались соответствующими исполкомами. Со стороны крайисполкома в Совет вводились «соответствующие люди. Вся техническая работа осуществлялась президиумом из 3 человек и 2 кандидатов, избиравшихся на год Пленумом Крайнацсовета». Сессии Совета должны были проводиться не реже одного раза в три месяца, а его представитель, согласно Положению, с правом решающего голоса должен был входить в Севкавплан и краевую бюджетную комиссию при обсуждении вопросов о культурных мероприятиях и просвещении горских народов. Показательно, что первым его председателем оказался все тот же У. Алиев.

Деятельность Совета получила крайне разноречивую оценку: У. Алиев находил ее «недотягивавшей» до нужд тех, кому она непосредственно предназначалась; крайисполком, напротив, считал ее «где-то даже избыточной», а Совет Национальностей ВЦИК время от времени требовал «оживить работу среди наших внутренних националов». Тем не менее, только за один год при содействии Совета будут организованы и открыты музей северокавказских народов, Институт краеведения, а его I Пленум в разделе «Наших достижений» 7 мая 1926 г. отметит: «Все, что мы имеем, имеем как творчество и продукт Советской власти, начиная от буквы *а* и кончая сравнительно удовлет-

ворительной литературой на горских языках». При этом одним из тормозов успеха в области национального издательства будут названы «пестрота национального состава нашего края и множество языков» [ГА РО. Д. 534. Л. 186, 187].

Напомним, что в 1924 г. в ходе реформы районирования была создана Юго-Восточная область (переименованная год спустя в Северо-Кавказский край), в состав которой вошли все национальные образования. Именно это вхождение, собственно, и спровоцировало дискуссию о необходимости создания специального органа власти, обеспечивавшего представительство и защиту их интересов. Сложность выработки принципов районирования Юго-Востока России связывалась прежде всего с тем, что входившие в него административно-территориальные и национальные образования резко различались между собою в экономическом, политическом и культурном отношениях. Поэтому принятию окончательного положения о новом краевом объединении предшествовал длительный процесс согласования различных проектов, в разработке которых приняли участие самые различные ведомства. Их отличия носили, на первый взгляд, не принципиальный характер, но свидетельствовали о непростом процессе согласования хозяйственных интересов и административных амбиций руководства как национальных областей, так и центральных учреждений страны.

В 1922 г. состоялось первое краевое совещание губернских и областных ЭКОСО (экономических совещаний) Юго-Востока России. Оно признало, что методы советского строительства народного хозяйства оказались совершенно несовместимы с формами административно-территориального деления Северного Кавказа, а также со структурой и правовым положением местных органов власти. Ситуация усугублялась и особой позицией, занятой автономиями, которые рассматривали любое включение в промежуточное объединение как прямое ущемление своих прав: «Анализ документов, относящихся к экономическому районированию Юго-Востока, созданию Северо-Кавказского края, позволяет сделать вывод о том, что некоторые руководящие работники Дагестана и других горских автономий в первые годы Советской власти слишком ревностно относились к автономии, зачастую преувеличивали национальные особенности в ущерб общегосударственным интересам, проявляли местничество» [Летифов 1972: 119].

В противовес первоначальному варианту районирования, предложенному Госпланом, от Дагестана была выдвинута идея преобладания национальных интересов в создании крупных экономических областей, согласно которой предусматривалось образование экономического объединения горцев Северного Кавказа с центром в Грозном. Объединение предусматривало «согласование общей экономической политики РСФСР с особенностями быта и нуждами горского населения, более полное использование местных средств и природных богатств края для повышения экономического благосостояния населения», а также «гарантии автономиям со стороны государственных образований этого района» [Летифов 1972: 96–97].

Весьма показательна и реакция русских областей Юго-Востока России в отношении госплановского проекта. Так, ознакомившись с ним и выразив полное согласие с самими подходами к вопросу о районировании, Кубано-Черноморский облисполком счел необходимым выдвинуть ряд соображений. Они сводились к требованию более осторожных действий, не допускавших немедленного осуществления проекта и позволявших обеспечить постепенный переход Кавказа на областное управление. Общие трудности, по мнению комитета, заключались в проживании на территории региона 80 различных народностей, часть из которых получила от советской власти ту или иную форму автономии в управлении и хозяйственном самоопределении. Вполне естественно, что объединение на началах областного управления взамен непосредственного подчинения центру не могло быть воспринято ими безболезненно. По мнению руководства области, во многих районах еще не были выработаны «надлежащие» формы хозяйствования, не изучены экономические возможности, отсутствовали культурно-экономические центры, которые могли бы удовлетворительно выполнять задачи областного центра [Хлынина 1997: 101–102]. Особо отмечалось, что в силу национально-бытовых особенностей, отсутствия необходимого хозяйственного взаимодействия между Северным Кавказом и Закавказьем, немедленное районирование Кавказа оказывалось невозможным. Пред-

лагалось создание в границах Кавказа трех областей: Закавказской, Горской и Северо-Кавказской, с их последующим объединением. При этом в Горскую область должны были войти исключительно национальные образования края, а также Дагестан и Горская республика. На долю Северо-Кавказской области приходились русские территории края, а в состав Закавказской включались закавказские и Нахичеванская республики, а также Абхазия.

Подобные варианты «национального» районирования вызвали резко отрицательную реакцию Юго-Восточного бюро ЦК РКП (б). Подчеркивались «крайняя бедность культурных сил на местах, слабость партийных, советских организаций, негативное отношение к подобным идеям русских округов, а также … последующие неурядицы и склоки между национальностями» [Хлынина 1997: 102]. В дальнейшем Юго-Восточное отделение Госплана предложило создание Средне-Кавказского экономического района, включавшего в свой состав Дагестанскую и Горскую республики, Кабардино-Балкарскую и Карачаево-Черкесскую автономную области, Терскую и Ставропольскую губернии с центром во Владикавказе. Проект учитывал экономическую целостность района, наличие природных ресурсов, источников энергии и однообразный характер сельскохозяйственного производства, сложившийся в республиках и областях. Данный вариант являлся простым повторением старого, дагестанского проекта. Небольшие различия, касавшиеся в основном выбора административного центра и самих принципов создания района, не меняли его сути. Однако именно в них заключались главные отличия двух проектов. Последний проект отвечал принципам экономического районирования и ориентировался на хозяйственные нужды как автономных образований, так и страны в целом [Нечипурнова 1968: 72–74].

Комиссия по районированию Юго-Востока России рассмотрела все возможности проведения районирования по национальному признаку и пришла к заключению, что данный признак «более или менее близко укладывается к сложившимся хозяйственным районам: скотоводческому с преобладанием туземного населения и земледельческому — русскому по своему основному составу». Комиссия отметила и тот факт, что национальное единообразие должно было достигаться в каждом районе посредством включения в одну административную единицу, по возможности, трех основных национальностей — «великорусской, малорусской и туземной, так как преобладание той или иной из них накладывало резкий отпечаток на весь хозяйственный строй района» [Хлынина 1997: 102]. Предлагавшиеся проекты встретили протест со стороны представителей как самих горских автономий, так и Кубано-Черноморской области. Наиболее решительно они прозвучали на августовском совещании 1923 г. краевого экономического совета и Президиума Юго-Восточного бюро ЦК РКП (б). Кубано-Черноморская область настаивала на образовании Северо-Кавказского края без Донской области и национальных автономий, на роль административного центра которого предлагались Краснодар или Армавир. Представители Донской области, Терской и Ставропольской губерний поддержали проект Юго-Восточного отделения Госплана об образовании Средне-Кавказского района. В свою очередь, автономные образования предлагали создание «чисто русской» Юго-Восточной области или включение их в сферу ее деятельности на общих основаниях с другими административно-территориальными единицами. На совещании по национальному вопросу, состоявшемуся 12 июня 1923 г. при ЦК РКП (б), представители Дагестанской, Горской республики и Чеченской автономной области сообщали в Президиум ВЦИК о том, что они против включения автономий в состав Юго-Восточной области. Одной из причин такого нежелания указывалось «умаление их прав». Присутствовавший на совещании заместитель Юго-Восточного отделения Госплана В. Н. Хронин, напротив, видел в процессе районирования некоторую «децентрализацию власти и расширение прав местных органов власти, а тем более автономий». Протест автономных образований рассматривался им «как желание автономных республик и областей выйти из краевого объединения вообще независимо от районирования» [Бугай, Мекулов 1994: 118].

Анализ данных проектов районирования Юго-Востока России свидетельствовал о напряженном поиске различными ведомствами наиболее оптимального сочетания хозяйственных интересов страны с потребностями национальных автономий. 13 февраля 1924 г. было принято итоговое «По-

ложение о Юго-Востоке России», переименованном 16 октября в Северо-Кавказский край. Новая область включала в себя 10 административно-территориальных единиц губернского масштаба с центром в Ростове-на-Дону. В нее вошли две области, две губернии, четыре национальные автономии — Карачаево-Черкесская, Адыгейская, Чеченская, Кабардино-Балкарская автономные области, Горская АССР и г. Грозный. Дагестан оказался в непосредственном подчинении РСФСР и выразил желание связать себя экономическими узами с Закавказской Федерацией.

По «Итоговому положению о Юго-Востоке России» автономии провозглашались независимыми от краевых органов власти в вопросах внутреннего управления, земельных отношений, народного образования, здравоохранения, судоустройства, социального обеспечения, местного хозяйства и бюджета. Фактически они подчинялись краевому руководству лишь в области финансового налогообложения, труда, рабоче-крестьянской инспекции, внутренней торговли и статистики. Автономии обязаны были руководствоваться распоряжениями уполномоченного соответствующего Наркомата при краевом исполкоме в вопросах иностранных дел, внешней торговли, железнодорожного транспорта, управления почтово-телеграфной сети и в военных делах. В случае несогласия с распоряжениями краевого исполкома, его Президиума и отделов исполнительные комитеты автономных областей имели право на приостановление их действий под свою ответственность. При этом им следовало поставить в известность крайисполком и обращаться за окончательным решением во ВЦИК. За автономиями закреплялось право иметь представительства в краевых и всероссийских органах власти. В целях согласования интересов области и входивших в ее состав автономий при областном исполкоме Юго-Востока учреждался Национальный Совет по делам национальных республик и областей. В его компетенцию входил широкий круг вопросов — от согласования хозяйственных планов и содействия в повышении культурного уровня национальных образований до предварительного обсуждения касавшихся автономий вопросов, выносившихся на рассмотрение облисполкома. Отношения национальных автономий с центральными органами власти планировалось осуществлять только через Национальный Совет, областной исполком или его Президиум. Однако уже в 1926 г. Национальный Совет был переименован в Национальную Комиссию, действовавшую при краевом исполнительном комитете и сосредоточившуюся на разборе жалоб и взаимных претензий «отдельных национальностей и народов друг к другу». Судьба Комиссии оказалась тесно связанной с существованием самого краевого объединения: она была упразднена в 1934 г. в связи с его разделением на Северо-Кавказский и Азово-Черноморский края. Оценить ее работу пытались уже современники, отмечая, что во многих случаях сам факт существования учреждения, выполнявшего функции арбитра национальных трений, способствовал не только интенсификации прежних, но и возникновению новых. Дело в том, что Комиссия не только рассматривала возникавшие споры, но и проводила «большую работу по изучению национальных отношений в крае», итогом которой зачастую оказывалось «возбуждение вопросов об их ненормальности».

При обсуждении проекта договора представители автономий неоднократно указывали его разработчикам на то, что он недостаточно учитывает «национальный момент, неглубоко проводит идею построения областного (краевого) аппарата на началах равноправного участия в нем всех национальностей». Так, представители Адыгейской автономной области настояли на вхождении в Национальный Совет не одного, а двух ее делегатов «наравне с Кабардино-Балкарией и Чечней». Автономии предлагали и создание двухпалатного облисполкома, который состоял бы из исполнительного комитета и комитета национальностей, сформированного по паритетному принципу. Звучали предложения и об образовании Отдела национальностей при Президиуме областного комитета, непосредственно связанного с Отделом национальностей ВЦИК. Предложения и многочисленные поправки автономий были учтены в «Положении о Северо-Кавказском крае», утвержденном Декретом ВЦИК 26 января 1925 г. В двух его разделах подтверждалось право автономий на непосредственное обращение к общефедеральным органам власти. 29 октября 1928 г. оно было повторно подтверждено постановлением ВЦИК и СНК РСФСР «О взаимодействии между автономными областями, вошедшими в состав краевых

(областных) объединений, и органами областной (краевой) власти». Автономии одновременно признавались субъектами федеральной организации России, ее административно-территориального устройства и административно-экономического деления. Подобная практика со временем была распространена и на подавляющее большинство ранее и вновь созданных автономий [Хлынина 2003: 213–215].

Именно тогда сформировались представления о том, что национальные проблемы не только не могут быть сведены к вопросам социально-экономического и культурного развития отдельных национальных групп и целых народов, но и требуют для своего разрешения специального органа власти. Все попытки «вписания» этих проблем в общее русло развития конкретных территорий не находили понимания в национальной среде и разбивались о глухую стену недоверия к «интернационализму как таковому». Причинами этого недоверия оказывалась убежденность как самих «националов», так и представителей советской власти в том, что разобраться в хитросплетениях национальной жизни в крае можно, только выделив ее в отдельное направление. Этот же подход сохраняется и в современной государственной практике решения национальных вопросов, усложняющихся, по мнению представителей соответствующих ведомств, возросшей мобильностью этнических групп. Несмотря на различающиеся названия и масштабность деятельности сегодняшних «наркомнацей», все они исходят из признания существующих в стране национальных проблем и возможности их решения в рамках специально для этого образованных подразделений.

Источники

Государственный архив Ростовской области (ГА РО). Ф. Р-1485. Оп. 1.

Литература

Бугай Н. Ф., Мекулов Д. Х. Народы и власть: «социалистический эксперимент». 20-е годы. Майкоп: Меоты, 1994. 424 с.

Летифов А. Л. Исторический опыт национально-государственного строительства на Северном Кавказе в переходный период к социализму. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1972. 228 с.

Нечипурнова Н. С. Партийное руководство опытным административно-хозяйственным районированием Северного Кавказа. Орджоникидзе: Ир, 1968. 188 с.

Хлынина Т. П. Адыгея в 1920-е годы: проблемы становления и развития автономии. Краснодар: Качество, 1997. 127 с.

Хлынина Т. П. Становление советской национальной государственности у народов Северного Кавказа. 1917–1937 гг.: проблемы историографии. М.: Изд-во МГОУ, 2003. 238 с.

Sources

[The State Archives of the Rostov Region]. Fund R-1485. Invent. 1. (In Russ.)

References

Bugai N. F., Mekulov D. Kh. [People and Power: “Socialist Experiment”. 20-s]. Maikop: Meoty, 1994. 424 p. (In Russ.)

Khlynina T. P. [Adygeya in the 1920s: Problems of Formation and Development of Autonomy]. Krasnodar: Kachestvo, 1997. 127 p. (In Russ.)

Khlynina T. P. [Establishment of Soviet National Statehood among the Peoples of the North Caucasus. 1917–1937: Problems of Historiography]. Moscow: Moscow State University Publ. House, 2003. 238 p. (In Russ.)

Letifov A. L. [Historical Experience of National-state Building in the North Caucasus during the Transition Period to Socialism]. Makhachkala: Dagknigoizdat, 1972. 228 p. (In Russ.)

Nechipurnova N. S. [Party Leadership of the Experimental Administrative and Economic Zoning of the North Caucasus]. Ordzhonikidze: Ir, 1968. 188 p. (In Russ.)

УДК 94(470.47)
ББК 63.3(2)612

ОСОБЕННОСТИ БОРЬБЫ С «ПОЛИТИЧЕСКИМ БАНДИТИЗМОМ» В КАЛМЫКИИ В ПЕРИОД ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ (1917–1920 гг.)

Peculiarities of the Fight against "Political Banditry" in Kalmykia during the Civil War (1917–1920)

У. Б. Очиров (U. Ochirov)[1]

[1]доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела истории и археологии Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Ph.D. of History, Associate Professor, Leading Scientist of the History and Archeology Department at the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS). E-mail: utash@elista.ru.

Статья посвящена анализу особенностей борьбы советской власти с «политическим бандитизмом» на территории Калмыкии в период революции 1917 года и Гражданской войны. Автор приходит к выводу, что группы мятежников, ведущих борьбу с властями по политическим мотивам, появились лишь в период Гражданской войны, сражаясь в основном в интересах белых. С поражением белогвардейцев их деятельность пошла на убыль, и появление новой волны «бандповстанцев» связано уже с движением «зеленых».

Ключевые слова: история Калмыкии, правоохранительные органы, Гражданская война, борьба с бандитизмом.

The article analyzes the peculiarities of the Soviet authorities' fight against the "political banditry" in Kalmykia during the Revolution of 1917 and the Civil War. The author concludes that the rebel groups, fighting against the government due to political reasons, were not present in the territory of Kalmykia until 1917. There were only a few criminal groups, which were mainly engaged in cattle raiding.

After the Revolution of 1917 and the outbreak of the Civil War the territory of Kalmykia became the scene of armed confrontation between the Red Army and the White Armed Forces. The geographical environment (wide steppes, low population density) determined active implementation of the tactics resembling the actions of cattle raiders: rush and sudden attacks of small flying cavalry columns. Besides, the core target of the *bandpovstantsy* (rebel groups) were not the troop units, but the administrative establishments and local authorities, and consequently their actions were limited to robbery and capture of food and property. After the White Army was defeated, the majority of the "troops" ceased hostility in exchange for amnesty, and the Rebel movement in Kalmykia was suppressed.

Keywords: History of Kalmykia, law enforcement authorities, the Civil War, fight against banditry.

До революции 1917 г. в Калмыкии отсутствовали какие-либо группы повстанцев, ведущих борьбу с властями по политическим мотивам, в отличие, например, от территории Латвии, где в период первой русской революции развернулось движение «лесных братьев» под руководством эсдеков, или территории Казахстана, где в период Первой мировой войны вспыхнуло восстание под руководством А. Иманова и А. Джангильдина. На территории Калмыкии было лишь несколько малочисленных банд, занимавшихся в основном скотокрадством. Географические условия (широкая степь, малая плотность населения) давали возможность малочисленным бандам укрыться, но в то же время препятствовали увеличению их численности. Кроме того, власти еще с конца XIX в. ввели запрет на хранение огнестрельного оружия у калмыков [ГА РФ. Ф. Р-102. Д-2. Оп. 54. Д. 15. Ч. 11. Л. 1], что, с одной стороны, ограничивало возможности усиления боеспособности и огневой мощи банд, с другой стороны, оставило законопослушное население безоружным перед бандитами. Впрочем, численность банд была невелика, и органы местной власти успешно противостояли им силами улусной полицейской стражи.

С началом революции 1917 г. ситуация изменилась коренным образом. В ходе февральских событий бóльшая часть органов

власти сохранилась и продолжила свое существование, правоохранительные органы во многих регионах (в том числе и в Астраханской губернии) были разгромлены. Взамен распущенной полицейской стражи предполагалось создать улусную народную милицию, перед которой сразу же поставили задачу усиления борьбы со скотокрадством. Откуда улусы должны были брать средства на обучение и вооружение милиции, не указывалось, однако все резервы из запасного общественного капитала предлагалось использовать исключительно на нужды образования. Председатель ЦИК по управлению калмыцким народом Б. Э. Криштафович обращался в Петроград с просьбой о выделении на 200 милиционеров 150 маузеров и 75 наганов с патронами (по 200 штук на ствол) и даже нашел где-то средства на оплату, но поддержки не получил [НА РК. Ф. Р-10. Оп. 1. Д. 4. Л. 5]. Если учесть при этом, что архаичные, но хоть как-то работавшие, улусные зарго фактически прекратили работу после ухода улусных попечителей и их помощников, то распад системы защиты законности в Калмыцкой степи можно признать состоявшимся фактом.

Криминогенность в Калмыцкой степи начала возрастать. В селах Калмыкии появились большие группы вооруженных дезертиров, которые частично начали собираться в никому не подчиняющиеся отряды самообороны. При этом некоторые группы дезертиров мало заботились о соблюдении законности, и провести грань между такими отрядами и уголовными бандами было весьма затруднительно. Во многом благодаря этому летом 1917 г. в ЦИК по управлению калмыцким народом победу одержали сторонники оказачивания калмыков [Очиров 2006: 163–180]. Улусные атаманы начали активно формировать казачьи сотни из калмыков и изыскивать оружие для них, в основном, за счет покупки у дезертиров. Например, за 200 рублей «николаевскими» или три овцы давали карабин. Манычский улусный атаман Г. Д. Балзанов вспоминал, что ему удалось даже выменять на пару годовалых бычков пулемет системы Кольта, что по тем временам считалось неслыханной удачей [ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 238. Л. 3].

По мере нарастания гражданского противостояния отряды самообороны начинают втягиваться в боевые столкновения друг с другом, причем географические условия определили активное применение партизанской тактики. В степи начинают действовать отряды, руководствующиеся в своей деятельности политическими мотивами. Кульминацией противостояния стал Астраханский казачий мятеж 12–24 января 1918 г. После победы красногвардейцев отряды мятежников бежали в степь, в том числе отряд полковника К. В. Сахарова и ротмистра Д. Ц. Тундутова — в Калмыкию. Отряды самообороны стали преследовать его и в 20-х числах февраля (по новому стилю) разбили его у озера Бор-Нур. В начале марта отряд Сахарова–Тундутова был окончательно разгромлен у балки Булукта. 35 человек погибли, 75 — попали в плен, остальные рассеялись. В числе пленных оказались полковник Сахаров, нойоны Тундутов и Т. Б. Тюмень [Очиров 2006: 189].

В Калмыкии установилась советская власть, но борьба с бандитизмом в улусах велась весьма слабо; народная милиция в 1918 г. так и не была сформирована. Мало того, некоторые отряды, присланные для восстановления законности и порядка, сами начали скатываться к бандитизму. Так, в июле 1918 г. в северные улусы Калмыкии «для раскрытия контрреволюции, организации всеобщего обучения и агитации» был направлен отряд Льва Татищева — члена Астраханской краевой коллегии. Практически сразу отряд занялся массовыми грабежами, вымогательствами, изнасилованиями и убийствами. Среди погибших оказался багши Дунду-хурула — одного из наиболее известных в Калмыкии, что возмутило верующих калмыков. Базируясь в имении Б. Талтаева, Л. Татищев при помощи местных уголовников организовал кампанию по арестам богачей, у которых пытками вымогали золото и ценности. После Малодербетовского улуса отряд выдвинулся к Багацохуровскому улусу, «в панике разбегавшемуся перед ним». На его перехват пришлось выслать отряд Павла Бочкарева, который арестовал грабителей. Татищева осудили и расстреляли [Маслов 1962: 62; НА РК. Ф. Р-46. Оп. 1. Д. 17. Л. 66]. Однако вскоре поступили донесения о том, что сам Бочкарев проводит обыски, ведет «поиски золота в Калмыцкой степи» [Иванько и др. 1968: 83].

По мере усиления политики социализации земли конфликты в улусах стали разрастаться, что привело к усилению политического противостояния. Когда в августе

1918 г. на территорию Калмыкии прибыл партизанский отряд под командованием Манычского окружного атамана Г. Д. Балзанова, то он получил широкую поддержку населения и смог даже на короткое время захватить Элисту. Однако возможности для функционирования столь крупного отряда в Калмыцкой степи были ограничены. Вскоре ему пришлось уйти за Маныч и войти в состав 3-й Кубанской дивизии Н. Г. Бабиева под именем Манычского калмыцкого полка [ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Л. 35об.–36].

Тем временем в улусах, пользуясь отсутствием народной милиции, активизировались уголовные банды, в том числе прибывающие из-за пределов Калмыкии. Так, Эркетеневский улус только за октябрь 1918 г. потерял из-за их набегов имущества и скота на 200 тыс. руб. В бандах, производивших грабежи, было от 25 до 75 человек (кара-ногайцы, черкесы, русские). Ситуацию в значительной степени осложнили и действия красногвардейских отрядов, присылаемых в улусы с целью реквизиций или мобилизаций. При этом пришлые красногвардейцы действовали методами, которые мало отличались от грабежей. Например, в августе 1918 г. Яндыко-Мочажный улусный исполком сообщил, что городофорпостинские красноармейцы производят обыски в Батутовском аймаке, «отбирают деньги вплоть до 20 рублей и меньше», отмечены «прямые грабежи» (т.е. уже не замаскированные под реквизицию). Один из руководителей Яндыко-Мочажного исполкома врач С.-Г. Хадылов в те дни писал: «планомерная работа <…> Советской власти нарушена постоянными набегами вооруженных банд, совершающих ограбление с массовыми убийствами мирных жителей, а также агитацией среди темной массы, что грабежи и убийства производятся красноармейцами <…> Жизнь бедного калмыка положительно замерла, они боятся выезжать на коренной свой заработок — рыбный лов <…> Ночуют постоянно в камышах, простуживаются и болеют целыми поселками» [НА КИГИ РАН. Ф. 4. Оп. 3. Д. 13. Л. 96].

Председатель Икицохуровского улусного исполкома сообщил, «что улус является объектом произвола, насилия и грабежей со стороны отрядов красноармейцев или под видом их разных банд»: Краснощекова (из Доно-Ставропольской дивизии Григория Колпакова), Артема Река (из войск Степного фронта), Гальковича (из Ставрополья), Садыкова (из Астрахани). Однако больше всего терроризировал улус Арнольд Большой, который, мобилизовав калмыков 11 возрастов без санкции Астраханского губвоенкомата, стал накладывать на общины контрибуции в 10 тыс. руб., реквизировать лошадей, захватывать заложников, избивать людей. Телеграмму от РВС Северо-Кавказского военного округа (в который тогда входили, помимо прочих, И. В. Сталин и К. Е. Ворошилов) с требованием прекращения «мобилизации» он проигнорировал [НА КИГИ РАН. Ф. 4. Оп. 3. Д. 13. Л. 90]. Улусный военком Черевиченко пытался бороться с мелкими бандами, но вскоре красноармейцев у него забрали. Позже секретарь Калмыцкого исполкома Ф. И. Плюнов с ужасом вспоминал: «Предоставленная сама себе Калмыцкая степь являлась объектом произвола, личного усмотрения, внимания разного рода проходимцев и преступников» [НА КИГИ РАН. Ф. 4. Оп. 3. Д. 13. Л. 87]. На 2-м съезде Советов калмыцкого народа вопрос о формировании народной милиции был формально решен [НА РК. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 8. Л. 21].

Однако завершить формирование калмыцкой милиции не удалось. В мае–июне 1919 г. на территорию Калмыкии вторглись деникинцы, занявшие почти все улусы. Основную роль при этом играли небольшие партизанские отряды, которые стали возникать по всей степи. Некоторые из них выделялись из состава частей Белой армии (например, Манычского полка Гаря Балзанова), другие формировались самостоятельно, при финансовой и материальной помощи белых. Так, в поселке Дикя Яндыко-Мочажного улуса богач Б. Т. Бюбеев во время торжественной встречи генерала Д. П. Драценко получил 40 винтовок для нового отряда [Борисенко, Горяев 1998: 29]. Улусные сотни самообороны, сформированные в ряде улусов, не смогли оказать им достойного сопротивления. Мало того, часть «самооборонцев» перешла на сторону партизан, в том числе и Эркетеневская сотня во главе с улусным военкомом Гаря Эрдниевым [НА РК. Ф.Р-24. Оп.1. Д.138. Л.308об.].

В документах органов Советской власти деятельность таких отрядов (именуемых «бандповстанческими») квалифицировалась как «политический бандитизм». В последнее время этот термин стал оспариваться как несущий негативную окраску. Вместо «политического бандитизма» стали

предлагать другие термины, например, «повстанчество». Однако в данном случае мы наблюдаем не только «повстанческие» отряды, но и партизанские части, специально введенные из-за линии фронта в тыл противника. Нельзя забывать и о том, что сама тактика партизан, направленная в основном против тыловых структур, в немалой степени основывалась на грабежах и захвате продуктов и имущества. Таким образом, на взгляд автора, вопрос с терминологией следует пока оставить открытым.

За короткий период почти вся территория Калмыкии оказалась занята белогвардейскими войсками и вновь сформированными отрядами. На территорию Манычского улуса вернулся Гаря Балзанов, который начал формировать новые части. Малодербетовский и Багацохуровский улусы контролировались отрядами Малодербетовского атамана Ордаша Босхомджиева. По оценке разведчиков 11-й армии РККА, общая численность этих отрядов в октябре 1919 г. достигла 1500 сабель при 7 пулеметах и 1 пушке. Наиболее крупным и активным отрядом был отряд Дорджи Онкорова (заместитель — Бача Хабанов). В центре Калмыцкой степи, в Икицохуровском и Харахусовском улусах действовала группа отрядов под общим командованием помощника астраханского атамана по калмыцкой части Сереб-Джаба Тюменя [НА РК. Ф. Р-24. Оп. 1. Д. 82. Л. 42, 110–111; РГВА. Ф.195. Оп. 3. Д. 895. Л. 4–7, 11, 24об.]. Эти отряды не имели устойчивой структуры, большинство калмыков не имели боевой подготовки, были плохо вооружены и одеты, почти не имели обуви [НА РК. Ф. Р-24. Оп. 1. Д. 82. Л. 131]. Количество отрядов и их численность постоянно менялись в зависимости от поставленных задач и наличия людских и материальных ресурсов: некоторые из них имели пулеметы и 3-дюймовые орудия [РГВА. Ф. 195. Оп. 3. Д. 895. Л. 4об.].

Эти отряды уверенно контролировали почти всю Калмыцкую степь и совершали набеги даже на левобережные села и станицы. 21–23 июля 1919 г. белокалмыцкие отряды атаковали несколько хотонов Багацохуровского и Хошеутовского улуса и остров Шамбай, разгромили улусный военкомат, канцелярию милиции, мобилизационный пункт и др. советские учреждения, захватили в плен ряд совработников, в том числе членов Калмыцкого ЦИК Эрдни-Ара Сарангова и Надбита Дулаханова, хошеутовского военкома Ярмоленко-Борисова и хошеутовского военрука Айшпурга. Правда, Дулаханова белые отпустили, а военкому удалось бежать [НА РК. Ф. Р-24. Оп. 1. Д. 82. Л. 120–122]. В ночь на 22 сентября 1919 г. отряд Онкорова пытался захватить Багацохуровский исполком на левом берегу Волги, но из-за ошибки проводника операция провалилась [НА РК. Ф. Р-24. Оп. 1. Д. 82. Д. 138. Л. 6].

Во второй половине 1919 г. политика Советской власти по отношению к калмыкам заметно изменилась. Советские и партийные работники признали, что они «на Калмыцкую степь обращали мало внимания и, возможно, только поэтому белогвардейцы так легко ее заняли» [НА РК. Ф. Р-24. Оп. 2. Д. 44. Л. 7]. В течение нескольких месяцев Совнарком РСФСР предпринял ряд шагов, направленных на то, чтобы переломить ситуацию. Вышли «Воззвание к трудовому калмыцкому народу» В. И. Ленина от 22 июля 1919 г., декреты от 24 июля и 15 октября 1919 г. по защите экономики калмыцкого народа [К истории 1960: 60–63]. Были предприняты серьезные шаги по усилению агитационной работы в улусах, занятых белогвардейцами. Начала работать калмыцкая народная милиция под руководством Мухары Мунянова. На базе уцелевших улусных сотен (Яндыко-Мочажной, Багацохуровской, Хошеутовской) формировались мобильные отряды по борьбе с «бандами». Наиболее боеспособной оказалась Яндыко-Мочажная сотня под командованием Х. М. Джалыкова, которую использовали даже в боях против регулярных войск. Багацохуровская сотня в 1919 г. была довольно слабой из-за большого количества дезертиров, но оставшиеся сражались довольно успешно. Особенно эффективной была их разведывательная деятельность, которой руководил неуловимый Ходжа Отхонов — улусный военком и бывший член КалмЦИКа. Все эти меры в итоге привели к тому, что настроения в Калмыцкой степи стали меняться в пользу советской власти. Во время отступления Кавказской армии в Малодербетовском улусе появились партизанские отряды, атаковавшие белогвардейцев [Маслов 1962: 87].

В результате многие из казаков и калмыков сдались в обмен на обещанную амнистию. Однако некоторые белокалмыцкие отряды отказались покинуть родные улусы, продолжая борьбу. Зимой 1919–1920 г. «по-

литический бандитизм» в Калмыцкой степи достиг своего пика. Отряды братьев Окона и Манджи Шануновых (северные улусы), братьев Хойче, Шургучи, Сангаджи и Санзыра Менгетеевых (центральные улусы), Бовы Тегусова, Очира Багальданова (восточные улусы), Джалга Улюмджиева, Шара Нохаева, Кости Бондаренко (приморские улусы) и др. буквально терроризировали местные Советы. «Эти банды великолепно знали условия жизни своих сородичей<…> располагали замечательно точными и верными сведениями о движениях и намерениях тех отрядов, которые оперировали против них. Они имели органическую связь с населением благодаря присутствию среди него<…> своих родственников, сочувствующих и подкупленных ими лиц» [Борисов 1926: 87]. В конце 1919 г. «банда» Бовы Тегусова, «получив сильное подкрепление от деникинских частей», в упорном и продолжительном бою разгромила Хошеутовскую сотню, среди погибших оказались улусный военком Камышев и двое членов улусного исполкома. Представитель Калмыцкого военкомата Вадим Мергасов попал в плен и был казнен [Глухов 1927: 42]. Через несколько месяцев «шайка» Тегусова была разбита отрядом Кюкя Эльдеева, который вскоре погиб во время налета на Лагань «крупной банды» (400–500 сабель при 8–10 пулеметах) Сычева [Маслов 1962: 122–124]. Для борьбы с «бандами» стали брать заложников [Глухов 1927: 42], активно формировать новые улусные сотни и отряды. В ходе боев отличились командиры Малодербетовской сотни Михаил Брыков и Эркетеневской сотни Петр Степанов, командиры отрядов Алексей Маслов, Кюкя Эльдеев, Константин Долгин, Эренцен Шаваев и др. В конце концов, почти все «банды» были либо уничтожены, либо распались, сдавшись по амнистии [Борисов 1926: 18–19].

Однако в конце 1920 – начале 1921 гг. в Калмыкии отмечается новая волна «политического бандитизма», вызванная реакцией населения на экономическую политику «военного коммунизма», наподобие «антоновщины» и Кронштадтского мятежа. Среди повстанцев новой волны оказались даже красные командиры (в том числе комбриг Первой конной Г. С. Маслаков) [Бадмаева 2003: 159]. Бывших белогвардейцев среди «бандповстанцев» оказалось немного, и эту волну «политического бандитизма» следует, на наш взгляд, отнести к иному политическому явлению — «зеленому» движению.

Источники

Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ)

Научный архив КИГИ РАН (НА КИГИ РАН)

Национальный архив Республики Калмыкия (НА РК)

Российский государственный военный архив (РГВА)

Литература

Бадмаева Е. Н. О деятельности различных формирований по борьбе с советской властью и участии в них крестьянства в Калмыкии в 1921–1924 гг. // Вестник КИГИ РАН. Вып. 18. Элиста: АПП «Джангар», 2003. С. 156–164.

Борисенко И. В., Горяев А. Т. Очерки истории калмыцкой эмиграции. Элиста: АПП «Джангар», 1998. 234 с.

Борисов Т. Калмыкия. Историко-политический и социально-экономический очерк. М.; Л.: Госиздат, 1926. 97 с.

Глухов И. К. Очерки по истории революционного движения в Калмыкии. Астрахань: Калмиздат, 1927. 113 с.

Иванько Н. И., Наберухин А. И., Орехов И. И. Великий Октябрь и Гражданская война в Калмыкии. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1968. 148 с.

К истории образования Автономной области калмыцкого народа. Сб. документов и материалов. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1960. 98 с.

Маслов А. Г. Страницы былого. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1962. 156 с.

Очиров У. Б. Калмыкия в период Гражданской войны (1917–1920 гг.). Элиста: НПП «Джангар», 2006. 448 с.

Sources

[The National Archive of the Republic of Kalmykia]. (In Russ.)

[The Russian State Military Archives]. (In Russ.)

[The Scientific Archive of Kalmyk Institute of Humanitarian Research of the RAS]. (In Russ.)

[The State Archives of the Russian Federation]. (In Russ.)

References

[Concerning the History of Formation of the Autonomous Region of the Kalmyk People. Collection of Documents and Materials]. Elista: Kalm. Book Publ., 1960. 98 p. (In Russ.)

Badmaeva E. N. [Concerning Activity of Various Armed Groups in their Struggle against the Soviet Power and Peasants Participation in Kalmykia in 1921–1924]. *Bulletin of the Kalmyk Institute of Humanitarian Research of the RAS.* Iss. 18. Elista: Dzhangar, 2003. Pp. 156–164. (In Russ.)

Borisenko I. V., Goryayev A. T. [Essays on the History of Kalmyk Emigration]. Elista: Dzhangar, 1998. 234 P. (In Russ.)

Borisov T. [Kalmykia. Historical, Political and Socio-Economic Essays]. Moscow; Leningrad: Gosizdat, 1926. 97 p. (In Russ.)

Glukhov I. K. [Essays on the History of the Revolutionary Movement in Kalmykia]. Astrakhan: Kalmizdat, 1927. 113 p. (In Russ.)

Ivanko N. I., Naberukhin A. I., Orekhov I. I. [The Great October Revolution and the Civil War in Kalmykia]. Elista: Kalm. Book Publ., 1968. 148 p. (In Russ.)

Maslov A. G. [Pages of the Past]. Elista: Kalm. Book Publ., 1962. 156 p. (In Russ.)

Ochirov U. B. [Kalmykia during the Civil War (1917–1920)]. Elista: Dzhangar, 2006. 448 p. (In Russ.)

УДК 94(100) (654)
ББК 63.3(0) 64

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В КАЗАХСТАНЕ В ПОСТСТАЛИНСКИЙ ПЕРИОД (1953–1964 гг.)

The National Policy and Interethnic Relations in Kazakhstan in the Post-Stalin Period (1953–1964)

С. Ш. Казиев (S. Kaziyev)[1]

[1] кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории и социально-гуманитарных дисциплин Северо-Казахстанского государственного университета им. М. Козыбаева (Ph.D. of History, Senior Lecturer of the History and Social-Humanitarian Disciplines Department at the North Kazakhstan State University named after M. Kozybayev). E-mail: sattarkaz@mail.ru.

Статья посвящена изменениям в советской национальной политике в первое десятилетие после смерти Сталина. На примере Казахстана автор показывает попытки союзного руководства найти новые подходы для урегулирования назревших проблем в национальных отношениях. В значительной степени эти подходы заключались в возвращении к практике консенсуса с титульными элитами ряда союзных республик (Украина и Узбекистан), получавших преференции и территориальные приращения за счет соседних РСФСР и Казахстана. В Казахстане целинная эпопея привела к преобладанию славянского этнического компонента, что создавало возможности ликвидации национальной государственности в контексте проводимой Хрущевым политики стирания границ между республиками. Жесткий конфликт Хрущева и казахских руководителей способствовал отказу от планов грандиозных территориальных изъятий из состава республики. Союзное руководство столкнулось с необходимостью соблюдать негласный консенсус с союзными республиками, включавший их территориальную целостность.

Ключевые слова: казахи, национальная политика, целина, Д. А. Кунаев, Н. С. Хрущев, национализм.

The article is devoted to some changes in the Soviet national policy, which took place in the first decade after Stalin's death. For this purpose, the author shows attempts of the Soviet Union leaders to find new approaches to solving urgent problems in the field of national relations taking into account the experience of Kazakhstan. These approaches were usually focused on the practice of consensus with the title elites of a number of the Union Republics (Ukraine and Uzbekistan), which received preferences and territorial increments at the expense of the neighboring RSFSR and Kazakhstan. As a result, the virgin epic in Kazakhstan led to the predominance of the Slavic ethnic component that created possibilities of national statehood elimination in the context of Khrushchev's policy to erase borders between Republics. Due to the rigid conflict between Khrushchev and Kazakh leaders there were no more imminent threats against the territorial integrity of the Republic. Hence, the Union leaders felt the necessity to have an unspoken consensus to abide with the Union Republics under the rules of which they should respect their territorial integrity.

Keywords: Kazakhs, national policy, virgin, D. A. Kunayev, N. S. Khrushchev, nationalism.

Советская национальная политика в первое десятилетие постсталинского времени (1953–1964) представляет значительный интерес. После смерти Сталина открылись широкие возможности для пересмотра опыта строительства социализма в СССР и начался поиск новых подходов в национальной политике. Новые лидеры страны в поисках урегулирования национальных проблем первоначально обращались к опыту первой половины 1920-х гг. Ревизия сталинского курса сопровождалась риторикой партийных верхов о возвращении к истокам подлинного «ленинизма» и критикой предшествующего периода истории советского общества. Но ни Берия, ни Хрущев, ни впоследствии Брежнев не ставили под сомнение незыблемость и правильность ленинско-сталинской концепции «ограниченного суверенитета» советских этнонаций, предлагая свои варианты «гармонизации» межэтнических отношений в СССР.

Существует мнение о большом вкладе Берия в либерализацию внутренней жизни советского общества и подготовке им реформирования управления страной. В пользу этой версии говорит принятое Президиумом ЦК КПСС постановление, в соот-

ветствии с которым республиканские парторганизации должны были возглавляться местными товарищами, а «не русским, присылаемым из Москвы» [Кокурин, Пожаров 1996: 133–135]. Эстонский историк Т. Таннберг признает успехи бериевской либерализации национальной политики в сферах, связанных с замещением властных структур союзных республик национальными кадрами и внедрением местных языков в официальное делопроизводство, делая оговорку о наличии у Берия своих расчетов [Таннберг 2010: 160]. В настоящее время трудно сказать, насколько серьезными были намерения Берия в сфере демократизации общества и свертывания сталинской линии в национальной политике.

После своего утверждения у власти Н. С. Хрущев продолжил генеральную линию в национальной политике, поощряя партийные элиты ряда союзных республик. Существенного успеха добились этнические номенклатуры Украины и Узбекистана, сумевшие не только продвинуть своих представителей в ЦК КПСС, но и получить серьезные территориальные приращения за счет соседних РСФСР и Казахстана. В 1954 г. Крым был передан в состав Украины. В январе 1956 г. курортный Бостандыкский район и часть Голодной степи были включены в состав Узбекистана.

Либерализация национальной политики и практика поощрения этнических элит союзных республик достигли пика к концу 1950-х годов. Безудержный оптимизм Хрущева основывался на вере в скорое наступление безнационального коммунизма, в котором будут стерты границы между национально-государственными образованиями. Хрущев понимал национальную государственность титульных наций как modus vivendi, принятый большевиками с целью укрепления единства страны, находящейся в международной изоляции. Но для этнических элит основы национальной политики, провозглашенной Лениным и реализованной Сталиным, были незыблемы. Первое открытое столкновение Хрущева с национальными элитами произошло зимой 1958–1959 гг. В Азербайджане и Латвии пошли на прямой конфликт с союзным центром, проигнорировав одобренный большинством делегатов 12 декабря 1958 г. новый закон «О связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР». В этих республиках в июне 1959 г. были приняты постановления об обязательном изучении госслужащими азербайджанского и латвийского языков, с последующей обязательной сдачей экзаменов [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 83. Д. 504. Л. 125].

Трения с национальными элитами вынудили вернуться к испытанным методам подавления национализма в союзных республиках. Летом 1959 г. в Азербайджане, Латвии и Узбекистане были проведены партийные чистки и сменены руководители республик. Смена ориентиров национальной политики прошла в Казахстане в ином аспекте — сопровождалась сменой прежнего республиканского руководства и пересмотром отношения к вопросам территориальной целостности Казахстана.

На сентябрьском 1953 г. Пленуме ЦК КПСС Хрущев добился одобрения целинной кампании в Казахстане и Южной Сибири. Сомнения в необходимости освоения столь масштабного освоения целины выразил В. М. Молотов, предложивший вкладывать ресурсы в подъем Нечерноземья [Чуев 2002: 416–417]. Партийный лидер Казахстана Шаяхметов скептически отнесся к хрущевской политике подъема целины, заметив, что создание зернового хозяйства будет вестись за счет упадка животноводства в республике [Olcott 1995: 226]. На IX Пленуме ЦК КПСС (5–6 февраля 1954 г.) казахстанские руководители были освобождены от занимаемых должностей. Хрущев на Пленуме обратил внимание на политическую «незрелость» секретарей ЦК КП Казахстана (Ж. Шаяхметова и И. И. Афонова) и членов республиканского бюро. На посты первого и второго секретарей ЦК компартии Казахстана были назначены приезжие П. К. Пономаренко и Л. И. Брежнев.

Новый глава республики на мартовском Пленуме сделал резкие выпады в адрес прежнего руководства. Пономаренко заявил: «Товарищи оказались в плену отсталых настроений, которые в Казахстане еще среди кое-каких работников сельского хозяйства коренятся. Они говорили, что распашка целинных и залежных земель приведет к нарушению интересов коренного казахского населения, так как лишает выпасов скот» [Цит. по: Зеленин 1998: 112–113]. Пономаренко подверг резкой критике казахстанских ученых-почвоведов за их критику распашки целины, обвинив их в национализме. Академик А. А. Никонов вспоминал: «Пономаренко, бывший тогда первым

секретарем ЦК КП Казахстана, сетовал на казахских ученых-почвоведов, обвиняя их в «национализме» за то, что они представили «вредительскую» почвенную карту республики, из которой следовало, что не всю целинную площадь можно осваивать под пашню. Не знаю, что сделали с этими учеными, но земель непригодных подняли много, вызвав взрыв пыльных бурь и возникновение очагов опустынивания» [Никонов 1991: 8].

Местные областные партийные лидеры также подверглись атаке за недостаточное рвение в реализации хрущевской программы. В течение трех последовавших за февральским Пленумом ЦК КПСС месяцев были отстранены от своих постов все шесть прежних областных руководителей целинных областей [Olcott 1995: 226]. Освоение целины привело к массовому притоку населения из европейской части страны. К 1964 г. в Казахскую ССР прибыло более 2 млн. человек. Основная часть приезжих была из РСФСР (69,3 %), Украины (21,3 %) и Белоруссии (4,3 %) [Котов 2001: 77].

Целинная эпопея кардинально изменила этнический состав населения республики, в первую очередь в северных областях. Снижение удельного веса казахов имело политические последствия. В январе 1959 г. в рамках новой кадровой политики первым секретарем партийной организации Казахстана был избран Д. А. Кунаев, Председателем ВС Казахской ССР — Ф. Карибжанов и Председателем Совета Министров Казахской ССР — Ж. А. Ташенев. Казахскому руководству вскоре пришлось столкнуться с давлением центра по поводу территориальных изъятий из состава Казахстана.

Союзное руководство в течение 1960–1970-х гг. неоднократно предпринимало усилия по изменению административно-территориального устройства Казахстана. В 1960 г. постановлением ЦК КПСС был создан Целинный край в составе пяти целинных областей, находившийся в двойном подчинении — Москве и Алма-Ате. Казахстанские руководители не без оснований рассматривали введение краевого деления как попытку последующего территориального расчленения республики. В декабре 1960 г. по настоянию Хрущева с поста Председателя Совета Министра Казахской ССР был снят Ж. А. Ташенев, воспротивившийся передаче целинных областей в состав РСФСР и части территории Южного Казахстана в состав Узбекистана.

Казахстанское руководство во главе с Кунаевым в 1962 г. было вынуждено оппонировать попыткам Хрущева передать соседним Туркменской и Узбекской ССР Мангышлак, где велись разработки нефтяных месторождений, и хлопкосеющие районы Южного Казахстана. Политика Хрущева активно поддерживалась узбекскими руководителями. 21 января 1956 г. было принято Постановление ВС Казахской ССР о передаче Узбекской ССР Бостандыкского района и части Голодной степи общей площадью более млн га. В 1961 г. узбекские лоббисты добились передачи более 420 тыс га в Южном Казахстане [Белан 2008: 108–112]. В декабре 1962 г. руководство Южно-Казахстанского крайкома партии по предложению Хрущева инициировало передачу Узбекистану трех хлопкосеющих районов площадью более 1 млн га.

С учетом двойного подчинения Целинного края и попыток Хрущева включить промышленную Карагандинскую область в подчинение партийной организации Чимкентской области Средазбюро ЦК КПСС [Кунаев 1994: 153–154] угроза разгосударствления Казахстана была вполне реальной. Д. А. Кунаев в своих воспоминаниях передает подозрения казахских руководителей в отношении планов союзного руководства: «Хрущев пытался быстрее провести свою идею о будущем стирании границ между республиками» [Кунаев 1994: 154]. Об том же говорит и его конкурент И. А. Юсупов, который, по его словам, не желал руководить национальной республикой, однако услышал возражения Хрущева: «Мы строим коммунизм, так что у нас скоро не будет ни национальностей, ни границ между республиками»» [Цит. по: Шимырбаева 2004: 4].

М. И. Исиналиев отмечает умелую политику Кунаева, сумевшего расстроить планы Хрущева по разгосударствлению Казахстана. Исиналиев пишет: «В начале освоения целины, когда на севере Казахстана по решению центра создали новое административное деление — Целинный край, к руководству которым были привлечены посланцы Москвы, проницательный политик Д. А. Кунаев в этом узрел не только желание конкретного руководства из Москвы процессом освоения целины, но и далеко идущие цели Н. С. Хрущева через некоторое время распорядиться как своей вотчиной и одним росчерком пера отсечь лакомую хлебную и промышленную часть

Казахстана. Председатель Совета Министров Республики Ж. Ташенев, осмелившийся открыто высказаться против этих намерений, был немедленно освобожден от работы и, по существу, «выслан» в Шымкент без возврата…. Д. А. Кунаев добился, чтобы краевые управления были созданы на юге и западе Казахстана, хотя он прекрасно понимал, что это надуманные, не нужные и лишнезатратные чиновничьи аппараты. Но зато сбалансировал положение, чтобы все административные центры работали через Алма-Ату и на целине не было особого статуса правления, с возможным последующим выделением этой территории из Казахстана» [Исиналиев 2003: 119].

Строптивый Кунаев, указывавший на опасность возникновения межэтнического конфликта в случае территориальных изъятий из состава Казахстана, был заменен в декабре 1962 г. руководителем партийной организации Чимкентской области, уйгуром Юсуповым, поддерживавшим передачу трех хлопкосеющих районов и казахстанской части Голодной степи соседней республике. В интервью казахстанским журналистам Юсупов отрицает свою заинтересованность в передаче казахстанских земель и ставит себе в заслугу сохранение за Казахстаном полуострова Мангышлак [Шимырбаева 2004: 4].

Хрущеву и узбекским руководителям после отставок Ташенева и Кунаева удалось добиться территориальных изъятий из состава Казахстана Кировского и Пахта-Аральского районов Чимкентской области с общей земельной площадью 956 тыс. га, а также 1554 тыс. га пастбищных земель Чимкентской области и 1150 тыс. га Кзыл-Ординской области, находящихся в долгосрочном пользовании Узбекской ССР [Белан 2008: 114]. После смещения Хрущева казахская элита взяла реванш, добившись, благодаря поддержке Брежнева, отстранения от власти Юсупова, отправленного руководить Уральским облисполкомом. Из двух представленных кандидатур, Кунаева и Джандильдина, Пленум ЦК Компартии Казахстана, местные кадры «предпочли национально ориентированного технократа Кунаева национальному нигилисту Джандильдину» [Галиев и др. 1994: 38]. Часть переданных территорий была возвращена Казахстану благодаря поддержке Брежнева, руководившего ранее республикой.

Этническая принадлежность руководителей республик в советском обществе символизировала статус титульной нации. Этнизация аппарата в республиках, проводившаяся с согласия первых руководителей страны, способствовала возрождению конкурирующих с официальным советским проектом формирования новой исторической общности — советского народа — проектов собственного этнонационального развития. Подобная протекция по этническому признаку стала возможной благодаря Брежневу, придерживавшемуся принципа: «Живи и дай жить другим». В отличие от революционного Ленина, прагматически настроенного архитектора советской социальной инженерии Сталина и реформатора Хрущева Брежнев избрал политику консенсуса с национальными элитами [Rywkin 1994: 182, 184].

Условно можно выделить прибалтийско-закавказскую, центрально-азиатскую и украинскую модели национального развития. Первая модель предполагала использование общесоюзных ресурсов для последующего восстановления национального государства (Грузия, прибалтийские республики) или же воссоздание древней государственности с присоединением территории соседей (Армения). Украинская модель предполагала блокировку русификации и поощрение культурного этнонационализма с опорой на знание родного языка и родной истории. Реализация центрально-азиатской модели опиралась на идеологию советизма и модернизма. Национальные лидеры и культурная элита Центральной Азии понимали огромную роль Советского государства в историческом прогрессе местных народов. В Казахстане Д. А. Кунаев, как и его коллеги в союзных республиках, осторожно содействовал усилению влияния казахской части партийного и государственного аппарата, не вступая в конфликт с союзным центром и используя личную дружбу с Л. И. Брежневым [Кунаев 1994: 254–255].

С возвращением Кунаева к руководству республикой органы госбезопасности зафиксировали рост «националистических проявлений» в среде казахской молодежи и интеллигенции. В одной из докладных записок Председателя КГБ при Совете Министров СССР В. Семичастного, направленной 3 декабря 1965 г. в ЦК КПСС, обращалось внимание на рост национализма среди казахской молодежи. В докладной

записке отмечалось, что наряду с обычными групповыми столкновениями имели место выражения открытого протеста против повсеместного насаждения русского языка и выдвижения на руководящие посты лиц некоренной национальности [ЦХСД. Ф. 89. Оп. 6. Д. 29. Л. 3].

Кунаев и его окружение были в то же время осторожны и не вступали в конфликты с союзными инстанциями, в первую очередь с могущественным военно-промышленным комплексом, использовавшим атомные полигоны в Семипалатинской и Гурьевской областях, космический комплекс Байконур. Практически все руководители союзных республик Центральной Азии опасались поднять перед союзным руководством проблему высыхающего Аральского моря. Казахстанские руководители исправно выполняли распоряжения союзных властей по внедрению русского языка, закрывая казахские школы и газеты на казахском языке.

Осторожной и зависимой от генеральной линии власти была в те годы и интеллигенция Центральной Азии. Интеллигенция не потребовала от власти поиска конкретных виновников репрессий в Казахстане, хотя уже были известны персоны высокопоставленных писателей и поэтов, предававших своих товарищей по перу на расправу. Эти деятели культуры и ветераны госбезопасности препятствовали в 1960–1970-е гг. публикации творческого наследия выдающегося казахского поэта XX в. Магжана Жумабаева, Ахмеда Байтурсынова, Шакарима и других репрессированных писателей, поэтов, историков [Allworth 1990: 389].

Отсутствие национальных движений в Центральной Азии было связано с удовлетворенностью местного населения и элитных групп целями и результатами советской национальной и социальной политики. Казахстанские русские и советская власть в эти годы терпимо относились к сохранению обычной традиционной религиозной практики казахов и проявлений клановых идентичностей, рассматривая эти явления не как проявления политического протеста, а как показатель силы традиций [Olkott 1983: 540]. М. Б. Олкотт на казахском примере показывает корректирующую роль взращенных советским режимом этнонациональных элит, заставлявших союзный центр отказываться от планов, идущих вразрез с официальной интернациональной идеологией. Современные казахи, пишет М. Б. Олкотт, «в колхозах и совхозах Казахстана в основном довольны слиянием прошлого и настоящего. Возможная угроза исходит от казаха, покинувшего аул и рассматривающего кочевое прошлое как романтический период родной истории, обусловившей его самобытность. Этот казах является сформировавшимся и сознательным советским гражданином, являвшимся свидетелем борьбы казахского истеблишмента за определение себя как казахского советского гражданина, являющегося коммунистом, но одновременно остающегося казахом. Однако вызов Центру не является оппозицией. Это вызов людей, воспринявших официальную риторику как заявления о намерениях и пытающихся заставить режим действовать согласно продекларированным целям советской национальной политики в ее первоначальном понимании» [Olkott 1983: 544].

В многочисленных публикациях тех лет Казахстан по праву назывался «лабораторией дружбы народов». В значительной степени взаимная межэтническая толерантность и доверие были основаны на длительном партнерстве русских и казахов, на глубоком проникновении в сферу общения русского языка и распространении двуязычия, на реальных культурных интерференциях. Лишь в брачно-семейных отношениях у казахов и у других мусульманских народов Центральной Азии существовали жесткие запреты на браки с представителями других народов. В то же время в первое постсталинское десятилетие обозначились границы «политически дозволенного», пересечение которых союзными властями вызывало негативную реакцию казахской элиты и большинства казахов. Это касалось территориальных границ и государствообразующего статуса казахского народа. При этом казахи отчетливо представляли достижения своего народа, ставшие возможными благодаря покровительственной политике Советского государства, и были верны своей стране.

Источники

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ).

Центр хранения современной документации (ЦХСД).

Литература

Белан П. С. Границы Казахстана: краткая история формирования. Алматы: Тарих тағылымы, 2008. 156 с.

Галиев А. Б., Бабакумаров Е., Жансугурова Ж., Перуашев А. Межнациональные отношения в Казахстане: этнический аспект кадровой политики. Алматы: Ин-т развития Казахстана, 1994. 63 с.

Зеленин И. Е. Целинная эпопея: разработка, принятие и осуществление первой хрущевской «сверхпрограммы» (сентябрь 1953 – начало 60-х годов) // Отечественная история. 1998. № 4. С. 109–122.

Исиналиев М. И. Димеке // Исиналиев М. И. Избранные труды. Т. 1. Алматы: Казгурт, 2003. С. 117–127.

Кокурин А. И., Пожаров А. И. «Новый курс» Л. П. Берии // Исторический архив. 1996. № 4. С. 132–164.

Котов В. И. Народы союзных республик СССР. 60–80-е годы. Этнодемографические процессы. М.: ИРИ РАН, 2001. 277 с.

Кунаев Д. А. От Сталина до Горбачёва. Алматы: Санат, 1994. 352 с.

Никонов А. А. В заложниках у политики // Наука и общество. 1991. № 11. С. 3–15.

Таннберг Т. Новый курс Л. Берии по подавлению движения сопротивления в Прибалтике и Западной Украине весной 1953 г. // Tuna: Спецвыпуск по истории Эстонии с XVII по XX век / сост. Т. Таннберг, О. Раун. Тарту–Таллинн, 2006. С. 192–210.

Чуев Ф. И. Полудержавный властелин. М.: Олма-Пресс, 2002. 736 с.

Шимырбаева Г. Исмаил Юсупов: Моя совесть перед народом Казахстана чиста // Казахстанская правда. 2004. 21 апреля. С. 4.

Allworth E. Central Asia, 130 Years of Russian Dominance: A Historical Overview. Durham: Duke University Press, 1994. 650 p.

Olcott M. B. The Kazakhs. Stanford, Calif: Hoover Institution Press, 1995. 388 p.

Olcott M. B. Pastoralism, Nationalism and Communism in Kazakhstan // Canadian – American Slavic Studies. Salt Lake Sity, Utah, 1983. Vol. 17. № 4. P. 528–544.

Rywkin M. Moscow's Lost Empire. N-Y: M. E. Sharpe Incorporated, 1994. 248 p.

Sources

[The Center for Storage of Contemporary Documentation]. (In Russ.)

[The Russian State Archives of Social and Political History]. (In Russ.)

References

Allworth E. Central Asia, 130 Years of Russian Dominance: A Historical Overview. Durham: Duke University Press, 1994. 650 p. (In Eng.)

Belan P. S. [Borders of Kazakhstan: a Brief History of Formation]. Almaty: Tarikh tagylymy, 2008. 156 p. (In Russ.)

Chuev F. I. [Semi-Powerful Lord]. Moscow: Olma-Press, 2002. 736 p. (In Russ.)

Galiev A. B., Babakumarov E., Zhansugurova J., Peruashev A. [Inter-ethnic Relations in Kazakhstan: the Ethnic Aspect of Personnel Policy]. Almaty: Institute of Kazakhstan Development, 1994. 63 p. (In Russ.)

Isinaliev M. I. Dimeke. In: [Isinaliev M.I. Selected Works]. Vol. 1. Almaty: Kazgurt, 2003. Pp. 117–127. (In Russ.)

Kokurin A. I., Pozharov A. I. ["New Course" of L. P. Beria]. *Historical Archive*. 1996. No. 4. Pp. 132–164. (In Russ.)

Kotov V. I. [Peoples of the Union Republics of the USSR. The 60-s and 80-s. Ethnodemographic Processes]. Moscow: Institute of Russian History of the RAS, 2001. 277 p. (In Russ.)

Kunaev D. A. [From Stalin to Gorbachev]. Almaty: Sanat, 1994. 352 p. (In Russ.)

Nikonov A. A. [Hostage of Politics]. *Science and Society*. 1991. No. 11. Pp. 3–15.

Olcott M. B. The Kazakhs. Stanford, Calif: Hoover Institution Press, 1995. 388 p.(In Eng.)

Olcott M. B. Pastoralism, Nationalism and Communism in Kazakhstan. *Canadian – American Slavic Studies*. Salt Lake Sity, Utah, 1983. Vol. 17. № 4. P. 528–544. (In Eng.)

Rywkin M. Moscow's Lost Empire. New York: M. E. Sharpe Incorporated, 1994. 248 p. (In Eng.)

Shimyrbayeva G. [Ismail Yusupov: My Conscience before the People of Kazakhstan is Clear]. *Kazakhstanskaya Pravda*. 2004. April 21. P. 4. (In Russ.)

Tannberg T. [L. Beria's New Course to suppress the Resistance Movement in the Baltics and Western Ukraine in the Spring of 1953]. In: [Tuna: Special Issue on the History of Estonia from XVII to XX century]. T. Tannberg, O. Raun (compl.). Tartu-Tallinn, 2006. Pp. 192–210. (In Russ.)

Zelenin I. E. [The Epic of Virgin Lands: Development, Adoption and Implementation of the first Khrushchev's "Super-Program" (September 1953 – early 60-s)]. *Domestic History*. 1998. No. 4. Pp. 109–122. (In Russ.)

УДК 94(47).084.8
ББК 63.3(2)622

УЩЕРБ НАРОДНОМУ ХОЗЯЙСТВУ КАЛМЫЦКОЙ АССР, ПРИЧИНЕННЫЙ В ПЕРИОД НЕМЕЦКОЙ ОККУПАЦИИ

The Economic Damage Caused to the Kalmyk ASSR during the Nazi Occupation

Согданова З. Г. (Z. Sogdanova)[1]

[1] аспирант отдела истории и археологии Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Post-graduate Student of the History and Archeology Department at the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS). E-mail: garyaevaz@mail.ru.

В данной статье впервые введены в научный оборот документальные материалы, выявленные в фонде 7021 «Чрезвычайная государственная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, коллективным хозяйствам (колхозам), общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР (ЧГК)» Государственного Архива Российской Федерации.

Автором рассматривается ущерб, причиненный народному хозяйству Калмыцкой АССР в период военных действий на ее территории в годы Великой Отечественной войны. Особое внимание уделяется политике и действиям немецких захватчиков по уничтожению народного хозяйства в оккупированных районах.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, оккупация, улусы, ущерб, немецко-фашистские войска, народное хозяйство.

In the article, based on the materials from the State Archive of the Russian Federation, the damage that was caused to the national economy of Kalmyk ASSR during the War is under consideration. It is not yet well-researched and has gaps in a knowledge of Kalmyk history during the War period.

Therefore, eight uluses and the administrative capital of the Republic – city of Elista were occupied by the Nazi. Five of them, including Zapadnyi, Yashaltinsky, Priutnensky, Troitsky, Sarpinsky were completely occupied and three uluses such as Malo-Derbetovsky, Ketchenerovsky, Tchernozemelsky were partly occupied. Most devastating damage was caused to the capital of the Kalmyk ASSR – city of Elista. In the very first days the enemy began to establish the Nazi way of administrating at all levels of the occupied territory. In every area that was under their control, they created auxiliary services and police troops that were formed out of the local residents (local village elders). In a temporarily occupied territory aggressors did a massive crime, terroristic acts, abuse towards the local residents. Schools and clubs were turned into storages, military barracks and barns. These cases of abusing in Kalmykia were not just a single example of barbarism. The Nazi were following the plans and the instructions of their authorities. According to the plan, cities and villages were supposed to be destroyed deliberately. Alongside with the industrial sector, the hospitals, health resorts, schools, museums and other culturally and educationally important institutes and so as the living houses were under attack too.

As a result of the research, tables that show the damage caused according to the fields of national economy in occupied uluses and in the city of Elista were compiled and the summary was done.

Keywords: the Great Patriotic War, occupation, uluses, damage, German fascist troops, national economy.

С первых дней вторжения на территорию СССР фашистские захватчики начали осуществлять разработанную еще до начала войны программу ограбления нашей страны и превращения ее в колонию германского империализма. Гитлеровцы имели детализированную систему экономического ограбления оккупированных районов: специальный штаб в Берлине, хозяйственные инспекции при группах армий. В городах и селах действовали всевозможные «хозяйственные команды», «экономические штабы» и пр. Все ресурсы оккупированных областей объявлялись собственностью Германии. Готовая продукция, полуфабрикаты, сырье реквизировались. Все выявленные продукты питания, а также средства бытового и личного потребления отбирались

гитлеровцами. Оборудование многих предприятий, запасы сырья, культурные ценности, продовольственные товары из оккупированных территорий вывозились в Германию.

Кроме всего прочего, фашистское командование официально насаждало «материальную заинтересованность» немецких солдат и офицеров в войне. Тем самым оно открыто поощряло и толкало их на грабежи в городах и селах. Расхищение оккупантами материальных и культурных ценностей нашего народа сопровождалось варварским разрушением населенных пунктов.

Гитлеровцы грабили и разрушали в оккупированных советских районах театры, клубы, музеи, библиотеки, памятники старины, научные учреждения, закрывали вузы, школы. Школьные и клубные помещения оккупанты занимали под склады казармы, конюшни.

При помощи жестокого насилия оккупанты ввели принудительный, рабский труд. Людей заставляли работать по 14–16 часов в сутки, и при этом морили их голодом. Например, дневной рацион для горняков многих шахт Донбасса состоял из 250 г «хлеба», выпеченного из проса и опилок. В дождь и в стужу гитлеровцы выгоняли население, в том числе стариков и детей, на расчистку или разминирование дорог, заставляли строить укрепления и мосты. Уклонявшихся от работы гитлеровцы загоняли за колючую проволоку, подвергали суровым наказаниям [Советский Союз 1985: 224].

Немецко-фашистские оккупанты причинили огромный ущерб нашей стране. Захватчики уничтожили сотни городов и поселков городского типа, многие тысячи сел и деревень. Десятки миллионов людей остались без крова. На оккупированной территории гитлеровцы вывели из строя 31 850 промышленных предприятий, 62 доменные и 213 мартеновских печей, 2 700 врубовых машин, 5 млн. квт электрических мощностей, разрушили 65 тыс. км железнодорожной колеи, 4 100 железнодорожных станций, 36 тыс. почтово-телеграфных учреждений, уничтожили или разграбили 40 тыс. больниц и других лечебных учреждений, 84 тыс. школ, техникумов и высших учебных заведений, 43 тыс. библиотек. Захватчики разграбили и превратили в руины 98 тыс. колхозов, 1 876 совхозов, 2 890 МТС [Великая Отечественная 1985: 266].

Бригада СНК РСФСР во главе с заместителем наркома торговли РСФСР Жуковым, прибывшая для оказания практической помощи в восстановлении хозяйства Калмыцкой АССР, выявила следующее: немецкой оккупации подверглись восемь улусов (5 полностью: Западный, Яшалтинский, Приютненский, Троицкий, Сарпинский; 3 частично: Мало-Дербетовский, Кетченеровский, Черноземельский). Наиболее опустошительные разрушения немецкие оккупанты нанесли столице Калмыцкой АССР — Элисте [НА РК. Ф. Р-68. Оп. 1. Д. 2. Л. 1]. 15 августа на собрании Мауэр объявил об упразднении советской власти и ее государственных учреждений, огласил приказ об установлении «нового порядка» и о формировании местных органов управления. Главой города Элисты был назначен В. Ф. Биленко, начальником полиции — Курахтонов, его заместителем — Савельев. Командование прибывшей 16-й мотодивизии назначило военным комендантом Элисты обер-лейтенанта Риттера. Службу гестапо возглавил полковник СС Вольф. Курахтонов и Савельев были оставлены в прежней должности, начальником уголовного розыска назначен Николай Бондаренко, начальником тюрьмы — немец Пауль. К 1 октября 1942 года военная комендатура окончательно сформировала из коллаборационистов гражданскую администрацию — Элистинское городское управление. Руководство было возложено на двух городских голов — Н. П. Трубу и Б. Цуглинова [Максимов 2007: 160].

За время оккупации немцы успели взорвать и сжечь в г. Элисте сооружения: наркомхоза в количестве 73 зданий на сумму 4 835 тыс. руб., наркомпроса — 17 зданий на сумму 5 775 тыс. руб., НКВД — 24 здания на сумму 2 418 тыс. руб., наркомздрава — 10 зданий на сумму 2 627 тыс. руб., наркомторга — 41 здание на сумму 1 912, 6 тыс. руб., наркомзема — 29 зданий на сумму 1 015, 5 тыс. руб., Дом Советов — 1 здание на сумму 2 900 тыс. руб., Госбанка — 2 здания на сумму 850 тыс. руб., наркомфина — 4 здания на сумму 446 тыс. руб., наркомюста — 1 здание на сумму 712 тыс. руб., наркомпищепрома — 3 здания на сумму 351 тыс. руб. и др. Сожжена была электростанция мощностью в 500 квт, 5 школьных зданий, 3 здания педучилища, учебный корпус пединститута, здания тубдиспансера и медтехникума, двое детских яслей, Дом

пионеров, типография, Дом правительства, две гостиницы, взорвана насосная станция горводопровода и др. Гитлеровцы не только разрушали и поджигали здания, промышленные предприятия, торгово-складские помещения города, но и методично уничтожали все его сооружения, зеленые насаждения, мосты, изгороди, памятники, статуи.

Большой материальный ущерб немцы нанесли пригородному сельскому хозяйству — трем колхозам [НА РК. Ф. Р-68. Оп. 1. Д.2. Л. 1-2]. Ущерб по отраслям хозяйства города Элисты показан в таблице (см. табл. 1)

Таблица 1. *Ущерб по отраслям хозяйства города Элисты.*

№ п/п	Виды имущества	Количество	Стоимость причиненного ущерба
I	Здания	662	34 130 173 руб.
II	Оборудование и транспортные средства	604	2 045 961 руб.
III	Рабочий и продуктивный скот.		20 913 557 руб.
IV	Посевы сельскохозяйственных культур.	2 855	3 096 143 руб.
V	Сельскохозяйственные продукты	4 668	11 675 236 руб.
VI	Сельскохозяйственный инвентарь		344 510 руб.
VII	Топливо, материалы и готовая продукция		5 996 054 руб.
VIII	Дороги в км	307	743 761 руб.
IX	Денежные средства		72 926 руб.
X	Прочее имущество		15 806 888 руб.
XI	Расходы по эвакуации и реэвакуации		4 184 015 руб.
	Всего:		100 824 874 руб.

[НА РК. Ф. Р-68. Оп. 1. Д. 2. Л. 1-2].

В первые же дни оккупации гитлеровские войска подвергли разорению богатый Западный улус, где было развито полеводство, животноводство [НА РК. Ф. Р-68. Оп. 1. Д. 2. Л. 3]. В Западном улусе военный комендант В. Плис назначил начальником полиции Киппеля, местного эстонца, его заместителем — Гамолу, старостой поселка Башанты – Мышлаевского, во главе совхоза № 112, располагавшегося на территории Башантинского поселкового совета, поставил Ивана Яковлевича Коженбаева, калмыка, работавшего до оккупации завхозом этого же хозяйства. Вскоре он был расстрелян немцами за укрывательство совхозного имущества [Максимов 2007: 155]. Немецкие солдаты по указанию своих старших командиров грабили, отбирали хлеб, муку, скот, птицу, молочные продукты не только в колхозах, но и у мирного колхозного населения. Одних только посевов с/х культур, запаса зерна и других с/х продуктов немцы уничтожили и разграбили в этом улусе на сумму 50 660 тыс. руб. Запасы зерна, скот и птицу гитлеровское командование забирало для нужд своей грабительской армии, но, главным образом, для вывоза в Германию. Гитлеровские оккупанты разрушили и уничтожили много колхозных построек на общую сумму 3 733 тыс. руб., большое количество с/х инвентаря, в т. ч. 74 комбайна, 95 тракторов, а также разграбили почти все колхозное животноводство. Полностью уничтожено хозяйство крупнейшей в республике Башантинской МТС с мастерскими капитального ремонта, тракторами [НА РК. Ф. Р-68. Оп. 1. Д. 2. Л. 4-5].

Самым крупным сельскохозяйственным регионом в Калмыцкой АССР являлся Яшалтинский улус. Хозяйство этого улуса также подверглось большим разрушениям. Одних только посевов немецкими войсками уничтожено на 36 444 тыс. руб, а запасов хлеба, картофеля, овощей, семян — на 24 063 тыс. руб. Гитлеровские захватчики употребили на продовольственные нужды и вывезли в Германию большое количество общественного скота. Всего на эти цели изъяли 41 300 овец, 11 000 голов крупного рогатого скота, около 41 000 птицы, свыше 1 500 свиней [НА РК. Ф. Р-68. Оп. 1. Д. 2. Л. 6–7]. В августе 1942 года Иван Тимофеевич Говенко по просьбе односельчан вынужден был дать согласие военному коменданту Яшалтинского улуса Швабу на назначение старостой с. Красномихайловки. Начальник улусной полиции — А. Г. Миллер, его заместитель — Г. Е. Кокин. Полицейский отряд улусного центра состоял из 30 человек. Секретарем полиции у А. Мил-

лера служил Скрипка, а полицейскими — А. Демьяновский, А. Бедрик, И. Волчанов, П. Прохватилов, Д. Дыгай и другие. Вскоре после расстрела И. Т. Говенко старостой села Красномихайловки был назначен Копейко. В начале 1942 года немецкая военная власть назначила старост во всех селах, в том числе в с. Яшалта — Якова Землянского, и укомплектовала из числа местных жителей полицейскую службу улуса и его сел [НА РК. Ф. Р-68. Оп. 1. Д. 2. Л. 6-7].

Приютненский улус — один из крупнейших животноводческих улусов с хорошо развитым полеводческим хозяйством. В первые же дни оккупации противник начал создавать в Приютненском районе пронацистские службы управления всех уровней. Немецко–фашистские оккупанты сделали все, чтобы как можно больше награбить скота, продуктов животноводства и сельского хозяйства. Фашисты захватили одних только овец 123 000 гол., крупного рогатого скота 12 812 гол., свиней 2 058 гол. Ущерб, нанесенный животноводству, составляет 55, 8 млн. руб. Разрушены все здания, в том числе помещения ремонтных мастерских, а также уничтожен весь сельхозинвентарь МТС (132 трактора, 38 комбайнов) [НА РК Ф. Р-68. Оп. 1. Д. 2. Л. 8-10].

Троицкому улусу немецкими оккупантами также был нанесен большой материальный ущерб: разграблен скот, хлеб, продукты питания, разрушены хозяйственные постройки колхозов, МТС, лечебных учреждений. Общая сумма ущерба составляет 58, 591 тыс. руб., в том числе по животноводству — 28, 868 тыс. руб. [НА РК. Ф. Р-68. Оп. 1. Д. 2. Л. 11–12].

За период оккупации немецко-фашистские войска причинили Сарпинскому улусу колоссальные разрушения. Оккупанты захватили скот колхозов и личного пользования колхозников: овец 86 226 голов, КРС 7 278 голов, свиней 1 100 голов, птицы 3 452 шт. В целом по животноводству ущерб составил 36 492 тыс. руб. В улусном центре Садовое, где стояли немецко-румынские войска, уничтожены все административные здания, здания средней школы, больницы, роддома, банка, почты, клуб, полностью уничтожены две МТС с хозяйственными и жилыми постройками, ремонтными мастерскими. Всего по Сарпинскому улусу был причинен ущерб на 105 978 244 руб. Военный комендант Сарпинского улуса капитан Блюц назначил своим приказом старостой с. Садового Алексея Русакова, его помощниками — Коровянского, И. К. Каджиева, начальником полиции — Саралдаева, его заместителями — Е. Балакаева и Н. Кассирова [НА РК. Ф. Р-68. Оп. 1. Д. 2. Л. 15-17].

Ущерб, причиненный пяти полностью оккупированным улусам по отраслям хозяйства показан в таблице 2.

Таблица 2. *Ущерб по отраслям хозяйства, по оккупированным улусам*

№ п\п	Виды имущества	Западный улус	Яшалтинский улус	Приютненский улус	Троицкий улус	Сарпинский улус
I	Здания	301 на 3 733 167 руб.	324 на 2 266 023 руб.	765 на 6 348 930 руб.	344 на 3 931 025 руб.	501 на 11 286 786 руб.
II	Оборудование и транспортные средства	493 на 946 930 руб.	1 061 на 1 238 726 руб.	1 075 на 2 888 754 руб.	395 на 298 925 руб.	758 на 581 910 руб.
III	Рабочий и продуктивный скот	58 433 на 23 603 671 руб.	100 782 на 36 214 684 руб.	146 977 на 55 820 544 руб.	78 397 на 28 868 708 руб.	98 054 на 36 492 617 руб.
IV	Посевы сельскохозяйственных культур	404 592,5 га на 38 375 876 руб.	12 330,4 га на 36 444 314 руб.	40 938 га на 30 845 982 руб.	13 645 га на 2 811 216 руб.	22 544,5 га на 25 918 726 руб.
V	Сельскохозяйственные продукты	195 582 ц. на 12 263 822 руб.	43 659,8 тонн на 24 063 200 руб.	29 142 456 руб.	10 220 тонн на 2 459 419 руб.	788 083 ц. на 16 044 331 руб.
VI	Сельскохозяйственный инвентарь	870 на 1 315 943 руб.	1 414 на 1 266 269 руб.	774 374 руб.	552 на 1 101 535 руб.	1 292 на 411 625 руб.

VII	Топливо, материалы и готовая продукция	2 419 638 руб.			3 934 128 руб.	
VIII	Уничтожено садов	151 га на 1 234 000 руб.	124 800 руб.	99 000 руб.	99 900 руб.	318 га на 2 525 930 руб.
IX	Недополучено доходов в колхозах	34 356 352 руб.	24 756 734 руб.	4 653 593 руб.	10 493 905 руб.	9 778 991 руб.
X	Денежные средства	9 000 руб.		17 000 руб.	17 000 руб.	4 343 руб.
XI	Прочее имущество	3 084 293 руб.	4 919 192 руб.	3 436 483 руб.	1 597 984 руб.	1 381 185 руб.
XII	Расходы по эвакуации и реэвакуации	1 857 959 руб.	1 353 940 руб.	2 733 441 руб.	2 977 604 руб.	1 547 028 руб.
XIII	Орудия лова					4 772 руб.
	Всего:	123 200 651 руб.	132 647 882 руб.	136 760 557 руб.	58 591 349 руб.	105 978 244 руб.

В большей степени пострадал Приютненский, а в меньшей – Троицкий улус. В общей сложности было уничтожено, разрушено, расхищено, сожжено 2 235 зданий и сооружений на 27 565 931 руб., 3 782 единиц оборудования и транспортных средств на 5 955 245 руб., 482 643 гол. рабочего и продуктивного скота на 181 000 224 руб., 494 050,4 га посевов с/х культур на 134 396 114 руб., с/х продуктов на 83 973 228 руб., с/х инвентаря на 4 869 746 руб., топлива, материалов и готовой продукции на 6 353 766 руб., садов на 4 083 630 руб., недополучено доходов в колхозах на 84 039 575 руб., денежных средств на 47 343 руб., прочего имущества на 14 419 137 руб., расходов по эвакуации и реэвакуации на 10 469 972 руб., орудия лова на 4 772 руб. Всего ущерб составил 557 178 683 руб. [НА РК. Ф. Р-68. Оп. 1. Д. 2. Л. 23].

Частично были оккупированы 3 улуса — Малодербетовский, Кетченеровский и Черноземельский. Структура пронацистского управления в Малодербетовском улусе была построена по типу других оккупированных районов. Во всех захваченных селах улуса были сформированы вспомогательные службы из представителей местного населения — сельские правления во главе со старостами, полицейские подразделения. Опустошительные разрушения претерпел Малодербетовский улус, на территории которого происходили бои немецко-фашистских захватчиков с Красной Армией за Сталинград. Гитлеровцы разрушили и уничтожили все школы, больницы, колхозные постройки улуса. В улусном центре, Малых Дербетах были уничтожены улусная больница, вальцовая мельница, почти все административные дома, МТС с ремонтными мастерскими. Многие семьи колхозников, рабочих и служащих лишились жилья. Фашистские оккупанты уничтожили свыше 890 зданий на 18 951 тыс. руб. Всего по Малодербетовскому улусу ущерб составил 138 834 366 руб. [НА РК. Ф. Р-68. Оп. 1. Д. 2. Л. 13–14].

Значительные разрушения произвели немецкие оккупанты в хозяйствах Кетченеровского улуса [НА РК. Ф. Р-68. Оп. 1. Д. 2. Л. 18-19]. Самым большим разрушениям и ограблениям подвергся Черноземельский улус. Пронацистские местные органы управления комплектовались как на добровольных началах, так и в принудительном порядке из числа местных жителей. В улусном центре, с. Яшкуль старостой был назначен М. Облякиев, начальником полиции — Б. Кичиков, которые получили статус улусных должностных лиц. По территории улуса проходила линия обороны немецких войск и боевые действия на Астраханском направлении. Гитлеровцы разрушили все хозяйственные постройки колхозов этого улуса, жилые дома колхозников и административные здания. В районном центре Яшкуль был построен новый лечебный городок, больница, вендиспансер, роддом, амбулатория, детские ясли, общежития медработников. Фашистами этот городок был превращен в

руины. Поселки Хулхута и Утта были стерты с лица земли. На месте домов колхозников остались одни блиндажи, окопы и рвы немецких солдат. Такому же разрушению подверглись райцентр Яшкуль и село Улан. Всего по улусу разрушено и уничтожено 734 постройки на 8 906, 92 тыс. руб. Немцами разграблено и уничтожено почти 90 тыс. гол. скота на 35 209 руб. [НА РК. Ф. Р-68. Оп. 1. Д. 2. Л. 20–22]. Ущерб, причиненный по трем частично оккупированным улусам, показан в таблице 3.

Таблица 3. *Ущерб по отраслям хозяйства, по частично оккупированным улусам*

№ п/п	Виды имущества	Малодербетовский улус	Кетченеровский улус	Черноземельский улус
I	Здания	894 на 18 951 508 руб.	819 на 4 622 438 руб.	734 на 8 906 921 руб.
II	Оборудование и транспортные средства	871 на 419 035 руб.	641 на 366 976 руб.	520 на 338 110 руб.
III	Рабочий и продуктивный скот	73 878 на 29 278 852 руб.	80 808 на 28 759 458 руб.	95 954 на 35 209 426 руб.
IV	Топливо, материалы, готовая продукция	6 249 221 руб.	334 203 руб.	1 090 342 руб.
V	Сельскохозяйственный инвентарь	1 023 на 1 251 813 руб.	1 207 на 766 048 руб.	1 030 на 1 309 670 руб.
VI.	Разграблено, уничтожено и погибло посевов и урожая	34 510 648 руб.	3 580 109 руб.	7 623 га на 4 235 527 руб.
VII.	Разграблено, уничтожено запасов семян, кормов, продуктов и материалов	471 153 цент. на 39 570 585 руб.	6 652 567 руб.	12 691 351 руб.
VIII	Денежные средства		64 750 руб.	552 000 руб.
IX	Уничтожение садов	120 га на 255 000 руб.	15 000 руб.	1 га на 14 000 руб.
X	Расходы по эвакуации и реэвакуации	1 177 548 руб.	1 900 288 руб.	4 704 354 руб.
XI	Прочие виды имущества	5 026 476 руб.	2 575 185 руб.	2 349 515 руб.
XII	Недополучено доходов из - за прекращения или сокращения деятельности колхозов	2 142 680 руб.	2 091 750 руб.	3 444 282 руб.
	Всего:	138 833 366 руб.	51 728 772 руб.	74 845 498 руб.

[НА РК. Ф. Р-68. Оп. 1. Д. 2. Л. 23–24].

Оккупированная фашистами часть территории КАССР составила почти 43 тыс. кв. км (54%), на которой находились 77 сельских советов из 121, 118 колхозов из 179, 11 совхозов из 12, конезавод № 80, Зональная опытная станция по животноводству, 14 МТС из 17. Во всех категориях хозяйств улусов, до временного занятия фашистами, на 1 августа 1942 года насчитывалось 1 237 277 гол. скота [Максимов 2007: 120–121].

За 4,5 месяцев оккупации немцами нанесены огромные разрушения и причинен ущерб народному хозяйству КАССР, убытки от которого (по неполным данным) составляют 637,4 млн руб., в том числе: по животноводству — 196, 5 млн руб., по полеводству — 194, 6 млн руб., по кожсырью — 20,7 млн руб., по зданиям и сооружениям — 143, 4 млн руб., по инвентарю и оборудованию — 82,2 млн руб. Фашистами разграблено и вывезено: КРС — 31 240 гол., овец — 324 526 гол., лошадей — 6 889 гол., верблюдов — 741 гол., свиней — 10 788 гол., птицы — 85 527, посевов — 86 737 га, зерна — 28 766 т, сена — 215 117 т, шерсти — 792,8 т, кожи и овчин — 66 175 штук [НА РК. Ф. Р-68. Оп. 1. Д. 2. Л. 1].

Источники

Национальный Архив Республики Калмыкия (НА РК)

Литература

Великая Отечественная народная. 1941–1945: Краткий ист. очерк / под ред. П. А. Жилина. М.: Мысль, 1985. 368 с., 32 ил., схем, карт.

Максимов К. Н. Великая Отечественная война: Калмыкия и калмыки. М.: Наука, 2007. 374 с.

Советский Союз в годы Великой Отечественной войны. 2-е изд., испр. и доп. М.: Наука, 1985. 711 с., ил.

Sources

[The National Archive of the Republic of Kalmykia]. (In Russ.)

References

[The Great Patriotic People's War. 1941–1945: Short Essay]. P. A. Zhilin (ed.). Moscow: Mysl, 1985. 368 p., 32 ill., schemes, maps. (In Russ.)

[The Soviet Union during the Great Patriotic War]. 2nd ed. Moscow: Nauka, 1985. 711 p., ill. (In Russ.)

Maksimov K. N. [The Great Patriotic War: Kalmykia and Kalmyks]. Moscow: Nauka, 2007. 374 p. (In Russ.)

УДК 947.8(470.62) (470.63)
ББК 63.3(2)632-7(235.7)

КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ КУБАНИ И СТАВРОПОЛЬЯ В НАЧАЛЕ 1960-х ГОДОВ: ХУДОЖНИКИ РЕГИОНА

Cultural Life of the Kuban and Stavropol Regions in the Beginning of the 1960s: Regional Artists

Н. В. Романова (N. Romanova)[1]

[1]кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России факультета истории, философии и искусства Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ph.D. of History, Associate Professor of the Russian History Department of the Faculty of History, Philosophy and Art at the Humanities Institute of the North Caucasus Federal University). E-mail: info@ncfu.ru.

В данной статье на основе широкого пласта архивных документов анализируется деятельность Краснодарского и Ставропольского Союза художников в начале 1960-х гг. в контексте советской официальной культурной политики. Перемены, произошедшие в местной художественной жизни Кубани и Ставрополья, имели несколько иной характер, нежели в Центре. В основном они коснулись деятельности официальных художников, объединенных в местных отделениях союза. В данный исторический период расширились контакты представителей творческой интеллигенции, активизировалась выставочная деятельность, нормой стали творческие командировки, оживилась работа руководства местных отделений. В то же время в официальной культурной политике художественное творчество оставалось инструментом идеологической работы.

Ключевые слова: художественная интеллигенция, „Хрущевская оттепель", культурная политика, общественная жизнь.

In the article based on archival materials the creative activity of Kuban and Stavropol region artists is being researched. In the 1960s there was an increasing growth of exhibitions within artistic unions and the tradition of traveling exhibitions had been revived.

The process of introducing local artists' art was highly stimulated by the foundation of the Artistic Union of RSFSR in 1960. The extension of interregional and international contacts between artists made a serious impact. These were not only exchange exhibition but trips to neighboring republics of Northern Caucasus and Transcaucasus where they had a chance to experience nature and local life to do the art work. In 1960s the tendency of rapprochement between the Central Union of Artists and local artists became noticeable. Local artists' works started being displayed at the All-Soviet Union exhibitions more often than before. The artistic educational system for all social classes was being developed as well.

One of the main goals that local Union of Artists set was to make the work of local artists useful and practical for the society production. Precisely, very big attention was attracted to visual propaganda at plants and factories of the Kuban and Stavropol regions. Artists took part in soviet party commissions checking posters, wallpapers and other propaganda attributes of that kind. Local party authorities, on the other hand, considered the artists and so as the other clerisy as one of the methods of creating ideology. Supervising in art schools was an important part of the duty of local Art Unions authorities because amateur artists could be provided both with professional and ideological guidance through these studios. As in previous years, the officials of the Union of Artists had to pay attention to the ideological level of engagement of its members and their political education. At the same time, there appeared a need of creating a system of professional artistic education for the regions. Different artistic genres such as sculpture, theater decorative painting started developing. It was a common practice to interfere in private work of an artist and it was obligatory to preview and discuss the sketches of unfinished works.

Keywords: artistic intellectuals, Khrushchev's Thaw, cultural policy, social life.

В основу данной статьи положены подходы новой локальной истории, новой политической истории, культурно-интеллектуальной истории. Во-первых, национальная история не сводится к сумме местных историй, но отражает общие тенденции в конкретной локальной истории. Кроме того, именно в недрах жизни локальных сообществ зарождаются новые тенденции. Во-вторых, в классической политической истории изучается, как правило, история центральной власти и ее решений. В данном же случае речь идет о реализации политики власти в области культуры в контексте специфики местного партийно-государственного управления культурой на Ставрополье и Кубани. Наконец, в статье рассматриваются не только особенности культурной жизни данных регионов на примере сообщества местных художников, но и интеллектуальные усилия местной власти по созданию конфигурации художественной жизни в соответствии с новой политикой центрального руководства. Эти особенности и обусловили научную актуальность предлагаемой темы.

Катализатором активизации творчества местных художников стало создание в 1960 г. Союза художников (СХ) РСФСР. К этому времени творческие организации художников Краснодарского и Ставропольского краев уже имели определенные традиции. В местном отделении Союза художников СССР Краснодарского края были известны художники К. К. Сидашенко, Г. В. Копецкий, Г. Г. Аракелян, Г. Н. Булгаков, А. Е. Глуховцев, А. А. Аредаков. На Ставрополье работали такие маститые живописцы, как В. А. Леонтович, М. Г. Штек, А. А. Борматов, К. Г. Казанчан, Г. А. Киракозов, Л. Ф. Попандопуло, П. М. Гречишкин, Б. В. Болдырев, Н. С. Качинский, Е. Ф. Биценко.

Рождение СХ РСФСР сопровождалось активизацией выставочной деятельности в рамках России. Так, в 1960 г. в Москве прошла первая республиканская выставка «Советская Россия». Краснодарский краевой выставком отобрал для экспозиции 134 работы — в их числе картину «Воспоминание о Родине» Г. А. Булгакова, работу Д. П. Бирюкова «Портрет китайского художника Ли-Ци», картину Б. С. Сирома «Уборка урожая», «Портрет пастуха Адыгеи» Г. К. Шахбазяна, «По Кубани» В. А. Пташевского, гипсовый портрет «Звеньевая» работы К. И. Александрова [ГАКК. ФР. 1722. Оп. 1. Д. 41. Л. 5]. Широко экспонировались на этой выставке работы ставропольских художников — Г. А. Киракозова «В дни великой утраты. 1924 год», К. Г. Казанчана «Доярки», Л. Ф. Попандопуло «В обеденный перерыв» В. А. Леонтовича «Лето» и Е. Ф. Биценко «Ученическая бригада» [Асриянц 1984].

Состояние интеллектуальной жизни тех лет, которое символически можно обозначить «назад к Ленину», повлияло и на работы живописцев и скульпторов регионов. Ленинская тема захватила тогда многих художников. В 1960-е гг. к ней не раз обращался ставропольский художник К. Г. Казанчан в картинах «В. И. Ленин» (1964) и «Первая годовщина Октября» (1967). Ставропольские скульпторы взяли обязательство воздвигнуть памятник в центре молодого города Нефтекумска к 94-й годовщине со дня рождения вождя [ГАКК. ФР. 1722. Оп. 1. Д. 59. Л. 21] (автор Ф. И. Перетятько).

Для данного периода культурной истории СССР было характерно «открытие» культуры других стран и большая консолидация творческой интеллигенции регионов, что отразилось и на художественной жизни Ставрополья и Кубани. В начале 1960-х гг. существенно расширились творческие связи местных деятелей с художниками других регионов. Так, со 2 апреля по 7 мая 1961 г. на Кубани экспонировалась передвижная выставка литовского искусства [ГАКК. ФР. 1722. Оп. 1. Д. 59. Л. 4].

Лозунг «связь искусства с жизнью» в те годы определил линию на сближение столицы и провинции. Столичные художественные музеи должны были чаще проводить выставки в регионах. В Краснодаре летом-осенью 1961 г. были представлены акварели западных художников из запасного фонда Эрмитажа. Доступнее стал мир зарубежного искусства. Так очень робко проецировалась общая тенденция ослабления «железного занавеса» в социальной действительности южной провинции. Летом 1962 г. жители Кубани смогли познакомиться с западным искусством на выставке ЮНЕСКО в краевом центре [ГАКК. ФР. 1722. Оп. 1. Д. 29. Л. 36].

В эти годы региональные СХ стали больше привлекать местных художников к участию в столичных выставках. Например, в 1961 г. выставком Краснодарского края рекомендовал на Всесоюзную художествен-

ную выставку в Москве 28 работ кубанских художников, среди которых были скульптура «Материнство» работы И. Я. Гуслева, картины «Жизнь» В. С. Губина, «Весна» В. Д. Носкова и др. [ГАКК. ФР. 1722. Оп. 1. Д. 59. Л. 4].

Усиление внимания центрального творческого союза к региональной художественной жизни проявилось в организации полезных в творческом плане консультаций известных советских художников. В частности, ставропольским живописцам оказал большую помощь московский художник А. П. Бубнов, который принимал участие в обсуждении выставок на заседаниях художественного совета. Работал в крае и ленинградский живописец Л. В. Кабачек, создавший на Ставрополье ряд интересных работ портретного жанра — «Бригада чабанов Героя Социалистического труда И. Малашенко» (1961), «Механизатор Темижбекского зерносовхоза А. Чалый» (1961). Эти картины экспонировались на Всесоюзной выставке «Люди колхозной земли» в Москве в том же 1961 году [Романова 2010].

Улучшились связи художников Ставрополья и Кубани с творческим сообществом соседних регионов. Дело не ограничивалось обменом выставками. Художники изучаемых регионов по командировкам творческих союзов совершали многочисленные поездки в соседние республики Северного Кавказа и Закавказья, где получили возможность не только познакомиться с их жизнью и природой, но и поработать. Ставропольские живописцы А. В. Болдырев, Б. В. Болдырев, В. Г. Поленов, Е. А. Пикалов, Ф. Ф. Воротников создали в этих командировках много этюдов, интересных зарисовок и эскизов. Такое сотрудничество вылилось в организацию регулярных зональных художественных выставок «Советский юг». Первая из них состоялась в Ростове-на-Дону в 1964 г. Традиция, рожденная в рассматриваемый период, продолжилась и позже. В 1967 г. такая выставка работала в Краснодаре, а в 1969 г. — в Ставрополе. Творческие командировки совершались и в отдаленные регионы. На Дальнем Севере работали ставропольские художники Н. Ф. Рыбнов, В. Г. Поленов, в Средней Азии — А. В. Болдырев, Б. В. Болдырев, Ш. З. Байгильдиев [Бендик 1982].

У местных художников впервые появилась возможность увидеть мир, не ограниченный только территорией СССР. Зарубежные поездки, конечно, не были доступны каждому живописцу. В основном они были формой поощрения признанных властью художников, обязательно — членов Союза. Так, командировки в ГДР в начале 1960-х гг. удостоился ставропольский художник Г. А. Киракозов, который посетил немецкие города Лейпциг, Гейденбург, Дрезден, Галле. Результатом стала серия портретов немецких рабочих. Лучшие из них экспонировались в конце 1963 г. в Берлине на выставке «ГДР глазами художников социалистических стран». Картина Г. А. Киракозова «Сталевары. После смены» удостоилась представления на международной выставке произведений молодых художников в Вене во время Всемирного фестиваля молодежи и студентов 1963 г. А. В. Болдырев и Б. В. Болдырев побывали в это время в Болгарии, где создали картины «Памятник советским воинам в Софии» (1963), «Металлургический завод имени Ленина. Перник» (1964), экспонировавшиеся в 1964 г. на Всесоюзной выставке «Болгария глазами друзей». Во время этой поездки завязались дружеские связи с болгарскими художниками. Болгары подарили ставропольчанам пять картин и литературу об искусстве, а также выставку детской графики специально для Кисловодска. [ГАСК. ФР. 4213. Оп.1. Д. 56. Л. 21].

Новые подходы к культурной политике в развитии кадровой политики отразились и в работе местных отделений творческого Союза художников. В 1964 г. было избрано новое правление Ставропольского краевого отделения СХ, которое не менялось 8 лет. В новое правление вошли Б. Н. Бессонов, И. Ф. Горбунов, Г. А. Киракозов, Е. Ф. Биценко, Б. В. Болдырев, В. А. Леонтович, Р. С. Арустамян [ГАСК. ФР. 4213. Оп. 1. Д. 56. Л. 23]. Вновь избранный председатель и члены правления стали ежеквартально выезжать на собрания художников Кисловодска. Чаще, не менее одного раза в месяц, стали проводиться заседания правления.

Прямым следствием призыва власти к связи искусства с жизнью стало стремление местной власти через местные отделения СХ поставить творчество художников регионов на службу общественному производству. Большое внимание уделялось участию художников в проведении наглядной агитации на предприятиях и учреждениях Кубани и Ставрополья [Сорокина

2003]. Художники участвовали в партийно-советских комиссиях по проверке состояния плакатов, стенных газет и других атрибутов наглядной агитации. Например, художник Краснодарского отделения, член КПСС В. П. Ермаков вместе с инструктором райкома партии на период с 13 по 17 января 1961 г. был командирован в Курганенский район, где побывал в трех колхозах. Результаты проверки показали, что «наглядная агитация в районе очень слабая, а в отдельных местах, где ей положено быть, отсутствует» [ГАКК. ФР. 1722. Оп. 1. Д. 55. Л. 25]. Для изготовления наглядной агитации в этих хозяйствах были привлечены профессиональные художники.

Спрос на изготовление наглядной агитации увеличивался после того или иного внутри- или внешнеполитического события. Так, в 1962 г., после завершения работы мартовского пленума ЦК КПСС, большая группа художников из Краснодара, Майкопа, Новороссийска выехала в районы края, чтобы помочь хозяйствам в оформлении материалов по агитации и пропаганде его решений. Художники подготовили к выпуску 6 плакатов на сельскохозяйственные темы. Среди них были 2 плаката с агитацией «за кукурузу», 2 — высмеивали травопольную систему. Один плакат был посвящен прошедшему пленуму. В комплекте были и плакаты, отражающие борьбу общественности с «пережитками капитализма», например, с сатирой на тунеядство [ГАКК. ФР. 1722. Оп. 1. Д. 55. Л. 75].

В 1960-е гг. местное партийное руководство стало более бдительно следить за качеством наглядности на предприятиях. Практика привлечения к этой работе самодеятельных и «левых» художников была запрещена. Руководители хозяйств и промышленных предприятий для оформления зданий хозяйств и клубов должны были обращаться исключительно в региональные отделения художественного фонда. По мере роста материальной базы этих фондов на Кубани и Ставрополье стала создаваться собственная художественная продукция. Так, в конце 1960 – начале 1961 гг. Краснодарский художественный комбинат выпустил первые серии плакатов на злободневные темы по эскизам художников, членов СХ. Среди них была и наглядная агитация на темы животноводства, кукурузы, борьбы с пьянством. Тексты предварительно согласовывались с заместителем заведующего отделом пропаганды и агитации крайкома КПСС [ГАКК. ФР. 1722. Оп. 1. Д. 55. Л. 50].

Эта сфера деятельности художников отличалась противоречивостью. С одной стороны, такая работа, являясь социальным заказом, была далека от подлинного творчества. В то же время она хорошо оплачивалась и была «почетной». Вместе с тем, местные правления СХ были заинтересованы в повышении художественного уровня агитационной продукции. Не случайно на краевой художественной выставке навстречу XXI съезду, которая проходила в Краснодаре в 1959 г., один из разделов экспозиции был представлен агитационными и сатирическими плакатами местных художников [Богоявленский 1959].

Социальная политика тех лет рождала новые запросы советских людей. В обществе усилилась потребность в украшении жилищ, улиц, желание сделать собственный быт ярче, привлекательней. Доморощенные живописцы формировали дурной вкус, приверженность к кичу. Ограничить поток такой продукции пытались с помощью официальных постановлений. Создание и движение документов проходило сверху вниз. Так, после выхода постановления ЦК КПСС от 30 июля 1959 г. появилось постановление бюро Краснодарского крайкома КПСС от 24 августа 1959 г. «О наведении порядка в деле сооружения памятников». Еще раньше было принято решение Краснодарского крайисполкома от 4 апреля 1959 г. «О борьбе с выпуском и распространением в крае антихудожественной продукции» [ГАКК. ФР. 1722. Оп. 1. Д. 55. Л. 7].

Несмотря на то, что любой договор, заключаемый помимо художественного фонда, рассматривался как незаконный, руководители государственных и общественных организаций предпочитали заключать договоры с частными лицами, которые не состояли в Союзе художников, так как это было проще и дешевле. Безусловно, такие «доморощенные» памятники часто не отвечали требованиям хорошего художественного вкуса. Однако среди них были и талантливые произведения, которые не признавались как художественные только потому, что их автор не состоял членом СХ.

Идеологические бури, шумевшие вокруг попыток интеллигенции обрести творческую свободу — «бульдозерная выставка» и инцидент в выставочном зале в Манеже, грубый «разнос» Н. С. Хрущевым творческой моло-

дежи во время встреч руководства с интеллигенцией — в далекой южной провинции были почти не слышны. Такой вывод позволяет сделать изучение официальных документов местной власти. На самом деле, среди творческой молодежи Ставрополья и Кубани новаторские настроения существовали, но в основном в среде тех, кто не имел отношения к работе Союза, — независимых художников. О том, что такой круг существовал, свидетельствуют дальнейшие события конца 1960-х – начала 1970-х годов. Очевидцы тех событий вспоминают, как Ставропольское краевое управление культуры запрещало персональную выставку талантливого художника Е. Саврасова, как молодой художник А. Гончаров был обвинен в «формализме» и приверженности западному влиянию [Булыгина, Романова 2012].

В то же время «оттепель» в художественной и общественной жизни страны заставила власть действовать превентивно в сфере идейно-политического воспитания, чтобы предотвратить идейные «шатания» творческой молодежи. Эти меры декларировались Центром и были обязательны для исполнения во всех уголках Советского Союза. На наш взгляд, такой профилактический характер против идеологических неполадок в творческом цехе регионов носили выступления на отчетно-выборном собрании членов и кандидатов Ставропольского отделения Союза художников РСФСР, состоявшемся 20 июня 1964 г. [ГАСК. ФР. 4213. Оп. 1. Д. 56. Л. 17].

Председатель Правления К. Г. Казанчан отчитывался за период с 1962 по 1964 гг. Собрание проходило вскоре после пленума ЦК КПСС 1963 г. по идеологическим вопросам, и это обстоятельство существенно сказалось на работе собрания ставропольских художников. На заседании по традиции присутствовал представитель крайкома КПСС. Анализ выступлений позволяет выявить некоторые тенденции в художественной жизни края середины 1960-х гг. Совершенно справедливо отмечалось, что в отчетные годы местные художники более остро почувствовали себя неотъемлемой частью народной жизни. В обычном стиле подобных собраний члены СХ, довольные своим материальным бытием, призывали не останавливаться на достигнутом, не удовлетворяться проделанной работой. С трибуны собрания звучала самокритика в унисон партийным требованиям. По существу же эта критика содержала лишь привычные фразы о «глубоком содержании». Один из выступающих заявил, что «часть наших произведений лишь констатирует факт его простым отображением», тогда как необходимо было больше насыщать произведения глубоким содержанием, проявлять умение увидеть главное и раскрыть его.

Однако появились и новые нотки, отражавшие конъюнктуру идеологической борьбы. Так, художник И. Ф. Горбунов считал одной из главных задач работы отделения решительную борьбу с современным абстракционизмом, который не более и не менее как наносит «огромный вред художественной культуре человечества». Именно в этом контексте член СХ призывал с большей заботой воспитывать молодые кадры. Идеологическую неустойчивость среди художественной молодежи он не без оснований объяснял увлечением романтикой: «В поисках нового, романтичного, молодежь не всегда находит верные пути, поэтому от нас требуется внимание и чуткость к молодым кадрам» [ГАСК. ФР. 4213. Оп. 1. Д. 56. Л. 18]. Художник Б. Н. Бессонов подчеркнул необходимость первоочередного проведения идеологической работы не только в среде художественной интеллигенции, но и среди населения. В своем выступлении он подчеркнул лояльность местных художников политической линии власти как следствие идеологической работы: «Все художники нашего коллектива твердо стоят на позициях социалистического реализма. Борьба с проникновением буржуазного влияния велась, но она не должна быть снята с повестки дня» [ГАСК. ФР. 4213. Оп. 1. Д. 56. Л. 19]. Трудно представить, о каком буржуазном влиянии в области изобразительного искусства шла речь. Ведь ни одной выставки зарубежных художников в крае за рассматриваемый период не было, а первые зарубежные поездки ставропольских художников состоялись лишь в 1963 г. [Романова 2010]. Можно только предположить, что в среде самодеятельных художников и искусствоведов существовало некоторое стремление к творческому раскрепощению в поисках изобразительных форм.

Таким образом, перемены в местной художественной жизни Кубани и Ставрополья имели несколько иной характер, нежели в столице. Это коснулось в основном деятель-

ности официальных художников, объединенных в местных отделениях СХ. Расширились контакты представителей художественной интеллигенции, активизировалась выставочная деятельность, нормой стали творческие командировки, оживилась работа руководства местных отделений. Все это свидетельствовало о том, что формы партийно-государственного руководства художественной жизнью страны в целом и регионов, в частности, были модернизированы, но сущность культурной политики, несмотря на «оттепель», осталась неизменной. В официальной культурной политике художественное творчество оставалось инструментом идеологической работы с сохранением традиционной идейной риторики. Новые же творческие веяния и художественные идеи находились в стороне от СХ — в области официально непризнанного искусства и независимых художников.

Источники

Государственный архив Краснодарского края (ГАКК).

Государственный архив Ставропольского края (ГАСК).

Литература

Асриянц Г. Г. Партия и искусство народов Северного Кавказа: Монография. Ростов-на-Дону: Изд-во РГУ, 1984. 144 с.

Бендик Б. А. Художники Ставрополья. Л.: Художник РСФСР. 1982. 143 с.

Булыгина Т. А., Романова Н. В. Особенности советской местной системы управления (на примере руководства культурой в эпоху «оттепели») // Российская государственность в судьбах народов Северного Кавказа – IV. Материалы региональной научно-практической конференции. Пятигорск, 18–20 ноября 2011 г. Пятигорск: ПГЛУ, 2012. С. 49–57.

Богоявленский М. Краевая художественная выставка. Советская Кубань. 11 февраля 1959.

Романова Н. В. Партийно-государственное управление культурой в 50-е – 60-е годы XX века: (на примере Кубани и Ставрополья) // Вестник Ставропольского государственного университета. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2010. Вып. 71(6). С. 49–55.

Сорокина А. Ю. История развития народного творчества Ставрополья и Кубани (1945–1985 гг.). Автореф. дис… канд. ист. наук. Ставрополь: СГУ, 2003. 21 с.

Sources

[The State Archives of Krasnodar Region]. (In Russ.)

[The State Archives of Stavropol Territory]. (In Russ.)

References

Asriyants G. G. [Party and Art of North Caucasus Peoples]. Monograph. Rostov-on-Don: Rostov State University Publ. House, 1984. 144 p. (In Russ.)

Bendik B. A. [Artists of Stavropol]. Leningrad: Artist of the RSFSR, 1982. 143 p. (In Russ.)

Bogoyavlensky M. [Territorial Art Exhibition]. *Soviet Kuban*. 1959. 11 February. (In Russ.)

Bulygina T. A., Romanova N. V. [Peculiarities of Soviet Local Management System (on the Example of Culture Management in the Epoch of "Thaw")]. In: [Russian Statehood in the Fates of North Caucasian Peoples]. Conf. proc. Pyatigorsk: Pyatigorsk State Linguistics University, 2012. Pp. 49–57. (In Russ.)

Romanova N. V. [Party and State Management of Culture in the 50-s – 60-s of XX Century (on the Example of Kuban and Stavropol)]. *Bulletin of Stavropol State University*. Stavropol: State University Publ. House, 2010. Iss. 71(6). Pp. 49–55. (In Russ.)

Sorokina A. Yu. [History of Development of Folk Art of Stavropol and Kuban (1945–1985)]. Cand. Sc. thesis (History) abstract. Stavropol: Stavropol State University, 2003. 21 p. (In Russ.)

УДК 314.04+325.1
ББК 60.7+65.248

СОВРЕМЕННЫЕ МИГРАЦИОННЫЕ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ НА ЮГЕ РОССИИ: РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ КАЛМЫКИЯ)

Contemporary Migratory and Demographic Processes in the South of Russia: Regional Peculiarities (the Case Study of the Republic of Kalmykia)

Н. Г. Очирова (N. Ochirova)[1]

[1] канд. полит. наук, директор Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Ph. D. of Political Science, Director of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences). E-mail: kigiran@elista.ru.

Статья посвящена современным миграционным и демографическим процессам на Юге России. Перемены, произошедшие в России в ходе кардинальных политических и экономических преобразований последних десятилетий, значительно повлияли на миграционные и демографические процессы в Республике Калмыкия. В статье выявлены факторы, определяющие миграционные и демографические особенности, и обозначены перспективы миграционного и демографического развития в регионе. Республика Калмыкия относится к регионам Юга России, в которых наблюдается естественный прирост и миграционная убыль населения. Отрицательное сальдо миграции – одна из основных причин сокращения численности населения республики в последние годы. Сложившаяся за последние годы в регионе миграционная ситуация требует более эффективной миграционной политики, которая должна строиться на основе учета интересов не только государства, но и общества, и отдельной личности при соблюдении конституционных прав и свобод граждан. Решающим условием для преодоления миграционного оттока и депопуляции населения является оздоровление социально-экономической обстановки в Калмыкии.

Ключевые слова: Республика Калмыкия, Юг России, миграция, трансформация, модернизация, социально-демографическая структура населения, постсоветский период, естественный прирост населения, естественная убыль населении, миграционная политика.

The article is devoted to contemporary migratory and demographic processes in the South of Russia. The changes that have taken place in the Russian Federation over the past decades during the fundamental political and economic reforms have significantly affected the migratory and demographic processes in the Republic of Kalmykia. The research results revealed four main factors defining the peculiarities of present day migration and demography and drew some development prospects of both migration and demography policies in the region. Being a subject of the Southern Federal District of the Russian Federation, the Republic of Kalmykia is undergoing such processes as natural population increase and migration population loss as well. Negative migration balance has become one of the main reasons for the population decline of the republic in recent years. Thus, the situation in the field of migration, existing at the present stage in the region, requires a more effective migration policy, which should be based on consideration of interests not only of the state itself but also of the society and even of an individual, when respecting the constitutional rights and freedoms of citizens.

Keywords: the Republic of Kalmykia, the South of Russia, migration, transformation, modernization, social and demographic structure of the population, the post-Soviet period, natural population increase, natural population decline, migration policy.

На протяжении истории человечества миграция является не менее важным компонентом демографического развития, чем смертность или рождаемость. Как известно, поначалу она происходила в виде локальных перемещений в непосредственной близости от очага, пещеры или хижины — в пределах необходимой для существования охоты или собирательства. Позже, в IV–XIV вв., в рамках миграционного периода, или Великого переселения народов (германские племена, венгры, булгары, тюрки и др.), миграция стала главным элементом развития этносов и заселения обширных территорий.

Проблемы миграции в контексте взаимодействия культур, образа жизни и ценно-

стей принимающих и прибывающих народов существовали на протяжении всей истории современной цивилизации, обостряясь в периоды общественных потрясений. Как отмечает В. Л. Иноземцев, «всю историю человечества без особых натяжек можно рассматривать с точки зрения непрерывной миграции племен и народов» [Иноземцев 2003: 64].

В России с ее необъятными, большей частью малонаселенными, просторами миграция всегда выступала в качестве важнейшего фактора развития. Кардинальные перемены в России последних десятилетий, обусловленные политическими и социально-экономическими преобразованиями, значительно повлияли на миграционные и демографические процессы в стране. Либеральные реформы и поспешность, с которой они осуществлялись, практически не учитывали цивилизационных, формационных и национальных особенностей России, менталитета населяющих ее народов, природно-климатических условий и др. В демографической сфере эта тенденция выразилась в резком сокращении рождаемости: реформы обусловили прежде всего снижение репродуктивных планов населения.

Острота и значимость демографических проблем современной России осознается на уровне центров принятия решений, политического класса, широких общественных слоев. Важность демографических процессов стоит в одном ряду с обеспечением необходимых темпов роста экономики и подъема жизненного уровня населения, обеспечением его безопасности. Хотя власти предпринимали и предпринимают определенные меры в данной сфере (пособия на рождение детей, создание «материнского капитала», некоторые национальные проекты), этих действий явно недостаточно для устранения кризисных явлений в области демографии. Некоторые положительные результаты не позволяют, однако, утверждать, что принятые меры дадут долгосрочный эффект. Они, скорее, определяют тенденцию к стабилизации рождаемости. Между тем, большинство демографов считают, что главным фактором, негативно воздействующим на процесс воспроизводства населения, в частности на рождаемость, является экономика [Малева, Синявская 2006]).

Отечественные ученые отмечают: «В российском обществе конца 90-х годов произошли значительные деформации в структуре удовлетворения материальных и духовных потребностей людей. Все это отразилось на демографических процессах и вызвало падение рождаемости, рост смертности, нестабильность браков, массовое распространение малодетности» [Население и кризисы 2001: 24].

Особенностью России, которая выделяет ее на фоне других развитых стран, является прежде всего высокий уровень смертности в трудоспособных возрастах. Данные советского и постсоветского периодов развития страны свидетельствуют о резком сокращении количественных показателей рождаемости: в 1987 г. родилось 2,5 млн детей, а в «шоковые годы» — 1,2 млн [Колеченков, Сологуб 2003: 202].

Согласно переписи 1989 г., в РСФСР было 36 млн детей, а в 2002 году их численность составила 26,3 млн, таким образом, количество детей сократилось на 9,7 млн человек. [Россия в цифрах 2002: 69]. Около 2 млн детей (примерно 65 %) ежегодно погибают, так и не родившись, в результате абортов, число которых в России превышает количество родов на 1,8 %. Семейные связи зачастую становятся бездуховными, и, как результат, растет число «отказных детей» [Колеченков, Сологуб 2003: 203].

Между тем рождаемость является главным условием жизнеспособности и безопасности государства, поскольку от количества населения напрямую зависит будущее страны. По оценке современных исследователей, «происходящее высокими темпами вымирание народа ставит под вопрос само существование России» [Федоров 2004: 45]. В начале 1990-х гг. резкое снижение рождаемости стало реакцией населения на низкий жизненный уровень, при этом наблюдался не полный отказ, а сознательное откладывание рождения детей [Иноземцев 2003: 64]. Таким образом, с начала 1990-х гг. Россия вошла в фазу открытой депопуляции, когда количество население страны стало ежегодно снижаться, приостановление же в 2010–2011 гг. этого снижения объясняется всплеском рождаемости в середине 1980-х гг.

Итак, в XXI век большинство регионов России вошло с нарастающими проблемами депопуляции и постарения населения. Пространственная динамика демографических процессов за период между переписями 1989–2002 и 2010 гг. претерпела значительные изменения. Определяющими тенденциями социально-демографического развития в конце XX — начале XXI вв. в течение длительного времени выступали снижение

уровня рождаемости и повышение уровня смертности.

На этом фоне одним из важнейших индикаторов социальных проблем стала достигшая небывалых размеров миграционная подвижность населения, изменившая свое направление в переходный период, причем во многих регионах – неоднократно. Положение осложняется беженцами из неблагополучных регионов, возрастает поток нелегальных мигрантов. Все эти факторы позволяют оценивать современную демографическую ситуацию как кризисную, чрезвычайно опасную, представляющую угрозу национальной безопасности государства.

Перемены, произошедшие в России за последние десятилетия в ходе осуществления либеральных реформ, политических и экономических преобразований, в значительной мере повлияли на миграционные и демографические процессы в Республике Калмыкия. Для Калмыкии постсоветского периода характерна тенденция к сокращению численности населения: с 1992 по 2010 гг. оно уменьшилось с 325 524 до 289 481 тыс. чел. [Белоусов 2013: 231].

Входящая в состав Южного федерального округа Республика Калмыкия многонациональна по составу. Перед началом реформ (согласно переписи 1989 г.) на ее территории проживали представители более 90 этносов, то есть регион представлял собой этнически смешанную общность с двумя относительно крупными национальными группами – калмыков (146 316 чел. или 45,4 % к общей численности населения) и русских (121 153 чел. или 37,7 %). Численность иных этнических групп была заметно меньшей: даргинцев насчитывалось 12 878 чел. (4,0 %), чеченцев 8329 (2,6 %), казахов — 6277 (1,9 %), немцев — 5586 (1,7 %), украинцев — 4069 (1,3 %), аварцев – 3871 (1,2 %). [Итоги Всесоюзной переписи 1990: 28].

Начиная с микропереписи 1994 г., сохраняется тенденция к увеличению числа представителей титульной нации в республике. Структура национального состава по некоторым показателям претерпела значительные изменения. Этническое представительство калмыков в структуре населения региона возросло в 1994 г. на 16 % и составило почти 53 % от общего числа населения, а в 2010 г. с 45,4 % до 56,2 %. [Калмыкия в цифрах 2004: 29; Республика Калмыкия 2012: 22].

Таким образом, Калмыкия вошла в число тех республик, где представители титульных национальностей составляют абсолютное большинство. Численность русских осталась практически на прежнем уровне (соответственно, 36 675 и 37 753; рост 0,2 %). В эти годы усилился отток представителей народов Северного Кавказа (даргинцев, чеченцев), уменьшилось число казахов. Новым явлением в миграционных процессах стала интенсификация эмиграции в страны дальнего зарубежья. В Калмыкии она связана с немцами, эмигрировавшими в Германию, их численность в республике сократилась на 85,9 % (1 732 и 244) [Некоторые данные 1999].

Калмыкия оказалась единственным регионом Юга России, где зафиксировано сокращение количества жителей, что свидетельствует о депопуляционных процессах в республике, которая, занимая третье место в Южном федеральном округе по размерам своей территории, по численности находится на последнем месте. Сложившаяся ситуация, с одной стороны, является следствием исторических событий, в том числе депортации калмыцкого народа и связанной с ней деформации половозрастной структуры населения, с другой — воздействия ряда факторов, обусловленных переходом общества к новой модели социально-экономической и общественно-политической жизни.

На динамику численности населения определяющее влияние оказывают демографические и миграционные факторы. Для демографической ситуации Калмыкии постсоветского периода характерны падение рождаемости и рост смертности. Эти тенденции обусловлены сложившимися половозрастными и брачными структурами населения, сформировавшимися под влиянием демографического развития в предшествующие годы.

Согласно статистическим данным, рождаемость в Республике Калмыкия за период 1992–2005 гг. сократилась в 1,5 раза. Данная тенденция наблюдалась до 2000 г., когда был достигнут самый низкий порог: 3 473 родившихся, что на 2 392 человека меньше, чем в 1992 году. Необходимо отметить, что возрастной коэффициент рождаемости в постсоветский период сократился почти в два раза: 79,2 родившихся на 1 000 женщин в возрасте 15–49 лет в 1992 г. и 39,1 родившихся в 2000 г. В последующем с 2000 по 2012 гг. наблюдался незначительный рост возрастного коэффи-

циента рождаемости (50,5 в 2004 г. и 47,6 в 2005 г.), однако показатели дореформенного периода так и не были достигнуты (97,1 и 92,8 родившихся в 1990 и 1991 гг., соответственно) [Калмыкия в цифрах 2004: 31]. Временный рост рождаемости специалисты объясняют возрастной структурой населения и связывают со вступлением в репродуктивный возраст более многочисленного поколения 1980-х гг., когда в результате активной демографической политики рождаемость была в два раза выше, чем отмечается в современный период. Несмотря на указанные позитивные сдвиги в улучшении демографической ситуации растущий уровень рождаемости не обеспечивает воспроизводства необходимого количества населения. Анализ показывает, что в 1992–1993 гг. суммарный коэффициент рождаемости (число детей, рожденных одной женщиной за свою жизнь) составил 2,568 и 2,304, соответственно, то есть немного превышает необходимый показатель для замещения поколений родителей детьми. Снижение рождаемости в 1990-е гг. было предопределено структурными факторами — вступлением в детородный возраст малочисленной группы потомков военного поколения (женщины 1960–1970-х гг. рожд.). В Калмыкии на данный процесс дополнительное негативное влияние оказали последствия депортации калмыцкого народа, приведшие к массовым демографическим потерям и большим перекосам в половозрастной структуре населения. В последующие годы этот коэффициент был еще ниже (2,2). Суммарный коэффициент рождаемости за период 1992–2005 гг. заметно снизился — с 2,568 до 1,692. Однако, если сравнивать данные показатели с общероссийскими, то коэффициенты рождаемости в Калмыкии в последнее десятилетие выше общероссийских, за исключением 2013 г., когда коэффициенты рождаемости в РК и РФ были равны и составляли 14,5 родившихся на 1000 населения.

На падение рождаемости оказывает определяющее влияние изменившееся репродуктивное поведение молодежи, связанное с трансформацией стиля и образа ее жизни. При анализе резкого спада рождаемости в 1990-е гг. нельзя не учитывать и значительного ухудшения социально-экономической ситуации в республике, вызванной переходом к новой формации. Поэтому резкое понижение рождаемости следует рассматривать в большей степени как реакцию на снижение жизненного уровня населения.

К числу факторов, влияющих на воспроизводство населения, относятся показатели смертности и старения. Существенное снижение жизненного уровня населения в условиях неудовлетворительного состояния социальной сферы и базовой медицины, недоступность высокоэффективных средств для лечения населения, экологически неблагоприятные условия и рост преступности являются причинами увеличения смертности в Республике Калмыкия. На уровень смертности влияет и процесс старения населения.

В период между переписями 1989 и 2002 гг. количество пожилых людей увеличилось на 9,9 тыс. чел., а в 1995 г. республика, согласно классификации ООН, преодолела порог старости (по данной классификации, население считается старым, если доля пожилых людей составляет 7 % от общей численности населения).

Несмотря на показатели падения рождаемости, Калмыкия входит в число четырех субъектов Южного федерального округа, где еще продолжает сохраняться естественный прирост населения, но благоприятной демографическую ситуацию назвать все же трудно. Во-первых, естественный прирост невелик и не превышает 1,5 чел. на 1 000 жителей, для сравнения отметим, что соседняя с Калмыкией Республика Дагестан в 2005 г. имела по этому показателю 8,9 чел. на 1 000 жителей. Во-вторых, в последние годы естественный прирост населения республики происходит не за счет основных народов, проживающих на территории республики, то есть калмыков и русских, составляющих более 86 % населения, а за счет других этнических групп, прежде всего представителей народов Северного Кавказа, удельный вес которых в естественном приросте населения преобладает. Сохранение этой тенденции уже в обозримом будущем может привести к изменению этнической структуры населения и, как следствие, этнокультурной и этнополитической ситуации в республике [Очирова 2011: 131–136].

Одним из параметров анализа структуры населения является соотношение мужчин и женщин. По состоянию на 1 января 2013 г., численность мужчин равнялась 136469 чел., женщин — 147671, что составляет 48 % и 52 %, соответственно [Об итогах деятельности]. Если рассматривать

сведения в динамике, то процентное соотношение на протяжении последнего десятилетия остается стабильным. Преобладание женщин обусловлено прежде всего высокой смертностью мужчин и, соответственно, более низкой продолжительностью их жизни. Так, ожидаемая продолжительность жизни при рождении мужчин и женщин составляет разницу более чем в 10 лет в пользу последних.

Коэффициент смертности с 2000 по 2005 гг. в ЮФО продолжал увеличиваться (с 12,7 % в 2000 г. до 13, 2 % в 2005 г.), но темпами более низкими, чем в целом по стране, наиболее высокие показатели были характерны для 2013 г. (13,6 % в целом по ЮФО). По сравнению с 2003 г. к 2007 г. отмечается значительное снижение коэффициента смертности — почти на 2 %. В региональном разрезе наблюдается неоднозначная ситуация. Можно выделить субъекты со значительным увеличением коэффициента смертности: Адыгея, Северная Осетия, Кабардино-Балкария, Калмыкия, Карачаево-Черкессия.

Территориальные различия в демографической ситуации, структуре занятости, уровне жизни, обусловленных экономической специализацией областей и республик Южного федерального округа, определяют и особенности функционирования рынка труда. Численность активного населения Юга России в 2009 г. составила 11 345 тыс. чел. Уровень экономической активности населения в целом по округу составляет 64,8 %, в том числе в Астраханской области — 68,9 %, Калмыкии — 67,6 %.

На общероссийском фоне Юг России выделяется миграционной привлекательностью. [Зайончковская 2001: 178, 182]. Миграционный прирост здесь с 2002 по 2007 гг. составил 53 тыс. чел., в основном за счет переселения в данный регион граждан стран СНГ, кроме Белоруссии.

В республиках ЮФО по-прежнему наблюдается отток из городской местности, преимущественно складывающийся за счет русскоязычного населения. Причем наибольшая интенсивность миграционной убыли наблюдается в городах республик с повышенной долей русскоязычного населения, в частности, в Карачаево-Черкесии (10,1 % в 2006 г.) и Калмыкии (6,6 %). [Белозеров 2005: 146–217]. По этим же причинам наибольшая интенсивность оттока населения наблюдается из сел Калмыкии (7,7%), Кабардино-Балкарии (5%) и Карачаево-Черкесии (4%).

В период с 2000 по 2013 гг. самыми высокими показателями миграционных потоков в Калмыкии характеризуются последние годы. Так, в 2011 г. из республики более 10 492 чел. прибывает и более 13 976 человек выбывает (рис. 1.). В 2012 г. данные миграции достигли максимального значения за весь период: число прибывших составило 11 888 чел., выбывших — 15 835 чел. В 2013 г. число выбывших и прибывших стало несколько меньше: 11 379 и 14 819 чел., соответственно. Самые низкие показатели были отмечены в 2009 г. и составили 6 511 прибывших в регион и 8 501 выбывших человек. Но и в этот год число выбывших преобладает над числом прибывших. Стоит отметить, что отрицательное сальдо миграции сохраняется на протяжении всего периода

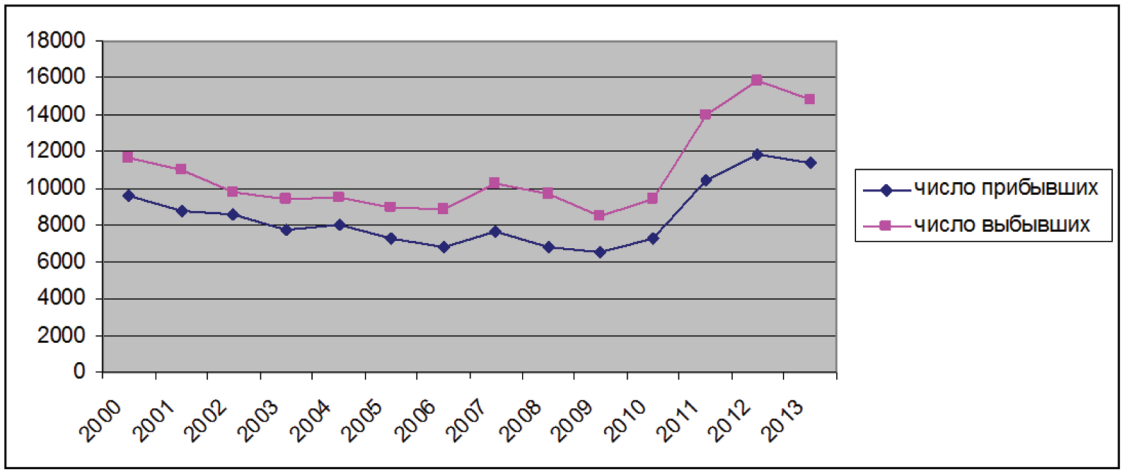


Рис. 1. *Число прибывших и выбывших по Республике Калмыкия*

В возрастной структуре мигрантов преобладают люди трудоспособного возраста, а именно молодежь в возрасте 16–29 лет, далее, но уже не так масштабно, отмечены мигранты в возрасте 39–49 лет и 0–15 лет. Менее подвержены миграционному передвижению возрастные группы 50–64 лет, а также группа в возрасте 65 лет и старше (рис. 2, 3). Таким образом, возрастная группа 16–29 лет более подвержена миграционному процессу и характеризуется достаточно высокой активностью.

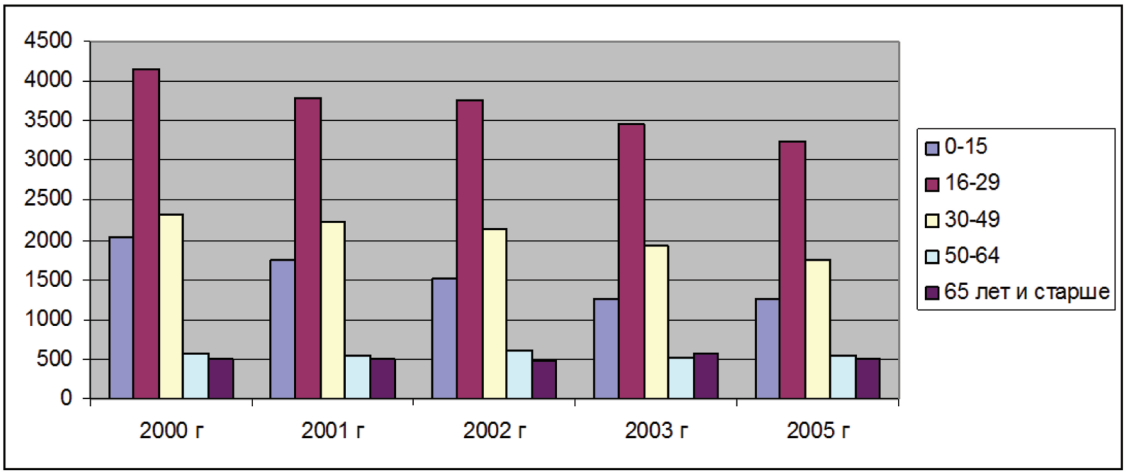


Рис. 2. *Число прибывших в Республику Калмыкия по возрастным группам*

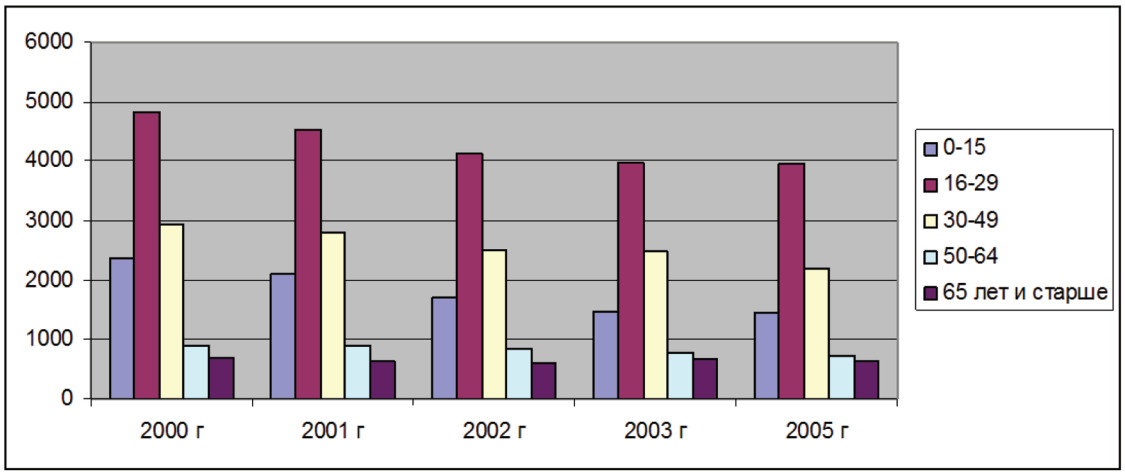


Рис. 3. *Число выбывших из Республики Калмыкия по возрастным группам.*

Трудовая миграция молодежи в Калмыкии обусловлена отсутствием рабочих мест в республике, низкими заработками, безработицей и другими причинами.

Республика Калмыкия относится к регионам, в которых наблюдается естественный прирост и миграционная убыль населения. Отрицательное сальдо миграции — одна из основных причин сокращения численности населения республики в последние годы (рис. 4).

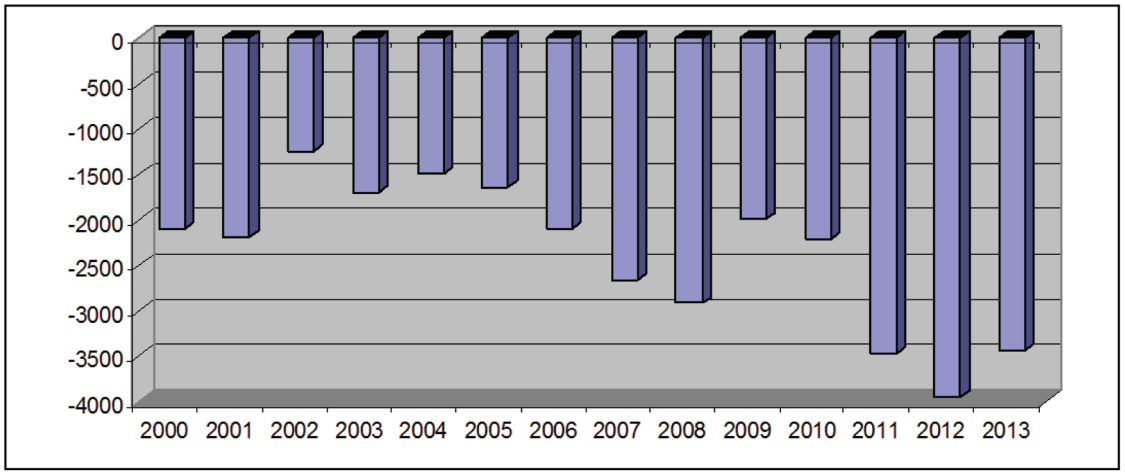


Рис. 4. *Миграционная убыль населения в Республике Калмыкия*

Анализ статистических данных по ЮФО за 2012 г. показывает высокий коэффициент естественного прироста и миграционную убыль населения в Калмыкии (табл. 1). Коэффициенты по этим показателям составили 4,9 промилле и, 13,8 промилле, соответственно. Ранжирование по Российской Федерации в целом свидетельствует, что в 2012 г. Калмыкия занимает 13-е место по показателям естественного прироста и 83-е место по миграционному показателю. Таким образом, численность населения в республике сокращается за счет миграционной убыли в условиях положительного естественного прироста.

Табл. 1. *Коэффициенты общего, естественного и миграционного прироста в ЮФО в 2012 г.*

	Коэффициенты на 1000 чел. населения			Среди субъектов федерального округа ранги коэффициентов		
	Общий прирост	Естественный прирост	Миграционный прирост	Общий прирост	Естественный прирост	Миграционный прирост
ЮФО	1,9	-0,8	2,7			
Республика Адыгея	4,4	-0,5	4,9	2	4	2
Республика Калмыкия	-8,9	4,9	-13,8	6	1	6
Краснодарский край	8,6	-0,1	8,7	1	3	1
Астраханская область	-1,1	2,5	-3,6	3	2	5
Волгоградская область	-4,6	-1,9	-2,7	5	5	4
Ростовская область	-1,4	-2,3	0,9	4	6	3

В последние годы в силу социально-экономической отсталости республики сохраняется тенденция устойчивого оттока населения. Коэффициенты миграционной убыли населения в период с 2000 по 2012 гг. возрастают: с -6,8 промилле до -13,8 промилле (рис. 5).

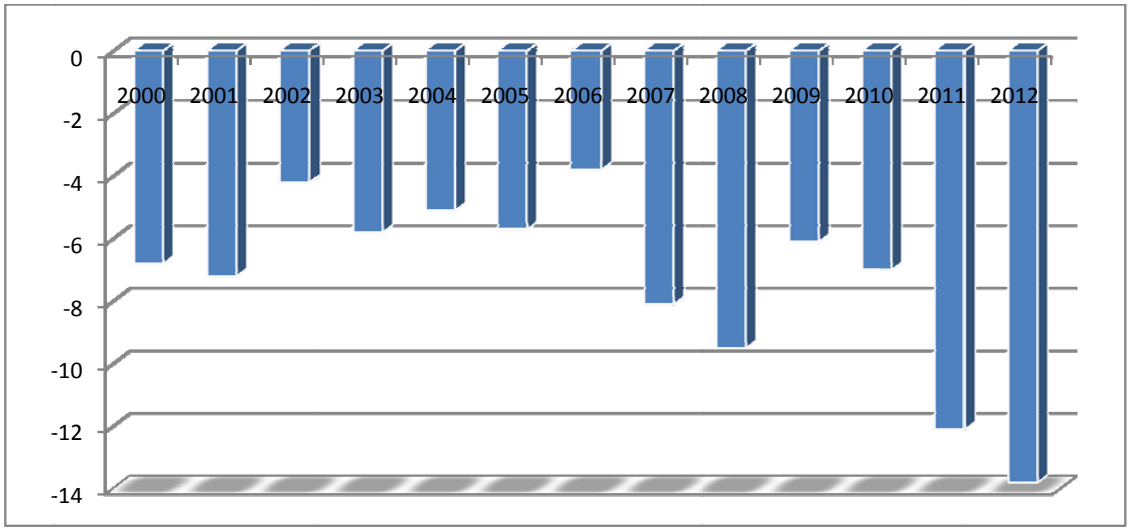


Рис. 5. *Коэффициенты миграционной убыли в Республике Калмыкия (на 1000 чел. населения)*

По данным Федеральной службы государственной статистики Республики Калмыкия, численность населения на 2010 г. составляет 283 166 чел. В сравнении с 2009 г. убыль населения составила 0,7 %. На показатель численности населения положительно влияют рост миграции и естественный прирост населения. Численность населения республики в 2010 г. за счет миграции увеличилась на 570 чел., в 2009 г. на 743, в 2008 – на 432 чел.

Увеличение численности населения за счет естественного прироста рождаемости в 2007 г. составило 14,5 %, в 2010 г. этот показатель вырос на 15,6 %. При этом показатель смертности населения республики остается практически на прежнем уровне. Так, в 2007 г. умерло 3 141 чел., в 2008 г. — 2976, 2009 году — 3 115, 2010 году – 3 186 чел.

За период 2007–2010 гг. в связи с ростом рождаемости населения показатель естественной убыли уменьшился на 0,9 %.

Увеличению рождаемости в Калмыкии во многом способствовал Федеральный закон Российской Федерации от 29 декабря 2006 г. № 256 ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семьи», а также реализация национального проекта «Здоровье». Вместе с тем, несмотря на положительную динамику естественного прироста, численность населения убывает вследствие миграции населения в крупные города России из-за отсутствия рабочих мест, неудовлетворенности условиями и оплатой труда. По официальным данным Федеральной службы государственной статистики Республики Калмыкия, уровень безработицы в регионе составляет 15 % от населения и является одним из самых высоких показателей в России.

Таким образом, для Республики Калмыкия актуальной задачей в современных условиях является не только сохранение миграционной привлекательности, но и удержание собственного человеческого потенциала. Для современного российского общества, основанного на свободе личного выбора, задача регулирования данных вопросов в немалой степени зависит от создания условий для населения, при которых возможность реализации каждым человеком своих жизненных потребностей (социальных, профессиональных, репродуктивных и т. д.) и применения своих знаний и навыков будет полной.

Источники

Федеральный закон Российской Федерации от 29 декабря 2006 г. № 256 ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семьи»

Литература

Белозеров В. С. Этническая карта Северного Кавказа. М., 2005. С. 146–217

Белоусов С. С. Трансформация этнической структуры Республики Калмыкия 1990–2010 гг. // Этнокультурное пространство Юга Росии (XVIII –XXI вв). материалы Всероссийской научно-практич. конф. (ноябрь–декабрь 2013). Краснодар. 2013. С. 231–235.

Зайончковская Ж. А. Миграционные тренды в СНГ: итоги десятилетия //Миграция в СНГ и Балтии: через различия проблем к общему информационному пространству / под ред. Г. Витковской, Зайончковской Ж. А. 2001. С. 178, 182

Иноземцев В. Л. Иммиграция: новая проблема нового столетия. Исторический очерк //СОЦИС. 2003. № 4. С. 63–67.

Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 г. по Калмыцкой АССР. Демографическая, национальная, культурная, социально-экономическая характеристика населения, число и состав семей. Элиста, 1990. 32 с.

Калмыкия в цифрах, 2003 г. Ежегодник Госкомстата РК. Элиста: Госкомстат, 2004. 236 с.

Колеченков Н. В., Сологуб Л. Г. Что происходит в демографическом развитии России? //Социально-гуманитарные знания. 2003. № 3. С. 202–211.

Концепция социально-экономического развития Республики Калмыкия // Российская Калмыкия. 2011. № 1. 9 июня. С. 3–4.

Малева Т. М., Синявская, О. В. Социально-экономические факторы рождаемости в России: эмпирические измерения и вызовы социальной политике / SPERO. 2006. № 5. С. 70–97.

Население и кризисы. Вып. 7: Депопуляция и будущее России. О национальном вопросе в России / под ред. Б. С. Хорева, И. А. Даниловой и Л. В. Иванковой. М.: Макс Пресс, 2001. 140 с.

Некоторые данные об этнополитической ситуации, национальном составе Республики Калмыкия, а также сведения о деятельности русских общественных объединениях. 22 февраля 1999 г. // Текущий архив информационно-аналитического отдела Администрации Президента Республики Калмыкия).

Об итогах деятельности системы здравоохранения Республики Калмыкия в 2013 г. [Электронный ресурс] // http://minzdrav.kalmregion.ru/statistic.html (дата обращения 28.11.2014).

Основные итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. М.: Госкомстат России, 2003. 48 с.

Очирова Н. Г. Трансформация социально-демографической структуры населения в конце XX и начале XXI вв (на примере Республике Калмыкия) // Каспийский регион: политика, экономика, культура. Астрахань: Изд. дом «Астраханский университет», 2011. № 3 (28) С. 131–136.

Республика Калмыкия. Статистический ежегодник. 2012: Стат. сб. / Калмыкия стат. – Элиста, 2012. 299 с.

Федоров В. П. Россия: внутренние и внешние опасности / В. П. Федоров. М.: Изд-во ОГНИ ПРЕСС – «Крафт +», 2004. 333 с.

Sources

[The Federal Law of the Russian Federation on 26 December, 2006. No. 256-FZ “On Additional Measures of State Support of the Family”]. (In Russ.)

References

[Concerning the Results of Activity of the Health Care System of the Republic of Kalmykia in 2013]. In: [Current Archive of Information and Analytical Department of the Presidential Administration of the Republic of Kalmykia]. An Internet resource: http://minzdrav.kalmregion.ru/statistic.html (accessed: 28 November, 2014). (In Russ.)

[Kalmykia in Figures, 2003 Yearbook of the State Statistics Committee of the Republic of Kalmykia]. Elista: Goskomstat, 2004. 236 p. (In Russ.)

[Population and Crises. Iss. 7: Depopulation and Future of Russia. On the National Issue in Russia]. B. S. Khorev, I. A. Danilova, L. V. Ivankova (ed.). Moscow: Max Press, 2001. 140 p. (In Russ.)

[Republic of Kalmykia. Statistical Yearbook. 2012]. In: [Kalmykia Statistics]. Elista, 2012. 299 p. (In Russ.)

[Results of the All-Union Population Census of 1989 in the Kalmyk Autonomous Soviet Socialist Republic. Demographic, National, Cultural, Socio-economic Characteristics of the Population, Number and Structure of Families]. Elista, 1990. 32 p. (In Russ.)

[Some Data on Ethnopolitical Situation, National Composition of the Republic of Kalmykia as well as Information on Activities of Russian Public Associations. 1999. 22 February]. In: [Current Archive of Information-analytical Department of the Presidential Administration of the Republic of Kalmykia]. (In Russ.)

[The Concept of Social and Economic Development of the Republic of Kalmykia]. *Russian Kalmykia.* 2011. No. 1. June 9. Pp. 3–4. (In Russ.)

[The Main Results of the All-Russian Census of Population in 2002]. Moscow: State Statistics Committee of Russia, 2003. 48 p. (In Russ.)

Belousov S. S. [Transformation of Ethnic Structure of the Republic of Kalmykia 1990–2010]. In: [Ethnocultural Space of Southern Russia (XVIII–XXI cent.)]. Conf. proc. (Krasnodar; November-December, 2013). Krasnodar, 2013. Pp. 231–235. (In Russ.)

Belozerov V. S. [Ethnic Map of the North Caucasus]. Moscow, 2005. Pp. 146–217

Fedorov V. P. [Russia: Internal and External Dangers]. Moscow: Kraft +, 2004. 333 p. (In Russ.)

Inozemtsev V. L. [Immigration: the New Problem of the New Century. Historical Essay]. *SOTSIS*. 2003. No. 4. Pp. 63–67. (In Russ.)

Kolechenkov N. V., Sologub L. G. [What is Going on in Demographic Development of Russia?]. *Socio-Humanitarian Knowledge*. 2003. No. 3. Pp. 202–211. (In Russ.)

Maleva T. M., Sinyavskaya O.V. [Socio-economic Factors of Birth Rate in Russia: Empirical Measurements and Challenges of Social Policy]. *SPERO*. 2006. No. 5. Pp. 70–97. (In Russ.)

Ochirova N. G. [Transformation of the Socio-demographic Structure of the Population in the late XX and early XXI cent. (on the Example of the Republic of Kalmykia)]. *Caspian Region: Politics, Economics, Culture*. 2011. No. 3 (28). Pp. 131–136. (In Russ.)

Zayonchkovskaya Zh. A. [Migration Trends in CIS: Results of the Decade]. In: [Migration in CIS and Baltic States: through Differences of Problems to Common Information Space]. G. Vitkovskaya, Zh. A. Zayonchkovskaya (ed.). 2001. P. 178, 182. (In Russ.)

УДК 392
ББК 63.5 (2 Рос-Калм)

УСЫНОВЛЕНИЕ И ОПЕКА В КАЛМЫЦКОМ ОБЩЕСТВЕ В XIX в.

Adoption and Guardianship in the Kalmyk Society in the 19th century*

В. В. Батыров *(V. Batyrov)*[1] Е. А. Команджаев *(E. Komandzhaev)*[2]

[1] кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела этнологии Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Ph.D. of History, Senior Scientist of the Ethnology Department at the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS). E-mail: valerabatyrov@gmail.com.

[2] кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права Калмыцкого государственного университета (Ph.D. of Law, Associate Professor of the Department of Theory of the State and Law at Kalmyk State University). E-mail: tgp_kalmsu@mail.ru.

Статья посвящена рассмотрению и анализу широко распространенного в прошлом обычая усыновления детей родственников бездетными семьями (по линии отца). Представленные факты позволяют нам говорить о том, что институт усыновления у калмыков в XIX в. был достаточно распространен в обществе среди всех социальных слоев. Более того, бездетные семьи могли усыновлять даже детей, не состоящих с ними в кровном родстве, и передавать им в дальнейшем в наследство свое имущество, улусы или аймаки (в зависимости от социальной принадлежности) даже при наличии собственных детей.

Ключевые слова: усыновление/удочерение, семья и брак у калмыков, история Калмыкии, традиционная культура, обычное право.

The social institution of adoption as a form of establishing artificial relationship, which was a common practice in traditional societies, exercised a prominent function of transition of power, material wealth and social status to successors. Adoption instituted the same rights and duties between the adoptive parents on the one part and the adopted child on the other part as between parents and their children.

The tradition of adopting children of relatives by childless families (patrilineal relatives), as well as the tradition of fostering orphans in the families of deceased father's brothers continued throughout the 19th century in the Kalmyk society. If Kalmyk children lost their parents, they were fostered in closely-related families. Childless families used to adopt a child of their relatives at their own will. It was commonly believed, that this adopted child would inevitably favor the birth of the family's own children.

Another reason for adoption was the will to ensure a secure old age. In the 19th century the institute of adoption in Kalmykia was common enough for all social strata: 'according to our Kalmyk rights and traditions, whoever a proprietor 'zaisan' or an ordinary Kalmyk wishes to adopt, it shall be approved'. Moreover, childless families could even adopt children of a different lineage, provided the elder patrilineal relatives give their consent, and hand them down their property, uluses or aimags (territories) even if they had the children of their own.

Keywords: adoption, guardianship, family and marriage of Kalmyks, History of Kalmykia, traditional culture, customary law.

Социальный институт *усыновления как форма установления искусственного родства,* широко практиковавшийся в традиционных обществах, с давних пор выполнял важную функцию передачи власти, материального достатка и общественного статуса наследникам. В данном случае усыновление или удочерение *(далее — усыновление)* — это акт, в результате которого между усыновителями (усыновителем) и его родственниками, с одной стороны, и усыновленным ребенком — с другой, возникают такие же

* Статья подготовлена в рамках проекта госзадания Минобрнауки России «Кочевое общество и хозяйство калмыков в конце XVIII – начале XX века: проблемы интеграции в общероссийскую систему» (КалмГУ, код проекта № 2641).

права и обязанности, как между родителями и детьми, а также их родственниками по происхождению [Топоркова 2010: 179; Зайкова 2011: 12; Бимбаева 2013: 146]. Отдельно стоит только упомянуть распространенный в XVIII в. среди калмыков обычай аталычества — временного усыновления.

Широко распространенный в прошлом обычай усыновления детей родственников бездетными семьями (по линии отца), а также традиция воспитания сирот в семьях братьев покойного отца сохранялась на протяжении всего XIX в. Если калмыцкие дети лишались родителей, то они воспитывались в близкородственных семьях. Часто бездетные семьи сами усыновляли/удочеряли ребенка из семьи своих родственников. Считалось, что такой приемный ребенок неизбежно будет способствовать рождению своих родных детей. Для этого бездетные супруги приезжали с подарками к родителям ребенка в определенный день и просили его мать о даровании им дитяти. При этом будущие родители должны были переночевать в доме своего будущего сына и уезжали только на рассвете [Шараева 2011: 28–29]. При этом для калмыков до недавнего прошлого был характерен обычай усыновления преимущественно мальчиков, в случае бездетности. Именно этот обычай заставлял калмыков обращаться к многодетным, но испытывающим материальные трудности родственникам [Шалхаков 1982: 55].

К усыновлению прибегали обычно представители всех сословий калмыцкого общества. М. М. Батмаев писал, что «возраст усыновляемого мог быть любым, даже вполне перезрелым, но усыновление обязательно должно было быть оформлено письменно, с доведением до сведения нойона, а позже судей Зарго и даже царской администрации. Причины усыновления могли быть различными, но главная из них — в случае бездетности обеспечить свою старость и передать наследство» [Батмаев 2002: 154].

В 1803 г. багацохуровский зайсанг Арши усыновил зайсанга Онкора и передал ему в управление аймак и «все имение» [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 24]. Для нас интересным является тот факт, что свое прошение об усыновлении зайсанг Арши обосновал установлением обычного права: «по нашим калмыцким правам и обычаям владелиц зайсанг или простой калмык пожелает кого усыновить того утверждают» [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 24. Л. 19]. Более того, в другом своем прошении, от 27 мая 1804 г. на имя исправляющего должность Главного пристава калмыцкого народа, коллежского асессора П. П. Крупинского, зайсанг Арши определял достаточно высокую роль усыновления в жизни традиционного общества: «по нашему калмыцкому узаконению, владельцы, зайсанги, и простой черный народ многие имеют приемышев» [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 24. Л. 22].

К слову сказать, данное усыновление не было первым в жизни зайсанга Арши, поскольку до этого он уже усыновлял своего родственника, Иши Аракбу Гелюнга. Примечательно, что в прошении зайсанга Арши к Багацохуровскому приставу Александру Михайлову от 7 мая 1803 г. причина усыновления объяснялась желанием обеспечить себе достойную старость. Арши писал: «при старости лет умножились у меня болезненныя припадки», — и «для призрения себя» он усыновил доводящегося ему родственником Иши Аракбу Гелюнга. В письме было изложено мнение зайсанга Арши об обязанностях приемного сына и высказано недовольство усыновленным Иши Аракбой, который «ныне непризирает меня, и два года назад тому неприезжает ко мне, о болезни моей ненаведывается и аймаком не управляет, по государственным делам и надобностям исполнение чинить не может, и роспутную жизнь ведет». Поэтому зайсанг Арши решил передать свой аймак и имущество «однородному своему» зайсангу Онкору, сыну Кошты. В сыновнюю обязанность усыновленному вменяется не только то, чтобы он «при жизни моей по долгу сыновнему меня призирал», но и чтобы после его смерти «поминование зделал, жену и дочь мою имел на собственном попечении». Только после принятия этих условий Арши выразил свое намерение об усыновлении с последующим унаследованием в официальной формуле: «для чего его усыновляю и прошу представить о чем главному приставу и исходатайствовать повеление по коему бы лутче было аймак мой написать в опись за ним Онкором» [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 24. Л. 2].

На слушании дела 27 мая 1803 г. судьями Зарго и главным приставом по прошению багацохуровского зайсанга Арши приставу багацохуровского улуса А. Михайлову было определено «отобрать подписки от аймашных зайсанга Арши желают ли

они учредить у себя зайсангом Кошты сына Онкора». И в случае, если «все пожелают учредить Онкора зайсангом тогда дать ему о владении оным … и дело числить решенным» [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 24. Л. 5–5об.]. Однако до решения дела было еще далеко, поскольку выяснилось, что калмыки шовучинерова рода объявили, что «мы Онкора иметь зайсангом не желаем по причине что мы шовучинеры издревле сильною рукою никому в ведение от даваемы не были, о чем уповаем мы что торгоутовские владельцы и зайсанги могут быть известны» [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 24. Л. 10].

В свою очередь правители Багацохуровского улуса отписались по поводу законности отмены предыдущего усыновления: «хотя он Арше точно родственник», Иши Аракба Гелюнг не имеет права управлять аймаком, потому что он гелюнг и «в свецкие дела входить не должен, а сверх того и отца своего который усыновил его непризирает, почему аймак ведать и управлять не может». Далее правители всецело поддержали кандидатуру зайсанга Онкора, так как «может управлять аймаком природной зайсанг» [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 24. Л. 12]. Наконец сам Иши Аракба Гелюнг заявил, что зайсанг Арши усыновил его при свидетельстве Орчи ламы и багацохуровских правителей и бывшего пристава Д. Петрухина [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 24. Л. 17]. В конечном итоге, неразбериха, связанная с двойным усыновлением, привела к тому, что «аймак мой услыша сие не у меня ни у усыновленного сына моего Онкора не находится, а кочует оставя меня больного (зайсанга Арши) по своей воле» [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 24. Л. 19]. 7 июля 1804 г. зайсанг Арши умер, брошенный своими аймачными людьми, оставив так и не решенным вопрос о своем наследнике [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 24. Л. 31].

Неоднократные прошения калмыков шовучинерова рода сделали свое дело, и 15 сентября 1805 г. суд Зарго заключил, что поскольку аймак «добровольно и непринужденно сам пожелал быть во управлении означенного Санжи Аракба Гелюнга», то и утвердить их в его ведомстве [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 24. Л. 57–57об.]. 26 февраля 1806 г., спустя почти два года, багацохуровский зайсанг Онкор Коштуев подал прошение исправляющему должность Главного пристава П. П. Крупинскому, в котором с неудовольствием указывал на то, что, когда зайсанг Арши усыновил его, то он «при жизни его Арши содержал равно и по смерти его по обыкновению своему употребляя все возможности зделал по нем должное поминовение а оставшиеся после его жена и дочь оставались на моем содержании», а в 1806 г. последовало решение передать аймак Иши Аракбе Гелюнгу. Несмотря на то, что Онкор не являлся близким родственником умершего зайсанга Арши, он указывал на различные примеры того, что «Владельцов торгоутовских дербетевских хошоутовских и их зайсангов в коих есть то что кто будучи бездетен в таком случае усыновливают и отдают посторонним в наследство владении свои и аймаки и при том есть и таковые которыя хотя и имеют у себя детей но аймаки отдают также другим» [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 24. Л. 57–57об.].

В 1821 г. произошло новое разбирательство по поводу нерадивости приемных сыновей. Так, торгутский владелец Эрдени Цаган Кичиков, духовенство, зайсанги, старшины и «весь народ» подали прошение управляющему Министерством иностранных дел графу К. В. Нессельроде, в котором писали, что «родовой владелец наш Эрдени не имеет у себя наследника; которой бы мог после его управлять улусом ему подвластным, по согласию детей владельца Цебек Убушиева, давших от себя Заверительное письмо, усыновил он с общаго согласия нашего, умершаго брата причитающагося ему во 2-м колене владельца Санжи Убаши, сына Амугулунг Убушиева». В прошении было указано, что разрешение на усыновление было получено в 1814 г. и от суда Зарго, и от отца Санжи Убуши [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 174. Л. 2–2об.]. В деле указывалась любопытная подробность: «владелец Амгулунг получить должен по разделу равную часть и пользоваться с ними во всех случаях одними правами». Интересно то, что в прошлом и отец владельца Амгулунга сам был усыновлен владелицей Яндыковского улуса Битюкой [Батмаев 2008: 82]. Уже спустя два года, в 1822 г. владелец Эрдени подал донесение Астраханскому гражданскому губернатору П. А. Зотову с жалобой на своего приемного сына Амгуланг Убашу, который «в нынешнем году, как Ламе моему, так и многим зайсангам и всему подвластному народу причинившему беззаконно разныя несносныя обиды» и уехал в дербетовский улус [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 174. Л. 29]. В ответ мать приемного сына владелица Над-

мид писала Главному приставу А. В. Каханову, что «сын мой находился у владельца Эрдени, по причине той, что жена его (т. е. Эрдени Тундутова. — *В. Б., Е. К.*) владелица Цебек, а моя старшая сестра не имела у себя детей мужеска пола, просила меня на малое число лет оставить его при себе для увеселения и препровождения времяни». [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 174. Л. 21–22].

21 июня 1822 г. Главный пристав А. В. Каханов подал рапорт Астраханскому гражданскому губернатору И. И. Попову о том, что в казенном Эркетеневском улусе «с некотораго времяни допущена капитанша Улюмжи управлять аймаком в 300 кибитках состоящим, но как по закону калмыцкому не дозволяется иметь владение женскому полу», то для удержания за собой аймака она усыновила двух детей: своего внука Шарапа и сына зайсанга Мирзы Церен Убашу. В 1815 г. Суд Зарго признал факт усыновления и постановил, чтобы теми 300 кибитками Шарап и Церен Убаши владели как родные братья. А 10 июня 1817 г. зайсангша Улюмжи добилась того, что суд Зарго определил управление 300 кибитками выбранными ею опекунами (Ончик Гелюнг Делибаев, Габун Убаши и Миргаши), а ей предоставлено было право старшинства над опекунами. Однако в 1821 г. представители Булучинова рода подали прошение, в котором они просили поставить над ними зайсангом Церена Убаши, сына зайсанга Мирзы. В том же году зайсангша Амгулун подала прошение, в котором указывала, что прежде в замужестве она была «за Мукою, сыном зайсанга Ончика, а по смерти его свекровь ея зайсангша Улюмжи выдала ея в замужество за брата того Ончика зайсанга Мирзу», от которого она родила сына Церен Убаши, но зайсангша Улюмжи усыновила неизвестно от кого рожденного мальчика Шарапа. Примечательно то, что зайсангша Улюмжи усыновила Шарапа и своего племянника Церен Убаши, но у последнего была еще и родная мать Амгулун [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 179. Л. 48]. В данном случае такая форма искусственного родства была всецело продиктована желанием зайсангши Улюмжи сохранить власть над аймаком.

Понятно, что живейший интерес всего калмыцкого общества вызвал мальчик по имени Шарап, который неожиданно для всех стал сыном зайсангши Улюмжи. В 1823 г. было проведено расследование, в ходе которого аймачные старики показали под присягой, что мальчик Шарап был рожден от крещеной калмычки Токту Косикинской станицы, которого после смерти сына зайсангши Улюмжи, Джиргала, в 1807 г. привез калмык цатанова рода Цурюм Гелюнг Зундуев и передал его зайсангше Улюмжи сказав, что это сын Джиргала. Однако калмык по имени Джамбо Гелюнг Камоков объявил, что в мае 1822 г. приезжал к зайсангше Улюмжи казак Косикинской станицы Никита Гоглазин и требовал от нее вернуть ему его сына Шарапа, но Улюмжи уговорила его, чтоб он не брал сына, и за то подарила ему двух лошадей, «с коими он приезжал к бывшему тогда приставу Харагулову и сказывал, что Улюмжи велела ему приезжать еще за деньгами».

По результатам следствия, проведенного в Косикинской станице, выявилось, что Шарап был рожден от калмычки Токты, которая «по русски называлась Прасковья», а была в замужестве за крещеным калмыком по имени Мишанька из Багацохуровского улуса. А после смерти мужа, будучи долгое время вдовой, прижила сына, «ис кем неизвестно коего по калмыцки называли Шарапом». Урядник Гоглазин сообщал, что в 1822 г. был в Эркетеневском улусе у зайсангши Улюмжи с приставом Харагуловым, но о мальчике Шарапе сообщил, что он сын дочери казака Ивана Чемгинова, Прасковьи. Однако, как Шарап был усыновлен зайсангшею, он не знал. В подтверждение его слов сестра мальчика Авдотья и его тетка Анна показали, что Токта, проживая в Косикинской станице, «будучи вдовой родила сына Шарапа а с кем незнают» [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 179. Л. 129–134].

При усыновлении у калмыков нередко возникали вопросы, связанные с особенностями большой патриархальной семьи. Так, в 1837 г. Комиссия калмыцких дел при рассмотрении дела о наследовании аймаком, оставшимся после смерти багацохуровского зайсанга Атуя, столкнулась с претензиями родственника по женской линии зайсанга, Нимы, который предъявлял права на аймак на том основании, что он был усыновлен Атуем. Комиссия нашла необходимым передать это дело на рассмотрение хошутскому владельцу Церен-Норбо Тюменю как знатоку «древнего калмыцкого уложения». В ответ Ц.-Н. Тюмень сообщил, что по древнему калмыцко-

му уложению усыновлять кого-либо можно только тогда, когда изъявлено согласие со стороны родственников усыновляющего, «на что Джанов, родственник Атуя по мужской линии разрешения на усыновление Нимы не давал» [Бюлер 1846: 9].

Таким образом, усыновление было одним из способов решения проблемы бездетности у калмыков. Институт усыновления у калмыков в XIX в. был достаточно распространен среди всех социальных слоев общества: «по нашим калмыцким правам и обычаям владелиц зайсанг или простой калмык пожелает кого усыновить того утверждают». Более того, бездетные семьи могли усыновлять, при согласии старших родственников по мужской линии, даже людей, не состоящих с ними в кровном родстве, и передавать им в дальнейшем в наследство свое имущество, улусы или аймаки (в зависимости от социальной принадлежности) даже при наличии собственных детей.

Источники

Национальный архив Республики Калмыкия (НА РК). Ф. 1. Оп. 1. Д. 24; 174; 179.

Литература

Батмаев М. М. Семья и брак в традициях калмыков. Элиста: ГУ «Издат. дом “Герел”», 2008. 256 с.

Батмаев М. М. Социально-политический строй и хозяйство калмыков в XVII–XVIII вв. Элиста: АПП «Джангар», 2002. 400 с.

Бимбаева О. Л. Историко-правовой анализ института усыновления в России в XIX веке // Известия Иркутской государственной экономической академии. №4. 2013. С. 145–148.

Бюлер Ф. А. Кочующие и оседло живущие в Астраханской губернии инородцы. Статья четвертая. Калмыки, их степной быт и нравы, управление и судопроизводство // Отечественные записки. Т. XLIX. Кн. II. С.-Петербург: В типографии И. Глазунова и Комп., 1846. С. 1–44

Зайкова О. Н. Усыновление как социокультурное явление: автореф. дис. … канд. культурологии / Челябинская государственная академия культуры и искусств. Челябинск: типография ЧГАКИ, 2011. 27 с.

Топоркова Е. П. Феномен «адопция»: теоретико-методологический аспект // Ученые записки Забайкальского государственного университета. Серия: философия, социология, культурология, социальная работа. 2010. № 4. С. 178–182.

Шалхаков Д. Д. Семья и брак у калмыков (XIX – начало XX вв.). Историко-этнографическое исследование. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1982. 86 с.

Шараева Т. И. Обряды жизненного цикла калмыков (XIX–XXI в.). Элиста: НПП «Джангар», 2011. 223 с.

Sources

[The National Archive of the Republic of Kalmykia. Fund 1. Invent. 1. Case 24; 174; 179]. (In Russ.)

References

Batmaev M. M. [Family and Marriage in the Traditions of the Kalmyks]. Elista: Gerel, 2008. 256 p. (In Russ.)

Batmaev M. M. [Social-political System and Economy of Kalmyks in XVII–XVIII cent.]. Elista: Dzhangar, 2002. 400 p. (In Russ.)

Bimbaeva O. L. [Historical and Legal Analysis of Adoption Institute in Russia in XIX cent.]. *Bulletin of Irkutsk State Academy of Economics*. 2013. No. 4. Pp. 145–148. (In Russ.)

Bühler F. A. [Nomadic and Settled Non-Slavs Living in Astrakhan Province. Article Four. Kalmyks, their Steppe Life and Manners, Management and Legal Proceedings]. *Domestic Notes.* Vol. XLIX. Book II. St. Petersburg: I. Glazunov and Com.’s Print. shop, 1846. Pp. 1–44. (In Russ.)

Shalkhakov D. D. [Kalmyk Family and Marriage (XIX – early XX cent.). Historical and Ethnographic Research]. Elista: Kalm. Book Publ., 1982. 86 p. (In Russ.)

Sharaeva T. I. [Rites of Life Cycle of the Kalmyks (XIX–XXI cent.)]. Elista: Dzhangar, 2011. 223 p. (In Russ.)

Toporkova E. P. [The Phenomenon of “Adoption”: Theoretical and Methodological Aspect]. *Scientific Notes of Transbaikal State University*. Ser.: Philosophy, Sociology, Culturology, Social Work. 2010. No. 4. Pp. 178–182. (In Russ.)

Zaikova O. N. [Adoption as a Sociocultural Phenomenon]. Cand. Sc. thesis (Cultural Sciences) abstract. Chelyabinsk: Chelyabinsk State Acad. of Culture and Arts Print. shop, 2011. 27 p. (In Russ.)

УДК 39
ББК 63.5

ОБ ОБОЗНАЧЕНИИ ВОЗРАСТНЫХ КАТЕГОРИЙ В КУЛЬТУРЕ ОЙРАТОВ И КАЛМЫКОВ*

To the Issue of Denoting Age Categories in the Oirat and Kalmyk Cultures

Э. П. Бакаева (E. Bakaeva)[1]

[1]доктор исторических наук, зам. директора Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Ph.D of History, Deputy Director at the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences). E-mail: elzabakaeva@yandex.ru.

В статье на основе литературных данных и материалов, собранных автором в ходе экспедиции в Кобдоский аймак Монголии в 2014 г., анализируется терминология, обозначающая возрастные категории в языке калмыков России и ойратов Монголии. Выявляется сходство и различие, отмечается, что специфика лексики, связанной с обозначением возраста, определена комплексом традиционных представлений, определивших «возрастной символизм».

Ключевые слова: калмыки, ойраты Монголии, торгуты, возрастные категории, лексика.

The article deals with the analysis of the terms denoting age categories in the language of Russian Kalmyks and in the language of Mongolian Oirats. It is based on literature data and new field materials collected by the author during the expedition to Kobdo aimag of Mongolia in 2014. The study allows for the identification of similarities and differences between the terms of both cultures. It is noted that a specific characteristic of this terminology is based on a whole range of traditional ideas that make up “age symbolism”. The author notes that in the past century, there were some changes in traditional concepts concerning the process of age stratification in society. It proves the relevance of the fact that the Oirats used to identify the age group of 45–60, which, in the past, belonged to the period of old age (as reflected in the existence of certain terms), but now it is no longer so. The practice of using the same terms with different, sometimes opposite meanings in both Kalmyk and Oirat cultures, allows not only to indicate the archaic words but even to change some words semantically, especially, in terms of social transformations of society. For instance, there is a considerable number of Oirat terms in the Kalmyk language that are used only in high style.

Keywords: Kalmyks, Oirats of Mongolia, Torguts, age categories, lexis.

Традиционные представления о статусе человека в любом обществе прежде всего определялись его возрастом и полом. Соответственно, переход из одной возрастной категории в другую обозначал смену социального статуса. Возрастная терминология и периодизация жизненного цикла в этнической культуре определены представлениями о возрастной стратификации и времени в целом. При этом возрастной символизм включает универсальные и этнически-специфические составляющие. Этнологами выделяются основные элементы, согласно которым дается характеристика возрастных категорий этнической культуры (нормативные критерии возраста, аскриптивные возрастные свойства, или возрастные стереотипы, символизация возрастных процессов, возрастные обряды и возрастные субкультуры). Под возрастным символизмом в антропологии понимается «система представлений и образов, в которых общество воспринимает, осмысливает и освящает (легитимирует) жизненный путь индивида и возрастную стратификацию» [Кон 1988: 93].

Этапы жизненного цикла — детство (включая младенчество), молодость, зрелый период, старость — в качестве основных выделяются в культуре многих народов, в том числе и в традиционной культуре родственных народов — ойратов Монголии и калмыков России.

Традиционные представления ойратских народов допускают возможность исчисления возраста, что в целом связано с мировоззренческими положениями о конеч-

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-18-02898).

ности или бесконечности объектов; точный счет возраста для традиционного общества не был характерен, прибавление лет происходило в канун нового года, при этом при исчислении возраста человека в него включался период внутриутробного развития [см.: Бакаева 2011].

Традиционная система социализации, а соответственно, и система возрастной стратификации, характерная в прошлом для калмыцкого общества, до настоящего времени сохраняется во многом в среде ойратских народов Монголии, что определяет задачу проведения сравнительного анализа терминологии возрастных периодов у ойратов и калмыков. Отметим сразу, что в целом лексика калмыцкого языка и языка ойратских народов Монголии, выражающая половозрастные различия, сходна, однако имеются и отличия.

Э. У. Омакаева отмечает: «Калмыки называют детский и молодой возраст одинаково — *баһ насн*[1]. Пора детства охватывала период с рождения до 9−10 лет. Общее название детей у калмыков – *күүкд* (для обозначения ребенка используется слово *үрн*[2]). *Күүкд* – это еще и девочки, девушки (от *күүкн* «девочка»). Малыша называют *бичкн*, а маленьких детей – *бичкн күүкд*, или *бичкдүд*» [Омакаева 2010: 229]. В детском цикле выделяются этапы в зависимости от возраста ребенка, его физиологии, особенностей психики. В культуре калмыков новорожденных называют *нилх* (‘только что родившийся’, о растениях — ‘молодой, свежий’), ребенка грудного возраста (первого года жизни) — *көкүл* (‘грудничок’). Младенец — существо, еще не включенное окончательно в социум, потому в культуре калмыков одежда младенца не имела воротника, являвшегося элементом костюма людей других возрастных категорий[3]. После младенческого периода начинается этап *балчр насн*, или раннего детства; в это время мальчиков называют *көвүд*, девочек — *күүкд*. «Когда мальчик достигал трехлетнего возраста (*нунн наста көвүн*), а девочка – двухлетнего возраста (*хө-мөстә күүкн*), начиналось воспитание ребенка» [Омакаева 2010: 229].

В монгольском языке новорожденного также называют нялх[4] (нялхас), соответственно, нялх бага цаг — ‘младенчество; детство’. Дети обычно обозначаются термином хүүхэд; бага насны хүүхэд — ‘малолетний ребёнок, малолетние дети’. Согласно данным, сообщенным нам известным знатоком традиций ойратского населения Монголии, Бэсуд Аюушийн Баасанхүү (1945 г.р.)[5] [ПМА 1], возрастные категории, характерные для культур разных народов, составляющих население Кобдоского аймака, в целом совпадают. Принято выделять следующие возрастные категории соответственно половому делению: девочек от малолетнего возраста (*бичкнәс авн*) примерно до 10−14 лет называют охин[6], а мальчиков в этом возрасте ойраты называют хөвүүн[7] (калм. *көвүн*), халха-монголы же могут называть последних банди[8], к примеру: улаа бутарсан хацартай банди — ‘краснощёкий парень’.

Среди калмыков, отмечает Э. У. Омакаева, собственно детством считался возраст от 4–5 до 9–10 лет, когда ребенок осваивал мир через игры и получал простые трудовые навыки. Примерно в возрасте 4−5 лет (т. е. в абсолютном исчислении в 3−4 года[9]; в на-

[1] Здесь и далее по тексту курсивом выделены калмыцкие слова, подчеркиванием — слова из монгольского и ойратского языков. В случаях, если необходимо обозначить произношение ойратского слова, используется написание курсивом с использованием знаков калмыцкого алфавита.

[2] При этом слово *үрн* обозначает не вообще ребенка, а чье-то дитя.

[3] Значение воротника в культуре монгольских народов велико, Так, в прошлом у монголов вдова даже могла ходить в течение года в одежде, с которой срезан воротник, в знак утраты ею мужа.

[4] Значение термина *нялх* — 1) новорождённый, недавно родившийся; 2) молодой, юный; свежий; 3) младенческий; 4) неразумный, несмышлёный, непонятливый [БАМРС II: 445].

[5] Б. А. Баасанхүү, сообщая о своей этнической идентификации (указывая происхождение, или *үндсн*), отмечает, что по отцу он — халха-монгол, мать также халха-монголка, а бабушка по матери — торгутка.

[6] Охин — 1) дочь; 2) девочка; 3) самка-детёныш [БАМРС II:. 499, 500].

[7] Хөвүүн — 1) мальчик; отрок; сын; 2) слуга [БАМРС IV: 120].

[8] Банди — 1) послушник (в монастыре), мальчик, отданный в монастырь или в услужение к ламе; 2) первая, низшая степень монашества; послушник, принявший пять первоначальных обетов; 3) мальчик, паренёк; малец, парнишка; хөгжилтэй банди ‘весёлый малец’ [БАМРС I: 224].

[9] Поскольку в традиционном обществе внутриутробное развитие ребенка засчитывалось за год.

стоящее время данный обряд проводится по достижении года) в прошлом совершалось срезание первородных волос ребенка (за исключением волос на висках), сопровождавшееся одариванием ценными подарками. Обряд проводил дядя по материнской линии. После срезания первородных волос по мере их отрастания девочкам начинали заплетать несколько косичек. Затем следовал возраст отрочества — примерно с 9–10 до 14–15 лет (*үйн наста баһчуд*). «В эти годы мальчики обучались борьбе, могли уже ездить верхом на лошади, запрягать ее, пасти лошадей и становились табунщиками. Девочки полностью овладевали навыками ведения домашнего хозяйства. Они уже умели готовить, убирать в доме, поддерживать огонь в очаге, шить и рукодельничать» [Омакаева 2010: 230].

Завершение данного этапа, знаменующего и завершение детства в целом, маркировалось совершением обряда срезания волос на висках (так называемых «утробных» волос, которые до того не срезали) и новой прической, мальчикам начинали сбривать волосы по кругу, оставляя их только на макушке, а девочкам — отращивали косы. Конечно, возрастная символика прически не могла не сказаться в названии возрастной страты: девушек, достигших предбрачного возраста, в традиционной культуре называли *гиҗгтә*[1] *күүкн*, что означало буквально ‘девочка с косой’ (старинная пословица гласит: *гиҗгтә күүкн — герин залмҗ* (‘взрослая девушка — правительница дома’). Как можно понять, коса в данном термине является символом достижения брачного возраста: в XVII – XVIII вв. именно в этот период жизни девушке заплетали одну косу вместо нескольких косичек, которые носили девочки более младшего возраста. Юноша на этом этапе жизни именуется в калмыцком языке так же, как и мальчик — *көвүн*. Таким образом, в возрасте примерно от 14−15 до 20 лет юноши и девушки достигали в калмыцком обществе особого статуса, за которым следовало достижение полной социализации: женитьба — рубеж, который означается понятием «стать человеком» (*күн болх*).

В целом для обозначения детей монголы и ойраты используют термин хүүхэд[2], которое производно от слова хүүхэн (‘девушка; женщина; дочь; девочка’ [БАМРС IV: 187−188]) и является однокоренным к слову хүү (‘сын, мальчик; дитя; отрок; залуу хүү — парень; миний хүү — мой сын’ [БАМРС IV: 186]); калмыки с этой целью используют тот же термин *күүкд*[3]. Однако в процессе сбора полевых материалов среди торгутов Монголии нами зафиксирован также обычай называния детей словом *көвүд* (монг. хөвүүн (хөвүүд) — мальчик; отрок; сын [БАМРС II:118]) [ПМА 3, 4, 6]. Так, в рассказе информанта Д. Муужи [ПМА 3] зафиксированы сведения о ее 9 детях, которых мать называет *йисн көвүд* (есөн хөвүүд), хотя среди них есть *һурвн окн* (гурван охин) — т.е. три дочери[4]. Информант М. Ядамсурэн отмечал, что среди его пяти взрослых детей (*тавн көвүдәс*) одна — дочь (*окн*), четверо — сыновья (*залучуд*) [ПМА 6]. По свидетельству Ж. Буяндалая, отца 10 детей, «*хойр үрн һархла — нег үрлә әдл, һурвн үрн һархла — хойр көвүд болҗана, олн көвүд болхла — әмтн җирһнә*» (‘если родятся два ребенка — все равно, что один ребенок, если родятся трое детей — все равно, что двое детей, если много детей — люди [родители] счастливы) [ПМА 2]. Таким образом, в лексиконе торгутов Монголии термин *көвүд* синонимичен термину *үрдүд* (‘дети’), что является особенностью речи данной этнической группы и, вероятно, отражает специфику патрилинейного счета родства.

Что касается возрастной категории девочек после 10−14 лет и до замужества (примерно до 21−22 лет), то их ойраты Монголии называют *севгр* (сэвгэр — I. 1) развевающийся; сэвгэр үс распущенные волосы; 2) лёгкий, воздушный; II. 1) волосы младенца; 2) девушка [БАМРС IV: 143]; ойрат. севгер — распущенные, незаплетенные волосы девочки [Тодаева 2001: 291]), и данная традиция типологически связана с обычаем на-

[1] Гижг — 1) затылок; 2) коса [КРС 1977: 142]. Соответственно, следует предположить, что *гиҗгтә күүкн* отличается от девочек, которым заплетали множество косичек, косой, которая располагалась за спиной и начиналась на затылке — именно такая коса и была характерна для девушек на выданье.

[2] Хүүхэд — 1. дети, ребята; дитя, ребёнок; бага насны хүүхэд малолетний ребёнок, малолетние дети [БАМРС IV: 187].

[3] Слово имеет 3 основных значения — дети, детвора; ребенок; девочка, девушка [КРС 1977: 329].

[4] Интересно, что все дети Д. Муужи носят имена, включающие компонент «бат» (крепкий) с символикой благопожелания: Батхуяг, Батсүх, Батэрдэни, Батсайхан, Батолзий, Батчимэг, Батболд, Батбелг, Баттогтох.

зывания калмыками девушек этого возраста *гиҗгтә күүкн* либо *севгр күүкн*. Халха-монголы же, по утверждению Б. А. Баасанхүү [ПМА 1], употребляют термин хүүхэн. В этой связи отметим: по данным Ж. Буяндалая, торгутское слово кукаан[1] (калм. *күүкн*) соответствует в языке халха-монголов слову хүүхээ [Буяндалай 2006: 8], торгутское сэвгэр (*севгр*) — монгольскому хүүхэн [Буяндалай 2006: 11]. Таким образом, обозначения девушки предбрачного возраста в культуре ойратов, калмыков и монголов типологически взаимосвязаны, они объединяются возрастной символикой (в виде косы, которую заплетали вместо множества косичек младших девочек), маркировавшей в культуре ойратов и калмыков этап готовности девушки к замужеству. Однако в языке калмыков сохранилось в качестве редко употребляемого слово высокого стиля *окн*, обозначающего деву, девушку, в переносном смысле — целомудренную деву [КРС 1977: 394]. Следует отметить, что в культуре ойратов и монголов так (охин) называют девочек до наступления подросткового возраста (не достигших периода полового созревания), что, вероятно, отразилось в символике термина.

14−18 летних парнишек, по свидетельству Б. А. Баасанхүү, ойраты называют гэрлээд (*герлүд*). Указанное слово отсутствует как в «Большом академическом монгольско-русском словаре» [БАМРС 2001−2002], так и в небольшом словарике торгутских слов, составленном Ж. Буяндалаем [2006]. В монгольском языке слово гэрлэх означает ‘1. жениться, вступать в брак; гэр гэрлэх жениться; 2. женитьба, супружество, брак’ [БАМРС I: 467]. Вероятно, происхождение термина *герлүд* связано с понятием «готовый к супружеству, к браку». Так, у калмыков до начала XX в. распространенным брачным возрастом невесты являлся возраст 14−16 лет, а юноши вступали в брак примерно в 16−18 лет [Шараева 2010: 249]. Достижение подросткового возраста в традиционном калмыцком обществе калмыков означало приближение брачного периода (по своду законов «Ик цааджи» (1640 г.) разрешалось вступать в брак с 14 лет); сватовство начинали после достижения девушкой примерно 15 лет, что позволяло завершить свадебные обряды к 17 годам. Как отмечал в конце XIX в. И. А. Житецкий [1893: 19], браки заключали обычно по достижении половой зрелости, девушки — по достижении 15 лет, юноши — 18 лет [см.: Бакаева 2011][2].

Лица мужского пола в возрасте от 18 лет и примерно до 40 лет, т.е. находящиеся в молодой поре и достигающие зрелости, у ойратов Монголии называются залуучууд. Данный термин происходит от слова залуу, означающего в монгольском языке ‘юноша, молодец; юный, молодой, младой; зелёный; безусый; юность, молодость’ (залуу болгох — ‘омолаживать’; залуу болох — ‘молодеть, омолаживаться’; залуу нас — ‘юный возраст’; ‘юность, молодость’) [БАМРС II: 203]. Данное значение отражено в калмыцком выражении *көвүн залурв* ‘мальчик возмужал’ [КРС 1977: 239]. В калмыцком языке сохранилось выражение *залу насн* — ‘юность, молодость’, однако указанный термин в культуре калмыков прежде всего стал обозначать мужчину, мужа, супруга[3] и зачастую употребляется в значении «лицо мужского пола» (*залу күн*, буквально ‘мужчина+человек’; лицо женского пола обозначается типично — *күүкд күн*, буквально ‘девочки+человек’).

Обретение семьи символически означало переход в следующую возрастную

[1] Кукаан — написание в соответствии с правилами монгольского языка ойратского слова, произносимого так же, как и калмыцкое *күүкн*.

[2] Выделение возрастной категории лиц предбрачного периода в культуре калмыков и ойратов выражалось отличиями в костюме. Так, одежда девушки-калмычки имела сходство в отдельных деталях с мужским костюмом (крой рукава, название костюма), обязательным элементом девичьей одежды, как и мужской, являлся пояс. При этом девушкам полагалось носить серьгу в правом ухе, кольца на мизинцах. В отличие от девушек, мужчины носили серьгу в левом ухе, кольцо на безымянном пальце левой руки, с левой стороны на поясе — нож в ножнах (в отличие от монголов, которые носили нож справа). Девушкам не позволялось находиться в женской части кибитки, хотя они и занимались домашним хозяйством. Ойратские *севгр* носили дээл, отличавшиеся отдельными деталями [Амгалан 2008]. Атрибутами перехода в категорию замужних женщин среди ойратов и калмыков являлись: ношение особого костюма, включавшего два платья, отсутствие в одежде пояса, заплетание двух кос, их заключение в специальные матерчатые чехлы, ношение серег в обоих ушах и колец на обеих руках.

[3] Залу — 1) мужчина; 2) супруг; 3) юность, молодость [КРС 1977: 238].

категорию, обозначаемую калмыками термином *залу* (‘мужчина, молодой мужчина, супруг’). При этом, как отмечалось, заключение брака символически означало «стать человеком», что в культуре калмыков буквально обозначалось выражением *күн болв* (‘стал человеком’). Девушка, вышедшая замуж, в калмыцком языке именуется терминами *бер* (‘невестка’), *гергн* (‘жена’), *баавһа* (*простореч.* ‘замужняя женщина’).

Ойраты Монголии именуют женщин в возрасте примерно от 21−22 лет (от замужества) до 45 лет термином эхнэр (‘жена, замужняя женщина’ [БАМРС IV: 439]). Данное слово, несомненно, восходит к возрастной символике материнства и деторождения, поскольку им обозначается возраст от замужества до завершения детородного периода, и к названию матери в монгольских языках (*эк* — ‘1) мать; 2) матка (у животных); *редко в сочет*. *эк орн-нутг* — родина, отечество, отчизна’ [КРС 1977: 693]). Женщины в этом возрастном статусе калмыками называются *бер* (‘невестка, молодая замужняя женщина’) или *гергн*, этимология второго слова, вероятно, связана со статусом хозяйки дома и происходит от слова *гер*/гэр, означающего ‘дом’. Типологически сходным является ойратский термин гэрлээд (*герлүд*), которым называют юношей предбрачного возраста.

Возраст зрелости наступает у женщин после окончания детородного периода, примерно после 45 лет и до 60 лет. В этот период уважаемых, окруженных почетом женщин ойраты называют авгай. Семантика слова раскрывается в следующих значениях: «1) пожилая женщина; матушка; 2) хозяйка дома; 3) жена; замужняя женщина; авгай болох а) выйти замуж, б) надевать одежду замужней женщины; в) до седых волос дожить (о женщине)» [БАМРС I: 20−21]. От слова авгай образован глагол авгайлах со значениями «1) обращаться к кому-л., прибавляя к его имени слово ‘авгай’ (т.е. ‘сударь’); почтительно обращаться к кому-л.; 2) называть другими именами (почтительно обращаться к родным и близким, называя другими именами; 3) вы (обращаться на ‘вы’)» [БАМРС I: 20−21]. После 60 лет лиц женского пола ойраты называют *самһн*[1] (монг. самган), а халха-монголы — чавганц[2] [ПМА 1]. Пожилые монголки, называемые чавганц, коротко стригут волосы, что соответствует принятию первоначальных обетов и принятию сана послушницы. В среде ойратов же, по утверждению Б.А.Баасанхүү, такой обычай не принят [ПМА 1].

В среде калмыков женщин в возрасте после 40−45 лет почтительно именовали *бергн* (ср. *бергн* — ‘жена старшего брата, старшая невестка; сноха; *ах бергн* жена старшего брата отца’). Кроме того, к старшим родственницам калмыки могли обратиться *аак*[3], в диалектной речи также были приняты слова-эвфемизмы, с которыми обращались к старшим родственницам (к примеру, *аҗа, җеежә, җааҗа* и др.). Однако в целом завершение детородного возраста в традиционном обществе означало и окончание периода зрелости, что символически приравнивались к переходу в разряд стариков (калм. *эмгн* — старуха, *ээҗ* — бабушка; *өвгн* — старик, *аав* — дед[4]). Достижение старческого возраста означало в традиционном обществе появление поколения внуков, что происходило примерно в возрасте после 40 лет. Необходимо отметить, что возрастная символика в предметах материальной культуры (прежде всего в костюме) проявлялась в переходе к иному типу одежды. Так, мужчина-калмык после наступления возраста 40 лет мог передать сыну свой пояс и другие предметы, соответственно, основной одеждой для него становился распашной свободный халат *лавшг*. Пожилая женщина-калмычка также зачастую уже не носила *цегдг,* а надевала платье *берз*, халат *лавшг* и т.п.

Большой 60-летний цикл в лунно-солнечном календаре считался мерилом человеческого века, соответственно, превышение данного возраста являлось показателем долгожительства. Семьдесят лет — человеческий возраст, достижение которого в тра-

[1] Самган — 1) жена; 2) старуха; женщина [БАМРС III: 80]. У калмыков слово *самһн* также означает старую женщину, старуху; *эмгн-самһн* — *парн.* ‘старуха’. Вероятно, значение данного слова связано с понятием *самһаһар бәәх* — ‘жить беспечно’.

[2] Чавганц — 1) монахиня; монашка, монашенка; послушница; женщина, принявшая обет безбрачия; старая остриженная женщина, посвятившая себя религии; 2) старуха [БАМРС IV: 299].

[3] При этом у калмыков-дербетов *аак* означало обращение к матери или к старшей родственнице; у калмыков-торгутов — обращение к отцу или к старшему брату.

[4] В культуре ойратов Монголии сохраняется более архаичное именование словом *ээҗ* матери, словом *аав* — отца.

диционном ойратском и калмыцком обществе считалось удачей (с этим связан калмыцкий обычай дарить монету *далн мөңгн* – 20 коп. [Бакаева 2009]).

Необходимо отметить, что изложенные материалы по обозначению возрастных категорий в культуре ойратов, в целом соответствующие традиционным представлениям, в изложении разных информантов могут варьироваться. К примеру, информант Чойдрын Батаа [ПМА 5] считает, что среди ойратов приняты следующие обозначения возраста: до года — нялх (новорожденный), затем до 10−12 лет девочку называют охин, мальчика — хөвүүн. С 13−14 лет до примерно 16 лет девушка называется сэвгэр, а парень — по-прежнему хөвүүн, в возрасте 16−25 лет молодых женщин именуют хүүхэн, молодых мужчин — залуу. Замужних женщин в возрасте от 25 лет могут называть эхнэр, бэр, бэргэн, мужчин от 16 до 25 лет — залуу. Затем в возрасте 35−45 лет женщин называют авгай, мужчин — все еще залуу. После 45 лет мужчина считается хөгшин (что обозначает его старение), а женщина, соответственно, самган. Таким образом, детей от 1 до 16 лет можно назвать, соответственно, охидууд и хөвүүд, а девушек и молодых мужчин в возрасте 16−25 лет — сэвгэр и залуучууд [ПМА 5]. Как видно, в целом данные о возрастных категориях совпадают, но выделен особый этап у девушек от 16 до 25 лет, называемых хүүхэн, хотя, по данным А. Баасанхүү [ПМА 1], этот термин является халхаским вариантом термина сэвгэр. Кроме того, в варианте Ч. Батаа — ламы, в роду которого были и шаманы, сохраняется ныне уже пересматриваемое в обществе традиционное представление о том, что лица старше 45 лет являются стариками.

Понятие возраста в традиционной культуре калмыков и ойратов также было связано с понятием поколений *үй*[1], которые составляли род (общность *төрл*, происходящую от одного предка). С другой стороны, поколенная структура была взаимосвязана с системой счета по циклам (люди года барса, года дракона, и т.д.), что обеспечивало иерархическую структуру возрастного состава общества.

Анализ терминологии, обозначающей возрастные категории в культуре ойратских народов Монголии и калмыков, показывает, что за последнее столетие произошли некоторые изменения в традиционных представлениях. Прежде всего это видно в четком обозначении возрастной категории от 45 до 60 лет, которая в прошлом относилась к периоду старости, а ныне воспринимается как почтенный возраст в культуре ойратов, которые во многом сохранили древние компоненты культуры. Кроме того, возрастная символика имеет специфику у ойратов и калмыков. Так, в терминологии, связанной с взрослением девушки, у калмыков за общемонгольским словом *окн*, семантически связанным с архаичными представлениями о возрасте девочки, не достигшей полового созревания, закрепилось высокое значение ‘дева’. Такие же изменения наблюдаются в общеойратских терминах *ээж* (мать) и *аав* (отец), которые в культуре калмыков в этом смысле употребляются лишь в архаических памятниках фольклора; таким образом, *ээж/аав* как обозначение родителей употребляется ныне только в высоком смысле, поскольку в современном калмыцком языке эти термины уже относятся к маркировке поколения стариков (деда и бабушки).

Примечательным в терминологии детского цикла является смена терминов *күүкд* и *көвүд*, которым обозначают детей ойраты и калмыки. Особое употребление ойратами-торгутами термина *көвүд* в значении «дети», на наш взгляд, находит отражение и в обрядовой культуре данной этнической группы, где также происходит смена ролей. По нашему мнению, понятие хуухэд (*күүкд*) в смысле ‘девочки’ включается в понятие хуухэд (*күүкд*) ‘дети’, и это отражается в том, что оба понятия обозначаются одним термином. Обозначение же детей термином хөвүүд (*көвүд*) — более конкретное, обозначающее мальчиков. Встречающееся же в языке торгутов Монголии именование всех детей как *көвүд* отражает благопожелательную символику — ведь статус семьи, имеющей сыновей, был высок, а невестка, родившая не менее трех сыновей, получала статус *дархан бер* [ПМА 2], обеспечивавший ей особое почитание родственниками.

Обратим внимание и на другие термины. Ойратский термин *залу*, обозначающий молодого мужчину, в калмыцком языке получил более широкое значение — мужчина, муж, *залу күн* — лицо мужско-

[1] Слово үй в калмыцком языке произносится как [үйе], что соответствует монгольскому үе.

го пола. Согласно данным Ж. Буяндалая, торгуты Монголии отца называют аак[1], а мать — адиа (*әдә*) [Буяндалай 2006: 3]. По утверждению Б. А. Баасанхүү, ойраты-мянгаты говорят об отце адиа, о матери — авиа (*әвә*) [ПМА 1].

Анализируя материалы по ойратской культуре, невозможно не обратить внимание на типологически сходные представления в культуре народов, расселенных на смежных территориях, — речь идет прежде всего о тувинцах. М. Б. Кенин-Лопсан отмечает, что в культуре тувинцев выделяются 7 основных возрастных категорий: младенчество (до 3 лет), возраст до подросткового (от 3 до 15 лет), молодой возраст (от 16 до 29 лет), средний возраст (от 30 до 45 лет), зрелый возраст (от 46 лет до 61 года), пожилой возраст (от 61 до 81 года) и возраст дряхления (после 81 года). С каждым возрастным периодом определенным образом связаны обязанности и функции человека, а «за всеми семью возрастами человека вечно наблюдает созвездие Большой Медведицы и охраняет людей» [Кенин-Лопсан 2006: 5]. Следует отметить, что в тувинской культуре выделяются те же основные периоды, что и в культуре ойратов и калмыков, исключение составляет выделение отдельно в детском цикле младенческого периода, разделение возрастного периода от 16 до 45 лет на два этапа, наконец, выделение возраста старения и дряхления. Кроме того, в культуре тувинцев бытует общее с монгольским понятие үе (поколение), которое «понимается как промежуток времени в 12 лет (по традиционному представлению монголов, люди не старше 12 лет принадлежат к одному поколению)» [Кудияров 1997: 537].

Представленные материалы свидетельствуют о том, что в культуре родственных народов претерпели трансформацию отдельные традиционные представления о возрастной стратификации, отразившиеся в возрастном символизме.

Полевые материалы автора (Монголия, 2014 г.)

1. Информант Бэсуд Аюушийн Баасанхүү, 1945 г.р., халх, бэсуд овогта, г. Кобдо (Ховд) Кобдоского аймака.
2. Информант Жумбайн Буяндалай, 1940 г.р., торгут, вангихн, борлуд элкта (овогта), сомон Булган Кобдоского аймака.
3. Информант Дугээр Мууҗа, 1937 г.р., торгутка, вангихн, хонгорачн элкта (овогта), сомон Булган Кобдоского аймака.
4. Информант Тувшинбаяр, 1937 г.р., торгутка, бэйлихн, бээвтн элкта (овогта), сомон Булган Кобдоского аймака.
5. Информант Чойдрын Батаа, 1969 г.р., урянхаец, сомон Булган Кобдоского аймака.
6. Информант М. Ядамсурэн, 1937 г.р., торгут, бэйлихн, сомон Булган Кобдоского аймака.

Литература

Амгалан М. Баруун Монголчуудын эдийн сөёлын дурсгалт зүйлс. Улаанбаатар: МонСудар хэвлэлийн газар, 2008. 212 т.

Бакаева Э. П. Возрастные категории и символика в традиционной культуре калмыков // Взаимодействие культур народов Прикаспия. Мат-лы Регион. науч. конф., посвящ. 100-летию У. Э. Эрдниева (Элиста, 17−18 февраля 2011 г.). Элиста: Изд-во КалмГУ, 2011. С. 39−42.

Бакаева Э. П. «Двадцать копеек — это семьдесят денег» // Этнографическое обозрение. 2009. № 2. С. 13–16.

[БАМРС] Большой академический монгольско-русский словарь. В 4 томах. / ред. Лувсандэндэв А., Пюрбеев Г. Ц., Цэдэндамба Ц. М.: Наука, 2001−2002. Т.1. 468 с. Т.2. 501 с. Т.3. 468 с. Т.4. 471 с.

Буяндалай Ж. Торгууд аялгуун толь бичиг. Улаанбаатар: Зэвсэгт хүчний 284-р ангид хэвлэв, 1996. 17 т.

Житецкий И. А. Очерки быта астраханских калмыков. Этнографические наблюдения 1884–1886 гг. М.: Тип. Волчанинова, 1893. 73 с.

Кенин-Лопсан М. Б. Традиционная культура тувинцев. Кызыл: Тувин. кн. изд-во, 2006. 232 с.

Кон И. С. Ребенок и общество. М.: Наука, 1988. 270 с.

Кудияров А. В. Комментарии к переводу // Тувинские героические сказания / сост. С. М. Орус-оол. Новосибирск: Наука, 1997. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. Т. 12). С. 534–558.

Омакаева Э. У. Родильный обряд и ритуалы детского цикла // Калмыки. (Серия «Народы и культуры»). М.: Наука, 2010. С. 229−249.

Тодаева Б. Х. Словарь языка ойратов Синьцзяна. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2001. 493 с.

Шараева Т. И. Свадебная обрядность // Калмыки. (Серия «Народы и культуры»). М.: Наука, 2010. С. 249−270.

References

[The Big Mongolian-Russian Academic Dictionary]. In 4 vol. A. Luvsandev, G. Ts. Pyurbeev, Ts. Tsedendamba (ed.). Moscow: Nauka, 2001–2002. Vol. 1. 468 p. Vol. 2. 501 p. Vol. 3. 468 p. Vol. 4. 471 p. (In Mong. and Russ.)

Amgalan M. [Economic and Cultural Monuments of Western Mongolia]. Ulaanbaatar: MonSudar Havelijn Gasar, 2008. 212 p. (In Mong.)

Bakaeva E. P. ["Twenty kopecks is seventy money"]. *Ethnographic Review*. 2009. No. 2. Pp. 13–16. (In Russ.)

Bakaeva E. P. [Age Categories and Symbols in the Traditional Culture of Kalmyks]. In: [Interaction of the Caspian Sea Peoples Cultures]. Conf. proc., dedicated to the 100th anniversary of U. E. Erdniev (Elista; 17–18 February, 2011). Elista: Kalmyk State University Publ. House, 2011. Pp. 39−42. (In Russ.)

Buyandalai J. [Torgut Melodic Dictionary]. Ulaanbaatar: Zeusagt khychnii 284-r angiid havalev, 1996. 17 p. (In Mong.)

Kenin-Lopsan M. B. [Traditional Culture of Tuvans]. Kyzyl: Tuvin. Book Publ., 2006. 232 p. (In Russ.)

Kon I. S. [Child and Society]. Moscow: Nauka, 1988. 270 p. (In Russ.)

Kudiyarov A. V. [Comments on the Translation]. In: [Tuva Heroic Stories]. S. M. Oruz-ool (compl.). Novosibirsk: Nauka, 1997. (Monuments of Folklore of Peoples of Siberia and Far East. Vol. 12). Pp. 534–558. (In Russ.)

Omakaeva E. U. [Maternity Rite and Rituals of Children Cycle]. In: [Kalmyks]. Moscow: Nauka, 2010. Pp. 229−249. (In Russ.)

Sharaeva T. I. [The Wedding Rite]. In: [Kalmyks]. Moscow: Nauka, 2010. Pp. 249−270. (In Russ.)

Todaeva B. Kh. [Dictionary of Oirat Language in Xinjiang]. Elista: Kalm. Book Publ., 2001. 493 p. (In Russ.)

Zhitetsky I. A. [Essays on the Everyday Life of the Astrakhan Kalmyks. Ethnographic Observations in 1884–1886]. Moscow: Volchaninov's Print. shop, 1893. 73 p. (In Russ.)

УДК 811.512.37 (Калм)
ББК 81.2

ГРАФО-ФОНЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СОГЛАСНЫХ ПО ДАННЫМ «РУССКО-КАЛМЫЦКОГО СЛОВАРЯ АНОНИМНОГО АВТОРА XVIII в.»

Graphophonetic Analysis of Consonants Based on Russian-Kalmyk Dictionary by Anonymous Author of 18th Century

Е. В. Бембеев (E. Bembeev)[1]

[1]кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела теоретической и экспериментальной лингвистики Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Ph.D. of Philology, Senior Scientist of the Theoretical and Experimental Linguistics Department at the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS). E-mail: galdma@yandex.ru.

Статья посвящена описанию графо-фонетических особенностей согласных на материале «Русско-калмыцкого словаря анонимного автора XVIII в.», который отражает живую калмыцкую речь XVIII в. Проведенная транслитерация заголовочных слов представляет значительный интерес для изучения фонетических изменений калмыцкого языка XVIII в.

Ключевые слова: графемы, фонемы, буквы, согласные, русско-калмыцкий словарь, анонимный автор, калмыцкие слова, зая-пандитская письменность, транскрипция, кириллица.

The article deals with analysis of graphophonetic peculiarities of consonants on the basis of Russian-Kalmyk Dictionary by anonymous author of 18th century. The dictionary, built in 18th century, consists of 2,988 entries, arranged in alphabetical order. A dictionary entry is comprised of three elements: an entry word in Russian, its equivalent in Kalmyk in Russian notation with elements of 18th century orthography, and the Kalmyk word written in old Kalmyk notation. Nominal and auxiliary parts of speech are given in their initial forms. Verbs of both languages are arranged according to their 1st person singular form, even if the verb is not used in that form. Of special interest are both Kalmyk words in Zaya Pandita's script, and Kalmyk words in Russian transcription. The system of notation, reflecting the sounds of the Kalmyk language, has a series of peculiar features: 1) the transcription utilizes accent marks – acute accent (´) and grave accent (`), 2) the quantity of a vowel is sometimes presented through gemination, 3) the author uses special graphic characters for rendering the graphemes of the old written Kalmyk language by means of Russian alphabet to denote the sounds that are not common for the Russian language.

The dictionary is of special value as it illustrates both the orthography and the orthoepy of the Kalmyk language within the indicated period. The dictionary presents the colloquial Kalmyk speech of the 18th century, while the transliteration and occasionally even the transcription of certain headwords are of great interest for studying phonetic changes in the Kalmyk language.

Keywords: graphemes, phonemes, letters, consonants, Russian-Kalmyk dictionary, anonymous author, Kalmyk words, Zaya Pandita's script, transcription, Cyrillic script.

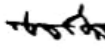
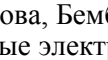
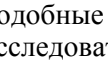
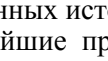
Лексический фонд языка, его своеобразие и богатство являются важным объектом лингвистических исследований. В последние годы благодаря автоматической обработке информации с помощью компьютерных технологий наблюдаются определенные тенденции в создании и развитии лексикографических баз данных калмыцкого языка[1]. В этой связи актуальным является их оцифровка и подготовка к переизданию[2] [Мулаева 2012; Очирова 2012; Очирова, Ку-

[1] Об этом свидетельствует разработанные в КИГИ РАН лексикографические базы данных, размещенные в Интернете по адресу: http://biliq.ru/dictionary.

[2] Сотрудниками КИГИ РАН Н. М. Мулаевой, Н. Ч. Очировой проведена работа по оцифровке Русско-калмыцкого словаря анонимного автора (XVIII в.) [Анонимный словарь] и Краткого русско-калмыцкого словаря П. Смирнова [1857], Е. В. Бембеевым — сверка транслитерации с оригиналом.

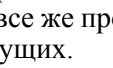
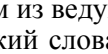
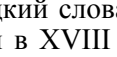
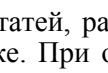
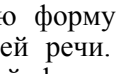
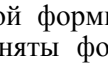
канова 2012; Куканова, Бембеев 2012; Бембеев 2014]. Подобные электронные словари позволяют исследователям зафиксировать начальные значения многих слов калмыцкого языка в период его формирования как национального, что крайне необходимо для восстановления лексической системы языка. Кроме того они дают возможность выявить лексическое своеобразие и особенности старописьменных источников, реконструировать важнейшие процессы, происходившие в ходе развития калмыцкого языка на протяжении того или иного времени.

В настоящей статье рассматриваются графо-фонетические особенности согласных на материале «Русско-калмыцкого словаря анонимного автора XVIII в.» [Анонимный словарь]. Разумеется, описание фонетики языка любого памятника письменности не может достоверно отразить реального произношения, так как ученый анализирует не столько звуки, сколько буквы, ему приходится отталкиваться от алфавита и ограничиваться предположениями о том, какие звуки могли обозначать те или иные буквы в период, когда источник создавался. Метод сравнительно-сопоставительного анализа орфограммы слов в старописьменном написании и данных в современных языках и их диалектах представляет собой основной прием сравнительно-исторических исследований и дает множество сведений о характере произношения тех или иных слов и морфем в прошлом и тенденциях изменения их звукового облика. Он позволяет расширить представления о процессе фонетико-морфологического развития монгольских языков. Несмотря на очевидное несовершенство данного метода, поскольку полного тождества орфоэпии и орфографии не существует даже в письменности, построенной на фонетическом принципе, — он все же продолжает оставаться одним из ведущих.

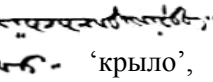
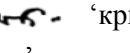
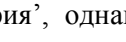
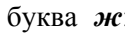
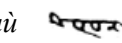
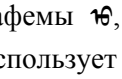
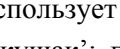
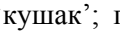
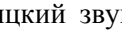
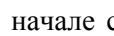
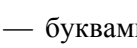
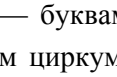
Русско-калмыцкий словарь анонимного автора был создан в XVIII в. и состоит из 2 988 словарных статей, расположенных в алфавитном порядке. При оформлении реестрового слова составитель, как правило, выбирал начальную форму для именных и служебных частей речи. Однако в качестве заголовочной формы глаголов для обоих языков приняты формы 1-го лица единственного числа настоящего времени, в том числе приводятся даже те формы, которые являются неестественными: *густею*  ‘ödkörnēbi’, *зелению*  ‘noγōrnayibi’, *закипаю*  ‘bucuǰibayinēbi’. Словарная статья словаря состоит из трех элементов: заглавное слово на русском языке, его эквивалент на калмыцком языке в записи русской графикой с элементами орфографии XVIII в. и запись калмыцкого слова в старокалмыцкой графике: божуся *андагар кеджи байнéби*  [Бурыкин, Омакаева 1999]. Кроме собственно калмыцких слов в записи на «ясном письме», несомненный интерес представляют слова на калмыцком языке в русской транскрипции.

Так, для передачи звуков калмыцкого языка последовательно используется система знаков, которая имеет ряд особенностей:

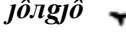
1) наличие знаков ударения в транскрипции — акут (´) и гравис (`). Как известно, акут используется в некоторых современных европейских языках, имеющих подвижное (нефиксированное) ударение, а гравис используется как знак обратного (слабого) ударения. Анализ словарных статей памятника показывает, что ударение акут (´) ставится на последнем закрытом слоге слова (например: *утусáнъ* ‘нитка’, *эркэшúкъ* ‘нежный’), над долгим гласным (*нáданъ бишù* ‘нешутя’, *одóкїи* ‘нынешний’, *гýу* ‘дыня’), на предпоследнем слоге глагольных форм перед лично-предикативным показателем (*цайнарнáиби* ‘бледнею’, *андагар кеджи байнéби* ‘божуся’). Знак грависа (`) фиксируется в открытых последних слогах, например, *хабиргà* ‘бокъ’, *чичирцѐ* ‘дрожь’;

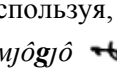
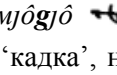
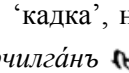
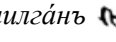
2) обозначение в некоторых случаях долготы калмыцких гласных удвоением, например: *галýунъ*  ‘гуси’, *ýулà*  ‘гора’, *кjôjôцѐ*  гонение’, *дееркù*  ‘верхний’, *цугáари* ‘все (весь)’, в некоторых случаях долгота отмечается знаком ударения акут (´) *темéнъ*  ‘верблюд’, *нáданъ*  ‘игра’, а иногда долгота не отмечается вовсе: *хулдачù* ‘купец’;

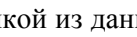
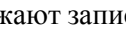
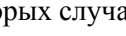
3) использование специальных графических знаков для передачи графем старописьменного калмыцкого языка буквами русского алфавита, обозначающими специфические звуки, которые не характерны для русского языка. Так, для обозначения

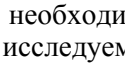
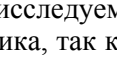
шипящей аффрикаты [ǰ] («джим» ᠵ / ᡊ перед [i]) используется сочетание букв ***д* + *ж***: *хуцу**дж**ибайнеби*  ‘лаю’, ***дж**ибӥръ*  ‘крыло’, *тууд**ж**ӥ*  ‘история’, однако в некоторых случаях пишется буква ***ж***: ***ж**идà*  ‘копье’, *тууж**ж**ичӥ*  ‘историк’; для передачи графемы ᠥ, обозначающей звук [ü], автор использует русскую букву ***ю***: *бю**ю**сè* ‘кушак’; графема ᠥ, обозначающая калмыцкий звук [ö], передается составителем в начале словаря буквами **jô,** а с середины — буквами ï**ô,** где буква **о** снабжена знаком циркумфлекса (ˆ): *бjô*  ‘колдун’, ***jôлgjô***  ‘колыбель’, ***dïôнгъ***  ‘переклад’. К тому же автор спорадически разделяет графемы ᠸ **[ge]** и ᠭ [**γa**], используя, соответственно, буквы ***g*** и *г: jôрмjôgjô*  ‘кафтан’, *суулга*  ‘кадка’, но ***g**ерчӥ*  ‘свидетель’ и *герчилга́нъ*  ‘свидетельство’.

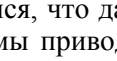
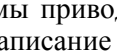
Отметим, что калмыцкие слова в записи русской графикой из данного словаря не всегда точно отражают запись звучания, более того, в некоторых случаях представлена не транскрипция, а транслитерация слова в старокалмыцком написании. Между тем, несмотря на это, необходимо подчеркнуть особую ценность исследуемого лексикографического источника, так как он дает представление одновременно и об орфографии, и об орфоэпии калмыцкого языка того периода.

Перейдем к рассмотрению согласных графем. Оговоримся, что далее при оформлении примеров мы приводим их в следующем порядке: написание в старокалмыцкой графике, транслитерация на латинице и перевод автора словаря в современной русской графике:  **n**olmistay ‘слезно’. Графемы отмечаются в кавычках, а звуки традиционно передаются в квадратных скобках без курсива.

Графема «нун» ᠨ / ᡑ / передает переднеязычный [н]. В начале слова и в середине слога перед гласными представлена в виде короткого зубца с диакритикой слева в виде одной точки, в абсолютном конце слова или перед согласным употребляется без диакритики. В источниках она встречается без каких-либо ограничений в любой позиции слова:  **n**olmistay ‘слезно’,  **n**ara**n** ‘солнце’,  e**n**dēse ‘отсюда’,  zur**n**ayibi ‘стругаю’.

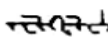
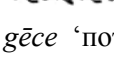
Графема «ха» ᡭ / ᡮ отражает сильный увулярный спирант [x], состоит из двух коротких зубцов с диакритикой слева в виде двух точек. Данная буква транслитерируется на кириллице в тексте словаря как «**х**». Употребление ее ограничивается анлаутной и инлаутной позициями твердорядных по вокализму слов. В исходной позиции слога и слова никогда не употребляется, что подтверждено данными памятника:  **х**abdalγan ‘стрельба’,  as**х**ani **х**oto ‘ужин’,  **х**oyini **х**ašā ‘овчарня’**.**

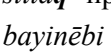
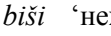
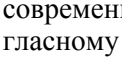
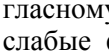
С помощью графемы «кяф» ᠺ передается заднеязычный смычный [ке], который встречается только перед гласными переднего ряда и нейтральным [i]. Позиция буквы «кяф» ограничена анлаутом и инлаутом:  **k**erčineyibi ‘отсекаю’,  **k**ö**k**ö ‘синий’.

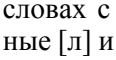
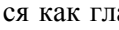
Графема ‘*каппа*’ ᠺ / ᠺ передает увулярный сильный смычный [ķa], встречающийся только перед гласными заднего ряда в анлауте и инлауте слов: ere ta**ķ**ā ‘петух’,  za**ķ**ān ‘приказ’,  co**ķ**ur ‘пест’. Как отмечал Г. Д. Санжеев, «в XVII веке увулярный смычный [ķa] общемонгольского происхождения подвергся спирантизации в виде [x]: кара → хара – черный, бака → баха – лягушка и т. д.» [Санжеев 1977: 61]. Таким образом, последние три графемы «ха», «кяф», «каппа» в «чисто историческом плане ... передают аллофоны одной и той же фонемы [к]» [Санжеев 1977: 62].

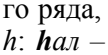
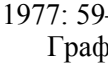
Графемой «гамма» ᠭ / ᡒ передается слабый увулярный согласный [ɣa], транслитерируемый на латинице по традиции как «γ» и употребляющийся в словах с вокализмом заднего ряда в анлаутной и инлаутной позициях: xubāγāči ‘разделитель’,

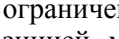
γuyir ‘мука’. Согласному [γа] в современном калмыцком языке соответствует слабый смычный [h], встречающийся как в словах с вокализмом переднего ряда, так и в словах с вокализмом заднего ряда: *һашун* ‘горький’, *һәәхүл* ‘выставка’, *мәәһг* ‘кривой, искривленный (о ногах)’. Профессор Г. Д. Санжеев в связи с этим писал, что «в современном калмыцком языке этому согласному соответствуют две увулярные слабые фонемы: 1) проточный [h], встречающийся в интервокальном положении в словах с вокализмом заднего ряда (согласные [л] и [р] в этом случае интерпретируются как гласные), в словах с вокализмом переднего ряда – как соединительный элемент между двумя морфемами: *цаһан* – ‘белый’, ***h**ар**h**ад* – ‘выведя’, *хәләһәд* – ‘посмотрев’; 2) смычный [г] в словах с вокализмом заднего ряда, орфографически передаваемых как *h*: ***h**ал* – ‘огонь’, *шаң**h*** – ‘ковш’» [Санжеев 1977: 59–60].

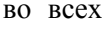
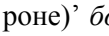
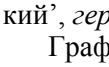
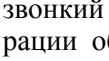
Графема «гемма» / передает заднеязычный слабый смычный [ge]. В старописьменных памятниках его употребление ограничено анлаутной и инлаутной позицией мягкорядных по вокализму слов:  elgelēči ‘насмешник’,  *gēce* ‘потеря’. В современном калмыцком языке данная буква встречается в словах как с вокализмом переднего, так и заднего ряда во всех позициях слова, орфографически передаваемых как *г*: *гааглх* ‘каркать (о вороне)’ *богзг* ‘низкий, низкорослый, маленький’, *герл* ‘свет, освещение, луч’.

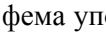
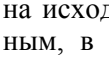
Графема «гаф» / передает полузвонкий согласный [g]. В нашей транслитерации обозначается как «q». Особенность этой графемы в том, что она встречается как в переднерядных, так и в заднерядных по вокализму словах. Позиционно данная графема употребляется только в конце слова и на исходе слога на стыке с другим согласным, в анлауте не употребляется: *šilta**q*** ‘притворство’,  *gē**q**deǰi bayinēbi* ‘пропадаю’,  *čiyiri**q** biši* ‘нехрабрый’. В ходе словоизменения, если «гаф» оказывается в положении перед гласным [i] или перед гласным мягкого ряда, то она заменяется «геммой»: *zöün üzü**q*** ‘север’ — *zöün üzü**g**iyin* ‘северный’, а если оказывается перед гласным твердого ряда, то заменяется графемой «гамма»:  *xuya**q** kümün* ‘латник’ —  *xuyaγār* ‘латы’. Графемы «гамма», «гемма» и «гаф» являются аллофонами одной и той же слабой фонемы [g] [Санжеев 1977: 61].

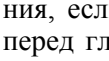
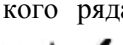
Графема «кун-гемма» / передает заднеязычный носовой [ŋ]. В нашем тексте транслитерируется как «ŋ». Употребление ее ограничивается инлаутной и ауслаутной позициями. В абсолютном начале слова графема не употребляется:  *teŋgesē* ‘морской’,  *zoboloŋ* ‘мучение’.

Графема «бета» // передает билабиальный [b]. Позиционное употребление данной графемы не ограничено: *bataγana* ‘муха’,  *zobōči* ‘мучитель’,  ***keb*** ‘образец’.

Графема «син» / / передает переднеязычный [s]. В исследуемом тексте графема встречается без ограничений:  *sara möčin* ‘обезьяна’, *tusa:r* ‘народно’, *zemes* ‘овощ’.

Графема «шин» / / передает спирант [sh], который, как и [s], употребляется без ограничений. В нашей транслитерации передается как «š»:  *xoyini xa**š**ā* ‘овчарня’,  ***š**itim* ‘огород’,  ***š**örgö* ‘окунь’,  *köqba**š*** ‘селезень’.

Графема «тав» / предназначена для обозначения переднеязычного взрывного согласного [t]. В старокалмыцкой (ойратской) письменности «тав» вообще не может быть конечной, ее употребление ограничивается начальной и средней позициями:  ***t**ala* ‘сторона’,  *ūr**t**ay* ‘сердитый, угрюмый’.

Графема «дал» / / обозначает переднеязычный слабый [d], позиционное употребление которого не ограничено: *čibix**d**asun* ‘струна’,  ***d**ayini **d**obtolγon* ‘нападение’,  *ed* ‘товар’.

Графемой «ламед» / / передается переднеязычный [l], который в исследуемом тексте встречается без позиционных ограничений: *medöü**l**ēči*

‘толкователь’, *yunda**l*** ‘тоска’, *u**l**an ō* ‘румяна’.

Графема «мем» ᠮ / ᡉ / ᡊ обозначает билабиальный согласный [m] и употребляется без позиционных ограничений, что и нашло отражение в исследуемом памятнике: ***m**al* ‘скотина’, *ayi**m**aq* ‘соседний’, *xada**m** ečege* ‘тесть’.

Графема «чим» ᠴ / ᡎ передает свистящую аффрикату [c]. Ее употребление ограничивается анлаутной и инлаутной позициями. В исходе слова не употребляется: ***c**abčinēbi* ‘тешу’, ***c**okolγon* ‘удар’. Исторически перед гласным [i] графема ᠴ («чим») передает шипящую аффрикату [č], а перед остальными гласными — свистящую аффрикату [c]. Г. Д. Санжеев писал о полифонности букв ойратского алфавита «чим» и «джим»: «преобразование древнемонгольских шипящих аффрикат [ч] и [дж] в соответствующие звуки ойратского языка [ч], [ц] и [дж], [з] происходило примерно в середине XVII века, в связи с чем буквы ойратского алфавита «чим» и «джим» следует считать полифонными» [Санжеев 1977: 64–65]. Можно с большой долей вероятности предположить, что в XVIII в. живое произношение калмыцкого языка уже строго дифференцировало фонемы [z] и [ǰ], [c] и [č] вне их звукового сочетания с гласным [i]. Объективные сведения о живом произношении того времени дает транслитерация на кириллице, например, таких слов, как [**co**no] **чо**нò ‘волкъ’, [**co**noyin] **чо**нóинъ ‘волчий’, [**či**ŋnūn] **чо**гнýнъ ‘галка’. Однако, несмотря на фонетические изменения, происходившие в тот период в живом калмыцком языке, автор словаря следует традиционному написанию букв «чим» и «джим», не прибегая к использованию галиков (например, таких, как «ᡒ» и «ᡓ»), строго дифференцирующих свистящие и шипящие аффрикаты и спиранты: ***c**olotay* ‘праздный’, *öüdü**č**i* ‘придверник’.

Графема «джим» ᠵ / ᡏ обозначает свистящий спирант [z]. Употребление было ограничено анлаутной и инлаутной позициями: *zöbtöy* ‘пристойный’, *šāzaγay* ‘сорока’. Исторически данная графема перед [i] обозначает шипящую аффрикату [ǰ], употребление которой также ограничено инициальной и медиальной позициями: *tata**ǰ**ibayinēbi* ‘стягиваю’, *nayi**ǰ**inar* ‘супруга’.

Фонетические изменения, происходившие в тот период в живом калмыцком языке, находят широкое отражение в более поздних письменных памятниках калмыцкого языка, что выражалось частотным использованием специальных графем — галиков, — которые передают иноязычные звуки в заимствованных словах и собственные калмыцкие фонемы, которые оказались в какой-либо необычной позиции. Составитель словаря лишь несколько раз использует галик ᡒ [ž] при обозначении таких заимствованных слов, как ‘якорь’ и ‘якорный’, *žaxar*[1] и *žaxray* соответственно.

Графема «йота» ᠶ / ᡌ передает среднеязычный [y], который употребляется в начальной и средней позиции: ***y**ekedece* ‘умножение’, *sanūlna**y**ibi* ‘напоминаю’. В конце слова встречается после гласных в виде графемы ᡐ [y]: *nōsta**y*** ‘мохнатый’, *bökö küčite**y*** ‘мощный’.

Графема «реш» ᠷ / ᡍ / ᡋ передает переднеязычный дрожащий [r]. Традиционно употребление «реш» ограничивается ауслаутной и инлаутной позициями, но при передаче заимствованных слов она может выступать и в анлауте: *aca**r**alγan* ‘ношение’, *xamu**r*** ‘нос’.

Таким образом, «Русско-калмыцкий словарь анонимного автора» является важным памятником истории изучения калмыцкого языка. Он отражает живую калмыцкую речь XVIII в., а транслитерация и даже порой транскрипция некоторых заголовочных слов представляют большой интерес для изучения фонетических процессов калмыцкого языка, многие из которых в той или иной степени нашли свое отражение в тексте исследуемого памятника.

[1] В современном калмыцком языке *жахр*.

Литература

Анонимный словарь – Русско-калмыцкий словарь анонимного автора (XVIII в.). 104 с.

Бембеев Е. В. «Ранние» двуязычные словари как источники изучения лексики калмыцкого языка [Текст]: Материали от V международна науч. конф. (Варна, 15-20 септември 2014 г.) / отв. ред. В.А. Баранов, В. Желязкова, А.М. Лаврентьев. София; Ижевск, 2014. С. 243–246.

Бурыкин А. А., Омакаева Э. У. Русско-калмыцкий словарь второй половины XVIII века как памятник отечественного калмыковедения // «Актуальные проблемы алтаистики и монголоведения (язык и литература)». Тезисы докладов и сообщений Междунар. симпоз., посвящ. 400-летию со дня рождения основателя ойратской письменности Зая-Пандиты и 390-летию добровольного вхождения калмыцкого народа в состав России. Часть. 1. Элиста, 1999. С. 18–21.

Куканова В. В., Бембеев Е. В. К проблеме электронных словарей калмыцкого языка // Информационные технологии и письменное наследие El'Manuscript-12. Петрозаводск, 3–8 сентября 2012 года. Петрозаводск, Ижевск, 2012. С. 146–149.

Мулаева Н. М. Русско-калмыцкий словарь Пармена Смирнова как источник изучения лексики калмыцкого языка // Участие калмыков в укреплении Российской государственности: Мат-лы Региональной научно-практической конференции, посвящ. 1150-летию Российской государственности и Году российской истории (г. Элиста, 29 ноября 2012 г.). Элиста: КИГИ РАН, 2012. С. 187–191.

Очирова Н. Ч. «Ранние» словари калмыцкого языка и современные информационные технологии // Участие калмыков в укреплении Российской государственности: Мат-лы регион. науч. конф., посв. 1150-летию Российской государственности и Году российской истории (г. Элиста, 29 ноября 2012 г.). Элиста: КИГИ РАН, 2012. С. 183–186.

Очирова Н. Ч., Куканова В. В. К вопросу о разработке Словарного модуля в Национальном корпусе калмыцкого языка // Научное наследие проф. А. Ш. Кичикова и актуальные проблемы современной калмыцкой филологии и культуры (Кичиковские чтения). Мат-лы регион. науч. конф., посв. 90-летию со дня рождения профессора А. Ш. Кичикова (21 декабря 2011 г., Элиста). Элиста: Изд-во Калм. гос.ун-та, 2012. С. 108–110.

Санжеев Г. Д. Лингвистическое введение в изучение истории письменности монгольских народов. Улан-Удэ: Бурятск. книжн. изд-во, 1977. 161 с.

Смирнов П. Русско-калмыцкий словарь. Казань, 1857. 127 с.

References

[The Russian-Kalmyk Dictionary of Anonymous Author (XVIII century)]. 104 p. (In Kalm. and Russ.)

Bembeev E. V. ["Early" Bilingual Dictionaries as Sources for Learning Kalmyk Vocabulary]. In: Proc. conf. (Varna; 15–20 September, 2014). V. A. Baranov, V. Zhelyazkova, A. M. Lavrent'ev (ed.). Sophia; Izhevsk, 2014. Pp. 243–246. (In Russ.)

Burykin A. A., Omakaeva E. U. [The Russian-Kalmyk Dictionary of the second half of the XVIII cent. as a Monument of Russian Kalmyk Studies]. In: [Actual Problems of Altaic and Mongolian Studies (Language and Literature)]. Conf. proc. devoted to the 400th Anniversary of the Birth of the Founder of the Oirat Script Zaya-Pandita and 390th Anniversary of the Kalmyk Voluntary Joining Russia. Part 1. Elista, 1999. Pp. 18–21. (In Russ.)

Kukanova V. V., Bembeev E. V. [Concerning the Problem of Electronic Dictionaries of the Kalmyk Language]. In: [Information Technologies and Written Heritage El'Manuscript-12]. Proc. conf. (Petrozavodsk; 3–8 September, 2012). Petrozavodsk; Izhevsk, 2012. Pp. 146–149. (In Russ.)

Mulaeva N. M. [The Russian-Kalmyk Dictionary by Parmen Smirnov as a Source of Learning the Vocabulary of the Kalmyk Language]. In: [Participation of the Kalmyks in the Strengthening of the Russian Statehood]. Conf. proc., devoted to the 1150th anniversary of the Russian Statehood and the Year of Russian History (Elista; November 29, 2012). Elista: Kalmyk Institute of Humanitarian Research of the RAS, 2012. Pp. 187–191. (In Russ.)

Ochirova N. Ch. ["Early" Kalmyk Dictionaries and Modern Information Technologies]. In: [Participation of the Kalmyks in the Strengthening of the Russian Statehood]. Conf. proc., devoted to the 1150th anniversary of the Russian statehood and the Year of Russian History (Elista; 29 November, 2012). Elista: Kalmyk Institute of Humanitarian Research of the RAS, 2012. Pp. 183–186. (In Russ.)

Ochirova N. Ch., Kukanova V. V. [Concerning the Development of the Dictionary Module in the National Corpus of the Kalmyk Language]. In: [Scientific Heritage of Prof. A. Sh. Kichikov and Actual Issues of Modern Kalmyk Philology and Culture (Kichikov's Readings)]. Conf. proc., devoted to the 90th Anniversary of the Birth of Prof. A. Sh. Kichikov (Elista; 21 December, 2011). Elista: Kalmyk State University Publ. House, 2012. Pp. 108–110. (In Russ.)

Sanzheev G. D. [Linguistic Introduction to the History of Writing of Mongolian Peoples]. Ulan-Ude: Buryat Book Publ., 1977. 161p. (In Russ.)

Smirnov P. [The Russian-Kalmyk Dictionary]. Kazan, 1857. 127 p. (In Kalm. and Russ.)

УДК 811.581.11
ББК 81.2

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА ОБРАЩЕНИЙ В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ РЕЧЕВОМ ЭТИКЕТЕ

National and Cultural Specifics of Appellatives in Russian and Chinese Speech Etiquette

Лю Сумэй (Liu S.)[1]

[1]профессор Института русского языка Пекинского университета иностранных языков, заведующий кафедрой русского языка (Professor, Head of the Institute of Russian Language Learning at Beijing Foreign Studies University). E-mail: lsmbw@mail.ru.

Обращение является первоэлементом речевого этикета. Оно устанавливает контакт между собеседниками и определяет его тональность. В данной статье рассматривается национально-культурная специфика обращений в русском и китайском речевом этикете. Путем сопоставительного изучения автор попытался выявить трудности в изучении русских обращений для китайских учащихся. В статье представлена классификация обращений и комментарий к ней в аспекте китайского речевого этикета и русского речевого поведения.

Ключевые слова: обращение, национально-культурная специфика, русский язык, китайский язык, межкультурная коммуникация.

Appellative is one of the most important components of speech etiquette. It produces vivid expression of a certain relationship between human beings, social and national specificity of speech etiquette. According to the author, in comparison with the other components of speech etiquette, appellative has more vivid socially marked, evaluative and connotative signs, which serve the finest labels of the character of the communicators' relationship.

In this paper, the researcher examines the speech etiquette in comparative aspect, principally from the perspective of sociolinguistics. The difference in the social and cultural background of the two languages affects the usage of speech etiquette. Typical errors of Chinese students in speech etiquette are predominantly characteristics of habit and are concerned with interference. So, the study of speech etiquette in comparative aspect makes it possible to find the cause of errors of Chinese students.

Since the appellative begins a conversation and defines its basic tone between the interlocutors, it must be precisely mastered by the Chinese students in order to avoid violations of the basic rules of Russian speech etiquette. The comparison of the Russian speech etiquette with the Chinese one allows to reveal the difficulties and possible areas of interference in the verbal behaviour of Chinese students. Hence the characteristics of this article.

The article gives the classification of the Russian appellative in relation to the Chinese and points out the most difficult cases for Chinese students. The article will be helpful for those who are interested in studying Russian and Chinese appellatives.

Keywords: appellative, characteristics of national cultures, Russian, Chinese, cross-cultural communication.

Первоэлементом речевого этикета является обращение. Оно устанавливает контакт между собеседниками и определяет его тональность. Широко известно, что в преподавании русского языка как иностранного «речевой этикет занимает важное место, так как познание учащимися правил речевого поведения не менее важно, чем познание законов языка» [Формановская 1986: 15]. Исследователь отмечает: «Большие трудности вызывает обращение к русским, особенно по имени и отчеству, и многое другое, поэтому внимание к национальной специфике речевого этикета должно быть постоянным» [Формановская 1984: 13].

Обращению как способу называния адресата речи следует уделять особое внимание, ибо таких способов в современном русском языке существует огромное количество, «а выбор оптимального варианта обращения вызывает значительные трудности не только у иностранных учащихся, но и у носителей языка» [Щукин 2012: 305].

В данной статье рассматривается русское обращение в зеркале китайской культуры. Мы считаем, что особенности обращения по-русски должны быть точно усвоены нашими учащимися во избежание нарушений основных правил русского речевого этикета, поэтому путем сопоставительного изучения попытаемся выявить возможные зоны интерференции в русской речи китайских учащихся.

С лингвистической точки зрения, обращение — это «слово или сочетание слов, называющее лицо, к которому обращена речь» [Розенталь, Голуб, Теленкова 1994: 465]. Обращение имеет много функций. «Одной из основных функций обращения является социально-регулятивная, содержание которой определяется зависимостью выбора обращения от статуса и социальных ролей коммуникантов, отношений между ними, места и обстановки речевого акта» [Рыжова 1981: 76].

В речевом акте обращения используются для нескольких целей. «Во-первых, они выделяют адресата речи, и это очень важное их применение. Во-вторых, обращения имеют этикетное значение. Они предлагают адресатам общаться в определенном тоне, соблюдая определённые отношения» [Гольдин 1983: 76]. Под речевым же этикетом здесь понимаются выработанные обществом правила речевого поведения, национально специфичные, «но в то же время исторически изменчивые» [Формановская 1982: 4].

Как в русском, так и в китайском языке фонд обращений изменяется, поскольку обращение как важный компонент речевого этикета является продуктом развития общества. Обращение тесно связано с экстралингвистическими факторами, в частности, отношениями между людьми и социальным положением коммуникантов.

По мере развития общества одни обращения сменяются другими. То, что раньше считалось общепринятым, становится неприличным [Соловьев 1994: 7]. Например, в России “гражданин”, как заимствованное обращение, после Великой французской революции стало быстро распространяться. А в начале XX века, особенно после Октябрьской революции, в общее употребление вошло обращение “товарищ”, заменив такие обращения, как “ваше благородие”, “сударь”, “господин”, и др. Однако в последние десятилетия произошли изменения: теперь обращения “гражданин”, “товарищ” употребляются очень редко, так как они уже не отвечают потребностям обиходно-бытовой жизни. Вместо них носители языка часто используют нулевые формы обращения “простите”, “извините”.

В 1950-е гг. в Китае обращение *тунчжи* ‘товарищ’ стало общеупотребительным, заменив такие обращения, как *сяоцзе* ‘барышня’, *сяньшен* ‘господин’, *тайтай* ‘госпожа’, и др. В 1960–1970-хх гг., во время “культурной революции”, обращение *тунчжи* ‘товарищ’ приобрело яркую политическую окраску, став маркером “врагов” и “своих”. Не зная классовой позиции собеседника, невозможно было употребить по отношению к нему *тунчжи* ‘товарищ’. В настоящее время *тунчжи* ‘товарищ’ употребляется все меньше, со свойственным ему официальным оттенком. Взамен него часто используется спорное обращение *шифу* ‘мастер’. Первоначально оно употреблялось в рабочей среде, но теперь часто можно слышать его по отношению ко многим. На наш взгляд, этому обращению, не имеющему русского эквивалента, свойственен оттенок просторечия. На нынешнем этапе развития общества обращения *сяозце* ‘барышня’, *сяньшэн* ‘господин’ снова вошли в употребление. Эти обращения не носят официального оттенка, как *тунчжи* ‘товарищ’, и не являются стилистически сниженными, как *шифу* ‘мастер’. Они являются вежливыми и даже изысканными обращениями. В последние годы к молодым людям обращаются также *мэйнюй* ‘красавица’, *шуайгэ* ‘красавец’, что вызывает положительное восприятие адресата.

Анализ показывает, что в обоих языках официальные обращения (“гражданин”, “товарищ” и др.) меняются быстрее, чем неофициальные, так как они тесно связаны с социальными и политическими факторами, а неофициальные обращения (обращения родства, обращения-отношения) меняются медленнее, потому что семейная структура и родственные отношения между людьми относительно стабильны. В настоящей работе мы ограничимся только современным употреблением обращений.

В результате выборочного анализа на основе классификации русских обращений Н. И. Формановской [Формановская 1987: 68] нами установлены 8 групп речевой адресации.

1. Нулевые обращения

Неизбирательные способы привлечения внимания без номинации адресата: “простите”, “извините”, “будьте добры”, “будьте любезны”, “скажите, пожалуйста…”, “послушай”, “эй” и др.; *дуйбуци* ‘простите’, *лаоцзя* ‘будьте любезны’, *цинвэнь* ‘скажите, пожалуйста’, *вэй* ‘послушай’ и др.

2. Наименее избирательные способы номинации адресата, применимые почти к любому незнакомому человеку: “господин”, “гражданин” и др.; *тунчжи* ‘товарищ’, *сяньшэн* ‘господин’, *сяоцзе* ‘барышня’, *шифу* ‘мастер’ и др.

3. Обращения по признаку возраста и пола: “мальчик”, “девочка”, “молодой человек”, “юноша”, “парень”, “малый”, “девушка”, “женщина”, “мужчина”, “мужик”, “старик”, “старуха”, “ребята”, “дети” и др.; *сяохай* ‘мальчик’, *сяогунян* ‘девочка’, *сяохоцзы* ‘парень’, *гунян* ‘девушка’, *хайцзымэнь* ‘дети’ , *лаотоуэр* ‘старик’, *лаотайтай* ‘старуха’ и др.

4. Обращения по признаку профессии, должности, положения и т. д. адресата: “профессор”, “доктор”, “сестра”, “сержант”, “лейтенант” и др.; *сяочжан* ‘директор школы’, *лаоши* ‘преподаватель’, *цзинли* ‘заведующий’, *шоучжан* ‘начальник’ и др.

5. Обращения родства: “папа”, “мама”, “дедушка”, “бабушка”, “тётя”, “дядя”, “сынок”, “дочка”, “папаша”, “мамаша” и др.; *баба* ‘папа’, *мама* ‘мама’, *ее* ‘дедушка’, *найнай* ‘бабушка’, *шушу* ‘дядя’, *и* ‘тётя’, *гэгэ* ‘старший брат’, *цзецзе* ‘старшая сестра’, *дама* ‘мамаша’, *дае* ‘папаша’ и др., которые подразделяются на:

1) обращения родства по отношению к родственникам;

2) обращения родства по отношению к знакомым;

3) обращения родства по отношению к незнакомым.

6. Обращения по имени: “Алексей Петрович”, “Вася”, “Наташенька”, “Маруська”, “Петров”, “товарищ Иванов”, “Николаева” и др.; *Ван Ин* ‘Ван Ин’, *Лао Лю* ‘старина Лю’, *Сяо Лю* ‘маленький Лю’ и др.

7. Обращения-дескрипции: “женщина с ребенком”, “в красном”, “середина”, “борода” и др.; *баосяохайдэтунчжи* ‘товарищ с ребёнком’, *бэйшубаодэ* ‘с сумкой’, *чуаньхунъифудэ* ‘в красном’ и др.

8. Обрашения-отношения: “дорогой”, “милый”, “друг”, “голубчик”, “браток”, “моя лапочка”, “моя сладкая”, “касатушка”, “красавица” и др.; *циньайдэ* ‘дорогой’, *пэнъио* ‘друг’, *лаосюн* ‘брат’, *баобэр* ‘золотко’ и др.

Сопоставительное исследование показывает, что в обращениях безусловно отражается национально-культурная специфика народа, его отношение к окружающему миру. На наш взгляд, различия в употреблении обращений в русском и китайском языках и причины их расхождения заключаются в следующем.

Во-первых, набор обращений в двух языках далеко не тождественен. Если признать принятую нами классификацию обращений общей для обоих языков, то в составе каждой группы обращений заметна большая разница.

Отметим содержательные различия. Китайцы по традиции обращают большое внимание на родственные отношения, поэтому в китайском языке функционирует гораздо более сложная и разветвленная система обращений родства, строго разграничивающая, в частности, наименования родственников со стороны отца и со стороны матери и различающая их по старшинству. Так, русское обращение “дядя” (брат отца или матери, муж тети) в китайском языке соответственно отождествляется не менее чем с пятью наименованиями родственников: “дядя” = *бобо* ‘старший брат отца’, *шушу* ‘младший брат отца’, *цзюцзю* ‘брат матери’, *гуфу* ‘муж сестры отца’, *ифу* ‘муж сестры матери’.

Кроме того, китайцы уделяют большее внимание и социальной иерархии, социальному положению собеседника. В китайском социальном узусе вообще нет такой унифицированной вежливой формы обращения к взрослому адресату, как “имя-отчество” в русском языке. Для китайского этикета характерно обращение по признаку профессии, должности, положения. В официально-деловой обстановке данная формула является одной из самых адекватных. В качестве обращения часто выступают такие номинации, как *цзяолянь* ‘тренер’, *бяньцзи* ‘редактор’ и др. Интересно отметить, что в данных случаях китайское слово *фу* ‘заместитель’ перед названием должности часто опускается. *Фусичжужень* ‘замдекана’ превращается в обращение *сичжужень* ‘декан’, что воспринимается как более вежливое и угодливое обращение.

Кроме того, как и во многих странах, в Китае «обращение “профессор” может употребляться не только к лицам, имеющим это научное звание» [Афанасьев 1998: 19], но и ко всем преподавателям.

В русском же языке меньше обращений родства, обращений по признаку профессии, должности и положению адресата, зато значительно распространены виды обращений по имени, по признаку возраста и пола, обращения-отношения и т. п. В результате этого в обоих языках отмечается большое количество неэквивалентных обращений.

Во-вторых, есть формальные различия. Грамматическая структура русского языка отражается и в употреблении обращений. Так, наличие категории рода предъявляет конкретные требования к выбору обращений (“дорогой — дорогая”), тогда как в китайском языке для данных пар существует только одна соответствующая форма *циньайдэ* ‘дорогой’ — ‘дорогая’.

Наличие в русском языке различных суффиксальных обращений создает большие возможности для расширения гаммы их оттенков. Так, от одного и того же имени можно образовать многие формы обращений — “Виктор”: “Витя”, “Витенька”, “Витюша”, “Витюшенька”, “Витька” и т. п. Тогда как на китайском языке подробные оттенки трудно передать.

В-третьих, обращения в двух языках часто различаются в стилистическом аспекте. Например, в русском языке обращение по имени, нередко в его сокращенной форме (“Витя”, “Катя”), является стилистически нейтральным и не имеет дополнительных оттенков (интимности, ласкательности и т. п.) — так может обращаться и преподаватель к студентам. В китайском же языке имя как обращение часто употребляется в кругу семьи, среди близких друзей. В данном случае эта форма носит интимно-ласкательный оттенок. Сфера употребления этой формы в китайском языке гораздо уже, чем в русском языке. Там, где русские обращаются по имени, скажем, к товарищу и коллеге, китайцы используют форму “фамилия + имя”. И случается так, что обращение русского преподавателя к китайским студентам по имени, обусловленное интерференцией русского этикета, для китайцев звучит слишком интимно.

В-четвертых, большая часть обращений различается в узуальном плане. Например, в России в сфере бытового обслуживания к продавщицам, официанткам и другим работницам обращаются со словом “девушка” почти безотносительно к возрасту. Такое употребление в китайском языке недопустимо. По этой причине китайские учащиеся часто не рискуют применять это обращение в подобной ситуации.

В-пятых, в русском языке наблюдается большая свобода выбора обращений по сравнению с китайским. Помимо нормативных обращений нередко употребляются индивидуальные, окказиональные образования, что совершенно не свойственно китайскому языку. Особенно ярко это видно на примере обращений-отношений, когда оттенок ласкательности передается с помощью целого ряда свободно варьируемых обращений типа “моя лапочка”, “солнышко”, “ягодка”, “моя красивая” и др. (при обращении мужа к жене). Причина, по нашему мнению, заключается в том, что русским более свойственно непосредственное выражение чувства в речи, китайцы же в этом отношении более сдержанны. Кроме того, русским адресантам свойственно посредством обращений прямо выражать свое отношение к адресатам, поэтому при общении переход от одной формы обращения к другой зачастую свидетельствует об изменении отношений между говорящими, что в китайском языке встречается очень редко. Китайские обращения между определенной парой коммуникантов более стабильны и строго иерархизированы.

На основе сопоставительного рассмотрения специфики обращений в русском и китайском языках нами установлены три группы межъязыковых соответствий.

1. Полноэквивалентные обращения: “доктор” = *дайфу* ‘доктор’, “мама” = *мама* ‘мама’, “молодой человек” = *сяохоцзы* ‘молодой человек’ и др. Например, в русском и китайском речевом этикете к медицинскому персоналу в больнице обращаются одинаково.

2. Неполноэквивалентные обращения:

В русском языке обращение “девушка” = *гунян* ‘девушка’, *шоухоюань* ‘продавщица’, *фуъуюань* ‘официантка’ и другие в китайском языке.

Другой случай: в русском языке обращение по фамилии применяется в асимметричной ситуации делового общения — со стороны старшего к младшему. Иногда учитель так обращается к ученику. А в ки-

тайском речевом этикете обращение по фамилии применяется широко, но не самостоятельно, а с такими дополнениями, как *сяо* ‘маленький’, *лао* ‘старый’. Обе формы имеют дружеский оттенок, и потому не употребительны в строго официальных ситуациях. *Сяо* ‘маленький’ + фамилия: эта форма обычно применяется по отношению к младшим или равным по возрасту или по положению (среди людей молодого и среднего поколения). В подобных ситуациях русские часто обращаются по имени. *Лао* ‘старый’ + фамилия: эта форма обычно применяется по отношению к старшим или равным по возрасту или по положению (среди людей среднего и старшего поколения).

3. Неэквивалентные обращения: “женщина”, “ягодка”, “Иван Петрович” и др.; *шифу* ‘мастер’, *лаоши* ‘преподаватель’, *бучжан* ‘министр’ и др.

Например, в русском речевом этикете невестка или зять обычно обращаются к родителям мужа или жены по имени и отчеству, а в китайском речевом этикете здесь обязательны обращения *баба* ‘папа’ и *мама* ‘мама’.

Другой пример: китайские студенты, руководствуясь опытом общения на своем родном языке, обращаются на занятиях к преподавателю по имени или используют в качестве обращения слово “преподаватель”, «что, как известно, принято в ряде стран, но не принято в русском узусе» [Аминова 1987: 76].

По нашему мнению, наибольшая трудность для китайских студентов заключается в использовании неполноэквивалентных обращений, представление о которых смешивается с узусом, существующим в родном языке. Именно здесь часто наблюдается интерференция, когда китайцы используют обращения согласно привычке, выработавшейся в родном языке.

Как считает Н. И. Формановская, типичные ошибки иностранцев в речевом этикете «носят преимущественно узуальный характер и связаны с интерференцией» [Формановская 1982а: 111]. Приведем пример: в некоторых наших учебных диалогах, воспроизводящих русскую действительность, иногда встречаются ошибки такого рода:

– Здравствуйте, тётя!

– Здравствуйте, девушка! Вы кто?

– Я аспирантка, подруга Наташи. Наташа дома?

– Нет, на работе.

– Спасибо, тётя. До свидания.

В данном диалоге обращение “тётя” явно нарушает русский этикет, в то время как, будучи перенесенным в китайскую действительность, оно было бы вполне этикетным и коммуникативно оправданным. Естественно, что употребление этого обращения является свидетельством интерференции в рамках речевого поведения.

Одним словом, «в речевом этикете отражаются обычаи и традиции народа» [Формановская 1992: 3]. Р. Белл в книге «Социолингвистика» об изучении обращения пишет следующее: «Крайне необходимы исследования, посвященные сравнению и сопоставлению таких социальных систем, как широкие и полные смысла различия, передаваемые приемами обращения, используемыми разными языками и речевыми коллективами... Часто указывалось, что “иностранность” говорящих на втором языке непосредственно проистекает из неспособности постигнуть и использовать социальные правила этого рода, очевидно, главной целью преподавателя языка должно быть уменьшение элементов “чужеземного” поведения его учащихся» [Белл 1980: 297].

Таким образом, при анализе употребления форм обращения в узуальном аспекте возможны и необходимы комментарии в разных аспектах — с позиций социолингвистики, грамматики, стилистики, лингвострановедения, прагматики и т. п., с тем чтобы китайские учащиеся ясно понимали, какой оттенок свойственен данному обращению, в какой ситуации и как его надо употреблять.

Литература

Аминова Н. Н. Обращения, выраженные формами собственного имени, в аспекте обучения русскому языку как иностранному // Русский язык за рубежом. 1987. № 3. С. 76–79.

Афанасьев И. В. Деловой этикет. Киев: Альтерпрес, 1998. 320 с.

Белл Р. Социолингвистика. Пер. с англ. М.: Междунар. отношения, 1980. 320 с.

Гольдин В. Е. Речь и этикет. М.: Просвещение, 1983. 109 с.

Розенталь Д. Э., Голуб И. Б., Теленкова М. А. Современный русский язык. М.: Междунар. отношения, 1994. 559 с.

Рыжова Л. П. Коммуникативные функции обращений // Семантика и прагматика синтаксических единств. Калинин: Изд-во Калинин. ун-та, 1981. 124 с.

Соловьёв Э. Я. Этикет делового человека. Минск: Асар, 1994. 95 с.

Формановская Н. И. Вы сказали: "Здравствуйте!" Речевой этикет в нашем общении. М.: Знание, 1982. 157 с.

Формановская Н. И. Речевой этикет. М.: Выс. шк., 1992. 143 с.

Формановская Н. И. Русский речевой этикет. М.: Рус. яз., 1987. 158 с.

Формановская Н. И. Русский речевой этикет в зеркале чешского. М.: Рус. яз., 1986. 237 с.

Формановская Н. И. Русский речевой этикет: лингвистический и методический аспекты. М.: Рус. яз., 1982а. 122 с.

Формановская Н. И. Употребление русского речевого этикета. М.: Рус. яз., 1984. 193 с.

Щукин А. Н. Обучение речевому общению на русском языке как иностранном. М.: Рус. яз., 2012. 783 с.

References

Afanasyev I. V. [Business Etiquette]. Kiev: Alterpres, 1998. 320 p. (In Russ.)

Aminova N. N. [Appeals Expressed by Proper Name Forms in Aspect of Teaching Russian as a Foreign Language]. *Russian Language Abroad*. 1987. No. 3. Pp. 76–79. (In Russ.)

Bell R. [Sociolinguistics]. Moscow: International Relations, 1980. 320 p. (In Russ.)

Formanovskaya N. I. [Russian Speech Etiquette in a Czech Mirror]. Moscow: Rus. jaz., 1986. 237 p. (In Russ.)

Formanovskaya N. I. [Russian Speech Etiquette: Linguistic and Methodological Aspects]. Moscow: Rus. jaz., 1982a. 122 p. (In Russ.)

Formanovskaya N. I. [Russian Speech Etiquette]. Moscow: Rus. yaz. 1987. 158 p. (In Russ.)

Formanovskaya N. I. [Speech Etiquette]. Moscow: Vys. shk. 1992. 143 p. (In Russ.)

Formanovskaya N. I. [Usage of Russian Speech Etiquette]. Moscow: Rus. yaz. 1984. 193 p. (In Russ.)

Formanovskaya N. I. [You Said: "Hello!" Speech Etiquette in our Communication]. Moscow: Znanie, 1982. 157 p. (In Russ.)

Goldin V. E. [Speech and Etiquette]. Moscow: Prosveshchenie, 1983. 109 p. (In Russ.)

Rosenthal D. E., Golub I. B., Telenkova M. A. [The Modern Russian Language]. Moscow: International Relations, 1994. 559 p. (In Russ.)

Ryzhova L. P. [Communication Functions of Appeals]. In: [Semantics and Pragmatics of Syntactic Unities]. Kalinin: Kalinin University Publ. House, 1981. 124 p. (In Russ.)

Shchukin A. N. [Teaching Speech Communication in Russian as a Foreign Language]. Moscow: Rus. yaz., 2012. 783 p. (In Russ.)

Solovyov E. Ya. [Etiquette of a Businessman]. Minsk: Asar, 1994. 95 p. (In Russ.)

УДК 811.512.37
ББК 81.2-3

ТЕМПОРАЛЬНАЯ ЛЕКСИКА В КАЛМЫЦКОМ ГЕРОИЧЕСКОМ ЭПОСЕ «ДЖАНГАР» И ПРОБЛЕМЫ ЕЕ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО ОТРАЖЕНИЯ

Temporal Lexis in the Kalmyk Heroic Epic *Dzhangar* and the Issues of its Lexicographic Reflection

Э. У. Омакаева (E. Omakaeva)[1]

[1] кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела теоретической и экспериментальной лингвистики Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Ph.D. of Philology, Associate Professor, Senior Scientist of the Theoretical and Experimental Linguistics Department at the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS). E-mail: elomakaeva@mail.ru.

В статье на основе текстов калмыцкого героического эпоса «Джангар» рассматриваются базовые именные номинации отрезков времени, описываются их значения в рамках тематических групп существительных с временной семантикой и репрезентативность в эпическом тексте.

Ключевые слова: калмыцкий эпос «Джангар», время, темпоративы, именная лексика, эпический текст, семантика.

Although sharing typological features, the category of time proves itself in different ways in relation to different cultures and languages, revealing the character of national mental outlook and the value system of the ethnicity. The language and imagery of Kalmyk epic reveal to the fullest extent the Kalmyk idea of time in conjunction with philosophical and cultural conceptualization, spiritual and religious comprehension, as well as with ethic and aesthetic appraisal. Research of the time pattern in the Kalmyk language, based on the words denoting time periods, leads to the conclusion that many temporal lexemes are parts of so-called formulas, invariables in the story-teller's memory. This is one of the numerous manifestations of the oral nature of an epic text. The 'naïve' model of time in an epic can be reconstructed through the semantic interpretation of Kalmyk (Oirat) temporal lexis, fixed in the texts of songs. Analysis of temporal words and expressions in different songs of the Kalmyk heroic epic *Dzhangar*, represented by diverse local traditions, variants, and repertoires of story-tellers, revealed the following topic groups: common denomination of time (*tsag* /'period'; 'epoch'; 'time'), denomination of repeated cyclic long periods of time (*dzhil'* / 'year', *dzhil'in tsag* / 'season', *sar* /'month'), denomination of major parts of the day (*yedr* / 'daytime', *sye* / 'night').

Keywords: the Kalmyk epic "Dzhangar", time, temporatives, nominal lexis, epic text, semantics.

Проблема времени всегда интересовала исследователей самых различных областей человеческого знания. Базисность данной категории заключается в том, что она играет основополагающую роль для формирования картины мира. Как пишет В. Б. Касевич, «время входит в ментальный тезаурус человека в силу отвлечения от процессов, движения» [Касевич 1996: 138]. Движение здесь понимается широко: как не только перемещение предметов, но и циклические природные изменения, сопровождающие жизнедеятельность человека.

Будучи одной из фундаментальных категорий человеческого бытия и культуры, категория времени является объектом изучения различных областей гуманитарной науки. Различные аспекты времени рассматриваются современным американским исследователем Энтони Авени [Aveni 1990; Авени 1998], в частности, вопросы биоритмологии, происхождения и развития западного календаря, в том числе понятия о годе и о системах счета времени у исчезнувших народов Центральной Америки (майя, ацтеков, инков), освещается история календарных систем древнего Китая.

Многоаспектностъ времени, таким образом, исключает односторонний подход к нему только как к философской категории. Можно предположить, что синтез различных подходов и опора на источники разного типа, включая фольклорные (эпический текст), поможет хотя бы отчасти приблизиться к разгадке времени как ключевого понятия человеческого бытия.

Не случайно все чаще раздаются призывы к созданию междисциплинарной науки, которую Дж. Фрэзер предлагает назвать “хронософией” (хронометрия, темпология – в терминологии других ученых). Отмечая сложность рассматриваемого феномена, он пишет: «Время есть симптом или коррелят структурной и функциональной сложности материи» [Fraser 1982: 1].

Представления о времени в значительной степени определены культурой этноса, вместе с тем, этническая специфика восприятия времени оказывает влияние на поведение членов социума. Этнический аспект данного вопроса изучался Л. Н. Гумилевым [1970]. Проблемы осмысления и исчисления времени связаны со способами счета дней, недель, месяцев и лет, с оценкой возраста человека, роли времени суток и сезонов в хозяйственной деятельности, в быту и культуре, с временной приуроченностью обрядов.

Актуальность лингвистического исследования категории времени в эпическом тексте определяется необходимостью совершенствования на конкретном материале методов анализа лексической репрезентации базовых темпоральных понятий. В семантической структуре любого языка имеется семантическое поле времени, которое объединяет темпоральные лексические единицы и грамматические формы, внутренняя структура которого представляет собой различные оппозиции. Внешняя же структура поля времени определяется его связями с другими семантическими полями.

Темпоральная лексика на материале русского и ряда других языков освещается в работах отечественных ученых, в частности, Н. А. Потаенко [1979, 1987], М. А. Кронгауза [1989], Е. С. Яковлевой [1994] и др. Модели времени, представленные в разных языках, культурах и видах дискурса (фольклоре, поэзии, художественной прозе), стали объектом изучения одного из выпусков «Логического анализа языка» [1997].

Проблеме определения и трактовки феномена времени в языке и культуре монгольских народов посвящено немало работ, хотя проблема темпоральности в целом исследовалась значительно реже, чем проблема локативности (пространства). Время в мировоззрении и культуре монгольских народов невозможно рассматривать вне связи с пространством. Время неосязаемо, неконкретно, оно растворилось в пространстве [Нанзатов и др. 2008: 36]. Человек прежде всего ощущает себя в пространстве, а потом уж во времени. “Время обычно рассматривалось как некая упорядочивающая схема, подобная пространству, но проще его, так как имеет лишь одно измерение” [Рейхенбах 1985: 129].

Большой вклад в сравнительно-историческое и типологическое изучение образа времени у разных, в том числе монгольских, народов на разных этапах развития внесли ученые-этнологи, историки культуры [Гуревич 1969; Жуковская 1986 и др.], касаясь в определенной мере и этнолингвистического аспекта.

Темпоративы в определенной степени уже рассматривались калмыцкими лингвистами в работах, посвященных лексической реализации концепта «время» в языке в целом и эпическом тексте, в частности [Тодаева 1976; Пюрбеев 1993; 1997; Есенова 2006; Омакаева 2008; 2009; Салыкова 2007; Голубева 2009; Salykova, Omakaeva, Alexeeva 2014].

Чтобы получить представление о том, как носители языка (калмыки) воспринимают тот или иной фрагмент окружающей действительности (в данном случае – временной), необходимо выявить прежде всего состав лексических единиц. “Наивная” модель эпического времени может быть реконструирована путем семантической интерпретации калмыцкой (ойратской) темпоральной лексики, зафиксированной в текстах эпических песен.

Темпоральная семантика реализуется в лексемах, относящихся к различным частям речи. Поскольку лексемы со значением времени семантически и грамматически неоднородны, то в составе семантического поля времени мы выделяем следующие лексико-грамматические разряды: 1) субстантивные (имена существительные и их местоименные субституты); 2) адвербиальные (наречия); 3) предикативные (глаголы); 4) атрибутивно-предикативные (прилагательные).

Полное описание семантического поля времени в эпической картине мира требует анализа всех лексических средств, репрезентирующих темпоральную концептосферу в фольклорном дискурсе, что вряд ли можно осуществить в рамках одной статьи. Поэтому мы ограничились рассмотрением нескольких, наиболее часто встречающихся в эпическом тексте ключевых именных лексических единиц с временной семантикой,

в частности, с темпоральным значением меры времени.

Примеры приводятся из текстов разных локальных версий эпоса «Джангар» и отдельных репертуаров сказителей с указанием в круглых скобках сокращенного названия версии, после пробела — номера песни (арабской цифрой) и после неразрывного дефиса — номера строки, например: (ЭО 1–5).

Главным средством передачи временных отношений в эпосе являются глагольные формы. Кроме того, в обслуживании временной сферы также используются падежные формы, послелоги и наречия. Информация о времени передается, таким образом, в типичном случае грамматическими средствами: временная информация закодирована во временных формах глагола.

Наибольшая точность временной ориентации достигается с помощью субстантивного обозначения, поэтому нами рассматриваются именные номинации отрезков времени. Необходимо также отметить, что именные и наречные темпоральные лексемы очень близки друг к другу. Их близость проявляется в том, что исходной единицей для образования наречий времени в большинстве случаев послужили субстантивные лексемы (*өдр* ‘день’, *сө* ‘ночь’ и др.); специализация субстантивных имен в роли обстоятельств приводит к их переходу в разряд наречных (өрүн/өрүһәр ‘утро/утром’).

В языке эпоса наблюдается так называемая спациализация времени: временные отношения трактуются как разновидность пространственных. Часто послелоги имеют двойную (спациально-темпоральную) семантику, например: *өмн* “впереди/до, раньше”, что говорит об исконности пространственных представлений и вторичности (метафоричности) временных. Во втором случае мы имеем метафорическое уподобление соотношения человека и времени передвижению в пространстве: *Арвн тавн сара һазр гинәл* (БЦ 3–1412) ‘Говорят, что это место в 15 месяцев пути’.

Следует отметить, что темпоральная лексема *сар* имеет омоним *сар* ‘луна, месяц’: *сар, нарнла наадад* ‘играя с месяцем и солнцем’ (ЭО 6–71).

Для эпоса традиционно характерна некоторая расплывчатость временных ориентиров: мы не встречаем здесь точных дат, названий дней недели и месяцев (за некоторым исключением), что подтверждается следующими примерами:

Тер җилин, тер сарин тер өдр (ДШ 1–445). В тот день того месяца того года

Тер җилин, тер сарин тедүдгч өдр В такой-то день того месяца того года

(ДШ 1–550).

Можно выявить несколько уровней семантики имени *цаг* ‘время’ — ядра семантического поля. Время может быть годовым, сезонным, месячным, декадным, недельным, суточным, дневным и ночным.

Годовое время представлено лексемой *җил* ‘год’, год делится на 12 месяцев:

Җилин арвн хойр сардан 12 годовых месяцев

Гүүлгәд оркв (ДШ 1–205). Мчался.

Каждый календарный год делится на несколько сезонов, обычно четыре (дөрвн цаг: үвл/зима, хавр/весна, зун/лето, намр/осень). Хотя в эпосе фигурируют все четыре лексемы, не до конца ясно, является ли такое деление исконным или же в древности было бинарное деление на два сезона. В эпосе в выражениях *үвл уга зун болв, үвл уга хаврин кевәр, зун уга намрар* актуализируется связь осени с летом, а весны — с зимой.

Большое значение придавалось такой фазе лунного месяца, как полнолуние: *арвн тавна сар (*полнолуние, т.е. пятнадцатые лунные сутки*)*.

Өдр/день является основной единицей измерения времени. Основное значение слова (‘период времени от восхода до заката солнца’, т.е. световой период времени) связано с обозначением света, но это не столько часть суток между утром и вечером в современном понимании, сколько день как противоположность ночи, т.е. светлое время в отличие от темного времени.

Особый интерес вызывает суточное время [Цэдэнжав 2006]. Время в течение суток определяли по астрономическому положению солнца, которое являлось основным

пространственно-временным ориентиром: *һал үдин аңхнд (*в самый полдень*); өр цәәтл (*до рассвета*); өрүнднь өрлә босад (*встав рано утром на рассвете*).*

Темпоративы *цаг* ‘время’, *үй* ‘период’, *хонг* ‘сутки’ входят в состав формул — так называемых констант в памяти сказителя:

Кесг ***цагтан,***	Длительное время,
Кесг ***үйдән,***	Длительный временной период
Долан долан	Семью-семь
Дөчн йисн ***хонгтан*** (БО 6–554).	Сорок девять суток

Анализ темпоральных слов и выражений на материале различных песен калмыцкой версии героического эпоса «Джангар», представленной разными локальными традициями, вариантами и репертуарами сказителей, позволил выделить следующие тематические (лексико-семантические) группы: общие названия времени (*цаг*/период, эпоха, пора), наименования циклически повторяющихся крупных отрезков времени (*җил*/год, *җилин цаг*/сезон, *сар*/месяц), названия основных частей суток (*өдр*/день, *сө*/ночь).

Исследование языковой модели времени в калмыцком языке на материале слов, обозначающих временные промежутки, позволяет сделать вывод о том, что многие темпоральные лексемы в эпическом тексте представлены именами существительными, называющими ограниченные временные периоды. При этом слово может обозначать более крупный временной отрезок, содержащий в себе определенное количество более мелких единиц. Темпоральная лексика как важная составляющая лексического фонда калмыцкого эпоса носит общемонгольский характер.

При наличии типологических черт категория времени по-разному предстает в разных культурах и языках, раскрывая характер народного мировидения и систему ценностных ориентиров этноса. В языке и художественных образах калмыцкого эпоса нашли наиболее полное выражение представления калмыков о времени в единстве философского и культурного осмысления, духовно-религиозного понимания и нравственно-эстетической оценки.

Перспективой данной работы может стать дальнейшее исследование категории времени на основе более широкого фактического материала. Расширение материала возможно за счет подключения контекстов из других фольклорных жанров, литературных произведений писателей и поэтов и иных текстов. Другим перспективным направлением можно считать более подробный анализ особенностей языковой репрезентации временного сегмента фольклорной версии языковой картины мира в текстах других фольклорных жанров и идиолекте каждого отдельного сказителя, а также выявление эквивалентной темпоральной лексики в разных лингвокультурах с выделением группы безэквивалентных темпоральных лексем и определением способов их перевода на другой язык.

Сокращения

1. БЦ — Багацохуровская версия;
2. ЭО — цикл песен Ээлян Овла;
3. ДШ — репертуар Давы Шавалиева;
4. БО — репертуар Бадмы Обушинова.

Литература

Авени Э. Империи времени. Календари, часы и культуры / пер. с англ. Киев: София, 1998. 384 с.

Голубева Е. В. Калмыцкие культурные концепты. Элиста: изд-во КалмГУ, 2009.

Гумилев Л. М. Этнос и категория времени // Доклады отделений и комиссий Географического общества СССР. Вып. 15. Этнография. Л., 1970. С. 143–157.

Гуревич А. Я. Время как проблема истории культуры // Вопросы философии. 1969. № 3. С. 105–116

Есенова Т. С. Концепт “время” в поэтической картине мире // Русская речь в инонациональном окружении. Вып. 3. Элиста: изд-во Калм ГУ, 2006. С. 130–137.

Жуковская Н. Л. Пространство и время в мировоззрении монголов // Мифы, культы, обряды народов зарубежной Азии. М., 1986. С. 118–135.

Касевич В. Б. Буддизм. Картина мира. Язык. СПб.: Центр «Петербург. востоковед.», 1996. 288 с.

Кронгауз М. А. Время как семантическая характеристика имени // Вопросы кибернетики. Семиотические исследования. М., 1989. Вып. 159. С. 4–18.

Логический анализ языка: Язык и время. М.: Индрик, 1997. 351 с.

Нанзатов Б. З., Николаева Д. А., Содномпилова М. М., Шагланова О. А. Пространство в традиционной культуре монгольских народов М: Издат. фирма «Вост. лит.», 2008. 341 с.

Омакаева Э. У. О модели времени в языковой картине мира монгольских народов Россия и Центральная Азия: историко-культурное наследие и перспективы развития. Мат-лы междунар. науч.-практ. конф. Ч. I. (г. Элиста, 13–14 сентября 2006 г.). Элиста: КИГИ РАН, 2008. С. 13–21.

Омакаева Э. У. Время // Калмыцкие и русские лингвокультурные концепты. Элиста: Изд-во КалмГУ, 2009. С. 90–103.

Потаенко Н. А. Темпоральная лексика как объект лингвистического изучения // Известия АН СССР: серия лит. и яз. 1979. Т. 38. № 3. С. 242–248.

Потаенко Н. А. Время в языке (опыт комплексного описания) // Логический анализ языка. Язык и время. М.: Индрик, 1997. С. 113–121.

Пюрбеев Г. Ц. Время и пространство в языковом сознании монголов: способы и средства обозначения // VII Междунар. конгресс монголоведов. М.: Наука, 1997. С. 142–144.

Пюрбеев Г.Ц. Эпос «Джангар»: культура и язык (этнолингвистические этюды). Элиста: Калм. кн. изд-во, 1993. 128 с.

Рейхенбах Г. Философия пространства и времени. М.: Прогресс, 1985. 345 с.

Салыкова В. В. Лексико-стилистические особенности языка синьцзян-ойратской и калмыцкой версий эпоса «Джангар»: автореф. дис. … канд. филол. наук. Элиста, 2007. 33 с.

Тодаева Б. Х. Опыт лингвистического исследования эпоса «Джангар». Элиста: Калм. кн. изд-во, 1976. 530 с.

Цэдэнжав Д. Традиционное монгольское исчисление времени по отрезкам суток в русском переводе // Трансграничье в изменяющемся мире: Россия – Китай – Монголия: мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. Чита: ЗабГГПУ, 2006. С. 44–48.

Яковлева Е. С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия) М.: Гнозис, 1994. 344 с.

Aveni A. Empires of Time: Calendars, Clocks and Cultures. London: Tauris & Co, 1990. 370 p.

Fraser J. T. The genesis and evolution of time. Brighton: The Harvester Press, 1982. 205 p.

Salykova V., Omakaeva E., Alexeeva A. Time in Kalmyk folklore discourse based on the ‘Jangar’ epic and proverbial paroemias / European Journal of Science and Theology. 2014. Vol. 10. No. 6. Pp. 79–89.

References

[Logical Analysis of Language: Language and Time]. Moscow: Indrick, 1997. 351 p. (In Russ.)

Aveni A. Empires of Time: Calendars, Clocks and Culture. Kiev: Sofia, 1998. 384 p. (In Russ.)

Aveni A. Empires of Time: Calendars, Clocks and Cultures. London: Tauris & Co, 1990. 370 p. (In Eng.)

Esenova T. S. [Concept “Time” in a Poetic Picture of the World]. In: [Russian Speech in the Multiethnic Environment]. Iss. 3. Elista: Kalmyk State University Publ. House, 2006. Pp. 130–137. (In Russ.)

Fraser J. T. The genesis and evolution of time. Brighton: The Harvester Press, 1982. 205 p. (In Eng.)

Golubeva E. V. [Kalmyk Cultural Concepts]. Elista: Kalmyk State University, 2009. (In Russ.)

Gumilev L. M. [Ethnicity and Category of Time]. In: [Reports of Departments and Commissions of the Geographical Society of the USSR]. Iss.: Ethnography. Leningrad, 1970. Pp. 143–157. (In Russ.)

Gurevich A. Ya. [Time as a Problem of History of Culture]. *Problems of Philosophy*. 1969. No. 3. Pp. 105–116. (In Russ.)

Kasevich V. B. [Buddhism. Picture of the World. Language]. St. Petersburg: Center “Petersburg. Orientalist”, 1996. 288 p. (In Russ.)

Krongauz M. A. [Time as a Semantic Characteristic of the Name]. In: [Issues of Cybernetics. Semiotic Research]. Issue of Semiotic Research. Moscow, 1989. Pp. 4–18. (In Russ.)

Nanzatov B. Z., Nikolaeva D. A., Sodnompileva M. M., Shaglanova O. A. [Space in Traditional Culture of Mongolian Peoples]. Moscow: Vost. Lit., 2008. 341 p. (In Russ.)

Omakaeva E. U. [Concerning the Model of Time in the Linguistic Picture of the Mongolian Peoples’ World]. In: [Russia and Central Asia: Historical and Cultural Heritage and Prospects of Development]. Conf. proc. (Elista; 13–14 September, 2006). Part I. Elista: Kalmyk Institute of Humanitarian Research of the RAS, 2008. Pp. 13–21. (In Russ.)

Omakaeva E. U. [Time]. In: [Kalmyk and Russian Linguocultural Concepts]. Elista: Kalmyk State University Publ. House, 2009. Pp. 90–103. (In Russ.)

Potaenko N. A. [Temporal Vocabulary as an Object of Linguistic Study]. *Bulletin of USSR Academy of Sciences*. Ser.: Lit. and Lang. 1979. Vol. 38. No. 3. Pp. 242–248. (In Russ.)

Potaenko N. A. [Time in Language (Experience of Complex Description)]. In: [Logical Analysis of Language. Language and Time]. Moscow: Indrik, 1997. Pp. 113–121. (In Russ.)

Pyurbeev G. Ts. [The Epos “Dzhangar”: Culture and Language (Ethnolinguistic Etudes)]. Elista: Kalmyk Book Publ., 1993. 128 p. (In Russ.)

Pyurbeev G. Ts. [Time and Space in Mongolian Language Consciousness: Ways and Means of Designation]. In: [VII International Congress of Mongol Studies Specialists]. Moscow: Nauka, 1997. Pp. 142–144. (In Russ.)

Reichenbach G. [Philosophy of Space and Time]. Moscow: Progress, 1985. 345 p. (In Russ.)

Salykova V. V. [Lexico-stylistic Peculiarities of the Language of the Xinjiang Oirat and Kalmyk Versions of the Epos “Dzhangar”]. Cand. Sc. thesis (Philology) abstract. Elista, 2007. 33 p. (In Russ.)

Salykova V., Omakaeva E., Alexeeva A. Time in Kalmyk Folklore Discourse Based on the ‘Jangar’ Epic and Proverbial Paroemias. *European Journal of Science and Theology*. 2014. Vol. 10. No. 6. Pp. 79–89. (In Eng.)

Todaeva B. Kh. [Experience of Linguistic Research of the Epos “Dzhangar”]. Elista: Kalmyk Book Publ., 1976. 530 p. (In Russ.)

Tsedenzhav D. [Traditional Mongolian Computation of Time by Intervals of a Day in Russian Translation]. In: [Transborder in a Changing World: Russia – China – Mongolia]. Conf. proc. Chita: Transbaikal State University, 2006. Pp. 44–48. (In Russ.)

Yakovleva E. S. [Fragments of the Russian Language Picture of the World (Models of Space, Time and Perception)]. Moscow: Gnosis, 1994. 344 p. (In Russ.)

Zhukovskaya N. L. [Space and Time in Mongol World Outlook]. In: [Myths, Cults, Rites of Peoples of Foreign Asia]. Moscow, 1986. Pp. 118–135. (In Russ.)

УДК 811.512.37
ББК 81.2-3

РЕЛИГИОЗНАЯ ЛЕКСИКА В КАЛМЫЦКОМ ГЕРОИЧЕСКОМ ЭПОСЕ «ДЖАНГАР»

Religious Lexis in the Kalmyk Heroic Epic *Dzhangar*

Н. Б. Бадгаев (N. Badgaev)[1]

[1] кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела языкознания Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Ph.D. of Philology, Researcher of Linguistics Department at the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS). E-mail: elomakaeva@mail.ru.

В статье на примере корпуса электронных текстов калмыцкого героического эпоса «Джангар» выделяются пять тематических групп религиозной лексики, которые чаще всего встречаются в эпическом тексте: наименования важнейших понятий буддизма, отражающие постулаты буддийского вероучения и нравственно-религиозной этики; лексемы, обозначающие предметы буддийского культа и культовые объекты; номинации буддийских священнослужителей; наименования буддийских обрядов и ритуалов; теонимы (имена божеств).

Ключевые слова: калмыцкий эпос «Джангар», буддийская лексика, термин, религионимы, эпический текст, семантика.

Dzhangar has a special place among texts of the folklore corpus, as it is considered to be the basic epic text of the Oirat-speaking ethnoses, having both regional and local versions. The analysis of the lexical structure of the Kalmyk version of the epic and namely of the Buddhist lexis, reflecting images of their creators regarding the religious and sacred way of life, is of great interest. It should be noted that some words posses semantically transparent meanings, whereas others bear rather deep and often non-obvious meanings, some of which are hard to understand owing to the intention of the creators of the epic itself.

In addition, the major stratum of the Buddhist lexis is composed of borrowed words coming from Sanskrit and the Tibetan language, which have gone through the process of phono-morphological assimilation and have been adjusted to the graphic and spelling norms of the receiving language.

The religious lexis presented in the epic is far from thematically homogeneous. Thematically speaking, nominations of the Buddhist religion tend to be combined into five basic groups. The specific feature of Buddhist lexis in the epic text is defined, first of all, by its composition and function, and by a complicated semantic structure as well (containing both terminological and symbolic word meanings). To reveal a special symbolic meaning containing religious semantics either of a word or a Buddhist term one can refer to background knowledge.

Keywords: the Kalmyk epic “Dzhangar”, Buddhist lexis, term, religious terminology, epic text, semantics.

Одной из специфических коммуникативных сфер является религиозная коммуникация. Как отмечают исследователи, «сфера богослужебного (религиозного) общения представляет собой коммуникативную сферу, наиболее тесно связанную с традицией, уходящей в средневековье, и потому наиболее консервативную по отношению к соблюдению традиционных норм поведения» [Современный русский язык 2003: 342].

В последнее время исследователи калмыцкого языка все чаще выделяют в его словарном составе определенные тематические и лексико-семантические группы и проводят детальное изучение особенностей семантики входящих в них лексических единиц.

В калмыцком языке, как и в других языках монгольской группы, религиозная лексика занимает особое место, поскольку буддизм составляет основу духовной культуры ряда кочевых народов Центральной Азии. Жизнь номада была связана с религией. Искренняя вера, неукоснительное следование буддийским канонам и традициям, регулярное посещение храма и участие в молебне, строгое соблюдение религиозных предписаний, постов и праздников формировали его мировоззрение и нравственные установки.

Калмыкия — одна из трех буддийских республик современной России. В последние два десятилетия после снятия религиозных запретов интерес калмыков к буддизму значительно возрос. Современная научная парадигма в буддологии характеризуется множественностью подходов, моделей и смыслов. Роль буддизма в истории и культуре этноса переосмысливается сегодня заново. Соответственно, возрастает потребность в освоении буддийской терминологии. Перед учеными стоит задача оперативного включения калмыцкой религиозной лексики, незаслуженно изгнанной из лексикографических источников и текстов СМИ в годы тоталитаризма и всеобщего атеизма, в современные словари, осмысления и разработки принципов и способов адекватного и в то же время доступного перевода и толкования сложных буддийских терминов.

Как известно, еще в начале XVIII в. был создан тибетско-монгольский терминологический словарь по буддизму — «Мэргэд гарахын орон» (Источник мудрецов). Этот словарь не раз становился объектом исследования [Дандарон, Семичов 1960; Дандарон, Пубаев 1968], сохраняя актуальность и сегодня.

Исследования буддийской лексики, в особенности терминологии, несостоятельны без глубокого изучения буддизма в целом как многомерного феномена и буддийской языковой картины мира как точки пересечения двух важнейших знаковых систем — религии и языка, который ее обслуживает. Именно слово выступает как средство обозначения реалий повседневной религиозной жизни в прошлом и настоящем, как хранитель сакральной информации и транслятор буддийских ценностей, религиозной традиции и культуры.

Буддийская терминология монографически исследовалась на материале бурятского языка [Будажапова 2000]. В ряде работ калмыцких лингвистов рассматривалось функционирование буддийской лексики в отдельных фольклорных жанрах: эпосе [Тодаева 1976; Пюрбеев 1993; Омакаева 1997; 2004; Салыкова 2007], сказке [Омакаева 1995; Бадмаева 2004].

В корпусе фольклорных текстов монгольских народов особое место занимает эпос «Джангар», который является базовым эпическим текстом ойратоязычных этносов, имеющим региональные и локальные версии. Религиоведческие аспекты изучения эпоса «Джангар» затрагивались в работах Э. П. Бакаевой [Бакаева 1997]. В связи с этим анализ лексической структуры калмыцкой версии эпоса и, в частности, буддийской лексики, в которой закодированы представления создателей эпоса о религиозной, сакральной сфере жизни, представляет особый интерес.

Значения некоторых слов лежат как бы на поверхности, они очевидны. Другие имеют иной, далеко не всегда явно выраженный и поддающийся бесспорной расшифровке слой, глубинный смысл, являющийся воплощением интенций коллектива, приведших к порождению эпического текста.

Основной пласт буддийской лексики составляют заимствования из санскрита и тибетского языка, которые прошли этап фономорфологического усвоения и были преобразованы в соответствии с правилами графики и орфографии принимающего языка. Заимствованная лексика имеет свои особенности, связанные с ее иноязычным происхождением, с разными путями проникновения слова в данный язык (устный или письменный, непосредственно из языка-источника или через язык-посредник).

Религиозная лексика, представленная в эпосе, тематически неоднородна. На наш взгляд, номинации, относящиеся к сфере буддийской религии, можно тематически объединить в пять основных групп:

1. Названия общих отвлеченных понятий, связанных с религиозным мировоззрением: *бурхн* ‘божество’, *шажңн* ‘религия’, *ном* ‘учение’, *сәкүсн* ‘гений-хранитель’, *буйн* ‘добродетель, заслуга’, *шагшавд* ‘нравственность’, *махмуд* ‘первоэлемент’, *аршан* ‘божественный напиток, нектар’, *маань, тәрн* ‘заклинание, магическая формула’.

Характеристику буддийской лексики целесообразно начать со слов, обладающих наиболее общим значением, например, *бурхн* ‘божество’. Существительное *бурхн,* относящееся к общемонгольскому лексическому фонду, первоначально употреблялось для обозначения божеств добуддийского пантеона. Широкое употребление данной лексемы в буддийском контексте привело к тому, что впоследствии она, по сути, перестала вызывать какие-либо небуддийские ассоциации.

Өмн бийднь	С передней стороны
Бум җова олн ***бурхнһ***	Сто тысяч 10 миллионов бурханов
Бүүрлгсн бәәдг (МД 2–105).	Находятся.
Бурхнаннь шажңн *нарн мет мандлҗ,*	Религия бурханов, как солнце, сияет,
Йиртмҗин төр, хад мет, батрҗ	Вселенское правление, подобно скале,
(ЭО 9–24).	укрепилось.
Ар Бумбин нутгиннь ***сәкүснд*** *зальврҗ*	Помолились гениям-хранителям страны
(ЭО 9–327).	Ар Бумба.
Йовгсн кергчн, кукн, ***номин***	«Пусть твое дело исполнится по закону
Йосар күцтхә, алтн хаалһ өгтхә, – гилдв	учения, пусть откроет золотую дорогу», –
(МБ 4–501).	сказали.
Хоңһр хамг магтал магтад	Хонгор, совершая все макталы,
Деедс дүрдәд, хамг һазрин	Поминая верховных божеств,
Маань *номшад йомна* (БО 1–1468).	Читает мани.

Следует отметить, что слово *бурхн* встретилось в тексте первой главы репертуара Давы Шавалиева в словосочетании *бурхн цаһан ээҗ аав хойран*:

Бурхн *цаһан ээҗ аав хойран*	Светлых, как бурхан, родителей
Көвүн уга хаяд ирсн (ДШ 1–4).	Оставил без сына.

2. Номинации, относящиеся к буддийскому духовенству: а) названия санов, ученых степеней и должностей духовных лиц; б) названия, относящиеся к одеянию, пище и трапезе служителей буддийского культа.

Священнослужители различаются по монашескому сану, степени и должности. Последовательность степеней образует иерархию. В качестве примера лексем, относящихся ко 2-й группе, рассмотрим некоторые термины.

В эпическом тексте встречается слово *гевгү* — блюститель порядка в буддийском монастыре:

Хөрн тавн ***гевгүһин*** *ахлгч*	Возглавляющий 25 гевкюев
Әрүн цаһан ***гевгү*** *күртлән:*	Арюн Цаган гевкю сказал:
– Юн мөрнәс һарсн мөрн иим сәәхмб	– От какой лошади появился такой прекрасный скакун?
Юн күүнәс һарсн күн иим сәәхмб?	От кого родился такой прекрасный
(МБ 4–497, 498).	человек?

Многие буддийские термины являются вторичными номинациями, например, термин *гегән*, который употребляется в составе выражения *богд гегән* — богдо-геген (один из высших санов буддийского духовенства), теонимов — имен буддийских божеств. Примеры:

Арвн ***богд гегән*** *әдстидлгсн*	Благословленный 10 богдо-гегенами
Әрүн цаһан мирдинь	Священный белый мирде
Зүркн маңна хойртан әдслә д,	Приложив ко лбу и сердцу,
Андһар [өгв] (БЦ 3–105).	Дал клятву.

Кроме того, слово ***гегән*** употребляется в эпическом тексте в значении ‘лик’:

Алдр нойн богд, тана ***гегәг***	Великий нойон-богдо, Ваш лик
Арвн тавн сард үздг болхнь! (БЦ 3–928).	Лицезреть бы 15 месяцев!

Термин *богд* (высший титул) встречается в эпическом тексте самостоятельно:

Тавн сай шевнр	5 миллионов монахов-шабинеров
Таңсг ***богдын*** *өлзәд*	Во благо благородного богдо
Тана, мана уга	Все без исключения
Дүркргсн бәәдг (МД 2–110).	Пребывают в покое.

Слово *гелң* обозначает духовное лицо, имеющее буддийский монашеский титул «гелюнг» (третья монашеская степень в буддизме, носитель которой принимает 253 обета):

Хурларн хурхар йовцхасн ***гелңгүд*** (МБ 4–496). Гелюнги, идущие на службу

3. Наименования буддийских обрядов и ритуалов.

В данную группу входят такие слова, как әдс ‘благословение’, гүрм ‘молебен, избавляющий от несчастий’ и т. д.

Алдр богд Җаңһрин От Великого богдо Джангара
Нәгр алтн ширәһәснь Золотого престола
Әдс авад *һархла* (ЭО 9–201). Получив благословение, вышел.
Догшд гидг хурлыг Догшитский хурал
Догшар хурулад, Заказав грозно,
Догшн номар С помощью грозного учения
Гүрмән *келгсн бийнь* (МБ 1–576). Заказал обряд «гюрюм».

4. Названия предметов буддийского культа, храмовых построек и их частей, культовых сооружений.

В качестве примера приведем термин *очр* ‘ваджра’ (один из главных символов буддизма). Ваджра имеет форму скипетра и символизирует пробужденное сознание, является атрибутом многих будд и бодхисатв.

Очр-*юуһинь бумблад* (МД 2–98). Сделав навершие-купол над очиром.
Очр*-юуһинь бомблгсн* (БО 1–42). Сделавшие навершие-купол над очиром.

Другой пример – слово *мирд*, этимология которого объяснена в работе А. Ш. Кичикова [Кичгә 1979: 74]. В эпосе «Джангар», в частности, в 9 главе цикла Ээлян Овла трижды упоминается амулет под названием «*күүкн цаһан мирд*» («девственно белый мирде»), который обладал особой охранительной силой.

Ода эн хаана Теперь этого хана
Күүкн цаһан ***мирдинь*** Девственно-белый мирде
Күзүнәснь авгсн цагт Когда снимут с шеи,
Күүкд кевтә бәргдх (ЭО 9–432). Как ребенок, будет схвачен.

Мирде изготовлялись в традиционной технике. Они «состоят из двух частей: из оберега в виде глиняного цаца, рельефного металлического изображения или небольшого живописного изображения и металлического или деревянного футляра» [Меняев, Санджиев 2010: 64].

Архитектурное сооружение, предназначенное для совершения молебнов и религиозных обрядов, у калмыков называется *хурл*. У монголов и бурят этот же термин обозначает молебен (ср. *хурал* ‘собрание’).

Тал дундь Посередине
Талван цаһан ***хурлнь*** *бүүрлгсн бәәдг* Белый хурул располагается.
(МД 2–98).

5. Теонимы (имена буддийских божеств).

Следует отметить, что в религиозный лексикон эпоса входят имена собственные (теонимы) санскритского и тибетского происхождения (Ямантака, Махакала, Майтрея, Цзонхава, Зеленая Тара), появление которых в монгольских языках, в том числе и в калмыцком языке, объяснимо религиозными и культурными контактами с восточными народами, исповедовавшими буддизм.

*Яснь гихнь — **Ямн–Даһан гегән**,*	Кости — Ямантака,
*Махнь гихнь — **Мах–Һалын гегән** гидгл* (МБ 1–467, 469).	Тело — Махакала, — говорят.
***Мах–Һалын гегән** хан көлглх цагтан*	Когда правил Махакала,
«Ма» нертә үзг тамһан дарҗ бурхн болгсн.	Стал бурханом, поставив печать буквы «Ма».
	Когда правил Цзонхава,
***Зуңкван гегән** хан көлглҗ йовх цагтан*	Стал бурханом, поставив золотую печать
Зу шаран алтн тамһан дарҗ бурхн	желтой веры.
болгсн (МБ 1–532, 534).	На его лбу Майтрейи
*Маңнаднь **Мәәдрин гегәни***	Золотой образ
Мал алтн дүр	Сам появился.
Эврән бүтгсн (БЦ 1–166).	
Маңнаднь	На его лбу
***Мәәдрин гегәни** дүр бүтгсн* (БЦ 3–176).	Майтрейи образ появился.

Следует отметить, что некоторые термины встречаются в эпических текстах репертуаров разных сказителей в фонетических вариациях, что зафиксировано и на письме (*бумб – бомб, гүрм – гөрм* и т. д.).

Таким образом, специфика буддийской лексики в эпическом тексте определяется ее составом и функцией, сложной семантической структурой (наличие терминологического и символического значений). Информация о символической функции денотата слова должна входить в словарное толкование на основании анализа дефиниции лексемы. Символическое значение формируется в результате приобретения предметом или действием особой функции. При этом могут участвовать традиционные типы переноса значения: метафора, метонимия, функциональный перенос. Особое символическое значение слова с религиозной семантикой или буддийского термина можно выявить, обратившись к фоновым знаниям.

Что касается лексикографической фиксации буддийской лексики, то применительно к названиям разного рода предметов буддийского культа, в т. ч. буддийских музыкальных инструментов, можно применить традиционное гиперо-гипонимическое (родовидовое) толкование. Но здесь важно, чтобы словарная дефиниция буддийского термина представляла собой описание семной структуры слова, а толкование, приводимое в толковом словаре эпоса, не носило чисто энциклопедического характера.

Буддийская лексика, классифицированная по тематическим группам, свидетельствует о ее богатстве и разветвленности. Семантическая структура интересующих нас лексем, в т. ч. терминологического характера, специфика их дефиниций, особенности выявленных тематических групп требуют дальнейшего серьезного исследования.

Сокращения

1. МД — Малодербетовская версия;
2. БЦ — Багацохуровская версия;
3. ЭО — цикл песен Ээлян Овла;
4. МБ — репертуар Мукебюна Басангова;
5. БО — репертуар Бадмы Обушинова;
6. ДШ — репертуар Давы Шавалиева.

Литература

Бадмаева С. С. Язык и стиль сказок монгольских народов (на материале лексики): автореф. дис. … канд. филол. наук. Элиста, 2004. 23 с.

Бакаева Э. П. «Джангар»: религиоведческий аспект изучения // Теегин герл. 1997. № 3. С. 31–43.

Будажапова Л. Б. Буддийские термины в современном бурятском языке. Автореф. дис. … канд. филол. наук. Улан-Удэ, 2000. 23 с.

Дандарон Б. Д., Семичов Б. В. О тибетско-монгольском словаре «Источник мудрецов» // Труды БКНИИ СО АН СССР. Вып. 3. Серия востоковедения. Улан-Удэ: БКНИИ СО АН СССР, 1960. С. 58–68.

Дандарон Б. Д., Пубаев Р. Е. Источник мудрецов (тибетско-монгольский терминологический словарь буддизма). Улан-Удэ, 1968. 140 с.

Кичгә Төлә. Үгин туск үг. Элст: Хальмг дегтр haphач, 1979. 101 х.

Меняев Б. В., Санджиев Ч. А. О калмыцких оберегах мирде» // Вестник КИГИ РАН. 2010. № 1. С. 63–64.

Омакаева Э. У. Некоторые буддийские мотивы и буддийская лексика в калмыцких сказках о Гэсэре // Гэсэриада – духовное наследие народов Центральной Азии (Материалы и тезисы Международной научной конференции). Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 1995. С. 135–136.

Омакаева Э. У. Национальный эпос: язык, религия, картина мира // Бурят-монголы накануне III тысячелетия: опыт кочевой цивилизации. Россия – Восток – Запад в судьбе народа: докл. и тез. Междунар. симпозиума, г. Улан-Удэ, 24–28 авг. 1997 г. Улан-Удэ, 1997. С. 30–32.

Омакаева Э. У. Лингвокультурологическое исследование эпического текста и проблема буддийской картины мира // «Джангар» в евразийском пространстве: мат-лы Междунар. науч.-практ. конф., Элиста, 27 сент. – 2 окт. 2004 г. Элиста: КалмГУ, 2004. С. 97–99.

Пюрбеев Г. Ц. Эпос «Джангар»: культура и язык (этнолингвистические этюды). Элиста: Калм. кн. изд-во, 1993. 128 с.

Салыкова В. В. Лексико-стилистические особенности языка синьцзян-ойратской и калмыцкой версий эпоса «Джангар»: автореф. дис. … канд. филол. наук. Элиста, 2007. 33 с.

Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация. М.: Языки славян. культуры, 2003. 582 с

Тодаева Б. Х. Опыт лингвистического исследования эпоса «Джангар». Элиста: Калм. кн. изд-во, 1976. 530 с.

References

[The Modern Russian Language: Social and Functional Differentiation]. Moscow: Languages of Slavic Culture, 2003. 582 p. (In Russ.)

Badmaeva S. S. [Language and Style of Fairy Tales of Mongolian Peoples (on the material of vocabulary)]. Cand. Sc. thesis (Philology) abstract. Elista, 2004. 23 p. (In Russ.)

Bakaeva E. P. ["Jangar": Religious Aspect of Study]. *Teegin Gerl.* 1997. No. 3. Pp. 31–43. (In Russ.)

Budazhapova L. B. [Buddhist Terms in Modern Buryat Language]. Cand. Sc. thesis (Philology) abstract. Ulan-Ude, 2000. 23 p. (In Russ.)

Dandaron B. D., Pubayev P. E. [Source of the Sages (Tibetan-Mongolian Terminology Dictionary of Buddhism)]. Ulan-Ude, 1968. 140 p. (In Russ.)

Dandaron B. D., Semichov B. V. [On Tibetan-Mongolian Dictionary "Source of the Sages"]. In: [Proceedings of Buryat Research Institute of Siberian Department of the USSR Academy of Sciences]. Iss. 3. Series of Oriental Studies. Ulan-Ude: BRI of the USSR AS, 1960. Pp. 58–68. (In Russ.)

Kichgä Tölä. [Word by Word]. Elista: Kalm. Book Publ., 1979. 101 p. (In Kalm.)

Menyaev B. V., Sandzhiev Ch. A. [On the Kalmyk Amulets "Mirde"]. *Bulletin of the Kalmyk Institute of Humanitarian Research of the RAS*. 2010. No. 1. Pp. 63–64. (In Russ.)

Omakaeva E. U. [Linguocultural Study of the Epic Text and the Problem of the Buddhist Picture of the World]. In: ["Jangar" in the Eurasian Space]. Conf. proc. (Elista; 27 September – 2 October, 2004). Elista: Kalmyk State University, 2004. Pp. 97–99. (In Russ.)

Omakaeva E. U. [National Epic: Language, Religion, Picture of the World]. In: [Buryat Mongols on the Eve of the III Millennium: Experience of Nomadic Civilization. Russia – East – West in the Fate of the People]. Reports at International Symposium (Ulan-Ude; August 24–28, 1997). Ulan-Ude, 1997. Pp. 30–32. (In Russ.)

Omakaeva E. U. [Some Buddhist Motifs and Buddhist Vocabulary in Kalmyk Tales about Geser]. In: [Geseriada, Spiritual Heritage of Central Asian Peoples]. Conf. proc. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center of the RAS, 1995. Pp. 135–136. (In Russ.)

Pyurbeev G. Ts. [Epic "Jangar": Culture and Language (Ethnolinguistic Etudes)]. Elista: Kalmyk Book Publ., 1993. 128 p. (In Russ.)

Salykova V. V. [Lexico-stylistic Features of the Language of the Xinjiang Oirat and Kalmyk Versions of the Epos "Jangar"]. Cand. Sc. thesis (Philology) abstract. Elista, 2007. 33 p. (In Russ.)

Todaeva B. Kh. [Experience of Linguistic Research of the Epic "Jangar"]. Elista: Kalmyk Book Publ., 1976. 530 p. (In Russ.)

УДК 811.512.37
ББК 81.2

О ЗНАЧЕНИИ НЕКОТОРЫХ ТЕРМИНОВ ИЗ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫХ УКАЗОВ ХАНА ДОНДУК-ДАШИ*

On the Meaning of Some Legal Terms from the Supplementary Laws of Khan Donduk-Dashi

Ч. Бату (Ch. Batu)[1]

[1]доктор филологических наук, профессор Синьцзянского государственного университета (Ph.D. of Philology, Professor at the Xinjiang State University). E-mail: cbatu@sina.cn.

В статье рассматриваются значение некоторых юридических терминов монголо-ойратских законодательных актов 1640 г. Основу рассматриваемого материала преимущественно составляют термины, связанные с социальными статусами лиц, подвергаемых наказанию.

Ключевые слова: монголо-ойратские законы, «Великое Уложение», юридические термины, статья, штраф, социальный статус.

A set of laws known as “the Great Code of the Nomads”, i.e. *Iki Tsaadzhin Bichig* (1640) is a valuable source of information, reflecting not only political and socio-economic system, but also legal relations as well as ethnographic data, and the written language of Mongolian society of the XVII century. The text of the “Great Code” contains a wide range of legal terms, i.e. ranks and titles of representatives from different social layers of the nomadic society such as *yaamt humun, yaam ugey humun,* and *albatu humun*.

According to the Mongolian-Oirat laws, all committed offenses were punishable by a fine, the size of which was largely dependent on the social status of the person. Special attention is paid to the moral and ethical standards of knights, clergy and officials, whose strict code of conduct was considered to be an example for others to follow.

Keywords: Mongolian-Oirat laws, “the Great Code”, legal terms, article, fine, social status.

* Статья выполнена при финансовой поддержке гранта № XJEDU010513C01 (2013 г.) «Исторические рукописи на “ясном письме”: “Дополнительные указы Дондок-Даши хана”».

ᠳᠤᠷᠠᠯᠠᠯ ᠪᠤᠶᠤ ᠪᠠᠢᠳᠠᠯ ᠢᠯᠡᠷᠡᠭᠦᠯᠬᠦ ᠪᠤᠶᠤ ᠬᠠᠷᠢᠴᠠᠭᠤᠯᠬᠤ ᠪᠤᠶᠤ ᠬᠡᠯᠡᠯᠴᠡᠬᠦ ᠪᠤᠶᠤ ᠬᠡᠯᠪᠡᠷᠢ ᠶᠡᠬᠡ ᠵᠢᠨᠭᠰᠡᠨ ᠬᠡᠯᠡᠨ ᠳᠤ ᠪᠠᠢᠭᠤᠯᠤᠭᠰᠠᠨ ᠪᠠᠶᠢᠳᠠᠯ ᠪᠤᠶᠤ ᠬᠡᠯᠡᠯᠴᠡᠬᠦ ᠪᠤᠶᠤ ᠬᠡᠯᠪᠡᠷᠢ ᠶᠡᠬᠡ ᠵᠢᠨᠭᠰᠡᠨ ᠬᠡᠯᠡᠨ ᠳᠤ ᠪᠠᠢᠭᠤᠯᠤᠭᠰᠠᠨ ᠪᠠᠶᠢᠳᠠᠯ ᠢᠯᠡᠷᠡᠭᠦᠯᠬᠦ ᠪᠤᠶᠤ ᠬᠠᠷᠢᠴᠠᠭᠤᠯᠬᠤ ᠪᠤᠶᠤ ᠬᠡᠯᠡᠯᠴᠡᠬᠦ ᠪᠤᠶᠤ ᠬᠡᠯᠪᠡᠷᠢ

ᠨᠢᠭᠡᠳᠦᠭᠡᠷ ᠵᠢᠭᠠᠷ

ښتنې د ژبې د ځانګړتیاوو د څېړنې لپاره ډېر ارزښت لري . ځکه چې د ژبې د ودې په بهیر کې ډېرې ټولنیزې ، اقتصادي ، سیاسي او کلتوري بدلونونه راځي چې د ژبې په جوړښت او کارونه باندې اغېز کوي . د ژبې د ودې د بهیر د څېړنې لپاره د ژبې د ودې د بهیر د څېړنې لپاره د ژبې د ودې د بهیر د څېړنې لپاره

ᠳᠤᠷᠠᠯᠠᠭᠰᠠᠨ ᠪᠤᠶᠤ ᠬᠡᠯᠡᠭᠰᠡᠨ ᠪᠠᠶᠢᠵᠤ ᠪᠠᠢᠭᠠᠭᠰᠠᠨ ᠪᠠᠢᠭᠠᠯᠢ

། ཞེས་པ་ལ་སོགས་པ་ནི་ཐེག་པ་ལྔ་ཡང་ངེས་པ་ལྔ་ཡིན་ཏེ།

ᠬᠡᠯᠡᠨ ᠳᠡᠭᠡᠷ ᠪᠠᠭᠠᠷᠠᠭᠰᠠᠨ (bagaraqsan — ᠪᠠᠭᠠᠷᠠᠭᠰᠠᠨ) ᠬᠡᠯᠪᠡᠷᠢ ᠨᠢ ᠬᠡᠯᠡᠨ ᠳᠡᠭᠡᠷ ᠪᠠᠭᠠᠷᠠᠭᠰᠠᠨ ᠬᠡᠯᠪᠡᠷᠢ ᠶᠢᠨ ᠬᠡᠯᠪᠡᠷᠢᠯᠡᠯ ᠪᠤᠶᠤ

« собираться, скопляться » (37) (словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.)) : « собирать, скопить » (38) (словарь русского языка XVII века) . — 1642 –1715 гг. // « Словарь русского языка XVII века » : [сайт] . — URL : http://feb-web.ru/feb/slrjaXVII/default.asp (дата обращения : 04.09.2021) .

Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. — М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1948–1965. — 1948–1965 гг.

Словарь современного русского литературного языка : в 20 т. — М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1950–1965. — 1950–1965 гг.

Словарь современного русского литературного языка : в 4 т. — М. : Русский язык, 1981–1984. — 1981–1984 гг.

Словарь современного русского литературного языка : в 4 т. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Русский язык, 1985–1988. — 1985–1988 гг.

Словарь современного русского литературного языка : в 4 т. — 3-е изд., перераб. и доп. — М. : Русский язык, 1989–1991. — 1989–1991 гг.

Словарь современного русского литературного языка : в 4 т. — 4-е изд., перераб. и доп. — М. : Русский язык, 1992–1994. — 1992–1994 гг.

Словарь современного русского литературного языка : в 4 т. — 5-е изд., перераб. и доп. — М. : Русский язык, 1995–1997. — 1995–1997 гг.

Словарь современного русского литературного языка : в 4 т. —

Примечания

1, 6, 7 – Batu Ce. Mongγol-oyirad-un caγaǰi-yin bičig-un üge kelelge-yin sudulal. Begeǰing: Ündüsüten-u keblel-un horyi-a, 2006. № 317, 338.

2, 3 – Badai Ho. «Oyirad tedken surbulǰi bičig». Urumči: Šinǰiyang-un arada-un keblel-un xoryi-a, 1989. N. 343, 358 (todo bičiq-yer).

4, 5 – Palmu Ka. Halimagčud oros-tu bayigsan üge-yin tedken toyimu. Urumči: Šinǰiyang-un arada-un keblel-un xoryi-a, 1989. № 104–105, 122.

8, 10, 19, 20, 23, 30, 35, 36 – Doronatayu. «Oyirad caγaǰi». Kükhota: Übür mongγol-un arada-un keblel-un xoryi-a, 1985. № 230, 233–234, 230–231, 234, 234, 234, 231, 235.

9, 12, 14, 16, 17, 22, 25, 27 – Norbo Še. «Zai-a bandida». Kükhota: Übür mongγol-un arada-un keblel-un xoryi-a, 1990. № 33–36, 35–36, 234, 36, 36, 40, 40, 41.

11, 15, 21, 24 – Buyanölǰei, Buu ge. Mongγol-oyirad-un caγaǰi-yin bičig: Übür mongγol-un arada-un keblel-un xoryi-a, 1990. № 287, 287, 287–288, 288.

13, 18, 28 – Še. Čoyima, Terbiši L. Bürin D., Čilaγunbaγatur. Buddha šaǰin soyol-un tayilburi toli. Ulaγanbaγatur, 2000. № 258, 445–446, 135.

21, 22, 26, 34 –Lubsangenden Š. Orčin čag-un mongγol kelen-u tuhai ögülel-uda. Kükhota: Übür mongγol-un surgan kümüǰil-ün keblel-un xoryi-a, 1990. № 46–48, 54, 731.

31, 37 – Golstunski K. F. 1640 on-u Mongγol-oyirad-un caγaǰi-yin bičig. Sankt-Peterburg, 1880. № 23, 158.

32, 33 – Galidaša. Egulen yarudasu. Begeǰing: Ündüsüten-u keblel-un horyi-a, 1981. № 2, 23.

34 – Halldu S., Yirantai G. Mongγol gegen Lubsangdampiǰalsan-u gbum ǰarlig kemegdekü orosibai. Begeǰing: Ündüsüten-u keblel-un horyi-a, 1981. № 731.

38 – Čoluu Y. Zai-a bandida-yin tuγuǰi saran gerel kemekü orosibai. Ulaγanbaγatur, 1967. № 3.

References

[An outline of the history of the Kalmyk people during their stay within Russia]. Urumqi: Xinjiang People's Publishing House, 1989. Pp. 104–105, 122.

Baday Kh. [Oirat Historical Manuscripts]. Urumqi: Xinjiang People's Publishing House, 1989. No. 343, 358.

Batu Ts. [The Terminology of the Mongol-Oirat Code]. Beijing: Publishing House of Nationalities, 2006. Pp. 317, 338.

Buyanolsee, Buuge. [Mongol-Oirat Code]. Hohhot: ARVM People's Publishing House, 1990. Pp. 287, 287, 287–288, 288.

Choima Sh., Terbish L., Burin D. [Explanatory Dictionary of Buddhism and Buddhist Culture]. Ulaanbator, 2000. Pp. 258, 445–446, 135.

Choluu E. ["Moonlight": The History of Rabjamba Zaya the Pandits]. Ulaanbaatar, 1967. P. 731.

Doronatai. [Oirat Code]. Hohhot: ARVM People's Publishing House, 1985. Pp. 233–234, 230–231, 234, 234, 234, 231, 235.

Golstunsky K. F. [Mongolian-Oirat laws of 1640, additional decrees of Galdan-hun-Taijiya and laws drawn up for the Volga Kalmyks under the Kalmyk Khan Donduk-Dasha]. St. Petersburg: Type. Imp. Acad. sciences, 1880. Pp. 23, 158.

Kalidasa. [Cloud Messenger (*Megha-dûta*)]. Beijing: Publishing House of Nationalities, 1981. Pp. 2, 23.

Khaldu S., Erentai G. ["One Hundred Thousand Sayings" of the Mongolian Luvsandambijalsan-gegen]. Beijing: Publishing House of Nationalities, 1981. P. 731.

Luvsangenden S. [Articles on the modern Mongolian language]. Hohhot: ARVM Education Publishing House, 1990. Pp. 46–48, 54, 731.

Norbo S. [Zaya-Pandita]. Hohhot: ARVM People's Publishing House, 1990. Pp. 33–36, 35–36, 234, 36, 40, 41.

УДК 81’373.47
ББК 81.23

МОДЕЛИ ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ S_1 + N + (COP_F) И S_1 + ADJ + (COP_F) В КАЛМЫЦКОМ ЯЗЫКЕ: ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ*

Models of a Simple Sentence S_1 + N + (COP_F) and S_1 + ADJ + (COP_F) in the Kalmyk Language: Preliminary Notes

Е.В. Бембеев (E. Bembeev)[1], А. О. Бутаева (A. Butaeva)[2], Г. Х. Далюева (G. Daljueva)[3]

[1] кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела теоретической и экспериментальной лингвистики Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Ph.D. of Philology, Senior Scientist of the Theoretical and Experimental Linguistics Department at the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS). E-mail: galdma@yandex.ru.

[2] студентка Института калмыцкой и восточной филологии Калмыцкого государственного университета (Student of the Institute of Kalmyk Philology and Oriental Studies at Kalmyk State University). E-mail: aisasarpa10@mail.ru.

[3] студентка Института калмыцкой и восточной филологии Калмыцкого государственного университета (Student of the Institute of Kalmyk Philology and Oriental Studies at Kalmyk State University). E-mail: daliueva@yandex.ru.

В данной работе рассматриваются две структурные схемы простого предложения в калмыцком языке: S_1 + N + (COP_F) и S_1 + ADJ + (COP_F). В первой двухкомпонентной модели сказуемым является имя существительное в именительном, родительном или совместном падеже, координированное с подлежащим, падеж влияет на семантику схемы. Вторая анализируемая модель состоит из подлежащего, которое может выступать как лексема-существительное (N) или возглавляемая им количественная, определительная и т. п. именная группа, субстантивное местоимение (PRON), субстантивированное причастие или прилагательное (PTCPL и ADJ) или любая другая субстантивированная часть речи, и сказуемого-прилагательного в сопровождении связок, различных частиц.

Ключевые слова: калмыцкий язык, синтаксис, простое предложение, модель, структурная схема, семантика схемы, подлежащее, сказуемое.

Since the Kalmyk Language belongs to the agglutinative type of languages, one should take into account some peculiarities when modeling structural schemes of a sentence. First, unlike Russian, the Kalmyk language lacks an indefinite (unconjugated) form of a verb, i.e. the infinitive. Secondly, as for the syntax, it is strongly fixed and left-branching. Thirdly, verbs and nouns can join personal-predicate particles (in terms of modern terminology, i.e. predictability of affixes). Additionally, researchers present the following preliminary schematic structures of a simple sentence in the Kalmyk language: 1) One compound scheme structures with nominal or verbal predicate (usually presented in spoken language); 2) Two compound schematic structures both with a nominal and verbal predicate; 3) More complicated scheme structures both with a nominal and verbal predicate. By focusing on one of the components it is possible to identify a nominal and verbal two compound scheme structures, whereas the character of the predicate nucleus scheme structures allows to identify two different scheme structures: verbal and linking respectively.

The research considers two scheme structures: S_1 + N + (COP_F) and S_1 + ADJ + (COP_F). The predicate of the first two compound model is the noun in the nominative, genitive or joint case, coordinated with the subject; case affects the semantics of the scheme. The second model is made up of the subject which may function either as a noun lexeme (N) or as a quantitative or any other attributive noun phrase dependent on the subject; substantive pronoun (PRON), substantivized participle or adjective or any other substantivized part of speech and predicate adjective, accompanied by linking verbs, as well as different particles. The semantics of the following scheme structure S + ADJ + (COP_F) is to express “the relationship between the subject and its predicate feature – property or quality”. The models of a simple sentence in the Kalmyk language are considered to be used in a very natural and regular way.

Keywords: the Kalmyk language, syntax, simple sentence, model, scheme structure, semantics of scheme, subject, predicate.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта «Национальный корпус калмыцкого языка: создание и разработка» (12-04-12047/в).

Поиск универсалий в системе естественного языка, выступающих в виде его постоянных свойств и закономерностей, является фундаментальной задачей в области лингвистических исследований. Язык, как известно, не только средство общения, но и необходимое условие для осуществления процесса мышления. Процесс категоризации мира, результаты которого проявляются в языке не всегда ясным и недвусмысленным способом, находит различную интерпретацию с логической и психологической точек зрения в рамках структурной и функциональной грамматики. Множество высказываний, реализующихся в речи человека, также можно привести к универсалиям, т. е. к структурным схемам, которые «обеспечивают носителей языка возможностью вербализовать все ситуации, потенциально присутствующие в опыте данного коллектива» [Черемисина, Скрибник 1996: 49]. Термины «модель предложения» и «структурная схема предложения» не являются, по мнению М. И. Черемисиной, синонимами. Модель предложения обладает планом выражения и планом содержания, т. е. является двусторонним знаком. «Планом выражения модели является структурная схема, а планом содержания — пропозиция» [Байжанова 1999: 15].

Описание моделей предложения берет начало во второй половине 1950-х гг. и активно рассматривалось в трудах Т. П. Ломтева [1969; 1979], Н. Ю. Шведовой [1973; 1973а], В. А. Белошапковой [1978; 1997], Г. А. Золотовой [1973], исследования которых базировались в основном на материале русского языка (наиболее полно описаны модели русского предложения [РГ-80]). Синтаксическая школа М. И. Черемисиной занимается исследованием моделирования простого предложения на более широком материале, включающем языковые факты русского и ряда урало-алтайских языков. Описаны частично, в некоторых случаях и полно, как общие, так и конкретные модели простого и сложного предложения языков [Черемисина 1976; Черемисина, Бродская, Скрибник 1986; Байжанова 1999; Доржиева 2005; Черемисина, Озонова, Тазранова 2008; Кошкарева 2007; Томас 2011; и мн. др.]. Тем не менее исследования моделей предложений ограничены материалом только сибирского ареала.

Проблеме изучения синтаксиса в монгольских, в частности в калмыцком, языках уделялось значительное внимание: освещены вопросы, связанные с традиционной классификацией предложений [Пюрбеев 2010] и актуальным членением высказывания [Мушаев 2005]. Ставя вопрос о моделировании предложения в калмыцком языке, В. Н. Мушаев описывает проблемы, связанные с выявлением моделеобразующих членов предложения [Мушаев 2005]. Э. У. Омакаева изучает калмыцкий синтаксис в свете актантной теории, полагая, что набор актантов глагола как предикативного ядра определяет набор элементов той или иной структурной схемы [Омакаева 2011]. Тем не менее сами модели предложения как элементы синтаксической подсистемы языка и порождения речи в калмыцком языке оказались практически не рассмотренными.

При моделировании структурных схем в калмыцком языке существуют несколько особенностей. Во-первых, в отличие от русского языка в калмыцком отсутствует неопределенная (неспрягаемая[1]) форма глагола — инфинитив. Во-вторых, в калмыцком языке существует строго фиксированный левоветвящийся порядок слов. В-третьих, к глаголам и существительным могут присоединяться лично-предикативные частицы (в современной терминологии — аффиксы сказуемости, или предикативности). Все это влияет на моделирование речевых образцов.

Предварительно можно выделить следующие структурные схемы простого предложения в калмыцком языке: 1) однокомпонентные структурные схемы с именным или глагольным сказуемым (в основном реализующиеся в разговорной речи); 2) двухкомпонентные структурные схемы с именным и глагольным сказуемым; 3) схемы более сложной структуры с именным и глагольным сказуемым. По выражению одного из компонентов можно выделить именные и глагольные двухкомпонентные схемы, а по характеру предикативного ядра, видимо, различаются глагольные и связочные структурные схемы. В моделировании предложения мы опираемся прежде всего на понятие об элементарном простом предложении, введенное М. И. Черемисиной и развитое ее учениками. Ниже описаны символы и сокращения, применяемые при моделировании простого калмыцкого предложения.

- **S** — лексема-существительное (N) либо возглавляемая им количественная,

[1] К неспрягаемым формам в калмыцком языке относятся только причастия и конвербы.

определительная и т. п. именная группа; субстантивное местоимение (PRON), субстантивированное причастие (PTCPL) или любая другая субстантивированная часть речи (ADJ);

- **N_1, N_2** и т. д.(а также **$PRON_1$, $PRON_2$, $PRON_3$, $PRON_4$** и т. п.) — падежные формы имени или местоимения[1]:

POST — послелог, выполняющий роль неглавного члена предложения (не участвующего в выражении предикативности), но формирующий его номинативный минимум и, следовательно, являющийся обязательным компонентом выражения пропозиции;

V_f — финитный глагол в роли сказуемого.

COP — глагол-связка;

PER —показатель лица и числа;

Q — вопросительная частица;

NEG — отрицание[2];

~ — знак, обозначающий принадлежность частицы отрицания к слову из левого или правого контекста

( ) — факультативность;

/ — вариативность;

+ — последовательность структурных элементов (лексем), образующих модель предложения;

= — позиция вопросительных, личнопредикативных и других показателей, выражающих номинативный минимум.

В данной работе рассматриваются две структурные схемы: **S_1 + N + (COP_F)** и **S_1 + ADJ + (COP_F)**. В таблицах приводятся все модели анализируемых схем, которые подтверждаются материалом Национального корпуса калмыцкого языка [НККЯ, http://kalmcorpora.ru], а также наблюдениями за речью носителей [Куканова и др. 2012]. Частотность реализации той или иной структурной схемы и комментарии приводятся в сносках и после таблиц. Примеры к той или иной схеме, приводимые в таблицах, свидетельствуют о естественном характере и их регулярной реализации в речи.

ПАРАДИГМА ИНДИКАТИВА СТРУКТУРНОЙ СХЕМЫ **S + N_1 + (COP_F)**

S + N + (COP_F)					
время	**схемы**	**N + N + (COP)**		**PRON + N + (COP)**	
настоящее время	утв.	N_1 +N *Бадм оютн*.	N_1 + N +$Cop_{(per)}$	$Pron_1$+ N=(per) Би малч-в.	$Pron_1$ + N + Cop =(Per) Би малч болна-в.
	вопр.	N_1 + N=Q Бадм оютн?	N_1 + N +Cop=Q	$Pron_1$ + N=Q Би малч-ий?	$Pron_1$ + N+Cop=Q=(Per)
	отр.	N_1+ N +Neg Бадм оютн биш.	N_1 + N +Neg~Cop	$Pron_1$ + N +Neg=(per) Би малч биш-в.	$Pron_1$ + N +Neg~Cop=(Per)
	вопр.-отр.	N_1 + N +Neg=Q Бадм оютн биш-ий?	N_1 + N +Cop_f=Neg=Q	$Pron_1$ + N +Neg=Q Би малч.	Pron + N +Neg +Cop_f =Q=Per
прошедшее и будущее время	утв.	N_1 + N + Cop_f		$Pron_1$ + N +Cop_f=(Per)	
	вопр.	N_1 + N +Cop_f=Q		$Pron_1$ + N + Cop_f=Q=(Per)	
	отр.	N_1 + N +Neg +Cop_f		$Pron_1$ + N +Neg +Cop_f=(Per)	
	вопр.-отр.	N_1 + N +Neg + Cop_f=Q		$Pron_1$ + N +Neg +Cop_f=Q=(Per)	

[1] N_1 — имя в именительном падеже (Nom); N_2 — имя в родительном падеже (Gen); N_3 — имя в винительном падеже (Acc); N_4 — имя в дательном падеже (Dat); N_5 — имя в творительном падеже (Instr); N_6 — имя в соединительном падеже (Com); N_7 — имя в совместном падеже (Ass); N_8 — имя в исходном падеже (Abl); N_9 — имя в направительном падеже (Dir).

[2] Для калмыцкого языка характерны собственно отрицательные частицы *эс, -го, -ш*, частица запрета *бичə (бичкə)* и слова-отрицания *уга, биш*. Из них частицы *эс* и *бичə* (*бичкə*) употребляются в препозиции, а частицы *-го, -ш,* и слова-отрицания *уга, биш* — в постпозиции к слову. Поскольку в схемах-моделях данные частицы обозначаются «Neg» и, следовательно, не дифференцируются, мы вводим знак «~», обозначающий связь той или иной частицы отрицания со словом, значение которого отрицается.

Комментарий к модели ***S_1 + N + (COP_F)***

В структурной схеме **S_1 + N + (COP_F)** в качестве подлежащего могут выступать лексема-существительное (N) или возглавляемая им количественная, определительная и т. п. именная группа; субстантивное местоимение (PRON), субстантивированное причастие или прилагательное (PTCPL и ADJ) или любая другая субстантивированная часть речи.

В данной двухкомпонентной модели сказуемым является имя существительное в именительном, родительном или совместном падеже, координированное с подлежащим, падеж влияет на семантику схемы. Например, если в качестве сказуемого выступает существительное в родительном падеже, то в этом случае в схеме реализуется значение принадлежности. Например, (3) *Тер ширә — Бадмин*. ‘Тот стол — Бадмы’. Данная конструкция реализуется в разговорной речи и, как правило, используется для эмфазы (усиления логической или эмоциональной составляющей высказывания).

Согласование между подлежащим и сказуемым производится в лице и числе. В калмыцком языке согласование сказуемого в числе с подлежащим носит факультативный характер: (4) *Би багш. / Би багш(в)* ‘Я учитель’/ ‘Я учитель (я).’ Видимо, это зависит от формы речи: в письменном языке отсутствие лично-предикативной частицы воспринимается носителями языка как отступление от нормы. В разговорной речи лично-предикативная частица, на наш взгляд, не столь обязательна, что подтверждается в ходе наблюдений над живой калмыцкой речью. Наличие в предложении местоимений носит избыточный характер: значение лица выражается как морфологически (аффиксы сказуемости), так и синтаксически (местоимения 1 и 2-го лица в качестве подлежащего). Однако при опущении подлежащего в данной структурной схеме употребление лично-предикативных единиц становится обязательным: ***$PRON_I$ + N + COP_F = (PER)*** **→ N + *COP_F=PER*** (5) Би б*агш(в)*. ‘Я учитель’ → *Багшв.* ‘Я учитель’).

Порядок слов в калмыцком языке строгий и несвободный, поэтому менять местами элементы структурной схемы нельзя, за исключением случаев эмфазы инверсией элементов предикативного ядра. Тема-подлежащее предшествует реме-сказуемому. Схема может расширяться детерминантами, которые стоят в начале предложения или после подлежащего, но перед сказуемым, выделяя значимый элемент для говорящего и слушающего: (6) ***Ода*** *чи зурач.* ‘Сейчас ты художник’ / *Чи* ***ода*** *зурач*. ‘Ты сейчас художник’.

Реализация в настоящем (актуальном и расширенном) времени (связка отсутствует, существительное-сказуемое в исходной форме, соответствующей 3-му лицу единственного числа). При необходимости выражения временных и других значений во фразе могут появиться глагольные связки: *бәә(х)* ‘быть’, *бол(х)* ‘стать’. В прошедшем и будущем времени связка при сказуемом-существительном обязательна.

Отрицание в модели выражается частицами *биш*, постпозитивной по отношению к существительному и перенимающей на себя лично-предикативные показатели 1 и 2-го лица:

(7) *Би малч биш-в*.
Я-Nom животновод Neg-1SPer
‘Я не животновод’

(8) *Чи хөөч биш-ч*.
Ты-Nom чабан Neg-2SPer
‘Ты не чабан.’

Вопросительные предложения образуются путем присоединения частицы *-ий* (*й*) к существительному или вопросительной интонации, например:

(9) *Би толһач-в?*
Я-Nom руководитель-1Sper=Q
‘Я руководитель?’

(10) *Эн тосхач-ий?*
Он-Nom строитель-Q
‘Он строитель?’

К сказуемому могут присоединяться следующие частицы, которые способствуют выражению дополнительных смыслов (подтвердительности, уподобительности, сравнения). В значительной мере эти частицы всегда следуют за словом, т. е являются постпозиционными.

Уподобительная частица *–шң*:
(11) *Көвүн* *һаха-шң*
Мальчик-Nom свинья-EquPart
‘мальчик как свинья’

Подтвердительная частица *-лм*.
(12) *Би* *багш-лм*
Я-Nom учитель-CONF
‘Я ведь учитель’

ПАРАДИГМА ИНДИКАТИВА СТРУКТУРНОЙ СХЕМЫ **S_1 + ADJ + (COP_F)**

S + ADJ + (COP_F)					
время	**схемы**	**N + ADJ + (COP)**		**PRON + ADJ + (COP)**	
настоящее время	утв.	N_1 + ADJ Дегтр соньн	N_1 + ADJ + COP_F=(PER)[1]	$PRON_1$ + ADJ=(PER) Би өндрв	$PRON_1$ + ADJ + COP_F=(PER)[2]
	вопр.	N_1 +ADJ=Q Дегтр соньний?	N_1 + ADJ + COP_F=Q[3]	$PRON_1$ + ADJ=(PER)=Q Би өндр(в)ий?	$PRON_1$ + ADJ + COP_F=Q=(PER)
	отр.	N_1 +ADJ + NEG Дегтр соньн биш	N_1 +ADJ + NEG~COP_F	$PRON_1$ + ADJ + NEG=(PER) Би өндр биш(в)	$PRON_1$ + ADJ + NEG ~COP_F=(PER)
	вопр.- отр.	N_1 +ADJ + NEG =Q Дегтр соньн биший?	N_1 + ADJ + NEG + COP_F=Q	$PRON_1$ + ADJ + NEG =(PER)=Q Би өндр биш(в)ий?	$PRON_1$ + ADJ + NEG + COP_F=Q=(PER)
прошедшее и будущее время	утв.	N_1 + ADJ + COP_F		$PRON_1$ + ADJ + COP_F=(PER)[4]	
	вопр.	N_1 + ADJ + COP_F=Q Дегтр соньн билү?		$PRON_1$ + ADJ + COP_F=Q=(PER) Би өндр билү(в)?	
	отр.	N_1 + ADJ + NEG + COP_F		$PRON_1$ + ADJ + NEG + COP_F=(PER)	
	вопр.- отр.	N_1 + ADJ + NEG + COP_F=Q Дегтр соньн эс билү?		$PRON_1$ + ADJ + NEG + COP_F=Q=(PER) Би өндр эс билү(в)?	

[1] Употребление символа Adj в данной структурной схеме условно: прилагательное рассматривается как составная часть сказуемого, т. е. входит в предикативный центр предложения, в большей степени напоминает категорию состояния по своему значению. Данная структурная схема не носит частотного характера, однако в Национальном корпусе калмыцкого языка встречаются примеры с использованием этой модели. Например:

(1) *Хаалһ бас байрта бәәнә.* ‘Дорога тоже радостная’ [Бадмин Алексей. Му көвүн];

(2) *Наһц ээжң бас, нанла әдл, экәршго байрта бәәнә.* ‘Бабушка тоже, как и я, чрезмерно радостная’ [Балакан Алексей. Зарһим эврән кетн].

[2] Данная структурная схема также не носит частного характера. (Встречающихся в НККЯ примеров крайне мало, что свидетельствует о ее неестественности в калмыцкой речи. Заметим, как и в схеме N1 + ADJ + COPF=(PER),

(5) *Болв бидн, комсомольцнр, цуһараһаснь ик байрта бәәнәвдн.* ‘Но мы, комсомольцы, радостнее всех’ [Бадмин Алексей. Усна экн-булг].

(6) *Тегәд би ик байрта бәәнәв.* ‘Поэтому я очень радостный’ [Бадмин Алексей. Усна экн-булг].

[3] Примеры на данную структурную схему единичны в материале исследования (см. ниже). Это свидетельствует о том, что рассматриваемая структурная схема не естественна в калмыцкой речи и носит нерегулярный характер реализации со связочным глаголом.

(10) *Цуһар тиньгр бәәнү?* ‘Все [они] благополучны ли?’ [Калян Санж. Һурвн ботьта үүдәврмүдин хураңһу];

(11) *Амр-тиньгр бәәнү?* ‘В здравии ли [они]?’ [Калян Санж. Һурвн ботьта үүдәврмүдин хураңһу];

[4] (14) *Улм шунмһа болхч.* ‘Будешь еще усерднее’ [Балакан Алексей. Җиртә бағ насн].

Комментарий к модели $\boldsymbol{S_1}$ + ***ADJ*** + ***(COP***$_F$***)***

$\boldsymbol{N_1}$ / ***Pron***$_1$ + ***Adj*** — эта двусоставная модель состоит из подлежащего, которое может выступать как лексема-существительное (N) или возглавляемая им количественная, определительная и т. п. именная группа, субстантивное местоимение (PRON), субстантивированное причастие или прилагательное (PTCPL и ADJ) или любая другая субстантивированная часть речи, и сказуемого-прилагательного в сопровождении связок, различных частиц.

(13) *Гиляна-н альчур улан*
Гиляна-Prop.Gen платок-Nom.Sg красный
‘Платок Гиляны красный’.

(14) *Увл киитн*
Зима-Nom.Sg холодный
‘Зима холодная’.

Особенность структуры данной модели состоит в том, что прилагательное в калмыцком языке относится к неизменяемым частям речи, т. е. не склоняется. Связка при сказуемом-прилагательном в настоящем времени обычно не используется, прилагательное-сказуемое употребляется в исходной форме, соответствующей 3-му лицу единственного числа:

(19) *Нарн шар дулан*
Солнце-Nom.Sg желтое теплое
‘Солнце желтое, теплое’

(20) *Өдр сәәхн чилгр*
День- Nom.Sg хороший ясный
‘День хороший, ясный’

Связка обязательна в прошедшем и будущем времени. Глагольные связки всегда перенимают лично-предикативные частицы на себя:

(21) *Би эндр көдлмштә бәә-лә-в*
Я-Nom сегодня занятой быть-pres-1Sper
‘Сегодня я был занятой’

(22) *Чи ухата бәә-лә-ч*
Ты-Nom умный быть-pres-2Sper
‘Ты был умный’.

Как было сказано выше, в калмыцком языке формально противопоставляются 1 и 2-е лица единственного и множественного чисел, а 3-е лицо не имеет никаких формальных показателей как в единственном, так и в множественном числах: отсутствие аффиксов в данном случае противопоставлено их наличию в 1-м и 2-м лицам. Согласование между подлежащим и сказуемым-прилагательным производится в лице и числе (показатель 3-го лица единственного числа и множественного числа факультативен). Прилагательное принимает показатели личного согласования самостоятельно.

(23) *Би зөргтә-в*
Я-Nom смелый-1Sper
‘Я смелый’

(24) *Мадн байрта-видн*
Мы-Nom веселые-1plper
‘Мы веселые’

(25) *Чи әәмтхә-ч*
Ты-Nom трусливый-2Sper
‘Ты трусливый’

(26) *Бадм инәдтә*
Бадма-Prop.Nom. забавный
‘Бадма забавный’.

Присоединение к сказуемому лично-предикативных частиц (*-в*, *-видн*, *-ч*, *-т*) не носит обязательного характера, наблюдения над разговорной речью носителей, на наш взгляд, подтверждают эту точку зрения. Но это противоречит сложившейся литературной норме и считается грамматической ошибкой.

Однако при опущении подлежащего в данной структурной схеме употребление лично-предикативных единиц становится обязательным: ***PRON***$_1$ + ***ADJ*** + ***COP***$_F$***=(PER)*** → ***ADJ*** + ***COP***$_F$***=PER*** (27) (*Өндр бәәнәв.* ‘Я высокий’). С учетом сказанного выше о порядке слов в калмыцком языке: (28) ***Эндр*** *чи байртач.* ‘Сегодня ты радостный’ / *Чи* ***эндр*** *байртач*. ‘Ты сегодня радостный’.

Отрицание в модели со сказуемым — именем прилагательным выражается частицей *биш,* постпозитивной по отношению к прилагательному и перенимающей на себя лично-предикативные показатели 1 и 2-го лица:

(29) *Би өндр биш-в*
Я-Nom высокий нет-1Sper
‘Я не высокий’

(30) *Та тоолврта биш-т*
Вы-Nom серьезный нет-2plper
‘Вы не серьезный’

Кроме того, сказуемое-прилагательное образует вопрос с помощью вопросительных частиц -й, -ий (-ый), присоединяясь к прилагательному:

(31) *Дегтр зузан-ый?*
Книга-Com.Gen толстый-Qpart
‘Книга толстая?’

(32) *Керг олзта-й?*
Дело-Com.Gen выгодный-Qpart
‘Дело выгодное?’.

Сказуемое-прилагательное может присоединять подтвердительную частицу *-лм,* актуализируя в логическом и смысловом отношении то слово, при котором оно находится:

(34) *Би чиигтə-лм*
Я-Gen мокрый-Conf
‘Я ведь мокрый’

(35) *Байр уурта-лм*
Байр-Prop.Gen. сердитый-Conf
‘Байр ведь сердитый’

Семантика структурной схемы **S + ADJ + (COP$_F$)** заключается в выражении «отношения между субъектом и его предикативным признаком — свойством или качеством» [РГ-80: 288]. На данный момент не ясно, могут ли указанные структурные схемы выражать отношения постоянного или временного признака субъекта, как, например, в русском языке, где от употребления формы прилагательного — полной или краткой — маркируется указанное выше значение. Значения постоянного или временного признака не могут выражаться в калмыцком языке этим способом, поскольку в нем отсутствуют полные и краткие формы прилагательного, так как данная часть речи является неизменяемой. На первый взгляд кажется, что выражение данного значения осуществляется лексически: (36) ***Ода*** *Бадма байрта.* ‘Сейчас Бадма радостный’, (37) ***Даңгин*** *эн көвүн киртə.* ‘Постоянно этот мальчик грязный’. Наречия выражают значение постоянного (*даңгин*) и временного (*ода*) признака. Более глубинная семантическая дифференциация определяется значением лексемы-прилагательного, которое выражает само слово. Это может быть значение оценки, качества, отношения к пространству, времени, веществу и т. д.

Рассмотренные модели простого предложения в калмыцком языке носят естественный характер, нерегулярные же реализации оговариваются в данной работе, которая содержит лишь предварительные замечания. По мере расширения материала исследования модели будут уточняться и дорабатываться.

Литература

Байжанова Н. Р. Базовая структурная схема элементарного простого предложения N_1 + V_f в алтайском языке: дисс. канд. филол. наук. Новосибирск, 1999. 158 с.

Белошапкова В. А. Минимальные структурные схемы русского предложения // Русский язык за рубежом. 1978. № 5. С. 55–59.

Белошапкова В. А. Современный русский язык. М.: Азбуковник, 1997. 420 с.

Доржиева Д. С. Модели простого предложения с именным сказуемым в бурятском языке: дисс. д-ра филол. наук. Улан-Удэ, 1999. 158 с.

Золотова Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М.: Наука, 1973. 351 с.

Кошкарева Н. Б. Типовые синтаксические структуры и их семантика в уральских языках Сибири: автореф. дисс. д-ра филол. наук. Новосибирск, 2007 46 с.

Куканова В. В., Бембеев Е. В., Мулаева Н. М., Очирова Н. Ч. Национальный корпус калмыцкого языка: архитектура и возможности использования // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2012. № 3. С. 138–150.

Ломтев Т. П. Принципы построения формулы предложения // Филологические науки. 1969. № 5. С. 56–68.

Ломтев Т. П. Структура предложения в современном русском языке. М.: МГУ, 1979. 198 с.

Мушаев В.Н. Структура и семантика калмыцкого предложения. Элиста: «НПП „Джангар“», 2005. 382 с.

Омакаева Э. У. Типология моделеобразующих членов предложения в калмыцком и монгольском языках в свете глагольно-актантной теории. Улаанбаатар: ХХК «Найман од», 2011. 240 с.

Пюрбеев Г. Ц. Грамматика калмыцкого языка. Синтаксис. 2-е изд. Элиста: КИГИ РАН, 2010. 299 с.

РГ-80 — Русская грамматика: научные труды. В 2-х тт. Т. 1: Синтаксис. М., 2005. 712 с.

Томас Е.В. Структура и семантика русских глагольных предложений с обязательным именным компонентом в форме винительного падежа с предлогом: автореф. дисс. канд. филол. наук. Новосибирск, 2011. 26 с.

Черемисина М. И. Сравнительные конструкции русского языка. Новосибирск: Наука, 1976. 270 с.

Черемисина М. И., Бродская Л. М., Скрибник Е. К. Структурные типы синтетических полипредикативных конструкций в языках разных систем. Новосибирск: Наука, 1986. 319 с.

Черемисина М. И. , Озонова А. А., Тазранова А. Р. Элементарное простое предложение с глагольным сказуемым в тюркских языках Южной Сибири. Новосибирск: изд-во «Любава», 2008. 205 с.

Черемисина М. И., Скрибник Е. К. О системе моделей элементарных простых предложений в языках Сибири // Гуманитарные науки Сибири. 1996. № 4. С. 46–57.

Шведова Н. Ю. Вопросы описания структурных схем простого предложения // Вопросы языкознания. 1973а. № 4. С. 31–32.

Шведова Н. Ю. О соотношении грамматической и семантической структуры предложения // Славянское языкознание. VII Международный съезд славистов. М: Наука, 1973. С. 459–483.

References

[The Russian Grammar]. Proc. conf. In 2 vol. Vol. 1: Syntax. Moscow, 2005. 712 p. (In Russ.)

Baizhanova N. R. [The Basic Structural Scheme of the Elementary Simple Sentence $N_1 + V_f$ in the Altai Language]: Cand. Sc. thesis (Philology). Novosibirsk, 1999. 158 p. (In Russ.)

Beloshapkova V. A. [Minimum Structural Schemes of the Russian Sentence]. *Russian Language Abroad.* 1978. No. 5. Pp. 55–59. (In Russ.)

Beloshapkova V. A. [The Modern Russian Language]. Moscow: Azbukovnik, 1997. 420 p. (In Russ.)

Cheremisina M. I. [Comparative Structures of the Russian Language]. Novosibirsk: Nauka, 1976. 270 p. (In Russ.)

Cheremisina M. I., Brodskaya L. M., Skrybnik E. K. [Structural Types of Synthetic Polypredicative Structures in Languages of Different Systems]. Novosibirsk: Nauka, 1986. 319 p. (In Russ.)

Cheremisina M. I., Skribnik E. K. [Concerning the System of the Elementary Simple Propositions Models in Siberian Languages]. *Siberian Humanities*. 1996. No. 4. Pp. 46–57. (In Russ.)

Cheremisina M. I., Ozonova A. A., Tazranova A. R. [Elementary Simple Sentence with the Verbal Predicate in Turkic Languages of Southern Siberia]. Novosibirsk: Lyubava, 2008. 205 p. (In Russ.)

Dorzhieva D. S. [Models of a Simple Sentence with a Nominal Predicate in Buryat Language]. Dr. Sc. thesis (Philology). Ulan-Ude, 1999. 158 p. (In Russ.)

Koshkareva N. B. [Typical Syntactic Structures and their Semantics in the Ural Languages of Siberia]. Dr. Sc. thesis (Philology) abstract. Novosibirsk, 2007. 46 p. (In Russ.)

Kukanova V. V., Bembeev E. V., Mulayeva N. M., Ochirova N. Ch. [The National Corpus of the Kalmyk Language: Architecture and Possibilities of Use]. *Bulletin of the Kalmyk Institute of Humanitarian Research of the RAS*. 2012. No. 3. Pp. 138–150. (In Russ.)

Lomtev T. P. [Principles of Sentence Formula Construction]. *Philological Sciences*. 1969. No. 5. Pp. 56–68. (In Russ.)

Lomtev T. P. [Sentence Structure in Modern Russian]. Moscow: Moscow State University, 1979. 198 p. (In Russ.)

Mushayev V. N. [Structure and Semantics of the Kalmyk Sentence]. Elista: Dzhangar, 2005. 382 p. (In Russ.)

Omakaeva E. U. [Typology of Modeling Members of the Sentence in Kalmyk and Mongolian Languages in the Light of the Verb-actant Theory]. Ulaanbaatar: HCK “Nyman Od”, 2011. 240 p. (In Russ.)

Pyurbeev G. Ts. [Grammar of the Kalmyk Language]. Syntax. 2nd ed. Elista: Kalmyk Institute of Human Research of the RAS, 2010. 299 p. (In Russ.)

Shvedova N. Yu. [On the Ratio of Grammar and Semantic Structure of a Sentence]. In: [Slavic Linguistics]. VII International Congress of Slavists. Moscow: Nauka, 1973. Pp. 459–483. (In Russ.)

Shvedova N. Yu. [Questions of Description of Structural Schemes of a Simple Sentence]. *Issues of Linguistics.* 1973a. No. 4. Pp. 31–32. (In Russ.)

Tomas E. V. [Structure and Semantics of Russian Verbal Sentences with the Obligatory Nominal Component in the Form of the Accusative Case with the Preposition]. Cand. Sc. thesis (Philology) abstract. Novosibirsk, 2011. 26 p. (In Russ.)

Zolotova G. A. [Essay of Functional Syntax of the Russian Language]. Moscow: Nauka, 1973. 351 p. (In Russ.)

УДК 81’374.3
ББК 81.2 (2Рос-Калм)

ЦИКЛ ПЕСЕН ЭПОСА «ДЖАНГАР» ЭЭЛЯН ОВЛА: ОПЫТ КОЛИЧЕСТВЕННОЙ ОБРАБОТКИ

The Song Cycle of the Epic *Dzhangar* by Eelyan Ovla: Experience in Quantitative Analysis

Н. Ч. Очирова (N. Ochirova)[1], *С. Е. Бачаева (S. Bachaeva)*[2], *Н. М. Мулаева (N. Mulaeva)*[3]

[1] кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела теоретической и экспериментальной лингвистики Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Ph.D. of Philology, Researcher of the Theoretical and Experimental Linguistics Department at the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS). E-mail: ochirnudlya@mail.ru.

[2] кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела теоретической и экспериментальной лингвистики Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Ph.D. of Philology, Researcher of the Theoretical and Experimental Linguistics Department at the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS). E-mail: basaeg@mail.ru.

[3] кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела теоретической и экспериментальной лингвистики Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Ph.D. of Philology, Researcher of the Theoretical and Experimental Linguistics Department at the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS). E-mail: munimi76@mail.ru.

В данной статье дана попытка апробирования методики количественной обработки частотных списков употребительных лексем на материале песен эпоса «Джангар» цикла сказителя Ээлян Овла. Актуальность выбора данной темы подтверждается рядом работ различных лексикографических школ. Результаты исследования позволят проводить дальнейшие более точные и полные исследования в области статистического анализа текстов и судить о частотности различных элементов в эпосе «Джангар», а также дадут возможность передать красоту, индивидуальность, своеобразие эпического текста.

Ключевые слова: калмыцкий язык, эпос «Джангар», Ээлян Овла, квантитативный анализ, лексема, словоформа, цикл, толковый словарь.

The research provides a detailed and thorough statistical analysis of the Dzhangar text, the cycle of songs by Eelyan Ovla. As a result of statistical processing, the frequency of use of lexical units was presented in the table, which consists of 4 columns: I — rank, II — word, III — absolute frequency, IV — relative frequency. There are frequent lexems of the biggest Ch.1 — “Khongrin ger avlghna byelg” in the table 1. It contains 96 lexems, among which the lexeme *gikh* is the most frequent (170 lexems), and the least frequent is the numeral *zurgan* (11 lexems). The table 2 presents the most frequent lexemes from all the Chapters. Since the Ch.10 is not so big, it presents only 4 lexemes. The most common among frequent lexemes of the first rank is the verb *gikh,* which is peculiar to all Mongolian languages and is usually found in the texts with participle and gerund forms such as: *gisn*, *gidg*, *gizh*’, *gikhlya* and are predominant in five Chapters, though it takes the second or the third place in the other Chapters. The bar charts clearly demonstrate the occurrence and distribution of color and number symbolism in all Chapters of the epic as well as the total number of more common word forms. According to the second bar chart, the most commonly used numeral is *khoir* — “*two*” — *228* (word usage), as it is used in the text not only as numeral but as a conjunction “and”; then follows *minghn* “*thousand*” — *166* (words usage). According to statistical data of the given cycle, the most common lexemes, denoting color are *khar* “black”, *tsagan* “white”, *shar “*yellow”*, ulan* “red”*, kyek* “blue”. Apart from the five main colors one can find *bor* (2) i.e., “grey”, e.g.: *“Bor uul, Borzatyn bor tolgha.”*

Having analyzed all the obtained statistical data, the researchers conclude that the most common lexemes are: among verbs — *gikh*, *byayakh*, *gikh*; among numerals — *khoir, minghn;* among colors — *khar, tsagan*; and most common negative particle is *uga*.

Quantitaive data, based on the epic cycle of songs by Eelyan Ovla, help to clarify the principles of the incorporation of the units into the dictionary. Due to the illustration of the quantitaive characteristics of a word in the defining dictionary one can see the frequency of a particular element in the text of the epic *Dzhangar.*

Keywords: the Kalmyk language, the “Dzhangar” epic, Eelyan Ovla, quantitative analysis, lexeme, word form, cycle, defining dictionary.

На сегодняшний день в калмыковедении назрела острая необходимость в создании толковых словарей калмыцкого языка, так как переводные, к примеру, словари не могут полностью отразить лексическое богатство и систему, ее специфику, визуализировать системные связи между словами и минимальными смыслами (семами, архисемами). В Калмыцком институте гуманитарных исследований РАН ведется работа над составлением Толкового словаря калмыцкого героического эпоса «Джангар». Задачи работы над словарем заключаются в разработке принципов лексикографирования применительно к фольклорному жанру: определение источников, подготовка текстов, разработка критериев отбора лексических единиц в корпус, примеров в словник и т. д. Появление подобного словаря позволит реконструировать картину мира в фольклорных текстах, которые являются архетипическими произведениями, а также создаст возможность в полной мере передать своеобразие эпического текста.

Словарная статья толкового словаря включает следующие структурные элементы: заголовочное слово, транскрипцию, частеречные и стилистические пометы, абсолютную частоту употребления лексической единицы в текстах эпоса «Джангар», толкования, примеры, фразеологизмы и др. На наш взгляд, указание на частоту употребления каждой входной единицы в тексте является необходимым условием для составления подобных словарей: это позволит создать картину частотности лексических единиц в конкретном тексте.

Актуальность привлечения вероятностно-статистических методик изучения языка и речи на практике подтверждена рядом работ представителей ивановской лексикографической школы: О. В. Луневой [1996], А. В. Бурмистровой [2001], М. А. Кириллова [2002] и т. д. Обосновывая правомерность использования статистических методик для решения лингвистических задач, Б. Н. Головин выделяет следующие основания: 1) объективную присущность языку количественных характеристик; 2) внутреннюю зависимость, существующую между качественными и количественными характеристиками языковой структуры; 3) подчинение частот различных элементов языка в речевом потоке тем или иным статистическим законам [Головин 1971: 56].

Как известно, количественные характеристики языковых единиц впервые были изучены в частотных словарях (ЧС). История их составления сравнительно непродолжительна, однако за этот период, по утверждению О. М. Карповой, было издано более 500 словарей почти для 40 языков [Карпова 1993: 37]. Возникла новая отрасль лексикографии — статистическая лексикография, основные теоретические и практические вопросы которой рассмотрены в работах П. М. Алексеева [1975], А. В. Зубова [1977], Т. Р. Кияка [1989], С. Ф. Козловской [1990], Н. С. Манасян [1984], В. И. Перебейнос [1996], О. Н Ляшевской [2007] и др. По мнению С. Ф. Козловской, ЧС представляют собой попытку применения статистических методов описания функционирования языка. Они отражают статистическую структуру текстов, дают возможность установить, из каких элементов они составлены, какова частота этих элементов в пределах обследованной совокупности, позволяют дифференцировать типичные единичные явления, а также получить список тех лексических единиц, которые в данных текстах являются самыми частотными [Козловская 1990: 41].

Интерес к статистическому исследованию большого количества текстов, по словам В. И. Перебейнос, объясняется, с одной стороны, необходимостью глубже познать закономерности функционирования языковых единиц в тексте. С другой — статистическая лексикография обусловлена практическими потребностями языкознания [Перебейнос 1996: 88]. Наряду с этим статистический анализ лексики важен и для прикладного языкознания: для совершенствования принципов составления словаря, рационального отбора словника, для составления учебников и учебных словарей, для машинного перевода, аннотирования и реферирования, для разработки различного рода информационных систем и языков и систем машинного поиска [Кириллов 2002: 7].

Как справедливо отмечает С. А. Крылов, квантитативный подход позволяет классифицировать сами тексты в соответствии с языковыми стилями и жанрами, в рамках которых эти тексты создавались. Так как

различия между этими стилями и жанрами «носят преимущественно статистический характер», то таким образом можно основать статистическую стилистику монгольских языков, описывающую и классифицирующую тексты на строго объективной базе. Лингвостатистический метод позволяет количественно описывать поведение различных языковых единиц (букв, морфем, слов и т. п.) в письменном тексте: частоту употребления единиц, их распределение в текстах разного жанра, сочетаемость с др. единицами и т. п. [Крылов 2012: 81].

Количественное исследование любого текста — сложная и многоаспектная задача. В этой статье мы попытаемся апробировать методику получения частотных списков наиболее употребительных лексем на материале одного цикла песен калмыцкого героического эпоса «Джангар» — цикла Ээлян Овла.

Цикл Ээлян Овла раскрывает всю красоту калмыцкого дербетского говора (Ээлян Овла, 1857–1920, уроженец урочища Багши-Ээджи Ики-Бухусского аймака — ныне пос. Красносельский Малодербетовского р-на Республики Калмыкия), язык эпоса, передаваемый устно из поколения в поколение, пропитан универсальными словесными формулами и словосочетаниями, идеей защиты Родины от внешнего врага. Язык эпоса Ээлян Овла отличается от лексики других джангарчи, живших ранее, он намного понятнее и ближе нашим современникам.

Отбор корпуса лексики с помощью лингвостатистических методов дает возможность изучить частотность лексических единиц в конкретном эпическом тексте и получить наиболее точные и полные данные для проведения дальнейших исследований. Известно, что наиболее частотные слова обладают разветвленной системой значений, что потребует более глубокой работы с примерами в разграничении прямого и переносного значений.

В ходе получения частотных списков использовалась программа TextAnalyzer, разработанная в Калмыцком институте гуманитарных исследований РАН А. Ю. Каджиевым для Национального корпуса калмыцкого языка.

В данном статистическом анализе сложные слова, оформленные через пробел, автоматически разделялись на составляющие, и каждая единица подсчитывалась отдельно, например: *алтн шар — алтн* ‘золотой’, *шар* ‘желтый’; слова, обозначающие цвет, входящие в состав личных имен, названий рек, гор, также расчленялись на элементы: *Арслңгин Арг Улан Хоңһр*, *Хошун Улан*, *Хар Җилһн*, *Догшн Цаһан хан*, *Бульңһрин Догшн Хар Санл*, *Күүкн Цаһан нойн*, *Дүңгч Цаһан Манж*, *Баатр Бадмин Улан*, *Мөңгн Цаһан уул*, *Гүн Хар дала*, *Шар һол*, *Өл Маңхн Цаһан уулын ора — улан* ‘красный’, *цаһан* ‘белый’; каждая часть составных числительных подсчитывалась отдельно: *зурһан миңһн арвн хойр → зурһан*, *миңһн*, *арвн*, *хойр*.

Ниже приведена таблица частотности лексем по первой главе. Таблица состоит из 4 столбцов: I — ранг, II — слово, III — абсолютная частота, IV — относительная частота. В таблице № 1 даны частотные лексемы самой большой главы «Хоңһрин гер авлһна бөлг». В таблице № 2 приведены «верхушки» частотных лексем, дан анализ слов по всем главам. В нее вошли 96 лексем, из которых наиболее частотной является *гих* (170 лексем), а менее частотной — числительное *зурһан* (11 лексем). Заголовки таблицы отмечены жирным шрифтом, при этом арабской цифрой отмечены номера глав, римскими: I — ранг, II — слово, III — абсолютная частота, IV — относительная частота.

Таблица 1. ***Частотность употребления лексических единиц в первой главе цикла Ээлян Овла*** **«Хоңһрин гер авлһна бөлг»**

I	II	III	IV
1	гих	170	2,96
2	ирх	108	1,87
3	болх	70	1,21
4	бәәх	69	1,20
5	хойр	62	1,08
6	уга	56	0,97
7	хар	49	0,85
8	һарх	49	0,85
9	хан	47	0,81
10	Җаңһр	46	0,80
11	авх	46	0,79
12	нег	39	0,68
13	цаһах	38	0,66
14	мөңгн	38	0,66
15	көк	35	0,61
16	йовх	35	0,61
17	күн	32	0,55
18	һазр	32	0,55
19	тер	30	0,52
20	күүкн	30	0,52
21	долах	28	0,48
22	арвн	28	0,48
23	тал	26	0,45
24	һурвн	26	0,45
25	оцл	25	0,43
26	һарх	25	0,43
27	бий	25	0,43
28	келх	24	0,41
29	бас	22	0,38
30	эн	22	0,38
32	цаг	20	0,34
33	чигн	20	0,34
34	хәләх	20	0,34
35	көвүн	19	0,33
36	дөрвн	18	0,31
37	бог	18	0,31
38	хонг	18	0,31
39	тавн	18	0,31
40	суух	17	0,29
41	һарх	17	0,29
42	нарн	17	0,29
43	өмн	17	0,29
44	мет	17	0,29
45	эс	17	0,29
46	күрх	16	0,27
47	болх	16	0,27
48	нәәмн	16	0,27
49	орх	16	0,27
50	татх	16	0,27
51	тәвх	15	0,26
52	сән	15	0,26
53	үзх	15	0,26
54	бумб	15	0,26
55	алтн	15	0,26
56	бәәх	15	0,26
57	миңһн	15	0,26
58	күрл	14	0,24
59	көл	14	0,24
60	йисн	14	0,24
61	барун	14	0,24
62	бийнь	14	0,24
63	болд	14	0,24
64	далн	14	0,24
65	үг	13	0,22
66	оркх	13	0,22
67	тәвх	13	0,22
68	тарха	13	0,22
69	деер	13	0,22
70	бәәшң	13	0,22
71	алдр	13	0,22
72	аав	13	0,22
73	ик	13	0,22
74	зеерд	13	0,22
75	зәрлг	13	0,22
76	күрг	12	0,20
77	Арнзл	12	0,20
78	деерән	12	0,20
79	дарх	12	0,20
80	даxх	12	0,20
81	соңсх	12	0,20
82	одх	12	0,20
83	олх	12	0,20
84	Улан	12	0,20
85	эзн	12	0,20
86	шар	12	0,20
87	төмр	11	0,19
88	деернь	11	0,19
89	дал	11	0,19
90	босх	11	0,19
91	герл	11	0,19
92	би	11	0,19
93	мордх	11	0,19
94	мөрн	11	0,19
95	залу	11	0,19
96	зурһан	11	0,19

Таблица 2. **Распределение лексем по главам (в эпическом цикле песен Ээлян Овла)**

1				2			3			4			5		
I	II	III	IV	II	III	IV	II	III	IV	II	III	IV	II	III	IV
1	гих	170	2,96	арвн	29	1,79	ирх	38	1,75	гих	45	1,83	гих	57	2,03
2	ирх	108	1,87	Улан	22	1,35	гих	36	1,66	һурвн	35	1,42	хар	38	1,35
3	болх	70	1,21	гих	18	1,11	хар	30	1,38	хойр	29	1,18	болх	30	1,07
4	бәәх	69	1,20	Арг	16	0,98	уга	28	1,29	хар	26	1,06	йовх	28	1,00
5	хойр	62	1,08	Хар	15	0,92	болх	27	0,73	уга	25	1,02	уга	28	1,00
6	уга	56	0,97	Хоңһр	14	0,86	Җилһн	25	1,15	йовх	23	0,93	ирх	27	0,97
7	хар	49	0,85	Зеерд	13	0,80	баатр	23	1,06	көвүн	23	0,93	һазр	26	0,92
8	һарх	49	0,85	догшн	12	0,74	хойр	21	0,96	алтн	22	0,89	бәәх	23	0,82
9	хан	47	0,81	алтн	12	0,74	арвн	20	0,92	авх	19	0,77	цаһах	22	0,78
10	Җаңһр	46	0,80	өгх	12	0,74	көк	19	0,87	баатр	19	0,77	хойр	21	0,75
11	нег	39	0,68	уга	12	0,74	миңһн	18	0,83	Улан	19	0,77	миңһн	21	0,75
12	цаһах	38	0,66	Һалзн	12	0,74	долах	18	0,83	Җаңһр	18	0,73	мөңгн	20	0,71
13	мөңгн	38	0,66	уул	11	0,67	мөңгн	17	0,78	һазр	17	0,69	Һалзн	18	0,64
14	көк	35	0,61	миңһн	11	0,67	Оцл	17	0,78	һарх	17	0,69	нәәмн	18	0,64
15	йовх	35	0,61	мөңгн	10	0,61	нәәмн	16	0,73	күлг	16	0,65	Җаңһр	18	0,64
16	күн	32	0,55				бәәх	14	0,64	миңһн	16	0,65	авх	18	0,64
17	һазр	32	0,55				Һалзн	14	0,64	долан	16	0,65	долах	17	0,60
18	тер	30	0,52				хан	14	0,64	цаг	16	0,65	арвн	16	0,57
19	күүкн	30	0,52				күн	13	0,60	арвн	15	0,61	бий	16	0,57
20	долах	28	0,48				цаһах	12	0,55	ирх	15	0,61	болд	14	0,50
21	арвн	28	0,48				авх	11	0,50	Арнзл	13	0,53	буурх	14	0,50
22	авх	26	0,45				алх	11	0,50	бәәх	13	0,53	һарх	14	0,50
23	тал	26	0,45				бий	11	0,50	болх	13	0,53	сәәхн	13	0,46
24	һурвн	26	0,45							барун	13	0,53	Алдр	13	0,46
25	оцл	25	0,43							нәәмн	13	0,53	алх	13	0,46
26	һарх	25	0,43							һарх	13	0,53	тер	13	0,46
27	бий	25	0,43							чигн	13	0,53	түмн	13	0,46
28	келх	24	0,41							хонг	12	0,49	улах	12	0,42
29	бас	22	0,38							мөңгн	12	0,49	хонг	12	0,42
30	эн	22	0,38							Бадм	12	0,49	бумб	12	0,42
31	авх	20	0,34							йисн	12	0,49	келх	12	0,42
32	цаг	20	0,34							ик	12	0,49	мордх	12	0,42
33	чигн	20	0,34							зеерд	12	0,49	нег	11	0,39
34	хәләх	20	0,34							дөрвн	11	0,44	Нарн	11	0,39
35	көвүн	19	0,33							алдр	11	0,44	Санл	11	0,39
36	дөрвн	18	0,31							олн	11	0,44	санх	11	0,39
37	бог	18	0,31							тәвх	11	0,44	Савр	10	0,35
38	хонг	18	0,31							тер	11	0,44			
39	тавн	18	0,31							күүкн	10	0,40			

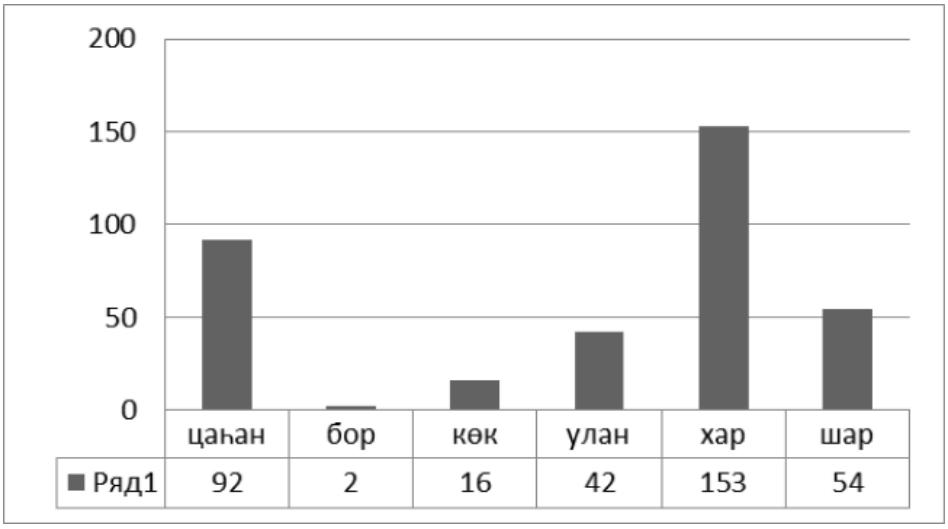
6			7			8			9			10		
II	III	IV	II	III	IV	II	III	IV	II	III	IV	II	III	IV
йовх	20	1,77	хар	17	1,40	гих	47	1,43	гих	62	2,45	эн	14	1,78
хойр	17	1,51	мөңгн	16	1,31	алх	27	0,82	алх	41	1,62	цаг	12	1,53
сәәхн	14	1,24	гих	13	1,07	уга	24	0,73	хойр	32	1,26	алх	11	1,40
миңһн	13	1,15	хан	13	1,07	хар	20	0,61	һазр	24	0,95	Алдр	10	1,27
Аля	13	1,15	бәәх	12	0,98	йовх	19	0,58	ирх	24	0,95			
арвн	12	1,06	Һалзн	12	0,98	мөңгн	16	0,48	һарх	23	0,91			
уга	12	1,06	күрң	11	0,90	бәәх	15	0,45	шар	21	0,83			
хар	12	1,06	килһн	11	0,90	хойр	14	0,42	миңһн	19	0,75			
одх	11	0,97	күлг	10	0,82	болх	13	0,39	нәәмн	19	0,75			
зурһан	10	0,88				һазр	13	0,39	хар	19	0,75			
						һурвн	13	0,39	цаһах	17	0,67			
						хәләх	13	0,39	мөңгн	17	0,67			
						түмн	12	0,36	арвн	17	0,67			
						күн	12	0,36	бий	17	0,67			
						эс	12	0,36	һурвн	16	0,63			
						шар	11	0,33	уга	16	0,63			
						шарһ	11	0,33	тал	15	0,59			
						сәәхн	11	0,33	түмн	14	0,55			
						тәвх	11	0,33	нарн	13	0,51			
						болд	10	0,30	шарһ	13	0,51			
									эн	12	0,47			
									тер	12	0,47			
									барун	12	0,47			
									болх	12	0,47			
									авх	12	0,47			
									долах	12	0,47			
									йисн	11	0,43			
									бәәх	11	0,43			
									күүкн	11	0,43			

Глава 10 является небольшой по объему, поэтому здесь представлены всего четыре лексемы. Как и в первой таблице, наиболее употребительной частотной лексемой, занимающей первую позицию, является характерный для всех монгольских языков глагол *гих* — встречается в текстах в причастных и деепричастных формах: *гисн*, *гидг*, *гиҗ*, *гихлә*, которая преобладает в пяти главах, в остальных главах она занимает второе или третье место, частотными являются и глаголы: *алх* ‘убить’, *ирх* ‘прийти’, *болх* ‘становиться’, *бәәх* ‘стать’.

В цикле Ээлян Овла широко употребляются отрицательные частицы и слова, выполняя функцию самостоятельного члена предложения — обстоятельства, сказуемого, сочетаясь с именами существительными образуют сложные прилагательные, сочетаются с причастиями. Так, отрицательное слово *уга* ‘нет’ можно отнести к частотному элементу. Интересно, что в самой маленькой по объему главе (10) первое место занимает указательное местоимение *эн* (‘этот, эта, это’).

Как известно, у любого народа существует своя числовая и цветовая символика, отражающая мировосприятие и традиционное мировоззрение. В приведенной ниже диаграмме показаны наиболее употребительная колоративная лексика в цикле Ээлян Овла.

Диаграмма № 1. *Частотность употребления «цветовых» слов в цикле Ээлян Овла*

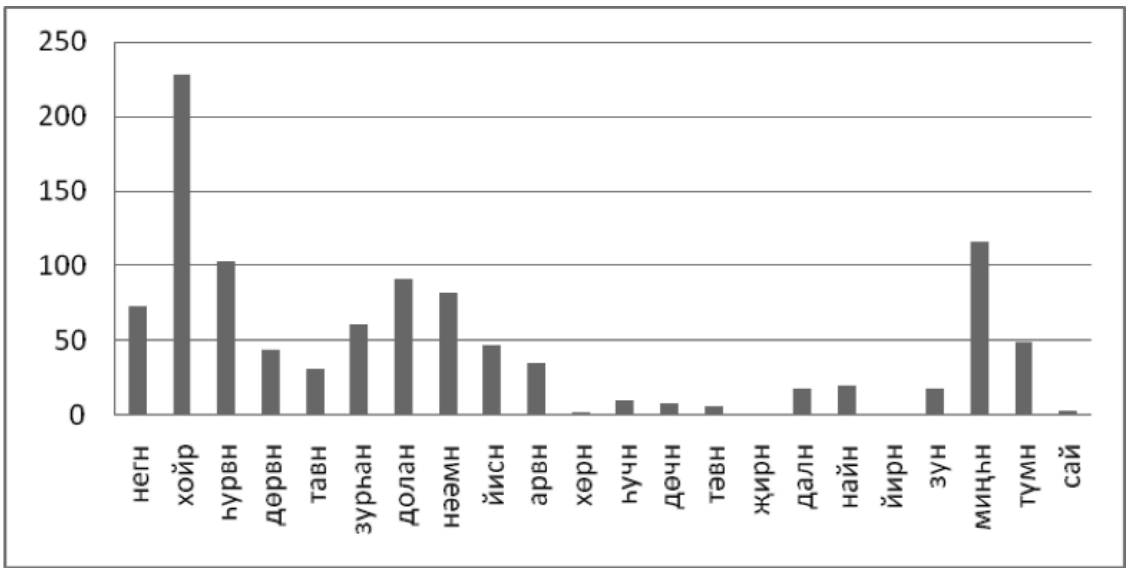


По статистическим данным, в исследуемом цикле наиболее употребительными лексемами, обозначающими цвет, являются: *хар* ‘черный’, *цаһан* ‘белый’, *шар* ‘желтый’, *улан* ‘красный’, *көк* ‘синий’. Кроме основных пяти цветов, также встречается серый ‘*бор’* (2) — *Бор уул, Борзатын бор толһа*.

В данном цикле 92 раза встречается лексема *цаһан*, чаще всего являясь составным элементом собственных имен. Так, эпитет *цаһан* в названиях эпических гор имеет не только образное выражение понятия «высокий», но и второй содержательный аспект — символический, ритуальный, сакральный [Жуковская 2002: 156]. Для калмыков белый цвет — не только наглядно-чувственный символ, но и понятие, выражающее основные морально-этические принципы поведения. Можно говорить о регламентирующей роли белого цвета в поведении людей как своеобразного маркера, с помощью которого люди описывали свое поведение [Голубева 2006: 16].

Лексемы, обозначающие числа, также являются часто употребительными единицами: *арвн* ‘десять’, *һурвн* ‘три’, *хойр* ‘два’, *зурһан* ‘шесть’.

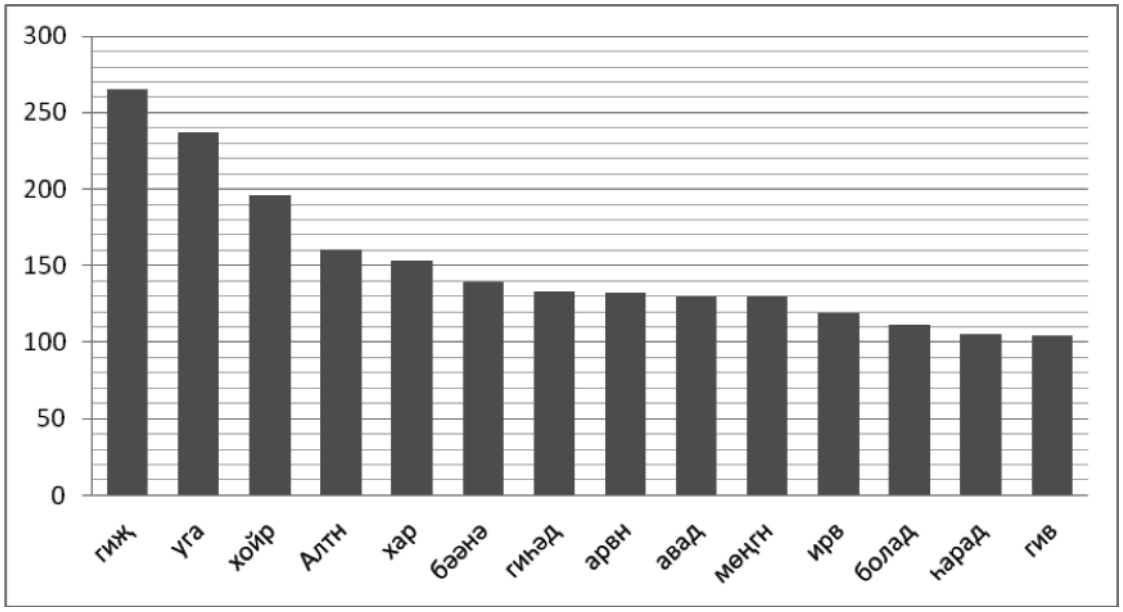
Диаграмма № 2. *Наиболее употребительные числительные в цикле Ээлян Овла*



В диаграмме 2 отражено, что в эпосе самым употребительным числительным является *хойр* ‘два’ — 228 (словоупотреблений), так как в тексте оно выступает не только в роли числительного ‘два’, но и в роли соединительного союза ‘и’, далее идет *миңһн* ‘тысяча’ — 116 (словоупотреблений).

Ниже приведена диаграмма, демонстрирующая наиболее частотные словоформы в цикле Ээлян Овла.

Диаграмма № 3. *Наиболее частотные словоформы в цикле Ээлян Овла*[1]



Как видно из диаграммы 3, самой употребительной словоформой, на что указывалось раньше, является *гиж,* а затем *уга* и *хойр*.

Таким образом, количественные данные, полученные на материале цикла Ээлян Овла, позволяют уточнить принципы включения единиц в словник. Иллюстрация в толковом словаре количественной характеристики слова позволит судить о частотности того или иного элемента в тексте эпоса «Джангар».

Литература

Алексеев П. М. Статистическая лексикография: учебн. пос. Л.: ЛГПИ, 1975. 120 с.

Бурмистрова А. В. Лингвостилистический анализ английской терминологии фондового рынка: дисс. … канд. фил. наук. Иваново, 2001. 24 с.

Головин Б. Н. Язык и статистика. М.: Просвещение, 1971. 190 с.

Голубева Е. В. Национально-культурная специфика картины мира в калмыцком языке (на примере культурных концептов): автореф. дис. ... канд. фил. наук. М., 2006. 26 с.

Жуковская Н. Л. Кочевники Монголии: Культура. Традиции. Символика. М.: Восточная литература, 2002. 248 с.

Зубов А. В. Обработка на ЕС ЭВМ текстов естественных языков. Минск: Высшая школа, 1977. 173 с.

Карпова О. М. Специальные словари языка Шекспира // Лексика и лексикография / отв. ред. Ю. Г. Коротких, А. М. Шахнарович. М.: Школа-Пресс, 1993. С. 37–43.

Кириллов М. А. Лингвостатистический анализ художественного текста (На материале коротких рассказов Ф. С. Фицджеральда): дисс. … канд. фил. наук. Иваново, 2002. 23 с.

Кияк Т. Р. Лингвистические аспекты терминоведения. Киев: Выщашк, 1989. 230 с.

Козловская С. Ф. Использование ЭВМ в исследовании структуры текста // Статистическая лексикография и учебный процесс. Киев: Радянська школа, 1990. С. 38–45.

Крылов С. А. Структурно-вероятностная модель монгольского языка (на базе генерального корпуса современного монгольского языка) // Урало-алтайские исследования. № 6. М.: Ин-т языкознания РАН, 2012. С. 78–105.

[1] Слово Алтн дается с большой буквы, поскольку входит в состав собственных имен.

Лунева О. В. Лингвостилистическое исследование подъязыка специальности «цифровые сигнальные процессоры»: дисс. … канд. фил. наук. Иваново, 1996. 19 с.

Ляшевская О. Н. О частотном словаре национального корпуса русского языка // Слово и словарь: Сборник научных трудов по лексикографии / отв. ред. Л. В. Рычкова. Гродно: ГрГУ, 2007. С. 41–43.

Манасян Н. С. О статистическом методе составления отраслевых терминологических словарей // Отраслевая терминология и лексикография. Воронеж: Изд-во Воронежского госуниверситета, 1984. С. 90–93.

Перебейнос В. И. Принцип построения учебного словаря // Лексика и лексикография. Сб. науч. трудов. Вып. 7. М.: Ин-т языкознания РАН, 1996. С. 86–91.

References

Alexeyev P. M. [Statistical Lexicography]. Leningrad: Leningrad State Pedagogy Institute, 1975. 120 p. (In Russ.)

Burmistrova A. V. [Linguistic Analysis of the English Stock Market Terminology]. Cand.Sc. thesis (philology) abstract. Ivanovo, 2001. 24 p. (In Russ.)

Golovin B. N. [Language and Statistics]. Moscow: Prosveshchenie, 1971. 190 p. (In Russ.)

Golubeva E. V. [National and Cultural Specificity of the Picture of the World in the Kalmyk Language (on the Example of Cultural Concepts)]. Cand. Sc. thesis (Philology) abstract. Moscow, 2006. 26 p. (In Russ.)

Karpova O. M. [Special Dictionaries of Shakespeare Language]. In: [Lexicon and Lexicography]. Yu. G. Korotkikh, A. M. Shakhnarovich (ed.). Moscow: School-Press, 1993. Pp. 37–43. (In Russ.)

Kirillov M. A. [Linguistic Analysis of Fiction Text (On the Material of Short Stories by F. S. Fitzgerald)]. Cand. Sc. thesis (philology) abstract. Ivanovo, 2002. 23 p. (In Russ.)

Kiyak T. R. [Linguistic Aspects of Terminology]. Kiev: Vyshashkov, 1989. 230 p. (In Russ.)

Kozlovskaya S. F. [The Use of Computers in the Study of Text Structure]. In: [Statistical Lexicography and Learning Process]. Kiev: Radyanska School, 1990. Pp. 38–45. (In Russ.)

Krylov S. A. [Structural Probabilistic Model of the Mongolian Language (on the Base of General Corpus of the Modern Mongolian Language)]. *Ural-Altaic Studies*. 2012. No. 6. Pp. 78–105. (In Russ.)

Luneva O. V. [Linguistic Research of Sublanguage of the Speciality “Digital Signal Processors”]. Cand. Sc. thesis (Philology) abstract. Ivanovo, 1996. 19 p. (In Russ.)

Lyashevskaya O. N. [Concerning the Frequency Dictionary of the National Corpus of the Russian Language]. In: [Word and Dictionary]. L.V. Rychkov (ed.). Grodno: Grodno State University, 2007. Pp. 41–43. (In Russ.)

Manasyan N. S. [Concerning Statistical Method of the Branch Terminological Dictionaries Compilation]. In: [Sectoral Terminology and Lexicography]. Voronezh: Voronezh State University Publ. House, 1984. Pp. 90–93. (In Russ.)

Perebeinos V. I. [The Principle of Building an Educational Dictionary]. In: [Lexicon and Lexicography]. Iss. 7. Moscow: Institute of Linguistics of the RAS, 1996. Pp. 86–91. (In Russ.)

Zhukovskaya N. L. [Nomads of Mongolia: Culture. Traditions. Symbolism]. Moscow: Vost. Lit., 2002. 248 p. (In Russ.)

Zubov A. V. [Processing of Texts of Natural Languages Using Unified System of Electronic Computers]. Minsk: Vys. Shkola, 1977. 173 p. (In Russ.)

ФОЛЬКЛОРИСТИКА / FOLKLORE STUDIES
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ / LITERATURE STUDIES

УДК : 512.141-3:398.22(=512.141)
ББК:81.2(2Рос-Баш):63.5(2Рос-Баш)

БОЖЕСТВА ВЕРХНЕГО МИРА В МИФОЛОГИИ БАШКИР

The Deities of the Upper World in the Bashkir mythology

Ф. Г. Хисамитдинова (F. Khisamitdinova) [1]

[1]доктор филологических наук, профессор, директор Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН (Ph.D. of Philology, Professor, Head of the Institute of History, Language and Literature at the Ufa Scientific Centre of the RAS). E-mail: hisamitdinova@list.ru.

В статье на лингвистическом, фольклорном и этнографическом материале выявляются мифологические представления башкир, связанные с верхним миром и божествами, которые там обитают. Выделены древнейшие божества типа Самрау, Хумай, Кояш ‘солнце’, Ай ‘луна’, имеющие параллели не только в мифологии тюркоязычных, но и отдельных ираноязычных народов. В статье подробно описаны доисламские божества башкир. Более же поздние божества и их названия в работе рассматриваются как сравнительный материал.

Ключевые слова: башкирская мифология, божество, верхний мир, верования, эпос, мифологема, фразеологическое сочетание.

The first written references to Bashkir deities appeared at the beginning of the 10th century. The Secretary of the Embassy of the Arabs to the Bulgars distinguishes 12 deities of the Bashkir people. However, this proved to be true. The deities which have been mentioned by him in his statement actually appear in Bashkir folklore. Foremost among these were the supreme creator Deity of the Sky and Birds — Samrau, and his wives the Moon Deity — Koyash, and the Sun Deity — Ai, respectively. Apart from these, according to the epic *Ural-Batyr*, divine daughters of the supreme Divine Samrau, the Swan-maiden — Homai (with the wife of Sun), and the Bird and Star maiden — Aihylyu (with the wife of Moon) belong to the gods of the upper world. Such characters of divine origin as maidens’ winged horses — Akbuthat and Kharysai are also depicted in the epic.

Thus, the article, based on folk epic material, reveals the divine essence of the above mentioned characters, which can be confirmed by a number of parallels from fairy tales, riddles and legends of the Bashkir people. A great deal of attention is devoted to the linguistic material. To some of the characters and their names, the author gives the comparative material from the ancient Turkic, Iranian mythology and modern mythologies of Altaians, Kazakhs, Tatars, Chuvashes, Yakuts, and others.

Keywords: Bashkir mythology, deity, the Upper world, beliefs, epos, mythologeme, phraseological unit.

Первые сведения о представлениях башкир, связанных с их божествами, нашли отражение в записках Ахмед ибн-Фадлана, секретаря посольства арабов к волжским булгарам. Ибн-Фадлан, встретившийся с башкирами в начале X в., пишет: «Кое-кто из них говорит, будто бы у него двенадцать господов: у *зимы* господь, у *лета* господь, у *дождя* господь, у *ветра* господь, у *деревьев* господь, у *людей* господь, у *лошадей* господь, у *воды* господь, у *ночи* господь, у *дня* господь, у *смерти* господь, у *земли* господь» [Цит. по: Ковалевский 1956: 131]. Кроме двенадцати божеств, Ибн-Фадлан зафиксировал и тринадцатое божество, о котором он пишет: «а господь, который на небе, самый большой из них. Однако он объединяется с теми в согласии, и каждый из них одобряет то, что делает его сотоварищ» [Цит. по: Ковалевский 1956: 131]. На основании данного текста можно сделать вывод о том, что в верованиях башкир начала X в. было представлено тринадцать божеств, из которых божество Неба было главным.

Аналогичные представления о божествах нашли отражение и в произведениях

башкирского фольклора. Так, например, в мифологических эпических памятниках «Урал-батыр», «Акбузат», «Заятуляк и Хыухылыу» и др. представлены божества Самрау, его жены Кояш ‘солнце’ и Ай ‘луна’, дочери Хумай и Айхылыу, Шульган и Смерть, Земля-Вода и др.

Согласно тексту эпоса «Урал-батыр», Верховным божеством и божеством Неба и птиц у древних предков башкир являлся Самрау. О нем его старшая дочь Хумай говорит следующие слова:

Мой отец — повелитель птиц —
Всюду пару искал себе,
Но не было такой на земле.
Чтобы равную отыскать,
Кинулся отец к небесам,
Встретил Солнце с Луною там,
Всей душою их полюбил.
Родилось у него двое детей.
Ни я с сестрой сводной своей,
Ни отец наш болезней не знали,
Смерти власть мы не признавали.
Отец мой и поныне властвует там
[Урал-батыр 2005: 213–214].

Судя по данному отрывку, Самрау является не только царем птиц, но и повелителем всех трех миров, т. е. верхнего, где он является божеством Неба и живет со своими женами Солнцем и Луной, среднего, где он является повелителем птиц, и нижнего, куда он отправил все темные силы, дивов и змей. Поэтому его дочь — солнечная дева и девушка-лебедь Хумай с гордостью говорит: «Мой отец под землею даже меня отыщет и вас накажет, дочь я царя, чье имя Самрау» [Урал-батыр 2005: 214].

Согласно данному эпосу-кубаиру, у Верховного божества башкир Самрау есть жены — божества Кояш ‘солнце’ и Ай ‘луна’, дочери Хумай и Айхылыу, которые могут принять любой облик, как и сам Самрау. Самрау, как и все его семейство, бессмертен. Он представлен как добрый и справедливый повелитель. Об этом говорит Урал Шульгену в ответ на его предложение напасть на страну Самрау:

Знай, Шульген: они никогда
Людям не причиняли вреда,
Кровь ничью они не проливали,
Других врагами не считали
[Урал-батыр 2005: 286].

Имя божества Самрау в фольклористической литературе обычно связывается с наименованием мифической птицы *Сәмре* ‘Самри’, *Сәмреғош* ‘Самригуш’, в основном представленной в башкирских народных сказках. Так, в сказках «Айыугулак», «Камыр-батыр и баба-яга» Самригуш является огромной птицей, живущей на вершине самого высокого в мире дерева и имеющей птенцов, которых каждый год съедает Аждаха, громадный змей. По сюжету сказок, батыры из-за предательства друзей оказываются под землей. В поисках дороги на землю батыры обеих сказок оказываются у громадного дерева, на вершине которого они замечают гнездо и детей Самригуша, на которых нападает Аждаха (змей). Батырам как первой, так и второй сказки удается убить Аждаху (змея) и спасти детей Самригуша. За это могучая птица доставляет обоих героев на землю. В сказках показаны и исцеляющие свойства птицы Самригуш. Судя по сюжетам указанных сказок, птица Самригуш исцеляет раны батыров взмахом крыла или зализыванием раны языком [Башҡорт халыҡ 1978: 100–104].

Заслуживающие внимания подробности встречаются в башкирской сказке «Самригуш и мудрец». Во-первых, здесь говорится о том, что Самригуш является царем птиц. Во-вторых, Самригуш выкраденной им еще в детстве царевной назван «минең әсәйем» ‘моя мама’, т. е. представлен женским персонажем. В-третьих, согласно данной сказке, Самригуш от обиды навсегда улетает за гору Кафтау, т. е. в Иные миры [Башҡорт халыҡ 1976: 297–300]. Эти подробности позволяют говорить о том, что мифический персонаж эпических памятников Самрау и Самригуш башкирских сказок близки не только по названиям, но и по функциям, характеристикам. Как и в кубаире-эпосе «Урал-батыр», персонаж сказок Самригуш является царем птиц, властителем трех миров, имеет детей, живет на вершине громадного дерева, т. е. на небесах, помогает и покровительствует земным батырам. Приведенные сведения дополняют данные кубаира-эпоса «Урал-батыр» и свидетельствуют в пользу божественного происхождения Самрау.

Необходимо отметить, что мифическая птица Самурык/Самрук, подобная башкирскому Самрау, зафиксирована в казахской мифологии. По легендам и сказкам казахов, птица Самурык/Самрук живет на вершине мирового дерева Байтерек. Как известно, мировое дерево в мифологии тюрков является осью мира, оно связывает верхний (небеса), средний (мир людей) и нижний (под-

земный) миры. В казахских сказках и легендах герой также попадает в подземный мир, откуда ему помогает выбраться громадная птица Самурык/Самрук в благодарность за то, что он спас ее птенцов от дракона Айдахара или Айдархана [Кондыбай 2005: 201–202].

Очевидно, что и по названиям, и по содержанию фольклорные произведения о Самрау, Самригуше, Самруке у башкир и казахов очень близки и, вероятно, восходят к одному источнику. Следует отметить, что мифологические представления, связанные с царем птиц типа Самрау, Самрук, Самригуш, кроме башкир и казахов, зафиксированы в народно-поэтической культуре казанских и сибирских татар, народов Средней Азии, ряда иранских и славянских этносов. В мифологиях указанных народов царь-птица выступает как птица счастья, судьбы, справедливости. Она является покровителем рода, народа, отдельных семей. В ряде мифологий отмечаются целительские функции царя птиц. В мифологиях данных народов птица Симург, Самрау, Самрук, Самригуш, Семаргл выступает и как божество — божество птиц, божество Неба, божество Судьбы [Мифы 1992: II, 436–437, 424–425, 537]. Отмечено, что в ареалах распространения данных представлений божественную птицу почитают, ей поклоняются во многих странах мира, как и башкиры [Symbolarium / Симург].

Таким образом, нашедшее отражение в национальном кубаире-эпосе «Урал-батыр» Верховное божество, божество Неба и птиц Самрау, имеет глубокие корни в башкирской мифологии. Представления, связанные с этим божеством, не ограничиваются только тюркским миром, они охватывают иранский, частично индоиранский миры. Использование образа Верховного божества, божества Неба и птиц в качестве бренда и тренда в современном Башкортостане косвенно свидетельствует о глубине проникновения этого образа в башкирскую народную культуру.

В то же время следует отметить, что на определенном этапе развития башкирской мифологии, видимо, произошло слияние образов Верховного божества, божества Неба башкир Самрау и древнетюркского Верховного божества и божества неба Тенгри, так как уже в эпосе «Урал-батыр» о демиурге — создателе Уральских гор Урал-батыре, есть характерные строки:

Атаң беҙгә Тәңреләй
Ярҙам итте, балаҡай...
Отец твой — как Тенгри-бог для нас,
Всех от страшной участи спас...
[Урал-батыр 2005: 163].

Заметим, что в других произведениях башкирского фольклора нет упоминания имени Самрау как Верховного божества. В них в основном в качестве божества Неба и Верховного божества упоминаются теонимы *Тәңре* ‘Тенгри’, *Хоҙай* ‘Худай’, *Алла* ‘Аллах’, которые, по-видимому, проникли в мифологию башкир в более позднее время. Несмотря на близость башкирской мифологии к мифологии тюрков Сибири, у башкир божество верхнего мира по имени Ульген не отмечено.

Однако в некоторых башкирских сказках в благодарность за спасение от Аждахи своих птенцов батыра доставляет на землю огромная черная птица *Ҡараҕош* ‘Каракуш’, а не Самригуш. Таким образом, функционально птицы Самригуш и Карагуш оказываются близки. Следует отметить, что гигантская мифическая птица Карагуш, Каракус, Алып-Каракус зафиксирована в мифологии казахов, киргизов, татар, азербайджанцев, алтайцев и других тюркских этносов [Symbolarium/Каракус; Урманче 2009: II, 132–133]. Следовательно, можно предположить наличие нескольких пластов в мифологии башкир, связанных с царь-птицей, божеством Неба и птиц Самрау. Если персонаж и его названия Самрау, Самригуш связаны с иранской мифологией, то Карагуш (тюрк. *каракуш* ‘орел, беркут, большой подорлик’, досл. «черная птица») в башкирской мифологии восходит к общетюркским истокам.

В кубаире-эпосе «Урал-батыр», кроме Верховного божества и божества Неба и птиц Самрау, представлены небесные божества *Ҡояш* ‘солнце’ и *Ай* ‘луна’. *Ҡояш* ‘солнце’ здесь является одним из главных божеств — в качестве жены главного божества Самрау и матери богини Хумай. Солярное божество *Ҡояш* дарит своей дочери Хумай небесного коня Акбузата, который в определенном смысле связан с судьбой солнечной девы, будучи ее покровителем.

Представления башкир, связанные с божеством Солнца как его олицетворением, находят отражение и в других произведениях национального фольклора. Так, во многих районах Башкортостана сохранились легенды о том, что солнце является

красивой девушкой, вышедшей со дна моря. В частности, об этом говорится в легенде, записанной в 2006 г. в Бураевском районе Башкортостана фольклористами Института истории, языка и литературы УНЦ РАН: *Ҡояш диңгеҙҙән сыҡҡан матур ҡыҙ. Ҡояш күк тәңреһе. Тәңреләрҙең иң ҙурыһы, — тейҙәр. Иң яҡшы теләк әйтәләр аңа ҡарап:* ‘Солнце — вышедшая из моря красавица. Говорят, что Солнце является божеством Неба, что оно — главное божество на небе. С самыми лучшими пожеланиями обращаются к нему’ [Экспедиция 2008: 66]. Интересно отметить, что аналогичную легенду о солнце в XIX в. записал у башкир русский исследователь М. В. Лоссиевский: Ҡояш — русалка, вышедшая со дна моря. Ее русые в несколько обхватов волосы лежат на поверхности воды. Она руками достает с неба звезды и прикалывает к волосам [Лоссиевский 1878: 36].

О божественном происхождении солнца свидетельствует и языковой материал. В частности, с олицетворением солнца связаны фразеологизмы *ҡояш ашау* ‘выгореть на солнце’, досл. «съедание солнцем» (цвета чего-нибудь); *ҡояш тотолоу* ‘солнечное затмение’, досл. ‘похищение, хватание солнца’; *ҡояш апай* — обращение к солнцу в детской закличке, досл. ‘сестра (тетя) солнце’ — и др. [Академический словарь 2012: Т. 4; 15]. Следует также добавить, что и с синонимом слова ҡояш — *көн* в башкирском языке представлено множество аналогичных фразеологизмов: *көн бите* ‘солнцепек’, досл. ‘лик, лицо солнца’; *көн ҡолағы* ’ореол солнца’, досл. ‘уши солнца’; *көн үтеү* ‘ получить солнечный удар’, досл. ‘проникновение солнца’ и др. [Академический словарь 2012: Т. 5; 657–675].

Об олицетворении солнца свидетельствуют и диалектные названия запада и востока у башкир: *көнпатыш* (каридельский) ‘запад’, досл. ‘место, куда тонет солнце’; *көнинеш* (средний) ‘запад’, досл. ‘место, куда солнце ежедневно заходит’; *көнҡуныш* (аргаяшский) ‘запад’, досл. ‘место, где солнце спит’; *көнтыуыш* (айский, миасский) ‘восток’, досл. ‘место, где рождается солнце’, и др. [Академический словарь 2012: Т. 5; 662, 667, 669, 673].

В башкирской народной культуре сохранились реликты клятвы с упоминанием солнца. Ср.: *Ант иткәндә: Ана ҡояш! — тип ҡан әскәндәр.* ‘Когда давали клятву, произносили: „Вот солнце! “ — и пили кровь’. Кроме приведенного выражения, сохранились следующие клятвенные слова: *ҡояштыр!* ‘вот солнце’, *ҡояш менән ант итәм* ‘солнцем клянусь’ — и др. [Хисамитдинова 2010: 197]. В башкирских мифологических рассказах, легендах и преданиях сохранились названия солнца, свидетельствующие о его восприятии как божества: *Көн әйәһе* ‘Дух, хозяин солнца’, *Ҡояш тәңре* ‘Божество солнца’, *Ҡояш батшаһы* ‘Царь солнце’, *Көн әйәләре* ‘Духи, хозяева дня (солнца)’ — и др. [Башкорт 1995: I, 329; Хисамитдинова 2010: 195–196].

О представлениях башкир, связанных с божеством Солнца, свидетельствуют и названия божьей коровки, зафиксированные в диалектах. Ср.: *Ҡояш апай*, досл. ‘сестра (тетя) солнце’; *Ҡояшҡорт*, досл. ‘солнечный червь’; *Ҡояшымбаҡ*, досл. ‘смотрящий на солнце’; *Сыуағапай*, досл. ‘Солнце-тетя’; *Әбей ҡояшы*, досл. ‘бабушкино солнце’; *Көнйылытҡыс,* досл. ‘греющий солнце’ — и др. [Хисамитдинова 2010: 195–196, 151, 369, 273]. Божья коровка является одним из самых мифологизированных насекомых у башкир, как и у многих народов мира. Божью коровку в мифологии обычно связывают с богом, его живностью. Например, в славянских языках отмечены такие названия божьей коровки: божья овечка, божий барашек, божий теленок и др. [Славянская 2002: 50].

В башкирском языке, кроме литературного *ҡамҡа,* зафиксированы следующие названия божьей коровки: *Алла бабай ҫыйыры,* досл. ‘корова деда Аллаха’; *Алла пипейе,* досл. ‘цыпленок Аллаха’; *Алла бабай пипейе,* досл. ‘цыпленок дедушки Аллаха’ и др. [Хисамитдинова 2010: 23–24]. Факты языка дополнительно свидетельствуют о том, что *ҡояш/көн* ‘солнце’ в мифологии башкир является божественной сущностью. Кроме того, в отдельных легендах в отличие от эпоса «Урал-батыр» Солнце представлено как мужской персонаж. Например, по легенде «Племя тангаур», праматерью башкир-тангауров является девушка, зачавшая от солнечного луча [Башкирское 1987: II, 122]. Таким образом, по этой этногенетической легенде, *Ҡояш* ‘солнце’ — мужчина, отец рода. Как известно, мотив рождения от луча солнца встречается в верованиях многих тюркоязычных народов [Мифы 1992: II, 461–462].

Интересно отметить, что в именнике башкир с элементом *ҡояш* (көн) представ-

лены как мужские, так и женские имена: Кояш Галикеев (имя башкира начала XIX в.; Кояшбикэ — женское имя из именника башкир XVIII в.; Көнһылыу, Көнбаҡты и др. — личные имена башкир XX в. [Хисамитдинова 2010: 84; Кусимова, Бикколова 2010: 232]. Добавим, что божество Kün täŋri ‘бог-солнце’ зафиксировано в памятниках древнетюркской письменности [Древнетюркский 1969: 326]. Из мифологических воззрений современных тюрков стоит отметить наличие нескольких солярных божеств у чувашей (Божество солнце, Отец солнца, Мать солнца, Дети солнца [Мифы 1992: II, 538].

В башкирской народной культуре существует множество запретов, благопожеланий, проклятий, связанных с солнцем. Так, по верованиям башкир, солнцу нельзя показывать грязь, различные нечистоты, непогребенных покойников, нельзя говорить *«Кояш сыҡты»* (досл. «солнце вышло»), «*Кояш батты»* (досл. ‘солнце утонуло’). Если не соблюдать эти запреты, солнце может обидеться, разгневаться и наслать проклятия. Например, если сказать *«Кояш сыҡты»*, солнце может наслать проклятие: «*Уҙеңдең дә күҙең сыҡһын!* — ‘Пусть и твои глаза вылезут!’» [Хисамитдинова 2011: II, 124].

У башкир до сих пор сохранились обряды, связанные с солнечным затмением. Например, при затмении солнца башкиры заставляют плакать детей, кричать животных, совершают обряд жертвоприношения, обращаются с молитвой к солнцу: «*Шөкөрана, шөкөрана. Яҡты донъяла йәшәгән өсөн, йылытҡан өсөн рәхмәт, тазартҡан өсөн рәхмәт* — ‘Господи, благодарю, благодарю за все, за все! За то, что живу на белом свете, за то, что ты согреваешь, очищаешь’ [Хисамитдинова 2011: II, 126]. Солнце как божество предстает и в обряде вызывания солнца *Аяҙ теләү*. Суть его сводится к тому, что при затяжных дождях на горе или на другом возвышенном месте совершали жертвоприношение *Аҡ ҡорбан* ‘белый курбан’ и проводили коллективные моления в честь солнца [Хисамитдинова 2010: 16]. Таким образом, представления о солнце как божестве нашли отражение во всей народной культуре башкир.

Другим божеством верхнего мира, сохранившимся в башкирской народной культуре, является Ай ‘луна, месяц’. Кроме эпоса «Урал-батыр», в котором божество Ай явлено как женщина, мать, жена, представления, связанные с луной (месяцем), нашли отражение в легендах и сказках башкир. Так, в легендах, связанных с лунной девушкой — Ай ҡызы, Ай ‘месяц’ предстает в облике юноши, мужчины, забирающего к себе обиженную сироту и полюбившую его девушку: Одна очень красивая башкирская девушка пошла лунным вечером за водой. Вечер был прекрасный, тихий месяц светил так ярко, что девушка залюбовалась его сиянием. «Какой славный этот месяц, — подумалось ей, — и, верно, добрый, так весело смотрит с неба, как будто улыбается!». Погруженная в такие думы, приблизилась к источнику, зачерпнула в ведра воды. Потом оглянулась и заметила на берегу торчащую из-под песка, омытую дождями кость, — должно быть, богатырскую: кому же, как не могучему батыру, могла принадлежать такая кость? «Какой могучий батыр был! — воскликнула она и, взглянув на месяц, невольно продолжала, — Если бы у меня был такой муж, как месяц, я непременно родила бы ему такого же статного богатыря». И месяц взял тогда девушку себе в жены. Вот и стоит она в небе с коромыслом и ведрами [Лоссиевский 1878: 36].

Любопытные представления, связанные с луной (месяцем) нашли отражение в малых жанрах башкирского фольклора — как, например, в загадках:

Поле не мерено,
Скот не считан,
Пастух рогат
(звезды и месяц) [БНТ 1993: 152],

Пастух вечный
Пасет стадо овечье
(звезды и месяц) [БНТ 1993: 154],

Овцы крылаты,
Пастух рогатый
(звезды и месяц) [БНТ 1993: 154], —

где Ай ‘месяц’ кодифицируется в образе небесного пастуха, пасущего небесный скот (звезд).

В башкирской мифологии Ай ‘луна, месяц’ является объектом поклонения, культа, о чем свидетельствуют обычаи, обряды, запреты башкир. При появлении на небе народившегося месяца произносились благопожелания:

Ай күрҙем аман менән
Ауыҙым тулы иман менән,
Итәгем тулы бала менән,

Кәртәм тулы мал менән,
Ошо айҙа вафат булһам,
Үткәр, Хоҙайым, иман менән, —
[Хисамитдинова 2002: 6].

Увидел луну в добром здравии,
Мои уста и душа полны молитвами,
Полон мой дом детьми,
Полон мой хлев скотиной,
Если в этом месяце суждено
Мне покинуть этот мир,
Прими меня, мой Худай, как верующего, —

сопровождавшиеся подпрыгиванием и троекратным повторением фразы: *«Ай күрҙем! Ай күрҙем! Ай күрҙем!* — Луну увидел, луну увидел, луну увидел».

Особое отношение башкир к луне фиксировано наличием в их именнике множества имен с элементом *ай* ‘луна, месяц’. Ср.: Айбулат, Айтуған, Айбикә, Айгиз, Айгөл, Айһылыу и др. Подобные имена свидетельствуют о вере в то, что луна может оказывать покровительство людям с «лунными именами». В то же время «лунные имена» у башкир считаются тяжелыми, опасными для детей. Поэтому в случае смерти ребенка с «лунным именем» до сих пор говорят: *«Исеме ауыр булған, исемен күтәрә алмаған»* [Хисамитдинова 2011: I, 33] — Имя оказалось тяжелым, не смог поднять (носить, вынести) такое имя, — словно признавая, что покровительство луны может получить не каждый. Очевидно, с оберегающей, покровительственной функцией луны связано и наличие лунных этнонимов и онгонов у башкир. Например, одно из крупных родоплеменных объединений северо-восточных башкир носит название ай/әйле ‘айлинцы’. Основной тамгой айлинцев также является ай-тамга [Кузеев 1974: 194–219, 290–292]. Кроме айлинцев, ай-тамга встречается в родоплеменной атрибутике башкир-кубаляков, тиляуцев, бишул-табынцев, а также у табынцев северо-западного Башкортостана и восточного Татарстана [Кузеев 1974: 246–287, 295–298].

Луна — Ай является одним из самых мифологизированных небесных тел, поэтому у башкир существуют поверия, связанные и с ее фазами. Например, период новолуния у башкир считался благоприятным временем для замужества и женитьбы. Только на новую луну постригали первые волосы младенца, стригли ногти, начинали важные дела, веря в то, что вместе с луной будет расти ребенок, успех, благосостояние. Когда на небе появлялся молодой месяц, башкиры обращались к нему с мольбой о прощении грехов, оказании покровительства детям и молодым, только вступившим в брак, о благословении новых начинаний и т. д.

Увидел(а) я месяц — душе просветление,
Увидел(а) я месяц глазами лучистыми,
С полным двором и хозяйским домом,
Встретила с чистыми, светлыми мыслями,
Встретила знанием, даренным верою.
Сколько нам с месяцем жизни отмерено,
Дать прожить с благословением.
Луне — начало,
Мне — жизнь!
[Башкирское народное 2010: XII, 159].

Существует множество запретов, связанных с убыванием луны. Например, в период убывания луны нельзя начинать новое дело — оно не будет успешным, стричь волосы — не будут расти и т. д. В конце последней фазы убывания луны *«Ай бөҙөгөндә»*, в перерыве перед новолунием нельзя выходить замуж — брак будет несчастливым, нельзя резать скот — год не будет плодовитым и т. д. В основе этих поверий лежит вера в существование взаимной связи между убыванием луны и убыванием благосостояния людей, отсутствием будущего. Аналогичная семантика усматривается в поверье, согласно которому, в период убывания луны необходимо изгонять болезни, неудачи, несчастья. В различных заклинаниях, нацеленных на изгнание злых духов, демонов болезней, несчастий, упоминается божество Луны. Это связано с тем, что луна появляется в вечерне-ночное время, в конце дня-жизни, и если Солнце — день дарит жизнь, то Луна способна избавить от болезней. В период убывания луны заговаривают мозоли, бородавки: *«Ай ҙа ҡайтҡан, көн дә ҡайтҡан, һин дә ҡайт инде!»* (‘И Луна ушла, и солнце ушло, ты тоже уходи!’). В одном из вариантов заговаривания мозоли/бородавки ее показывают ночью луне, приговаривая: *«Ҡайҙа һинең тәтәйең? Бына минең тәтәйем!»* – ‘Где твоя игрушка? Вот моя игрушка!’ Здесь демонстрируется вера в возможность общения с луной, желание заинтересовать, обмануть ее, чтобы она забрала болезни [Хадыева 2005: 54–56].

Со словом *ай* ‘луна, месяц’ в башкирском языке представлено множество фразеологических сочетаний. Ср.: *ай башы* ‘новолуние’, досл. ‘голова луны’; *ай бите* ‘лик луны’, досл. ‘лицо луны’; *ай ҡолаҡланыу*

‘появление ореола вокруг луны’, досл. ‘появление ушей у луны’; *ай тотолоу* ‘лунное затмение’, досл. ‘глотание луны’, ‘хватание луны’; *ай эрәнйеү* (иргизский), ‘затмение луны’, досл. ‘обида луны’ и др. Перечисленные и другие фразеологизмы со словом *ай* свидетельствуют об олицетворении луны у башкир.

О том, что в башкирской мифологии Ай ‘луна (месяц)’ была одним из небесных божеств, свидетельствуют и названия персонажей типа *Ай эйәһе* ‘дух луны’, *Ай хужаһы* ‘хозяин луны’, *Ай ҡыҙы* ‘лунная девушка’, *Ай ҡусты* ‘месяц — брат’ и др., встречающиеся в легендах, мифологизированных рассказах, запретах башкир, как и других тюркских народов: ведь божество Луна — Aj täŋri было известно еще в древнетюркской мифологии [Древнетюркский 1969: 24].

Как уже говорилось выше, божественными качествами в эпических текстах «Урал-батыр» и «Акбузат» характеризуется и дочь верховного божества Самрау и Солнца (*ҡояш*), златовласая девушка Хумай. Она представлена в образе лебедя или девушки. Хумай способна жить и на небе, и на земле. Она, как сотворенная из солнечных лучей, омытая матерью — Солнцем водой из Живого родника, бессмертна [Урал-батыр 2005: 214]. После смерти Урал-батыра она возвращается на земли Урала лебедем в сопровождении зверей и птиц, тем самым населяя родину своего мужа животными. В эпосе «Акбузат» Хумай предстает в облике большой птицы и помогает Хаубану победить царя подводного царства, Шульгена. Таким образом, в обоих памятниках Хумай является одним из древних покровителей, божеств башкир.

С именем *Һомай, Һомай ҡош,* кроме солнечной девы *Һомай* ‘Хумай’, в башкирской мифологии представлена мифическая птица счастья Хумай, или Хумай куш. Легенды гласят: кому доведется увидеть эту птицу, тот станет счастливым и удачливым. Птица Хумай отображена и в сказках башкир, где также говорится о том, что тот человек, на кого упадет ее тень, будет счастливым и удачливым. В словарях башкирского языка зафиксировано название живущей только на небе мифической птицы Хумай *(Һомай, Һомайғош),* тень которой делает счастливым, везучим, удачливым человека, на которого она упала. По поводу происхождения персонажа и слова *Һомай* в башкироведении существует несколько точек зрения.

Согласно первой, башкирский мифический персонаж Хумай восходит к мифической птице иранских народов Хума ‘птица, предвещающая счастье’; Хомаюн ‘счастливый, августейший’. Птица счастья встречается в мифологиях народов Средней Азии, Сибири (Умай), Индии (Гаруда), арабских стран (Хумайя), славян (Гамаюн) [Мифы 1992: I, 266–267; II, 546]: эта птица делает властителем человека, на которого упала ее тень, т. е. для нее характерны божественные функции. В индуистской же мифологии представлена добрая, мирная богиня Ума, являющаяся женой Шивы [Мифы 1992: II, 643]. Таким образом, можно предположить, что башкирское мифологическое божество Хумай восходит к индо-иранской мифологии, в особенности, если учесть, что участие ираноязычных племен в этногенезе башкир принимается большинством башкироведов [Кузеев 1974: 382–384].

Вторая группа исследователей связывает появление божества Хумай в башкирской мифологии с древнетюркской, точнее, пратюркской мифологией [Тухватуллина 1986: 132]. Как известно, божество Умай представлено в памятниках древнетюркской письменности, где выступает вторым по значимости после Тенгри божеством, приносящим счастье, удачу, одаривающим тюрков особой, божественной силой. В отдельных памятниках богиня Умай выступает в качестве жены верховного божества Тенгри и покровительницы тюркских каганов, воинов. В памятниках материальной культуры божество Умай обычно изображается с луком и стрелой [Мифы 1992: II, 537–540], что также свидетельствует о покровительстве божества Умай воинам-тюркам.

Отметим и то, что божество Умай известно в мифологии современных тюрков Сибири. Однако функции Умай в них сужены. Она предстает в основном как богиня-покровительница детей и женщин. У отдельных тюрков Сибири богиня Умай выступает защитницей рожениц. Не случайно слово *умай* в различных фонетических вариантах употребляется в качестве названий отрезанной пуповины, чрева матери, матки. Судя по материалам, богиня Умай у некоторых тюркских народов считалась богиней плодородия и благополучия, покровительницей рода и семьи. Согласно же представ-

лениям алтайцев, богиня Умай считается еще и хранительницей очага, семейного благополучия [Мифы 1992: II, 547].

В целом, можно сказать, что функции богини Умай древних и современных тюрков, а также Хумай из башкирских кубаиров близки. Кроме отмеченных выше функций, как богиня Хумай, так и Умай являются посредниками между верховным божеством Неба и миром людей, животных.

Айхылыу, вторая дочь верховного божества Самрау, по-видимому, также относится к древним божествам башкир. Во-первых, она является дочерью двух божеств: божества Луны — Ай и Самрау. Во-вторых, она, как и ее сестра Хумай, может принять любой облик, но чаще предстает в облике прекрасной девушки (об этом говорит и ее имя — «лунная красавица» или «луноподобная красавица») и птицы — как она сама говорит: «такой, что людям и не приснится, такой, каких на земле не бывает» [Урал-батыр 2005: 275]. Судя по автохарактеристике, Айхылыу является не простой девушкой, а божественной, небесной девой. При описании красоты Айхылыу в кубаире особенно выделено ее небесное свойство — лунное, ярче звезд, сияние:

Все красавицы как на подбор —
Сердце греют и тешат взор,
Можно голову, потерять!
Но даже средь таких одна,
Как среди звезд ночных луна,
Сияет так, что слепит глаза —
Взгляд оторвать от нее нельзя.
Тонок стан ее, взор глубок;
Родинка на ее щеке
Нежно темнеет, как цветок.
Айхылыу имя девушки той.
Не видел Шульген красавиц светлей...
[Урал-батыр 2005: 275].

После возвращения из плена Айхылыу отправляют на Луну, при этом ее отец Самрау говорит напутственные слова:

От всех пережитых бед
Ее исцелит лишь матери свет.
Пусть она к матери-Луне
Полетит и наш передаст привет
[Урал-батыр 2005: 295], —

свидетельствующие, во-первых, о медиаторской роли Айхылыу: она связывает Самрау с Луной, во-вторых, о связи самой Айхылыу с Луной как ее матерью. С другой стороны, Айхылыу, отправленная на небо к матери, предстает звездой, недоступной дивам. О том, что Айхылыу может быть звездным божеством, говорят и следующие строки:

С неба что-то, огнем полыхая,
Стало падать, плача, стеная...
….....
Клок огня, что с небес спускался,
Девушкой Айхылыу оказался...

Тесную связь Айхылыу с Луной и небом подтверждают и слова Айхылыу своему сыну от Шульгена, Сакмару:

Знай: от Луны я рождена,
Что озаряет ночную мглу.
Мать любила очень меня;
Когда я стала жертвой Шульгена,
Потускнела она мгновенно,
Вся печалью серой покрылась,
Темной думою замутилась;
Каждый день ее меркнет взор,
Слабнут лучи, что видят позор...
[Урал-батыр 2005: 310].

Таким образом, девушка-птица Айхылыу, как и ее сестра Хумай, имеет божественное происхождение. Возможно, она является божеством — звездой, живущей рядом с луной, т. е. башкирской Венерой, близкой к общетюркской Сулпан.

Необходимо также отметить, что в верхнем мире, кроме Самрау, его жен и дочерей, обитают и небесные кони — Акбузат, который принадлежит солнечной деве Хумай, и Харысай, рыжий конь лунной девушки Айхылыу. Обе сестры гордятся своими конями и хотят их подарить своим суженым в качестве приданого. Вот как говорит об этом Айхылыу:

Мой отец — падишах
А Луна — мне небесная мать.
Чтоб нареченному подарить,
Есть у меня рыжий конь — Харысай:
Воды захочешь — к ней путь найдет,
В бой с тобою, как друг, пойдет
[Урал-батыр 2005: 275–276].

Старшая из дочерей Самрау, Хумай также хочет подарить полученного от своей матери Кояш коня Акбузата своему нареченному:

Батыров моих наперечет
Знаешь ты — им узду не давал,
Достойными себя не считал;
Ну а сам для меня батыра
Тоже искать по свету не стал.
Вот два батыра, что здесь сошлись,
Прихода твоего заждались.
Сочтешь ли своим того, кто пригож,
По богатству ли изберешь,

Только один в твоей судьбе
Станет избранником, другом тебе,
Так же, как нареченным мне
[Урал-батыр 2005: 290].

Кони Акбузат и Харысай, живущие в верхнем мире и подаренные Солнцем и Луной своим дочерям, также обладают божественными качествами. Во-первых, они наделены даром речи, во-вторых, сами выбирают батыров-избранников своим хозяйкам, в-третьих, конь Акбузат является опорой, помощником батыра, в четвертых — родоначальником земных коней: Акбузат «лошадиный род единил, во главе табунов сам шел, всех затем он сюда привел». Таким образом, небесные кони Акбузат и Харысай в эпосе предстают божествами-помощниками небожителей, покровителями лошадей и других животных.

Божественные качества коня Акбузата нашли отражение и в посвященном ему кубаире-эпосе «Акбузат». Согласно тексту, богатырский конь Акбузат живет на дне озера. Этого коня покойного Урал-батыра туда спрятал царь подводного мира Шульген [Башкорт/Надршина 2010: 76]. Акбузат в одноименном эпосе, во-первых, умеет говорить, во-вторых, обладает умом, давая советы, помогая и в целом покровительствуя герою.

Таким образом, верхний мир в башкирской мифологии населяют божества — Неба Самрау (который в отдельных легендах назван Тәңре, Күк тәңре, Хоҙай), Солнца Кояш (Көн), Луны (месяца) Ай, девушки-птицы Хумай и Айхылыу, небесные кони Акбузат и Харысай.

Источники

Академический словарь башкирского языка / ред., сост. Ф. Г. Хисамитдинова. В 10 т. Т IV. Уфа: Китап. 2010. 944 с.

Академический словарь башкирского языка / ред., сост. Ф. Г. Хисамитдинова. В 10 т. Т V. Уфа: Китап. 2012. 888 с.

Башкирское народное творчество (БНТ). В 18 т. Т. 2. Предания и легенды. Уфа: Башкир. кн. изд-во, 1987. 576 с.; Т. 12. Обрядовый фольклор. Уфа: Китап, 2010. 592 с.

Башҡорт халыҡ ижады (БХИ). Әкиәттәр. (Башкирское народное творчество. Сказки). К. 2. Өфө: Башҡоркостан Китап нәшриәте, 1976. 376 б; К. 3. Өфө: Башҡоркостан Китап нәшриәте, 1978. 350 б.

Башҡорт халыҡ ижады (БХИ). Йола фолҗклоры (Башкирское народное творчество). Т. 1. Обрядовый фольклор. Өфө: Башҡоркостан Китап нәшриәте, 1995. 560 б.

Башҡорт халыҡ ҡобайыр-иртәктәре. (Башкирские народные кубаиры-иртеки) / ред. Ф. Надршина Өфө: Китап нәшриәте, 2010. 280 б.

Древнетюркский словарь / Наделяев В. М. и др. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1969. 676 с.

Ковалевский А. П. Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Статьи, переводы и комментарии. Харьков: Изд-во Харьков. ун-та, 1956. 398 с.

Лоссиевский М. В. Башкирская легенда о месяце // Оренбургский листок. Оренбург. 1878. № 36.

Урал батыр. Башҡорт халыҡ ҡобайыры = Урал-батыр. Башкирский народный эпос = Ural-batur Bashkort Folk Epic // сост. Ф. А. Надршина. 2-е изд. Уфа: Информреклама, 2005. 468 с.

Экспедиция материалдары — 2006: Бөрай районы. Өфө: Делов. династия, 2008. 240 с.

Литература

Кондыбай С. Казахская мифология. Краткий словарь. Алматы: Нурлы Алем, 2005. 272 с.

Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа. М.: Наука, 1974. 576 с.

Кусимова Т. Х., Бикколова С. А. Башҡорт исемдәре. (Башкирские имена). Уфа: Китап, 2010. 176 с.

Мифы народов мира. Энциклопедия в 2 т. Т. I. М.: Сов. энцикл., 1992. 719 с.

Овсянников В. В. Предисловие // История башкирского народа. М.: Наука, 2009. 400 с.

Славянская мифология. Энциклопедический словарь. А-Я. 2-е изд., испр. и доп. М.: Междунар. отношения, 2002. 510 с.

Тухватуллина В. Ж. Собственные имена в эпосе «Урал-батыр» // Исследования по башкирской диалектологии и ономастике. Уфа: БФАН СССР, 1986. 248 с.

Хадыева Р. Н. Башкирская этнокультура и язык. Опыт воссоздания языковой картины мира. М.: Наука, 2005. 248 с.

Хисамитдинова Ф. Ғ. Башҡорт мифологияһы. Белешмә һүҙлек. Өфө: Ғилем, 2002. 126 с.

Хисамитдинова Ф. Г. Башкирская ойконимия XVI–XIX вв. Уфа: Башкнигоиздат, 1991. 304 с.

Хисамитдинова Ф. Г. Словарь башкирской мифологии. В 3 кн. Кн. 1. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2011. 164 с.; Кн. 2. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2012. 152 с.; Кн. 3. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2012. 128 с.;

Symbolarium.ru / index. php / Каракус/Симург.

Sources

[Academic Dictionary of the Bashkir Language]. F. G. Khisamitdinova (ed.). In 10 vol. Vol. IV. Ufa: Kitap. 2010. 944 p. (In Bashkir)

[Academic Dictionary of the Bashkir Language]. F. G. Khisamitdinova (ed.). In 10 vol. Vol. V. Ufa: Kitap. 2012. 888 p. (In Bashkir)

[Bashkir Folk Art. Fairy Tale]. Vol. 2. Ufa: Bashkorkostan Kitap nashriate, 1976. 376 p.; Vol. 3. Ufa: Bashkorkostan Kitap nashriate, 1978. 350 p. (In Bashkir)

[Bashkir Folk Art]. In 18 vol. Vol. 2. [Tales and Legends]. Ufa: Bashkir Book Publ., 1987. 576 p.; Vol. 12. [Ritual Folklore]. Ufa: Kitap, 2010. 592 p. (In Bashkir)

[Bashkir Folk Art]. Vol. 1. [Ritual Folklore]. Ufa: Bashkorkostan Kitap nashriate, 1995. 560 p. (In Bashkir)

[Bashkir People's Cubair-irteks]. F. Nadrshina (ed.). Ufa: Kitapneft, 2010. 280 p. (In Bashkir)

[Expedition materials 2006. Böray district]. Ufa: Delov. Dynasty, 2008. 240 p. (In Bashkir)

[The Old Turkic Dictionary]. V. M. Nadelayev et al. (compl.). Leningrad: Nauka, 1969. 676 p. (In Turk.)

[Ural Batyr. Bashkir Folk Epos]. F. A. Nadrshina (compl.). 2nd ed. Ufa: Informreklama, 2005. 468 p. (In Bashkir)

Kovalevsky A. P. [Book of Ahmed ibn Fadlan about his Voyage to the Volga in 921–922]. Articles, transl. and comment. Kharkov: Kharkov University Publ. House, 1956. 398 p. (In Russ.)

Lossievsky M. V. [The Bashkir Legend about the Moon]. *Orenburg Bulletin*. Orenburg. 1878. No. 36. (In Russ.)

References

[Myths of the Peoples of the World]. Encyclopedia in 2 vol. Vol. I. Moscow: Sov. encyclopedia, 1992. 719 p. (In Russ.)

[Slavic Mythology. Encyclopedic Dictionary]. 2nd ed. Moscow: International Relations, 2002. 510 p. (In Russ.)

[Symbolarium.ru / index. php / Karakus/Simurg]. (In Russ.)

Khadyeva R. N. [Bashkir Ethnoculture and Language. Experience of Restoration of Language Picture of the World]. Moscow: Nauka, 2005. 248 p. (In Russ.)

Khisamitdinova F. G. [Bashkir Mythology. Dictionary]. Ufa: Gilem, 2002. 126 p. (In Bashkir)

Khisamitdinova F. G. [Bashkir Oikonymia in the XVI–XIX cent.]. Ufa: Bashknigoizdat, 1991. 304 p. (In Russ.)

Khisamitdinova F. G. [Dictionary of Bashkir Mythology]. In 3 vol. Vol. 1. Ufa: Institute of History, Language and Literature at Ufa Scientific Center of the RAS, 2011. 164 p.; Vol. 2. Ufa: IHLL at USC of the RAS, 2012. 152 p.; Vol. 3. Ufa: IHLL at USC of the RAS, 2012. 128 p. (In Russ.)

Kondybai S. [Kazakh Mythology. Brief Dictionary]. Almaty: Nurly Alem, 2005. 272 p. (In Russ.)

Kusimova T. Kh., Bikkolova S. A. [Bashkir Names]. Ufa: Kitap, 2010. 176 p. (In Bashkir)

Kuzeev R. G. [Origin of Bashkir People]. Moscow: Nauka, 1974. 576 p. (In Russ.)

Ovsyannikov V. V. [Preface]. In: [History of Bashkir People]. Moscow: Nauka, 2009. 400 p. (In Russ.)

Tukhvatullina V. J. [Proper Names in the Epos "Ural-Batyr"]. In: [Studies on Bashkir Dialectology and Onomastics]. Ufa: Bashkir Department of the USSR Academy of Sciences, 1986. 248 p. (In Russ.)

УДК 398.21
ББК 82.3 (2Рос=Баш)

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ПОМОЩНИКИ ГЕРОЯ В БАШКИРСКОЙ ВОЛШЕБНОЙ СКАЗКЕ*

Mythological Hero Assistants in the Bashkir Fairy Tale

Г. Р. Хусаинова (G. Khusainova)[1]

[1]кандидат филологических наук, зав. отделом фольклористики Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН (Ph.D. of Philology, Head of the Department of Folklore Studies of the Institute of History, Language and Literature in the Ufa Scientific Center of the RAS). E-mail: bashfolk@yandex.ru.

В статье рассматриваются мифологические помощники героя волшебной сказки. Автор приходит к выводу, что функции помощника выполняют различные персонажи, каждый из которых отличается способами помощи герою: конь доставляет в нужное место, домашние животные возвращают герою волшебный предмет, змея исцеляет, чудесная супруга помогает герою подсказками.

Ключевые слова: башкирская сказка, мифологический помощник, конь, корова, змея, супруга, Самригуш.

The article discusses assistants to Bashkir characters in fairy tales. Researchers N.K. Dmitriev, A.N. Kireev, M.H. Mingazhetdinov have left only a passing mention of them in their publications. The author gives a more complete picture of each helper of a hero and shows his function.

The main character is an assistant horse. Hence the article focuses more on him. The horse has the art of magic, looks beautiful. The fairy-tale hero gets a horse in different ways: as a gift, by choice, for services, etc. The horses main functions: 1) to assist in the goings of the hero; 2) rescuing the hero by abduction from his home when he was in danger; 3) because the horse is a talking one, its functions are also giving timely hints, tips, warnings.

In some tales the heroes assistant appears as corpse or skull of a man. In the fairy tales proper a skull or enchanted shepherd tells the young man where to go, what to take with him, and in the heroic fairy-tales he having become a friend of the hero on the way on trading business, helps the hero get his wife and provides a rich, happy life. Among assistants are also a bearded old man, a serpent helping the boy for his good deeds; wonderful wife chosen by an arrow shot from the bow, the bride becoming the best among the three daughters, a dog, a cat or a cow. Another assistant of the hero is Samrigush. It is an episodic Assistant, but it occurs in Bashkir tales often and helps the hero in gratitude for saving her chicks from Ajdaha-monster.

It turned out that in the Bashkir fairy tales mythological heroes assistants are the mythical horse, domestic animals (cow, cat, dog), a cadaver or a skull, a white-bearded old man, a wonderful spouse, snake, etc. All of them posses one function: to help the hero. Each creature renders its own help: the horse delivers to the right place, pets returned the hero a magic item, the snake heals, wonderful wife helps the hero by clues where to get magic items required by the king.

Keywords: Bashkir fairy tale, mythological assistant, horse, cow, snake, spouse, Samrigush.

Исследователями башкирских сказок накоплено множество наблюдений о мифологических помощниках героя. Так, Н. К. Дмитриев в своем предисловии к сборнику «Башкирские народные сказки» пишет: «К волшебным персонажам относится <…> также громадная птица Хымай, Сямрюк или Семере, которая спасает героя за то, что он избавляет ее птенцов от аждахи или другого чудовища» [Дмитриев 1941: 25]. А. Н. Киреев отмечает: «Добрые силы, помогающие человеку (эпическому герою) в его справедливых делах, — это кони-тулпары, крылатые акбузаты, волшеб-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ и РБ «Урал: история, экономика, культура» в рамках научно-исследовательского проекта № 14-14-02006 “Поэтика и стиль башкирских волшебных сказок”.

ные шункары (кречеты), ыласын (сокол), торна (журавль), гигантская мифическая птица симруг и т. п.» [Киреев 1969: 17]. М. Х. Мингажетдинов к числу помощников героя относит коней разных мастей, крылатого тулпара, голубя, воробья, сову, золотую птицу [Мингажетдинов 1976: 21]. Основательно исследована эта проблема Н. Т. Зариповым [Зарипов 2008: 121–128] на материале башкирской богатырской сказки. Задачей настоящей работы является рассмотрение действий помощников героя в волшебной сказке.

Каждый исследователь, опираясь на свой материал, перечисляет мифологических помощников героя. Если некогда Н. К. Дмитриев ограничивался выделением только одного волшебного помощника — птицы Самригуш, то в современной башкирской фольклористике их насчитывается гораздо больше. В сюжетах башкирских сказок заметны маленькие персонажи с эпизодической ролью по оказанию мелких услуг: например, голубь и воробей в сюжетных типах АТ 327 С, Д, Е, Г+313 Н* и АТ 532 могут передать кому-нибудь сообщение героя [БНТ: Сказки 1: 189, 196] или, как в сказке «Златовласая», муравьи находят для героя рассыпанные в траве бусинки Алтынсэс, сорочата разыскивают волшебную воду, золотая рыбка вытаскивает из воды перстень Алтынсэс, а муха помогает узнать Алтынсэс среди двенадцати девушек [БНТ: Сказки 2: 86] и т. п. В настоящей статье рассматриваются персонажи, выполняющие функции непосредственных помощников героя: крылатый конь, кошка и собака — домашние животные; лиса, волк, змея — дикие животные и пресмыкающееся, связанные с тотемистическими воззрениями башкир; чудесная супруга, действующая в сюжете сказки от начала до конца, и Самригуш, оказывающий эпизодическую помощь, но очень популярный и любимый народом персонаж. Необходимо по возможности дать представление о каждом помощнике героя и показать его функции в башкирской волшебной сказке.

Главным помощником героя является конь. Внешне он очень красив. В двух волшебных сказках дается его описание: “Ҡарсыға түшле, ҡуян ҡолаҡлы, ялбыр яллы, оҙон ҡойроҡло, сәғәтенә һикһән саҡрым юл ала торған ат…” (конь с ястребиной грудью, вострыми играющими ушами, лохматой гривой, длинным хвостом, способный проскакать восемьдесят верст в час…) [БНТ: Сказки 2: 88]; “Аты алтынға алыштырғыһыҙ булған: ҡаты тояҡлы, шырт текә яллы, бөркөт күкрәкле, суртан һыртлы, шеш ҡолаҡлы, еҙ күҙле, яңаҡтары тар ғына, эйәге ослайып барып бөткән һылыуҙарҙан һылыу салт саптар бер арғымаҡ” (коня даже на золото нельзя было променять: с жесткими копытами, с жесткой прямой гривой, орлиной грудью, округлыми боками, как у щуки, вострыми играющими ушами, зоркими глазами, скуластой челюстью, красивая, проворная лошадь игреневой масти) [БНТ: Сказки 2: 318].

Конь в сказке умеет перевоплощаться, летать, предсказывать и т. п., то есть обладает волшебными свойствами. Образ коня в башкирском фольклоре издавна привлекает внимание исследователей[1]. Необходимо отметить и то, что роль коня в башкирских волшебных сказках тождественна с его ролью в сказках многих других народов — как тюркских, так и восточнославянских, и т. д. Помогая герою, при выполнении сложного задания конь не останавливается ни перед какими трудностями, встречающимися на пути.

Прежде всего рассмотрим, как у героя появляется конь: 1) в ряде сказок (АТ 302+554; АТ 301 Д*+532; АТ 532+530А) герой выслуживает у бая волшебного коня [БНТ: Сказки 1: 121, 124; БНТ: Сказки 2: 21]; 2) выбирает себе коня по подсказке отца, отчима (сюжеты АТ 551; АТ 707+315): “ҡороғон ҡылтыратып, йүгәнен шылтыратып” (‘куруком[2] тряхнул, уздечкой позве-

[1] См.: *Мингажетдинов М. Х.* Мотив чудесного рождения героя в башкирских богатырских сказках // Эпические жанры устного народного творчества. Уфа, 1969. С. 55–75; *Сагитов М. М.* Отражение культа коня в башкирском народном творчестве // Вопросы башкирской фольклористики / под ред. Л. Г. Барага и Н. Т. Зарипова. Уфа, 1978; *Зарипов Н. Т.* Герой башкирских богатырских сказок, его враги и помощники // Вопросы башкирской фольклористики: Сб. ст. Уфа, 1978. С. 3–19; *Илимбетова А. Ф., Илимбетов Ф. Ф.* Культ животных в мифоритуальной традиции башкир. 2-е изд. испр. и доп. Уфа: АН РБ, Гилем, 2012. С. 551–698; *Зинурова Р. Р.* Конь-помощник героя в башкирской богатырской сказке. От конгресса к конгрессу. Мат-лы Второго Всерос. конгр. фольклористов. Сб. докл. Том IV. М.: Гос центр рус. фольклора, 2012. С. 79–85 и др.

[2] Курук – лассо

нел’), по традиции им оборачивается “алама баҡталы ябағай” (‘облезлый, худой стригунок’) невзрачный конь, оказавшийся позже “бына тигән һары дүнән” (‘стройной каурой лошадью’) [БНТ: Сказки 1: 191; БНТ: Сказки 2: 55, 261]; 3) получает в дар от отца (сюжеты АТ 532, АТ 551): “атаһы Сөйәлбайға үҙе һунарға менеп йөрөгән толпарын бүләк иткән” (‘отец подарил Суялбаю своего тулпара[1], на котором ездил на охоту’) [БНТ: Сказки 1: 197], “Таҙға атаһы ябағаһын да ҡоя алмаған бер күк дүнән биргән” (‘Плешивому отец дал очень плохого коня’) [БНТ: Сказки 2: 63]. Однако позже выясняется, что “күк дүнәнең ябай ат түгел, толпар затынан ул, тик ҡанаттары ғына етлекмәгән… минең өйҙән сығыуға уның ҡанаттары ла үҫеп өлгөрөр. Был толпар үҙ теләгеңә ирешергә ярҙам итер” (‘твой конь — необычный конь, он из породы тулпаров, только пока крылья не выросли… пока находитесь у меня, его крылья вырастут. Этот тулпар поможет тебе достичь цели’) [БНТ: Сказки 2: 65]; 4) конь появляется на свет с героем в один день (сюжет АТ 532+530А+313Н*): “малай тыуған көндө быларҙың бейәһе ҡолонлаған, эттәре көсөкләгән, хатта бесәйҙәре балалаған” (‘в день, когда родился мальчик, кобыла принесла жеребенка, собака — щенка, даже кошка окотилась’) [БНТ: Сказки 2: 28]; 5) герой покупает коня на базаре (сюжетный тип АТ 532): “Баҙарға китәләр... Незнайка бер насар ғына тай янына бара ла, шуны алайыҡ, ти... Атаһы тайҙы ала... Ҡайтҡан саҡта тай арый, уны санаға һалып алып ҡайталар” (‘Едут на базар... Незнайка останавливается возле плохонького годовалого коня и просит отца купить его... Отец покупает этого коня... Когда едут домой, купленный конь устает, его привозят на санях’) [БНТ: Сказки 2: 39] — и: Незнайка “ҡамсы менән еңел генә атҡа һуғып алған икән... башында алтын йүгән, һыртында көмөш эйәр, ти, үҙе уйнаҡлап тора, ти” (‘плеткой легонько ударил коня... на голове золотая уздечка, на спине серябряное седло, а конь притоптывает’) [БНТ: Сказки 2: 39]; 6) по велению умершего отца младший сын трижды (вместо двух братьев) приходит на его могилу и получает черный, рыжий и белый волосы разных коней (сюжет АТ 530 А+532) [БНТ: Сказки 2: 138–139]; 7) некий путник оставляет герою уставшего в пути жеребенка: “Мә, ошо ҡолондо ат итеп үҫтер ҙә менеп йөрөрһөң” (‘На тебе жеребенка, ухаживай. Когда вырастет, будешь верхом ездить на нем’) [БНТ: Сказки 2: 247].

Главная функция сказочного волшебного помощника героя — помогать своему хозяину или другу. В чем выражается эта помощь в собственно-волшебных сказках башкир? В одной сказке на сюжет АТ 301 Д*, и отчасти АТ 532, конь помогает егету[2] достать со дна озера сундук, в котором находятся два яйца, а в них душа дэва; либо вовремя доставляет героя к невесте, потому что “Шул атҡа күҙеңде йомоп, ҡайҙа барасағыңды әйтеп, ҡамсы менән бер һуҡһаң, үҙеңде күҙ асып йомғансы илтеп ҡуя” (‘Если этому коню с закрытыми глазами говоришь, куда тебе надо ехать, и хлестнешь один раз плеткой по спине, в тот же миг доставит туда’) [БНТ: Сказки 1: 124]; в других (АТ 532; АТ 532, 530, 530 А, 551) — конь спасает своего хозяина от смерти [БНТ: Сказки 1: 198; БНТ: Сказки 2: 145]. Разнообразнее функции волшебного коня в волшебно-героических сказках: 1) помощник подсказывает герою, что дальше делать, или доставляет его на поле боя в сказках на сюжеты АТ 532+530А+313 Н*; АТ 532; АТ 530А+отчасти 532; АТ 706 С+АТ 315 [БНТ: Сказки 2: 32, 40, 42, 142–143, 237]; 2) предупреждает об опасности в сказке на сюжет АТ 551 [БНТ: Сказки 2: 55–56]; 3) напоминает о необходимости возвращаться домой в сказке на сюжет АТ 551 [БНТ: Сказки 2: 68]; 4) когда братья убивают хозяина, конь идет к тому, кто может оживить умершего в сказке на сюжет АТ 551: “Бахыр күк дүнән, үлтереп ташланған хужаһы тирәһендә әйләнгеләп йөрөгән-йөрәгән дә, имгәнгән аяҡтарын көс-хәлгә һөйрәп аҡ наҡаллы, алтын аҡыллы ҡарт йортона боролоп киткән” (‘Бедный конь ходил-ходил вокруг тела убитого хозяина, затем, еле волоча оббитые копыта, направился к дому белобородого старика’) [БНТ: Сказки 2: 71]; 5) дает умные советы и по просьбе сестры героя помогает добыть яблоню, курай, красивую девушку — в сказке на сюжет АТ 707 [БНТ: Сказки 2: 267–269].

Из приведенных выше примеров видно, что в нужный момент конь оказывает помощь герою, однако при выполнении определенных действий он творит чудеса. Так, конь велит герою сказок на сюжеты АТ 532+530А+313Н*; АТ 551: “уң ҡолағымдан ин дә, һул ҡолағымдан сыҡ” (‘входи в мое правое ухо, выходи из левого’) [БНТ: Сказ-

[1] Тулпар – крылатый конь

[2] Егет – джигит (парень)

ки 2: 30, 55], — действие повторяется трижды, после чего герой “бер бәһлеүән егеткә әйләнде” (‘превратился в здорового джигита’) [БНТ: Сказки 2: 30], “насар ат бик яҡшы атҡа әйләнә” (‘плохой конь превращается в хорошего коня’) [БНТ: Сказки 2: 55], “баштан аяҡ ҡоралланған егеткә әйләнә” (‘превращается в джигита, вооруженного с ног до головы’) [БНТ: Сказки 2: 30, 55] или в сказке на сюжет AT 530+550,551+653A: “минең аҫтыма уң яҡтан инеп, һул яҡтан сыҡ” (‘зайди под меня с правой стороны, с левой выйди’) [БНТ: Сказки 2: 126] — также троекратно повторяется действие, и каждый раз герой становится джигитом в боевых доспехах, т. е. в парадной одежде.

Выявляются и своеобразные способы призывания коня. Призывание происходит посредством волоса, который конь велит вырвать при расставании и при необходимости “сәйнәп өҙөргә” (‘перекусить зубами’) [БНТ: Сказки 2: 124], “өтөргә” (‘подпалить’) [БНТ: Сказки 2: 42, 46, 58, 124], — или кольца: “ҡыл дүңгәләктән һыҙғыра” (‘кольцо свернул и через кольцо свистнул’) [БНТ: Сказки 2: 22, 125, 138].

Очевидна одна из главных функций коня — доставлять героя в нужное место (Иногда эту функцию выполняет Самригуш [БНТ: Сказки 1: 115]; большая птица [БНТ: Сказки 2: 114]; лев [БНТ: Сказки 2: 148]). В ряде сказок, чтобы быстро добраться до нужного места, конь велит герою: “ҡулыңдағы ҡамсың менән уң яҡ ҡабырғама һуҡ, һул ҡабырғамдан ҡан сәсрәп сығырлыҡ булһын” (‘ударь меня плеткой по правому ребру так, чтобы с левого кровь брызнула’) [БНТ: Сказки 1: 308; БНТ: Сказки 2: 66, 69, 261]. Как видно из перечисленных примеров, данный способ “стимулирования” коня превратился в формулу-клише.

Итак, в башкирских волшебных сказках конь выступает в роли помощника героя. Его главные функции: 1) помощь в передвижении героя; 2) спасении героя увозом из родного дома при опасности, обычно со стороны мачехи; 3) поскольку он — говорящий конь, его функции заключаются также в своевременных подсказках, советах, предостережениях.

В ряде сказок помощником героя является труп/череп мужчины. В собственно-волшебной сказке череп/заколдованный пастух, подсказывает егету, куда идти, что с собой взять [БНТ: Сказки 1: 144]. В волшебно-героических сказках труп платит благодарностью джигиту за то, что тот похоронил его, увидев мертвого на дороге / отдал его долг. Став его товарищем в пути по торговым делам, труп помогает герою добыть жену / жениться на златовласой царевне подводного царства и устраивает богатую, счастливую жизнь [БНТ: Сказки 2: 93, 95].

В башкирских волшебных сказках помощником героя также могут быть: белобородый старик [БНТ: Сказки 2: 43, 50, 65], помогающий мальчику в ответ на его добрые поступки (спас старика из плена; не застрелил зверя, будучи голодным до крайности); змея, спасенная из огня, которая в благодарность дарит мальчику волшебные предметы (старый чекмень[1], шапку, сапоги, меч, сундук), одаривает способностью понимать язык животных и зверей [БНТ: Сказки 1: 129, 167; БНТ: Сказки 2: 296]; чудесная супруга, выбранная по выпущенной из лука стреле и оказавшаяся лучшей среди трех невесток [БНТ: Сказки 1: № 70]; влюбленный в нее царь хочет ее забрать, чтобы избавиться от джигита, дает ему трудные задания, с которыми тот справляется с помощью чудесной супруги [БНТ: Сказки 1: №№ 94, 95].

В двух собственно-волшебных сказках, примыкающих к сюжетному типу AT 327 C, Д, E, Г и контаминирующихся с сюжетом типа AT 313 H*, помощником героя выступают собаки [БНТ: Сказки 1: №№ 63, 64]. Они вступают в схватку с убыр[2]/мэскэ[3], которая преследует их хозяина под водой, и выходят победителями. Согласно специфике башкирской собственно-волшебной сказки, герой пассивен, и с мифическим существом борется помощник героя.

В сказке на известный и широко распространенный у башкир сюжет AT 545 B кошка/лиса помогает герою жениться на царевне [БНТ: Сказки 1: №№ 38, 39]. В ряде собственно-волшебных сказок на сюжет AT 560 [БНТ: Сказки 1: №№ 40, 41, 42] собака и кошка — верные друзья — вместе помогают своему хозяину вернуть волшебное кольцо / яшму, которым завладевает неверная жена и исчезает.

В сказках на сюжеты AT 511 [БНТ: Сказки 1: №№ 76, 77, 78] корова помогает падчерице выполнить трудные задания:

[1] Чекмень – (уст.) одеяние башкирских воинов

[2] Убыр – убырлы ҡарсыҡ – баба-яга (колдунья, ведьма)

[3] Мэскэ – мэскэй – обжора (вампир, упырь, вурдалак)

рассортировать по зернышкам пуд проса и пуд пшеницы, выткать за ночь полотно [БНТ: Сказки 1: 225]; кормит своим молоком брошенных мачехой сирот, когда девочка окаменевает, корова велит мальчику взять из хвоста три волосинки и сжечь — девочка оживает [БНТ: Сказки 1: 228]; корова смотрит на небо и «кричит» — с неба падает красивая одежда, в которой падчерица идет на йыйын[1], где батыр выбирает себе девушку, и она становится его женой [БНТ: Сказки 1: 229].

Еще один помощник героя — Самригуш. Будучи эпизодическим помощником, этот персонаж, тем не менее, часто встречается в башкирских сказках, помогая герою в благодарность за спасение своих птенцов от аждахи[2]: переносит к острову в озере [БНТ: Сказки 1: № 43]; дает спички в золотой коробке, из которой, когда чиркнешь, выходят три всадника и выполняют любое желание героя [БНТ: Сказки 2: 180] — в волшебных сказках, «выносит героя из подземелья на землю» [Зарипов 2008: 125] — в богатырских сказках. В одной волшебной сказке Самригуш — царь птиц — главный герой, поспоривший с мудрецом и проигравший в споре [БНТ: Сказки 2: № 54].

Таким образом, в башкирских волшебных сказках мифологическими помощниками героя являются мифический конь, домашние животные (корова, кошка, собака), труп/череп, белобородый старик, чудесная супруга, змея и др. У них одна функция: помогать герою. Каждое существо оказывает помощь по-своему: конь доставляет в нужное место, домашние животные возвращают герою волшебный предмет, змея исцеляет, чудесная супруга помогает герою подсказками — где и как добыть волшебные предметы, требуемые царем.

Источники

[БНТ: Сказки 1] Башкирское народное творчество. Сказки. Кн. 1. / Сост. М. Х. Мингажетдинов, А. И. Харисов. / вступит. ст. М. Х. Мингажетдинова. / коммент. Л. Г. Барага и М. Х. Мингажетдинова. / отв. ред. Н. Т. Зарипов.Уфа: Башкнигоиздат, 1976. 376 с. (на башкир. яз.).

[БНТ: Сказки 2] Башкирское народное творчество. Сказки. Кн. 2. / Сост. М. Х. Мингажетдинов, А. И. Харисов. / вступит. ст. М. Х. Мингажетдинова. / коммент. Л. Г. Барага и М. Х. Мингажетдинова. / отв. ред. Н. Т. Зарипов.Уфа: Башкнигоиздат, 1976. 370 с. (на башкир. яз.).

Литература

Дмитриев Н. К. Предисловие // Башкирские народные сказки. Уфа: Башкнигоиздат, 1941. С. 3–30.

Зарипов Н. Т. Башкирские богатырские сказки (эстетика жанра). Уфа: Гилем, 2008. 240 с.

Зарипов Н. Т. Герой башкирских богатырских сказок, его враги и помощники // Вопросы башкирской фольклористики: Сб. ст. Уфа, 1978. С. 3–19.

Зинурова Р. Р. Конь-помощник героя в башкирской богатырской сказке. От конгресса к конгрессу. Мат-лы Второго Всерос. конгр. фольклористов. Сб. докл. Том IV. М.: Гос центр рус. фольклора, 2012. С. 79–85 и др.

Илимбетова А. Ф., Илимбетов Ф. Ф. Культ животных в мифоритуальной традиции башкир. 2-е изд. испр. и доп. Уфа: АН РБ, Гилем, 2012. С. 551–698.

Киреев А. Н. Отражение мифологических воззрений в эпическом творчестве башкирского народа // Эпические жанры устного народного творчества. Ученые записки. Вып. 33. Сер. филол. № 13 (17). Труды обществ. науч.-исследоват. ин-та фольклористики при башкир. госун-те / под ред. проф., д.ф.н. А. Н. Киреева. Уфа: Изд. БашГУ, 1969. С. 5–20.

Мингажетдинов М. Х. Башкирские народные сказки // Башкирское народное творчество. Сказки. Кн. 1. / Сост. М. Х. Мингажетдинов, А. И. Харисов. / вступит. ст. М. Х. Мингажетдинова. / коммент. Л. Г. Барага и М. Х. Мингажетдинова. / отв. ред. Н. Т. Зарипов.Уфа: Башкнигоиздат, 1976. С. 6–28.

Мингажетдинов М. Х. Мотив чудесного рождения героя в башкирских богатырских сказках // Эпические жанры устного народного творчества. Уфа, 1969. С. 55–75.

Сагитов М. М. Отражение культа коня в башкирском народном творчестве // Вопросы башкирской фольклористики / под ред. Л. Г. Барага и Н. Т. Зарипова. Уфа, 1978.

Sources

[Bashkir Folk Art. Fairy Tales]. Book 1. M. Kh. Mingazhetdinov, A. I. Kharisov (compl.). M. Kh. Mingazhetdinov (introd.). L. G. Baraga and M. Kh. Mingazhetdinov (comment.). N. T. Zaripov (ed.). Ufa: Bashknigoizdat, 1976. 376 p. (In Bashkir).

[Bashkir Folk Art. Fairy Tales]. Book. 2. M. Kh. Mingazhetdinov, A. I. Kharisov (compl.). M. Kh. Mingazhetdinov (introd.). L. G. Baraga, M. Kh. Mingazhetdinov (comment.). N. T. Zaripov (ed.). Ufa: Bashknigoizdat, 1976. 370 p. (In Bashkir).

References

Dmitriev N. K. [Foreword]. In: [Bashkir Folk Tales]. Ufa: Bashknigoizdat, 1941. Pp. 3–30. (In Russ.)

Ilimbetova A. F., Ilimbetov F. F. [Cult of Animals in the Mythical and Ritual Tradition of the Bashkirs]. 2nd ed. Ufa: Acad. of Sciences of Bashkortostan, Gilem, 2012. Pp. 551–698. (In Russ.)

Kireev A. N. [Reflection of Mythological Views in the Epic Creativity of the Bashkir People]. *Epic Genres of Oral Folk Art. Bulletin.* Iss. 33. Ser.: Philol. No. 13 (17). A. N. Kireev (ed.). Ufa: Bashkir State University Publ. House, 1969. Pp. 5–20. (In Russ.)

Mingazheddinov M. Kh. [Motive for the Miraculous Birth of the Hero in Bashkir Heroic Tales]. In: [Epic Genres of Oral Folk Art]. Ufa, 1969. Pp. 55–75. (In Russ.)

Mingazhetdinov M. Kh. [Bashkir Folk Tales]. In: [Bashkir Folk Art. Fairy Tales]. Book 1. M. Kh. Mingazhetdinov, A. I. Kharisov (compl.). M. Kh. Mingazhetdinov (introd.). L. G. Baraga and M. Kh. Mingazhetdinov (comment.). N. T. Zaripov (ed.). Ufa: Bashknigoizdat, 1976. Pp. 6–28. (In Bashkir)

Sagitov M. M. [Reflection of the Horse Cult in Bashkir Folk Art]. In: [Issues of Bashkir Folkloristics]. L. G. Baraga and N. T. Zaripov (ed.). Ufa, 1978. (In Russ.)

Zaripov N. T. [Bashkir Bogatyr Tales (Aesthetics of the Genre)]. Ufa: Gilem, 2008. 240 p. (In Russ.)

Zaripov N. T. [Hero of Bashkir Heroes' Tales, his Enemies and Assistants]. In: [Issues of Bashkir Folkloristic]. Ufa, 1978. Pp. 3–19. (In Russ.)

Zinurova R. R. [Horse-helper of the Hero in a Bashkir Bogatyr Fairy Tale]. In: [From Congress to Congress]. Conf. proc. Vol. IV. Moscow: State Center of Russian Folklore, 2012. Pp. 79–85. (In Russ.)

[1] Йыйын – праздник

[2] Аждаха – злой демон в виде дракона

УДК 398.22 (571.56)
ББК 82.3 (2Рос=Як)

ОБРАЗЫ УДАГАНОК В ЯКУТСКОМ ГЕРОИЧЕСКОМ ЭПОСЕ (по материалам олонхо таттинской локальной традиции)

The Images of Udagan Women in the Yakut Heroic Epic olonkho (Tradition of the Tattinsky Region)

Н. А. Оросина (N. Orosina)[1]

[1]младший научный сотрудник Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (Researcher at the Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of the Siberian Branch of the RAS). E-mail: onadya88@mail.ru.

В данной статье рассматриваются образы удаганок (женщин-шаманок) в якутском героическом эпосе по материалам олонхо таттинской локальной традиции. По происхождению были выявлены две группы удаганок — удаганки племени айыы и удаганки племени абаасы, а по функциональному назначению — удаганки-помощницы (посредницы, целительницы) и удаганки-богатырки. Образы удаганок в якутском эпосе являются признаком глубокой эпической архаики. Эти героини активно действуют в олонхо таттинской локальной традиции, представляя собою одну из ее характерных особенностей.

Ключевые слова: якутский героический эпос олонхо, таттинская локальная традиция, удаганки племени айыы, удаганки племени абаасы, удаганки-помощницы (посредницы, целительницы), удаганки-богатырки, архаический пласт.

The article gives an insight to the image of Udagan women in the Yakut traditional heroic epic *olonkho* of the Tattinsky region. In accordance with their origin, Udagan women are divided into two groups: Udagan women of the Aiyy tribe and the Udagan women of the Abasy tribe. The first group is represented by heavenly Udagan women that live in the Upper World as well as Udagan women, who descended to the Middle World from the Upper World following the order of the supreme deity. They bless the hero so that he would succeed in all his deeds; they heal wounded warriors, give valuable advice and foretell the future. The second group includes Udagan women of the Abasy tribe that belong to the Underworld. Just like the heavenly Udagan women, they come whenever they are called for help, however they always face defeat. They can battle the warriors of the Aiyy tribe. Sometimes they successfully get married to Aiyy warriors and give birth to children; they can achieve all this by using their wicked sorcery.

In accordance with the function they perform, they fall under the following groups: helpers (mediators, healers) and warriors. Helpers act as advisors to the Aiyy warriors; they help them in battles against enemies. Mediators serve as a linking force between the warrior and heavenly deities. The role of healers is to heal wounded warriors and revive the dead. They can also foretell the future and show the olonkho characters who their betrothed ones are. Apart from their magical powers, the Udagan women warriors are able to battle enemies. They are just as strong as the warriors and sometimes they are even stronger than any of the warriors.

The image of the Udagan women in the epos should be regarded as an archaic traditional trace. The images of Udagan women can often be seen in the traditional “olonkho” of the Tattinsky region and this is one of this epic’s characteristic features.

Keywords: the Yakut heroic epic olonkho, Tattinsky region tradition, Udagan women of the Aiyy tribe, Udagan women of the Abaasy tribe, Udagan women helpers (mediators, healers), Udagan women warriors, archaic layer.

В якутском героическом эпосе олонхо одно из центральных мест занимают *удаган, удаганки* (женщины-шаманки). Согласно мифологическим представлениям якутов, удаганки обитали во всех трех мирах: в верхнем (небе), среднем (земле) и нижнем (преисподней).

Образы удаганок в произведениях якутского фольклора рассматривали в контексте своих работ П. А. Ойунский, Г. У. Эргис, И. В. Пухов, Н. В. Емельянов, А. Е. Захарова, Л. С. Ефимова, А. Н. Данилова, Э. К. Ушницкая, Г. В. Ксенофонтов, Н. А. Алексеев, К. Д. Уткин, А. С. По-

пова, А. П. Решетникова, С. И. Григорьева и др.

Появление образов удаганок в якутском эпосе многие исследователи связывали с доминированием матриархата в мире олонхо. Как отмечал П. А. Ойунский, «... следы матриархата встречаются в культе, который в героическую эпоху (олонхо) всецело находится в руках женщины на всех трех мирах. В этой эпохе нет знаменитых ни одного шамана мужчины» [Ойунский 1962: 136]. По мнению И. В. Пухова, « в олонхо люди айыы не знают шаманов-мужчин, а только шаманок, причем почти каждая женщина является как бы потенциальной шаманкой». Он связывал «шаманство» многих героинь олонхо со стремлением объяснить их необыкновенную активность и богатырство в период патриархата и отмечал, что присутствие шаманок в олонхо — это архаическая черта жанра, восходящая к временам матриархата [Пухов 1962: 133]. В. В. Илларионов также подчеркнул, что присутствие в олонхо образа удаганок — это проявление архаического реликтового мотива [Илларионов 2014: 5].

А. Е. Захарова, основываясь на материалах П. А. Ойунского и Г. В. Ксенофонтова, выделяет два вида данных героинь: небесные удаганки и удаганки абаасы [Захарова 2009: 354]. Л. С. Ефимова исходит из сущности и назначения архаической удаганской культуры с ее дуалистическим восприятием мира, рассматривает обрядовую поэзию удаганок племени айыы и обрядовую поэзию удаганок племени абаасы [Ефимова 2013: 103]. Согласно анализу космологического содержания олонхо, удаганки существуют во всех трех мирах, причем эти миры связываются между собой через своих шаманов и удаганок [Попова 2010: 92]. Однако, как следует из работы А. А. Кузьминой, в олонхо вилюйской традиции в качестве помощников богатырей айыы выступали именно шаманы, а не удаганки [Кузьмина 2008].

Образы удаганок — одна из специфических черт олонхо таттинской локальной традиции, в которой выделяются удаганки племени айыы и удаганки племени абаасы. К первой группе (айыы) относятся небесные удаганки, живущие в верхнем мире, и удаганки, которые по распоряжению верховного божества спустились в средний мир. Во вторую группу входят удаганки абаасы, происходящие из нижнего мира и творящие зло. И те, и другие обладают способностью превращаться в различных птиц и зверей. Удаганки айыы в основном перевоплощаются в громадную птицу Ёксёкю[1], стерха, орла, а удаганки абаасы — в смертоносную птицу *кэй кыыл,* или желну, а также обладают змеей, которая помогает им в битве.

I. Удаганки племени айыы. По определению Э. К. Пекарского, «айыы удаган – белая шаманка (*айыы дьаргыл удаган*), посредница между добрыми духами и людьми» [Пекарский 2008: Т. III, ст. 2975]. Во-первых, они выступают как помощницы и советницы богатыря айыы, оказывая ему помощь в битве с противником, благословляя героя на подвиги, давая ценные советы и предсказывая его судьбу. Во-вторых, они являются проводницами связи между героем-богатырем и верхними божествами. В-третьих, они исцеляют богатыря и осквернённых людей айыы. В-четвертых, они предсказывают будущее и указывают героям олонхо их суженых.

К последней категории также относятся главные героини олонхо — удаганки, которые, по велению верховных божеств, спускаются в средний мир с целью стать родословницами племени «ураангхай саха». Им предначертано благословлять и камлать, дано исцелять и предвидеть грядущую опасность и будущее. Иногда они используют магические способности для достижения целей. Например, удаганка Уолумар, прибегнув к шаманскому колдовству, сумела вырваться из плена абаасы, найти будущего мужа для себя и сестры (спрятав женихов в ухо, принесла их домой). Уолумар одерживает верх над шаманом Кыкыллааном, исцелив богатыря, с болезнью которого тот не смог справиться («Удаганки Уолумар и Айгыр») [Образцы 1908: 148–194]. Героиня олонхо «Модун Хара», удаганка Нэлэмэн Куо активно помогает брату: когда Модун Хара и его противник упали в преисподнюю, из которой никто никогда не выбирался, она с особым заклинанием обратилась к духу-хозяйке преисподней, чтобы та не дала погибнуть брату. Так богатырь Модун Хара был спасен от смертельного падения [Модун Хара: Архив ЯНЦ СО РАН]. В олонхо «Ёлбёт Бэргэн» удаганка Айталыын Куо в вещем сне видит своего жениха и посылает к нему своего брата для сватовства [Образцы 1908: 113–147]. В олонхо «Богатырь

[1] *Ёксёкю* — мифологическая двух- или трехглавая птица, орел, царь пернатых [Емельянов 1983: 97].

Ого Нюргун» удаганка Намыын Нюргустай вступает в бой с противником вместо брата [Богатырь Ого Нюргун: Архив ЯНЦ СО РАН]. Таким образом, удаганки среднего мира, в отличие от небесных, не участвуют в состязаниях с другими удаганками, но могут помочь своим братьям в качестве советниц и воительниц.

II. Удаганки племени абаасы. Э. К. Пекарский назвал этих удаганок «шаманками, пожирающими своих врагов» [Пекарский. Т. III 2008: ст. 2975]. Как и небесные удаганки, эти героини приходят по зову братьев к ним на помощь, но всегда терпят поражение. Они могут вступать в бой с богатырями айыы, иногда с помощью своих колдовских чар выходят за них замуж и рожают им детей. Например, в олонхо «Удаганки Уолумар и Айгыр» дочь подземной старухи Дьэгэ-Бааба, удаганка Сэлэнгэдэй, используя волшебство, соблазняет богатыря айыы Адьынай Боотура, выходит за него замуж и рожает получеловека-получудовище — посланника Суодалба [Образцы 1908: 148–194].

Учитывая функциональное назначение удаганок, возможно различать удаганок-помощниц (посредниц, целительниц) от удаганок-богатырок.

1. *Удаганки-помощницы (посредницы, целительницы)* помогают в битве двум противникам – богатырям племен айыы и абасы. Но их содействие не ограничивается лишь этим: они сопровождают богатыря айыы как защитника племени до завершения его подвигов. Здесь нужно выделить удаганок Айыы Умсуур [Нюргун Боотур Стремительный 1947] и Атыыр Умсуур [Тойон Нюргун 2004], выступающих в обоих олонхо старшими сестрами героев, богатырей Нюргунов, которые, следовательно, имеют небесное происхождение. В этих олонхо отмечается мотив состязаний сестер-удаганок, прибывающих на помощь своим братьям. Битва с участием удаганок усиливает сюжетную кульминацию эпического сказания, делая ее более напряженной и захватывающей. Сестры богатырей абаасы Ытык Хахайдаан [Нюргун Боотур Стремительный 1947] и Дьэгэримэ Куо [Тойон Нюргун 2004] по зову братьев также прибывают на место битвы соперников. Как правило, они сталкиваются там с сестрами-удаганками богатырей айыы, но, уступая им в могуществе и волшебстве, оказываются бессильны. Когда противница повреждает бубен, брат удаганки абаасы падает в Огненное море и погибает. Оказавшись побежденными, удаганка абаасы и ее брат обещают воскреснуть, чтобы отомстить, когда подрастут дети богатыря айыы. Встречаются и другие виды соперничества (состязания) удаганок. Например, в олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» усть-алданской традиции между удаганками происходит состязание в силе заклинаний, где победу снова одерживает небесная удаганка.

В олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» небесная удаганка Айыы Умсуур не только благословляет, дает советы, указания, но и дарит брату волшебную плеть *Айыы* Куо Далбар, благодаря которой Нюргун Боотур преодолевает всех противников. В олонхо «Тойон Нюргун» удаганка Атыыр Умсуур очищает героя от заклинания, вселенного в него божеством войны и мести — Иэрэ Чангый, дочерью Илбис Хаана[1]. В олонхо «Айыы Дугуйдах» удаганка Айыы Умсуур спасает героя от похитившего его посланника и доставляет в верхний мир для получения богатырской закалки [Айыы Дугуйдах 2010].

Удаганки-посредницы являются посланницами главы верхнего мира Юрюнг Аар Тойона и прибывают в средний мир для передачи его поручения определенным богатырям, т. е. исполняют роль посредниц, которые «выполняют распоряжение верховных божеств. Однако они деятельны, изобретательны и всемогущи. Являясь небожителями, посланниками верховного мира, они относятся к разряду богов» [Уткин 2000: 142]. В олонхо «Тойон Нюргун» восемь удаганок Айыы Намысын во главе с удаганкой Кюн Туллай появляются для передачи указания сражающимся богатырям Тойон Нюргуну и Ыйыста Хара, чтобы те немедленно остановились и перестали разрушать страну [Тойон Нюргун 2004]. Эти же удаганки прилетают в облике стерхов к парализованному Ала Туйгуну, чтобы он смог помочь брату, попавшему в западню, и на год раньше установленного срока исцеляют его от долгой и мучительной болезни [Элик Туйгун: Архив ЯНЦ СО РАН]. Они же предсказывают судьбу, иногда имеют и своих посланников, которые помогают герою победить врага.

[1] Об этом божестве имеется очень мало сведений. В олонхо чаще всего упоминается его дочь — кровожадная, безобразная богиня, даже обыкновенным людям внушающая неистовую храбрость и жажду кровопролития [Эргис 1960: 123]

Функция удаганок-целительниц заключается в исцелении пострадавших богатырей и оживлении мертвых. Помимо этого, они проводят обряд очищения и благословляют людей племени айыы: удаганки Айгымар, Айталыын, Сэймэлдьин, Кюёгэлдьин Хотун, Нуолур, Ыйбалдьын по просьбе богатыря Кюн Эрили спускаются в средний мир и исцеляют богатырей (олонхо «Басымньы Баатыр и Эрбэхтэй Бэргэн») [Образцы 1910: 148–194]. Удаганки Айыы Сюргюр благословляют местности среднего мира [Модун Хара: Архив ЯНЦ СО РАН].

2. *Удаганки-богатырки.* В эпических текстах многих народов широко распространен образ девы-воительницы. А. Н. Данилова впервые рассмотрела образ женщины-богатырки якутского олонхо в сопоставлении с образами дев-воительниц эпических сказаний бурят, башкир, хакасов и алтайцев [Данилова 2008]. Она отмечает, что «образы удаганок-богатырок являются другим типом удаганок, стоящих на более высокой ступени по социальному происхождению, а также по статусу <…>, внешне они привлекательны и красивы, физически подготовлены, сильны, мужественны и храбры, в силе не уступают мужчинам, обладают большими магическими способностями. Их образы даже превосходят образы мужчин-богатырей. Здесь отражены изначальные скрытые возможности древних женщин, имевших интуитивную силу, выступающую в виде шаманской силы» [Данилова 2009: 370]. Замечено, что в калмыцких сказках также существуют образы дев-воительниц, функции которых аналогичны функциям удаганок олонхо. О девах-воительницах В. Т. Сарангов пишет: «В сказках, где героинями являются девы-воительницы, отражены как древние представления о женщине как небесной целительнице, покровительнице (живущей в «верхнем мире»), так и представления о непорочной деве-воительнице — сестре героя» [Сарангов 2012: 121].

К девам-воительницам относятся удаганки, которые, помимо своих магических чар, способны вступить в бой с врагами. То, что женщины-удаганки не уступают богатырям в силе и даже иногда оказываются сильнее любого из них, отметил еще И. В. Пухов [Пухов 1962: 133]. Ярким примером удаганки-богатырки в олонхо таттинской локальной традиции является Намыын Нюргустай, сестра богатыря айыы Ого Нюргуна [Богатырь Ого Нюргун: Архив ЯНЦ СО РАН]. Если удаганки айыы, как правило, соревнуются с удаганками абаасы, то Намыын Нюргустай вступает в открытую битву с противником своего брата — богатырем абаасы. А удаганки-богатырки племени абаасы нередко оказываются сильнее своих братьев. Поэтому, в случае поражения, братья сами призывают их на битву. Так, Умсары Даадар перед смертью призывает своих брата и сестру [Бэриэт Бэргэн: Архив ЯНЦ СО РАН]. А Уот Субуруку вызывает сестру, чтобы она помешала герою в пути [Юёлэн Нюрюйэ: Архив ЯНЦ СО РАН].

Таким образом, героини-удаганки доминируют в олонхо таттинской локальной традиции, выполняя функцию помощниц (посланниц, целительниц) и богатырок. Эти героини определяют жанровую и сюжетную специфику названной локальной традиции якутского героического эпоса.

Литература

Айыы Дугуйдах: олонхо / со слов И. Е. Огочуярова записал И. С. Прохоров; сост. В. В. Илларионов, Т. В. Илларионова; отв. ред. Н. А. Алексеев. Якутск: Бичик, 2010. 184 с. На якут. яз.

Басымньы Баатыр и Эрбэхтэй Бэргэн: олонхо // Образцы народной литературы якутов / под ред. Э. К. Пекарского: в 3 т. Т. I. Вып. 4. СПб.: тип. Имп. акад. наук, 1910. С. 148–194.

Богатырь Ого Нюргун: олонхо / со слов С. И. Собакина записал П. Н. Дмитриев. 1973 г. // Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 7. Ед. хр. 138. 90 л.

Бэриэт Бэргэн: олонхо / со слов С. Е. Андросова записал С. Т. Сивцев. 1941 г. // Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 7. Ед. хр. 19. 462 л.

Данилова А. Н. Образы женщины-богатырки в якутском олонхо: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ, 2008. 21 с.

Данилова А. Н. Образы удаганок в якутском олонхо (на примере олонхо «Уолумар и Айгыр» // Межкультурное взаимодействие в Сибири: историко-этнографические, лингвистические, литературоведческие аспекты: сб. науч. мат-лов. Якутск: Изд-во ЯНЦ СО РАН, 2009. С. 368–371.

Емельянов Н. В. Сюжеты ранних типов якутских олонхо. М.: Наука, 1983. 246 с.

Ефимова Л. С. Алгыс саха (якутов) в свете фольклорных традиций тюрко-монгольских народов Сибири: классификация, общая характеристика. Новосибирск: Наука, 2013. 178 с.

Захарова А. Е. Олонхосут – удаганка – шаман: в контексте сюжетов олонхо, изданных в «Образцах народной литературы якутов» Э. К. Пекарского // Межкультурное взаимодействие в Сибири: историко-этнографические, лингвистические, литературоведческие аспекты: сб. науч. мат-лов. Якутск: Изд-во ЯНЦ СО РАН, 2009. С. 352–362.

Илларионов В. В. Олонхо Е. И. Кардашевского «Богатырь Уол Дугуй» // Уол Дугуй бухатыыр (‘Богатырь Уол Дугуй’) / со слов Е. И. Кардашевского; авт. и рук. проекта В. В. Илларионов). Якутск: Бичик, 2014. 208 с.

Кузьмина А. А. Олонхо Вилюйского региона: бытование, сюжетно-композиционная структура, образы: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ, 2008. 23 с.

Модун Хара: олонхо / со слов Е. Я. Бытасытова записал И. С. Прохоров. 1941 г. // Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 7. Ед. хр. 101. 132 л.

Нюргун Боотур Стремительный: якутское олонхо / текст К. Г. Оросина; ред., пер., коммент. и вступ. ст. Г. У. Эргиса. Якутск: Якут. кн. изд-во, 1947. 410 с.

Образцы народной литературы якутов / под ред. Э. К. Пекарского. Т. I. Вып. 2. СПб.: тип. Имп. акад. наук, 1908. С. 113–147.

Ойунский П. А. Якутская сказка (олонхо): ее сюжет и содержание // Ойунский П. А. Соч.: в 7 т. Т. 7 / сост. Г. Г. Окороков. Якутск: Якут. кн. изд-во, 1962. 224 с.

Пекарский Э. К. Словарь якутского языка: в 3 т. 3-е изд., испр. и доп. СПб.: Наука, 2008: Т. I: вып 1–4. 2008. 1280 с.; Т. II: вып. 5–9. 2008. 2507 с.; Т. III: вып. 10–13. 2008. 3858 с.

Попова А. С. В мире олонхо. Якутск, 2010. 288 с. На якут. яз.

Пухов И. В. Якутский героический эпос – олонхо. Основные образы. М.: Изд-во АН СССР, 1962. 256 с.

Сарангов В. Т. Девы-воительницы в калмыцких сказках // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН, 2012. № 4. С. 118–121.

Тойон Нюргун: олонхо / со слов И. М. Давыдова записал Р. А. Кулаковский; редкол. В. Н. Иванов и др. Якутск: Бичик, 2004. 240 с. (сер. «Якутские богатыри»: в 21 т. Т. 2). На якут. яз.

Удаганки Уолумар и Айгыр: олонхо // Образцы народной литературы якутов / под ред. Э. К. Пекарского: в 3 т. Т. I. Вып. 2. СПб.: тип. Имп. акад. наук, 1908. С. 148–194.

Уткин К. Д. Сборник трудов. Кн. 9. Религиозно-философские воззрения коренных народов Якутии. Якутск: Бичик, 2000. 224 с.

Элик Туйгун: олонхо / со слов И. М. Давыдова записал И. С. Прохоров. 1941 г. // Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 7. Ед. хр. 93. 177 л.

Эргис Г. У. Исторические предания и рассказы якутов: в 2-х ч. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. Ч. 1. 324 с. Ч. 2. 360 с.

Юёлэн Нюрюйэ: олонхо / со слов М. Г. Сорова записал В. П. Еремеев. 1973 г. // Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 7. Ед. хр. 140. 165 л.

References

[Ayii Duguydah: Olonkho]. I. E. Ogotchuyarov, I. S. Prokhorov (rec.); B. V. Illarionov, T. V. Illarionova (compl.); N. A. Alekseev (ed.). Yakutsk: Bichik, 2010. 184 p. (In Yakut.).

[Basymnyi Baatyr and Erbehtei Bergen: Olonkho]. In: [Samples of Folk Literature of Yakuts]. E. K. Pekarskii (ed.). In 3 vol. Vol. I. Iss. 4. St. Petersburg: Print. shop of Imper. Acad. of Sciences, 1910. Pp. 148–194. (In Russ.)

[Beriet Bergen: Olonkho. 1941]. S. E. Androsov (inf.); S. T. Sivtsev (rec.). In: [Archive of Yakut Sc. Center of the RAS]. Fund 5. Invent. 7. Un. 19. 462 sheets. (In Yakut)

[Elik Tuigun: Olonkho.1941]. I. M. Davydov (inf.); I. S. Prokhorov (rec.). In: [Archive of Yakut Sc. Center of the RAS. Fund 5. Invent. 7. Un. 93. 177 sheets.

[Modun Hara: Olonkho. 1941]. E. Ya. Bytasitov (inf.); I. S. Prokhorov (rec.). In: [Archive of Yakut Sc. Center of the RAS. Fund 5. Invent. 7. Un. 101. 132 sheets. (In Yakut)

[Nyurgun Bootur Swift: Yakut Olonkho]. K. G. Orosin (text); G. U. Ergis (ed., transl.). Yakutsk: Yakut. Book Publ., 1947. 410 p. (In Russ.)

[Toyon Nyurgun: Olonkho]. In 21 vol. I. M. Davydov (inf.); R. A. Kulakovsky (rec.). V. N. Ivanov et al. (ed.) T. 2. Yakutsk: Bichik, 2004. 240 p. (In Yakut).

[Udaganki Walumar and Aigir: Olonkho]. In: [Samples of Yakut Folk Literature]. E. K. Pekarskiy (ed.). In 3 vol. Vol. 1. Iss. 2. St. Petersburg: Print. shop of the Imper. Acad. of Sciences, 1908. Pp. 148–194. (In Russ.)

[Warrior Ogo Nurgun: Olonkho]. I. Sobakin (inf.); P. N. Dmitriev (rec.). 1973. In: [Archive of Yakut Sc. Center of the RAS]. Fund 5. Invenrt. 7. Un. 138. 90 sheets. (In Yakut)

[Yuoelen Nyuryue: Olonho]. M. G. Sorov (inf.); V. P. Eremeev (rec.). 1973. In: [Archive of Yakut Scient. Center of the RAS. Fund 5. Invent. 7. Un. 140. 165 sheets. (In Yakut)

Danilova A. N. [Images of a Woman-warrior in Yakut Olonkho]. Cand. Sc. thesis (Philology) abstract. Ulan-Ude, 2008. 21 p. (In Russ.)

Danilova A. N. [Images of Udagankas in Yakut Olonkho (on the Example of Olonkho “Walumar and Aigyr”)]. In: [Intercultural Interaction in Siberia: Historical-Ethnographic, Linguistic, Literary Aspects]. Yakutsk: Yakut Sc. Center of the RAS, 2009. Pp. 368–371.

Efimova L. S. [Yakut Blessing in the Light of the Folklore Traditions of the Turkic-Mongolian Peoples of Siberia: Classification, General Characteristics]. Novosibirsk: Nauka, 2013. 178 p.

Emelyanov N. V. [Plots of Early Types of Yakut Olonkho]. Moscow: Nauka, 1983. 246 p. (In Russ.)

Ergis G. U. [Historical Legends and Stories of the Yakuts]. In 2 parts. Moscow; Leningrad: USSR Acad. of Sciences, 1960. Part 1. 324 p. Part 2. 360 p.

Illarionov V. V. [E. I. Kardashevsky’s Olonkho “Warrior Wal Duguy”]. Wal Duguy Bukhatuur. Record of E. I. Kardashevsky. V. V. Illarionov (supervisor). Yakutsk: Bichik, 2014. 208 p.

Kuzmina A. A. [Olonkho of Viliuysk Region: Existing, Plot and Compositional Structure, Images]. Cand. Sc. thesis (Philology) abstract. Ulan-Ude, 2008. 23 p.

Oyunskiy P. A. [Yakut Fairy Tale (Olonkho): its Plot and Content]. In: [Oyunskiy P.A. Works]. In 7 vol. Vol. 7. G. G. Okorokov (compl.). Yakutsk: Yakut. Book Publ., 1962. 224 p. (In Russ.)

Pekarsky E. K. [Dictionary of the Yakut Language]. In 3 vol. 3rd ed. St. Petersburg: Nauka, 2008. Vol. I. Iss. 1–4. 2008. 1280 p. Vol. II. Iss. 5–9. 2008. 2507 p. Vol. III. Iss. 10–13. 2008. 3858 p. (In Yakut and Russ.)

Popova A. S. [In the World of Olonkho]. Yakutsk, 2010. 288 p. (In Yakut.).

Pukhov I. V. [Yakut Heroic Epic Olonkho. The Main Images]. Moscow: USSR Academy of Sciences, 1962. 256 p. (In Russ.)

Samples of the Yakut Folk Literature. E. K. Pekarskiy (ed.). Vol. I. Vol. I. St. Petersburg: Print. shop of the Imper. Acad. of Sciences, 1908. Pp. 113–147. (In Russ.)

Sarangov V. T. [Warrior Virgins in Kalmyk Fairy Tales]. *Bulletin of the Kalmykian Institute of Humanitarian Research of the RAS.* 2012. No. 4. Pp. 118–121.

Utkin K. D. [Collection of Proceedings. Book 9. Religious and Philosophical Views of Indigenous Peoples of Yakutia]. Yakutsk: Bichik, 2000. 224 p. (In Russ.)

Zakharova A. E. [Olonkho Narrator – Udaganka – Shaman: in the Context of Olonkho Plots Published in “Samples of Folk Literature of the Yakuts” by E. K. Pekarskiy. In: [Intercultural Interaction in Siberia: Historical-ethnographic, Linguistic, Literary Aspects]. Yakutsk: Publ. House of the Yakut Sc. Center of the RAS, 2009. Pp. 352–362. (In Russ.)

УДК 82-398.8
ББК 85.31

К ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ КАЛМЫЦКИХ НАРОДНЫХ ПЕСЕН

On the History of Studying and Publishing Kalmyk Folk Songs

Б. Х. Борлыкова (B. Borlykova)[1]

[1] кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела фольклора и джангароведения Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Ph.D. of Philology, Senior Scientist of the Folklore and Dzhangar Studies Department at the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS). E-mail:borlboskha@mail.ru.

В данной статье на основе опубликованных и архивных материалов рассматривается история изучения и публикация калмыцких народных песен. Фольклорные и нотные записи П. С. Палласа, И. В. Добровольского, Г. Балинта, А. М. Листопадова А. Д. Руднева, Г. И. Рамстедта, Н. О. Очирова, Э. Джабдыкова, Ш. Санджирхаева, А. М. Позднеева, В. Д. Беневского, А. В. и Т. А. Бурдуковых представляют собой ценные источники по изучению песенного фольклора калмыков XVIII – нач. XX вв.

Ключевые слова: музыкальный фольклор, калмыцкая песня, текст, нотная запись, архив.

The article describes the history of study and publication of Kalmyk folk songs. It is based on the published and archival data. Domestic and foreign scholars, travelers, missionaries were engaged in collecting Kalmyk songs. Their contribution can't be overestimated as, in fact, they were the first to write down and to record Kalmyk folk songs for more than two hundred years since 1776.

Currently, the Archive of the Russian Geographical Society contains ancient manuscripts of Kalmyk folk songs translated into Russian from the old Kalmyk language. For example, E. Dzhabdykov's manuscript "Kalmyk riddles, songs and sayings of the Astrakhan province", Sh. Sandzhirkhayev's manuscript "Songs of Kalmyks", "Songs and fairy tales of the Kalmyk people" manuscript. A.M.Pozdneev's manuscript "Wedding songs of Kalmyks" is stored in the Fund for handwritten manuscripts of (IOS RAS) the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences.

A great interest to the researchers of Kalmyk folk song are the funds of the Phonogram-Archive of the Pushkin House at the Institute of Russian Literature of the Russian Academy of Sciences (IRLI RAS) where unique materials on the Kalmyk folk music are stored. Among them one can find phonographic cylinders as well as manuscripts of music notes and texts of Kalmyk folk songs such as "The material collected by Vasily Dmitriyevich Benevsky in the Bolshederbetovsky ulus of Bashanta in 1921", "The text of Kalmyk songs collected by the Burdukovs" and others.

So, due to the excursus on the history of recording the Kalmyk song folklore and its study it became evident that both folklore records and manuscripts of music notes of the XVIII and the beginning of the XX century represent a valuable source of new problems to investigate in this field.

Keywords: musical folklore, Kalmyk song, text, musical notation, archive.

Песни, являясь одним из репрезентативных жанров устного народного творчества калмыков, относятся к малоисследованной области калмыцкой фольклористики. Между тем, история собирания и публикации калмыцких песен имеет давнюю историю.

Собиранием калмыцких песен занимались как отечественные, так и зарубежные ученые, путешественники, миссионеры. Их вклад невозможно переоценить, поскольку именно им принадлежат первые опыты письменной и звуковой фиксации калмыцких народных песен на протяжении более двухсот лет, начиная с 1776 г. (публикация П. С. Палласом шести калмыцких песен, переведенных на немецкий язык, в «Собрании исторических сведений о монгольских народностях» — «Sammlungen historischer Nachrichten über die Mongolischen Völkerschaften»: СПб., 1776–1801).

Калмыцкие песни неоднократно привлекали к себе внимание фольклористов, музыковедов и лингвистов таких, как Оконов Б. Б. [1984], Басангова Т. Г. [1989, 2007], Дорджиева Г. А. [2000], Кульганек И. В. [2001], Биткеев Н. Ц. [2005], Омака-

ева Э. У. [2012, 2013], Омакаева Э. У., Борлыкова Б. Х. [2010, 2012, 2013] и др.

Первые нотные записи музыкального фольклора калмыков, известные нам, были осуществлены учителем музыки Астраханской гимназии, капельмейстером хора преосвященного Анастасия (Братоновского), Иваном Добровольским. Из тридцати двух опубликованных в первом номере «Азиатского музыкального журнала» (1 ноября 1816 г.) образцов музыкального фольклора армян, татар, киргизов, персов, ногайцев и т. д. шесть записей представляют музыкальный фольклор калмыков. В 1834 году Н. А. Нефедьев в этнографическом труде «Подробные сведения о волжских калмыках» перепечатал из журнала И. В. Добровольского нотные записи четырех произведений [Нефедьев 1834]. Позже все калмыцкие мелодии из этого журнала без аккомпанемента вошли в сборник С. Г. Рыбакова «Музыка и песни уральских мусульман с очерком их быта» (1897).

Следующими из ранних источников изучения музыкального фольклора калмыков являются записи венгерского ученого Габора Балинта (1844–1913). В сборнике калмыцких текстов, записанных Г. Балинтом в 1871–1872 гг. в Астрахани от учеников калмыцкой школы с помощью калмыков — преподавателя Шамбы и школьного врача Манжин Савгара, — имеются следующие материалы: Хальмг күүндән «Калмыцкие разговоры» (14 гл.; л. 1–8), Тәәллһтә тууль «Загадки» (23 гл., л. 9–11), Үлгүр «Пословицы» (21 гл.; л. 12–13), Йөрәлмүд «Благопожелания» (2 гл.; л. 14), Дуд «Песни» (16 гл., л. 15–35; всего 344 стихотворных строк), Ут туульс «Сказки» (15 гл.; л. 36–139)…». Эти материалы были опубликованы в 2011 году венгерским ученым Агнеш Бирталан в сотрудничестве с фольклористами Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (далее КИГИ РАН) Т. Г. Басанговой и Б. Б. Горяевой в сборнике «Kalmyk folklore and folk culture in the mid-19-th century» в Будапеште [Kalmyk 2011].

В данном сборнике изданы тексты шестнадцати калмыцких народных песен. По содержанию они относятся к лирическим песням, исключение составляет историческая песня о князе Церен-Джаб Тюмене (12-я песня). Г. Балинт сопровождает свои записи венгерским переводом и, кроме того, дает тексты песен на латинской графике. В научной библиотеке КИГИ РАН хранятся копии пяти песен с нотами («Чиигтнь урһсн», «Номһн бор», «Шикртә нуурин көвәд», «Захан һурвн гермүдт», «Бәрм иштә») из отдельного оттиска «Balint Gabor Keleti Levelei» (Будапешт, 1973). Ноты песен приводятся с аккомпанементом. По сведениям А. Бирталан, нотирование данных песен осуществил сам Г. Балинт.

В 1902 г. собирателем фольклора донского казачества, уроженцем станицы Екатерининской (ныне ст. Краснодонецкая Белокалитвинского р-на Ростовской обл.) Александром Михайловичем Листопадовым составлен сборник «Калмыцкие народные песни, записанные в Денисовской станице Сальского округа» [Листопадов 1902]. Рукопись этого сборника песен найдена современным исследователем калмыцкого музыкального фольклора, кандидатом искусствоведения В. К. Шивляновой в архиве Института русской литературы РАН. А. М. Листопадов явился первым русским исследователем, собравшим и расшифровавшим целый ряд калмыцких народных песен, бытовавших на Дону. Рукопись его нотных расшифровок ценна еще и тем, что представляет по большей части песни, нотированные с фонографических валиков. Всего им записано 29 песен и 2 танцевальные мелодии. Восемнадцать песен из записей А. М. Листопадова 1902 г., представляющие наибольшую историко-культурную ценность как произведения музыкального фольклора калмыцкого народа, были опубликованы В. К. Шивляновой [1999].

В 1909 году ученый-востоковед и музыковед А. Д. Руднев издал свой знаменитый труд «Мелодии монгольских племен» [Руднев 1909], где собраны все имевшиеся в его распоряжении материалы по калмыцким мелодиям, как уже известные на тот период по различным публикациям путешественников, миссионеров, музыкантов, так и, что самое ценное, ранее не публиковавшиеся, дополнив их собственными записями. В сборник он включил семьдесят три калмыцкие мелодии, которые разделил на три группы: 46 песен (№ 57–92 с вариантами), 16 танцевальных мелодий (№ 93–105 с вариантами) и 8 «духовных мелодий» (№ 106–112 с вариантами).

В 1904 г. А. Д. Руднев приехал в Калмыцкую степь вместе с финским ученым Г. И. Рамстедтом, который уже бывал здесь годом раньше. Экспедиция была организована Русским комитетом для изучения

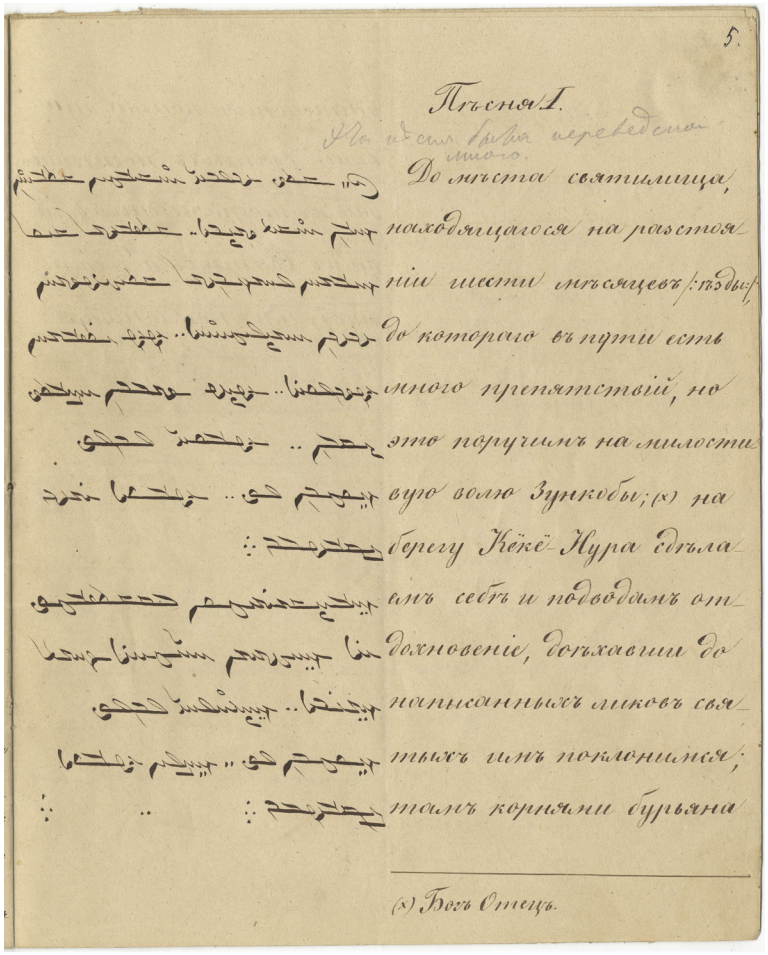
Средней и Восточной Азии. Местом пребывания исследователи выбрали немецкую колонию-поселение Сарепта, которая находилась у северной границы калмыцких кочевий. В первой поездке к калмыкам Г. И. Рамстедт записал 22 сказки, 90 загадок, 105 пословиц и свыше 40 песен, около 20 мелодий калмыцких песен, записанных на фонограф. Результатом второй поездки Г. И. Рамстедта явилась «богатейшая коллекция собранного лексического и фольклорного материала» [Луганский 1989: 3].

Свои записи калмыцких песен Г. И. Рамстедт издать не успел. Подготовкой к изданию его записей калмыцких песен занялся финский ученый Пентти Аалто. Подготовленные П. Аалто тексты калмыцких песен и их переводы на немецком языке были просмотрены профессором Н. Н. Поппе, сделавшим ценные замечания и исправления, полезные для публикации. В результате кропотливого труда многих ученых стало возможным появление публикации «Калмыцкие песни, собранные Г. И. Рамстедтом» — Kalmükische Lieder. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen seura, 1962.

В сборник «Калмыцкие песни» вошли тексты сорока девяти песен на калмыцком языке с переводами на немецкий язык. Калмыцкий текст дан в транслитерации на латинской графике, с сохранением особенностей калмыцкого языка, с обозначением произношений знаками долготы, мягкости звуков. В этом собрании представлены песни лирические, бытовые, исторические и культовые.

Одним из информантов Руднева и Рамстедта был студент факультета восточных языков Императорского Санкт-Петербургского университета Номто Очиров. С 1909 по 1911 он записал свыше восьмидесяти калмыцких народных песен. Уникальность материала, собранного Н. Очировым, заключается в том, что он как носитель родного языка представил всю жанровую структуру калмыцкого фольклора (от малых жанров до героического эпоса) [Очиров 2006]

В фондах Русского географического общества хранятся старинные рукописные сборники калмыцких народных песен на старокалмыцком языке с переводом на русский язык. К сожалению, дата записи рукописей не отмечена — как, например, в рукописи «Калмыцкие загадки, песни и поговорки Астраханской губернии», составленной Элистом Джабдыковым, где приведены три песни: «Zuu gedeq ɣazartan»; «Eceg zungkubiyin šajiyigi»; «Sēr dēren ɣarxuni» [Разряд 2, опись 1, № 72].


5.

Пѣсня 1.

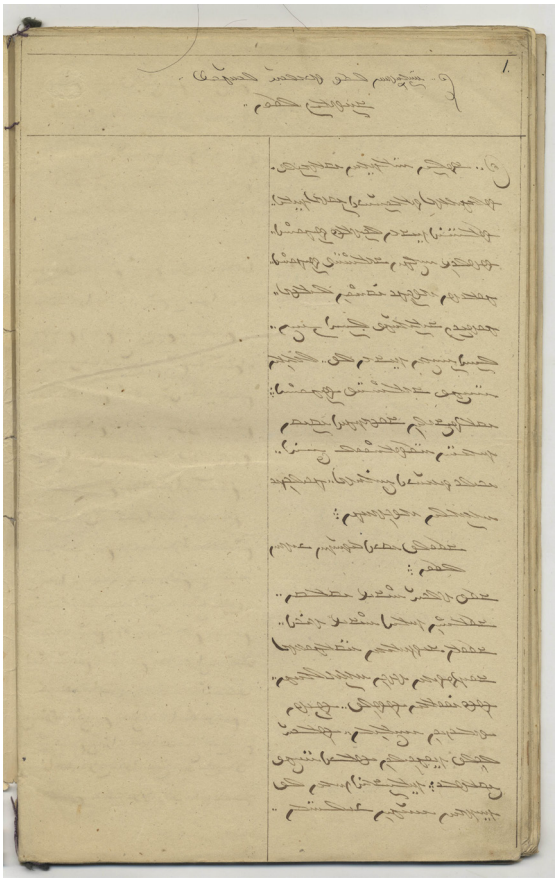
До мѣста святилища,
походящаго на разстоя-
ніи шести мѣсяцевъ ѣзды,
до котораго въ пути есть
много препятствій, но
это поручимъ на милости
вую волю Зункобы; (х) на
берегу Кёкё Нура ѣдучи
имъ себѣ и подводамъ от-
дохновеніе, восѣхавши до
написанныхъ ликовъ свя-
тыхъ имъ поклонимся,
тамъ корнями бурьяна

(х) Богъ Отецъ.

Рукопись «Песни калмыков» включает в себя записи и переводы Ш. Санджирхаева: «Xurān usun candaq-tu» («Песня Антон»); «Baɣa zaluugiyin ɣašuudalɣan» («Грусть юноши»); «Aniudkār ɣarɣagsan duun» («Песня об Анютке») [Разряд 53, опись 1, № 13].

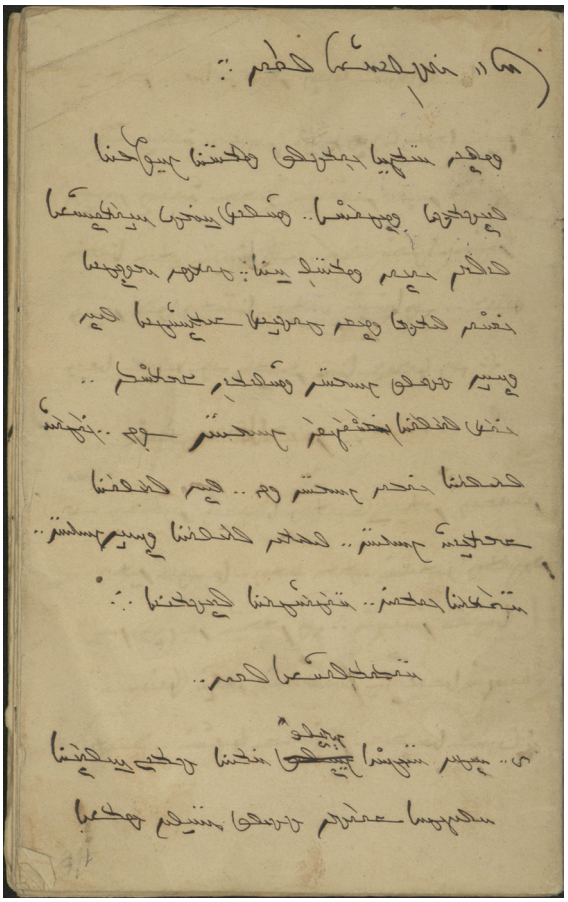
В рукописи «Песни и сказки калмыцкого народа» имеется одна песня «Zalbiral duun» (Песня-молитва), записанная на старокалмыцком языке [Разряд 53, опись 1, № 15].

В Архиве востоковедов Института восточных рукописей РАН хранится рукопись



А. М. Позднеева «Свадебные песни калмыков». В рукописи содержатся 31 свадебная песня калмыков: Bodlen xarši örgedü burxani šajini delgerkei boltuγai; Altan xangγai šildü; Büdürkun küzetei kürüng mörin; Bum tayiγan aršagi; Maxa γaliyin adista Mayidari burxani alditaγai; Xasaq zandan xarani; Šangxaqtayixan šarγān šaraljinduni arxalta; Sayixan zerde sarayin köldüni; Alxalagsan kürüngtei bilei; Šiderke ametai kereni šiliγan dabaji xatarba; Toγoroxan küzetei boro mini; Iš Jamban kerigi ajielsoni bariji mordoba; Xaqsuu γazariyin alimagi xabataγalaqsan bolba; Örön torγudni dongdona; Bičiken ker mörini, Xarγa sayixan xarini; Ker alagiyman xurdundu; Modon örgögesöni mordoxularan mörtexan; Erēn bulcangtei saral xaliun ezeneni tabarni güüdüq belie; Taryan kereyin tabtaduni köbcöq šubturm xurdutai bilei; Sayag sayixan sarlani sayire dereni; Saqlar xarγa namčida; Kete ker mörini; Γurban čikitei keriyigi; Sartaγasu γaraqsan salkin; Kökö tenggiyin carγayigini; Tašuu salagiyin talbuduni; Tö sayaxan čikitei xarγan zusula bi; Ali keriyin alxalangtu aldar noeon; Γazadu dalan usuni manan bolji tununa; Šara šiliyin γunzayigi [Фонд 44, опись № 1, архивн. № 96].

Важнейшим источником для изучения калмыцкой народной песни являются фон-



ды фонограммархива Пушкинского Дома (ИРЛИ РАН), где хранятся уникальные материалы по калмыцкой народной музыке. Это прежде всего фонографические валики и рукописи нот и текстов калмыцких народных песен.

В папке № 30 находится сборник калмыцких песен, подготовленный В. Д. Беневским. На титульном листе выведено: «Материал, собранный Василием Дмитриевичем Беневским в Большедербетовском улусе «Башанта» в 1921 г.». Тексты сорока пяти песен записаны учителем калмыцкого языка школы Цоросского аймака П. А. Асоковым в том же году. На титуле перечислены имена исполнителей, от ко-

торых были записаны песни: Кокельде Баянов из 2-го Тугтуна; Босхомже Папушов из Бага-Бурула; Корста Нарманов; Аралда Надвидов, астраханский калмык из улуса Булукта Енотаевского уезда; Сюле Харитонов из Бага-Бурульского аймака. Всего летом 1921 г., Беневским было записано 59 песен и 6 танцев. О процессе собирания калмыцкого фольклора и его нотировании В. Д. Беневский довольно подробно написал в статье о калмыцкой народной песне, рукопись которой хранится в Фонде фонограммархива Пушкинского Дома.

Весомый вклад, заметно пополнивший коллекцию калмыцкого фольклора в Пушкинском Доме, внесли А. В. и Т. А. Бурдуковы. Они дважды выезжали в Калмыкию — в 1937 и 1939 гг. Целью экспедиций был сбор материала для очередного выпуска «Калмыки» серии «Песни народов СССР». Имеются подробные описи этих экспедиций, тексты 144 песен, фонографические валики, некоторые их нотные переложения [Ф.А.П. – 30, № 271].

Таким образом, экскурс в область истории записи и изучения калмыцкого песенного фольклора позволил установить, что фольклорные и нотные записи П. С. Палласа, И. В. Добровольского, Г. Балинта, А. М. Позднеева, А. М. Листопадова А. Д. Руднева, Г. И. Рамстедта, Э. Джабдыкова, В. Д. Беневского, А. В. Бурдукова и Т. А. Бурдуковой представляют собой ценные источники по изучению песенного фольклора калмыков XVIII – начала XX вв. В дальнейшем предстоит более глубокий комплексный анализ исследуемых материалов.

Источники

Азиатский музыкальный журнал. № 1. Астрахань, 1816. 65 с.

Джабдыков Э. Калмыцкие загадки, песни и поговорки Астраханской губернии. Рукопись. РГО, разряд 2, опись 1, № 72.

Листопадов А. Калмыцкие народные песни, записанные в Денисовской станице Сальского округа в ноябре 1902 г. Рукопись. ИРЛИ: ФА ИРЛИ, РФ, п. 30, ед. хр. 215, 216, 240–267.

Материал, собранный В. Д. Беневским в Большедербетовском улусе «Башанта» в 1921. Рукопись. Фонограммархив Пушкинского Дома (ИРЛИ РАН), папка № 30.

Песни и сказки калмыцкого народа. Рукопись. РГО, разряд 53, опись 1, № 15.

Позднеев А. М. Свадебные песни калмыков. Рукопись. Рукописный фонд ИВ РАН, фонд 44, опись № 1, архивн. № 96.

Санджирхаев Ш. Калмыцкие песни. Рукопись. РГО, разряд 53, опись 1, № 13.

Текст калмыцких песен, собранных Бурдуковыми. Рукопись. Фонограммархив Пушкинского Дома (ИРЛИ РАН), Ф.А.П. – 30, № 271.

Литература

Басангова Т. Г. Калмыцкие заклинательные песни // Полевые исследования Институт этнографии АН СССР. Материалы ежегодной сессии. Сухуми: Ин-т этнографии РАН, 1989. С. 191–193.

Биткеев Н. Ц. Калмыцкий песенный фольклор. Элиста: АПП «Джангар», 2005. 214 с.

Борджанова Т. Г. Обрядовая поэзия калмыков: система жанров, поэтика. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2007. 592 с.

Борлыкова Б. Х. Вклад А. Д. Руднева и Г. Й. Рамстедта в историю собирания и изучения калмыцкого музыкального фольклора // Материалы Международной научной конференции «Песня и видоизменяющаяся поэтика. Устные традиции в живом исполнении» (21–24 ноября 2013 г., Кухмо, Финляндия). Folkloristiikan toimite 20. Helsinki: Folkloristiikka, Helsingin Yliopisto. С. 24–27.

Борлыкова Б. Х. Из истории собирания и изучения калмыцких танцевальных мелодий (XIX – нач. XX вв.) // Танцевальный фольклор народов России. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 70-летию со дня рождения и 50-летию творческой деятельности П. Т. Надбитова (г. Элиста, 17–18 декабря 2008 г.). Элиста: КИГИ РАН, 2010. С. 152–155.

Борлыкова Б. Х. История собирания и изучения калмыцкого музыкального фольклора (XIX – нач. XX вв.) // Проблемы музыкальной науки. Российский научный специализированный журнал. Уфа: Изд-во «Нефтегаз. дело», 2012, 2 (10). С. 122–125.

Дорджиева Г. А. Калмыцкие протяжные песни. Опыт структурно-типологического и историко-стилевого исследования: Дис… канд. иск. СПб., 2000. 188 с.

Кульганек И. В. Мир монгольской народной песни. СПб.: Петербург. востоковед., 2001. 224 с.

Луганский Н. М. Финский ученый и Калмыкия // Советская Калмыкия. 1989. 25 ноября. С. 3.

Нефедьев Н. А. Подробные сведения о волжских калмыках. СПб.: Тип. Карла Крайта, 1834. 286 с.

Оконов Б. Б. Калмыцкие народные исторические песни 17–18 вв. // Калмыцкая народная поэзия. Элиста, 1984.

Омакаева Э. У. Борлыкова Б. Х. Калмыцкие песни из коллекции финского монголоведа Г. Рамстедта: кластерное описание лексики // Бааза-багши и его духовное наследие. Коллективная монография. Элиста: НПП «Джангар» 2013. С. 133–145.

Омакаева Э. У. Проблемы текстообразования в фольклорном дискурсе: жанр калмыцкой песни в свете лексикографического и корпусного подходов // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2012. № 1. С. 21–27.

Очиров Н. Живая старина. На калм. и рус. яз. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2006. 398 с.

Руднев А. Д. Мелодии монгольских племен // Сборник в честь 70-летия Григория Николаевича Потанина. СПб., 1909. С. 395–430.

Рыбаков С. Г. Музыка и песни уральских мусульман с очерком их быта // Записки Императорской Академии наук. 8 серия. Т. 2, № 2. СПб., 1897. С. 301–303.

Шивлянова В. К. Калмыцкие песни, записанные в Денисовской станице Сальского округа в ноябре 1902 года // Из истории русской фольклористики. СПб.: Дм. Буланин, 1999. Вып. 4–5. С. 541–560.

Kalmyk folklore and folk culture in the mid-19-th century // Birtalan Agnes. Budapest: library of the Hungarian Academy of Sciences, 2011. 380 p.

Ramstedt G. J. Kalmükische Lieder. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen seura, 1962. 96 p.

Pallas P. S. Sammling historichten Nachrichten über die Mongolischen Völkerschaften. T. 1–2. St.-Pbg., 1776–1801. I. S. 150 p.

Sources

[Asian Music Magazine]. No. 1. Astrakhan, 1816. 65 p. (In Russ.)

[Songs and Tales of Kalmyk people. Manuscript. Russian Geography Society. Rank 53. Invent. 1. No. 15. (In Kalm.)

[The Material Collected by V. D. Benevsky in the Bolshederbet ulus "Bashanta" in 1921]. Manuscript. Phonogrammarchive of the Pushkin House. Institute of Russian Literature of the RAS. Folder No. 30. (In Kalm.)

[The Text of Kalmyk Songs Collected by the Burdukovs]. Manuscript. Phonogrammarchive Pushkin House. Institute of Russian Literature of the RAS. F.A.P. - 30. No. 271. (In Kalm.)

Dzhabdykov E. [Kalmyk Riddles, Songs and Sayings of the Astrakhan Province]. Manuscript. Russian Geography Society. Rank 2. Inventory 1. No. 72. (In Russ.)

Listopadov A. [Kalmyk Folk Songs, Recorded in the village of Denisov, Salsk District in November 1902]. Institute of Russian Literature: FA IRLI, RF. Folder 30. Un. 215, 216, 240–267. (In Russ.)

Pozdneev A. M. [Wedding Songs of Kalmyks]. Manuscript. Manuscript collection of IV RAS, Fund 44. Invent. No. 1. Archive No. 96. (In Russ.)

Sanzhirkhaev Sh. [Kalmyk Songs]. Manuscript. Russian Geography Society. Rank 53. Invent. 1. No. 13. (In Kalm.)

References

Basangova T. G. [Kalmyk Spell Songs]. In: [Field Research of Institute of Ethnography, USSR Academy of Sciences. Materials of the Annual Session]. Sukhumi: Institute of Ethnography of the RAS, 1989. Pp. 191–193. (In Russ.)

Bitkeev N. Ts. [Kalmyk Song Folklore]. Elista: Dzhangar, 2005. 214 p. (In Russ.)

Bordzhanova T. G. [Ritual Poetry of Kalmyks: System of Genres, Poetics]. Elista: Kalm. Book Publ., 2007. 592 p. (In Russ.)

Borlykova B. Kh. [Contribution of A. D. Rudnev and G. J. Ramstedt to the History of Collecting and Studying of Kalmyk Musical Folklore]. In: [Song and Changing Poetics. Oral Traditions in Live Performance]. Conf. proc. (Kuhmo; 21–24 November, 2013). Folkloristiikan toimite 20. Helsinki: Folkloristiikka, Helsingin Yliopisto, 2013. Pp. 24–27. (In Russ.)

Borlykova B. Kh. [From the History of Collecting and Studying of Kalmyk Dance Melodies (XIX – early XX cent.)]. In: [Dance Folklore of Nations of Russia]. Conf. proc. devoted to the 70th anniversary of P. T. Nadbitov and 50th anniversary of his creative activity (Elista; 17–18 December, 2008). Elista: Kalmyk Institute of Humanitarian Research of the RAS, 2010. Pp. 152–155. (In Russ.)

Borlykova B. Kh. [History of Collecting and Studying Kalmyk Musical Folklore (XIX – early XX Cent.)]. *Problems of musical science. Russian scientific specialized journal.* Ufa: Neftegaz. Delo, 2012. No. 2 (10). Pp. 122–125. (In Russ.)

Dordzhieva G. A. [Kalmyk Drawling songs. Experience of Structural-typological and Historical-style Research]. Cand. Sc. thesis (Art Studies). St. Petersburg, 2000. 188 p. (In Russ.)

Kalmyk Folklore and Folk Culture in the mid. 19th Century. Birtalan Agnes. Budapest: library of the Hungarian Academy of Sciences, 2011. 380 p. (In Eng.)

Kulganek I. V. [The World of Mongolian Folk Song]. St. Petersburg: Petersburg. orientalist, 2001. 224 p. (In Russ.)

Luganskiy N. M. [The Finnish Scientist and Kalmykia]. *Soviet Kalmykia*. 1989. 25 November. P. 3. (In Russ.)

Nefed'ev N. A. [Detailed Information about the Volga Kalmyks]. St. Petersburg: Karl Krait's Print. shop, 1834. 286 p. (In Russ.)

Ochirov N. [Living Old Times]. Elista: Kalm. Book Publ., 2006. 398 p. (In Kalm. and Russ.)

Okonov B. B. [Kalmyk Folk Historical Songs of the 17–18 cent.]. In: [Kalmyk Folk Poetry]. Elista, 1984. (In Russ.)

Omakaeva E. U. [Problems of Text Formation in Folklore Discourse: the Kalmyk Song Genre in the Light of Lexicographical and Corpus Approaches]. *Bulletin of the Kalmyk Institute of Humanitarian Research of the RAS*. 2012. No. 1. Pp. 21–27. (In Russ.)

Omakaeva E. U., Borlykova B. Kh. [Kalmyk Songs from the Collection of Finnish Scholar of Mongolian Studies G. Ramstedt: Cluster description of Vocabulary]. In: [Baaza Bagshi and his Spiritual Heritage]. Elista: Dzhangar, 2013. Pp. 133–145. (In Russ.)

Pallas P. S. Collecting historical news about the Mongolian nations. Vol. 1–2. St. Petersburg, 1776–1801.150 p. (In Germ.)

Ramstedt G. J. [Kalmyk Songs]. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen seura, 1962. 96 p. (In Germ.)

Rudnev A. D. [Melodies of Mongolian Tribes]. In: [Collection in honor of the 70th anniversary of Grigory Potanin]. St. Petersburg, 1909. Pp. 395–430. (In Russ.)

Rybakov S. G. [Music and Songs of the Ural Muslims with an Essay of their Life]. *Bulletin of the Imperial Academy of Sciences*. Series 8. Vol. 2. No. 2. St. Petersburg, 1897. Pp. 301–303. (In Russ.)

Shivlyanova V. K. [Kalmyk Songs Recorded in Denisovskaya stanitsa of Salsk District in November 1902]. In: [From the History of Russian Folkloristic]. St. Petersburg: Dm. Bulanin, 1999. Iss. 4–5. Pp. 541–560. (In Russ.)

УДК 821+294.3
ББК 83.3(0) 9+86.35

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ НА ТИБЕТСКОМ ЯЗЫКЕ ИЗ КОЛЛЕКЦИИ КОБДОСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА (МОНГОЛИЯ)*

Towards the Characteristics of the Tibetan Written Sources from the Collection of Khovd State University (Mongolia)

Д. Н. Музраева (D. Muzraeva)[1], *А. Батсуурь (A. Batsuuri)*[2]

[1] кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела письменных памятников, литературы и буддологии Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Ph.D. of Philology, Senior Scientist of the Department of Written Monuments, Literature and Buddhology at the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS). E-mail: deliash@mail.ru.

[2] кандидат филологических наук, заведующий кафедрой монгольского языка и литературы Кобдоского (Ховдского) государственного университета (Ph.D. of Philology, Head of the Chair of Mongolian Language and Literature at Khovd State University). E-mail: a_batsuuri@ymail.ru.

В статье дан обзор коллекции старописьменных источников на тибетском языке, хранящихся в Кобдоском государственном университете (г. Кобдо, Монголия), приводятся описания отдельных текстов.

В письменных источниках на тибетском языке, имевших хождение в среде буддийских священнослужителей и светских приверженцев буддизма в Калмыкии, а также в тех регионах, где проживают родственные калмыкам народы (Западные аймаки Монголии, СУАР КНР), сохранившихся к началу XXI столетия, выявляются как некоторые общие черты, так и отличия, касающиеся особенностей проникновения и распространения северного буддизма, его школ и направлений, особенностей культовых систем буддийских конфессий указанных регионов.

Ключевые слова: письменные источники, Западная Монголия, буддизм, тибетский язык, рукописи, ксилографы, описание.

The authors present to the readers' attention their attempt to observe the collection of old written manuscripts in the Tibetan language stored in Khovd State University (Khovd, Mongolia), as well as the specimen of scientific descriptions of some of these manuscripts.

The Manuscripts with Written texts in the Tibetan language were in use and they are in use till nowadays among Buddhist clerics and secular adherents of the Buddhism in Kalmykia as well in some other regions where the peoples of Mongolian group related to Oirats and Kalmyks live now — in the Western aimaks (provinces) of Mongolia, Sinxiang Uigur Autonomous territory in the Peoples' Republic of China. These handwritten books and the collections of such books which have remained to the beginning of the 21st century, give us the opportunity to note and describe some common features and to reveal the differences, penetrations concerning features and distribution of northern Buddhism, its schools and directions, features of cult systems of Buddhist faiths of the specified regions, as well as the literary activity and the practices of translations in various territories of Mongolian and Oirat peoples.

Among these works which were in use among Western Mongols are "The Hymn-praise to a line of reincarnations of the Dalai-lama XIII Ngag dbang Blo bzang rGya mtsho" (*tib.* khyab bdag 'khor lo'i mgon po ngag dbang blo bzang rgya mtshos 'khrungs rab gsol 'debs bzhugs so); "Prayer about a birth in Shambhala" (*tib.* grub pa'i gnas mchog dpal ldan shambha lar skye ba'i smon tshig ka lā bar 'jug pa zhes bya ba bzhugs so); one of the major Tantric texts — the Tibetan original of the well-known Buddhist composition "Mañjuśri-nāma-saṃgīti" or "The true pronunciation of names of Mañjuśri" (*tib.* bcos pa'i chos brgyad kyas bsdus pa zhugs so); copies of the sample of the literature of Prajñāpāramitā whom is "The Diamond sūtra" (*tib.* 'phags pa shes rab kyi pha rol tu phyin pa rdo rje gcod pa zhes bya ba bzhugs so); the prayer turned to Nāgārjuna, the Indian founder of a Mahāyāna, the author of texts of its first school — Mādhyamika (*тиб.* dpal dkon 'phags pa klu sgrub gyi smon lam zhes bya ba bzhugs so), etc.

Keywords: written sources, the Western Mongolia, Buddhism, the Tibetan language, manuscripts, xylographs, description.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №14-18-02898).

В письменных источниках на тибетском языке, имевших хождение в среде буддийских священнослужителей и светских приверженцев буддизма в Калмыкии, а также в тех регионах, где проживают родственные калмыкам народы (Западные аймаки Монголии, СУАР КНР), сохранившихся к началу XXI столетия, выявляются как некоторые общие черты, так и отличия, касающиеся особенностей проникновения и распространения северного буддизма, его школ и направлений, особенностей культовых систем буддийских конфессий указанных регионов.

В ходе экспедиции в рамках проекта Российского научного фонда (№14-18-02898) сотрудниками КИГИ РАН была осуществлена камеральная работа в рукописном фонде и библиотеке Кобдоского государственного университета. В процессе обсуждения актуальных вопросов, решаемых на современном этапе исследователями обеих сторон, рассматривалось совместное сотрудничество по описанию, каталогизации и публикации старописьменных источников и материалов, хранящихся в Кобдоском государственном университете, а также в частных коллекциях г. Кобдо и сомонов Кобдоского аймака, не имеющих на сегодняшний день научного каталога. В данной статье предлагается предварительный обзор письменных памятников на тибетском языке, сохранившихся на сегодняшний день в фондах университета.

Следует отметить, что в соответствии с традиционной классификацией, принятой в буддизме, описываемые сочинения можно тематически определить как относящиеся к одной из «пяти больших наук» и «пяти малых наук» [Пубаев 1989: 13–16]. К первым относят философию махаянского буддизма, грамматику, логику, технологию и медицину. Согласно энциклопедическим справочникам, к «пяти малым наукам» причисляются поэтика, стилистика, синонимика, музыка с танцами и астрономия [Пубаев 1989: 16]. Как отмечают исследователи, обо всех этих науках обобщающе сказано в известном лексикографическом труде «Источник мудрецов», регламентировавшем переводческую деятельность монгольских и ойратских лам [Rinčinkava, Sečenčoγtu 1983: 1–5; Dag yig… 1988; Музраева 2013: 17–19]. В целом же среди тибетских книг, сохранившихся в Кобдоском аймаке Монголии, имеются сочинения из буддийского канона Ганджура и Данджура, в том числе сочинения из собраний сочинений (сумбумов) тибетских авторов, в ряду которых выделяются трактаты по философии и логике, обрядовая литература, посвященная божествам буддийского пантеона, литература по медицине, астрологии, различные календарные материалы. Помимо этого, в наличии имеются образцы лексикографических трудов, каталоги печатных изданий различных монастырей и другие материалы. Все указанные сочинения можно охарактеризовать как буддийские, при этом большую часть составляют книги древнеиндийского происхождения, представляющие собой тибетские переводы с санскрита, китайского и уйгурского языков, в свою очередь переведенные на монгольский и ойратский языки. Следует особенно заметить, что в коллекции буддийской литературы Кобдоского государственного университета, помимо тибетских письменных источников, представлены и ойратские сочинения.

Предваряя описание текстов, дадим общую характеристику способа хранения текстов. Тибетские книги в описываемой коллекции представлены как отдельными томами, так и разрозненными сочинениями, имеются и подборки книг, представленные отдельными свертками, — так называемые книги формы «ботхи», завернутые в несколько слоев ткани, не обязательно из натурального шелка. Подобный способ хранения буддийских текстов мы отмечали ранее при описании коллекций тибетских книг, сохранившихся к началу нынешнего столетия в Калмыкии [Музраева 2012: 28, 59]. При первоначальном ознакомлении с коллекцией мы отметили некоторые характерные особенности формата книг (рукописи и ксилографы большого и малого форматов), качества и отличительных признаков бумаги, на которой выполнены ксилографические издания и воспроизведены рукописные образцы[1], техники письма и т. п.

Несмотря на начальный этап работы по научному описанию и явные утраты в ряде письменных источников (отсутствие 1–2 и более листов, отсутствие начала или окончания текстов и т. п.), представляется возможным дать описание отдельных источников из рассматриваемой коллекции.

[1] Так, одна из рукописей астрологического содержания из состава 8-го из обследованных свертков была выполнена на русской бумаге фабрики Сумкина.

Большая поисковая работа была проделана сотрудниками кафедры монгольского языка и литературы и студентами Социально-гуманитарного института Кобдоского государственного университета в ряде сомонов Кобдоского аймака, в результате которой коллекция была пополнена копиями (в том числе ксерокопиями) и списками ряда оригинальных тибетских и ойратских сочинений. Сведения о поисках кобдоских коллег позволили выделить ряд особенностей частных собраний (коллекций) Кобдоского и Убсунурского аймаков, сделать предварительные наброски о способах создания рукописной [Батсуурь 2008] и печатной книги у западных монголов.

Выявленные особенности коллекций позволили определить специализацию их владельцев. Так, в одном из свертков (8-м по счету в ряду изученных) оказались тексты астрологического характера, позволяющие предположить, что среди владельцев тибетских книг были зурхачи — специалисты по астрологии. Подобный сборник астрологических текстов, по большей части на ойратском языке, был описан нами в одной из предыдущих работ [Музраева 2012: 39–42, 133–134].

Среди выявленных и описанных письменных памятников следует указать на ценные источники из разряда гимнов, среди которых выделим «Гимн-восхваление линии перерождений Далай-ламы XIII Агван Лобсан Джамцо» (*тиб.* khyab bdag ’khor lo’i mgon po ngag dbang blo bzang rgya mtshos ’khrungs rab gsol ’debs bzhugs so).

В описываемой коллекции обращают на себя внимание образцы текстов обрядовой литературы — текст из разряда садхан (способов визуализации божеств буддийского пантеона), обряда воскурения — «Садхана Хаягривы (эманации Будды Акшобхьи)» (*тиб.* rta mgrin gsang sgrub gyi sgrub thabs dregs pa kun ’du la zhes bya ba bzhugs so), «Садхана богини Балдан Лхамо» (*тиб.* dpal ldan lha mo’i sgo nas bzlog bsgyur byed tshul bzhugs so) и др.; обрядовые тексты, содержащие церемонии и ритуалы («чога»), посвященные различным божествам буддийского пантеона, — среди них сочинения, посвященные культу хранителя Учения — Ямантаки (или Бхайравы) (*тиб.* dpal rdo rje ’jigs byed chen po’i sgo nas gshin po rjes su ’dzin pa’i cho ga bde chen myur lam zhes bya ba bzhugs so).

В данном собрании имеются и молитвенные тексты. Из них отметим молитву, обращенную к Нагарджуне (индийскому основоположнику махаяны, автору текстов ее первой школы — мадхьямики). Ее рукописный текст состоит из 4 л. малого формата (*тиб.* dpal dkon ’phags pa klu sgrub gyi smon lam zhes bya ba bzhugs so).

Хорошо известное сочинение «Молитва о спасении из промежуточного состояния „бардо“» (*тиб.* bar do ’phrang sgrol gyi smon lam ma bzhugs so) представлено ксилографом малого формата. Наличие ее текста позволяет судить о том, что западными монголами было воспринято одно из основных доктринальных положений буддизма — учение о перерождениях. В сборнике, состоящем из ряда ксилографов, мы отметили включение текста «Молитвы о рождении в Шамбале (*тиб.* grub pa’i gnas mchog dpal ldan shambha lar skye ba’i smon tshig ka lā bar ’jug pa zhes bya ba bzhugs so).

Тибетский оригинал известного буддийского сочинения «Манджушри-нама-сангити», или «Истинное произношение имени [бодхисаттвы] Манджушри» (*тиб.* bcos pa’i chos brgyad kyas bsdus pa zhugs so), одного из важнейших тантрических текстов, хорошо известного всем монгольским народам, воспринявшим буддизм махаяны и неоднократно переводившегося на монгольские языки, также имеется в рассматриваемой коллекции в печатном издании.

В завершение краткого обзора хотелось бы обратить внимание исследователей на присутствие в рассматриваемой коллекции текстов из разряда сочинений по Праджняпарамите (запредельной, трансцендентной мудрости). Даже в составленном небольшом перечне описанных текстов нами были выявлены два списка (копии) известного буддийского сочинения «Алмазная сутра». Один из них был представлен рукописью ’phags pa shes rab kyi pha rol tu phyin pa rdo rje gcod pa zhes bya ba theg pa chen po’i mdo rdzogs so (‘Алмазная сутра’, или ‘Дорджи джодва’), состоящей из 59 л. (размеры лл. 16x6,5 см, 6 строк, бумага русская). Другой — рукописью ’phags pa shes rab kyi pha rol tu phyin pa rdo rje gcod pa zhes bya ba bzhugs so (‘Алмазная сутра’, или ‘Дорджи джодва’), состоящей из 25 л. (размеры лл. 33x11 см, 8 строк, бумага русская, с оттиском «Ф-ки Сумкина №6»). Применение бумаги российского производства представляет интерес для последующего изучения

тибетских печатных и рукописных книг в культурном обиходе западномонгольских племен, как и техники их создания.

Таким образом, на основе анализа письменных источников из фонда Кобдоского университета, их состава и содержания можно сделать вывод о том, что буддизм является важной составляющей культуры западных монголов, проживающих в Кобдоском аймаке Монголии. Сведения, представленные в данной публикации, позволят провести сопоставительные тибетологические исследования обобщающего характера. Работа по дальнейшему описанию и составлению каталога коллекции представляется одним из существенных направлений в тибетологических изысканиях на современном этапе.

Литература

Батсуурь А. Тод үсгийн ном судрын тархац ба бичиг үсгийн соёл (Распространение книг на «ясном» письме и письменная культура) // Тод үсэг – 360. Ховд, 2008. С. 21–30.

Музраева Д. Н. Буддийские письменные источники на тибетском и ойратском языках в коллекциях Калмыкии. [Текст] / Д. Н. Музраева. Элиста: НПП «Джангар», 2012. 224 с.

Музраева Д. Н. Тибето-монгольская повествовательная литература XVII–XVIII вв. (Переводные письменные памятники на монгольском и ойратском языках). Элиста: КИГИ РАН, 2013. 240 с.

Пубаев Р. Е. Об изучении источников по средневековым наукам на тибетском и монгольском языках в Бурятии // Источниковедение и тестология памятников средневековых наук в странах Центральной Азии. Новосибирск: Наука. СО, 1989. 272 с. С. 9–23.

Dag yig mkhas pa'i 'byung gnas. Merged γarqu-yin oron. ǰanggiy-a isidanbirome ǰokiyaba. ǰamyantübden ǰoriγtu kinaǰu tayilburilaba // Mongγol tulγur bičig-ün čuburil. Begeǰing: Ündüsüten-ü keblel-ün qoriy-a. 1988. 1526 p.

Rinčinkava, Sečenčoγtu. Merged γarqu-yin oron. Öber Mongγol-un arad-un keblel-ün qoriy-a. 1983.

References

[*Dag yig mkhas pa'i 'byung gnas. Merged γarqu-yin oron. ǰanggiy-a isidanbirome ǰokiyaba. ǰamyantübden ǰoriγtu kinaǰu tayilburilaba*]. In: [Series of Mongolian Primary Sources]. Beijing: National Publishing Committee, 1988. 1526 p. (In Mong.)

Batsuur A. [Distribution of books on "clear" script and written culture]. In: [Todo *üseg* – 360]. Xovdo, 2008. Pp. 21–30. (In Mong.)

Muzraeva D. N. [Buddhist Written Sources in Tibetan and Oirat Languages in Collections of Kalmykia]. Elista: Dzhangar, 2012. 224 p. (In Russ.)

Muzraeva D. N. [Tibet-Mongolian Narrative Literature of XVII–XVIII cent. (Translation of written monuments in Mongolian and Oirat languages)]. Elista: Kalmyk Institute of Humanitarian Research of the RAS, 2013. 240 p. (In Russ.)

Pubayev R. E. [On the Study of Sources on Medieval Sciences in Tibetan and Mongolian Languages in Buryatia]. In: [Source Studies and Testology of Monuments of Medieval Sciences in Central Asian Countries]. Novosibirsk: Nauka, 1989. 272 p. Pp. 9–23. (In Russ.)

Rinčinkava, Sečenčoγtu. [Source of the Wise]. Hohhot: Inner Mongolia People's Publishing Committee, 1983. (In Mong.)

УДК 821.584.6
ББК 86.35+83.3 (0) 9 (5 Монг)+83.3 (0) 6

СПИСОК РУКОПИСИ «НАСТАВЛЕНИЯ V БОГДО ДЖИБЦЗУН-ДАМБА ГЭГЭНА» (на материале сочинения «Поучения Джибцзун-Дамба-ламы»)

The Manuscript Copy of ''The Fifth Bogdo Gegen Jebtsundamba's Precepts'' (the Case Study of the Work of «The Jebtsundamba Lama's Teachings»)

Б. В. Меняев (B. Menyaev)[1]

[1]младший научный сотрудник отдела письменных памятников, литературы и буддологии Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Researcher of the Written Monuments, Literature and Buddhology Department at the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS). E-mail: bmeyaev@mail.ru.

Статья посвящена ойратскому литературному памятнику «Наставления V Джебцзун-Дамба хутухты» (ойрат. 'Boqdo Jibzun Dambayin tabuduγār gegēni zarliq'), относящемуся к жанру литературы «народного буддизма», который имел широкое хождение среди калмыков. Как показал предварительный анализ ойратских рукописей и ксилографов, данное сочинение является популярным и среди родственных калмыкам ойратов Монголии и Китая. Автор публикует ранее не известный список рукописи сочинения, который найден среди ойратов Синьцзяна. Список рукописи, который публикуется в данной статье, интересен тем, что в названии указан автор сочинения, т.е. конкретное перерождение Джибцзун-Дамба-хутухты, тогда как в калмыцких списках название ограничено упоминанием лишь титула, не освещая, какое именно из перерождений явлено в авторе. Сочинение распространено в Монголии (западные аймаки), в Китае (СУАР КНР) и в России (Республика Калмыкия), что лишний раз подтверждает единство культурного пространства ойратов и калмыков. Автор приходит к выводу, что среди ойратов, в силу исторических событий проживающих в разных странах, был общий литературный фонд, обусловленный единством религиозных и эстетических воззрений.

Ключевые слова: «Наставления Пятого Джибцзун-Дамбы», ойраты, «литература народного буддизма», рукопись, списки.

The paper is devoted to one of the most valuable Oirat literary monuments known by the name *of The Vth Jebtsundamba Precepts* (oirat.'Boqdo Jibzun Dambayin tabuduγār gegēni zarliq'). It belongs to such literary genre as "popular Buddhism" and was widely circulated to the Kalmyk people. Additionally, the preliminary analysis results of Oirat manuscripts and block prints show that the manuscript paper is also popular among the Oirat people from Mongolia and China, who are close relatives of Kalmyks. The author publishes a copy of previously unknown manuscript writings, which has been found among Xinjiang Oirats. It is of special value, since it contains the author's name and the specific rebirth of Jebtsundamba, whereas Kalmyk copies of the manuscript mention only his title and they omit the information about his concrete rebirth. Moreover, the writing is mostly common in Mongolia (western aimags), in China (Xinjiang Uyghur Autonomous Region) and in Russia (Kalmyk Republic), which once again underlines common cultural space between Oirats and Kalmyks. Thus, the author concludes that the Oirats because of historical events, residing in different countries, shared a single literary fund due to the unity of their religious and aesthetic views.

Keywords: "The Fifth Jebtsundamba Precepts", Oirats, popular Buddhist literature, manuscript, copies.

Ойраты — этнические предки калмыков, прикочевавшие более четырехсот лет назад из предгорий Алтая и Тянь-Шаня в Центральной Азии и обосновавшиеся в Нижнем Поволжье, имели самобытную культуру, религию и письменность. На протяжении четырех столетий культура калмыков развивалась в иноэтничной среде, несмотря на это народу удалось сохранить культуру, язык, буддийскую религию. Одним из компонентов духовного наследия калмыков является национальная литература, которая выделилась из общемонгольской в первой половине XVII века благодаря созданию

ойратской письменности (*«тодо бичиг»*). На «тодо бичиг» была создана и религиозная литература калмыков.

Буддийские сочинения можно разделить на два раздела: литература каноническая — *сутры*, авторство которых приписывается самому Будде Шакьямуни, где разъясняется его учение, и литература так называемого «народного буддизма». Посредством литературы «народного буддизма» монахи доносили до верующих основные постулаты религии. Благодаря занимательности таких произведений буддизм находил доступ к народному сознанию, адаптируя необходимые наставления, побуждающие к вступлению на путь буддийского учения. К таковым произведениям можно отнести и сочинение, автором которого считается Джибцзун-Дамба хутухта — глава буддийской церкви Монголии.

К сожалению, многие произведения книжной культуры калмыков на сегодняшний день утрачены, но они сохраняются среди ойратов Китая, а именно в Синьцзяне [Меняев 2012: 175–179]. Рукописи, священные тексты, находившиеся в монастырских библиотеках, погибли во время «культурной революции» и тотальной борьбы с религией. То малое, что удалось сохранить на сегодняшний день, представляет собой бесценное наследие и охраняется государством. В семьях ойратов Китая хранится много буддийских рукописей, передававшихся из поколения в поколение на протяжении двух-трех веков [Намджил 2012: 139–145]. Нынешние владельцы очень бережно относятся к ним, часто приглашают священнослужителей для того, чтобы они прочитали им эти книги, объяснили содержание. Примечательно, что хранящиеся в частных коллекциях рукописи написаны на ойратском языке, религиозные же тексты на тибетском языке имеются только в храмах. Многие владельцы рукописей знают их содержание и читают их в особые дни поста и молитв — 8, 15 и 30 числа каждого лунного месяца (калм. *мацг өдр*). Одним из таких рукописных текстов является памятник литературы «народного буддизма» из разряда *«сургал»* («поучение, наставление») «Золотое письмо-послание Богдо Джибцзун Дамба ламы-гэгэна» (Boqdo Jibazan Damba blama gegeni zarligiyin altan bičiq orošiba), который послужил источником для настоящей статьи.

Это сочинение, популярное у калмыков и широко распространенное среди всех ойратских народов, имеет разные названия, но идентично по содержанию [Лунный свет 2003: 256; Живая старина 2006: 272–279; Do. Galdan 2013: 262–275]. Заглавия списков сочинения варьируют: «Boqdo Jibazan Damba blama gegeni zarligiyin altan bičiq orošiba», «Boqdo Jibzun Damba-yin lüngdün orošiboi», «Boqdo Jibzun Dambayin tabuduγār gegēni zarliq», «Boqdo Jibezan Damba xutuqtin gegeni zarliqgin bičiq orošba», «Boqdo Jibzang Dambayin lüngdün». В соответствии с названием, автором сочинения является один из богдо-гэгэнов Монголии, которые носили титул «Джибцзун-Дамба хутухта» [Позднеев 1880: 17]. Сочинения представляют наставления Джибцзун-Дамбы верующим и монахам, призыв строгого следования учению Будды.

Летом 2014 г. автор данной статьи побывал в научной командировке в Синьцзяне и обнаружил список рукописи сочинения «Boqdo Jibzundambayin tabuduγār gegēni zarliq». Рукопись хранится в частной коллекции жителя г. Текес Или-Казахской области Синьцзяна, Джавын Досана, торгута, 54 лет. Рукопись предположительно датируется концом XIX – началом XX вв., бумага зеленая, размеры 22,5x9 см. Этот список уникален тем, что в нем указан в качестве автора V Джибцзун-Дамба хутухта (тиб. *blo bzang tshul khrims ‘jigs med bstan pa’i rgyal mtshan*). В других же списках, кроме титула, нет информации о том, которым именно воплощением Джибцзун-Дамба хутухты является автор этого сочинения.

Известный российский монголовед А. М. Позднеев пишет о монгольских Джибцзун-Дамба хутухтах следующее: «Глава буддийского духовенства в Монголии, Чжибцзун-Дамба хутухту почитается хубилганом (воплощением) знаменитого проповедника буддизма в Индии и Тибете, Таранаты (1573–1635), полное имя которого Чжибцзун-Даранаты-Гунга-Нинбо. Касательно этого имени, употребляемого ныне каждым из ургинских хутухт, мы можем заметить, что хубилганы монгольского хутухты только со времени перенесения своей деятельности в Монголию сделались известны под именем Чжибцзун-Дамба и несомненно заимствовали его от своего славного первообраза, так как до времени Даранаты имя Чжибцзун-Дамба не было именем ни одного из его хубилганов. Монголы имеют летопись перерождений своего великого ламы, начиная со времен будды Шигэмуния, и из нее видно, что Чжиб-

цзун-Дамба-лама перерождался два раза в Монголии, раз в Индии, затем десять раз в Тибете, и там же постоянно до настоящего времени» [Позднеев 1880: 15]. К личности V Джибцзун-Дамба хутухты Позднеев дает пояснения: «Пятый Гэгэн родился в 1815 г., имя его Лубсан-Цолдом-Чжигмит. Он получил посвящение в Тибете и был перевезен в Монголию. В среде монголов о V гэгэне не осталось почти никаких воспоминаний, без сомнения, потому что он не производил никакого особенного впечатления и, кажется, был личностью совершенно бесхарактерною, не имевшего ничего своего и вполне подчиняющегося влиянию окружающих лам. Склонность к праздности, отсутствие всякой системы в образе действий, мизерное честолюбие и какая-то жалкая робость, кажется, составляют единственные черты проглядывающие во всех его распоряжениях. Он скончался в 1842 г.» [Позднеев 1880: 17].

Известный журналист-востоковед И. И. Ломакина придерживалась противоположных взглядов в отношении личности V Богдо-гэгэна. В ее монографии читаем следующее: «Богдо-гэгэн родился в 1815 г. Он был сыном тибетского чиновника Гонпо Дондупа, местом его рождения является селение Ригдзин Бутэд недалеко от Поталы. Был привезен в Их-Хурэ в 1820 г. в сопровождении наставника Лобсана Джамьяна, у которого обучался в течение десяти лет. Маньчжурский император Даогуан отказал ему в традиционном визите в Пекин, наказав обучаться в Монголии. В 1834 г. гэгэн основал Майдар-дацан. Посетил цинскую столицу несколькими годами позже полагавшегося, располагая лишь собственными средствами. Вернувшись в Их-Хурэ в 1836 г., он испросил позволения перенести свою ставку подальше от китайского торгового квартала, в место на холме Далхын, где через два года был основан монастырь Гандантэгченлин, куда сразу же потянулось духовенство с целью получения буддийского образования, зная о том, что Богдо-гэгэн распорядился зачислять в училища каждого желающего. В 1840 г. вновь посетил Пекин. В 1841 г., согласно его пожеланию, его наставник Брагри Ёнзон Дамцагдорж основал в Их-Хурэ Ламрим-дацан. Помимо этого, рядом с Ганданом в период его жизни были построены два цанид-дацана — Гунгаачойлин и Дашчойнпэл, а также Бадам-Ёга-дацан, позже получившие собирательное название Гандан-Хурэ. Получив от Дамцагдоржа посвящение в Наро-дакини, Богдо-гэгэн основал Нарохажид-дацан. Скончался в 1841 г. в Гандане в возрасте 26 лет» [Ломакина 2006: 20–21].

Относительно личности V Богдо-гэгэна, мы поддерживаем точку зрения И. И. Ломакиной, которая убеждает в том, что V Богдо-гэгэн был высокообразованным буддийским монахом, преуспел в области религии, воздвигая новые монастыри, где основной целью являлось изучение буддийской философии. О строгом следовании учению Будды V Богдо-гэгэна свидетельствует его «Наставление», в котором он призывает мирян и монахов (ойр. *xara šara*) неукоснительно следовать религии Будды, почитать три Драгоценности, читать священные тексты и не совершать греха речи (например, «не браниться, если нет дождя»).

Ниже предлагаем транслитерацию и факсимиле списка рукописи «Наставления Пятого Джибзун-Дамба хутухты», хранящегося в СУАР КНР.

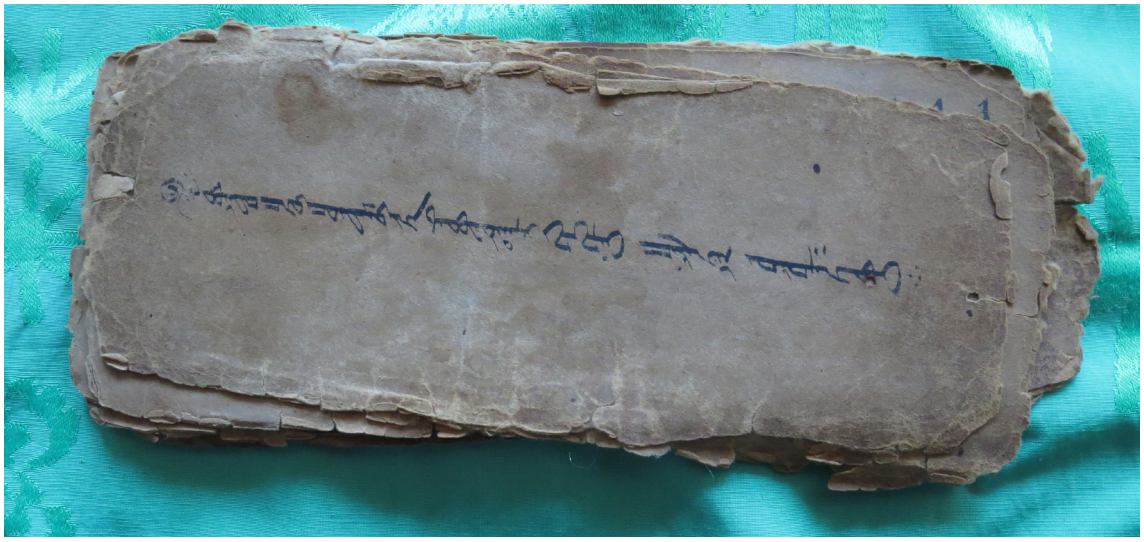
Транслитерация

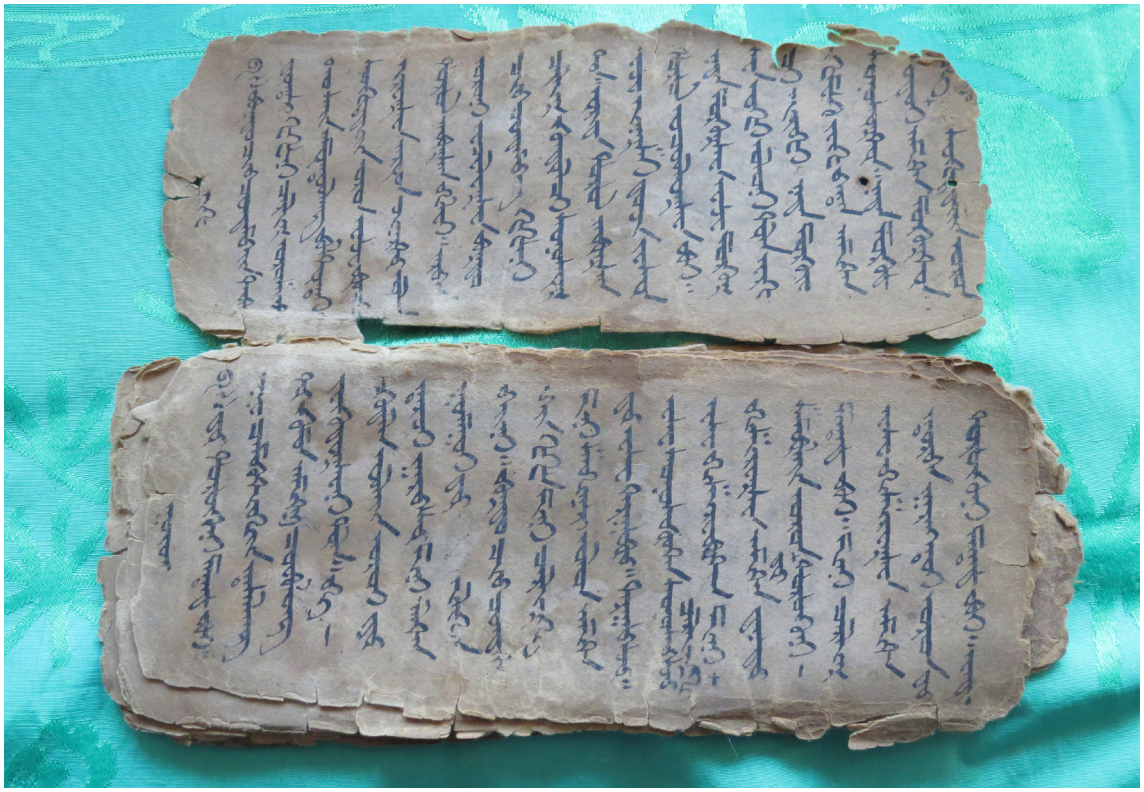
(1a) Boqdo Jibzundambayin tabuduγār gegēni zarliq orošiboi

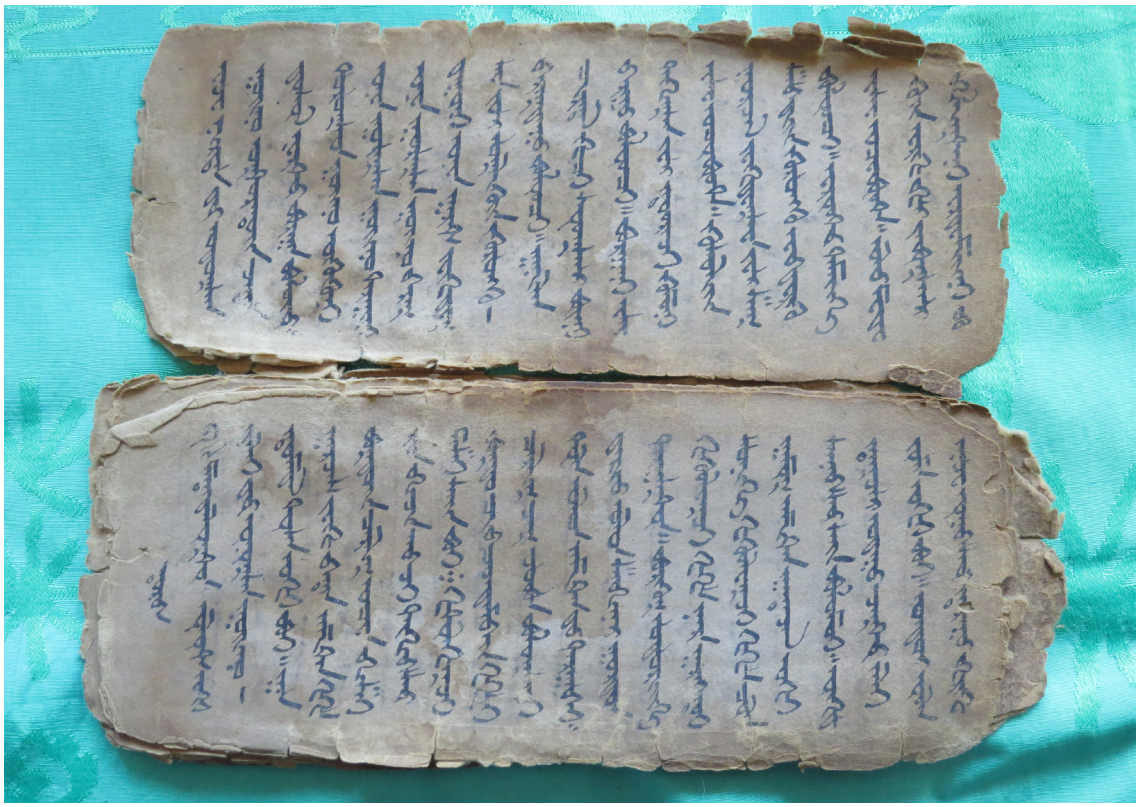
(1b) Boqdo Jibzundambayin tabu=duγār gegēni zarliq orošiboi :: Om sayin amuγuulang boltuγai:Sükevadiyin oron-
(2a) ēce buuji ireqsen aruun činartu olon töröl abuqsan bilei: arban oroni ezeleqsen Jibzundamba gegēni zarliq kündülji sonosuq=tun: urida töröl abuqsan-ēce inaqši döčin yesün töröl üzüülüqsen bui: nadan mörgüqsen-ēce mörgüq=sen ügei oloni tula erke=ji irebei nadan mörgüye kemēkü yeke baγa amitan sonosuqtun: nadan mörgöd Sükevadiyin oron-
(2b) du töröküni maγād bui: ene zambutibiyin γasalang-tu kümün amitani zobolong yeküdüqseni tula: bi Pudala uulayin oroi-du γarči xarbāsu mini altan xumaxui-du ilkin bayinai: Boqdo Jibzundam=bayin gegēn mini zarliqgi mini šabinār olon amitan-du ese tarxābuu: tarxābācu: ese sonosbuutan sonosbāsu ese biširebiten mini zarliqgi bišireqsen amitan dēdü šambulayin oron-du töröküni maγād bui: mini zarliq ese bišireqsen amitan γurban xarangγui oron-du töröküni maγād bui: ende-
(3a) ēce nirvān-du odoqsan xoyino oqtorγuyin caγān dusul nertü burxan boluyu: töröqsön xoyino ükküni ünen xurāqsan xoyino baraq=daxoni ünen xaram yekedeq=senyēr öqligüyin kürönggü baraqdaxu boluuzai: xanilan jirγal keji suuqsār buyani

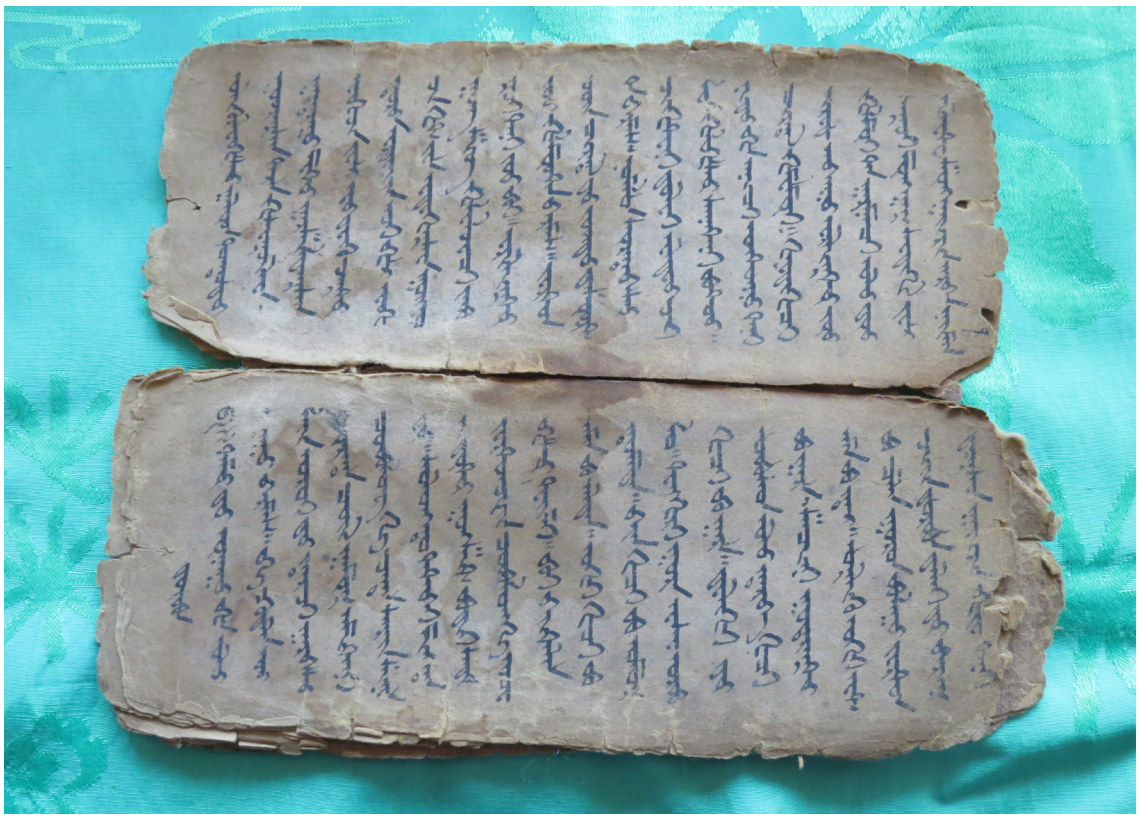
barxu boluuji: burxani ese takiqsan-yēr γourači kümüni ese üzübüütu: küsüliyin xurcal yekedeqsen-yēr šaq=šābadiyin kürönggü ebderkü boluuji: erüütü tamayigi ese üzebüüta: ülü mede=küyin erke-bēr yabuqsār biliqtani erdemiyini bü
(3a) maγadaluqtun ulum ügei dalai-du unuqsan xoyino γumdal tusa ügei bui: xān xarcas yeke baγa amitan gegēn boqdoyin zarliq üzen biši=ren bičin abči takibāsu maši sayin bui:: getülgeqči boqdo Jibzundambayin gegēni zarliq caq cöbön boluqsani tula olon amitan-du xurdun tarxāqtun: bürküq ödöriyigi gegüüleqči gegēn zula xamuq amitan xaγacal ügei sanabāsu sayin bolumui: ükēd γaqcār odxu caqtu ali yuman ügei bui: öndör uula-ēce unabāsu γarxu berke
(3b) üligürlebēsü xaluun toγōdu xuuraqsan tarān keseqčilen xaγarxu metü xaršildaqsan ebečin-yēr ebdekü caqtu γurban erdeniyin ači-bēr ebe=čin gem-yēn edegeqsen xoyino xob šib kelelceji yabu=qči tani you bui: eriliqtü you kelmuuta barmas: yertün=cüyin jirγal-du youndu dašuurm ta barmas: nomlon surγabāsu čiketeni dülei eldebči=len kelbēsü sanantani bütüü: nidü-bēn aniji untuxu tani jirγal kemēküi: genedkeji irēd abaxu erliqtü yuu kelmui ta xarmnaji ülü duu aqči mungxaq sedkil-yēr ilete šungxayirin arban nayiman
(4a) tamu-du unaxu-bēn ülü sanaxu barmas: bi Pudala ou=layin oroi-du γarči xarbāsu zurγān züyil xamuq amitani zobolong-gi caγān sarayin šine-dü: solongγo tatabai mingγan nidütü Xongšim bodhi sadv yertünčiyin zobolonggi üze=bēsü teyimi: bui bayitalān aman bü alda: ügei geji bü γumadan: bayan geji bü omoq=lo: tenggeri xura ese orbo geji bü xarā: delkei-dü öbösün ülü γarba geji bü xarā: šajini xuvaraqtu ama bü γar: öqligü ügei em bü zala xoron bolxu yertün=čiyin dörbön dalai-du bariq=daqsan xayirin beye tani
(4b) burxani zarliq ese sonos=buuta: baqši blaman tani ese surγabuuta manaγār ükükü-bēn ülü gemšin nom buya ülü kemüü ta orkimji-bēn dun=daγur-bēn büsülen güyin γaruun xudal xuurmaqtu šunaxayirin abuqči xuvaraγuud tani yuun bui: nom-du ülü šamdaqči xuvaraq mini šajini mini yākin xadγalmuu ta: burxani zarliqgi sonosōd nomiyin üge medekü bayitalān xara kümüni yoson-du orji dursu ügei yabudal-yēr yabuqči tani yuun bui: tašān dēre-bēn xangkir čingkir geji šur xoba subād oyuu nomin altan mönggün toryon
(5a) mangnaq-yēr beye-bēn čimeji xortu tacāngγui sedkil öü=skeqči tani yuun bui: sāki erligiyin elči ireküi-dü yuun tusa bolomui: xabur ur=γoqsan nabči ceceq erbel=zeji bayibāsu namuriyin nige söni üzebēsü xōson bišiü: ečige eke axa düü kedüi-bēr bayibācu ükükүyin caqtu γaqcār bišiü ed mal altan mönggün terigüüteni zürken metü xad=γalbācu ükükүyin caqtu γaq=cār bišiü yuun tusa bolomui: xuvaraq mini tusa bolxani maγād bui: töüni medekü bögö=tölö šajini xuvaraqgiyin ire=
(5b) küyin caqtu uqtuji ülü γar=xu bosji ülü ökü: dotoro-bēn yuma xayirilan xaramnan xob šib kelelceji ečige eke ilangγui elegelkü uudundēn suulγaxu bögötölö nom ügei xara kitadi irebēsü tolγoi dēre-bēn takixu ükükü-bēn ülü sanaxu xayirin amin bui: ayā körkü barmas blama noyon ba xarcas arād ene bičigi xurdun tarxā: ger gertü abči bičiji taki: nige gertü xonin jil-tü kümün züübēsü töüni bügüdeyigi čidaxu bui: šoboun ba görö=sön ba noxoi maldu tarxābai: kelekei mungxaq amitan namai
(6a) geji sanabāsu ene zarliqgi mini kicēqtun: namuriyin dunda sarayin arban tabun-ēce inaqši kijiq ebečin tanixu ülü tanixu kündü ebečin aduu=sun maldu ükül olon bolxu timiyin tula eb eye-bēn kiceqtun: tangγaraq sanavār-yēn bü tasul: tamki bü tatā xara arki bü uu: kerüüliyin šiltān bolxu töün-ēce maγād bui: erkem buyan γurban yöm: dunda buyan nayiman mingγan šülüq=tü adaq buyan māñi meqzeme coqtu zandan tüme ungši dalalγa ab sang tasul olon xuvaraq udešiyin caqtu Caγān šükürtü Darā
(6b) eke biliq barmid namai geji sanabāsu māñi meqzeme idim bari dörbön züqtü ki mori kiyiske: nomči kümün sono=sobāsu narani gerel adali: uxātai kümün sonosbāsu zulayin gerel adali: mungxaq kümün sonosbāsu xarangγui söni adali muu sanātu kümün sonosbāsu aduusun mal-du adali tiyimi kümütani šajini sakuusun medütügei: tügēn ilgeqsen-yēr γurban er=deni aburxu boltuγai:: teyimiyin temdeq bičiq tarxābai: burxani šajin delgerekü boltuγai:: tabuduγār Boqdo Jibzundambayin
(7a) gegēni zarliq caq cöböün boluqsani tula olon amitan-du tarxābai: ene zarliqgi tarxābāsu dēdü šambaliyin oron-du daxuulamui: ene zarliqgi ese biširbāsu γurban xarangγoi oron-du töröküni maγad bui:: : :: Sarva mam qha lam ::

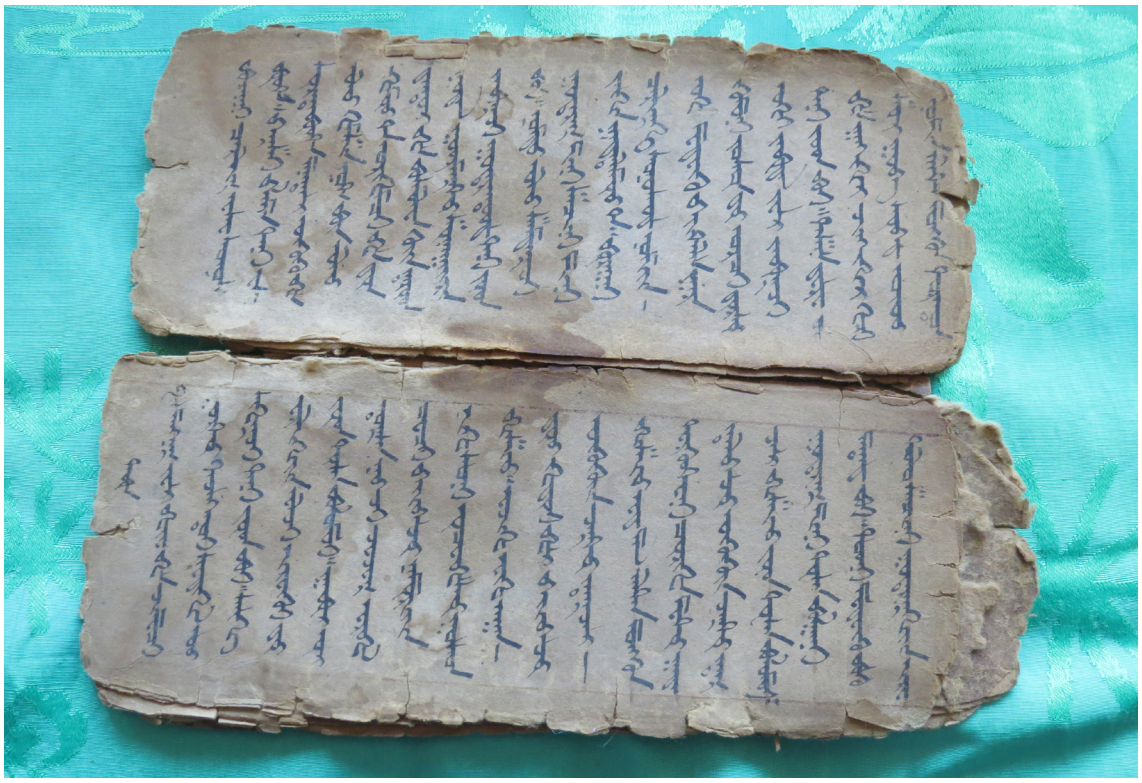
Факсимиле рукописи

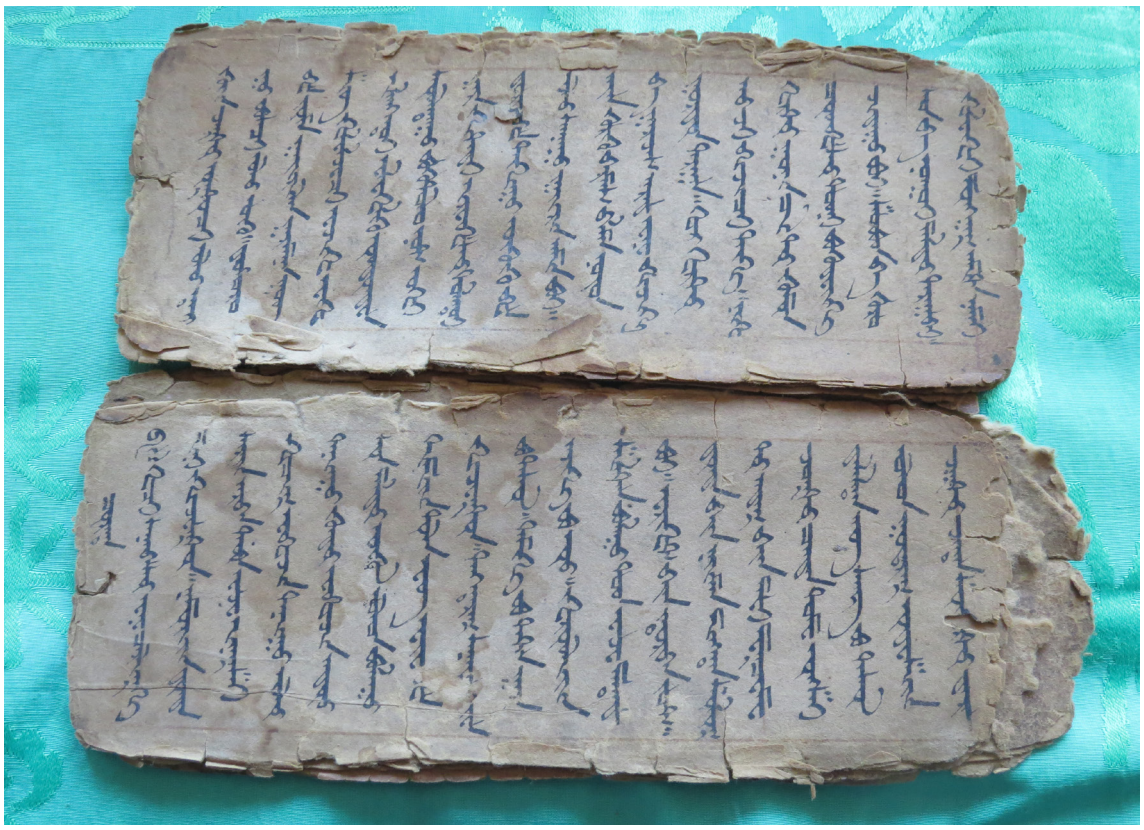


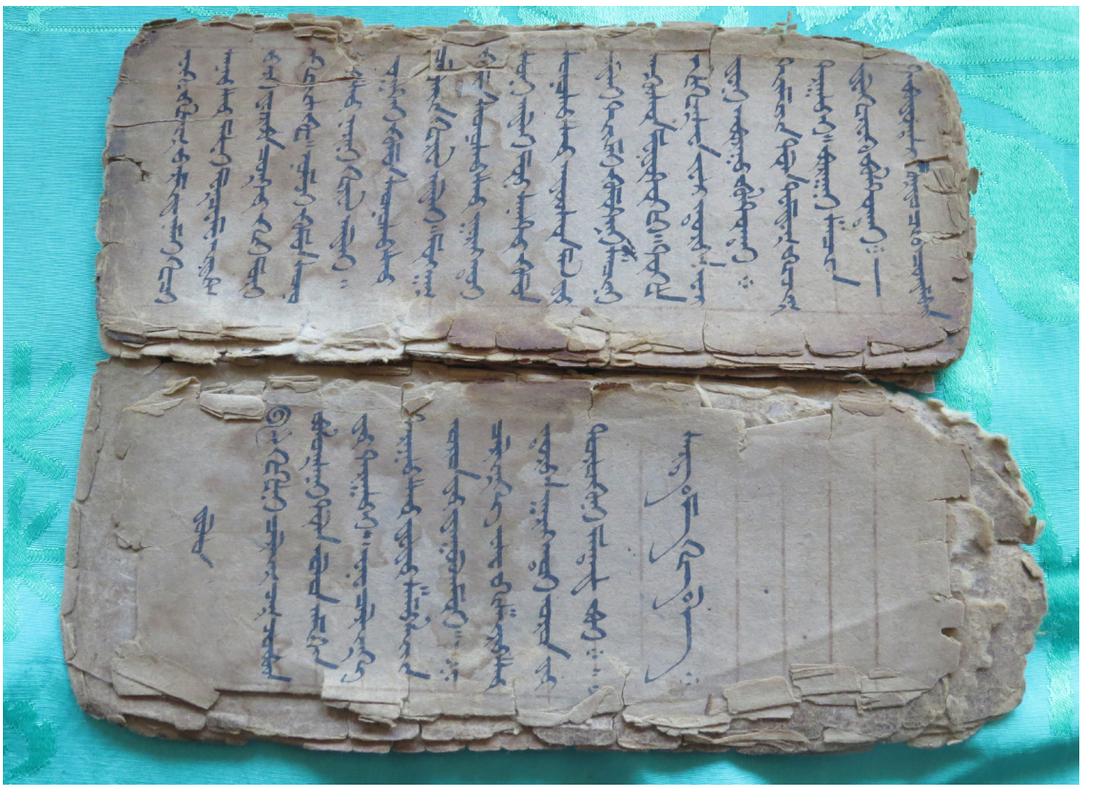












Источники

Boqdo Jibzundambayin tabuduγār gegēni zarliq orošiboi. Текст из коллекции Ж. Досана, КНР, Синьцзян-Уйгурский автономный район, Или-Казахская автономная область, г. Текес. Фотокоп. из коллекц. авт.

Литература

Богд Җивзң Дамба ламин гегәнә зәрлг оршв // Живая старина. На калм. и рус. языках / сост., вступ. ст., коммент. Б. А. Бичеева. Элиста: Калм. кн. изд-во. 2006. – С. 272–279.

Ломакина И. И. Монгольская столица, старая и новая. М.: КМК, 2006. 362 с.

Лунный свет. Калмыцкие историко-литературные памятники / гер. с калм., сост., ред., вступ. ст., предисл., коммент. А. В. Бадмаева. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 2003. 477 с.

Меняев Б. В. К характеристике ойратских рукописей и ксилографов, хранящихся в частных коллекциях Синьцзяна // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН, № 4, 2012. С. 175–179.

Намджил О. Каталог ойратских рукописей и ксилографов из частной коллекции Очир-генги (СУАР КНР) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН, № 4, 2012. С. 139–145.

Позднеев А. М. Ургинские хутухты. Исторический очерк их прошлого и современного быта. СПб., 1880. 84 с.

Do. Galdan. Surγal silüg kiged sang takil. Todu üsüq-ün erten-ü durasqal bičiq-ün songγuburi / Singjiyang-un arad-un keblel-ün yerüngkei qoriy-a. 2013. – 378 q.

Sources

[*Boqdo Jibzundambayin tabuduγār gegēni zarliq orošiboi*]. Text from the collection of J. Dosan, China, Xinjiang Uygur Autonomous Region, Ili-Kazakh Autonomous Region, Tekes. Photocopy from the author's collection]. (In Kalm.)

References

[Moonlight. Kalmyk Historical-literary Monuments]. A. V. Badmaev (transl., ed.). Elista: Kalmyk Book Publ., 2003. 477 p. (In Russ.)

[The Epistle of Saint Glorious Lama Jebtsundamba]. In: [Living Old Times]. B. A. Bicheev (ed., comment.). Elista: Kalm. Book Publ., 2006. Pp. 272–279. (In Kalm. and Russ.).

Lomakina I. I. [Mongolian Capital, the Old and the New]. Moscow: KMK, 2006. 362 p. (In Russ.)

Menyaev B. V. [To the Characteristics of Oirat Manuscripts and Xylographs Kept in Private Collections of Xinjiang]. *Bulletin of the Kalmyk Institute of Humanitarian Research of the RAS*. 2012. No. 2. Pp. 175–179. (In Russ.)

Namdzhil O. [Catalogue of Oirat Manuscripts and Woodcuts from the Private Collection of Ochir-Gengi (Xinjiang, China)]. *Bulletin of the Kalmykian Institute of Humanitarian Research of the RAS*. 2012. No. 4. Pp. 139–145. (In Russ.)

Pozdneev A. M. [Urga Hutukhty. A Historical Essay of Their Past and Modern Life]. St. Petersburg, 1880. 84 p. (In Russ.)

УДК 821.161.1
ББК 83.3 (2Рос=Рос)

«ЖЕЛАЙ МНЕ ЗДРАВИЯ, КАЛМЫК!» (ВОПРОСЫ ТЕКСТОЛОГИИ, МАТЕРИАЛЫ К КОММЕНТАРИЮ: Часть II)

“Wish me Health, Kalmyk!” (The Issues of the Textual Aspect, the Materials to the Comments: Part II)

Б. А. Кичикова (B. Kichikova)[1]

[1] кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела письменных памятников, литературы и буддологии Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Ph.D. of Philology, Associate Professor, Senior Scientist of Manuscripts, Literature and Buddhist Studies Department at the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS). E-mail: kigiran@elista.ru.

В статье рассматриваются определенные текстологические аспекты трех осуществленных реконструкций ранней (черновой) редакции послания А. С. Пушкина литературно-театральному обществу «Зеленая лампа» (начало 1821 – весна 1822 гг.). Пристальный сравнительный анализ реконструкций С. М. Бонди (107 строк), Б. В. Томашевского (103 строки) и С. А. Фомичева (89 строк) позволяет определить состав и особенности их композиционных структур, уяснить особенности прочтений и разночтений, локализацию сквозной объединяющей формулы «Желай мне здравия, Калмык!». Выводы текстологического характера могут найти применение в эдиционной практике.

Сопутствующие анализу комментарии содержат наблюдения над работой текстолога по созданию реконструкции. Историко-литературный комментарий предоставляет материал для изучения творческих взаимосвязей А. С. Пушкина и П. А. Вяземского.

Ключевые слова: Пушкин, литературно-театральное общество, послание, реконструкция, сводка вариантов, мужская и женская рифмы, творческие взаимосвязи, «Зеленая лампа», Калмык.

The article discusses some textual aspects of the known by now reconstructions of the early (draft) edition of A.S. Pushkin's address to the Literature and Theatre Society “Green Lamp” (texts dated back to the beginning of 1821 and no later than spring 1822). They have been subsequently undertaken by three Pushkin scholars — textual critics of different generations: two reconstructions — by the editors of the Big and Small academic editions of the poet's heritage — S.M. Bondi (1931, 1935 — published in 1949) and B.V. Tomashevsky (1949 — publication in 4 editions till the end of 1970s) — and S.A. Fomichev (2003).

The segmentation and subsequent relative comparison of three reconstructed texts allow us to reveal certain peculiarities in their compositional structures. The aim of the article is to identify in those structures the position of the formula “Wish me health, Kalmyk!”, which is common and prevailing not only for the under consideration draft versions and the reconstruction of their basic texts, but also for the whole complex of A.S. Pushkin’s texts, dating back to the beginning of 1820s. The analysis permits the understanding of the composition and nature of interpretations and peculiarities of readings and concludes that the given poetic formula is not one verse, but double verses with the address *“Pour me the wine of comet”* (the author of the article supports B.V. Tomashevsky’s and S.A. Fomichev's interpretation of this line) and the famous facetious imperative *“Wish me health, Kalmyk”* (written with the capital letter as stated by S.M. Bondi, it is found twice in early edition). The textual character conclusions may be implemented in editing practice.

The given paper presents some poetic, historical and literary commentaries, including the issue about the possible relationship of one of the abstracts of the Pushkin’s address with the beginning of the “Drinking songs” by P.A. Vyazemskiy (“Merry noise, singing and funs” — 1816?).

The article presents the preliminary consideration of the set of issues regarding Pushkin’s textual aspects and provides the material for commentaries to the reconstructed Pushkin's texts of the early edition of the address to “Green Lamp”.

Keywords: Pushkin, Literature and Theater Society, address, reconstruction, compilation of variants, male and female rhymes, creative relationships, “Green Lamp”, Kalmyk.

В настоящей работе рассматриваются реконструкции комплекса черновых записей — вариантов и фрагментов стихотворных текстов А. С. Пушкина[1] со сквозной формулой «Желай мне здравия, Калмык!».

[1] Они остались в рабочих тетрадях поэта, обозначаемых ныне шифрами — ПД 830 (Записная книжка), ПД 831 (Первая Кишиневская); полистное описание см.: [Ларионова 2004: 280–288]. Датируются в вероятных пределах: конец января 1821 г. — после августа 1821 г. до 31 марта 1822 г.[Фомичев 2003: 44, 53].

Цель данной статьи — в детальном сопоставлении известных к настоящему времени реконструкций определить локализацию в них данной формулы.

В предыдущей части нашей работы [Кичикова 2014] мы, в силу необходимости, привели тексты и предварительно рассмотрели две реконструкции чернового варианта пушкинского послания к литературно-театральному обществу «Зеленая лампа»[1]. Обе реконструкции были осуществлены советскими пушкинистами-текстологами старшего поколения – С. М. Бонди (в 1931 и 1935 гг. — публикация в 1949 г. (II, 157; II, 720–722))[2] и Б. В. Томашевским (в 1949 — публикация в 1949, 1956, 1966 и 1977 гг. [Пушкин 1977: 28–30]). Мы позволили себе условно обозначить эти тексты как I_1–РБ, I–РБ и II–РТ [Кичикова 2014: 164, 165, 167].

Специально не сопоставлявший данные тексты, С. А. Фомичев, однако, отметил: реконструкция Б. В. Томашевского, «на наш взгляд, точнее», чем предыдущее прочтение [Фомичев 2003: 49], пояснив далее, что С. М. Бонди « не принимал во внимание заполнение записной книжки в обратном направлении, от конца к началу» [Фомичев 2003: 52].

Из анализа автографов «<Послания к «Зеленой лампе»>», опубликованного С. А. Фомичевым в специальном *Приложении* к его статье, обращает на себя внимание текстологический комментарий к вариантам на л. 60 записной книжки ПД 830. В Большом академическом издании С. М. Бонди опубликовал их в разделе *А. Отрывки чернового автографа* дробно, отделенными горизонтальной чертой (II, 715−717) и в несколько ином порядке, чем у современного текстолога. Сводка вариантов на л. 60, где поэт продолжил работу над сложным черновиком «буквально с полуфразы» [Фомичев 2003: 50], подается в *Приложении* следующим образом:

Где своенравный произвол
Менял бутылки, разговоры,
Рассказы, песни шалуна
И разгорались наши споры
От искр и шуток и вина –
Налей же мне *вина кометы*
Желай мне здравия, кал<мык>
Разлуки долгой и тяжелой
Забыта хладная печаль
[Ты здесь] Амфитрион веселой,
Щастлив<ый>, добрый, умный враль! —
Быв<алой?> пламенея <?>
Благослови же мой возврат
Но где же он, твой ми<лый брат>
Недавный рекрут Гименея!
Где ты, приятный Адонис
Жил<ец> Пафоса и Киферы
Любимец ветреных <лаис>
Щаст<ливый> баловень <Венеры>
Услышу ль я мои поэ<ты>
Богов торжественный язык
Налей же мне
Желай мне здр<авия> к<алмык>
Ты здесь о гражда<нин> кулис
Театра злой летопи<сатель>
Очаровательных актрис
Непостоянный обожатель

Вы оба в прежни времена
В ночных беседах пировали
И сладкой лестью баловали
Певца свободы и вина

[И я любил их остро<ту>]
Любил улыбку, нежны взоры
Веселый нрав и разговоры — [3] [Фомичев 2003: 50–51].

[1] Его деятельность датируется примерно с 20 марта 1819 г. до конца 1820 г. [Томашевский 1956: 206]. Общество прекратило существование в связи с самороспуском декабристского Союза благоденствия, легальным филиалом которого оно являлось.

[2] Тексты А. С. Пушкина далее всюду приводятся с указанием тома и страницы в скобках после цитаты по юбилейному репринтному воспроизведению Большого академического издания [Пушкин 1994–1997]. Датировки упоминаемых событий и сведения о лицах сверены по справочным изданиям [Летопись 1999; Черейский 1988] и, кроме отдельных случаев, специально не оговариваются.

[3] Тире или ряд тире (в текстах А. С. Грибоедова встречаются подряд 2–3 тире) в русскую пунктуацию с конца XVIII в. привнес Н. М. Карамзин. В большинстве случаев тогдашние трассирующие тире сейчас бы заменили точкой с запятой. Последним же тире С. А. Фомичев в своей сводке, по-видимому, обозначил конец л. 60 в ПД 830.

Отчеркивания «сверху и снизу означали у Пушкина знак переноса» [Фомичев: 51] чернового варианта в другое место текста.

В другой работе нам уже приходилось давать весьма подробный историко-литературный комментарий к комплексу пушкинских текстов начала 1820-х годов, объединенных формулой «Желай мне здравия, Калмык!», включая и текст I–РБ [Кичикова 2001]. Здесь же уместно лишь кратко пояснить: в приведенной сводке вариантов на л. 60 ПД 830 (с разночтениями в I−РБ, II−РТ) полушутливо, в стиле «антично-мифологических» перифрастических характеристик и одновременно в стиле «кружкового» языка «лампистов», последовательно упоминаются: Н. В. Всеволожский (1799−1862), учредитель общества «Зеленая лампа» и гостеприимный хозяин дома, где проходили его заседания, — «Амфитрион веселый», его брат А. В. Всеволожский (1793−1864) — «рекрут Гименея», Ф. Ф. Юрьев (1796−1860) — «приятный» (в I−РБ, II−РТ: «прелестный») Адонис. Остановимся лишь на некоторых подробностях прочтения С. А. Фомичевым л. 60 ПД 830, поскольку они связаны с темой нашей работы.

В приведенном тексте дважды упоминается калмык – юный слуга Н. В. Всеволожского: в застольях и беседах членов общества «прославленному калмыку» [Анненков 1874: 63; цит. по: Щеголев 1987: 221] вменялось в обязанность шутливо «желать здравия» тому из участников «симпосиона», у которого вырывалось бранное или нецензурное слово [Анненков 1874: 63–64; Щеголев 1987: 208−209; Томашевский 1956: 202−203; Лотман 1982: 45–46; Кичикова 2001: 75−77]. Отметим, что в сводке С. А. Фомичева обращение к калмыку: **«Налей же мне *вина кометы*», «Налей же мне»** (строка не дописана, подразумевается повторение найденного варианта), — оба раза прочитано в форме первого лица единственного числа. Между тем в сводке *А* публикации С. М. Бонди эта форма приведена единожды (II, 716 – вариант 8). Разночтение кажется незначительным: ведь в торопливой записи императивную форму можно разобрать в слитном написании «**Налей*те***», и тогда она выражает призыв — обращение ко многим — к дружескому кругу «лампистов». Раздельное написание «**Налей *же***» означает обращение к одному адресату — к слуге-калмыку, как было прочтено и зафиксировано в публикации II−РТ и позже – в сводке л. 60 ПД 830 С. А. Фомичевым.

В данной сводке обращение «**калмык**» написано со строчной буквы — возможно, с ориентацией на финальную строку послания из письма Я. Н. Толстому. Послание из письма к председателю «Зеленой лампы» современный текстолог принимает как один из источников ранней редакции: «Таких источников три: 1) черновые наброски в записной книжке ПД 830 (л. 64 об. – 65 и л. 60−62); 2) черновые наброски и сводка ранее написанных строк – в тетради ПД 831; 3) беловик отрывка послания — в письме к Я. Н. Толстому» [Фомичев 2003: 50]. Почти семьюдесятью годами ранее, в период формирования отечественной школы текстологии, С. М. Бонди исходил из тех же соображений: «У нас есть черновик начала послания (в «Первой кишиневской тетради») и черновик середины и конца (с пробелом) — в «Записной книжке 1820–1822 гг.». Однако тексты эти не смыкаются <⋯>. Недостающие тринадцать стихов известны только в составе беловой, сокращенной редакции» [Бонди 1971: 101−102]. Однако в прочтении С. М. Бонди данное обращение дважды передано в написании с буквы прописной: «***Желай мне здравия, Кал<мык>***», «***Желай мне здра<вия> К<алмык>***» (II, 716).

В тексте эпистолярного источника С. А. Фомичев выделил курсивом фрагменты строк и целые строки, которые «хотя бы в измененном виде» содержатся в источниках ПД 830 и ПД 831. Последние 9 строк оказались напечатаны сплошь курсивом, С. М. Бонди насчитал 13 строк совпадений, по нашим же подсчетам, в целом выявляется 12 подобных строк.

Приведем, наконец, текст третьей из известных нам к настоящему времени реконструкций. По словам создавшего ее С. А. Фомичева, ранняя редакция пушкинского послания, «вероятно, выглядела примерно так»:

<Послание к «Зеленой лампе»>

В кругу семей, в пирах игривых <?>
Я гость унылый и чужой –
Вдали друзей [вольно]любивых
Теснимый хладною толпой…
Певец любви, печальный странник,
Забыв и лиру, и покой,
Бегу за милою мечтой…
Где ж отдохну, младой изгнанник,
Забуду горесть и любовь
(10) И сердца пыл неосторожный,
Заброшу посох мой дорожный,
И равнодушен буду вновь?

А вы, товарищи младые,
Друзья, готовьте шумный пир,
Готовьте чаши круговые,
Венки цветов и гимны лир.
В изгнаньи скучном, каждый час
Горя завистливым желаньем,
Я к вам лечу воспоминаньем,
Воображаю, вижу вас.
Горишь ли ты, лампада наша,
Подруга бдений и пиров,
Кипишь ли ты, златая чаша,
В руках веселых остряков?
Вот он, приют гостеприимный,
Приют любви и вольных муз,
Где с вами клятвою взаимной
Скрепили вечный мы союз,
Где дружбы знали мы блаженство,
Где в колпаке за круглый стол
Садилось милое Равенство,
Где своенравный произвол
Менял бутылки, разговоры,
Рассказы, шутки шалуна;
И разгорались наши споры
От искр и шуток и вина.
Услышу ль я, мои поэты,
Богов торжественный язык?
Налей же мне *вина кометы*,
Желай мне здравия, калмык!
Разлуки долгой и тяжелой
Забыта хладная печаль,
[Ты здесь], Амфитрион веселой,
Счастливый, добрый, умный враль!
<Бывалой дружбой пламенея>,
Благослови же мой возврат.
Но где же он, твой милый брат,
Недавный рекрут Гименея?
Вы оба в прежни времена
В ночных беседах пировали
И сладкой лестью баловали
Певца свободы и вина.
Где ты, приятный Адонис,
Жилец Пафосы и Киферы,
Любимец ветреных <лаис>,
Счастливый баловень <Венеры>?
Ты здесь, о гражданин кулис,
Театра злой летописатель,
Непостоянный обожатель
Очаровательных актрис.
И я любил их остроту,
Любил улыбк<и>, нежны взоры,
Веселый нрав и разговоры,
Но оскорбил я красоту,
Когда [она] блистала славой
В венце любви, в дыму кадил;
В досаде, может быть, неправой
Хвалы я свистом заглушил.
Погибни, мести миг единый,
И дерзкой лиры ложный звук!
Перед охаянной Моиной
Я виноват, <любезный друг>…
Все так же <ль> осеняют своды
[Сей храм парнасских трех цариц],
Все те же ль стаи юных жриц,
Все те же ль вьются хороводы?
Ужель умолк волшебный глас
Семеновой, сей чудной музы,
Ужель навек, оставя нас,
Она расторгла с Фебом узы
И славы русской луч угас?
Не верю! – вновь она восстанет <?>.
Ей вновь готова дань сердец,
Пред нами долго [не увянет]
Ее торжественный венец,
И для нее, любовник <славы>,
Поклонник милых Аонид,
Младой Катенин воскресит
Софокла гений величавый

[Фомичев 2003: 54−55].

Очевидно, что, как и у Б. В. Томашевского, «отрывок о Семеновой» присоединен к ранней редакции послания. Условно обозначив данную реконструкцию как III−РФ, отметим лишь некоторые ее разночтения с I−РБ, I_1−РБ и II−РТ.

1. Послание к «Зеленой лампе», как и многие послания и поэмы Пушкина, замышлялось как астрофическое построение при внутреннем делении на строгие строфические образования с различной рифмовкой. Справедливое в этом смысле соображение текстолога: «При «состыковке» сохранившихся и предполагаемых отрывков первой редакции послания необходимо соблюдать правило альтернанса» [Фомичев 2003: 54], — им же самим в ряде случаев не было «соблюдено». Нарушение альтернанса (правила чередования мужских и женских рифм) в III−РФ заметно на стыках четверостиший с разной рифмовкой: 1) в ст. 16−17 **Венки цветов и гимны *лир.* / В изгнаньи скучном, каждый *час*** — 2 строки с мужской рифмой оказались по соседству из-за переноса в другое место III–РФ четверостишия, которое в I−РБ следовало за элегическим вступлением; 2) в ст. 52−53 **Певца свободы и *вина.* / Где ты, приятный *Адонис*** — 2 строки с мужской рифмой соседствуют при переходе от характеристики братьев Н. В. и А. В. Всеволожских к характеристике Ф. В. Юрьева; этот «стык» зафиксирован еще в I−РБ и повторен в II−РТ; 3) в ст. 60–61

Очаровательных *актрис*. / И я любил их *остроту* − 2 строки с мужской рифмой оказались рядом из-за перестановки местами строк в четверостишии 57−60 для замены перекрестной рифмы (согласно I−РБ и II−РТ: **Очаровательных актрис / Непостоянный обожатель**) на опоясывающую в III−РФ: **Непостоянный обожатель / Очаровательных актрис** — т. е. в том виде, в каком это двустишие позже будет перенесено в текст строфы XVII первой главы «Евгения Онегина», но уже в составе четверостишия с парой смежных рифм (VI, 11).

2. По сравнению с I−РБ и II−РТ в «театральном разделе» текста III−РФ только на 13 стихов приходятся 3 перестановки строк местами: кроме отмеченного двустишия с «обожателем актрис», укажем ст. 62−63 **Любил улыбк<и>, нежны взоры, / Веселый нрав и разговоры**, ст. 71−72 **Перед охаянной Моиной / Я виноват, <любезный друг>**…

3. Выражение ***охаянной*** **Моиной** представляется «сопряжением далековатых идей» в послании высокого романтического стиля. Если отправляться от текста I−РБ, то в нем так нагромождены выражения покаяния поэта перед обиженной им актрисой (А. М. Колосовой, с 1827 г. Каратыгиной; 1802−1860): **оскорбил, В досаде <…> неправой, свистом заглушил** – и квалификации его вины: **мести миг, Дерзкой лиры ложный звук, Она виновна**, — что определение ***охаянной*** кажется и вовсе избыточным.

Ныне все чаще раздаются претензии в адрес литературных толковых словарей (в том числе и специализированного «Словаря языка Пушкина»), «составители которых, как и рядовые читатели, во многих случаях не могут выйти из границ собственного языкового опыта» [Пеньковский 2005: 10]. Полагая, что «Словарь языка Пушкина» базовые ориентиры, несомненно, задает, отметим: при всем богатстве пушкинского лексикона (в том числе просторечной и обсценной лексики) ни в этом словаре, ни в дополняющем его издании просторечный глагол «хаять» и производные от него формы не зафиксированы [Словарь 1959, 1961: III, IV; Новые материалы 1982].

Для конкретного сопоставительного анализа всех трех реконструкций примем за исходный текст I−РБ с присоединением I_1−РБ, что вместе составило 107 строк. Членение совокупного текста на эпизоды в аспекте мотивов и жанрово-стилевых образований возможно представить в порядке последовательности стихов: ст. 1−3: I. Дошедший зов («струн»); ст. 4−12: II. Разлука (первая элегическая ламентация); ст. 13−25: III. Лампада (пиршественная беседа); ст. 26−37: IV. Приют (друзей и муз); ст. 38−49: V. Братья (гостеприимные хозяева); ст. 50−69: VI. «Ламписты» (театр, покаяние); ст. 70−73: VII. Пиршество поэтов (Калмык); ст. 74−85: VIII. Изгнанник (вторая элегическая ламентация); ст. 86−89: IX. Предсказание возвращения (апофеоз поэта); ст. 90−98: X_1. Театр («Ужель умолк?»); ст. 99−107: XI_1. Предсказание возвращения (апофеоз актрисы).

В тексте же II−РТ последовательность эпизодов будет выглядеть следующим образом: ст. 1−13: VIII. Изгнанник (вторая элегическая ламентация); ст. 14−17: IX. Предсказание возвращения (апофеоз поэта); ст. 18−20: I. Дошедший зов («струн»); ст. 21−29: II. Разлука (первая элегическая ламентация); ст. 30−37: III. Лампада (пиршественная беседа); ст. 38−49: IV. Приют (друзей и муз); ст. 50−53: VII. Пиршество поэтов (калмык); ст. 54−65: V. Братья (гостеприимные хозяева); ст. 66−85: VI. «Ламписты» (театр, покаяние); ст. 86−94: X_1. Театр («Ужель умолк?»); ст. 95−103: XI_1. Предсказание возвращения (апофеоз актрисы).

Отметим следующие особенности реконструкции Б. В. Томашевского.

1. В открывающий II−РТ эпизод VIII включен ст. 10 **Меня покинет призрак ложный**, который в I−РБ и III−РФ не встречается. Вместе с последующими ст. **И сердца пыл неосторожный, / Заброшу посох мой дорожный** эта строка образует трехстишие со сквозной точной женской рифмой, обрамленное сверху ст. **Забуду горесть и любовь,** а снизу − ст. **И равнодушен буду вновь.** Так Б. В. Томашевский сформировал пятистишие.

2. Из эпизода III после ст. **В руках веселых остряков?** исчезли 5 строк — согласно нумерации I−РБ, это ст. 21−25 **Всё те же ль вы, друзья веселья ~ Свободы, лени и безделья?** А ведь это прекрасные стихи, полные молодого, веселого вольнолюбия! Правда, комплекс мотивов вольнолюбия пронизывает ряд посланий и стихотворений 1819−1820 годов, адресованных отдельным «лампистам» и дружескому кругу «Зеленой лампы» в целом (П. Б. Мансурову,

Ф. Ф. Юрьеву, Н. В. Всеволожскому, «Веселый пир», «Стансы Я. Н. Толстому»[1]. В рассматриваемой же редакции послания очевидно лишь повторение этих мотивов – без новаторских преобразований, что, возможно, и было одной из причин для изъятия данного пятистишия из текста II–РТ. Однако никаких пояснений к своей реконструкции Б. В. Томашевский, как известно, не публиковал. Таким образом, при включении одной и изъятии пяти строк (ср. 107 строк у С. М. Бонди) в тексте II–РТ насчитываются 103 стихотворных строки.

В опыте реконструкции С. А. Фомичева, во многом следующего тексту II–РТ, цепочка условно маркированных эпизодов послания предстает в следующем виде: ст. 1–12: VIII. Изгнанник (вторая элегическая ламентация); ст. 13–16: IX. Предсказание возвращения (апофеоз поэта); ст. 17–24: III. Лампада (пиршественная беседа); ст. 25–36: IV. Приют (друзей и муз); ст. 37–40: VII. Пиршество поэтов (калмык); ст. 41–52: V. Братья (гостеприимные хозяева); ст. 53–72: VI. «Ламписты» (театр, покаяние); ст. 73–81: X1. Театр («Ужель умолк?»); ст. 82–89: XI1. Предсказание возвращения (апофеоз актрисы).

Не принятые С. А. Фомичевым фрагменты составили 18 строк. Исключенными же оказались: 1) целиком эпизоды I. Дошедший зов («струн») и II. Разлука (первая элегическая ламентация – т.е. начальные 12 строк I–РБ; 2) 5 строк из эпизода III. Лампада (пиршественная беседа) — как и в II–РТ; финальная строка эпизода XI1. Предсказание возвращения (апофеоз актрисы).

Рассмотрим эти исключения несколько подробнее.

1. Согласно анализу С. А. Фомичева, автографы из записной книжки ПД 830 представляют собою первоначальную редакцию послания. Вторая редакция «была намечена в тетради ПД 831» (датируется после 24 августа 1821 г. до 31 марта 1822 г.) [Фомичев 2003: 53]. С автографами послания из ПД 831 текстолог поступил следующим образом. «Заново проработанные в ней на л. 48 об. восемь строк нельзя включать в первую редакцию 1820 г.», — пояснил он исключение 8 из 12 начальных строк [Фомичев 2003: 53]. Из черновой сводки на л. 49, где «работа над посланием была непосредственно продолжена» [Фомичев 2003: 52], три строки исключены без каких-либо пояснений. Следующие за ними, определенные текстологом как «конспект» (запись лишь начала стихотворных строк): **В изгнаньи / Горя / Я к вам / Горишь ли ты / Кипи<шь> / Где ты** – включены в III–РФ: исследователь справедливо нашел в них «подтверждение, что этот текст (проясняемый по стихотворному фрагменту из письма к Я. Н. Толстому) существовал в первой редакции и находился, вероятно, на оборванном листе в записной книжке ПД 830, перед л. 60» [Фомичев 2003: 53].

Исключенные без объяснений 3 строки **Молчат пиры, утихли смехи / Любовницы забыли нас / И разлетелися утехи** были, однако, прочтены в I–РБ и II–РТ как завершенное четверостишие и включены (с незначительными разночтениями) в виде: **[Молчат пиры], утихли смехи / Утих безумья вольный глас** (у Б. В. Томашевского: **Младых пиров утихли смехи / Утих безумства вольный глас** [Пушкин 1977: 28]), **Любовницы забыли нас, / И разлетелися утехи** (II, 720).

Однако наше внимание привлекли некоторые особенности этого четверостишия. Для Пушкина 1821–1822 годов, времени первых «южных» романтических поэм, оно кажется уже архаичным — в духе поэзии второй половины XVIII века, например, Г. Р. Державина с его «крайностями поэтической системы» [Стенник 1995: 126]. У «певца века Екатерины» можно встретить строку: «Подите *счастьи* прочь» («На смерть князя Мещерского», 1779) — и идиллическое двустишие с примененной в пушкинском послании рифмой: «Как вкруг вас радости и *смехи*, / Невинны сельские *утехи*» («Капнисту», 1797) [Державин 1985: 31, 194].

Возможно, архаичность этого четверостишия сохраняется поэтом сознательно — как некое «чужое слово» [Бахтин 1963: 248–249]. Диалогические отношения пушкинских строк с конкретным претекстом выявляются при их сопоставлении с «Застольной песней» П. А. Вяземского (1816?),

[1] Прочно утвердившуюся в пушкиноведении датировку «Стансов Я. Н. Толстому» 1819-м г. аргументированно оспорил Н. Я. Эйдельман, выдвинув предположение о том, что «Стансы» были завершены около 1824–1825 гг. [Эйдельман 1987: 322–329, особ. 326]. Рассмотрев развитие нравственно-философской проблематики «Стансов Я. Н. Толстому» в «Евгении Онегине» [Кичикова 2001: 64–67] и учитывая публикацию эпистолярия Я. Н. Толстого из парижского архива [Фридкин 1991: 23–26], мы согласились с доводами Н. Я. Эйдельмана [Кичикова 2001: 68].

открывающейся куплетом:

Веселый шум, пеньё и *смехи*,
Обмен бутылок и речей,
Так празднует свои *потехи*
Семья пирующих друзей.
Все искрится — вино и шутки!
Глаза горят, светлеет лоб,
И взачастую, в промежутки,
За пробкой пробка, хлоп да хлоп!
[Вяземский 1953: 399].

На выделенные в этом куплете слова и строки Пушкин элегически откликнулся не только в указанном четверостишии. В кишиневской ссылке поэт помнит песню Вяземского, отозвавшись на нее в строках **Где своенравный произвол / Менял бутылки, разговоры,** как и в строках **И разгорались наши споры / От искр и шуток и вина.** В куплетах Вяземского последовательно провозглашаются здравицы Д. В. Давыдову, Ф. И. Толстому (Американцу), В. А. Жуковскому, В. Л. Пушкину, К. Н. Батюшкову – это ядро поэтов литературного общества «Арзамас» — кроме Ф. И. Толстого, с которым Пушкин жестоко рассорился до отъезда в южную ссылку (письма поэта из Кишинева к тому же Вяземскому все еще кипят негодованием по поводу «Американца»: XIII, 34; XIII, 43−44).

М. И. Гиллельсон, пристально рассмотревший творческие взаимосвязи обоих поэтов, не принял во внимание немудреные куплеты «Застольной песни», а между тем ее образы, формулы и мотивы пронизывают пушкинское черновое послание, демонстрируя то, «какими подспудными, взаимно нерасторжимыми разветвлениями связана поэзия Пушкина и Вяземского» [Гиллельсон 1969: 276].

На наш взгляд, исключенное из III–РФ четверостишие содержит не только сознательную ориентацию Пушкина на претекст Вяземского, но и являет еще более любопытный пример «арзамасского» подтекста в послании другому литературному обществу — «Зеленой лампе». Эти строки стоило бы сохранить в тексте реконструкции как свидетельство творческих взаимосвязей А. С. Пушкина и П. А. Вяземского.

2. Исключение пяти строк (ст. 21−25 I−РБ) из эпизода III. Лампада (пиршественная беседа): **Все те же ль вы, друзья веселья ~ Свободы, лени и безделья?** — С. А. Фомичев объяснил тем, что «они не отражены в «конспекте» (на л. 49 ПД 831. — *Б.К.*) и дают обобщенную картину театрального содружества, тогда как первоначально «ламписты» представлялись по одному» [Фомичев 2003: 53].

3. Без всяких пояснений из текста III−РФ изъята строка, публиковавшаяся в I_1−РБ и II−РТ как финальная: **И ей порфиру возвратит.** Возможно, она была отсечена, чтобы замкнуть последнее четверостишие с опоясывающей рифмой (приводим лишь концовки): **<славы> — Аонид — воскресит – величавый**. По нашему же мнению, с изъятием последней строки текст III−РФ лишился и завершающего аккорда в параллельно проводимой теме предсказанного возвращения — с упоминанием атрибутов апофеоза поэта **(Готовьте чаши <⋯>, венки <⋯> и гимны)** и царственного триумфа актрисы **(И ей порфиру возвратит).** Таким образом, мотив возвращения поэта в *приют муз* не был до конца поддержан мотивом возвращения актрисы в *царство муз.*

Необходимо, наконец, определить место четверостишия, условно обозначенного нами как эпизод VII. Пиршество поэтов (Калмык) в рассматриваемых текстах: на наш взгляд, локализация эпизода VII связана с характером истолкования пушкинского замысла текстологом. В композиции реконструированных текстов эпизод с формулой о Калмыке локализуется следующим образом.

В осуществленной С. М. Бонди реконструкции *вариантов и фрагментов* ранней редакции послания эпизод VII (ст. 70−73) локализуется после эпизодов I−VI и перед эпизодами VIII−IX. Таким образом, в тексте I−РБ эпизод VII открывает третью треть послания – с мотивом пиршества по возвращении поэта в круг друзей. С присоединением же текста I_1−РБ эпизод VII разделяет первую и вторую части послания — с перекличками первой и второй элегических ламентаций, параллелизм предсказаний о триумфальном возвращении (поэта и актрисы) определяет вторую часть.

В тексте Б. В. Томашевского эпизод VII также занимает седьмую позицию (ст. 51−54) — после эпизодов VIII−IX, I−IV и перед эпизодами V−VI, X_1−XI_1. Таким образом, эпизод о калмыке композиционно локализуется в середине текста II−РТ, отделяя элегическую, условно, часть (со второй, затем первой элегическими ламентациями) от части описательной – с характеристиками «лампистов», театра и актрис. Параллель между предсказаниями о возвращении (по-

эта и актрисы) в II−РТ проведена последовательно в обеих частях.

В опыте реконструкции С. А. Фомичева эпизод VII (ст. 37−40) занимает пятую позицию — после эпизодов VIII−IX, III−IV и перед эпизодами V−VI, X1−XI1. Эпизод VII завершает экспозиционную часть текста III–РФ с мотивами разлуки (вторая элегическая ламентация), возвращения и приюта муз от части описательной — с характеристиками «лампистов», театра и актрис. В III−РФ параллелизм мотива возвращения лишился завершающего штриха.

Таким образом, все три реконструированных текста построены по принципу двухчастной композиции, в которой части разделены и в то же время соединены четверостишием с формулой «**Желай мне здравия, Калмык!**». Однако текст I–РБ вместе с I1−РБ тяготеет к излюбленному Пушкиным виду симметрической (зеркальной) композиции как эстетически совершенной. Текст II−РБ также являет двухчастную, но построенную на контрасте элегии и описания, композицию. Текст III−РФ представляет собою двухчастную композицию с перерастанием экспозиции в описание.

Творческая воля Пушкина была воплощена в сокращенном и переработанном варианте послания, включенном в деловое письмо к Я. Н. Толстому от 26 сентября 1822 года. В этом эпистолярном фрагменте формула «Желай мне здравия, калмык!» является завершающей. В одной из предыдущих работ [Кичикова 2001: 76−77] мы пришли к выводу о том, что упоминанием калмыка в «лампистском» комплексе текстов начала 1820-х годов (рассмотренная ранняя редакция, письмо брату Льву Сергеевичу от 27 июля 1821 г. из Кишинева в Петербург (XIII, 31), послание из письма к Я. Н. Толстому) Пушкин завершает оформление символа общества «Зеленая лампа» на трех основных уровнях: образ зеленой лампы как символ Света Надежды — на духовно-идеологическом уровне, эмблема античного светильника-лампады как знак принадлежности к обществу «взыскующих света» − на уровне личности, образ мальчика-калмыка, азиатского виночерпия на духовном пиршестве-симпосионе как символическое олицетворение «союза», «милого равенства» — на уровне бытовой культуры эпохи и определенной формы этой культуры, созданной в кругу «Зеленой лампы». Так Пушкин художественно переосмыслил функцию конкретного лица — калмыка Всеволода, слуги своего петербургского приятеля.

Вопросом о необходимости составлять некий целостный текст из авторских фрагментов задавался в свое время и создатель первой из рассмотренных реконструкций — С. М. Бонди: «К чему пытаться из обломков, оставленных Пушкиным, возводить на свой страх и риск целое здание, не зная ни точного плана, ни общего вида его? Нужно ли и можно ли это делать? — и сам же отвечал: — Можно, поскольку из самого материала, как бы отрывочен и разбросан он ни был, можно до известной степени видеть то целое, обломки которого он составляет. <⋯> И, конечно, лучше иметь пускай не до конца достоверную, но цельную художественную концепцию, чем оставаться при протокольно засвидетельствованных обломках» [Бонди 1971: 103].

Приведем суждение и другого текстолога, высказанное им на основании анализа автографов другого пушкинского произведения: «Получившее в пушкиноведческой текстологии приоритет извлечение из черновиков связных поэтических текстов путем конструирования стихов комбинациями зачеркнутых слов и фраз, извлекаемых из разных слоев правки, опирается на несколько главных аргументов. Первый: когда Пушкин работал над стихотворным текстом, в его голове всегда присутствовал какой-то связный его вариант, который мог и не отражаться полностью в незачеркнутом слое автографа. Второй: реконструируемые стихи реально существовали в какие-то моменты работы над произведением и, будучи, таким образом, подлинно пушкинскими, имеют право находиться в тексте на основании предыдущего аргумента. Третий: Пушкин имел обыкновение возвращаться к отвергнутым вариантам, никак этого не отражая в более раннем автографе, а закрепляя лишь в позднем <⋯>. Проведенный анализ автографа «Я видел Азии бесплодные пределы» демонстрирует *весьма относительную надежность и большую шаткость* этих оснований» [Рак 2003: 41].

Предложенный в настоящей работе анализ и сопутствующие ему комментарии позволяют сформулировать некоторые конкретные выводы.

1. Реконструкция текста художественного произведения является итогом научной работы текстолога и связана с задачами эдиционной практики.

2. Публикация воссозданного из «протокольно засвидетельствованных обломков» текста возможна (в случае с примером С. М. Бонди) и допустима (в отличие от примера Б. В. Томашевского) в соответствующих разделах издания («Другие редакции и варианты») — под именем текстолога-редактора.

3. Двустишие о калмыке в составе четверостишия (в нашем случае — эпизод VII) ранней редакции пушкинского послания к «Зеленой лампе» целесообразно печатать в виде:

Налей же мне *вина кометы*,
Желай мне здравия, Калмык!

Мы поддерживаем прочтение Б. В. Томашевским и С. А. Фомичевым верхней строки, а для нижней строки учитываем прочтение С. М. Бонди обращения с прописной буквы. Так, знаменитый европейский художник, перед талантом которого преклонялся И.-В. Гёте, подписывал свои работы «родовым», этническим именем: Федор Калмык.

А ведь верное прочтение двух пушкинских строк дорогого стоит!

Источники

Вяземский П. А. Стихотворения / вступ. ст., подг. текста и примеч. Л. Я. Гинзбург. Изд. 2. Л.: Сов. писатель (Большая серия «Библиотеки поэта»), 1953. 507 с.

Державин Г. Р. Сочинения. М.: Правда, 1985. 575 с.

Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 19 т. М.: Воскресенье, 1994−1997. Т. II (1, 2), 1994: Стихотворения 1817−1825. 1206 с.; Т. VI. Евгений Онегин. 1995. 698 с.; Т. XIII: Переписка 1815 −1827. 1996. 652 с.

Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 10 т. Изд. 4. Л.: Наука, 1977. Т. II. Стихотворения 1820 −1826. 400 с.

Литература

Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Сов. писатель, 1963. 261 с.

Бонди С. М. Неосуществленное послание Пушкина к «Зеленой лампе» // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. М.; Л.: АН СССР, 1935. [Т.] 1. С. 33−52; переизд.: *Бонди С. М.* Черновики Пушкина. Статьи 1930−1970 гг. М.: Просвещение, 1971. С. 91−108.

Гилельсон М. И. П. А. Вяземский. Жизнь и творчество. Л.: Наука, 1969. 391 с.

Кичикова Б. А. «Желай мне здравия, Калмык!» (Историко-литературный комментарий к комплексу текстов А. С. Пушкина начала 1820-х гг.) // Теегин герл (Свет в степи). 2001. № 8. С. 41−80.

Кичикова Б. А. «Желай мне здравия, Калмык!» (вопросы текстологии, материалы к комментарию: Часть I) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2014, № 3. С. 163−168.

Ларионова Е. О. Рабочие тетради Пушкина. Полистное описание. Тетрадь ПД 830 (Записная книжка). Тетрадь ПД 831 (Первая кишиневская) // Пушкин А. С. Полное собр. соч. в 20 т. Т. 2. Стихотворения. Кн. 1 (Петербург. 1817−1820). СПб: Наука, 2004. С. 280−288.

Летопись жизни и творчества Александра Пушкина / сост. М. А. Цявловский, Н. А. Тархова. Науч. ред. Я. Л. Левкович. В 4 т. М.: Слово/Slovo, 1999. Т.1. 1799–1824. 591 с.

Лотман Ю.М. Декабрист в повседневной жизни. (Бытовое поведение как историко-психологическая категория) // Литературное наследие декабристов. Л.: Наука, 1975. С. 25−74.

Новые материалы к словарю А. С. Пушкина. М.: Наука, 1982. 288 с.

Пеньковский А. Б. Загадки пушкинского текста и словаря. Опыт филологической герменевтики. М.: Языки слав. культур, 2005. 315 с.

Рак В. Д. Записная книжка Пушкина ПД 830 (история заполнения: л. 1–42 об.) // Пушкин: Исследования и материалы. Т. XVI–XVII. Сб. науч. трудов. СПб.: Наука, 2003. С. 5−42.

Словарь языка Пушкина. В 4 т. / под ред. акад. В. В. Виноградова. М.: АН СССР, Ин-т рус. языка, Госуд. изд-во иностр. и национ. словарей, 1956−1961; Т. 3. О−Р, 1959. 1071 с.; Т. 4. С−Я. 1961. 1048 с.

Стенник Ю.В. Пушкин и русская литература XVIII века. СПб.: Наука, 1995. 349 с.

Томашевский Б. В. Пушкин. Кн. 1 (1813−1824). М.; Л.: АН СССР, 1956. 743 с.

Фомичев С. А. Записная книжка Пушкина ПД 830 (История заполнения: л. 43−66 об. / *Приложение.* Анализ автографов «<Послания к “Зеленой лампе”>» // Пушкин: Исследования и материалы. Т. XVI−XVII. Сб. науч. трудов. СПб.: Наука, 2003. С. 43−56.

Фридкин В. М. Пропавший дневник Пушкина: Рассказы о поисках в зарубежных архивах. Изд. 2, доп. М.: Знание, 1991. 254 с.

Черейский Л. А. Пушкин и его окружение. Изд. 2, доп. и перераб. Л.: Наука, 1988. 544 с.

Щеголев П. Е. «Зеленая лампа» // *Щеголев П. Е.* Первенцы русской свободы. М.: Современник, 1987. С. 208−230.

Эйдельман Н. Я. Пушкин: Из биографии и творчества: 1826−1837. М.: Худож. лит., 1987. 462 с.

Sources

Derzhavin G. P. [Compositions]. Moscow: Pravda, 1985. 575 p. (In Russ.)

Pushkin A. S. [Complete Works]. In 10 vol. 4th ed. Leningrad: Nauka, 1977. Vol. II. Poems 1820–1826. 400 p. (In Russ.)

Pushkin A. S. [The Complete Collection of Essays]. In 19 vol. Moscow: Voskresenie, 1994–1997. Vol. II (1, 2), 1994: Poems 1817–1825. 1206 p.; Vol. VI. Eugene Onegin. 1995. 698 p.; Vol. XIII: Correspondence 1815–1827. 1996. 652 p. (In Russ.)

Vyazemsky P. A. [Poems]. L. Ya. Ginzburg (prep.). 2nd ed. Leningrad: Sov. pisatel (Big Poet's Library Series), 1953. 507 p. (In Russ.)

References

[New Materials for A. S. Pushkin's Dictionary]. Moscow: Nauka, 1982. 288 p. (In Russ.)

[The Chronicle of the Life and Work of Alexander Pushkin]. M. A. Tsyavlovsky, N. A. Tarkhova (compl.). Ya. L. Levkovich (ed.). In 4 vol. Moscow: Slovo, 1999. Vol. 1. 1799–1824. 591 p. (In Russ.)

[The Dictionary of Pushkin's Language]. In 4 vol. Acad. B. B. Vinogradov (ed.). Moscow: USSR Acad. of Sciences, Institute of Rus. Language, State Dictionary of Foreign Language and National Dictionaries, 1956–1961; Vol. 3. O–R, 1959. 1071 p.; Vol. 4. S–Y. 1961. 1048 p. (In Russ.)

Bakhtin M. M. [Issues of Dostoevsky's Poetics]. 2nd ed. Moscow: Sov. pisatel, 1963. 261 p. (In Russ.)

Bondi S. M. [Unrealized Pushkin's Message to the "Green Lamp"]. In: [Pushkin: Bulletin of Pushkin Commission]. Moscow, Leningrad: USSR Acad. of Sciences, 1935. Vol. 1. Pp. 33–52; reprint: Bondi S. M. Pushkin's Drafts. Articles 1930–1970. Moscow: Prosveshchenie, 1971. Pp. 91−108. (In Russ.)

Cheresky L. A. [Pushkin and his Environment]. 2nd ed. Leningrad: Nauka, 1988. 544 p. (In Russ.)

Eidelman N. Ya. [Pushkin: From Biography and Creativity: 1826–1837]. Moscow: Khudozh. lit., 1987. 462 p. (In Russ.)

Fomichev S. A. [Notebook PD 830. History of Filling. Sheets 43–66]. In: [Annex. Analysis of Autographs "Messages to the "Green Lamp". Pushkin: Research and Materials]. Vol. XVI–XVII. St. Petersburg: Nauka, 2003. Pp. 43−56. (In Russ.)

Friedkin V. M. [Missing Pushkin's Diary: Stories about Searches in Foreign Archives]. 2nd ed. Moscow: Znanie, 1991. 254 p. (In Russ.)

Gilelson M. I. [P. A. Vyazemsky. Life and Creativity]. Leningrad: Nauka, 1969. 391 p. (In Russ.)

Kichikova B. A. "Wish me Health, Kalmyk!" (Historical and Literary Commentary on the Complex of Texts by A. S. Pushkin in the early 1820-s.)]. *Teegin Gerl*. 2001. No. 8. Pp. 41−80. (In Russ.)

Kichikova B. A. "Wish me Health, Kalmyk!" (Issues of Textology, Materials to the Commentary: Part I). *Bulletin of Kalmyk Institute of Humanitarian Research of the RAS.* 2014. No. 3. Pp. 163−168. (In Russ.)

Larionova E. O. [Pushkin's Workbooks. Sheet by Sheet Description. Notebook PD 830 (Notebook). Notebook PD 831 (First Kishinevsk)]. In: [Pushkin A. S. Complete Collection]. In 20 vol. Vol. 2. Poems. Book 1 (St. Petersburg, 1817–1820). St. Petersburg: Nauka, 2004. Pp. 280−288. (In Russ.)

Lotman Yu. M. [A Decembrist in Everyday Life. (Domestic Behavior as a Historical and Psychological Category)]. In: [Literary Heritage of Decembrists]. Leningrad: Nauka, 1975. Pp. 25−74. (In Russ.)

Penkovsky A. B. [Pushkin's Text and Dictionary Mysteries. Experience of Philological Hermeneutics]. Moscow: Lang. Slav. cultures, 2005. 315 p. (In Russ.)

Rak V. D. [Pushkin's Notebook PD 830. History of Filling. Sheets 1–42]. In: [Pushkin: Research and Materials]. Vol. XVI–XVII. St. Petersburg: Nauka, 2003. Pp. 5−42. (In Russ.)

Shchegolev P. E. "Green Lamp". In: Schegolev P. E. [The Firstlings of Russian Freedom]. Moscow: Sovremennik, 1987. Pp. 208−230. (In Russ.)

Stennik Yu. V. [Pushkin and Russian Literature of the Eighteenth Century]. St. Petersburg: Nauka, 1995. 349 p. (In Russ.)

Tomashevsky B. V. [Pushkin. Book 1 (1813–1824)]. Moscow; Leningrad: USSR Acad. of Sciences, 1956. 743 p. (In Russ.)

УДК 82-1/9
ББК 83.3 (2Рос=Калм)

К ИЗДАНИЮ БИОБИБЛИОГРАФИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ «ПИСАТЕЛИ КАЛМЫКИИ. 1920–2010»

To the Issue of Publishing „The writers of Kalmykia. 1920–2010“ Bio-Bibliographical Dictionary

Э. А. Эльдышев (E. Eldyshev)[1]

[1]научный сотрудник отдела литературы, письменных памятников и буддологии Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Researcher of Manuscripts, Literature and Buddhist Studies Department at the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS). E-mail: kigiran@mail.ru.

В статье рассматриваются вопросы создания биобиблиографического словаря «Писатели Калмыкии. 1920–2010» в свете современной историко-литературной науки и новых биографических материалов, определяется структура словарной статьи и словаря в целом.

Ключевые слова: биобиблиографический словарь, писатели, литература, справочник, статья, биография, Союз писателей.

The article deals with issues concerning building of a new bio-bibliographical dictionary under the title “The writers of Kalmykia. 1920–2010” and the criteria for writer selection, and gives a short overview on the history of the subject and the principles of its implementation.

The dictionary is projected to contain the names of the Kalmyk writers, starting from the founders of the Kalmyk literature, i.e. A.M. Amur-Sanan, B.B. Basangov, N.M. Mandzhiev, Kh.B. Kanukov, S.K. Kalyaev, and A.I. Suseev, to the contemporary living writers of both older and younger generations. A special section is dedicated to the Hero of Social Labor, laureate of the USSR and RSFSR State Prizes, and the national poet of Kalmykia D.N. Kugultinov. The article covers the historiography of the subject and proves the timeliness of publishing a dictionary of this kind. It should be mentioned that the article holds the criteria for the completeness of the publication in progress; the extensive writer reference material has been enriched with new facts and names that have previously been left beyond the scope of scientific research. The dictionary’s author has included the names of Lidzhi Karvin, Adolf Badmaev, and Nikolay Normaev, whose artistic works have been excluded from national literary studies. The “Writers of Kalmyk émigré community” section of the dictionary is the first to include the names of Sanzhi Balykov, Gari Mushaev, and Erenzhen Khara-Davan, whose life and works enjoyed little coverage before. This block of émigré literature will undoubtedly add to the completeness and urgency of the question of the Kalmyk literature national identity.

Thus, the article concludes that the dictionary has been structured in accordance with the current scientific and methodological requirements. It is aimed at literary scholars, literary critics, teachers of literature, bibliographers, librarians and everyone who is interested in the fiction literature of the native land.

Keywords: bio-bibliographical dictionary, writers, literature, reference book, article, biography, the Writers’ Union.

Биобиблиографический словарь — особый жанр справочного издания, который должен вызывать «не только справочный, но и литературный интерес» [Русские писатели 1989: 3], то есть словарные статьи должны содержать объективные, фактически аргументированные сведения о писателях и характеристики их творчества. Основными качествами указанного справочного издания должны быть соразмерность, полнота и точность сообщаемых сведений. Необходимо правильно соблюсти пропорции между фактами важными и менее существенными.

Учитывая особую роль литературы в духовной жизни Калмыкии и ее многостороннюю связь с развитием общественной мысли, становится очевидной необходимость специального биобиблиографического издания в виде словаря, что диктуется интересами национальной истории и культуры.

В последние годы подобные Словари изданы в Москве, Дагестане, Кабардино-Балкарии, Чувашии, Якутии, Чечне и дру-

гих регионах России. Предполагается, что Словарь станет первым изданием, в котором будут собраны, систематизированы и подвергнуты историко-литературному осмыслению факты жизненного и творческого пути писателей Калмыкии.

Цель Словаря — осветить творчество писателей, литературоведов, джангарчи, переводчиков Калмыкии с 1920 по 2010 годы.

«Словарь — информационное издание по определению, но по объему и охвату материала это труд энциклопедического характера» [Шаповалова 2006: 90]. В готовящемся к изданию словаре, на наш взгляд, должно быть отражено поэтапное развитие калмыцкой литературы со всем комплексом специфических художественных форм и идейно-эстетических проблем. Чтобы свести в единое целое литературно-творческие портреты калмыцких писателей, потребовалась историко-литературная концепция, согласно которой каждый из них рассматривается как явление уникальное, внесшее особый вклад в становление и развитие калмыцкой литературы.

Главная задача при подготовке словаря «Писатели Калмыкии. 1920–2010» — выстроить его в соответствии с современными научными и методологическими требованиями.

В нынешних условиях коренным образом меняются представления о роли национальных литератур. Народы России во многом пересматривают свою историю, духовное наследие в свете национального возрождения. Кроме сугубо литературоведческих критериев, в Словаре предполагается учесть и достижения смежных наук: истории, этнографии, культурологии, лингвистики, фольклористики, что, несомненно, задаст новые параметры оценки литературного наследия. Такой комплексный, междисциплинарный подход позволит открыть новые грани литературного процесса Калмыкии.

Первый опыт биобиблиографического издания в виде справочника «Писатели Советской Калмыкии» был предпринят в 1966 году кандидатом филологических наук М. Э. Джимгировым. Справочник состоит из следующих разделов:

1. Предисловие, содержащее краткие сведения из истории калмыцкой литературы.

2. Писатели Советской Калмыкии.

3. Критики и литературоведы.

4. Критические материалы общего характера.

В предисловии к Справочнику составитель отмечал, что ему «не удалось достичь желаемой полноты, так как в период незаконного упразднения Калмыцкой АССР (1943–1956) фонды Калмыцкой республиканской библиотеки, Калмыцкого книжного издательства и республиканских газет в значительной степени были утеряны, а многие довоенные издания отсутствуют в Государственной библиотеке им. Ленина» [Джимгиров 1966: 4]. Справочник охватывает период 1920–1960-х гг. и отражает время своего создания: в изложении биографий писателей по идеологическим и иным причинам в нем допущены неточности, отсутствует ряд имен калмыцких писателей, подвергшихся репрессиям и долгие годы бывших под запретом.

Издание биобиблиографического словаря готовится спустя почти полвека после выхода справочника «Писатели Советской Калмыкии», вобравшего в себя тридцать шесть персоналий. Разумеется, словник Словаря, по сравнению с предыдущим, увеличен и включает более ста статей-персоналий. Составитель Словаря стремился представить литературную жизнь республики не только в ее историческом развитии на протяжении XX века, но и в диалектике своеобразия и многообразия ее проявлений, дать в руки читателя всеобъемлющий словарь по литературному движению Калмыкии XX – начала XXI веков.

Словарь будет состоять из 6 основных частей с алфавитным порядком персоналий. Каждая статья содержит сведения о жизненном и творческом пути писателя, персональную библиографию. Деятельность писателя освещается в контексте социальной, политической, культурной жизни соответствующего периода. В настоящее время ведется большая работа по историческому осмыслению литературного процесса 1920–1930-х гг. Ранее подобный анализ затруднялся идеологическими запретами, препятствовавшими возможности создания надежной и достаточно полной источниковедческой базы, без которой невозможно изучение современной калмыцкой литературы. Ныне многое для формирования корпуса источников уже сделано, но многое предстоит еще сделать.

«Биографически-справочный характер Словаря определяет типовую структуру каждой статьи, имеющей вид хронологи-

чески последовательного жизнеописания, и набор обязательных для данного издания сведений (дата, место рождения и смерти, социальное происхождение, образование, начало, основные этапы и окончание служебной деятельности, первое опубликованное произведение, первые публикации основных произведений писателя и пр.)» [Русские писатели 1989: 7].

Необходимо отметить, что издание столь обширного по составу и хронологии биобиблиографического Словаря в Калмыкии предпринимается впервые.

В отборе персоналий, при исходном условии – наличие опубликованных книг, предполагается ориентация на следующие критерии:

– художественно-эстетическая значимость творчества данного автора;

– активность участия в литературной жизни, в том числе в периодике, в редакционно-издательской деятельности;

– рецензии на произведения в современной автору критике, публицистике;

– частота упоминаний произведений литератора или его самого в современных изданиях;

– членство в Союзе писателей СССР, Союзе писателей России, Союзе российских писателей.

Соответствие одному или нескольким критериям определяет возможность включения в Словарь статьи о том или ином писателе.

После биографической справки и характеристики творчества каждого писателя публикуется основная библиография его произведений, а также краткая библиография литературно-критических статей и рецензий. При составлении библиографии произведений учитывались те издания, которые отражают основные направления деятельности писателя. Например, писатель, являющийся в основном прозаиком и работающий в прозаических жанрах художественной литературы, представлен соответствующими произведениями. Другие направления его деятельности также отражаются в списках, хотя и не столь подробно. Особенно это относится к переводам. Библиографическое описание приводится на русском языке с указаниями оригинальной публикации и перевода. Главной своей задачей составитель Словаря считает отражение работы самого писателя, стремление добиться полноты перечня изданий.

В словарную статью входят также различные сведения, дополняющие основные разделы: перечисляются основные переводческие работы автора, заметки о собственном творчестве и т. д.

Словарные статьи сопровождаются портретами писателей. В Словарь будут включены статьи о творчестве неизученных или малоизученных авторов, что определяет в значительной мере поисковый, исследовательский характер работы над этим изданием. В рамках такой работы предполагается проверка и документальное подтверждение корпуса сведений ранее изданного справочника «Писатели Советской Калмыкии» (1966) и других подобных изданий. Биографии многих писателей освещаются по-новому благодаря сведениям из архивных источников и публикациям последнего времени.

Определенные затруднения возникли у автора при разыскании биографических и иных материалов и источников, особенно о довоенных писателях. В силу целого ряда причин далеко не всегда составитель имео доступ к полному корпусу биографических сведений о том или ином авторе. Порой были неизвестны дата и место кончины писателя.

Все фактические сведения публикуются по состоянию на 1 декабря 2014 года. При подготовке биографических справок использованы не только печатные источники, но и архивы, анкеты, разосланные писателям или их близким, устные свидетельства писателей старшего поколения. Во многих случаях факты, сообщаемые в справке, будут обнародованы впервые.

Словарь вобрал в себя статьи о писателелях Калмыкии, начиная от основоположников калмыцкой советской литературы (А. М. Амур-Санан, Б. Б. Басангов, Н. М. Манджиев, Х. Б. Кануков, С. К. Каляев, А. И. Сусеев), до современных писателей как старшего, так и младшего поколения. В отдельный раздел выделена статья о Герое Социалистического Труда, лауреате Государственных премий СССР и РСФСР Д. Н. Кугультинове.

В Словарь включена статья о поэте, который не проживал в Калмыкии, но внес, безусловно, неоценимый вклад в развитие калмыцкой литературы, — народном поэте Калмыкии С. И. Липкине, переводчике национального героического эпоса «Джангар», сказки «72 небылицы», многих про-

изведений калмыцких поэтов. В отдельном разделе Словаря — «Писатели калмыцкого зарубежья» — впервые представлены калмыцкие писатели, творчество которых развивалось за пределами Калмыкии, — Санжа Балыков, Гаря Мушаев, Эренжен Хара-Даван. В словарные статьи о писателях, творчество которых ранее было недостаточно освещено (Лиджи Карвин, Адольф Бадмаев, Джангар Насунов), были включены материалы, опубликованные в последние годы.

Территориально Словарь охватывает Калмыкию, Москву, Подмосковье, Санкт-Петербург, Ростовскую область, Синьцзянь-Уйгурский автономный район Китая.

Таким образом, биобиблиографический Словарь отличается от предыдущего справочника «Писатели Советской Калмыкии» (1966) по типу издания и по объему материала. Готовящийся к изданию Словарь состоит из следующих разделов:

1. Введение. Литература Калмыкии.
2. Основоположники современной калмыцкой литературы.
3. Лауреат Государственных премий СССР и РСФСР Давид Кугультинов (13.03.1922–17.06.2006).
4. Писатели Калмыкии второй половины XX – начала XXI вв.
5. Литературные критики, литературоведы.
6. Джангарчи.
7. Переводчики.
8. Приложения: документы и фотографии.

Те, кто занимается или интересуется историей калмыцкой культуры, смогут почерпнуть из готовящегося к изданию биобиблиографического словаря систематизированные сведения о писателях Калмыкии периода 1920–2010 гг. с позиций современной историко-литературной науки.

Литература

Джимгиров М. Э. Писатели Советской Калмыкии. Биобиблиографический справочник. Элиста: Калм. книжн. изд-во, 1966. 224 с.

Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. М.: Сов. энцикл., 1989. Т. 1. 672 с.

Шаповалова И. А. Рец.: Литературы народов России. XX век. Словарь. М.: Наука, 2005. 365 с. // Вестник Российской Академии наук. № 1. Т. 76. 2006. С. 90–91.

Литература

Джимгиров М. Э. Писатели Советской Калмыкии. Биобиблиографический справочник. Элиста: Калм. книжн. изд-во, 1966. 224 с.

Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. М.: Сов. энцикл., 1989. Т. 1. 672 с.

Шаповалова И. А. Рец.: Литературы народов России. XX век. Словарь. М.: Наука, 2005. 365 с. // Вестник Российской Академии наук. № 1. Т. 76. 2006. С. 90–91.

References

[Russian Writers. 1800–1917. Biographical Dictionary]. Moscow: Sov. encyclopedia, 1989. Vol. 1. 672 p. (In Russ.)

Dzhimgirov M. E. [Writers of Soviet Kalmykia. Biobibliographical Reference Book]. Elista: Kalm. Book Publ. House, 1966. 224 p. (In Russ.)

Shapovalova I. A. [Review: Literatures of Nations of Russia. XX Century. Dictionary]. Moscow: Nauka, 2005. 365 p. *Bulletin of the Russian Academy of Sciences.* No. 1. Vol. 76. 2006. Pp. 90–91. (In Russ.)

ББК 74.2
УДК 371

АКТУАЛЬНОСТЬ КОМАНДНОЙ И ПРОЕКТНО-ГРУППОВОЙ РАБОТЫ В СОЦИАЛЬНОМ ВОСПИТАНИИ ШКОЛЬНИКОВ

The Relevance of Team and Group Project Work in Social Upbringing of Schoolchildren

О. И. Витвар (*O. Vitvar*)[1]

[1]кандидат педагогических наук, доцент кафедры теории и методики профессионального образования Норильского филиала Красноярского краевого института повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования (Ph.D. of Pedagogy, Associate Professor of the Theory and Methods of Professional Education Department in Norilsk branch of the Krasnoyarsk Institute of Advanced Training and Professional Retraining of Educators). E-mail: vitvar@kipk.ru, ksysha-a@yandex.ru.

В статье предлагается анализ достоинств и ограничений командной и проектно-групповой формы организации социального воспитания школьников и обоснована актуальность создания педагогических и управленческих команд для качественного обновления воспитательного процесса.

Ключевые слова: командообразование, школьное образование, социальное воспитание, проектно-групповая деятельность, образовательные стандарты.

Team building and group project forms of social upbringing of schoolchildren have great pedagogical potential. The article shows the possibilities of group- and team- organized social upbringing of growing-ups according to a new standard of general education and necessary requirements for the teaching stuff. General advantages and disadvantages of these forms of organization in achieving the effective results in school upbringing were analyzed by the author.

Alongside with the main restrictions it is observed that in a present linear organization of the education system the team work requires high concentration of focused specialists in teaching. This becomes problematic in general education because of the rapid ageing of the experienced teaching stuff and a little amount of young specialists that choose to stay in a profession. There is also a need for the attraction additional sources to just-in-time provide team members with the necessities for the productive work. This causes more intense and stressful rhythm of work for school methodological services and material supply services.

One of the advantages is to turn institutes of education into socially active school and self-learning organization, increasing public and state components in a system of management, stimulating the role of parents and local community in solving socio-pedagogical problems within the district, accumulation the social capital in the form of constructive social relations by teenagers and upper-class pupils, building essential moral and professional qualities of the growing-ups, etc.

A reasonable conclusion that has been made is that the advantages revealed have a very important meaning. They largely outweigh the potential administrative and pedagogical risk. Therefore, team and group project forms of work are relevant and they should be widely introduced into social education practice of school upbringing.

Keywords: team building, school education, social upbringing, group project work, education standards.

В настоящее время усиливается роль образования как системообразующего ресурса социокультурной модернизации российского гражданского общества. Разработанные в этой связи образовательные стандарты нового поколения впервые ориентированы на воспитание школьников в качестве доминанты образования и определяют новые цели образования — воспитание, социально-педагогическую поддержку, становление и развитие высоконравственного, творческого и компетентного гражданина РФ.

Видные ученые современности отмечают, что за последнее десятилетие существенно изменились социальные свойства растущего человека, возникла «потребность в интеграции научных сил в раскрытии возможностей пространства современного образования, определения наиболее действенных форм его организации. Такая интеграция позволит более эффективно решать на практике проблему создания условий, обеспечивающих реализацию воспитательных стратегий» [Фельдштейн 2013]. В этом контексте особое значение приобретают эффективные организационные формы социального воспитания детей, подростков и юношества.

Прогрессивный педагогический опыт экономически развитых стран показывает, что создание команд и организация проектно-групповой работы школьников представляют собой перспективную модель организации воспитательного процесса в современной школе как социально-активной открытой организации и являются эффективным инструментом повышения качества социального воспитания растущей личности.

В нашей стране командообразование имеет исторические корни. Прообразом команд являлись бригады — особая форма организации трудовой деятельности в производственной сфере, обеспечивающая возможность повышения ее эффективности за счет объединения усилий и способностей членов группы, кооперации и координации их деятельности. «Бригада» — (от франц. brigade) — группа работников, часть коллектива предприятия, которая создается как постоянное производственное звено или на временный период [Райзберг и др. 2007].

В интеллектуальной сфере ярким примером командообразования служили объединения людей в исследовательско-проектные группы, создаваемые в советское время для решения определенных технологических проблем государственной важности (освоение космоса, разработка новых образцов военной техники и т. п.). Именно команда как форма организации труда получила изначально известность в интеллектуальной сфере в переходный период становления рыночных форм экономики в стране, когда М. Горбачев выдвинул тезис о важности человеческого фактора для перестройки экономики. Во второй половине XX в. идеи командообразования стали внедряться и в управленческую практику, в том числе в сфере образования. Можно также проследить социально-педагогические и психологические истоки командообразования в отечественном опыте формирования коллектива на гуманистических принципах общей заботы (в трудах А. С. Макаренко, И. П. Иванова и их последователей, в трудах А. В. Петровского).

Само понятие происходит от сочетания слов «команда» — (франц. commande) — временная или постоянная группа людей, нацеленная на выполнение определенной работы, задания [Бизнес словарь 2014], и «образовывать» — создавать, составлять, организовывать, учреждать, совершенствовать что-либо [Ефремова 2014]. Следовательно, под командообразованием подразумевают объединение определенных специалистов в группу для эффективного решения поставленной общей задачи.

Научный подход (теория и методика) к созданию команд был разработан в XX в. известными зарубежными учеными — последователями научной школы менеджмента организаций — М. Белбином, Б. Такменом, М. Йенсоном и др. В настоящее время базисные положения теории создания команд повсеместно используются в различных сферах социальной практики, в том числе в сфере интеллектуального труда, к числу субъектов которой относится и общеобразовательная школа.

Командная и проектно-групповая формы организации процессов обучения и социального воспитания школьников призваны помочь успешному решению проблемы повышения качества образования. В ее контексте социальный заказ современной школе содержит запрос не только на удовлетворение образовательных потребностей учащихся, их личностное развитие, но и на успешное вхождение в социум, позитивную социализацию и дальнейшую самореали-

зацию. Это получило отражение в системе требований ФГОС ООО, которые включают весомый ряд взаимообусловленных социально-педагогических задач. Среди них воспитание, социализация и духовно-нравственное развитие обучающихся, овладение навыками адаптации в динамично изменяющемся и развивающемся мире; формирование культуры здорового и безопасного образа жизни; обеспечение коррекции недостатков в физическом и психическом развитии детей, работа с детьми-инвалидами и др.

Педагогические и управленческие команды, а также разновозрастные проектные группы в инновационной образовательной практике за рубежом давно рассматриваются как новые организационные ресурсы учебных заведений, выступают в качестве конкурентных преимуществ высокого порядка и стали неотъемлемой частью организационной культуры современной социально активной школы.

В виде привычной организационной формы профессиональной деятельности команды во всем мире традиционно существуют в ряде секторов экономики (бригады МЧС, геологические экспедиции, судовые команды, мобильные бригады врачей и ученых разных специальностей и т. п.). В этих сферах жизнедеятельности общества командная форма организации работ является технологически наиболее рациональной, а зачастую и единственно возможной.

Однако в отечественном образовании команды все еще представляют собой *особую форму* коллективной профессиональной деятельности. Это связано с тем, что для образовательной отрасли характерна линейная организация педагогического процесса в учреждениях с традиционной линейно-функциональной организационно-административной структурой управления, где педагогический состав и узкие специалисты заняты на постоянной основе. Вместе с тем достижение целей социального воспитания, поставленных перед «Нашей новой школой» в контексте государственной образовательной политики требует от педагогов умения работать в команде, а от руководителей — навыка формировать эффективные группы на постоянной основе (педагогические коллективы школ, управленческие команды) и временные (проектные группы, творческие и исследовательские коллективы, рабочие группы и т. п.). Это приводит к необходимости создавать матричные структуры в отдельных звеньях образовательных организаций, которые, наряду с достоинствами, имеют и ряд типичных недостатков — проблемы из-за наложения горизонтальных и вертикальных полномочий, что подрывает принцип единоначалия; неприспособленность к неблагоприятным экономическим условиям, конформизм в принятии групповых решений.

К ограничениям относится и то, что командная форма работы при существующей линейной организации образовательного процесса требует высокой концентрации профессионалов на узких направлениях деятельности. Зачастую это нерентабельно, а подчас и невозможно, так как высококвалифицированные специалисты ценятся в условиях современной кадровой ситуации в российском общем образовании, где происходит стремительное старение педагогического корпуса специалистов со стажем, а уровень закрепления молодых специалистов в педагогической профессии невысокий.

Требуются также и немалые расходы на дополнительную профессиональную подготовку руководителя каждой команды, ответственного за интеграцию всех видов ресурсов, необходимых для реализации поставленной воспитательной задачи, и координирующего связи между членами команды, работающими на постоянной основе в различных функциональных подразделениях образовательного учреждения. Использование командной формы организации работ также связано с привлечением дополнительных материальных и финансовых ресурсов, необходимых для своевременного обеспечения членов команды всем необходимым для продуктивной деятельности. А это влечет за собой более интенсивный и напряженный ритм работы школьных информационно-методических служб и служб материального обеспечения.

Создание команд и проектных групп связано и с определенным риском для школы. Ведь сформированная группа может и не справиться с поставленной перед ней задачей. Объединенные в группу специалисты с высоким профессиональным уровнем превращаются в команду лишь тогда, когда становятся сплоченным жизнеспособным коллективом с общей целевой установкой и единой системой ценностных ориентаций. Ведь командные отношения в воспитании школьников традиционно включают в себя

такие понятия, как чувство локтя, дух партнерства и товарищества. Следовательно, группа изначально вынуждена завоевать деловую репутацию и получить кредит доверия у педагогического коллектива, руководства школы, местного сообщества. А это требует определенных затрат времени и дополнительного обучения (проведения учебных семинаров, тренингов).

Следует отметить и то, что в командной и проектно-групповой работе неизбежно соприкосновение характеров, поэтому необходимым условием отбора специалистов является их психологическая совместимость. И чем больше людей привлечено для реализации современных воспитательных стратегий (педагогические коллективы школ, как правило — группы от средних до больших по количеству), тем труднее обеспечить выполнение этого условия. Сложности появляются и из-за возможного преждевременного распада команд. Ведь в сфере социального воспитания целью деятельности постоянных команд чаще является воспитательная проблема, а не конкретная задача, решение которой зачастую затягивается из-за высокой динамики внешней среды. Соответственно, может меняться и поведенческая мотивация членов команды, а отдельные специалисты иногда перестают быть востребованными в ее деятельности.

Как видим, применение групповых и командных форм работы в школьном образовании связано с преодолением целого ряда ограничений, а, значит, требует дополнительного обоснования и тщательной аргументации «за» в отношении социального воспитания школьников. Рассмотрим доводы в его пользу (достоинства), соблюдая принцип «от общего к частному».

В пользу внедрения в социальное воспитание школьников командной и проектно-групповой форм работы свидетельствуют следующие факторы.

Во-первых, концепция социально-экономического развития России до 2020 года определяет инвестиции в человеческий капитал среди ключевых приоритетов государственной социально-экономической политики страны. В ней поставлена задача формировании мотивации к инновационному поведению, кардинального повышения инновационной активности, максимального развития и использования человеческого фактора для перехода на инновационный путь развития государства. И в этом образование как социокультурный институт играет ведущую роль и выступает в качестве системообразующего ресурса [Глазьев 2007]. Создание команд из работников образования является действенным инструментом для успешного достижения этих целей, основываясь на синергетическом эффекте. К этому добавим, что высокая эффективность командной работы основывается на максимальном использовании «человеческого фактора» за счет:

– использования коллегиальных форм принятия решений, что обеспечивает высокий уровень мотивации и самоотдачи всех членов команды;

– сокращения потерь рабочего времени из-за высокой степени организации труда внутри команды (взаимозаменяемость, личная инициатива, активное взаимопонимание, рациональное распределение ролей, работа на опережение и т. п.);

– неограниченной интенсификации труда (группа нормирует свой рабочий день самостоятельно в зависимости от темпов продвижения к конечному результату или достижения намеченной цели).

Во-вторых, командная и проектно-групповая деятельность формирует умение функционировать в социальной группе, повышает уровень наработанного человеком «социального капитала», его включенности в общество, что рассматривается сегодня как универсальная способность, которой должен овладеть каждый человек в процессе своей социализации [Тамбовцев 2006: 18]. Способность к эффективной организации взаимодействия и коммуникации в группе является социальной компетентностью растущего человека, объективно необходимой для успешной жизни в современном мире, метапредметным результатом его образования. Это качество может быть успешно сформировано в разновозрастных детских коллективах в рамках проектно-групповой работы в условиях благоприятного социально-психологического климата и психологической поддержки сформированных в школе педагогических команд.

В-третьих, системно-деятельностный подход как концептуально-методологическая основа ФГОС ООО нового поколения рассматривает проектно-групповую деятельность в качестве продуктивной образовательной технологии, способствующей переходу к стратегии конструирования в педагогических системах, разработке ново-

го содержания и способов достижения социально желаемого уровня творческого развития и воспитания школьников, который и определяет качество образования в его новом понимании. В системе требований нового образовательного стандарта к личностным и метапредметным результатам образования обозначены и социально-педагогические аспекты группового взаимодействия, с которых начинается успешное формирование социально значимых качеств растущей личности — толерантности в общении; готовности слушать собеседника и вести диалог, конструктивно разрешать конфликты посредством учета интересов сторон и сотрудничества; умений выбирать, реализовывать способы поведения, адекватно оценивать собственное поведение и поведение окружающих и т. п. Эти новые тенденции в школьном образовании вызвали необходимость пересмотра роли учителя и педагогического коллектива. В рамках современной гуманистической парадигмы, основанной на определении человека как высшей ценности общества, а ребенка как высшей ценности новой школы, развитие детей возможно только при взаимодействии с ними, а не при воздействии на них. Очевидно, что педагоги при взаимодействии с детьми должны являть собой союз успешно взаимодействующих сотрудников, причем только командная, кооперативная работа учителей даст хорошие результаты.

Еще одна группа требований Стандарта — формирование и развитие навыков сотрудничества в разных социальных ситуациях, умений определять общую цель в коллективных делах и пути ее достижения, договариваться о распределении функций и ролей, осуществлять взаимный контроль в совместной деятельности и т. п. — также актуализирует создание разновозрастных групп детей, их родителей и педагогов, которые обладают бесценным педагогическим потенциалом и позволяют образовательным учреждениям превращаться в общественно-активную школу [Байбородова, Серебренников 2012: 7; Линдеманн-Комарова 2004: 3]. Для распространенной в экономически развитых странах модели общественно-активной школы качество работы определяется именно способностью школы обеспечивать образовательную успешность и повышать жизненные шансы каждого ученика независимо от индивидуальных стартовых возможностей. Создание такой школы требует концентрации совместных усилий, согласованных действий и сотрудничества с местным сообществом и родительской общностью, создания эффективных полидисциплинарных команд специалистов смежных с педагогикой профессий. Полидисциплинарные команды также нацелены на решение современных проблем инклюзивного образования, охраны прав семьи и детей, здоровьесбережения, коррекционной работы и др. Организационной основой таких команд является конструктивное межличностное взаимодействие специалистов за счет освоения различных взаимозаменяемых ролей и функций в процессе совместной групповой работы, что обеспечивает ее высокую эффективность. По результатам проведенных исследований существенными преимуществами междисциплинарных команд являются:

коллегиальное решение проблем;

повышение эффективности деятельности;

опора на совокупные знания;

эффективная коммуникация;

простота обращений к специалистам и пр. [Витвар 2004: 101].

Создание таких команд позволяет обогащать не только деятельность социально-психолого-педагогической службы в образовательном учреждении и решать злободневные социально-педагогические проблемы, но и способствует повышению эффективности деятельности всего педагогического коллектива образовательного учреждения, формированию его командного духа за счет изменения коммуникативных связей, создания благоприятного психологического климата и психологической поддержки членов педагогической команды. В этой связи отметим небезынтересный опыт эффективной работы междисциплинарных групп специалистов в России — представителей органов народного образования, здравоохранения, милиции и общественных организаций, которые занимались решением социальной проблемы детской беспризорности в период Великой Отечественной войны [Красноженова 2012]. Созданные при органах местной власти комиссии по устройству беспризорных детей вполне можно рассматривать в качестве прообраза полидисциплинарных команд специалистов.

В-четвертых, качественный контент-анализ материалов Всероссийской научно-

методической конференции «Современная дидактика и качество образования», ежегодно проводимой в г. Красноярске, показывает, что командная форма организации образовательной деятельности рассматривается как эффективное дидактическое средство и прогрессивная воспитательная технология [Современная дидактика и качество образования 2013]. Современная дидактика призвана провести ревизию принципов классической дидактики, разработанных Яном Коменским в середине XVII в., чтобы выявить, какие из них устарели и, следовательно, тормозят развитие образовательной практики, а какие, напротив, несут в себе сегодня, в начале XXI в., высокий теоретический потенциал и позволяют вводить в систему отечественного образования созданные педагогами-практиками инновационные методические продукты. Созданные современными учителями-новаторами методики совместной проектно-групповой работы детей и взрослых позволяют успешно реализовывать учебные, воспитательные, исследовательские и др. образовательные проекты, опираясь на потенциальные ресурсы образовательной среды за пределами школы и не привязывать учебно-воспитательный процесс только к уроку как базисной единице классической дидактики. Их реализация способствует оптимизации учебно-воспитательного процесса, однако и требует наличия в школе поддержки педагогической команды, занимающейся вопросами усовершенствования и работающей на основе тесного сотрудничества в достижении единой, осознаваемой цели совместной педагогической деятельности.

В-пятых, кадровые стратегии в сфере общего образования сегодня направлены на совершенствование прикладных умений не только педагогов, но и руководителей школ. Решение этой задачи позволит повысить уровень их эффективности в качестве менеджеров новой школы. Ныне встает вопрос не о том, что знает управленческий состав школы, а скорее о том, как он умеет эти знания применять в изменяющейся внешней среде для решения возникающих перед ними как социально ответственными руководителями проблем. Критическим фактором в этой связи становятся личностные навыки руководителей, обусловленные умением кооперироваться с педагогами, с их мотивацией, созданием групп высокого качества (рабочих, проектных, творческих, исследовательских и др.), умением работать в них, конструктивно достигать соглашений. Для школы актуализируется концепция обучающейся организации, когда объектом практического обучения становятся не отдельные педагоги и специалисты, а их группы и организация в целом как коллектив. В условиях повсеместного перехода общеобразовательной школы на ФГОС ООО второго поколения каждому образовательному учреждению предстоит разработать свою основную образовательную Программу, отражающую социальный профиль школы. Это ответственный коллективный творческий труд, результат которого зависит не только от вклада руководящей команды, но и от эффективности труда коллективов предметных кафедр, школьных методических объединений, психолого-социально-педагогической службы и др. профильных групп педагогических работников в области духовно-нравственного воспитания, здоровьесбережения, коррекционно-реабилитационных процессов, определенных требованиями нового Стандарта к структуре и содержанию школьного образования. И в этом плане практическое освоение технологии формирования эффективных команд в процессе перехода на ФГОС ООО — лучшая инновационная административная практика для развития школы и ее руководителей.

Перечень аргументов в пользу формирования команд в социальном воспитании школьников можно продолжить. Это создание школьных Управляющих советов в контексте формирования систем демократического государственно-общественного управления образовательными учреждениями; проектирование модели школы, которая бы отражала реальные возможности малого социума, педагогического коллектива, запросов родителей и учащихся; формирование межпредметных проблемных групп педагогов в рамках инновационной образовательной деятельности и творческих групп специалистов опытно-экспериментальных площадок, школьных педагогических лабораторий и др., так необходимых сегодня для успешной реализации инновационных стратегий педагогики развития в системе общего образования.

Таким образом, проблема внедрения командной и проектно-групповой формы организации труда в систему социального воспитания школьников является актуальной. Приведенные аргументы свидетельствуют

в пользу объединения руководителей, педагогов, родителей, детей и других специалистов образовательной среды в группы для эффективного решения злободневных социально-педагогических проблем и позволяют сделать вывод, что опора на командный проектно-групповой подход будет способствовать успешной реализации государственной Программы развития отечественного образования на 2013–2020 гг. и качественному обновлению системы социального воспитания школьников.

Вместе с тем существующая теоретико-методологическая база построения команд не может быть напрямую перенесена в российскую практику социального воспитания. Ее основные положения требуют всестороннего анализа и критического переосмысления в отечественных условиях с учетом специфики сложившейся системы социального воспитания растущего человека, над чем и предстоит трудиться в настоящее время ученым и педагогам-практикам.

Литература

Байбородова Л. В., Серебренников Л. Н. Проектная деятельность школьников: учебное пособие / Л. В. Байбородова, Л. Н. Серебренников. Ярославль: Изд-во ЯГПУ им. К. Д. Ушинского, 2012. 64 с.

Бизнес словарь [Электронный ресурс] // URL: http://tolkslovar.ru/k6842.html (дата обращения: 08.09.2014).

Витвар О. И. Формирование эффективной мультидисциплинарной команды в решении проблем семьи и детства: региональный опыт // Социальная педагогика. 2004. № 1. С. 99–101.

Глазьев С. Ю. О стратегии развития российской экономики [Электронный ресурс] // URL: http://www.apn.ru/publications/ (дата обращения: 08.09.2014).

Ефремова Т. Ф. Толковый словарь [Электронный ресурс] // URL: http://moyslovar.ru/slovar/efremova/slovo/образовывать (дата обращения: 08.09.2014).

Красноженова Е. Е. Социальная проблема беспризорности и безнадзорности и ее решение в период Великой Отечественной войны (по материалам Нижнего Поволжья) // Вестник КИГИ РАН. 2012. № 4. С. 19–22.

Линдеманн-Комарова С. Руководство для создания общественно-активных школ. Методология и опыт применения в пяти странах. Ереван: IFES, 2004. 233 с.

Райзберг Б. А., *Лозовский Л. Ш., Стародубцева Е. Б.* Современный экономический словарь. 5-е изд., перераб. и доп. М.: ИНФРА-М, 2007 // URL: info/glossary/?srch=БРИГАДА (дата обращения: 18.09.2014).

Современная дидактика и качество образования: материалы V Всеросс. научно-методич. конф. Красноярск, 2013 [Электронный ресурс] // URL: http://neo-didactica.ru (дата обращения: 28.08.2014).

Тамбовцев В. Л. Конечные результаты отрасли образования и проблемы их измерения // Вопросы образования. 2006. № 1. С. 5–24.

Фельдштейн Д. И. Функциональная нагрузка Академии образования в определении принципов и условий развития растущего человека на исторически новом уровне движения общества. Доклад 29 октября 2013 года в РАО // Интернет-журнал «Проблемы современного образования». 2013. № 5. [Электронный ресурс] // URL: http://cyberleninka.ru/article/n/funktsionalnaya-nagruzka-akademii-obrazovaniya-v-opredelenii-printsipov-i-usloviy-razvitiya-rastuschego-cheloveka-na-istoricheski (дата обращения: 18.09.2014).

References

[Business Dictionary]. An Internet resource: http://tolkslovar.ru/k6842.html (accessed: 8 September, 2014). (In Russ.)

[Modern Didactics and Quality of Education]. Conf. proc. Krasnoyarsk, 2013. An Internet resource: http://neo-didactica.ru (accessed: 28 August, 2014). (In Russ.)

Baiborodova L. V., Serebrennikov L. N. [Design Activity of Schoolchildren]. Yaroslavl: Publ. House of Yaroslavl State Pedag. University, 2012. 64 p. (In Russ.)

Efremova T. F. [Explanatory Dictionary]. An Internet resource: http://moyslovar.ru/slovar/efremova/slovo/образовывать (accessed: 8 September, 2014). (In Russ.)

Feldstein D. I. [Functional Load of the Academy of Education in Determining the Principles and Conditions of Development of a Growing Person on a Historically New Level of Society Movement]. Report on October 29, 2013 in Russian Acad. Of Education. In: [Internet Magazine "Problems of Modern Education"]. 2013. No. 5. An Internet resource: http://cyberleninka.ru/article/n/funktsionalnaya-nagruzka-akademii-obrazovaniya-v-opredelenii-printsipov-i-usloviy-razvitiya-rastuschego-cheloveka-na-istoricheski (accessed: 18 September, 2014). (In Russ.)

Glazyev S. Yu. [Concerning Strategy of Development of Russian Economy]. An Internet resource: http://www.apn.ru/publications/ (accessed: 8 September, 2014). (In Russ.)

Krasnozhenova E. E. [Social Problem of Homelessness and Neglect and its Solution during the Great Patriotic War (on materials of the Lower Volga Region)]. *Bulletin of Kalmyk Institute of Humanitarian Research of the RAS.* 2012. No. 4. Pp. 19–22. (In Russ.)

Lindemann-Komarova S. [Manual for Creation of Socially Active Schools. Methodology and Experience of Implementation in five Countries]. Yerevan: IFES, 2004. 233 p. (In Russ.)

Reisberg B. A., Lozovsky L. S., Starodubtseva E. B. [The Modern Economic Dictionary]. 5th ed. Moscow: INFRA-M, 2007. An Internet resource: info/glossary/?srch=BIGADA (accessed: 18 September, 2014). (In Russ.)

Tambovtsev V. L. [Final Results of Education Branch and Problems of their Measurement. *Issues of Education.* 2006. No. 1. Pp. 5–24. (In Russ.)

Vitvar O. I. [Formation of Effective Multidisciplinary Team in Solving Problems of Family and Childhood: Regional Experience]. *Social Pedagogy.* 2004. No. 1. Pp. 99–101. (In Russ.)

УДК 332.1+330.322
ББК 65.9(2Рос)-56

ИНВЕСТИЦИОННЫЕ СТРАТЕГИИ РЕГИОНОВ РОССИИ И ЕВРОПЕЙСКИЙ ОПЫТ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Investment Strategies of Russian Regions and European Experience of Regional Policy

Р. А. Мусаев (R. Musaev)[1], И. О. Урумова (I. Urumova)[2]

[1]доктор экономических наук, профессор кафедры макроэкономической политики и стратегического управления МГУ им. М. В. Ломоносова. (Ph. D. of Economics, Professor of the Department of Macroeconomic Policy and Strategic Management at Moscow State University named after M.V. Lomonosov). E-mail: rasmous@mail.ru.

[2]аспирант кафедры макроэкономической политики и стратегического управления МГУ им. М. В. Ломоносова. (Post-graduate Student of the Department of Macroeconomic Policy and Strategic Management at Moscow State University named after M.V. Lomonosov). E-mail: financier1987@gmail.com.

Одним из ключевых условий стабильного экономического развития региона является поиск эффективных инструментов и форм сотрудничества с инвесторами. В статье представлены региональные особенности формирования инвестиционных стратегий. Обоснована необходимость разработки стратегии, с целью улучшения инвестиционной привлекательности региона. Особое внимание уделено принципам, этапам и проблемам разработки стратегий в регионах. Обобщен опыт региональной политики Германии, Франции, Италии, Великобритании, скандинавских стран.

Ключевые слова: региональное развитие, экономический рост, инвестиции, региональные инвестиционные стратегии, региональная политика, эффективность инвестиций, устойчивое развитие.

Russian economic strategy is aimed at switching to a new model of spatial development, which is based on the formation of centers for socioeconomic growth, fulfilling each region's potential. Choosing a well-founded and effective strategy plays a crucial role in the implementation of this objective.

Developing a regional investment strategy relies primarily upon the directions of socioeconomic development of the region. The pipeline of projects is then formed in compliance with the priority directions, followed by the overall valuation of investment needed. Developing a region's investment strategy should suggest multi-variant approach, which will depend on the successful implementation of certain measures, emerging risks, and possible influence of external factors. Currently, the process of developing and implementing the strategy faces several organizational and managerial issues, among which are: low motivation level of regional authorities; expansion of interaction frameworks between regional authorities and businessmen; low quality of regional administrative personnel training.

In order to solve some of the regional investment problems in Russia, it is necessary to address the European experience in regional studies. Special attention should be drawn to the regional policies of Germany, Italy, and the UK. Examination and evaluation of the experience in regional studies of EU-member countries can contribute to advancing the regional policy of the Russian Federation and developing the mechanisms for its implementation.

Keywords: regional development, economic growth, investments, regional investment strategies, regional policy, efficiency of investments, sustainable development.

Важнейшим инструментом реализации политики всех субъектов управления является разработка прогнозов, планов и программ, что позволяет организовать направленную работу по достижению поставленных задач. В настоящее время поступательное развитие региона невозможно без обоснованной и адаптированной к конкретным региональным условиям стратегии.

Нестабильная экономика и отток инвестиционных средств только обостряют конкуренцию регионов за капитал. В соответствии с законами рынка инвестиции перетекают из депрессивных в наиболее развитые регионы с более привлекательным инвестиционным климатом. В связи с этим важнейшей задачей региональных властей является увеличение инвестиционного потенциала и снижение инвестиционных рисков.

Согласно стратегическому подходу, регион является открытой системой, результативное управление которой зависит не только от состояния ее внутренней, но и внешней среды. В соответствии с данным подходом эффективность региональной деятельности зависит от способности региона своевременно подстроиться под меняющиеся внешние условия, т. е. определить потенциальные угрозы и максимально использовать новые возможности для получения наибольшего положительного эффекта [Гришина 2013, 2].

Согласно перечню поручений Президента РФ, с декабря 2012 года всем субъектам Федерации необходимо разработать, утвердить и принять к исполнению региональную инвестиционную стратегию (далее РИС). [Поручение Президента] Разработка РИС предполагает необходимым:

- Обеспечение взаимосвязи перспективных инвестиционных задач и долгосрочных целей социально-экономического развития субъекта.
- Прогнозирование изменения факторов инвестиционного риска внутренней и внешней среды.
- Анализ инвестиционных перспектив субъекта и возможность действенного управления инвестиционными ресурсами.
- Оперативное осуществление перспективных направлений инвестиционных вложений, складывающихся в процессе трансформации факторов инвестиционной среды.
- Отображение сравнительных межсубъектных конкурентных преимуществ в инвестиционной деятельности.
- Согласованность стратегического, тактического и оперативного управления инвестиционными процессами в субъекте.

Учитывая особенности инвестиционных стратегий различных субъектов, М. И. Самогородская выделяет следующие принципы их формирования:

- Системный подход — согласованность и взаимодополняемость элементов в регионе как по вертикали (федеральный – региональный – местный уровни), так и по горизонтали (внутрисубъектный и межсубъектный).
- Научная обоснованность — разработка стратегии с учетом последних достижений науки, применением экспертных оценок, использованием научных прогнозов развития территории.
- Реалистичность — в основе разработки РИС необходимо использование данных об инвестиционном потенциале субъекта, соответствующей ресурсной базе, а также реальных направлениях развития территории.
- Определение приоритетных направлений формирования инвестиционной политики в регионе. Корреляция реального притока капитала и инвестиционных потребностей дает возможность выявления оптимального объема привлекаемых ресурсов в субъект.
- Взаимоувязка инвестиционной стратегии со стратегией социально-экономического развития субъекта. С одной стороны, предпосылкой РИС является стратегия социально-экономического развития территории, по отношению к которой она носит подчиненный характер. С другой — реализация РИС оказывает влияние на формирование стратегического развития социальной и экономической сферы в регионе.
- Четко обозначенные разграничения полномочий между федеральными, региональными и местными уровнями власти, что положительно сказывается на системе мониторинга реализации РИС.
- Использование программного метода для реализации обозначенных в РИС направлений развития территории — разработка целевых программ, подготовка законодательных и нормативных актов

в системе мониторинга реализации РИС;
- Рациональное использование трудовых ресурсов территории — подготовка новых и переподготовка существующих кадров.
- Приоритетность стратегических задач над тактическими в системе управления РИС.
- Иерархичность — стратегические цели РИС формируются с учетом генеральной цели — увеличение инвестиционного потенциала и снижение инвестиционных рисков в регионе.
- Гибкость — способность корректировки системы стратегических целей в случае изменения факторов инвестиционной среды [Самогородская 2009: 68].

Начальным этапом формирования РИС является определение срока ее действия. Главное условие определения длительности действия РИС – формирование оптимальной структуры капитала. Далее необходимо сформулировать стратегические цели, которые должны соответствовать следующим критериям: ясность, четкость, реальность и достижимость, измеримость, ориентация во времени. Данные отличительные черты стратегических целей более известны как SMART-характеристики целей.

На следующем этапе следует проанализировать инвестиционную среду функционирования экономики субъекта, в составе которой выделяют внешнюю и внутреннюю среду. По результатам анализа возможно уточнение стратегических целей РИС. Далее определяются возможные стратегии инвестиционного развития экономики субъекта и формируется портфель альтернативных стратегических подходов к реализации намеченных целей, проводится оценка и выбор РИС.

Оценка сформированной РИС имеет решающее значение и осуществляется по следующим направлениям: согласованность с инвестиционной политикой государства, соответствие с базовой отраслевой стратегией экономики государства, с возможными изменениями внешней инвестиционной среды, внутренним потенциалом экономики государства; внутренняя сбалансированность параметров РИС; реализуемость, экономическая и внеэкономическая эффективность от реализации РИС. Результатами оценки может стать необходимость внесения значительных корректив в разработанную РИС.

Организация мониторинга эффективности РИС является чрезвычайно важной и сложной проблемой, требующей как количественных, так и качественных подходов, направление для решения которой отражено в ст.1 Закона №39-ФЗ и ст. 2. Закона № 160-ФЗ, в которых прописывается понятие срока окупаемости инвестиционного проекта. Обоснованно применяемая к конкретному проекту, данная норма остается корректной к их совокупности. Отмеченная норма закона однозначно отражается формулой расчета чистого дисконтированного дохода (Net present value - NPV).

$$NPV=\sum_{i=1}^{n}\frac{D_t}{(1+d)^t}-\sum_{i=1}^{n}\frac{I_t}{(1+d)^t}>0$$

где, t=1,2,…n – количество лет реализации РИС;

– годовой поток наличности;

– коэффициент дисконтирования;

– размер инвестиций по годам реализации РИС.

При формировании РИС важно провести комплексный стратегический анализ, который позволит детально исследовать качественные и содержательные аспекты стратегии. К наиболее разработанным методам стратегического анализа можно отнести: модель PIMS; SWOT; SNW; PESTLE.

Несмотря на выработанные теоретические и практические методические основы по разработке РИС, данная деятельность не приобрела системного характера. Следует отметить позитивный опыт формирования и реализации РИС в таких регионах РФ, как республики Башкортостан и Татарстан, Нижегородская, Самарская, Челябинская области, Краснодарский край и др. Наиболее удачными примерами в сфере реализации РИС являются:
- Утверждение инвестиционной стратегии Свердловской области.
- Создание геоинформационной карты Республики Татарстан.
- Формирование и визуализация Плана создания объектов необходимой для инвесторов инфраструктуры в Калужской области.
- Внедрение проектного управления в органах исполнительной власти и государственных органах Белгородской области в рамках сопровождения инвестиционных проектов по принципу «одного окна».

- Принятие инвестиционного меморандума Липецкой области.
- Создание доступной инфраструктуры для размещения производственных и иных объектов инвесторов (промышленных парков, технологических парков, бизнес-инкубаторов) в Ярославской области.
- Развитие института оценки регулирующего воздействия в Ульяновской области.
- Каналы прямой связи инвесторов и руководства Астраханской области [Агентство стратегических инициатив РФ].

Однако, несмотря на положительные сдвиги, в ряде случаев усилия по разработке РИС сводятся к простому обобщению и надлежащему оформлению прогнозных материалов, зачастую без необходимых прогнозных проработок и обоснований.

В настоящее время в процессе разработки и реализации РИС существуют несколько организационно-управленческих проблем:

- Отсутствие или низкий уровень мотивации региональных и местных властей к качественному изменению параметров жизнедеятельности региона и повышению конкурентоспособности территории.
- Расширение сфер взаимосвязи региональной власти и бизнеса.
- Невысокий уровень качества подготовки региональных кадров.

При разработке РИС важно концентрироваться на устранении сложившихся в регионе диспропорций, перекосов и причин, вызывающих социально-экономические проблемы. При формировании стратегии исключается применение каких-либо шаблонов ее построения, поскольку каждый субъект имеет свою специфику, вследствие чего инструменты и методы воздействия на экономику, интенсивность и результаты в различных регионах будут отличаться [Малахова, Пасканный 2014: 42]

Для решения некоторых региональных инвестиционных проблем в России необходимо обратиться к европейскому опыту региональной политики. Как отмечают эксперты, основной тенденцией в регионоведении большинства европейских стран является регионализация и децентрализация. В отличие от РФ региональная политика европейских стран имеет богатую историю и берет свое начало с 1920-х гг. Впервые решением региональных проблем занялась Великобритания (1920), позже к ней присоединились Франция, Италия (1940), затем реализация региональных программ осуществлялась в Германии и Норвегии (1950).

Особенностью региональной политики ЕС является ее строгая последовательность с учетом меняющихся условий. После Маастрихтского соглашения (1993) была разработана стратегия региональной политики, в русле которой осуществляются отраслевые (межотраслевые) и территориальные программы. Отраслевые программы носят инновационный характер и способствуют интеграции стран ЕС. Наиболее известными стали программы «термоядерного синтеза», «информатики», «биотехнологии», «телекоммуникаций» и др.

Обращаясь к опыту регионоведения ФРГ, необходимо в первую очередь выделить четко прописанное правовое обеспечение реализации политики. Особую значимость региональной политике Германии придает конституционное закрепление ее основных целей и задач. Взяв за основу опыт США, Германия в качестве основного механизма реализации политики в регионах применяет и целевые программы, направленные на сглаживание социально-экономических неравенств и разумное распределение полномочий между Федерацией и землями.

Одним из примеров реализации данного механизма в ФРГ является разработка стратегии развития депрессивного региона Рур с его угольно-металлургической специализацией. Начиная с 1970-х гг. федеральные власти Германии, а также правительство земли Северный Рур предприняли ряд мер для вывода региона из кризисного состояния:

- Система компенсаций в металлургической промышленности.
- Техническое перевооружение предприятий.
- Структурная перестройка экономики региона.
- Создание в регионе университетских центров.

Внимание ЕС к старопромышленным городам и регионам ФРГ, в том числе земли Рур, выражается в финансировании целевых программ посредством структурных фондов, основной целью которых является «реструктуризация стагнирующих ин-

дустриальных регионов и районов»[Ruhr region]. Особое внимание уделяется следующим направлениям:

1. Содействие малому и среднему бизнесу.
2. Технологическое и инновационное развитие.
3. Формирование технологических центров (бизнес-инкубаторов).
4. Реструктуризация бывших промышленных зон.

Конституция ФРГ четко прописывает четырехступенчатую систему финансового выравнивания с целью пресечения социальных диспропорций в различных регионах. Двухуровневое вертикальное выравнивание предполагает распределение налоговых поступлений между центром и регионами, а двухуровневое горизонтальное — между отдельными землями.

Отсюда следует, что региональная политика ФРГ основывается на поддержке субъектов федерации в совокупности с мерами содействия бизнесу, которые заключаются в предоставлении производственных площадей, формировании центров коммерческих технологий, помощи в развитии локальной инфраструктуры и прочих мерах, направленных на улучшение местной бизнес-среды. Таким образом, в ФРГ сформировалась региональная политика «среднего пути», суть которой состоит в сочетании обновляемой традиционной экономики с инновационным развитием.

В Италии региональная неоднородность имеет исторические корни, и, несмотря на многолетние усилия государства, сохраняется существенная, по европейским меркам, диспропорция в уровне социально-экономического развития территорий. Депрессивным регионом Италии является аграрный Юг, на территории которого проживает 40 % населения страны с производством более 25 % общего объема ВВП [Travaglini 2012, 5]. Среди основных причин отставания южных регионов от северных называют: слабое участие населения в экономической деятельности, низкую производительность труда, высокий уровень коррупции и др. Совокупность данных факторов оказывает значительное влияние на низкий уровень инвестиционной привлекательности региона.

Основными инструментами государственной поддержки регионального развития в Италии являются:

1. Инвестиционные дотации.
2. Налоговые субсидии.
3. Гарантийный фонд развития среднего и малого бизнеса Юга Италии.
4. Налоговые субсидии предприятиям сферы социального обеспечения Юга Италии – освобождение от налогов по социальному обеспечению новых работников сроком на один год.
5. Фонд поддержки молодых предпринимателей в проблемных зонах.

Несмотря на многолетнее распределение значительных субсидий на развитие Юга, масштабную помощь ЕС через структурные фонды, добиться экономической и социальной однородности в стране пока не удается. Региональная политика Италии сталкивается с множеством нерешенных проблем, среди которых — неэффективное распределение полномочий между центром и периферией, территориальное деление страны, несовершенный механизм финансирования регионов и др.

Государственная региональная политика Франции представляет собой комплекс законодательных, административных и экономических программ, проводимых как центральным правительством, так и местными органами власти в целях устранения диспропорций между уровнями жизни в различных регионах страны, связанных с демографической ситуацией, экономикой и занятостью [Гранберг 2000: 350].

Среди основных форм и методов стимулирования регионального развития можно выделить:

- Субсидию по обустройству территории — инвестиционный грант, предоставляемый предприятиям сферы услуг для создания рабочих мест.
- Содействие в децентрализации — смещение предприятий за пределы региона Иль-де-Франс в связи с перегруженностью Парижа. Механизм реализации состоит в предоставлении субсидии предприятиям за каждого переведенного для работы в район за пределами Иль-де-Франс работника.
- Налоговая помощь — полное освобождение от профессионального налога сроком на 5 лет.
- Плановые контракты «Государство–Регион» — с 1984 года по настоящее время в рамках данной системы было выделено более 3 млрд евро.

Помимо программ, связанных с предоставлением расширенных полномочий регионам, большинство из них ведет региональную политику по следующим направлениям:

– Повышение участия местного уровня в экономическом и социальном развитии региона при помощи финансирования территориальных проектов и заключения контрактов с местными партнерами.
– Региональное содействие в создании дополнительных рабочих мест путем предоставления государственной помощи.

Соединенному Королевству как основоположнику региональной политики, также не удалось избежать социально-экономических диспропорций между различными регионами. Отличительной чертой современной региональной политики в Великобритании является значительное сокращение полномочий муниципальных властей, в том числе при решении бюджетных вопросов на местном уровне, лишение независимости в отношении местных налогов, тенденции к 100 % финансированию центром местных бюджетов.

Региональная политика Великобритании является политикой стимулирования. Меры по созданию благоприятного бизнес-климата относятся не столько к региональной, сколько к общенациональной политике. В настоящее время региональная политика страны осуществляется в следующих направлениях:

1. Финансирование производства в депрессивных регионах (инвестиционные гарантии, налоговые льготы, субсидии за занятость).
2. Инвестирование производственной и социальной инфраструктуры.
3. «Негативный контроль» за промышленным строительством.

В скандинавских странах проблема неравномерного развития регионов не стоит так остро, ввиду чего региональная политика не носит столь активного характера. Особое внимание уделяется привлечению инвестиций во внутренние регионы. В данном случае региональная политика в большей степени является составной частью промышленной реструктуризации территорий.

Основными направлениями региональной политики стран Северной Европы являются поиск решений проблем удаленных северных районов и поддержка равномерного развития регионов в стране.

Исследование и обобщение опыта регионоведения стран-членов ЕС может содействовать совершенствованию региональной политики РФ и разработке механизмов ее реализации. Прямое копирование опыта высокоразвитых стран не даст ожидаемого положительного эффекта, однако, учитывая специфику некоторых российских регионов, разумно совмещать федеральное инвестирование региональных программ с механизмами социально-ориентированного рынка. При этом необходимо использовать гибкие методы в разработке государственных программ и реструктуризации региональной экономики, модернизации и техническом перевооружении существующих предприятий, созданию инновационных производств, развитии инфраструктуры, создании условий для повышения уровня жизни населения.

Источники

Поручение Президента РФ В. В. Путина № 144ГС от 27.12.2012 года.

Литература

Агентство стратегических инициатив [Электронный ресурс] // URL: http:// www.investstandart.ru (дата обращения: 22.10.2014 г.).

Гранберг А. Г. Основы региональной экономики: Учебник для вузов. М.: ГУ ВШЭ, 2000.

Гришина И. В., Голубкин И. В., Большакова М. Н. Новый методический подход к оценке инвестиционной активности в регионах Российской Федерации // Региональная экономика: теория и практика» № 19. 2013. С. 2–12.

Малахова Т. А., Пасканный В. И. Повышение эффективности управления инвестиционными проектами в региональном развитии//Региональная экономика: теория и практика». № 17. 2014. С. 42–48.

Самогородская М. И. Стратегическое управление инвестиционными процессами: монография / Воронеж: ГОУ ВПО «Воронеж. гос. технолог. ун-т», 2009. 251 с

Ruhr region [Электронный ресурс] // URL: http:// www.metropoleruhr.de (дата обращения: 22.10.2014 г.).

Travaglini Giuseppe. The Mezzogiorno in the Italian Economy over the Last Twenty Years. Firenze, 2012. P. 5.

Sources

[Instruction of the President of the Russian Federation V. V. Putin No. 144GS on 27.12.2012]. (In Russ.)

References

[Strategic Initiatives Agency]. An Internet resource: http:// www.investstandart.ru (accessed: 22 October, 2014). (In Russ.)

Granberg A. G. [Principles of Regional Economics]. Moscow: Higher School of Economics, 2000. (In Russ.)

Grishina I. V., Golubkin I. V., Bolshakova M. N. [New Methodological Approach to the Evaluation of Investment Activity in the Regions of the Russian Federation]. *Regional Economics: Theory and Practice.* 2013. No. 19. Pp. 2–12. (In Russ.)

Malakhova T. A., Paskanny V. I. [Increasing the Efficiency of Management of Investment Projects in Regional Development]. *Regional Economics: Theory and Practice.* 2014. No.17. Pp. 42–48. (In Russ.)

Ruhr Region. An Internet resource: http://www.metropoleruhr.de (accessed: 22 October, 2014). (In Germ.)

Samogorodskaya M. I. [Strategic Management of Investment Processes]. Voronezh: Voronezh State Technolog. Institute, 2009. 251 p. (In Russ.)

Travaglini Giuseppe. The Mezzogiorno in the Italian Economy over the Last Twenty Years. Firenze, 2012. P. 5. (In Eng.)

ББК: У28(2Рос.Калм)
УДК: 330.15:338.22(470.47)

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РЕАЛИЗАЦИИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ (НА МАТЕРИАЛАХ РЕСПУБЛИКИ КАЛМЫКИЯ)

Problems and Prospects of Implementation of Regional Policy in the Sphere of Environmental Security (the Case Study of the Republic of Kalmykia)

Э. И. Мантаева (E. Mantaeva)[1], И. В. Слободчикова (I. Slobodchikova)[2], С. Н. Андреева (S. Andreeva)[3]

[1]доктор экономических наук, профессор, зав. кафедрой государственного и муниципального управления и права, проректор по экономике и инновациям Калмыцкого государственного университета (Ph.D.of Economics, Professor, Head of the Department of State and Municipal Management and Law, Vice-Rector for Economy and Innovation at Kalmyk State University). E-mail: mantaeva_ei@kalmsu.ru.

[2] кандидат экономических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления и права Калмыцкого государственного университета (Ph. D. of Economics, Associate Professor of the Department of State and Municipal Management and Law at Kalmyk State University). E-mail: slobodchikova-iv@yandex.ru.

[3] аспирант кафедры государственного и муниципального управления и права Калмыцкого государственного университета (Post-graduate Student of the Department of State and Municipal Management and Law at Kalmyk State University). E-mail: andreeva-sn@mail.ru.

Развитие основ формирования и реализации региональной политики в области обеспечения экологической безопасности является важной составляющей достижения устойчивого социально-экономического развития страны и ее регионов. В статье рассматриваются теоретические подходы и практические рекомендации по совершенствованию региональной политики в сфере обеспечения экологической безопасности, исследуются особенности государственной политики в этой сфере и дается анализ существующих угроз экологической безопасности региона.

Ключевые слова: рациональное природопользование, региональная экономика, экологическая политика, экологическая безопасность.

Modern paradigm of development of the country and its regions, consisting in the combination of environmental and economic policies, today gets the greatest urgency and importance. This is due to the fact that environmental policy covering system of measures aimed at rational use of natural resources, their protection and restoration is increasingly implemented in the economic strategy of the developed countries of the world economy. Development of methodological bases of formation and implementation of regional policy in the field of environmental security is an essential condition for achieving sustainable socio-economic development of the country and its regions. The purpose of this article is the theoretical approaches and practical recommendations for the improvement of regional policies in the field of environmental security. To achieve this goal it is necessary to solve a number of problems, which include the investigation of the features of the state policy in the sphere of environmental security and analysis of existing threats to environmental security in the region.

People's activity influences environment. The expansion and deepening of processes of interaction between human society and nature leads to disruption of ecological balance, an aggravation of contradictions between nature and society, the appearance of socially-environmental problems. In this connection, requirements of complex economic development of regions put in the forefront the problem of an optimum combination of the accelerated growth of productive forces and harmonious development of environment. Each region is characterized by its own research and solution of problems of rational wildlife management which is connected with prevalence of this or that kind of resources, their use, level of economic and technological development. Underestimation of issues of preservation of ecological equilibrium while locating enterprises can result in the subsequent sharp increase of expenses environment actions. These issues should be taken into account in the process of definition the ways of rationalization of resources consumption at regional level.

Keywords: rational environmental management, regional economy, environmental policy, environmental safety.

В современных условиях наибольшую актуальность и значимость получает модель развития страны и ее регионов, основанная на сочетании экологической и экономической политики. Это связано с тем, что экологическая политика, охватывающая систему мер, направленных на рациональное использование природных ресурсов, их охрану и восстановление, все более активно реализуется в экономической стратегии развитых стран. Следует отметить, что развитие основ формирования и реализации региональной политики в области обеспечения экологической безопасности является важной составляющей достижения устойчивого социально-экономического развития страны и ее регионов, а наряду с общегосударственными проблемами ресурсосбережения большое значение имеет и региональный аспект исследования данной проблемы [Матвеева 2010: 43].

Подчеркнем, что вопросы управления экологической безопасностью страны и ее регионов находятся в центре внимания ученых. Этим проблемам посвящены труды российских исследователей Алиева З. Т. [Алиев 2012], Кулдашева А. Т. [Кулдашев 2013], Матвеевой Е В. [Матвеева 2010], Бринчук М. М. [Бринчук 2008], Бобылева С. Н., Захарова В. М. [Бобылев, Захаров 2007], Куценко В. В. [Куценко и др. 2013], составившие теоретическую и методологическую базу данной работы.

Особенности обеспечения экологической безопасности в субъектах РФ напрямую зависят от основных угроз региональной экологической безопасности. Так, к числу важнейших проблем Республики Калмыкия в сфере охраны окружающей среды относятся проблемы водоснабжения, опустынивания, загрязнения атмосферного воздуха, обращения с отходами производства и потребления, охраны объектов животного мира и среды их обитания, сохранения охотничьих ресурсов, защиты лесного фонда.

На сегодняшний день в республике экологическая обстановка характеризуется как нестабильная, требующая особенного внимания органов власти. По данным Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Калмыкия, фактическая масса выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух на территории Республики Калмыкия в 2013 г. составила 46,389 тыс. т, в том числе от стационарных источников — 3,856 тыс. т (8,3 %), автотранспорта — 42,533 тыс. т (91,7 %) [Доклад об экологической ситуации в РК 2013].

Не менее важной экологической проблемой в последние годы является проблема размещения и захоронения отходов производства и потребления на территории республики. По данным министерства природных ресурсов и охраны окружающей среды Республики Калмыкия, в 2013 г. образовалось 85,429 тыс. т учтенных отходов производства и потребления, размещенных на несанкционированных свалках республики (табл. 1).

Таблица 1.

Сведения об образовании, использовании и обезвреживании отходов производства и потребления в 2013 году [Доклад об экологической ситуации в РК, 2013]

Показатели	Ед.изм.	2011	2012	2013
Объем образованных отходов производства и потребления	тыс. т.	209,0	321, 0	85,429
Количество использованных и обезвреженных отходов	тыс. т.	-	273,0	2,094
Количество захороненных отходов	тыс. т.	-	47,0	83,096
Количество переданных на хранение отходов	тыс. т.	-	0,2	0,239

При этом количество отходов, которые накапливаются на несанкционированных свалках, не подлежит учету. Основными источниками отходов производства и потребления являются предприятия газо-нефтедобычи, пищевого и перерабатывающего комплексов, промышленного и автодорожного строительства, жилищно-коммуналь-

ного хозяйства. Отсутствие достаточного количества объектов захоронения отходов, организованной муниципальной системы сбора, переработки, обезвреживания и захоронения отходов препятствует вовлечению данных отходов в переработку. Для решения существующих проблем разработана и утверждена Республиканская целевая программа «Комплексная система управления отходами и вторичными материальными ресурсами Республики Калмыкия на 2013–2020 годы», объем финансирования которой составляет 2310,8 млн руб. [О состоянии водоснабжения в Республике Калмыкия].

Следует отметить, что экстенсивная хозяйственная деятельность в агропромышленном комплексе, неконтролируемое наращивание поголовья скота приводят к ухудшению качества сельскохозяйственных земель и их опустыниванию на значительных площадях. В результате опустынивания, вторичного засоления и подтопления происходят процессы деградации земель, сокращения видового разнообразия флоры и фауны. Наиболее подвержена процессам опустынивания восточная зона республики, которую отличают весьма жесткие природно-климатические условия. По данным исследований, в настоящее время процессами опустынивания в той или иной степени охвачено 83 % территории Республики Калмыкия. В рамках реализации Генеральной схемы по борьбе с опустыниванием были остановлены движущиеся пески на площади 350 тыс. га [Доклад об экологической ситуации в РК].

Наиболее острой в республике остается проблема питьевой воды. Территория республики относится к самым маловодообеспеченным регионам, в связи с чем вопрос доброкачественного водоснабжения является жизненно важным. Этот факт подтверждается следующими данными: ежегодная потребность в воде составляет около 800 млн м^3, из них лишь 50 млн м^3 поступает из собственных водоисточников; среднее водопотребление на одного сельского жителя составляет 42 л/сут. при гигиенической нормативной потребности 125–160 л/сут., в отдельных же районах лишь 7,5–10 л/сут [О состоянии водоснабжения в Республике Калмыкия 2012]. Кроме этого, потребляемая населением питьевая вода по своему химическому составу не отвечает санитарным требованиям. Остается низкой доля населения, обеспеченного доброкачественной питьевой водой в сельских населенных пунктах, в городских поселениях население питьевой водой не обеспечено (табл. 2).

Таблица 2.

Сведения об обеспеченности населенных пунктов и проживающего в них населения питьевой водой [О состоянии водоснабжения в Республике Калмыкия]

№ п/п	Наименование показателя	Годы		
		2011	2012	2013
1	2	3	4	5
1	Доля населения, обеспеченного доброкачественной питьевой водой в городских поселениях	0	0	0
2	Доля населения, обеспеченного доброкачественной питьевой водой в сельских поселениях	9	16,1	13,4
5	Доля населения, обеспеченного доброкачественной привозной питьевой водой в городских поселениях	0	0	0
6	Доля населения, обеспеченного доброкачественной привозной питьевой водой в сельских поселениях	0	8	9

Следует обратить внимание еще на одну проблему: в последние годы учеными отмечено значительное сокращение численности популяции сайгака Северо-Западного Прикаспия, обитающей на территории Республики Калмыкия, что обусловлено такими факторами, как засуха, неблагоприятные зимы, степные пожары, браконьерство, увеличение численности волков. По экспертным оценкам, за последнее время произошло значительное уменьшение численности популяции сайгака, обитающей на территории Республики Калмыкия, — с 270 тыс. особей в 1997 г. до 14–16 тыс. особей в 2000-х годах. В 2012 г. насчитывалось около 8 тыс. особей.

При том, что органами власти республики реализуются мероприятия, направ-

ленные на сохранение экологического равновесия, затраты на охрану окружающей среды в 2013 г. составили 63793,8 тыс. рублей. Безусловно, этого недостаточно, и обеспечение региональной экологической безопасности должно стать приоритетом региональной экономической политики, основываться на взаимодействии органов власти всех уровней, бизнес-сообщества и общества в целом.

Важным является тот факт, что участие государства в природоохранной деятельности дает возможность решать часть проблем в области сохранения и эффективного использования природного потенциала регионов. Это вызывает необходимость активизации предпринимательского сектора на основе механизма государственно-частного партнерства в реализации общественно значимых природоохранных программ и проектов. Особое внимание следует обратить на то, что на современном этапе задачи рационального использования природных ресурсов должны решаться на научной основе с использованием новейших методов хозяйствования и современных технических возможностей, существующих научных разработок по рациональному использованию природных ресурсов, которые уже внедрены или могут стать таковыми [Мантаева и др. 2012: 48].

Таким образом, следует отметить, что обеспеченность региона ресурсами, уровень экономического и технологического развития обусловливают особенности изучения и решения проблем рационального природопользования и обеспечения экологической безопасности. При этом можно выделить первоочередные мероприятия по совершенствованию государственной экологической политики республики: изучение вопросов природопользования при активном участии научных учреждений; анализ деятельности органов государственной власти в экологической сфере, использование положительного опыта, устранение недостатков; межрегиональное взаимодействие; развитие института государственно-частного партнерства в целях реализации проектов, направленных на поддержание естественного природного равновесия; активизация взаимодействия органов власти всех уровней в процессе формирования и реализации региональной, государственной, международной и общественной политики охраны окружающей среды.

В связи с этим охрана окружающей среды и природопользование должны стать сферой серьезной совместной работы государства, общества и бизнеса по обеспечению устойчивого развития региона на долгосрочной основе. Для решения этой задачи целесообразно создание системы активного общественного участия. Основными элементами данной системы могут стать контроль, экспертиза, общественное обсуждение, информирование и просвещение. В этой связи работа системы должна основываться на проведении общественных слушаний, создании общественных информационных центров, просветительских, методических и экспертных центров. Кроме этого, важным аспектом формирования системы общественного участия в сфере экологии является обеспечение тесной взаимосвязи органов государственной власти и местного самоуправления, общественности с представителями бизнес-структур.

Источники

Доклад об экологической ситуации в Республике Калмыкия в 2013 г. // Официальный сайт Министерства природных ресурсов и охраны окружающей среды Республики Калмыкия [электронный ресурс]. URL: http://www.kalmpriroda.ru/docladi.html/

О состоянии водоснабжения в Республике Калмыкия // Официальный сайт Управления федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека по Республике Калмыкия [электронный ресурс]. URL: http://08.rospotrebnadzor.ru/rss_all/-/asset_publisher/Kq6J/content/

Литература

Алиев З. Т. Влияние экологических аспектов на политику социально-экономического развития государств // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. 2012. № 7. С. 226–232.

Бобылев С. Н., Захаров В. М. Региональная экологическая политика (основные направления). Центр экологической политики России. М., 2007. 42 с.

Бринчук М. М. Обеспечение экологической безопасности как правовая категория // Государство и право. 2008. № 9. С. 30–42.

Кулдашев А. Т. Теоретическо-методологические задачи управления глобальной экологиче-

ской политикой // Вопросы гуманитарных наук. 2013. № 3. С. 60–62.

Куценко В. В., Цховребов Э. С., Сидоренко С. Н., Церенова М. П., Киричук А. А. Проблемы обеспечения экологической безопасности региона // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экология и безопасность жизнедеятельности. 2013. № 2. С. 75–82.

Мантаева Э. И., Слободчикова И. В., Андреева С. Н. Экологическая составляющая социально-экономического развития региона // Вестник Самарского государственного экономического университета. 2012. № 1(87). С. 47–50.

Матвеева Е. В. Актуальные экологические проблемы в политике современных государств // Вестник Поволжской академии государственной службы. 2010. № 4. С. 40–47.

Sources

[Concerning the State of Water Supply in the Republic of Kalmykia]. In: [The Official Website of the Federal Service for Supervision of Consumer Rights Protection and Human Welfare Administration for the Republic of Kalmykia]. An Internet resource: http://08.rospotrebnadzor.ru/rss_all/-/asset_publisher/Kq6J/content/. (In Russ.)

[The Report on the Ecological Situation in the Republic of Kalmykia in 2013]. In: [The Official Website of the Ministry of Natural Resources and Environmental Protection of the Republic of Kalmykia]. An Internet resource: http://www.kalmpriroda.ru/docladi.html/ (In Russ.)

References

Aliyev Z. T. [Influence of the Ecological Aspects on the Policy of Social and Economic Development of the States]. *Bulletin of the Russian State University for Humanities.* 2012. No. 7. Pp. 226–232. (In Russ.)

Bobylev S. N., Zakharov V. M. [Regional Ecological Policy (Main Directions)]. Center of Ecological Policy of Russia. Moscow, 2007. 42 p. (In Russ.)

Brinchuk M. M. [Environmental Safety Provision as a Legal Category]. *State and Law*. 2008. No. 9. Pp. 30–42. (In Russ.)

Kuldashev A. T. [Theoretical-methodological Problems of the Global Ecological Policy Management]. *Issues of Humanities.* 2013. No. 3. Pp. 60–62. (In Russ.)

Kutsenko V. V., Tskhovrebov E. S., Sidorenko, S. N., Tserenova, M. P., Kirichuk A. A. [Problems of the Regional Ecological Safety Provision]. *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia.* Ser.: Ecology and Life Safety. 2013. No. 2. Pp. 75–82. (In Russ.)

Mantaeva E. I., Slobodchikova I. V., Andreeva S. N. [Ecological Component of the Regional Social and Economic Development]. *Bulletin of Samara State University of Economics.* 2012. No. 1(87). Pp. 47–50. (In Russ.)

Matveeva E. V. [Actual Ecological Problems in Politics of the Modern States]. *Bulletin of Volga Region Academy of Public Administration*. 2010. No. 4. Pp. 40–47. (In Russ.)

УДК 332.145
ББК 65.04я

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ТИПОЛОГИЧЕСКОГО РАНЖИРОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ СИСТЕМ В КОНТЕКСТЕ ИННОВАЦИННОГО РАЗВИТИЯ

Institutional Features of Typological Ranking of Regional Systems in the Context of Innovative Development

Н. Г. Юшкова **(***N. Yushkova)*[1]

[1]кандидат архитектурных наук, доцент кафедры экономической теории, истории и права Волгоградского государственного архитектурно-строительного университета (Ph.D. of Architecture, Associate Professor of the Economic Theory, History and Law Department at Volgograd State University of Architecture and Civil Engineering). E-mail: ymanul@gmail.com.

В работе представлены результаты выявления эволюционных закономерностей типологизации региональных систем, обусловленные современными императивами инновационного развития, формализованными в комплексе концептуальных и институциональных ограничений. Установление зависимости типов региональных систем от требований региональной политики позволяет интенсифицировать трансформационные процессы в экономике. Обоснован переход к междисциплинарному подходу к типологическому ранжированию регионов, направленных на совершенствование методологии регионального планирования.

Ключевые слова*:* регион, типология, инновационное развитие, пространственные факторы, междисциплинарный подход, планирование.

Purpose: Since the regional management only uses known typology in practice, the whole range of possibilities offered by an innovative economy is not used and regional systems are having problems integrating into the global economy. These reasons are holding back the transformative processes in the regional economy. Regional Systems of Russia are characterized by high variability, but this fact is also underestimated. Modern imperatives of social development and regional identity dictate the need for new kinds of typological descriptions of the regions.

Methods: The author examined the evidence of whether transitioning to new forms of typological ranking of regions was well founded, which would take into account the previous positive experience in identifying these types of regions and would be relevant towards the content of modern challenges of regional development, the formation of subordinate objectives of an innovation economy. A comparative analysis of the typologies allowed us to determine their dominant signs and obstacles as to their further use. The analysis was carried out in parallel with the typologies of evolutionary changes in socio-economic development of the regions, which showed that the typological ranking should have adaptive characteristics.

Results: The emergence of new ways to describe the typological characteristics of the regions is defined by the change of regional policy and the difference between the concepts of development. Changing concepts of regional development and the dominant factors of polarization requires that the factors take into account the typology of an innovation economy. The objectives of an innovative economic development are not commensurate with the regional asymmetry which is both limiting and enabling conditions for further developing the regions.

As one of the possible methods, a multi-level system of regional management can be suggested. This should take into account the current types of typological rankings of the regions.

Discussion: The prospects for studying the problem of improving the methodology of regional management are associated with an interdisciplinary approach to its planning, that develops synthetic principles of socio-economic and spatial components.

The prospects of research are associated with developing the principles of the synthesis of socio-economic and spatial components of the regional development planning.

Keywords: region, typology, innovative development, spatial factors, interdisciplinary approach, planning.

В разработке и внедрении принципов и механизмов инновационного развития регионам сегодня отводится особая роль. Региональный разрез этой проблемы и пути ее решения мерами государственной региональной политики в общем виде представлены и в основных концептуальных документах последнего десятилетия. Сегодня в национальной экономике регионы приобретают новое значение, становятся все более самостоятельными хозяйствующими субъектами, имеют возможность вхождения на мировые рынки, повышая конкурентоспособность. Новые тенденции связаны с особенностями типологического ранжирования регионов, напрямую зависящего от приоритетов региональной политики. Их изменение позволяет выявлять новые аспекты исследования этой проблемы.

Один из самых первых примеров типологического описания феномена «регион» в нашей стране относится к началу становления основ отечественной школы регионалистики, основоположником которой по праву считается академик Н. Н. Некрасов. В его трудах регион понимается как крупная территория с однородными природными условиями и характерной направленностью развития производительных сил, выявляемой посредством сочетания комплекса природных ресурсов с соответствующей сложившейся и перспективной материально-технической базой, производственной и социальной инфраструктурой. В качестве основного критерия выделения регионов рассматривается их социально-экономическая и территориальная адаптация к общим для всех хозяйственных систем задачам государственного управления. Предложенный Н. Н. Некрасовым двухуровневый принцип построения региона позволял выявить два типа региона — союзные (автономные) республики и экономические районы. Этот принцип, поддержанный Конституцией СССР, позволяет различать регионы по национальному признаку и статусу органов управления с выделением. Так было положено начало *административному подходу* к построению типологии регионов. В работах, выполненных под руководством А. В. Кочеткова во второй половине 1970 — середине 1980-х гг., этот подход получил развитие. Он наиболее полно раскрывал содержание изменений в проводимой на государственном уровне региональной политике формирования единого народнохозяйственного комплекса страны в совокупности с его структурными единицами, определяемыми отдельными идентичными экономическими и территориально-пространственными компонентами [Основы управления 1983]. Подобные разработки послужили впоследствии основанием для перехода к описанию функционирования социально-экономического пространства через его региональную организацию, для определения нового объекта региональных исследований и развития методологии народнохозяйственного планирования. Она строилась на зависимостях географической принадлежности производственно-технологических площадок в рамках региональных систем от степени сбалансированности экономики и ее динамичного роста.

Границы таких территориальных образований (комплексов) в большинстве случаев определялись интенсивностью социально-экономических связей процессов, локализуемых в строго определенных населенных местах или в их элементах, а способность этих комплексов функционировать обеспечивалась установленными способами взаимосвязей производства и населения. Подобную покомпонентную организацию единого народнохозяйственного комплекса можно было себе представить только в условиях планомерного и централизованно управляемого размещения производительных сил. А эти возможности предоставляла социально-экономическая система Советского Союза, в котором до конца 1980-х гг. проводилась государственная политика выравнивания развития экономических районов (республик), неотъемлемая от наращивания административного ресурса системы государственного управления и промышленного потенциала страны в целом, что позволяло осуществить плановое размещение на территории производственных мощностей и производительных сил. В зависимости от постановки политических задач определялась специфика их пространственных проекций, в том числе и способы распределения населения по территории, формы его концентрации и рассредоточения, характер интенсивности миграционных программ, устанавливались инвестиционные приоритеты и сроки проектного освоения отдельных территорий. Именно таким образом формировался уникальный «рисунок» освоения территорий, расположенных в разных частях страны в разные годы: подъ-

ем отсталых окраин Закавказья и Средней Азии в 1920–1930-е гг.; создание новой металлургической базы и заводов-дублеров в максимально удаленных от вероятностного противника районах на Урале и в Сибири в 1930-е и начале 1940-х гг.; ускоренное развитие восточных районов в 1950–1970-е гг; формирование крупных территориально-производственных комплексов повсеместно на территории страны (1960–1980-е гг.) [Юшкова 2014 а].

Реализация таких грандиозных мероприятий регионального развития, подчиненных заданности основополагающих задач государственной политики, была бы невозможна без синхронизации социально-экономических и пространственных приоритетов. Благодаря установлению взаимозависимости этих приоритетов открылись новые возможности регионального управления, признание которых позволило сформировать модель преемственных управленческих решений, охватывающую все иерархические уровни пространственной организации социально-экономической системы: страны в целом, образующих ее частей районного масштаба и отдельных локальных фрагментов.

В практике регионального управления данная модель раскрывалась в построении уровневой системы плановых решений, различие и специфика которых складывались из постановки задач развития регионов как в социально-экономическом, так и пространственном аспектах. Основной смысл модели сводится к переходу от высшего уровня организации региональных систем, на котором определяются основные пути экономического развития районов и размещения объектов региональной экономики с учетом потребностей всего народнохозяйственного комплекса страны, к низшему уровню, с локальными регулятивными мероприятиями. А этот переход должен происходить комплексно, последовательно и с постепенной детализацией принципиальных положений, вплоть до установления достаточно жесткого перечня практических действий, как бы сейчас сказали, «дорожной картой планирования» [Донцов, Юшкова 2007; Юшкова 2014, 2014 а].

Сущность государственной политики выравнивания уровней социально-экономического развития регионов заключается в приведении их функционирования к определенным показателям, не допускающим снижения минимально приемлемого уровня экономического развития, а ее проведение возможно до того момента, пока существуют необходимые для ее реализации ресурсы. Дополнительным фактором, ускоряющим переход к формированию новой региональной политики, становится закономерная дифференциация тенденций развития регионов: проявление в одних иждивенческих настроений и снижение мотивации к инициированию социально-экономических процессов в других, что приводит к их дальнейшему расслоению. Невозможность осуществлять государственное управление региональным развитием с использованием административных и институциональных механизмов, свойственных политике выравнивания, принято принимать за сигнал, свидетельствующий о снижении ее эффективности, необходимости пересмотра ее принципов [Лексин, Швецов 2003].

Административный подход и впоследствии активно использовался в региональной экономике, позволяя рассматривать регион как совокупность административно-территориальных единиц (городов, сельских районов и др. территориальных образований) или как самостоятельную административную единицу. В новых формах, соответствующих новым экономическим условиям, он был проявлен в законодательных документах середины 1990-х гг., когда под регионом стала пониматься часть территории Российской Федерации, обладающая общностью природных, социально-экономических, национально-культурных и иных условий, совпадающая с границами территории субъекта Российской Федерации либо объединяющая территории нескольких субъектов Российской Федерации [Указ 1996]. С изменением основ конституционного строя, зафиксированных в Конституции РФ 1993 г., после провозглашения суверенитета России все территориально-административные единицы приобрели статус субъектов Федерации, что и стало причиной смешивания понятий «регион» и «субъекты Российской Федерации», различающиеся как области, республики, края, автономные области и округа. В целях реализации Президентского Указа [Указ 2000] процесс реформирования территориально-политического устройства страны продолжился, были образованы федеральные округа, предопределяя совершенствование принципов управления территориальными образованиями России.

По мере того как трансформировалась социально-экономическая система, она вызывала одновременно с этим и пространственные динамические изменения. Одним из ведущих признаков, сопровождающих этот переход, становится так называемая «новая регионализация России», в ходе которой появляются новые регионы как культурные и социально-экономические образования, выстраиваемые на основе общей социальной и хозяйственной жизни поверх старых административных границ [Концепция Стратегии]. Данные процессы, не свойственные существовавшей до этого времени социально-экономической системе, привели к возникновению целого комплекса новых экономических, социальных и политико-правовых проблем, непосредственно отразившихся на устойчивости социально-экономической ситуации в отдельных российских территориях и в целом всей региональной организации страны [Дорджиева 2013]. Для обоснования способов их решения и определения перспективных направлений требовалось формирование новых принципов государственной политики регионального развития — так называемой политики поляризованного развития регионов.

Эта потребность вызвала к жизни разработку типов регионов, определяемых на основе классификации в соответствии с иерархией проблем их социально-экономического развития. *Проблемный подход* присутствует и в отечественной практике, и в международном опыте управления процессами регионального развития переходного периода. Однако в отечественном опыте особенности его воплощения обусловлены спецификой перестроечных процессов в экономике страны, что стало стимулом к появлению в эти годы научных работ, исследующих эти тенденции региональной экономики. Так, в работе [Селиверстов, Бандман, Гузнер 1996] за основу для типологизации регионов приняты экономические, геополитические, этнические и экологические проблемы. Как результат исследования были определены основные типы регионов, соответствующие группам проблем, разветвляющимся по периферийным проблемным направлениям.

Проблемный подход в это время получает развитие в работах разных авторов. Он затрагивает и такую сторону вопроса, как выявление проблемных ареалов (отсталых, приграничных, депрессивных регионов), характеризующихся различными кризисными явлениями, возникающими в результате воздействия природных и техногенных катастроф, масштабных общественно-политических конфликтов, экстремальных спадов производства и уровня жизни, приводящих к характерным экономическим и пространственным трансформациям.

Согласно исследованиям под руководством академика А. Г. Гранберга [Стратегия и проблемы 2002], выделились следующие типологические группы регионов, подпадающие под описание проблемного подхода:

– отсталые (слаборазвитые) регионы, объединяющие субъекты РФ, экономический потенциал которых ниже среднероссийских показателей, хозяйственная деятельность малоинтенсивна, структура промышленности малодиверсифицирована, а инженерная, транспортная и социальная инфраструктура слабо развиты;

– депрессивные регионы, характеризующиеся устойчивым и глубоким спадом экономической активности и резким снижением уровня жизни населения;

– приграничные регионы, испытывающие существенное влияние государственной границы и играющие важную роль в обеспечении безопасности и международного сотрудничества.

Выявление трех категорий проблемных регионов на территории РФ послужило основанием для принятия соответствующих решений, учитываемых при разработке планов развития Российской Федерации, которые варьировались в зависимости от специфики региональной экономики конкретных территорий. Существуют и общие, свойственные всем региональным системам этого времени условия реализации перспективных экономических и пространственных преобразований:

– ограниченная государственная поддержка, стимулирование регионального саморазвития на основе использования существующего потенциала территории и конкретных преимуществ (для слаборазвитых регионов);

– стимулирование условий, инвенсифицирующих развитие территории путем осуществления диверсификации, конверсии, модернизации производства, развитие инновационных видов деятельности и предпринимательства, поиск новых рынков сбыта (для депрессивных регионов);

– дифференцированное (ускоренное и стабилизационное) развитие территорий приграничных районов, участие в реализации крупных межгосударственных территориальных проектов (например, освоение нефтегазовых ресурсов Каспийского моря, развитие региона Баренцева моря), формирование транспортных коридоров, способствующих интенсификации комплексного экономического развития региона, включая освоение природных ресурсов и функционирование транспортных связей.

Современные направления совершенствования методологии исследования региональных систем и выявления новых типов зависят от того, как развивались принципы современной региональной политики [Федеральный закон 2002]. Они обусловили разработку Концепции стратегии социально экономического развития регионов Российской Федерации и формирование на их основе усилиями Министерства регионального развития Российской Федерации типологии регионов (КССЭРР) [Концепция Стратегии]. Особенностью предложенного подхода к типологизации регионов являлось базовое использование *проблемного подхода* и его развитие. В типологии уточнялись изменившиеся задачи государственного управления в отношении перспектив развития регионов и планирования этих процессов. Кроме того, типология разрабатывалась уже на основе имеющегося отечественного опыта, когда понятия «регион», «региональная политика», «программы регионального развития», «территориальное развитие» прошли пионерный этап своего становления. Важным основанием разработки типологии регионов России стало понимание того, что постановка одинаковых целей развития для всех субъектов Российской Федерации некорректна, поскольку их уровень и возможности социально-экономического развития несоизмеримы. Как принцип типологического ранжирования выделяется сопоставимость региональной политики долгосрочного пространственного развития с потенциалом регионов.

Согласно предлагаемому принципу ранжирования, определены три основных типа регионов, включающих по два подтипа и особый внесистемный тип:

– регионы – локомотивы роста – территории с высоким уровнем развития;

– опорные регионы, в состав которых входят сырьевые и старопромышленные регионы;

– депрессивные регионы (фоновые и кризисные), для которых характерен значительный экономический спад в основных отраслях, снижающийся уровень жизни населения, а в некоторых — дефицит трудовых ресурсов;

– «особые регионы» (спецтерритории), отличающиеся низкой пространственной мобильностью населения, высоким уровнем безработицы, сложной политической ситуацией и экономической стагнацией.

Вместе с повышением результативности социально-экономических процессов в регионах региональная политика оставалась ключевым элементом государственной социально-экономической политики. Она требовала дальнейшего развития, на поиск и обоснование ее принципов направляются усилия ученых, законодателей и органов власти, уполномоченных в этих вопросах. В частности, актуализировалась проблема сочетания элементов существующей системы управления регионами и ее новых черт. Согласно новым принципам региональной политики, задачей государственного регулирования территориального развития является закономерное изменение структуры социально-экономического пространства регионов страны, являющегося следствием государственной политики поляризованного развития регионов. В данных концептуальных рамках выделяются ведущие признаки региональных систем: социальный, природный, экономический, инфраструктурный, национально-культурный потенциал.

Не меньшее значение придается оценке промышленного потенциала регионов, задающего их группирование по экономической специализации и определяющего современную типологию [Колесниченко 2009]:

– регионы с развитой добывающей промышленностью, имеющие большой экспортный потенциал, бюджетную самостоятельность, широкие внешнеэкономические связи;

– торгово-промышленные регионы, стратегически ориентированные на развитие внутренних и внешнеэкономических связей; здесь аккумулируется значительная часть капитала, отсюда начинают свою региональную «экспансию» банки и финансово-промышленные группы;

– регионы с развитой промышленностью, специфика которых заключается в преобладании в экономической структуре

отраслей тяжелой промышленности и машиностроения, подверженных влиянию межрегиональных взаимосвязей;

– аграрные и аграрно-промышленные регионы, опирающиеся на использование собственных ресурсов и обладающие низким потенциалом внешнеэкономической деятельности, что способствует возможности полностью обеспечивать себя продовольствием;

– регионы, не имеющие специализации, не обладающие значительным экономическим потенциалом, что требует развития инфраструктурного обеспечения экономической деятельности во взаимосвязанных с ними районах

Данная типология, несмотря на ее способность описывать и прогнозировать процессы регионального развития, оперирует традиционными секторами экономической активности субъектов региональной экономики, и это позволяет обнаружить в ней признаки *функционального подхода* к типологизации регионов. Однако она не учитывает современных модернизационных трендов, обусловленных требованиями формирования и реализации региональной политики инновационной направленности.

С учетом возможностей ее реализации следует отметить предложение типологии регионов посредством выявления их инновационного потенциала, дающее основания для определения конкретных направлений их развития [Чернышева, Родионов 2007]:

– регионы с высоким уровнем инновационного потенциала, разрабатывающие и реализующие инновационные идеи;

– регионы с развитым инновационным потенциалом, ориентированные на перспективы освоения современных инноваций;

– регионы со слаборазвитым инновационным потенциалом, обладающие ресурсной базой для внедрения новых технологий, но имеющие определенные ограничения для быстрого развития регионов;

– регионы, использующие, как правило, «устаревшие» технологии, потенциальная замена которых на инновационные формы в целях развития затруднена.

Новые подходы к управлению региональным развитием через снижение межрегиональной социально-экономической асимметрии (диспропорций регионального развития) получают все большее развитие [Указ 2009]. Корректируется и понятие регионального развития. Оно трактуется как система управленческих воздействий, обеспечивающих согласование изменяющихся региональных показателей, характеризующих социально-экономическое состояние регионов, уточняемое с учетом обязательности ее согласования с государственной региональной политикой (общегосударственных и региональных интересов) на основе прогрессивных механизмов управления. Как следствия систематизации существующих описаний типологических подходов в практике регионального управления, авторского анализа институциональных факторов и ограничений, формирующих рамки современной государственной региональной политики, следует признать, что методология выделения типов подчинена ее направленности. Региональная политика формируется преемственно к государственной политике, увязывая и координируя региональные и федеральные приоритеты, объединяя цели и задачи органов государственной власти, диктующие определенность способов их реализации, формализованные в нормативных и правовых актах, планах, программах и иных документах, обеспечивающих комплексное развитие регионов.

Несмотря на свою достаточную широту, такое определение не дает полноты описания этого сложного явления, чем объясняется многократность попыток современных ученых и специалистов, включая академические структуры, объяснить и детализировать его. В теоретических трудах регионалистов раскрываются различные грани проблемы формирования региональной политики как многоаспектного явления. Но, несмотря на все многообразие существующих подходов к ее исследованию, способы описания региональной политики до настоящего времени не учитывают всей полноты и разнообразия особенностей ее проявления, включая и контекст *пространственного подхода*. Не случайно при определении приоритетов региональной политики выделяется сглаживание резких территориальных диспропорций, требующее урегулирования развития отдельных региональных единиц посредством баланса методов централизации и децентрализации, обосновываются предпосылки к концептуальному переосмыслению региональной политики в части совершенствования методологических основ с учетом действия пространственных факторов [Лексин, Швецов 2003].

В этой связи уместным представляется обращение к основополагающим положениям СЕМАТ [Основополагающие принципы 2002], а также к Концепции устойчивого пространственного развития, разработанной для условий России [Концепция 1996], определившим пространственный вектор социально-экономических реформ в новых условиях. В них впервые были заявлены *пространственные аспекты*, подчеркнута их значимость, равноправие по отношению к социально-экономическим факторам, что позволило наметить направления научных исследований процессов устойчивого (сбалансированного) развития, подтверждаемых возрастающими потребностями мирового сообщества в условиях формирования общественных отношений нового типа, обеспечиваемого интенсивным экономическим ростом.

Новый этап совершенствования принципов планирования региональных систем определен новейшими концептуальными, стратегическими и программными документами федерального уровня [Концепция 2008; Основные направления 2008; Прогноз 2008], ориентирующими показатели социально-экономического развития на макрорегион как усовершенствованную пространственную форму организации социально-экономических процессов. Эти фундаментальные работы дополнили и обогатили принципиальные положения регионального развития, раскрывая его особенности в условиях полицентрической модели в отличие от утратившей актуальность модели равномерного развития, использовали ранние новации КССЭРР [Концепция Стратегии], наметившие контуры новой государственной политики формирования инновационной экономики. Как одна из ее важнейших составных частей рассматривается реализация инновационного сценария развития. «Этот сценарий понимается как возможность динамичного развития регионов, от других вариантов отличается внедрением инновационных источников роста и технологий во все без исключения сферы экономической активности хозяйствующих субъектов последовательным превышением долгосрочных целевых параметров над краткосрочными показателями» [Хулхачиева 2013], реализацию которого нельзя признать полноценной вне пространственного подхода.

Тем самым обозначаются тенденции, основанные на интеграционных взаимодействиях социально-экономических и пространственных ее компонентов в системе государственного управления в целом. Благодаря этому система долгосрочного планирования из разрозненных подсистем социально-экономического территориального планирования способна переродиться в системную, синтетическую, междисциплинарную деятельность, обеспечивающую планомерное и поступательное развитие объектов региональной экономики. Благодаря выявлению данной закономерности, имеющей институциональные основания, были предложены и внесены кардинальные изменения в содержание Концепции совершенствования региональной политики в Российской Федерации [Концепция 2010] и в практически параллельно с ней разрабатываемый федеральный закон [Федеральный закон 2009; Федеральный закон 2014]. Они демонстрируют очевидный прогресс в решении проблемы системного обеспечения процессов регионального развития в условиях инновационной экономики, с учетом действия пространственных факторов.

Все эти современные достижения отечественной экономической науки и практики послужили для автора данной работы основой формирования гипотезы совершенствования методологии долгосрочного регионального планирования, построенной на синхронизации социально-экономических и территориально-пространственных факторов развития региональных систем, обеспечивающей лучшую восприимчивость ими императивов инновационного развития. С этих позиций корректируются оценки происходящих в обществе изменений вследствие реализации отправных положений современной региональной политики, требующей от органов государственной власти обеспечивать сопоставимость социально-экономических и пространственных трансформаций в региональных системах.

Закономерным результатом реализации такого подхода представляется приобретение регионами в перспективе инновационных качеств развития и их адекватного отражения в пространственной конфигурации региональных систем, образующих новые территориальные образования [Юшкова 2013, 2014 а]. Соответственно, задавае-

мые подобным образом пространственные ориентиры развития регионов формируют единство принципов разработки региональных планов социально-экономического и территориального развития. Согласно идеям, выдвигаемым автором данной работы, единая система стратегического планирования предполагает общность целей и задач развития Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований. Таким образом обеспечивается ранжирование регионов на новой качественной основе, определяющей специфику территориального формирования и развития отдельных регионов с учетом изменяющихся условий, но при этом не отрицающей существующие характеристики региональных систем. Можно прогнозировать, что в исследовании сущности процессов регионального развития известные подходы — административный, экономико-географический, функциональный и проблемный — не утратят своей значимости для современных исследователей. Но наряду с ними полноправную роль приобретет и междисциплинарный подход как наиболее комплексный и оптимально сочетающий в себе преимущества социально-экономических и пространственных компонентов региональной системы.

Источники

Федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации» от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ [Электронный ресурс] // URL: http://www.rg.ru/2014/07/03/strategia-dok.html (дата обращения: 19.07.2014).

Федеральный закон «О государственном стратегическом планировании в Российской Федерации» (проект) [Электронный ресурс] // URL: http://www.kasparov.ru/note.php?id=4AEEEC233AEA5 (дата обращения: 19.02.2012).

Федеральный закон «Об основах государственного регулирования регионального развития в Российской Федерации» (проект) [Электронный ресурс] // URL: http://www.lawmix.ru/law_project/18957/ (дата обращения: 03.05.2010).

Указ Президента Российской Федерации «Об основах стратегического планирования в Российской Федерации» № 536 от 12 мая 2009 года [Электронный ресурс] // URL: http://www.sevizm.ru/ob_osnovah_strategicheskogo_planirovaniya_v_rf (дата обращения: 19.02.2012).

Указ Президента Российской Федерации «Об основных положениях региональной политики в Российской Федерации» от 3 июня 1996 г. № 803 // Российская газета. 1996. 11 июня. С. 4.

Указ Президента Российской Федерации «О полномочном представителе Президента Российской Федерации в федеральном округе» от 13 мая 2000 г. № 849 [Электронный ресурс] // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_166421/ (дата обращения: 21.08.2010).

Основные направления деятельности правительства Российской Федерации на период до 2012 года»: утв. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. № 1663-р. // [Электронный ресурс] URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_94902/ (дата обращения: 11.09.2010).

Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020_2030 годов (приложение к Концепции долгосрочного социально- экономического развития Российской Федерации) Министерство экономического развития Российской Федерации [Электронный ресурс] //URL: http://government.ru/m edia/files/41d457592e04b76338b7.pdf (дата обращения: 14.07.2009).

Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года : утв. распоряжением Правительства РФ от 17 нояб. 2008 г. № 1662-р) [Электронный ресурс] // URL: http://base.garant.ru/194365/ (дата обращения: 06.02.2009).

Концепция перехода Российской Федерации к устойчивому развитию: утв. указом Президента России № 440 от 01.04.1996 г. [Электронный ресурс] // URL: www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10590 (дата обращения: 19.02.2012).

Концепция совершенствования региональной политики в Российской Федерации / Министерство регионального развития Российской Федерации [Электронный ресурс] // URL: http://www.komfed.ru/section_42/475.htm (дата обращения: 17.04.2011).

Концепция Стратегии социально-экономического развития регионов Российской Федерации / Министерство регионального

развития Российской Федерации [электронный ресурс] // URL: http://www.gosbook.ru/node/48488 (дата обращения: 22.03.2011).

Литература

Донцов Д. Г. Юшкова Н. Г. Градостроительное регулирование рационального использования территории. Волгоград, 2007. 184 с.

Дорджиева О. Б. Устойчивое развитие сельских территорий как системная проблема // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2013. № 1. С. 119–122.

Колесниченко Е. А. Проблемы территориальной трансформации регионального пространства / Вестн. Тамб. ун-та. Сер. Гуманитарные науки. Вып. 2 (72). 2009. Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина. Тамбов, 2009. С. 395–401.

Лексин В. Н., Швецов А. Н. Государство и регионы. Теория и практика государственного регулирования территориального развития М.: Изд-во Эдиториал УРРС, 2003. 368 с.

Основополагающие принципы устойчивого пространственного развития Европейского континента / Доклад комитета руководителей Европейской Конференции Министров регионального планирования (СЕМАТ). 7–8 сентября 2000 г. М., 2002. 26 с.

Основы управления развитием городов и систем населенных мест в СССР и НРБ/ Совместные исследования по плану научно-технического сотрудничества между СССР и НРБ. М., 1983. 196 с.

Селиверстов В. Е., Бандман Н. К., Гузнер С. С. Методологические основы разработки федеральной программы помощи депрессивным и отсталым регионам / Регион: экономика и социология, 1996, № 1. С. 3–43.

Стратегия и проблемы устойчивого развития России в XXI веке / под. ред. А. Г. Гранберга, В. И. Данилова-Данильяна, М. М Циканова, Е. С. Шопхоева. М., 2002. 417 с.

Хулхачиева Э. П. О возможностях реализации кластерной политики в условиях перехода к инновационной экономике: зарубежный и отечественный опыт // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2013. № 4. С. 106–72.

Чернышева Л. А., Родионов Д. Г. Классификация регионов для целей политики сглаживания инвестиционной неоднородности // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета (Серия: экономические науки). 2007. № 4. С. 15–21.

Юшкова Н. Г. Пространственный подход в исследовании процессов функционирования и развития социально-экономических систем регионов // TERRA ECONOMICUS. 2013. № 4. Ч. 3. С. 192–198.

Юшкова Н. Г. Развитие градостроительных систем регионов и императивы государственного управления // Приволжский научный журнал. ННГАСУ. 2014. Вып. 1 (13). С. 134–138.

Юшкова Н. Г. Эволюция пространственной организации городских социально-экономических систем // Социология города. 2014а. № 1. С. 61–79.

Sources

[The Concept of Long-Term Socioeconomic Development of the Russian Federation for the Period up to 2020: Approved by Decree of the Government of the Russian Federation No. 1662-r on November 17, 2008)]. An Internet resource: http://base.garant.ru/194365/ (accessed: 6 February, 2009). (In Russ.)

[The Concept of Regional Policy Improvement in the Russian Federation. Ministry of Regional Development of the Russian Federation]. An Internet resource: http://www.komfed.ru/section_42/475.htm (accessed: 17 April, 2011). (In Russ.)

[The Concept of the Strategy of Socio-economic Development of the Regions of the Russian Federation. Ministry of Regional Development of the Russian Federation]. An Internet resource: http://www.gosbook.ru/node/48488 (accessed: 22 March, 2011). (In Russ.)

[The Concept of Transition of the Russian Federation to Sustainable Development: approved by the Decree of the President of Russia No. 440 on 01.04.1996]. An Internet resource: www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10590 (accessed: 19 February, 2012). (In Russ.)

[The Decree of the President of the Russian Federation "On Plenipotentiary Representative of the President of the Russian Federation in the Federal District" on 13 May, 2000. No. 849]. An Internet resource: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_166421/ (accessed: 21 August, 2010). (In Russ.)

[The Decree of the President of the Russian Federation "On the Basic Provisions of Regional Policy in the Russian Federation". No. 803 on 3 June, 1996]. *Rossiyskaya Gazeta*. 1996. June 11. P. 4. (In Russ.)

[The Decree of the President of the Russian Federation "On the basis of strategic planning in the Russian Federation". No. 536 on 12 May, 2009]. An Internet resource: http://www.sevizm.ru/ob_osnovah_strategicheskogo_planirovaniya_v_rf (accessed: 19 February, 2012). (In Russ.)

[The Federal Law "On State Strategic Planning in the Russian Federation". (project)]. An Internet resource: http://www.kasparov.ru/note.php?id=4AEEEC233AEA5 (accessed: 19 February, 2012). (In Russ.)

[The Federal Law "On Strategic Planning in the Russian Federation". June 28, 2014. No. 172-FZ.] An Internet resource: http://www.rg.ru/2014/07/03/strategia-dok.html (accessed: 19 July, 2014). (In Russ.)

[The Federal Law "On the Basics of State Regulation of Regional Development in the Russian Federation". (project)]. An Internet resource: http://www.lawmix.ru/law_project/18957/ (accessed: 3 May, 2010). (In Russ.)

[The Forecast of Socio-economic Development of the Russian Federation for the Period up to 2020 – 2030 (Annex to the Concept of Long-term Social and Economic Development of the Russian Federation) Ministry of Economic Development of the Russian Federation]. An Internet resource: http://government.ru/m edia/files/41d457592e04b76338b7.pdf (accessed: 14 July, 2009). (In Russ.)

[The Main Directions of Activity of the Government of the Russian Federation for the Period up to 2012: approved by Decree of the Government of the Russian Federation of November 17, 2008, No. 1663-r]. An Internet resource: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_94902/ (accessed: 11 September, 2010). (In Russ.)

References

[Basics of Urban Development Management and Human Settlements Systems in the USSR and PRB]. In: [Joint Research on a Plan for Scientific and Technical Cooperation between the USSR and PRB]. Moscow, 1983. 196 p. (In Russ.)

[Fundamental Principles of Sustainable Spatial Development of the European Continent]. Report of the Committee of the European Conference of Ministers of Regional Planning]. Proc. (Moscow; 7–8 September, 2000). Moscow, 2002. 26 p. (In Russ.)

[Strategy and Problems of Sustainable Development of Russia in the XXI Century]. A. G. Granberg, V. I. Danilov-Danilyan, M. M. Tsikanoa, E. S. Shopkhoev (ed.). Moscow, 2002. 417 p. (In Russ.)

Chernysheva L. A., Rodionov D. G. [Classification of the Regions for the Purpose of Policy Smoothing the Investment Heterogenity]. *Scientific and technical bulletin of Saint-Petersburg State Polytechnic University*. Ser.: Economic Sciences). 2007. No. 4. Pp. 15–21. (In Russ.)

Dontsov D. G., Yushkova N. G. [Urban Planning Regulation of Rational Use of the Territory]. Volgograd, 2007. 184 p. (In Russ.)

Dordzhieva O. B. [Sustainable Development of the Rural Territories as a System Problem]. *Bulletin of Kalmyk Institute of Humanitarian Research of the RAS*. 2013. No. 1. Pp. 119–122. (In Russ.)

Khulkhachieva E. P. [Concerning the Possibilities of Realization of the Cluster Policy in Conditions of Transition to the Innovation Economy: Foreign and Domestic Experience. *Bulletin of Kalmyk Institute of Humanitarian Research of the RAS*. 2013. No. 4. Pp. 106–72. (In Russ.)

Kolesnichenko E. A. [Problems of the Territorial Transformation of the Regional Space]. *Bulletin of the Kalmyk Institute of Humanitarian Research of the RAS*. Ser.: Humanities. Iss. 2 (72). 2009. Tambov: Tambov State University, 2009. Pp. 395–401. (In Russ.)

Leksin V. N., Shvetsov A. N. [State and Regions. Theory and Practice of State Regulation of Territorial Development]. Moscow: Editorial URRS, 2003. 368 p. (In Russ.)

Seliverstov V. E., Bandman N. K., Guzner S. S. [Methodological Bases of Development of the Federal Program of Assistance to Depressive and Underdeveloped Regions]. *Region: Economics and Sociology*. 1996. No. 1. Pp. 3–43. (In Russ.)

Yushkova N. G. [Development of the Town-planning Systems of Regions and Imperatives of the State Management]. *Privolzhsky Scientific Journal*. Nizhni Novgorod State Architecture and Construction University. 2014. Iss. 1 (13). Pp. 134–138. (In Russ.)

Yushkova N. G. [Evolution of the Spatial Organization of the Urban Social and Economic Systems]. *City Sociology*. 2014a. No. 1. Pp. 61–79. (In Russ.)

Yushkova N. G. [Spatial Approach in Investigation of the Processes of Functioning and Development of the Regional Socio-economic Systems]. *TERRA ECONOMICUS*. 2013. No. 4. Part 3. Pp. 192–198. (In Russ.)

УДК 340.153+340.12
ББК 67 (2Рос=Калм)

ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ПРАВОСУДИЯ В КАЛМЫКИИ В XIX в.*

The Administration of Justice in Kalmykia in the 19th century

Е. А. Команджаев (E. Komandzhaev)[1]

[1] кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права Калмыцкого государственного университета (Ph. D. of Law, Associate Professor of the Department of Theory of State and Law at Kalmyk State University). E-mail: tgp_kalmsu@mail.ru; E-mail:komandzhaev@mail.ru.

На основе архивных источников, данных из научной литературы и российских нормативно-правовых актов в статье изучается процесс развития суда Зарго и осуществления судопроизводства в Калмыкии в XIX в. В статье представлено постепенное вовлечение калмыцкого народа в сферу действия российского законодательства. С принятием Положений об Управлении калмыцким народом 1834 и 1847 гг. были установлены российские основы судопроизводства у калмыков с небольшим сохранением местных норм права. В XIX в. калмыки были интегрированы в общероссийскую систему правосудия.

Ключевые слова: калмыки, осуществление правосудия, суд Зарго, процессуальные нормы, судопроизводство.

This article based on literary sources and Russian regulatory acts researches the process of a Zargo court development and judicial proceedings in Kalmykia in the XIX century. The article shows the step by step integration of the Kalmyks into Russian legislation system.

In the XVII–XVIII centuries the highest judicial authority was represented by khan. Judicial authority was as well given to feudal aristocracy such as noyons and zaysangs. Zargo court, a Kalmyk court was an important judicial and administrative institute. Zargo was an advisory unit under Kalmyk khan and did administrative management and jurisdiction on the most important affairs. Judicial procedure in the XVII–XVIII centuries was based on mongol-oyrats' laws of the 1640s and additional decrees of Kalmyk khan Donduk-Dashi.

After the biggest part of the Kalmyk population left Russia, Russian government made arrangements in establishing management for the Kalmyks remained including the organization of the judicial procedure and functioning of the Zargo court. Rules for Kalmyk nation management dated by the year of 1825 determined that the Zargo court should deal with the civil cases up to 400 rubles, and ulus courts should deal with the cases up to 200 rubles. Criminal cases were considered by Russian authorities. After the Regulations of Kalmyk Nation Management of the years 1834 and 1847 were passed, Russian judicial fundamentals were established. According to the Regulation of the year 1834, the Zargo court became the Kalmyks' highest judicial authority. In Zargo court one could appeal against judgments and decisions of ulus courts. The decisions of the Zargo court could be appealed against only in Senate. Criminal cases verdicts were to be confirmed by Astrakhan military governor who sent them for an execution.

The Zargo court was disestablished after the issue of the Regulations of the year 1847. There remained only ulus Zargo courts where the civil cases up to 30 rubles and small crimes were considered. At the same time, civil cases of Kalmyks were considered according to Mongol-Oyrats' (Kalmyk) rules and habits. Criminal cases needed to be considered according to Russian laws. So here how it comes that Kalmyks were integrated into Russian judicial system in the XIX century.

Keywords: Kalmyks, the administration of justice, the Zargo court, rules of procedure, legal procedure.

[1] Статья подготовлена в рамках проекта госзадания Минобрнауки России «Кочевое общество и хозяйство калмыков в конце XVIII – начале XX века: проблема интеграции в общероссийскую систему» (КалмГУ, код проекта № 2641).

Имеющаяся научная литература, в основном дореволюционных исследователей, и законодательные источники (Монголо-ойратские законы 1640 г., законы калмыцкого хана Дондук-Даши) дают весьма скудные сведения о традиционном процессуальном праве калмыков и осуществлении правосудия в XVII–XVIII вв. Законодатель того времени не разделял гражданский и уголовный процесс, хотя большинство норм относится к уголовно-процессуальному праву. Более детально процессуальное право для калмыков получило развитие в российском законодательстве в конце XVIII–XIX вв.

В XVII–XVIII вв. носителями судебной власти были калмыцкие ханы, а также нойоны и зайсанги. Учитывая, что калмыцкое общество XVIII в. было феодальным, можно с уверенностью предположить, что высшую судебную инстанцию в Калмыцком ханстве представлял хан (наместник ханства). Упоминания многих авторов свидетельствуют о том, что хан утверждал решения суда Зарго по спорным или особо важным делам. Очевидно, что высшей судебной властью обладали нойоны-владельцы в собственных улусах. Подтверждением тому служат описания русских исследователей. Так, Ф. Бюлер пишет: «Произвол и самоуправство владельцев шли издавна и обратились в обычай … суд и расправу производили под влиянием обстоятельств, личных выгод, наказания налагали свирепые…» [Бюлер 1841: 89] После ликвидации ханства указом Екатерины II каждый владелец должен был управлять своими людьми и судить их по «древним калмыцким правилам и обыкновениям». Только спорные дела должен был разрешать астраханский губернатор.

Важным административно-судебным органом был калмыцкий суд Зарго. Его роль и значение в осуществлении судопроизводства изменялись, пока в XIX в. совсем не снизились.

Зарго занимал важное место в управлении Калмыцким ханством, являясь совещательным органом при хане. Кроме того, Зарго производил разбирательства по наиболее важным уголовным и гражданским делам [Бакунин 1995: 146] Н. В. Баснин писал: «Глава калмыцкого народа имел для управления калмыками совет, называвшийся Зарго и состоявший из восьми членов из подвластных ему зайсангов и духовных лиц. Зарго (по калмыцкому суд) имеет значение правительственного совета в том числе, что хан совещался со своими советниками (заргачами) по делам внутреннего заведования калмыцкой ордой по предмету сношений с правительством России. Зарго руководился духовными законами и обычаями. Зарго производил словесный разбор тяжб и неудовольствий, возникавших в народе, причем большая часть дел оканчивалась присягою. Но ханы самовластно поступали в утверждении решений Зарго» [Баснин 1846: 4]. В научной литературе о судебных полномочиях Зарго содержится не столь много сведений. В. М. Бакунин сообщает о входящих в Зарго тусулукчи и заргучи, то есть советников и судей, а также писцах и приставах [Бакунин 1995: 146].

В соответствии с Монголо-ойратскими законами 1640 г., по уголовным и гражданским делам применялся состязательный процесс, в котором стороны были равноправны и сами должны были осуществлять все процессуальные действия. Судебные заседания проводились гласно. Потерпевшие и истцы сами должны были представлять доказательства обвинения или обоснованность исковых требований. Обвиняемые и ответчики имели право активной защиты посредством представления доказательств своей невиновности.

В Монголо-ойратских законах 1640 г. и указах Галдана Хун-тайджи определялось, что кочевник должен сам искать угнанный скот, а кредитор должен самостоятельно взыскивать долги. В системе доказательств важнейшее место занимали показания свидетелей. В уголовном судопроизводстве калмыков не применялись пытки. Допускалось принесение присяги, то есть религиозно-культового обряда клятвы в невиновности. Источники свидетельствуют о том, что принесение присяги назначалось в тех случаях, когда рассмотренные доказательства не давали веских оснований ни для обвинения, ни для оправдания. В некоторых случаях имели доказательственное значение внешние признаки (побои) и вещественные доказательства (кости украденных животных, разорванные вещи, похищенное имущество, найденное у вора).

Деятельность суда Зарго долгое время не изменялась. Только с усилением абсолютизма в России и попытками оказывать влияние и регулировать события в Калмыцком ханстве правительство России пошло на реформу Зарго.

В 1762 г. правительство утвердило Убаши наместником ханства. В. М. Бакунин, автор доклада для Екатерины II о мерах, которые способствовали бы ограничению власти наместника и подчинению его распоряжениям российского правительства, предлагал реорганизовать Зарго, что и было сделано.

Функции и количество судей в Зарго были оставлены без изменений. Был изменен порядок выбора судей — заргучеев. Если ранее ими являлись представители зайсангов и духовенства из числа наиболее приближенных к хану и обязательно из лично принадлежавших ему улусов, то теперь предполагалось назначать членов Зарго от всех крупных улусов, пропорционально численности их населения. Их назначение утверждалось российскими властями. Назначенные судьи должны были решать все дела большинством голосов, поставив в известность наместника ханства.

Таким образом, Зарго становится не ханским, а народным учреждением, ослабившим в значительной мере силу ханской и владельческой власти. Справедливо суждение профессора А. М. Позднеева о том, что демократизация Зарго была настоятельно необходима, так как ханская и владельческая власть, тяготевшая над народом, была одною из главных причин непрекращавшихся волнений в Калмыцкой степи [Цит. по: Пальмов 1992: 85].

После ухода большей части калмыцкого народа из пределов России в 1771 г. российское правительство предприняло ряд мер по организации управления оставшимися калмыками. Изменения коснулись и суда Зарго. Компетенция Зарго была значительно сужена, даже по сравнению с Положением о Зарго 1762 г. Теперь Зарго состоял из трех членов и являлся совещательным органом, решения которого были консультативными для астраханского губернатора. В связи с новыми правилами о Зарго в указе Екатерины II была намечена программа не только норм судопроизводства, но и дальнейшая правительственная программа действий по отношению к калмыцкому населению. В ответ на предложение губернатора опираться в судебной практике с калмыками на законы 1640 г. было указано, что применение этого «весьма старого собрания законов» не будет соответствовать современному состоянию калмыцкого общества. К тому же серьезные уголовные дела возникают в основном не между собственно калмыками, а между ними и соседним населением, поэтому подобные дела должны решаться на основании общероссийских законов [Батмаев 1993: 368].

Для разбора дел между калмыками на основании Монголо-ойратских законов 1640 г. и дополнений хана Дондук-Даши в помощь губернатору определялись члены Зарго, к мнению которых он мог прислушиваться. Таким образом, после ликвидации калмыцкого ханства в 1771 г. роль Зарго значительно снизилась.

Новую жизнь Зарго приобрел в 1800 г., когда указом Павла I этот орган был восстановлен в прежнем составе из восьми членов. Членам Зарго было предоставлено право решать дела «по правилам и на основании их духовного закона и обыкновения». Однако той власти, что имел суд во времена Калмыцкого ханства, сейчас он не получил. Функции Зарго были строго ограничены. Об этом сообщает Н. Я. Бичурин: «Сей суд зависел непосредственно от Иностранной коллегии, в которую обязан был относиться по делам, превышающим данную оному власть» [Бичурин 1991: 124].

Российские дореволюционные исследователи отмечали, что суд Зарго осуществлял свои функции весьма неэффективно, так как кочевал по степи, а зимой практически приостанавливал свою деятельность. В связи с этим истцы по гражданским делам не могли взыскать причитающиеся им долги, а уголовные дела и вовсе не рассматривались, что приводило к уклонению от наказания. Кроме того, указывалось на отсутствие делопроизводства, произвол судей, безнаказанность лиц, совершивших правонарушения и преступления [Пальмов 1992: 125–126].

В 1803 г. скончался наместник Калмыцкого ханства Чучей Тундутов, и правительство России окончательно ликвидировало ханскую власть в Калмыкии. Зарго, однако, был сохранен и подчинен астраханскому военному губернатору.

В 1806 г. российскими властями было предписано в случаях пробелов в калмыцком законодательстве руководствоваться российскими законами. С 1818 г. в суде Зарго стали рассматриваться одни гражданские дела по искам не свыше 25 рублей, а в 1821 г. по указанию управлявшего Кавказским краем А. П. Ермолова и по основанному на нем распоряжению астраханского губернатора

к компетенции Зарго были отнесены только дела по искам не свыше 5 рублей. Все более крупные гражданские дела, не говоря уже об уголовных, стали решаться в уездных и губернских судах по российским законам [Бичурин 1991: 117].

10 марта 1825 г. были изданы «Правила для Управления калмыцкого народа», касающиеся административного устройства и управления калмыков. Согласно правилам, разбору суда Зарго подлежат жалобы на решения улусных судов, а также спорные дела, не превышающие суммы 400 рублей. Улусные суды (улусные зарго) имели право рассматривать различные споры между калмыками, а также иски, не превышающие 200 рублей [ПСЗРИ. Собрание 2. Т. 40]. Зарго принимал окончательное решение по искам на сумму до 400 руб., а также по преступлениям, не являющимся тяжкими (кражи скота и иного имущества, самовольный уход от владельцев). Иски на сумму более 400 руб. могли быть обжалованы в Комиссию калмыцких дел. Все остальные уголовные дела рассматривались в российских присутственных местах.

Духовные лица в Зарго должны были рассматривать семейно-брачные и религиозные дела; к решению гражданских дел они привлекались только в случаях, если из-за недостаточности доказательств требовалась присяга или если представители духовенства сами будут причастны к гражданскому делу [ПСЗРИ. Собрание 2. Т. 40].

Таким образом, необходимо отметить, что калмыки вовлекались в орбиту действий общероссийских судебных учреждений. Правила 1825 г. начали этот процесс, усилили роль представителей правительства в Управлении калмыцким народом, которое на две трети было составлено из российских чиновников, и уточнили административные функции калмыцких владельцев и улусного управления.

Наряду с действовавшим калмыцким законодательством Правила 1825 г. заложили основы новой правовой системы, вводя гражданское право, процессуальное право, установив систему судебных органов.

В параграфах 57 и 58 этих Правил говорилось, что «все дела духовного и гражданского суда производятся и решаются по древнему калмыцкому уложению, обычаям и обрядам». Поэтому решено было эти законы, обычаи и обряды рассмотреть, утвердить, напечатать и привести во «всеобщую известность» [ПСЗРИ. Собрание 2. Т. 40. № 30290: 159].

Согласно Положению об Управлении калмыцким народом 1834 г., в состав суда Зарго входили председатель, два советника, назначавшиеся Министерством юстиции из российских чиновников, два асессора, избираемые от нойонов сроком на три года. В штате Зарго предусматривалось 17 единиц.

Зарго был высшей судебной инстанцией для калмыков по гражданским, семейным и уголовным делам. В Зарго обжаловали приговоры и решения улусных судов. Решения Зарго могли быть обжалованы только в Сенате. Приговоры по уголовным делам должны были утверждаться астраханским военным губернатором, который направлял их на исполнение.

По высочайше утвержденному 24 ноября 1834 г. новому калмыцкому положению, введенному в действие с 1836 г., уголовные дела должны были рассматриваться по российским законам, большую же часть имущественных споров Зарго решал на основании «древних калмыцких постановлений». Судопроизводство производилось на русском языке, при необходимости решения суда переводились на калмыцкий язык. К калмыкам применялись общероссийские меры наказания, в том числе и высылки по приговорам суда и административным порядком, о чем свидетельствуют многочисленные архивные материалы [ПСЗРИ. Т. 10. № 7560: 19, 26–27].

Улусные суды (зарго) рассматривали дела по предписаниям Совета калмыцкого управления, суда Зарго, главного попечителя и по просьбе частных лиц. Мелкие споры между калмыками одного улуса рассматривал сам нойон-владелец по калмыцким законам. Улусные суды рассматривали мелкие уголовные дела (кражи до 20 руб.) и гражданские дела, а также семейные споры между калмыками разных улусов или между калмыками и людьми других национальностей. Уголовные дела рассматривались на основании российских законов.

С изданием Положения 1847 г. общекалмыцкий Зарго был ликвидирован, остались лишь улусные суды. Улусные зарго состояли из председателя (владельца или правителя улуса), двух членов суда, двух заседателей, избираемых на три года улусным сходом из владельцев или простолюдинов. В улусных судах разрешались гражданские иски на сумму до 30 руб., а также мелкие

уголовные дела. Споры между калмыками по-прежнему решались по традиционным калмыцким законам. Решения улусного суда обжаловались в астраханской палате уголовного и гражданского суда.

Кроме того, по архивным данным можно сделать вывод, что улусные зарго решали другие гражданские дела, возникавшие в калмыцкой степи. Например, Икицохуровский улусный зарго, рассмотрев дело о смерти зайсанга Икицохуровского улуса Сатхалова рода Менко-Цаган Секова от 2 августа 1892 г., определил: сына умершего зайсанга Малу Менкаева признать в наследственных правах на оставшийся после смерти отца его аймак [НА РК, ф. 9, оп. 1, д. 183, л. 1, 3, 7, 12.] Кроме того, в улусных судах решались вопросы установления опеки над малолетними детьми.

Несмотря на все усилия российского правительства систематизировать судопроизводство у калмыков, в разбирательствах в улусных зарго сохранялись злоупотребления и беззакония вплоть до начала XX в. Так, в письме Управления калмыцким народом Багацохуровскому улусному зарго от 31 января 1906 г. по поводу приговора по делу о побоях Кекеева Яванову говорилось: «Не касаясь существа приговора, Управление калмыцким народом считает нужным сообщить зарго, что как содержание дела, так и внешний его вид поражают невнимательностью и неряшеством. В сем отношении достаточно указать на то, что суд не выяснил, в чем обвиняется Кекеев, какими статьями закона предусмотрено совершенное им преступление и подсудно ли оно Зарго» [НА РК, ф. 9, оп. 1, д. 121, л. 6.].

Таким образом, можно констатировать, что осуществление правосудия в Калмыкии в XIX в. производилось в основном улусными судами зарго. При этом дела разрешались с учетом калмыцких законов и обычаев, применение которых все больше ограничивалось на протяжении всего указанного периода. Калмыцкий народ все активнее втягивался в орбиту общероссийского законодательства.

Источники

Национальный архив Республики Калмыкия (НА РК).

Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ).

Литература

Бакунин В. М. Описание калмыцких народов, а особливо из них торгоутского, и поступков их ханов и владельцев. Сочинение 1761 г. Элиста: Калм. кн. изд-во. 1995. 153 с.

Баснин Н. В. О древнем калмыцком уложении (Очерк старинного судопроизводства у калмыков): (Чит. Н. В. Басниным в годич. заседании Моск. юрид. общ-ва 17 февраля 1876 г.) / Н. В. Баснин. М.: Унив. тип. 1876. 8 с.

Батмаев М. М. Калмыки в XVII–XVIII веках. События, люди, быт. В 2-х кн. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1993. 381 с.

Бичурин Н. Я. Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени. СПб., 1834; 2-е изд. Элиста: Калм. кн. изд-во. 1991. 275 с.

Бюлер Ф. А. Исследования о судопроизводстве у калмыков // Отечественные записки. 1841. Т. 9–11.

Пальмов Н. Н. Очерк истории калмыцкого народа за время его пребывания в пределах России. 2-е издание. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1992. 158 с.

Sources

[The Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. (In Russ.)

[The National Archive of the Republic of Kalmykia]. (In Russ.)

References

Bakunin V. M. [Description of the Kalmyk People, and especially the Torgouts, and the Actions of their Khans and Owners. Composition of 1761]. Elista: Kalm. Book Publ., 1995. 153 p. (In Russ.)

Basnin N. V. [On the Ancient Kalmyk Culture (Essay of Ancient Kalmyk Court Proceedings). Read by N. V. Basnin at the annual meeting of Moscow Lawyer Society. 17 February, 1876]. Moscow: Univ. Print. shop, 1876. 8 p. (In Russ.)

Batmaev M. M. [Kalmyks in the XVII–XVIII Cent. Events, People, Life]. In 2 books. Elista: Kalm. Book Publ., 1993. 381 p. (In Russ.)

Bichurin N. Ya. [Historical Review of Oirats or Kalmyks from the 15th Century to the Present]. St. Petersburg, 1834. 2nd ed. Elista: Kalm. Book Publ., 1991. 275 p. (In Russ.)

Bühler F. A. [Research on Legal Proceedings among Kalmyks]. *Domestic Bulletin*. 1841. Vol. 9–11. (In Russ.)

Palmov N. N. [Essay of History of Kalmyk People during their Stay within Russia]. 2nd ed. Elista: Kalm. Book Publ., 1992. 158 p. (In Russ.)

УДК 343.98
ББК 67.99(2)94

ОБЪЕКТ (ПРЕДМЕТ) ПРЕСТУПНОГО ПОСЯГАТЕЛЬСТВА КАК ЭЛЕМЕНТ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

The Object (Subject) of a Criminal Assault as an Element of Criminalistics Characteristic of Crimes

А. А. Бессонов (A.Bessonov)[1]

[1]кандидат юридических наук, первый заместитель руководителя следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Республике Калмыкия (Ph.D. of Law, First Deputy Head of the Investigative Directorate of the Investigative Committee of the Russian Federation in the Republic of Kalmykia). E-mail: bestallv@mail.ru.

В статье рассматриваются вопросы, касающиеся объекта (предмета) преступного посягательства как структурного элемента криминалистической характеристики преступлений. Отмечены особенности характеристики личности потерпевшего. Автором указано на важное значение этого элемента для методики расследования преступлений.

Ключевые слова: криминалистическая характеристика преступлений, расследование, предмет преступного посягательства.

For over half a century criminalistics characteristic of crimes has served as the information foundation, the ‘root’ for the formation of private investigation practices for any given crime. In this sense there is no alternative to it and there is unlikely to be any. It defines the investigation algorithm in each particular situation and the specific features of certain investigatory actions. This is the point of view that the majority of Russian forensic scientists cling to.

The object of a criminal assault plays one of the key roles in the structure of criminalistics characteristic of crimes. It is interrelated to other elements of this structure. The choice of an object of a criminal assault is determined by the specific features of the identity of a criminal. The object of a criminal assault determines at the same time the choice of a crime manner, its situation and the time of committing the crime. The manner of committing a crime in a certain situation is embodied in the form of specific trace evidences. Consequently, an investigator or an interrogating officer can determine, primarily, the scope of possible suspects by examining the data on trace evidences on the site of a crime, special features of the object of a criminal assault, as well as the place and time of the crime during the investigation process.

Besides, the information on the special features of the object of a criminal assault make it possible to determine the manner of committing the crime; sources of evidence on the circumstances of the crime and the affiliate person; time and place of committing the crime, its motive and intent; direction of search for the information on the unidentified victim; typical trace evidence, left on the victim as a result of the crime or left by the victims themselves in the crime situation; causes and conditions that have facilitated the commission of the crime. Typical forensic-psychology model of a crime victim based on the analysis of investigative and court practice has an essential role in the determination of the criminal who has committed a crime.

Therefore, information about the object of a criminal assault as an element of the criminalistics characteristic of crimes makes it possible for an investigator or an interrogating officer to realize its organizational scheme during investigation as follows: ‘from the victim’s identity (characteristics of the object of a criminal assault) – to the perpetrator’. The findings stated above can be confirmed by the author’s examination of ca. 3 thousand criminal cases on illegal fishing.

Keywords: criminalistics characteristic of crimes, investigation, the subject of a criminal assault.

Начало теории криминалистической характеристики преступлений положено П. И. Люблинским, А. Н. Колесниченко и Л. А. Сергеевым в первой половине – середине XX века. С того времени и по настоящий момент она выступает информационной основой формирования частных методик расследования и оправдывает свое существование. Практически во всех современных научных работах, посвященных проблемам раскрытия и расследования тех или иных видов преступлений, изложению методических рекомендаций предшествует описание криминалистической характеристики конкретного вида преступлений. Проблема криминалистической характеристики преступлений каждого вида преступлений уже давно включена в программу вузовского курса криминалистики.

Несмотря на то, что в последнее время противники данной криминалистической категории [Белкин 2001: 219–224; Ищенко, Колдин 2006: 128–144; Лубин 1997: 97] высказали ряд претензий в ее адрес, большинство ученых-криминалистов продолжают оставаться ее сторонниками, ибо, как верно отметил Н. П. Яблоков, она «содержит в себе существенный научный и практический потенциал, еще не реализованный должным образом <…> В будущем же ее роль и значение в общей теории криминалистики и для решения практических, методических задач еще больше усилятся» [Яблоков 2000: 13]. Стоит также согласиться с Н. А. Подольным в том, что «введение в методику расследования криминалистической характеристики как конструкции, с помощью которой организуется поиск недостающей информации, является безусловным прогрессом в криминалистике» [Подольный 2007: 123].

К тому же проведенный нами опрос 180 практических работников органов следствия и дознания 4 ведомств (МВД, СК России, УФСКН и ФСБ) Республики Калмыкия и Астраханской области показал, что 99% из них поддерживают практическую значимость криминалистической характеристики преступлений, а 83% — начинают расследование с ее изучения применительно к тому или иному виду преступлений.

Одним из обсуждаемых вопросов продолжает оставаться структура криминалистической характеристики преступлений и сущность составляющих ее элементов.

На основе исторического и системного анализа нами предложена следующая структура криминалистической характеристики преступлений: обстановка преступления (прежде всего, место и время); способ совершения и сокрытия преступления; типичные следы преступления и вероятные места их нахождения; объект (предмет) преступного посягательства (в том числе личность потерпевшего); личность преступника [Бессонов 2014: 53–54].

Как видно, одним из ключевых элементов выступает объект (предмет) преступного посягательства. Его значение в криминалистической характеристике преступлений обусловлено прежде всего двоякой взаимосвязью с преступником и особенностями его личности. Он как цель (ожидаемый преступный результат) преступной деятельности побуждает лицо к совершению преступных действий и мотивирует их совершение (потребность в чем-либо, будучи осознанной, направляет внимание лица на конкретный объект (предмет), и тот становится его преступной целью). В свою очередь выбор объекта (предмета) преступного посягательства обусловлен особенностями конкретной личности (ее психическим состоянием, психологическими свойствами, жизненным опытом, увлечениями и т. п.).

Объект (предмет) преступного посягательства детерминирует выбор способа совершения противоправного деяния как средства реализации своего замысла (в виде конкретных приемов и их совокупности, орудий, средств) и достижения преступной цели (например, в виде получения в распоряжение какого-либо предмета, избавления от материальных затрат, получения морального удовлетворения и т. д.).

В механизме преступлений, совершаемых по неосторожности, эта связь прослеживается через отношение субъекта к последствиям. Например, при совершении дорожно-транспортного происшествия, повлекшего смерть человека, отношение у субъекта преступления к последнему как объекту деяния характеризуется самонадеянным расчетом на предотвращение этих последствий либо непринятием достаточных мер к осознанию возможности их наступления. Иными словами, человек в этой ситуации становится жертвой преступления в силу того, что попадает в систему взаимосвязи с действиями преступника, оказавшись в месте преступления в опреде-

ленное время и при определенных обстоятельствах. Но и сам субъект может, изменив характер своих действий, предотвратить или минимизировать преступные последствия, чего он не делает.

И, наконец, объект (предмет) преступления определяет выбор обстановки преступления: место его совершения, время реализации задуманного, метеорологические условия, освещенность, этапы производственного процесса и др.

В то же время следует иметь в виду специфику взаимосвязи психически неполноценного лица с предметом посягательства, ибо, как верно указывает В. В. Радаев, «искаженное психическим расстройством восприятие действительности в некоторых случаях заставляет такое лицо посягать на объекты (предметы), не представляющие для него существенной ценности» [Радаев 1987: 19].

Обозначенную нами взаимосвязь и взаимообусловленность элементов механизма преступления, определяющую возможность использования знаний о закономерных связях между элементами криминалистической характеристики преступлений при решении задач криминалистики и практики расследования преступлений, возможно представить в виде следующей схемы (рисунок 1).

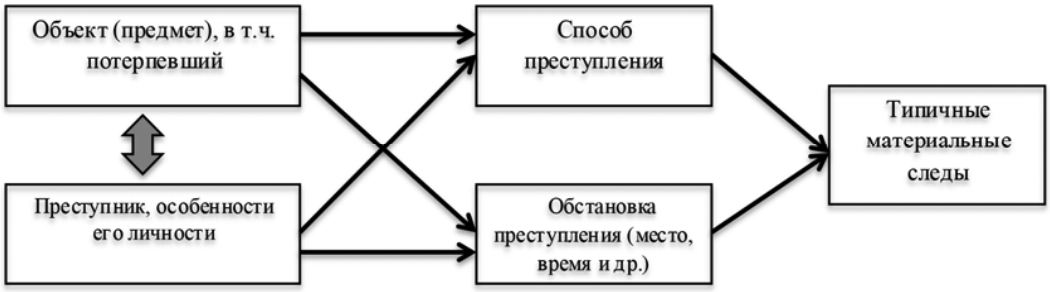


Рис. 1. ***Схема детерминантных связей элементов механизма преступления, обусловливающих закономерные связи элементов криминалистической характеристики преступлений.***

Таким образом, объект (предмет) преступного посягательства представляет интерес для криминалистического изучения поскольку:

- во-первых, он взаимосвязан с лицом, совершившим преступление (как правило, является целью преступной деятельности, обусловливает определенный мотив деяния, а также конкретные эмоции);
- во-вторых, он определяет способ (приемы и их совокупность, орудия, средства) и обстановку (прежде всего, место и время) преступления;
- в-третьих, он несет на себе следы реализации механизма преступления (если это человек, то он к тому же является носителем еще и идеальных следов);
- в-четвертых, когда им является человек, то он сам также вносит определенные изменения в обстановку преступления и оставляет в ней следы.

Если в качестве объекта преступления выступает человек, то с позиции целей настоящей работы он подлежит изучению как: 1) носитель криминалистически значимых особенностей своей личности (психофизиологических и др.); 2) активный субъект деятельности, связанной с совершенным преступлением.

В криминалистической науке разработана широкая система криминалистических свойств и признаков лица, к которым [Милюков 2011: 12–13; Повезнюк 2005: 127–131] традиционно относят:

1) собственные свойства и признаки человеческого организма, проявляющиеся в его жизнедеятельности и неотделимые от его тела:

- антропологические (расовая принадлежность);
- демографические (национальность, народность, этническая группа);
- общефизические (пол, возраст, рост, телосложение, физическое состояние);

- соматические (наружное и внутреннее строение тела человека и его частей);
- биологические — некоторые авторы обозначают их как генетические (экскреционные — результаты исследования выделений организма человека);
- функциональные (привычная поза, походка, мимика, артикуляция, жестикуляция, бытовые привычки, специальные навыки (умения), речь, голос);
- психофизиологические (психологический портрет, включающий в себя темперамент, характер и его акцентуации, одаренности и способности, направленности (интересы и склонности), психические аномалии, стиль поведения);
- профессиональные (указывающие на профессию или род занятий);
- особые признаки и свойства, броские приметы;

2) сопутствующие признаки и свойства (это те, которые отделимы от тела человека): постоянно носимые (одежда, обувь, головной убор); временно носимые; особые признаки и свойства; броские приметы;

3) социальные признаки и свойства, характеризующие лицо с точки зрения выполнения им определенных функционально-ролевых обязанностей: семейное положение; образование; профессиональная принадлежность; род занятий; социальное и материальное положение; наличие судимости (иных связей с криминальной средой и др.).

В зависимости от особенностей того или иного вида (рода) преступлений значение для типовых криминалистических характеристик будут иметь различные из перечисленных свойств и признаков. В своей совокупности знания о перечисленных признаках в рамках криминалистической характеристики преступлений определенного вида (рода) позволят составить типовую психолого-криминалистическую модель потерпевшего от того или иного вида (рода) преступлений.

Следует также учитывать, что во многих случаях в механизме преступления имеет значение взаимосвязь «предмет преступного посягательства — его собственник или владелец как потерпевший от преступления».

Криминалистический аспект данных о предмете посягательства проявляется в сведениях, характеризующих его физические свойства (форма, размер, вес, цвет), индивидуализирующие особенности (особые приметы, номерные обозначения, уникальность), предназначение, стоимость, ценность (культурная, историческая, индивидуальная для конкретного человека), взаимосвязь с другими предметами (например, является частью чего-то целого).

Криминалистический аспект данных о личности и особенностях поведения потерпевших обычно проявляется в некоторых сведениях демографического характера (пол, возраст, образование, семейное и общественное положение и т.д.) и о физических, биологических и психических особенностях, об образе жизни, ценностных ориентациях, связях, отношениях с преступником и др. [Яблоков 2014: 82].

Если объектом преступления выступает животное, то криминалистическое значение имеет: его вид и порода, пол, масть, следы принадлежности определенному лицу или хозяйству (тавро, клеймо), признаки, индивидуализирующие животное (следы от перенесенных травм; особые анатомические признаки — дефекты развития, шрамы, отсутствие или повреждение каких-либо частей тела; специфические особенности в окраске и пр.).

Типичные сведения об объекте (предмете) преступного посягательства как элементе криминалистической характеристики преступлений позволяют установить следующее:

- способ совершения преступления (приемы и их совокупность, орудия и средства);
- круг лиц, среди которого целесообразен поиск преступника;
- круг лиц, которые явились очевидцами преступления;
- время совершения преступного деяния;
- место совершения преступления (например, если оно не известно);
- мотив и цель совершения преступного деяния;
- направления поиска информации о потерпевшем, личность которого не установлена;
- типичные следы, оставленные на нем в результате преступления и им самим в обстановке преступления;

- причины и условия, способствовавшие совершению преступления.

К примеру, проведенное нами изучение 2700 уголовных дел о незаконном рыбном промысле, совершенном в 2010–2013 гг. на территории Астраханской области, позволило установить, что место, время и способ совершения рассматриваемых преступлений закономерно зависят от предмета преступного посягательства.

По изученным уголовным делам по 95,7% преступлений, предметом преступного посягательства явилась рыба частиковых видов, а в 10,7% — осетровых видов. Реально же выловленной оказалась в 96,1% случаев рыба частиковых видов, в 3,9% — осетровых видов (осетровых — 532 экземпляра, частиковых — 69644 экземпляра).

Незаконный лов рыбы осетровых видов (осетр, белуга, севрюга, стерлядь) привлекателен тем, что эта рыба и ее икра имеют высокую рыночную стоимость. Например, по состоянию на 2014 год в Астраханской области средняя цена 1 кг икры белуги и осетра на рынках и в магазинах доходит до 70 тыс. рублей. Менее значительный, но также крупный преступный доход приносит и незаконный лов рыб частиковых пород (карповых – вобла, лещ, сазан, карп, рыбец и т. д., окуней, щук, сома, судака и др.). Данные виды рыбы легче реализовывать, поэтому они чаще становятся предметом преступного посягательства.

Это в определенном плане обусловливает то, что для группового способа совершения преступлений наиболее привлекательным предметом посягательства выступает рыба осетровых видов. Ибо, как верно указал А. Г. Филиппов, в этом случае «предмет преступного посягательства в криминалистическом плане может свидетельствовать о групповом характере преступления» [Филиппов 2007: 91].

Выявлены следующие закономерные связи предмета преступного посягательства с другими элементами криминалистической характеристики рассматриваемого преступления.

Так, не осуществляли посягательства на вылов рыбы осетровых видов лица в возрасте до 18 лет и старше 60 лет, женщины, егеря, сотрудники органов правоохраны и контроля, учащиеся и пенсионеры. Не совершались такие преступления в период с декабря по февраль.

Незаконный вылов осетровых преимущественно производится:

- по месту — река и ее авандельта, а также море;
- по времени — в апреле-июне и октябре, в период суток с 4 часов до 22 часов (орудия лова при этом в большей своей части устанавливаются с 18 до 22 часов, а проверяются в этот же либо на следующий день);
- по субъекту — в основном это безработные лица, являющиеся местными жителями, осуществляющие лов вблизи от своего места непосредственного проживания, треть из которых ранее судима, в том числе за совершение аналогичных преступлений;
- по способу — с использованием плавсредства, каждое третье из которых самоходное; при этом используются приборы спутниковой навигации, сотовые и спутниковые телефоны, чекушка (бита), подкотовка (якорек для подъема снастей), темляк (острый крюк), грохотка (решето), нож; помимо этого, для вылова осетровых применяются только самоловные крючковые снасти, ставные и плавные сети.

Посягательство на рыбные ресурсы частиковых видов в большей своей части осуществляется:

- по месту — в основном река, ильмень, реже — авандельта реки, мелиоративный канал, озеро; практически во всех случаях место преступления находится поблизости от места жительства обвиняемого;
- по времени — круглогодично с увеличением количества преступлений в два раза по сравнению с другими месяцами в апреле-мае и октябре, с 4 часов до 22 часов в течение суток (установка орудий лова – в этот же период), проверка орудий лова осуществляется в день их установки либо на следующие сутки;
- по субъекту — безработные местные жители, некоторые из которых ранее судимы;
- по способу — 70% преступлений совершаются без применения плавсредств, а когда они используются, то большая их часть несамоходные; в основном используются ставные и

плавные сети, в редких случаях — иные орудия лова.

Таким образом, выбор конкретного предмета незаконной добычи рыбных ресурсов (то есть вид рыбы) зависит прежде всего от личности преступника (в том числе находящихся в его распоряжении орудий лова и иных вспомогательных средств), а также времени и места ее осуществления.

Подводя итог изложенному, следует отметить, что информация о предмете преступного посягательства как элемент криминалистической характеристики преступлений позволяет реализовать следователю или дознавателю при производстве расследования схему его организации: «от личности потерпевшего (характеристики объекта (предмета) посягательства) — к лицу, совершившему преступление».

Литература

Белкин Р. С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. М.: НОРМА-ИНФРА-М, 2001. 240 с.

Бессонов А. А. К вопросу о структуре и природе криминалистической характеристики преступлений // Вестник Поволжской академии государственной службы. 2014. № 9. С. 52–57.

Ищенко Е. П., Колдин В. Я. Типовая информационная модель преступления как основа методики расследования // Правоведение. 2006. № 6. С. 128–144.

Лубин А. Ф. Механизм преступной деятельности. Методология криминалистического исследования. Н. Новгород: НЮИ МВД России, 1997. 334 с.

Милюков С. В. Современные возможности использования свойств человека при установлении личности в раскрытии и расследовании преступлений: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2011. 23 с.

Поврезнюк Г. И. Теория и практика криминалистического установления личности: Дис. … докт. юрид. наук. М., 2005. 432 с.

Подольный Н. А. Теоретические и практические основы раскрытия и расследования преступлений, совершенных молодежными организованными группировками: Дис. … док. юрид. наук. М., 2007. 496 с.

Радаев В. В. Расследование преступлений, совершенных лицами с психическими недостатками: Учебное пособие. Волгоград: ВСШ МВД СССР, 1987. 68 с.

Филиппов А. Г. Проблемы криминалистики. Избранные статьи. М.: Издательство «Юрлитинформ», 2007. 352 с.

Яблоков Н. П. Криминалистическая характеристика преступлений как составная часть общей криминалистической теории // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2000. № 2. С. 3–13.

Яблоков Н. П. Криминалистическая характеристика отражаемой преступлением информации // Криминалистика. Учебник. Том 1 / под общ. ред. А.И. Бастрыкина. М.: Издательство «Экзамен», 2014. С. 65–82.

References

Belkin R. C. [Forensics: Today's Problems. Burning Issues of Russian Forensic Science]. Moscow: NORM-INFRA, 2001. 240 p. (In Russ.)

Bessonov A. A. [Concerning the Structure and Nature of Criminalistic Characteristics of Crimes]. *Bulletin of the Volga Region Academy of Public Administration*. 2014. No. 9. Pp. 52–57. (In Russ.)

Filippov A. G. [Problems of Criminology]. Selected articles. Moscow: Yurlitinform Publ., 2007. 352 p. (In Russ.)

Ischenko E. P., Koldin V. Я. [Typical Information Model of a Crime as a Basis of Investigation Methods]. *Jurisprudence*. 2006. No. 6. Pp. 128–144. (In Russ.)

Lubin A. F. [Mechanism of Criminal Activity. Methodology of Forensic Research]. Nizhni Novgorod: N. Novgorod Law Institute of the Russian Interior Ministry, 1997. 334 p. (In Russ.)

Milyukov S. V. [Modern Possibilities of Using the Human Properties in Identification in Discovering and Investigating Crimes]. Cand. Sc. thesis (Law) abstract. Moscow, 2011. 23 p. (In Russ.)

Podolny N. A. [Theoretical and Practical Bases of Detection and Investigation of the Crimes, Committed by the Youth Organized Groups]. Dr. Sc. thesis (law). Moscow, 2007. 496 p. (In Russ.)

Povreznyuk G. I. [Theory and Practice of the Criminalistic Personality Determination]. Dr. Sc. thesis (law). Moscow, 2005. 432 p. (In Russ.)

Radayev V. V. [Investigation of Crimes Committed by Mentally Disabled People]. Volgograd: Higher Investigations School of the Ministry of Internal Affairs of the USSR, 1987. 68 p. (In Russ.)

Yablokov N. P. [Criminalistic Characteristic of Crimes as a Component of the General Criminological Theory]. *Bulletin of Moscow University*. Ser. 11: Law. 2000. No. 2. Pp. 3–13. (In Russ.)

Yablokov N. P. [Criminalistic Characteristics of Information Reflected by a Crime]. In: [Criminalistics]. Vol. 1. A. I. Bastrykin (ed.). Moscow: Examen, 2014. Pp. 65–82. (In Russ.)

УДК 343.241
ББК 67.308

УГОЛОВНОЕ НАКАЗАНИЕ, ЕГО ЦЕЛИ И ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ В СВЕТЕ ФИЛОСОФСКИХ КОНЦЕПЦИЙ НАКАЗАНИЯ

Criminal Penalty, its Purposes and Practice of Application in the Light of Philosophical Concepts of Punishment

И. А. Подройкина (I. Podroykina)[1]

[1] кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права Ростовского филиала Российской таможенной академии (Ph. D. of Law, Associate Professor of the Department of Criminal Law in Rostov branch of the Russian Customs Academy). E-mail: 919820@mail.ru.

В статье изучается влияние различных философских теорий на определение наказания и его целей, пенологическую практику в России и за рубежом. Анализируется понятие наказания и его цели с позиций теорий возмездия и утилитарных теорий, делается вывод о том, что в основу формирования современного института уголовного наказания в России положена комбинация теорий наказания, что расценивается положительно и может способствовать построению эффективной системы наказаний.

Ключевые слова: теории наказания, пенологическая практика, понятие наказания, цели наказания, система наказаний.

The paper examines the influence of various philosophical theories on the definition of punishment and its purposes, penological practice in Russia and abroad. The author notes foreign penological practice in the years 1950–1960 relied on consequentialists theory justifying the phenomenon of punishment. Later, however, these theories were declared insolvent, and therefore there was a transition to the postulates retributivists theories that the justification of punishment put the thesis of "deserved punishment". Taking into account postulates theories of retribution the law and practice of sentencing have been altered. The author further notes that the criminal law and penological practice of Russia in the XX century was largely based on the basic principle of retributivism, according to which, the punishment should fit the nature and degree of public danger of the crime. The widespread use of the death penalty, imprisonment and exhausting work satisfy the public and political revenge. However, the postulates of utilitarian theories have been used in formulating the objectives of punishment, because from the very first years of Soviet power punishment had a purpose of prevention of new crimes, and later such goals as correction and rehabilitation of the offender appeared. Analyzing criminal legislation of Russia, the author notes that the refusal of the Russian state from use in determining the penalty, the term "Kara" may prompt the idea that today's lawmakers have abandoned the idea of retribution when determining punishment. However, this conclusion is contradicted in the analysis of h 2 tbsp. 43 of the Criminal Code. Thus, in accordance with h 2 tbsp. 43 of the Criminal Code, the penalty is applied in order to restore social justice, and in order to remedy and prevent conviction of new crimes.

The author comes to the conclusion that the basis for the formation of the modern institution of criminal punishment in Russia is based on a combination of theories of punishment such as theories of retribution and utilitarian theories. In his opinion, this is beneficial, because the use of the most progressive provisions of each of them can provide an efficient system of punishment, and, accordingly, build the practice of punishment.

Keywords: the theory of punishment, penological practice, the concept of punishment, the purpose of punishment, the punishment system.

Проблема наказания достаточно часто становилась предметом пристального изучения представителей различных наук, в том числе философов, криминологов, ученых в области уголовного и уголовно-исполнительного права. Однако осуществление конкретной политики по реализации наказаний требует выработки определенной нормативной теории, а это может сделать только философская рефлексия. Те изменения, которые происходили в уголовной политике, касающиеся наказания и практики его применения, так или иначе, философски обосновывались и предполагают подобное

обоснование и сегодня. Поэтому актуальность исследования обусловлена тем, что именно философия формулирует базисные принципы наказания на уровне нормативной теории, которая, в свою очередь, влияет на определение наказания и его целей, а также практику применения наказаний в конкретном обществе на конкретном этапе его развития.

Сегодня существует настоятельная потребность в пересмотре всей системы уголовных наказаний, критериев построения санкций статей особенной части УК, практики назначения наказания. Думается, что обращение к различным философским концепциям наказания может помочь в решении названной проблемы.

Целью исследования является изучение наказания, его целей и практики применения сквозь призму философских концепций наказания. Для реализации названной цели необходимо решить следующие задачи: определить, какие философские подходы к осмыслению феномена наказания существуют; исследовать изменения института и практики назначения наказания в истории развития общества под воздействием философских концепций; изучить влияние философский концепций на современное понятие наказания, его цели и практику применения в современной России.

Нередко различные теории наказания трактуются таким образом, как будто они представляют собой отдельные дисциплины, которые развиваются в отрыве друг от друга. Даже смешанные теории очень часто оказываются далеки от реального законодательства и пенитенциарной практики. Однако все размышления о наказании должны концентрироваться не на исключительно умозрительных заключениях и отвлеченных концепциях, а опираться на действующее законодательство, реальную судебную практику, учитывать изменения, происходящие в материальной и духовной сфере жизни общества. Одной из важнейших задач философии является не столько попытка оправдания наказания, его целей и видов, сколько «стремление подвергнуть мощный карательный аппарат государства постоянному нормативному контролю и критике — путем формулирования ценностей, на основе которых и можно было бы судить об эффективности этого аппарата и переосмысления его понятийной базы» [Дафф, Гарланд].

Каждая из существующих теорий возмездия, утилитарных, смешанных и других теорий наказания имеет свои достоинства и недостатки. Спор между приверженцами этих теорий сегодня еще не завершен. Такое положение дел имеет и свои положительные моменты, поскольку оказывает существенное воздействие на развитие теории уголовного права и уголовное законодательство, в том числе и на формирование института наказания.

В 1950–1960-е гг. за рубежом превалировали утилитарные (консеквенциалистские) теории, обосновывающие феномен наказания. Под влиянием философских теорий в уголовном законодательстве некоторых зарубежных стран появились так называемые «дуалистические» системы ответственности, которые включают как традиционные системы наказаний, так и разработанные «социологами» меры общественной безопасности [Дуюнов 2001: 167]. В основу пенологической практики были положены идеи, опиравшиеся на научный анализ причин преступного поведения и воздействия профилактики преступности на конкретные формы и методы уголовного наказания. Разработанные программы и концепции стали основой проекта «государство всеобщего благоденствия», преследовавшего цель превратить пенитенциарную систему в инструмент социальной инженерии, с помощью которого можно было бы предупредить совершение преступлений. По мнению сторонников данного проекта, наказание могло предотвратить совершение преступления с помощью сдерживания потенциальных преступников или лишения свободы осужденных преступников, причем позитивные результаты должны были достигаться благодаря морально-психологическому исправлению и социальной реабилитации преступников. При этом даже высказывалось мнение о том, что вместо того, чтобы наказывать преступников, с ними следует обращаться максимально гуманным образом [Дафф, Гарланд].

Однако позднее многие реабилитационные программы показали свою несостоятельность, поскольку их внедрение привело к административному произволу и злоупотреблениям. В 1970–1980-е гг. подверглись особенной критике так называемый «реабилитационный метод», который предполагал практику вынесения приговоров с нефиксированным сроком тюремного заключения

(что вело к произвольному и предвзятому отношению к осужденным, проявлявшемуся в решениях об условно-досрочном освобождении), и проект «выборочного лишения свободы», который предполагал изоляцию от общества на длительные сроки «особо опасных» или «закоренелых» преступников и в то же время определял необходимость вынесения мягких приговоров за аналогичные преступления, которые были совершены неумышленно и так называемыми «неопасными» преступниками. Получалось, что люди должны были отправляться в тюрьму не за совершенные преступления, а за то, что они могли бы их совершить, окажись на свободе. Статистика в этот период также показала негативные тенденции — рост уровня преступности. Все перечисленное в совокупности повлекло за собой отказ от идей реформирования пенитенциарной системы, реабилитационная практика была подвергнута серьезной критике, как и пенитенциарный консеквенциализм (утилитаризм) в целом.

В итоге произошел отказ от утилитарных (консеквенциалистских) теорий наказания и возврат к теориям возмездия (к ретрибутивизму). Тезис о «заслуженном возмездии» снова стал популярным и был положен в обоснование наказания как для тюремной администрации, так и для чиновников системы пробации, а самые прогрессивные философы занялись переформулированием ретрибутивистских и иных нон-консеквенциалистских теорий [Дафф, Гарланд].

В первые годы советской власти в отечественном уголовном праве произошел декларативный отказ от целей возмездия и кары, замена понятия «наказание» на понятие «меры социальной защиты» в Основных началах 1924 г. и УК РСФСР 1926 г., было допущено объективное вменение и т. п. Однако такой отказ был весьма кратковременным, и вскоре в законодательстве снова стал использоваться термин «наказание», а кара рассматривалась в теории уголовного права как сущность, содержание наказания, его цель. При этом практика применения наказания весьма эффективно служила целям грубого ретрибутивизма: достаточно широкое использование смертной казни, массовое назначение наказания в виде лишения свободы, изнуряющий труд удовлетворяли общественную, но в большей степени — политическую жажду мести.

Основной тезис современных теорий возмездия можно сформулировать так: доминирующей целью системы наказаний должна стать гарантия того, что преступники получат «справедливое возмездие» и что им причиняют страдание посредством применения справедливого наказания, назначенного пропорционально серьезности совершенных ими преступлений. В 1970–1980-е гг. в США тезис о справедливом возмездии стал основным лозунгом движения за вынесение приговоров с конкретно определенным сроком тюремного заключения. В результате этого пенитенциарными властями ряда штатов и федеральными властями были отменены законы о «вилке» срока тюремного заключения в пользу новых правил вынесения приговоров, ограничивающих субъективный фактор в приговорах судов и обеспечивающих большую объективность и точность в практике установления сроков лишения свободы [Везломцев 2010: 24].

Новые правила вынесения приговоров вызвали острые споры и резкую критику, в первую очередь со стороны судей, по мнению которых введение жестких критериев определения вида и размера наказания лишило их прерогативы выносить справедливые приговоры применительно к конкретным ситуациям. Но, несмотря на критику, многие исследователи все же оценивают нововведения, касающиеся закрепления директивных нормативов по вынесению приговоров и фиксированных сроков заключения, как более предпочтительные, чем все еще применяемая в некоторых странах система практически неконтролируемого субъективизма судей.

В Великобритании уголовно-правовая доктрина и практика опираются на комбинацию теорий наказания как возмездия за причиненное зло: наказания как устрашения и наказания как средства исправления преступников. Провозглашается триединая цель наказания — возмездие, устрашение и исправление. В свою очередь, теория устрашения включает в себя задачи общего и специального предупреждения. Истоки этой теории англичане связывают с И. Бентамом, рассматривавшим виновного как жертву, которую надлежит принести в интересах общего предупреждения. Теория исправления, как ее понимают в Великобритании, отступает от наказания за вину, признавая основанием для его применения специфику личности виновного, ее «опасность» для об-

щества. В целом следует обратить внимание на то, что, по мнению ряда западноевропейских ученых, главная задача современного института наказания — не устрашение, не месть государства или общества человеку (постфактум) за преступное деяние, а предупреждение (заблаговременное) преступности [Фомивко 2006: 111].

Отечественное уголовное законодательство и пенологическая практика XX столетия в большей степени опирались на базовый принцип ретрибутивизма, в соответствии с которым наказание должно соответствовать характеру и степени общественной опасности совершенного преступления. Вместе с тем утилитарные теории — устрашения, исправления и др. оставили свой след в истории отечественного уголовного права при формулировании понятия и целей наказания, определении видов наказаний и практики его применения. Так, в уголовном законодательстве советского периода, начиная с первых уголовных кодексов, цель общего и частного предупреждения была обозначена в качестве одной из целей наказания. Позднее появились такие цели, как исправление и перевоспитание.

В современном уголовном законодательстве понятие наказания раскрывается в ч. 1 ст. 43 УК: наказание — это мера государственного принуждения, назначаемая по приговору суда лицу, признанному виновным в совершении преступления, которая заключается в предусмотренных Уголовным кодексом лишении или ограничении прав и свобод этого лица.

Исходя из понятия наказания, невозможно сделать однозначный вывод о том, какая же философская теория положена в его основу. Отказ нашего государства от использования при определении наказания термина «кара» может натолкнуть на мысль, что современный законодатель отказался от идеи возмездия при определении наказания. Однако такой вывод опровергается при анализе ч. 2 ст. 43 УК, в соответствии с которой наказание применяется в целях восстановления социальной справедливости, а также в целях исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений.

В теории уголовного права социальная справедливость наказания определяется как соответствие назначаемого наказания тяжести преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного [Зубкова 2002: 69; Благов 2011: 5]. Чем тяжелее и опаснее совершенное преступление, тем более строгое наказание за него должно последовать. Неотвратимость наказания также выступает свойством социальной справедливости. Неотвратимость наказания, с одной стороны, формирует у осужденного мнение, что, наказав его, с ним поступили справедливо, так же как и с другими. С другой стороны, у членов общества формируется убеждение, что преступник не остался безнаказанным, что справедливость восторжествовала, государство реализовало свою функцию по охране личности, общества и государства от преступных посягательств. Не менее важным аспектом исследуемой цели является и учет интересов потерпевшей стороны. Для реализации цели восстановления социальной справедливости, с точки зрения названного аспекта, необходимо, чтобы лицу, признанному виновным в совершении преступления, было назначено такое наказание, которое породило бы у потерпевшего чувство неотвратимости наказания и справедливости.

Идея соразмерного воздаяния лицу, совершившему преступление, находит отражение и в иных нормах уголовного законодательства. Так, в числе основополагающих принципов уголовного права в ст. 6 УК закреплен принцип справедливости, основным требованием которого является назначение уголовного наказания в соответствии с характером и степенью общественной опасности совершенного преступления. Это же положение воспроизводится и при определении общих начал назначения наказания в ст. 60 УК. Идея справедливого воздания отражается в норме о возможности применения смертной казни как одного из видов уголовного наказания, в законодательном установлении формализованных пределов фактического отбытия наказания, при наличии которых осужденный может быть условно-досрочно освобожден, и других.

Как известно, представители теорий возмездия (или так называемых ретрибутивистских теорий) полагают, что наказание должно, во-первых, быть пропорционально преступлению (количественное соответствие) и, во-вторых, соответствовать ему (качественное соответствие). При этом пропорциональность должна обеспечиваться тем, что за более тяжкие преступления назначаются более суровые наказания [Везломцев 2010: 23].

Таким образом, можно сделать вывод, что при определении целей наказания и порядка его назначения законодатель использовал базовые постулаты теорий возмездия о количественном и качественном соответствии наказания совершенному преступлению. Однако это не позволяет нам утверждать, что в основу института наказания в уголовном праве России положена одна из разновидностей теорий возмездия, поскольку наряду с целью восстановления социальной справедливости законодатель в числе целей наказания называет также исправление осужденного и предупреждение совершения новых преступлений.

Исправление осужденных статья 9 Уголовно-исполнительного кодекса определяет как формирование у них уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития и стимулирование правопослушного поведения.

Традиционно считается, что цель исправления осужденного будет достигнута, если он не совершит новых преступлений и перестанет быть рецидивоопасным [Уголовное право 2012: 429]. Указанная цель обеспечивается при назначении справедливого, законного и обоснованного наказания, когда суд, определяя вид и размер наказания, руководствуется не только общественной опасностью преступления, но и учитывает личностные характеристики виновного.

Еще одна цель наказания — предупреждение совершения новых преступлений. На законодательном уровне предупреждение совершения новых преступлений не делится на виды. В теории же уголовного права различают предупреждение нарушений уголовно-правовых запретов, которые можно ожидать от самого осужденного (специальная превенция), и предупреждение совершения преступлений другими лицами (общая превенция) [Шаргородский 2004: 315; Курганов 2008: 12]. Общее предупреждение обращено к обществу, специальное — к лицу, совершившему преступление.

Общая превенция — это предупреждение преступлений со стороны тех неустойчивых граждан, которые склонны к совершению преступлений и которых от совершения преступлений удерживает только угроза наказанием или реальное наказание другого осужденного. Специальная превенция заключается в воздействии наказания на преступника, чтобы он в будущем не совершал новых преступлений из-за страха претерпеть вновь лишения и ограничения, связанные с наказанием. То есть, специальная превенция представляет собой предупреждение совершения нового преступления со стороны осужденного [Уголовное право 2014: I, 335].

Таким образом, в основу формирования современного института уголовного наказания в России положена комбинация теорий наказания. В частности, исходя из цели, которые сегодня ставит законодатель перед наказанием, становится очевидным, что в основу института наказания, а, соответственно, и всей системы наказаний положены три разновидности утилитарных теорий наказания — теория устрашения (в части установления цели общей превенции), теория предупреждения (в части установления цели частной превенции), теория исправления (в части установления цели исправления осужденного), а также базовые постулаты теорий возмездия о количественном и качественном соответствии наказания совершенному преступлению (в части установления цели восстановлении социальной справедливости). С учетом этой комбинации формулируются и другие институты и нормы уголовного права. В частности, принципы уголовного права, общие начала назначения наказания, институты освобождения от уголовной ответственности и наказания и т. д.

Безусловно, использование комбинации теорий наказания является весьма положительным, поскольку каждая из теорий имеет свою плюсы и минусы, и только сочетание разных теорий, использование наиболее прогрессивных положений каждой из них может обеспечить построение эффективной системы наказаний и соответственно с этим выстроить практику назначения наказания.

Литература

Благов Е. В. Наказание и иные меры уголовно-правового характера: лекции. М.: Юрлитинформ, 2011. 240 с.

Везломцев В. Е. Социально-философский анализ наказания: ретрибутивизм и консеквенциализм. Дис. …канд. филос. наук. СПб., 2010. 205 с.

Дафф Э., Гарланд Э. Размышления о наказании [Электронный ресурс] // http://index.org.ru/journal/18/18-daffgar.html. (дата обращения: 19.08.2014).

Дуюнов В. К. Механизм уголовно-правового воздействия: теоретические основы и практика реализации. Дис. … д-ра юрид. наук. Тольятти, 2001. 512 с.

Зубкова В. И. Уголовное наказание и его социальная роль: теория и судебная практика. М.: Норма, 2002. 304 с.

Курганов С. И. Наказание: уголовно-правовой, уголовно-исполнительный и криминологический аспекты. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2008. 192 с.

Уголовное право в 2 т. Т. 1. Общая часть: учебник для бакалавров / отв. ред. И. А. Подройкина, Е. В. Серегина, С. И. Улезько. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2014. 590 с.

Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учебник для вузов / Н. Н. Белокобыльский, Г. И. Богуш, Г. Н. Борзенков и др.; под ред. В. С. Комиссарова, Н. Е. Крыловой, И. М. Тяжковой. М.: Статут, 2012. 879 с.

Фомивко А. Ф. Наказание как социальный феномен (философский анализ). Дис. … канд. филос.наук. М., 2006. 151 с.

Шаргородский М. Д. Избранные труды / Сост. и предисловие д.ю.н., проф. Б. В. Волженкина. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004. 657 с.

References

[Criminal Law of the Russian Federation. General part: a textbook for universities]. N. N. Belokobylskiy, G. I. Bogush, G. N. Borzenkov et al. V. S. Komissarov, N. E. Krylova, I. M. Tyazhkova (ed.). Moscow: Statut, 2012. 879 p. (In Russ.)

[Criminal Law]. In 2 vol. Vol. 1. General part: textbook for bachelors. I. A. Podroikina, E. V. Seregina, S. I. Ulezko (ed.). 3rd ed. Moscow: Yurait, 2014. 590 p. (In Russ.)

Blagov E. V. [Punishment and Other Measures of Criminal Law Nature: Lectures]. Moscow: Yurlitinform, 2011. 240 p. (In Russ.)

Duff E., Garland E. [Reflections on Punishment]. An Internet resource http://index.org.ru/journal/18/18-daffgar.html. (accessed: 19 August, 2014). (In Russ.)

Duyunov V. K. [Mechanism of Criminal-legal Influence: Theoretical Bases and Implementation Practice]. Dr. Sc. thesis (Law). Togliatti, 2001. 512 p. (In Russ.)

Fomivko A. F. [Punishment as a Social Phenomenon (Philosophical Analysis)]. Cand. Sc. thesis (Philosophy). Moscow, 2006. 151 p. (In Russ.)

Kurganov S. I. [Punishment: Criminal Law, Penal Law, and Criminological Aspects]. Moscow: TK Welby, Prospekt, 2008. 192 p. (In Russ.)

Shargorodsky M. D. [Selected Works]. Prof. B. V. Volzhenkin (compl.). St. Petersburg: Yurid. center Press, 2004. 657 p. (In Russ.)

Vezlomtsev V. E. [Social-philosophical Analysis of Punishment: Retributivism and Consecventionalism]. Cand. Sc. thesis (Philosophy). St. Petersburg, 2010. 205 p. (In Russ.)

Zubkova V. I. [Criminal Punishment and its Social Role: Theory and Judicial Practice]. Moscow: Norma, 2002. 304 p. (In Russ.)

УДК 343.2
ББК 67.408

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ

Economic and Social Preconditions for Corporate Criminal Liability

В. В. Бальжинимаева (*V. Balzhinimaeva)*[1]

[1] аспирант кафедры уголовного права факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Post-graduate Student of Criminal Law Department of the Law Faculty at the National Research University "Higher School of Economics"). E-mail: balvioletta@yandex.ru.

Статья посвящена исследованию влияния на уголовное право происходящих в экономике страны процессов. В современном развитии основными участниками рыночных отношений становятся юридические лица. Финансовый экономический кризис, повлекший за собою социальные изменения, стал причиной внедрения компаниями сдерживающей политики, которая нередко граничит с преступлениями.

Ключевые слова: уголовная ответственность юридических лиц, экономические и социальные предпосылки, физические лица, экономические отношения, социально-политическая ситуация.

This article considers the influence of economic processes on criminal law. Economic development leads to the fact that a legal entity becomes the main participant of the market relations. As a result, due to market economy it receives more freedom and independence in decision-making process. The financial crisis, also resulted in social changes, provoked companies into taking cost cutting measures which, in their turn, quite often border on crimes. Following the policy of cost cutting measures, companies are not oftentimes conscious of its possible negative consequences. For instance, saving money on installing pollution control technology can have dramatic effect.

Criminal liability of corporations has become one of the most debated topics not only in Russia but also in countries that represent different legal families. Thus, to resolve the issue of corporate criminal liability it is necessary to take into account not only theoretical questions (such as to what extent is the basis of Russian criminal law, where the offender is recognized individual, touched upon; should we focus on the legislation of other countries and consider it more progressive) but also practical ones (whether to impose responsibility on a legal entity or an individual; what kind of punishment is more effective etc.).

Keywords: corporate criminal liability, economic and social preconditions, individuals, economic relations, social and political situation.

На сегодняшний день основными участниками экономических отношений являются юридические лица, что связано с наличием некоторых преимуществ: юридическое лицо обладает большим количеством возможностей как в вопросах масштаба дела, так и в его управлении командой беспристрастных лиц. По мере роста числа юридических лиц увеличивается степень их участия в различных областях жизни (согласно статистическим данным, на январь 2014 года в России ведут деятельность около четырех миллионов коммерческих юридических лиц) [Статистика юридических лиц]. В некоторых случаях по уровню власти и влияния юридическое лицо можно сравнить с государством, более того, существуют страны, где количество юридических лиц превышает количество граждан [Kremnitzer 2010: 909]. Желая достичь определенных бизнес-целей, компании нередко участвуют в преступной (экологические преступления) деятельности. Такое развитие событий ставит новые и сложные задачи в области уголовного права, в данном случае речь идет не только о постановке вопроса «быть или не быть уголовной ответственности юридических лиц», но затрагиваются основы уголовного права в его традиционном понимании. Страны — представители разных правовых семей — вынуждены исследовать вопрос введения уголовной ответственности юридических лиц, нередко переориентируя перспективы законодательного развития в ответ на вызовы, возникающие в этой области права.

Общеизвестным является взаимное влияние различных сфер жизни общества, в том числе экономической и правовой. Предполагается, «что право представляет собой форму, в частности, формальное опосредование экономики как содержания». С точки зрения А. А. Алпатова, право должно способствовать установлению экономического равновесия как на макро-, так на и микроуровне [Алпатов 2012: 75].

Экономическая и социальная обстановка практически всегда способствует изменению и реформированию права как на теоретическом, так и на практическом уровнях. Поскольку источником правил является общество, то социальная обусловленность играет важную роль, заключающуюся в том, что происходящие в общественных отношениях процессы порождают необходимость создания и введения норм, которые обладали бы таким свойством, как адекватность, то есть соответствовали бы новым потребностям общества. Необходимость в урегулировании указанных отношений возникла в момент, когда экономика России перешла на рыночные условия хозяйствования. Теперь у руководителей организаций появилась свобода в принятии решений и самостоятельном определении политики компании. Однако большая степень свободы предполагает новый уровень ответственности [Ахмедшина 2002: 64].

Зарождение идеи, разработка и принятие новых законов представляет собой отображение реальной экономической, конкретно складывающейся социально-политической обстановки в обществе, исторически сложившихся особенностей менталитета нации или народа и т. д. К примеру, если уровень экономического развития страны не требует концентрации крупных капиталов, то нет нужды создавать новую единицу — участника экономических отношений. С развитием экономики юридическое лицо становится значимым участником, способным оказать влияние на многие процессы жизни общества. Если до конца XIX в. юридическое лицо воспринималось исключительно как «фикция», то по мере развития экономики многие выступали в пользу «реальности» юридического лица[1].

Мировой экономический кризис, который длится уже на протяжении нескольких лет, как известно, затронул и Россию: сложившиеся на сегодняшний день экономические условия называют «второй волной кризиса». Согласно прогнозу 2013 г., рост экономики должен был составить 3,4 % ВВП — по данным Росстата, на самом деле он составил 1,3 % ВВП. По прогнозу НИУ ВШЭ, «темпы роста российской экономики в ближайшее десятилетие вряд ли превысят 3 %, хотя цена на нефть (а продажа сырья — основной источник пополнения бюджета) будет расти или стабилизируется» [Фаляхов 2014].

Подобные экономические условия оказывают значительное влияние на политику и поведение организаций. Представляется достаточно очевидным, что компании в первую очередь стремятся сохранить свой бизнес, удержаться на рынке. Сокращение затрат (cost cutting measures) — сдерживающая политика компании, нацеленная на сокращение издержек, приобретает важное значение и применяется чаще всего во время экономического кризиса. Заключается она в отказе от всех «излишеств», урезании затрат, оставлении минимально необходимого для функционирования бизнеса. В рамках указанной политики требуется грамотное проведение сокращения затрат, поскольку в случае чрезмерной сдержанности возможны непредвиденные последствия.

[1] О. Гирке (1841–1921; нем. правовед, историк права, чл.-корр. РАН (1912), один из адептов теории реальности юридического лица, полагал, что юридическое лицо представляет собой союзную личность, реальное лицо с собственными органами и волей. Вторая точка зрения представляет теорию фикции юридического лица. Ее суть заключается в том, как отмечал Ф. К. Савиньи (1779–1861; нем. юрист, глава исторической школы права, полагавший, что образование права есть процесс выявления «духа народа» и нельзя преобразовать право путем законодательства), что юридическое лицо есть не что иное, как искусственно созданный субъект права, обладающий имущественной правоспособностью, но не обладающий дееспособностью. Р. Иеринг (1818–1892; нем. правовед, для которого генезис и эволюция права — не цепь случайных, произвольных событий, а закономерно протекающий процесс, который несет на себе отпечаток социокультурного своеобразия народа; его концепция рождения и бытия права в стихии борьбы схожа с принципом борьбы за существование видов в теории Ч. Дарвина) представлял юридическое лицо как прием юридической техники, содействующий удовлетворению интересов единственно возможных субъектов — людей [Рубеко 2007: 3].

Рассмотрим конкретный пример: с каждым годом возрастает актуальность проблемы загрязнения окружающей среды. Вода, являясь основным источником жизни, все реже соответствует установленным требованиям. Одна из причин — ее загрязнение отходами предприятий, которые либо устанавливают некачественные очистные сооружения (для монтажа комплексного очистного сооружения во многих случаях необходимо обращаться к специализированным компаниям, услуги которых стоят недешево), либо не желают выделять средства на обновление устаревшего оборудования.

В случае выброса отходов ответственность несет сотрудник компании (возможна и такая ситуация, когда уголовной ответственности подлежит каждый новый сотрудник, отвечающий за очистку отходов, но юридическое лицо раз за разом продолжает выброс отходов, загрязняющих окружающую среду). Похожая ситуация сложилась и при осуществлении коррупционных действий представителями компаний: для заключения выгодного для юридического лица договора его представители часто применяют нерыночные и противозаконные меры.

Отметим, что вопрос ответственности того, кто способен оказать влияние на экономическую, политическую, правовую и другие ситуации в стране, всегда был важным. Наиболее остро он воспринимается сегодня, когда уровень концентрации капитала достиг наднационального предела.

Вопрос введения уголовной ответственности юридических лиц затрагивает концептуальную, теоретическую основу российского уголовного права. В настоящее время научное сообщество активно обсуждает следующую проблему: существует ли потребность в «расширении» границ уголовного права, признании уголовного права в «широком» смысле. Теме соотношения уголовного и административного права посвящена дискуссия в периодическом издании «Библиотека криминалиста. Научный журнал» (в частности, свое мнение высказали такие ученые, как Л. В. Головко, А. А. Малиновский, А. Г. Никитин, А. А. Арутюнов и др.). Связано это, по мнению Г. А. Есакова, с возникновением трудностей при определении границ уголовного и административно-деликтного права, а также в «необходимости разработки уголовного права в «широком» смысле с надлежащими процессуальными гарантиями прав обвиняемого лица» [Есаков 2013: 37–38] .

Как известно, в Российской Федерации уголовной ответственности подлежат только физические лица (ст. 19 УК РФ). Тем не менее, на протяжении периода демократических преобразований в стране не прекращается дискурс о возможности и необходимости введения уголовной ответственности юридических лиц за определенные виды преступлений. В ряде своих интервью «Российской газете» по этому поводу А. И. Бастрыкин говорил о подготовленном в СК РФ законодательном предложении о введении уголовной ответственности юридических лиц. В качестве примера были рассмотрены авиаперевозчики, которые зачастую, «чтобы снизить издержки, не вкладывают средства в дорогостоящее обучение или переобучение летного состава, закупают устаревший летный парк, приобретают комплектующие у сомнительных организаций, у которых заведомо не может быть оригинальных запчастей, а в лучшем случае — восстановленные детали». В случае же авиакатастрофы уголовной ответственности подвергается лишь конкретное физическое лицо, однако, если ввести уголовную ответственность юридических лиц, появится возможность «под угрозой жестких мер уголовно-правового воздействия (вплоть до крупных штрафов и лишения лицензии) мотивировать их собственников обеспечивать должный уровень безопасности, а уж потом думать о прибыли». Данная мера, по мнению А. И. Бастрыкина, может оказать влияние и на другие сферы жизни общества (в том числе горнодобывающую, промышленную и т. д.) [Российская газета 2014: 1]. Кроме того, А. И. Бастрыкин отметил, что введение уголовной ответственности юридических лиц позволит более эффективно бороться с «налоговыми» преступлениями [Российская газета 2014: 1].

В российской научной среде, в частности, возникают вопросы и споры по поводу того, каким образом возможно «вписать» уголовную ответственность юридических лиц в теорию уголовного права, как определять вину юридического лица, как решать вопрос о конкуренции норм гражданского, административного и уголовного права, и мн. др. Необходимо обратить внимание на следующее: «Разработанный и используемый в России институт административной ответственности отсутствует как в странах общего права (Великобритания, США и др.), так и в странах, относимых к континен-

тальной семье права (Бельгия, Нидерланды, Франция, Швейцария и др.), где уже существует уголовная ответственность юридических лиц. То, что в России именуется административной ответственностью, там относится к так называемому малому уголовному праву, или к уголовной ответственности за незначительные преступления и т. п.». Поэтому «публично-правовое воздействие на юридических лиц, совершивших преступления (правонарушения), в таких условиях возможно лишь в рамках уголовно-правовых мер» [Арбузов, Кубанцев 2012: 100]. В связи с этим возникает ряд спорных вопросов: воздействие в рамках административного и гражданского права является ли достаточным, или в новых финансово-экономических условиях необходимы дополнительные инструменты?

В качестве причин, влияющих на теоретические позиции, можно выделить уровень экономического развития в целом, социальные процессы и то, какая господствует в стране экономика — рыночная или плановая, понимание юридического лица как фикции или же социальной реальности. Тем не менее, необходимо отметить, что не только в Российской Федерации, но и во многих других странах вопрос уголовной ответственности юридических лиц был, а в некоторых остается достаточно актуальным и спорным (Великобритания, США, Испания, Бельгия, Нидерланды, Франция, Швейцария и мн. др.).

Очевидно, вопрос о расширении субъектного состава в уголовном праве за счет введения уголовной ответственности юридических лиц достаточно непростой, поскольку традиционно, по уголовному праву Российской Федерации, ответственности подлежат только физические лица. Несмотря на актуальность данного вопроса на протяжении двух десятилетий, следует отметить, что несколько лет назад большая часть научного сообщества выступала против уголовной ответственности юридических лиц. Сегодня, как известно, обсуждаются «основы» уголовного права, ученые активно дискутируют по поводу расширения границ уголовного права, его понимания в «широком» смысле. Если мы обратимся к судебной практике, то увидим, что инструментов гражданского и административного права недостаточно для регулирования деятельности юридических лиц, поскольку в настоящее время опасности подвергается не только окружающая среда, но и жизнь человека. Таким образом, говоря о социально-экономическом развитии страны, мы сосредоточиваем внимание на экономическом кризисе как отправной точке политических и правовых процессов. Слово «кризис» переводится с греческого как «решение, поворотный пункт», согласно словарю Ожегова, одно из значений этого слова — «резкий, крутой перелом» [Ожегов 1989: 247]. Возможно, экономический кризис является переломным моментом для развития права, открытия новых правовых границ.

Литература

Алпатов А. А. О соотношении права и экономики // Государство и право. 2012. № 1. С. 67–76.

Арбузов С. С., Кубанцев С. П. О перспективе введения в России института уголовной ответственности юридических лиц // Журнал российского права. 2012. № 10. С. 99–106.

Ахмедшина А. Н. Аффилированные лица: правовые нормы и проблемы их применения // Журнал Российского права. 2002. № 4. С. 63–66.

Есаков Г. А. От административных правонарушений к уголовным проступкам, или о существовании уголовного права в «широком» смысле // Библиотека криминалиста. 2013. № 1(6). С. 37–45.

Kremnitzer Mordechai. A Possible Case for Imposing Criminal Liability on Corporations in International Criminal Law. Journal of International Criminal Justice. 2010. 24 June. Pp. 909–918.

Ожегов С. И. Словарь русского языка: Ок. 57000 слов / под ред. Н. Ю. Шведовой. 20-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 1989. 750 с.

Российская газета № 6283 от 21 января 2014 [Электронный ресурс] // URL: http://www.rg.ru/nomera/2014/01/21.html (дата обращения: 25.07.2014).

Российская газета № 6391 от 29 мая 2014 [Электронный ресурс] // URL: http://www.rg.ru/2014/05/29/bastrykin.html (дата обращения: 25. 07. 2014).

Рубеко Г. Л. Правовой статус органов управления акционерных обществ. М.: Статут, 2007. 192 с.

Статистика юридических лиц. Официальный сайт информационного портала Коммерсантъ Картотека. [Электронный ресурс] // URL: http://www.kartoteka.ru/info_jur/?tab=0 (дата обращения: 25. 07. 2014).

Фаляхов Р. Кризис к нам приходит. 2014 [Электронный ресурс] // URL: http://www.gazeta.ru/business/2014/02/05/5883233.shtml (дата обращения: 25. 07. 2014).

References

[Statistics of Legal Entities]. In: [The Official website of the information portal Kommersant Kartoteka]. An Internet resource: http://www.kartoteka.ru/info_jur/?tab=0 (accessed: 25 July, 2014). (In Russ.)

Akhmedshina A. N. [Affiliated Persons: Legal Norms and Problems of their Application]. *Journal of Russian Law*. 2002. No. 4. Pp. 63–66. (In Russ.)

Alpatov A. A. [About Correlation of Law and Economy]. *State and Law*. 2012. No. 1. Pp. 67–76. (In Russ.)

Arbuzov S. S., Kubantsev S. P. [Concerning the Perspective of the Introduction of Institute of Criminal Responsibility for Legal Persons in Russia]. *Journal of Russian Law*. 2012. No.10. Pp. 99–106. (In Russ.)

Esakov G. A. [From Administrative Offenses to Criminal Offenses, or about the Existence of Criminal Law in a "Wide" Sense]. C*riminologist's Library*. 2013. No. 1(6). Pp. 37–45. (In Russ.)

Falyakhov R. [The Crisis is Coming to us. 2014]. An Internet resource: http://www.gazeta.ru/business/2014/02/05/5883233.shtml (accessed: 25 July, 2014). (In Russ.)

Falyakhov R. The crisis is coming to us. 2014. An Internet resource: http://www.gazeta.ru/business/2014/02/05/5883233.shtml (accessed: 25 July, 2014). (In Russ.)

Kremnitzer Mordechai. A Possible Case for Imposing Criminal Liability on Corporations in International Criminal Law. J*ournal of International Criminal Justice*. 2010. 24 June. Pp. 909–918. (In Eng.)

Ozhegov S. I. [The Dictionary of the Russian Language: about 57000 words]. N. Yu. Shvedova (ed.). 20th ed. Moscow: Rus. yaz., 1989. 750 p. (In Russ.)

Rossiyskaya gazeta No. 6283. January 21, 2014. An Internet resource: http://www.rg.ru/nomera/2014/01/21.html (accessed: 25 July, 2014). (In Russ.)

Rossiyskaya Gazeta No. 6391. May 29, 2014. An Internet resource: http://www.rg.ru/2014/05/29/bastrykin.html (accessed: 25 July, 2014). (In Russ.)

Rubeko G. L. [Legal Status of Joint Stock Companies' Management Bodies]. Moscow: Statut, 2007. 192 p. (In Russ.)

УДК 378.09
ББК 74.6

О ФОРМИРОВАНИИ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ КАЛМЫКИЯ)

On the Formation of Youth Civic Identity of Students (the Case Study of the Republic of Kalmykia)

М. Б. Марзаева *(M. Marzaeva)* [1]

[1]младший научный сотрудник отдела этнологии Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Researcher of the Ethnology Department at the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS). E-mail: mbm.08@yandex.ru.

В статье анализируются процессы социализации и формирования гражданской идентичности студенческой молодежи на примере обучающихся в Калмыцком государственном университете. Рассмотрев основные направления общественной деятельности вуза, автор приходит к выводу, что соответствующие программы направлены на формирование гражданских ценностей и развитие активной гражданской позиции в молодежной среде.

Ключевые слова: гражданская идентичность, гражданственность, гражданские ценности, студенчество, Калмыцкий государственный университет.

In terms of sociocultural modernization of Russian society, close attention is being paid to the issue of forming civic identity in young people. In this regard, students' civic consciousness is central to the mission of Russian higher education institutions, especially, within their concepts of sustainable development.

So, the research seeks to examine the formation of civic identity among students of Kalmyk State University which created favorable conditions for modeling and designing students' civic engagement activities. A major rationale for inspiring civic virtue in young people is their involvement in student activities at the university such as the Council of Student Associations of the university, Starostat (the committee, consisting of monitors of all the study groups of the Faculty), primary student trade union organization and the headquarters of student brigades "Dzhangar".

The analysis of forming civic identity of Kalmyk State University students includes different developmental levels. The first is the information level, which covers, primarily, freshmen, dealing with a variety of outreach activities (meetings with veterans, thematic curatorial hours, etc.). The nature of the civic identity formation, at this level, is mainly focused on students' involvement and their acquiring civic values, as they are still the object of educational influence. The second level is considered to be more productive, as it involves students' participation in civic engagement activities. Thus, students are becoming strongly dependent on educational process, which aims to develop a certain number of their behavioral strategies to help them become socially committed members of society who would willingly participate in socially important matters. At the third level, students are supposed to have already developed their civic identity, as they start demonstrating leadership qualities and take the initiative in organizing different types of events, as well.

Keywords: civic identity, civicism, civic values, studentship, Kalmyk State University.

В условиях социокультурной модернизации российского общества проблема всестороннего научного анализа и исследования структурных компонентов идентичности стала одной из основных в отечественной гуманитарной науке. Изучением данной проблемы занимаются педагоги, этнологи, социологи, культурологи, психологи, философы и специалисты в других областях гуманитарного знания [Дробижева 2006; Гриценко 2006; Гуревич 2010; Заковоротная 1999; Русанова 2007; Тишков 1997]. Проблемы идентичности, ее региональной специфики отражены и в работах исследователей Калмыкии [Бадмаев 2013; Имкенова 1999; Намруева 2008; Сенглеева 2005].

Многие социологи отмечают проявления «кризиса идентичности» в российском обществе. В связи с этим представляется актуальным изучение проблемы формирования идентичности молодежи. Различные аспекты идентичности молодежи Калмыкии исследованы в статьях некоторых авторов [Намруева 2012; Кальдинова, Нуксунова 2012].

В настоящее время особое внимание государства уделяется проблеме формирования гражданской идентичности молодых людей, являющейся одной из важнейших задач в молодежной политике России. В рамках данной работы будет рассмотрен процесс формирования гражданской идентичности студентов Республики Калмыкия.

Студенчество — самая перспективная часть молодежи, в личностном развитии которой самоопределение играет значимую роль. Изучение формирования идентичности студенческой молодежи становится особенно актуальным в условиях интенсивных процессов глобальной интеграции.

Система высшего образования на территории Республики Калмыкия представлена Калмыцким государственным университетом (КалмГУ) и структурными подразделениями Московской академии экономики и права, Российского государственного гуманитарного университета, Южного федерального университета, Московского финансово-промышленного университета «Синергия». В связи с тем, что численность студентов очной формы обучения в калмыцких филиалах РГГУ, МАЭП, ЮФУ, «Синергия» в последние годы значительно сократилась, в данной работе в качестве примера будет рассматриваться студенчество Калмыцкого государственного университета.

Калмыцкий государственный университет, основанный в 1970 г., является основным учреждением высшего образования республики, в котором обучается около 8000 человек по 24 специальностям, 35 направлениям бакалавриата, 13 направлениям магистратуры [Калмыцкий государственный университет 2014]. В настоящее время в КалмГУ насчитывается около 4000 студентов очной формы обучения. В Калмыцком университете как одном из институтов социализации молодежи в рамках учебно-воспитательного процесса реализуется немало проектов, направленных на развитие гражданских качеств, способствующих формированию позитивной гражданской идентичности студентов, структурными компонентами которой являются когнитивный (познавательный), эмоционально-оценочный (коннотативный), ценностно-ориентировочный (аксиологический), деятельностный (поведенческий) аспекты. Важными показателями гражданственности считаются в первую очередь патриотизм, активная гражданская позиция, правовая компетентность. Фактором, способствующим развитию таких личностных качеств, является активное участие молодых людей в общественной деятельности вуза через вовлечение их в работу студенческих организаций. Одной из форм социализации является участие студентов в таких традиционных мероприятиях университета, как «Красная Звезда», «Виват», Вахта памяти, «Георгиевская лента», «Зарница», День России, «В семье единой» и многие другие. Так, например, ежегодно в преддверии Дня защитника Отечества студенческие команды участвуют в военно-патриотическом конкурсе «Красная Звезда», в котором необходимо продемонстрировать не только знание военной истории страны, но и умение разборки и сборки стрелкового оружия. Для реализации программы патриотического воспитания студентов университет тесно сотрудничает с представителями регионального отделения Союза десантников.

Общевузовским проектом стал и конкурс «Виват», состоящий из двух этапов, в которых команды факультетов соревнуются в исполнении солдатских песен и в конкурсе плакатов, посвященных Дню Победы. В 2014 г. студенты КалмГу приняли участие в международной акции «15 дней до Великой Победы», организовав Вахту памяти у памятников и мемориалов. В студенческих группах регулярно проводятся встречи с ветеранами Великой Отечественной войны и ветеранами локальных войн. В мае 2014 г. в память о защитниках Отечества студенты заложили Аллею Победы в студенческом городке [Халгинова 2014]. Ежегодным мероприятием также является военно-патриотическая игра «Зарница», в которой команды университета соревнуются в преодолении полосы препятствий, в навыках использования туристического снаряжения, в стрельбе из оружия, в умении оказывать первую медицинскую помощь [Нарин-Шаринов 2014]. Участие студенческой молодежи в подобных мероприятиях имеет важное

значение для становления личности молодых людей, которые, участвуя в общественно-значимых акциях, соприкасаются с историей и традициями боевой славы нашей страны. Данные мероприятия способствуют формированию уважительного отношения к отечественной истории, чувства патриотической гордости. На протяжении многих лет представители университета участвуют в работе Всероссийского молодежного форума «Селигер», который, по мнению его участников, становится важным событием в студенческой жизни. Так, одна из участниц «Гражданского форума» 2013 г., Иляна Юсурова определила свое участие в работе форума словами: «Это незабываемо, когда ты стоишь в пятитысячной толпе, поющей гимн! Ты чувствуешь, что в этот момент, независимо от веры, национальности, все мы, все 5000 человек — одно единое целое! Являясь частицей этого целого, чувствуешь, что такой огромной силе подвластно изменить многое. В такой момент действительно отчетливо понимаешь, что мы — это будущее и сила России! Я уверена, в нашем мире, в котором люди думают в основном о своих потребностях, такие форумы способствуют воспитанию патриотизма и единства у молодого человека» [Студенты КалмГУ… 2014].

В предверии значимых для истории Отечества календарных дат студенты КалмГУ проводят информационно-разъяснительные акции, распространяют буклеты, посвященные истории и традициям праздника. Необходимо отметить, что, помимо участия в общероссийских проектах, калмыцкие студенты успешно создают и реализуют собственные — в рамках самостоятельных направлений.

Деятельность Штаба студенческих отрядов КалмГУ «Джангар» известна далеко за пределами республики. Педагогические, строительные, сервисные отряды университета признаны одними из лучших в российском студенческом движении. Одной из основных задач Штаба является развитие высокого патриотического сознания молодежи. Этой цели посвящен проект «Мы – патриоты», ориентированный на работу с подростками. В рамках данной программы созданы гражданско-патриотические отряды в школах г. Элисты. [Нарин-Шаринов 2014а]. В 2014 г. студентами была проведена акция «Благодарность земляков». Студенты-участники направили около трех тысяч поздравлений ветеранам [Благодарность земляков 2014].

4 ноября в День народного единства отряд «Старт» и студенческий педагогический отряд «Джангар» при участии университетской вокальной студии «Анданте», народного ансамбля песни и танца КалмГУ «Бумбин орн» провели акцию «В семье единой», участником которой может стать каждый желающий написать свои пожелания и поздравления. Такие мероприятия имеют большое значение для развития лучших качеств молодых людей — патриотизма и гражданственности. В подтверждение можно привести слова командира студенческого гражданско-патриотического волонтерского отряда «Старт», Айланы Мануновой: «Благодаря подобным мероприятиям мы все осознаем, что живем в интернациональной республике, а наши добрые поступки еще раз доказывают, что все мы являемся одной семьей» [В семье единой 2014].

Педагогический отряд «Джангар» уже на протяжении многих лет курирует Центр реабилитации детей с ограниченными возможностями, проводит для своих подопечных утренники, организует праздники [Активисты отряда КалмГУ… 2014]. Инициативная деятельность, практическое участие в социально значимых делах содействуют развитию активной жизненной позиции студента, способствуют развитию ответственности у молодого человека.

Одним из факторов гражданского становления молодого человека является развитие правовых знаний и правовой компетенции, ставшее одним из направлений деятельности в Калмыцком государственном университете. В числе успешно осуществленных проектов можно назвать участие в 2014 г. делегации КалмГУ в общественных обсуждениях проекта «Основы государственной молодежной политики в РФ до 2025 г.» [Делегация Калм ГУ… 2014].

За активное участие в обсуждении законопроекта «Об образовании в Российской Федерации» четыре активиста студенческой профсоюзной организации вуза вошли в десятку лучших экспертов указанного проекта федерального закона. Это свидетельствует о достаточно высоком уровне правовых знаний студентов КалмГУ. Следует отметить, что добросовестная работа профсоюзного коллектива отмечена на федеральном уровне: организация стала победителем всерос-

сийского Интернет-конкурса «Prof.ком» [Халгинова 2014]. Участие студенческой молодежи в профсоюзной деятельности, безусловно, способствует формированию активной гражданской позиции.

Выборность и отчетность руководящих органов всех студенческих организаций КалмГУ способствует развитию у студенческой молодежи ответственности. Участие в выборах лидеров в руководство Совета студенческих объединений университета, Старостат, первичной профсоюзной студенческой организации, Штаба студенческих отрядов «Джангар» формирует и закрепляет в сознании молодых людей усвоение ими социальной роли избирателя. Участвуя в общественной деятельности в группе сверстников, студенты приобретают необходимые навыки социального взаимодействия. Таким образом, в Калмыцком государственном университете создана эффективная система по проектированию и моделированию позитивной гражданской деятельности студенческой молодежи.

Анализируя процесс формирования гражданской идентичности студентов на примере Калмыцкого университета, можно отметить несколько уровней механизма его развития. Информационный уровень охватывает в первую очередь первокурсников, для которых проводятся различные информационно-разъяснительные мероприятия (встречи с ветеранами, тематические кураторские часы и т. д.). В этот период характер формирования гражданской идентичности ориентирован на приобщение, усвоение гражданских ценностей студентами, поскольку студенчество все еще является объектом воспитательного воздействия. Второй уровень, когда студенты участвуют в общественных мероприятиях, становясь непосредственными субъектами воспитательного процесса, более продуктивен. Характер воздействия имеет целью формирование поведенческой стратегии студентов и становление общественно активной личности, способной принимать осознанное участие в общественно-значимых делах. Третий уровень предполагает уже сформированность гражданской идентичности, когда студенты проявляют лидерские качества и становятся инициаторами проведения тех или иных мероприятий.

Таким образом, вся разносторонняя общественная деятельность в вузе способствует развитию интереса студентов к общественно-значимым делам, гражданскому самосознанию и личностному становлению. Характер направленности мероприятий университета оказывает позитивное влияние на процесс формирования устойчивой гражданской идентичности студенческой молодежи.

Литература

Активисты отряда КалмГУ «Джангар» — детям [Электронный ресурс] // URL: http://www.kalmsu.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=1606:-qq-&catid=1:news&Itemid=333 (дата обращения: 19.10.2014).

Бадмаев В. Н. Транскультурация и культурная идентичность калмыцкого этноса // Россия — Монголия: культурная самобытность монголоязычных народов. Элиста: НПП «Джангар»», 2013. С. 25–38.

Благодарность земляков [Электронный ресурс] // URL: http://www.kalmsu.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=3154:2014-05-12-05-27-14&catid=1:news&Itemid=333 (дата обращения: 20.10.2014).

В семье единой [Электронный ресурс] // URL: http://www.kalmsu. ru/index.php?option=com_content&view=article&id=2551:q-q&catid=1:news&Itemid=333 (дата обращения: 19.10.2014).

Гриценко В. В. Этническая идентичность и социально-психологическая адаптация // Известия Саратовского государственного университета. 2006. Т. 6. Сер. Философия. Психология. Педагогика. Вып. ½. с. 62–70.

Гуревич П. С. Проблема идентичности человека в философской антропологии // Вопросы социальной теории. 2010. Т. IV. С. 63–87.

Делегация КалмГУ приняла участие в общественных обсуждениях проекта [Электронный ресурс] // URL: «Основы государственной молодежной политики в РФ до 2025 г.» http://www.kalmsu.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=3351:-l-2025-r&catid=1: news&Itemid=333 (дата обращения: 19.10.2014).

Дробижева Л. М. Государственная и этническая идентичность: выбор и подвижность // Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России. М.: Ин-т социологии РАН, 2006. С. 10–29.

Заковоротная М. И. Идентичность человека. Ростов-на-Дону: Изд-во Сев.-Кавказ. науч. центра высш. шк., 1999. 200 с.

Имкенова А. Б. Этническая идентичность калмыков. Элиста: АПП «Джангар», 1999. 90 с.

Калмыцкий государственный университет [Электронный ресурс] // URL: http://www.kalmsu.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=21&Itemid=179 (дата обращения: 19.10.2014).

Кальдинова Г. П., Нуксунова А. М. Этнокультурная идентичность студенческой молодежи Калмыкии // Мониторинг общественного мнения 6 (122) ноябрь-декабрь. С. 23–27. [Электронный ресурс] // URL: http://wciom.ru/fileadmin/Monitoring/112/Monitoring_2012_112_04_G.P._Kaldinova__A.M._Nuksunova.pdf. (дата обращения: 10.09.2014).

Намруева Л. В. Характеристика типов этнической идентичности (на примере калмыков) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2008. № 3. С. 61–65.

Намруева Л. В. Молодежь Калмыкии: выбор идентичности (по итогам опросов) // Материалы IV Всерос. социологического конгресса «Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие» [Электронный ресурс]: Материалы IV Очередного Всероссийского социологического конгресса / РОС, ИС РАН, АН РБ, ИСППИ. М.: РОС, 2012. — 1 CD ROM. С. 2498–2502.

Нарин-Шаринов Р. Игра «Зарница»: команда будущих аграриев — на первом месте [Электронный ресурс] // URL: http://www.kalmsu.ru/index.php?option=com_content&view= article&id=3201:qq-------&catid=1:news&Itemid=333 (дата обращения: 20.10.2014).

Нарин-Шаринов Р. К юбилею великой победы. Мы – патриоты [Электронный ресурс] // URL: http://www.kalmsu.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=3512:2014-11-24-07-39-08&catid=1:news&Itemid=333 (дата обращения: 24.11.2014а).

Русанова А. Г. Культурная идентификация студентов: проблема нормы // Вопросы культурологии. 2007. № 6. С. 36–38.

Сенглеева С. З. К проблеме культурной идентичности калмыков // Народы Калмыкии: проблемы национальной идентичности и менталитета. Элиста: КалмГУ, 2005. С. 155–163.

Студенты КалмГу приняли участие в форуме «Селигер-2013» [Электронный ресурс] // URL: http://www.kalmsu.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=2308:-q-2013q&catid=1:news&Itemid=333 (дата обращения: 20.10.2014).

Тишков В. А. Идентичность и культурные границы // Идентичность и конфликт в постсоветских государствах. М.: Моск. центр Карнеги, 1997. С. 15–43.

Халгинова Н. Аллея Победы как память о героях [Электронный ресурс] // URL: http://www.kalmsu.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=3159:2014-05-12-13-55-19&catid=1:news&Itemid=333 (дата обращения: 20.10.2014).

References

[Activists of Kalmyk State University “Dzhangar” Unit for Children]. An Internet resource: http://www.kalmsu.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=1606:-qq-&catid=1:news&Itemid=333 (accessed: 19 October, 2014). (In Russ.)

[Delegation from Kalmyk State University Took Part in Public Discussions of the Project]. An Internet resource: “Basics of State Youth Policy in the Russian Federation until 2025” http://www.kalmsu.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=3351:-l-2025-r&catid=1: news&Itemid=333 (accessed: 19 October, 2014). (In Russ.)

[Gratitude of Countrymen]. An Internet resource: http://www.kalmsu.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=3154:2014-05-12-05-27-14&catid=1:news&Itemid=333 (accessed: 20 October, 2014). (In Russ.)

[In One United Family]. An Internet resource: http://www.kalmsu. ru/index.php?option=com_content&view=article&id=2551:q-q&catid=1:news&Itemid=333 (accessed: 19 October, 2014). (In Russ.)

[Kalmyk State University]. An Internet resource: http://www.kalmsu.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=21&Itemid=179 (accessed: 19 October, 2014). (In Russ.)

[Students of Kalmyk State University Participated in Seliger-2013 Forum]. An Internet resource: http://www.kalmsu.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=2308:-q-2013q&catid=1:news&Itemid=333 (accessed: 20 October, 2014). (In Russ.)

Badmaev V. N. [Transculture and Cultural Identity of the Kalmyk Ethnos]. In: [Russia – Mongolia: Cultural Identity of Mongolian-speaking Nations]. Elista: Dzhangar, 2013. Pp. 25–38. (In Russ.)

Drobizheva L. M. State and Ethnic Identity: Choice and mobility]. In: [Civil, Ethnic and Religious Identities in Modern Russia]. Moscow: Institute of Sociology of the RAS, 2006. Pp. 10–29. (In Russ.)

Gritsenko V. V. [Ethnic Identity and Social-Psychological Adaptation]. *Bulletin of Saratov State University*. 2006. Vol. 6. Ser.: Philosophy. Psychology. Pedagogy. Iss. ½. Pp. 62–70. (In Russ.)

Gurevich P. S. [Problem of Human Identity in Philosophical Anthropology]. In: [Problems of Social Theory]. 2010. Vol. IV. Pp. 63–87. (In Russ.)

Imkenova A. B. [Ethnic Identity of the Kalmyks]. Elista: Dzhangar, 1999. 90 p. (In Russ.)

Kaldinova G. P., Nuksunova A. M. [Ethno-cultural Identity of Student Youth in Kalmykia]. In: [Public Opinion Monitoring. No. 6 (122) .November-December. Pp. 23–27. An Internet resource: http://wciom.ru/fileadmin/Monitoring/112/Monitoring_2012_112_04_G.P._Kaldinova__A.M._Nuksunova.pdf. (accessed: 10 September, 2014). (In Russ.)

Khalginova N. [Victory Alley as a Memory of Heroes]. An Internet resource: http://www.kalmsu.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=3159:2014-05-12-13-55-19&catid=1:news&Itemid=333 (accessed: 20 October, 2014). (In Russ.)

Namrueva L. V. [Characteristics of Ethnic Identity Types (on the Example of Kalmyks)]. *Bulletin of Kalmyk Institute of Humanitarian Research of the RAS*. 2008. No. 3. Pp. 61–65. (In Russ.)

Namrueva L. V. [Youth of Kalmykia: Identity Selection (Based on the Survey Results). In: [Sociology and Society: Global Challenges and Regional Development]. Conf. proc. An Internet resource]. Russian Society of Sociologists, Institute of Sociology of the RAS, Bashkortostan Academy of Sciences, Bashkortostan Institute of Sociopolitical and Law Research. Moscow: Russian Society of Sociologists, 2012. - 1 CD ROM. Pp. 2498–2502. (In Russ.)

Narin-Sharinov R. [Game “Zarnitsa”: Team of Future Agrarians Won First Place]. An Internet resource: http://www.kalmsu.ru/index.php?option=com_content&view= article&id=3201:qq-------&catid=1:news&Itemid=333 (accessed: 20 October, 2014). (In Russ.)

Narin-Sharinov R. [To the Anniversary of the Great Victory. We are Patriots]. An Internet resource: http://www.kalmsu.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=3512:2014-11-24-07-39-08&catid=1:news&Itemid=333 (accessed: 24 November, 2014a). (In Russ.)

Rusanova A. G. [Cultural Identification of Students: the Problem of Norm]. *Problems of Culturology*. 2007. No. 6. Pp. 36–38. (In Russ.)

Sengleeva S. Z. [Concerning the Cultural Identity of the Kalmyks]. In: [People of Kalmykia: Problems of National Identity and Mentality]. Elista: Kalmyk State University, 2005. Pp. 155–163. (In Russ.)

Tishkov V.A. [Identity and Cultural Borders]. In: [Identity and Conflict in Post-Soviet States]. Moscow: Carnegie Center, 1997. Pp. 15–43. (In Russ.)

Zakovorotnaya M. I. [Human Identity]. Rostov-on-Don: North-Caucasus Scientific Center of Higher Education. 1999. 200 p. (In Russ.)

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ / REVIEW

Санжиева В. Ш. Научный архив КИГИ РАН и его фонды

Sanzhieva V. Scientific Archive of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences and its Funds

Создание и формирование научного архива началось с 1 ноября 1957 г., сразу после восстановления института, и сегодня является одним из ведущих научно-вспомогательных подразделений.

Научный архив КИГИ РАН — ведомственный архив, работает по Правилам работы государственных архивов Российской Федерации и наделен правом государственного хранения архивных документов.

Главными задачами научного архива являются: комплектование его документами; обеспечение сохранности, учета, качества обработки, отбора и использования хранящихся в нем документов, осуществление методического руководства и проверок состояния организации документов в делопроизводстве института.

Комплектование архива осуществляется путем приема документов из структурных подразделений института; материалов научных форумов и экспедиций; юбилейных мероприятий, проводившихся институтом; рукописей изданий института, монографий и статей сотрудников. Архивные фонды пополняются также за счет документов, выявленных сотрудниками в библиотеках и архивах страны (выписки, фото-и ксерокопии материалов) и частных поступлений от граждан.

В основу систематизации архивного фонда положены структурно-хронологическая схема систематизации (дела сгруппированы по структурным подразделениям института, а в пределах каждой структурной группы — по времени их создания) и авторский классификационный признак.

В архиве института по состоянию на 1 января 2014 г. хранятся 30 фондов с общим числом более 29 тысяч единиц хранения.

Интересен по составу и содержанию *фонд административно-управленческого аппарата «Канцелярия. Бухгалтерия».* В нем сосредоточена вся организационная, распорядительная, информационно-справочная, управленческая и финансовая документация. Это постановления и распоряжения вышестоящих органов, Уставы института и Положения об институте и его структурных подразделениях, приказы по научной деятельности, протоколы заседаний и решения Ученого совета и дирекции, годовые и перспективные планы научно-исследовательских работ и изданий, отчеты об их выполнении, справки, докладные записки о работе института в вышестоящие органы, отчеты сотрудников по научным командировкам, материалы общеинститутских методологических семинаров, сметы расходов и штатные расписания, годовые финансовые отчеты, трудовые договоры с научными учреждениями и учеными, переписка с ЦК КПСС, Советом Министров СССР, РСФСР и Правительством Российской Федерации, Госпланом и Госкомиздатом РСФСР, с Академиями наук СССР и Российской Федерации, Калмыцким обкомом КПСС, Советом Министров и Госпланом Калмыцкой АССР, Президентом, Главой и Правительством Республики Калмыкия по вопросам финансирования и материально-технического обеспечения, открытия новых структурных подразделений, подготовки научных кадров и т.д.

Материалы фонда отражают деятельность руководства института по созданию и укреплению его материально-технической базы, расширению научных направлений, повышению квалификации и улучшению жилищных условий сотрудников, установлению и укреплению связей и взаимного со-

трудничества КИГИ РАН как с российскими, так и с зарубежными научными учреждениями и учеными — Венгрии, Германии, Китая, Монголии, Польши, США, Финляндии, Чехии, Японии и других стран.

Большую ценность представляют документы фондов научных подразделений, которые в совокупности с материалами административно-управленческого аппарата отражают историю становления и развития фундаментальной гуманитарной науки в Калмыкии. Это планы научно-исследовательской работы, индивидуальные планы НИР, отчеты о выполнении плана НИР, отчеты, заявки (пояснительные записки) к плану НИР, планы-проспекты НИР, протоколы заседаний структурного подразделения и методологических семинаров.

Однако состав фондов структурных подразделений не ограничивается этими материалами, он намного разнообразнее.

В частности, в *фонде Отдела языкознания* имеются *анкеты* социолого-лингвистического обследования населения сел Приютненского, Городовиковского, Ики-Бурульского, Приозерного (ныне — Кетченеровский) районов (1970–1971 гг.; *материалы совещания п*о вопросам транскрипции и орфографии калмыцкого языка (Элиста,1928 г., 5–6 февраля), *терминологических комиссий* (1957–1960 гг.) и *круглых столов* по калмыцкому языку, алфавиту и письменности (1990–1992 гг.); *словари* (русско-калмыцкий, толковый, синонимов, терминологические).

Значительную часть материалов фонда составляют рукописи монографий, книг, статей по различным проблемам калмыцкого языка и письменности. Среди них— *рукописи монографии* В. Л. Котвича «Местоимения в алтайских языках» (пер. с фр. В. И. Цинциус и Ф. Д. Ашнина), Н. Н. Убушаева «Фонетика торгоутского говора калмыцкого языка», А. Б. Лиджиева «Глагол в монгольском языке в сравнительно-историческом освещении», Н. М. Мулаевой «Модальность возможности, необходимости и достоверности (на материале современного калмыцкого языка)» и др.; *научные отчеты* А. Б. Лиджиева «Фонетические соответствия в тунгусо-маньчжурских и монгольских языках», С. Е. Бачаевой«Социальная терминология современных монгольских языков»; *статьи* Ц-Д. Номинханова «К вопросу изучения калмыцкой ономастики», П. Ц. Биткеева «Неясные гласные калмыцкого языка», И. К. Илишкина «О заимствованных словах и терминах в калмыцком языке», У. У. Очирова «Придаточные предложения времени», Б. Б. Бадмаева «Сопоставительная характеристика склонений в заяпандитской письменности и в современном калмыцком языке», Д. К. Стрита «О редуцированных гласных калмыцкого языка», Б. Х. Тодаевой «Значения и функции падежей в калмыцком языке» и другие; *учебники* «Грамматики калмыцкого языка» (1982 г.), «Опыт грамматики калмыцкого разговорного языка» В. Л. Котвича, «Справочник по грамматике калмыцкого языка (пособие для учителей)» Б. К. Пашкова (1961 г.), *словари:* «Калмыцко-русский словарь» Г. И. Рамстедта, «Русско-калмыцкий словарь» (под ред. И. И. Илишкина,1964 г.), «Калмыцко-русский словарь» (под ред. Б. Д. Муниева, 1977 г.), «Толковый словарь калмыцкого языка:пособие для учащихся» Б. Б. Манджиковой (2002 г.), «Словарь синонимов калмыцкого языка — Хальмг келнә синонимсин толь» М. У. Монраева (2002 г.), «Словарь языка ойратов Синьцзяна (По версиям эпоса «Джангара» и полевых запискам автора)» Б. Х. Тодаевой (2001 г.), «Калмыцко-русский и русско-калмыцкий терминологический словарь (медицина)» Ц. К. Корсункиева (1992 г.), «Калмыцко-русский терминологический словарь: флора и фауна» Б. Б. Манджиковой (2007 г.), а также подготовленные В. Э. Очир-Горяевым «Калмыцко-русский и русско-калмыцкий словарь. Народное образование» (1992 г.), «Калмыцко-русский и русско-калмыцкий словарь. Рыбное хозяйство» (1995 г.) и «Калмыцко-русский и русско-калмыцкий словарь. Агрономия» (1996 г.).

Имеются *перечень* материалов архива выдающегося ученого-монголоведа В. Л. Котвича; *фотокопии* 5 первых номеров газеты «Өөрдин зәңг» за 1917–1918 гг. из его архива; *переписка* В. Л. Котвича и С. А. Козина за 1936–1941 гг.

Фонд Отдела литературы содержит бесценные материалы фольклорных и комплексных экспедиций, проводившихся институтом в районах Калмыкии в 1960–1970-е гг. и в 2000-х гг. Это экспедиционные дневники, каталоги — перечни произведений, записанных в ходе экспедиций, списки информантов по районам республики и записи калмыцких народных песен, сказок, йорялов, пословиц и поговорок.

В фонде хранятся копии редкого издания сборника «Калмыцкие сказки» (в 2-х частях) Г. И. Рамстедта и уникальных дневниковых записей Г. С. Лыткина, которые он вел во время научной командировки по Калмыцкой степи и в г. Астрахани в 1858–1860 гг., *рукописи монографий* М. Э. Джимгирова «Калмыцкие народные сказки (опыт их классификации)», Р. А. Джамбиновой «Калмыцкая литература последней четверти XX века: закономерности развития» и «Калмыцкая проза XX в.: новое осмысление»; Л. Н. Нуркаевой «Монгольская проза XX века. Повесть – хроника нового времени», А. И. Тугутова «Жанрово-содержательные проблемы изучения памятника монгольской письменности XIII века» и др., *статьи* Г. И. Михайлова «Калмыцкая литература. XVII нач. XX вв.» и «О времени возникновения монгольских былин», М. Э. Джимгирова «Калмыцкая советская художественная литература» (1957–1966 гг.), Л. С. Сангаева «Калмыцкая художественная литература»» (1941–1945 гг.), А. И. Сусеева «Калмыцкое народное поэтическое творчество» и другие. Крупным событием в научной жизни Калмыкии был выход в свет фундаментального труда «История калмыцкой литературы» в 2-х томах.

В фонде *Отдела фольклора и джангароведения* содержатся копии материалов Национального архива о подготовке и проведении 500-летнего юбилея калмыцкого героического эпоса «Джангар» в 1940 г. и 110-летия джангарчи Элян Овла в 1967 г.

Имеются *фотокопии глав из* «Джангара: «Шар Гүргү» на «тодо бичиг» и калмыцкого текста об Авланги-хане, записанные у Б. Обушинова в декабре 1901 г. И. И. Поповым (выявлены П. Э. Алексеевой в Государственном архиве Ростовской области, в фонде И. И. Попова); *рукописи* поэтических переложений Г. Шалвуровым глав «Шар Гүргү», записанных им у джангарчи и писателя А. Козаева, «Ке шар цоохр мөртә Кермин көвүн Монхулалә дәәлдсн бөлг» и «Арнзлин хурдн зеердиг хулха авсна туск бөлг» — у Д. Шавалиева (1940 г.); «Догшн Маңгна хан»— у А. Шигджиева в транскрипции; песен эпоса, записанных у сказителей Б. Хахишева, Д. Эрендженова, Н. Джукаева, М. Манджиева, Т. Лиджиева.

В фондах архива материалы фольклорных *экспедиций,* проводившихся институтом в районах республики в конце 1950-х – 1980-е гг. и 2000 г. Это калмыцкие *сказки, легенды,* записанные Л. Сангаевым; *пословицы, поговорки и йорялы* — В. К. Шивляновой у Джаргаевой-Ямановой Ц. К.; *репертуары сказителей* Ч. Комаева и Л. Адудова, *йорялы* в записи Э. Б. Овалова; *йорялы, харалы, загадки* в записи Т. Г. Борджановой. *Монгольские сказки, пословицы и загадки* (на монгольском языке), *загадки* донских калмыков, собранные и записанные И. И. Поповым (367 загадок); *песни о выселении* калмыков в Сибирь; *ноты* старинных калмыцких песен и т.д.

На базе собранных богатейших образцов письменного и устного народного творчества уже в начале 1960 г. были изданы «Антология калмыцкой поэзии» и «Калмыцкие народные сказки», рукописи которых хранятся в фонде отдела.

В 1990-е и 2000-е гг. фонд пополнился *рукописями* новых работ по фольклору и джангароведению. Среди них — первый двуязычный том «Джангара» в серии «Эпос народов СССР», рукописи Э. Б. Овалова «Эпические традиции монгольских народов (опыт сравнительно-типологического исследования эпоса монгольских народов)», «Типология мотивов и сюжетов в эпосе монгольских народов» и «Сюжетно-стилевые традиции в эпосе «Джангар» и его версиях», В. К. Шивляновой «Музыкальные традиции «Джангара»: калмыцкий эпос в общеойратском контексте», Б. Х. Тодаевой «Героический эпос синьцзянских ойрат-монголов» (в 3-х томах), Б. Б. Манджиевой «„Джангар“» Малодербетовский список: происхождение и художественное своеобразие версии».

В фонде имеются *рукописи* работ по другим жанрам фольклора. Это *тома «Свода калмыцкого фольклора*», «Легенды и предания» Д. Э. Басаева, «Калмыцкие народные сказки» В. Т. Сарангова, «Обрядовая поэзия калмыков» Т. Г. Басанговой, «Хальмг улсин йөрәлмүд (Благопожелания)» М. Э-Г. Эрдни-Горяева; *научные отчеты* Б. Б. Горяевой «Калмыцкая народная сказка», Т. Г. Басанговой «Мифология калмыков» и «Калмыцкая фольклорная традиция: система жанров»; *статьи о богатырях* «Джангара»; сарт-калмыцких, баитских и бурятских версиях Джангара, о народных сказителях-джангарчи; *воспоминания* В. Котвича «О джангариаде и джангарчи Элян Овла», Н. Очирова «О записи оригинала „Джангара“»; *переписка* А. В. Бурдукова с В. Л. Котвичем и Б. Я. Владимирцовым (1910–1916 гг.); письма Л. Карвенова В. Л. Котвичу и Н. Очирову.

Имеются *копии* калмыцкой летописи Г. Шараба «Сказание об ойратах» и статьи С. Браиловского и Н. Немцова «Из поездки к донским калмыкам» в 1901 г., опубликованной в журнале «Исторический вестник».

Богат по составу и содержанию *фонд Отдела истории.* Имеются *перечни* материалов по военной истории в архивах Москвы (сост. К. П. Шовунов) и по истории Калмыкии в РГИАЛ; *указатели* материалов: по истории Калмыкии в РГАДА (сост. неизвестен) и социально-экономическому и политическому развитию Калмыкии во 2-й пол. XVIII – 1-й пол. XIX вв. в НА РК и АВП РФ (сост. А.А. Чужгинов), «Указатель литературы о калмыцком народе (1728–1916 гг.)» (сост. К. Христенко — 1940 г.), *аннотации* документов по истории калмыков XVII в. из РГАДА (автор неизвестен).

В фонде много дел, состоящих из машинописных копий, ксерокопий и фотокопий документов и выписок из материалов разных архивов страны — материалы о русско-ойратских посольских и торговых отношениях; добровольном вхождении калмыцкого народа в состав Российской империи и образовании Калмыцкого ханства на юге европейской части России; его административном устройстве, хозяйственном и социальном строе; судопроизводстве; территории, занимаемой калмыками; об участии калмыков в войнах России, в крестьянских и национально-революционных движениях; этнических группах; о введении земства в Калмыцкой степи; вероисповедании; христианизации; переводе калмыков на оседлый образ жизни.

В архиве КИГИ РАН хранится немало документов, относящихся к истории Гражданской войны и установления советской власти в Калмыкии. Имеются *перечни* документов и материалов, хранящихся в НА РК и ГАРФ, *копии материалов* за 1917–1920 гг., выявленные А.Г. Масловым в ГААО; за 1917–1921 гг. — Т. Ф. Авраменко в ГАРФ; за 1917–1918 гг. — Л. С. Бурчиновой в НА РК и А. И. Наберухиным в архивах страны; документы о поставке скота и хлеба для армии населением Калмыцкой степи, снабжении населения продовольственными товарами, состоянии Большедербетовского улуса в 1917 г., переходе калмыков в казачество, по земельному вопросу, о калмыцких кавалерийских частях; *фотокопии материалов* из газет: «Вечернее время» органа Всевеликого Войска Донского, «Донской край» за 1918 г., «Красный калмык» № 13 от 28 апреля 1921 г.

В материалах и документах фонда отражены события Великой Отечественной войны, вклад калмыцкого народа и жителей Калмыкии в победу над фашистской Германией, героические подвиги сынов и дочерей Калмыкии на разных фронтах войны; мужество и героизм командиров и рядовых воинов 110-й Отдельной калмыцкой кавалерийской дивизии в боях за Дон и Северный Кавказ. В их составе — копии архивных документов, фотокопии и вырезки статей из местных газет о митингах жителей республики, возмущенных нападением фашистской Германии; патриотическом движении, развернувшемся в годы войны; деятельности областного комитета партии по мобилизации народных масс на борьбу с агрессором, перестройке экономики на военный лад, эвакуации скота. В фонде имеются материалы о материальном ущербе, нанесенном фашистскими захватчиками хозяйству оккупированных улусов; акты комиссий ряда улусов по расследованию злодеяний фашистов; списки расстрелянных граждан республики.

Большую ценность представляют личные документы участников установления советской власти в Калмыкии, Гражданской и Великой Отечественной войн — фронтовые дневники, воспоминания воинов о суровых буднях войны и боевых товарищах; письма с фронта, наградные листы, боевые характеристики, благодарности, орденские книжки, удостоверения к медалям, справки, автобиографии.

Советское время отражают многочисленные копии и выписки из документов архивов страны и Национального архива Республики Калмыкия — материалы о национально-государственном и культурном строительстве в Калмыкии, коллективизации, ликвидации неграмотности, работе женских комиссий среди калмычек по улучшению их быта и вовлечению в кооперацию, переходе на оседлый образ жизни, становлении и развитии отраслей народного хозяйства, просвещения, здравоохранения, восстановлении народного хозяйства республики после освобождения ее от фашистских захватчиков.

В фонде имеются копии материалов партийных конференций, съездов Советов, журналов заседаний пленумов ЦИК, фотокопии статей о Калмыкии, опубликованных

в газете «Жизнь национальностей» а также автобиографии и биографические сведения о партийных и государственных деятелях.

По тематике дореволюционной истории калмыков, установления советской власти в Калмыкии, Гражданской и Великой Отечественной войн, строительства социалистического общества издано большое количество монографий, книг, брошюр, статей. Только в последнее десятилетие вышли в свет такие фундаментальные труды, как «История Калмыкии с древнейших времен до наших дней» в 3-х томах и том «Калмыки», «Калмыкия в период Гражданской войны. (1917–1920 гг.)» У. Б. Очирова, «Калмыки в системе международных отношений в период утверждения ханской власти Аюки в последней трети XVII века» В. Т. Тепкеева, «Участие калмыков в наполеоновских войнах» К. Н. Максимова, У. Б. Очирова, «Временная оккупация территории Калмыцкой АССР и ее последствия (август 1942 – январь 1943 гг.)» и «Великая Отечественная война: Калмыкия и калмыки» К. Н. Максимова, «Новая экономическая политика и ее результаты (1921–1928 гг.)» и «Борьба с голодом и его последствиями в Калмыкии в 1924–1924 гг.» Е. Н. Бадмаевой, «Развитие школьного образования Калмыкии в советскую эпоху. 1900–1991 гг.» Е. В. Сартиковой.

В фонде Сектора этнографии имеются ценнейшие *материалы этносоциологической экспедиции,* проведенной в районах республики совместно с Институтом этнографии АН СССР (1987 г.), экспедиций по истории городов и сел КАССР (1970 г.); *полевые материалы* по темам: «Этнография и этническая история калмыков в период строительства социализма» (1987 г.), «Трансформация погребального обряда» (Э-Б. М. Гучинова — 1984 г.), «Мацгин ном» — молитвы, читаемые по дням поста» (Э. П. Бакаева, 1991–1992 гг.), «Традиционное воспитание детей в калмыцкой семье» (Р. Б. Дякиева — 1992 г.); *путевые заметки* о комплексной научно-поисковой экспедиции в Кетченеровский и Малодербетовский р-ны (С. Г. Батырева — 2000 г.), *полевые записи* (Т. И. Шараева — 2003 г.); *цветная кинопленка* с фиксацией калмыцких танцев, произведенной в селах и хозяйствах Малодербетовского района и *магнитная лента* с записью музыки к ним (Т. В. Бадмаева — 1984 г.).

Разносторонние сведения содержатся *в рукописи* И. Онуфриенко «Земля Вознесеновская»; *в справках* о Приютненском, Городовиковском, Долбанском и Приволжском районах республики и Калмыцком районе Ростовской области; о г. Элиста, пос. Башанта, Лагань и Яшкуль; селах Троицкое и Яшалта, колхозе «Ленинец»; воспоминания Х. Халявкиной об истории с. Ахнуд и Э. Свиридовой-Уайт о с. Эсто-Хагинка.

История Калмыцкого национального театра представлена подлинными афишами и программами спектаклей за 1936–1967 гг.; воспоминаниями С. К. Каляева — его первого директора, У. Б. Лиджиевой — заслуженной артистки Камыцкой АССР.

Хранятся дела, состоящие из машинописных копий и выписок из материалов Национального архива РК и архивов страны по административно-территориальному делению, истории просвещения; духовной, материальной и традиционной культуре; фольклору и религии калмыков в XIX–XX вв.; перечень архивных материалов по истории просвещения в Калмыкии в XIX в., 1920–1940 гг. и опись экспонатов 1-й Международной выставки исторических и современных костюмов.

В фонде хранится *работа* У. Д. Душана «Обычаи и суеверия старой Калмыкии» (1935 г., не опубликована), *ряд исследований*, посвященных изучению этногенеза, материальной и духовной культуры, искусства: *монографии* Г. О. Авляева «Происхождение калмыцкого народа», А. Г. Митирова «Ойраты-калмыки: века и поколения» и «Истоки», Н. В. Балиновой «Калмыки: антропогенетический портрет», рукописи Э. П. Бакаевой «Проблемы сохранения этнической специфики в современной материальной культуре калмыков», «Добуддийские верования калмыков (исследование и опыт реконструкции)», «Религиозные деятели в Калмыкии: буддизм и „посвященные“», «Сакральные коды культуры калмыков», С. Г. Батыревой «Калмыцкое изобразительное искусство в традиционной культуре. XVIII–XX вв.», «Изобразительное искусство калмыков в евразийском пространстве художественной культуры» и «Старокалмыцкое искусство XIX – начала XX вв. Опыт историко-культурной реконструкции», Г. Ю. Бадмаевой «Музыкально-культурная традиция калмыков в евразийском пространстве».

В фонде Сектора экономики имеются *анкеты* социологического исследования по темам «Антиобщественные явления в поведении людей и меры борьбы с ними» (1967 г.), «Вопросы улучшения условий труда и быта работников МТФ» (1980–1981 гг.), «Ваше свободное время», «Человек и его потребности» и «Современная обрядность» (1986 г.), для социального обследования колхозников и рабочих совхозов (1970 г.). Обширные сведения, содержащиеся в анкетах, позволяют решить ряд «традиционных» задач тогдашнего периода этносоциологии — дать общую характеристику социально-этнической структуры нации современных калмыков; выявить роль национальных факторов в процессах социальной мобильности; выявить в социальных группах нации соотношение интернациональных черт; определить глубину усвоения ими современной национальной культуры; установить связь между национальной культурой и национальными отношениями — и т.д.

В фонде хранятся *рукописи обобщающих исследований* по социологии Э. Л. Каспарова «Динамика рождаемости и брачности в Калмыцкой АССР», К. П. Катушова «Калмыки в геополитическом пространстве России»; Л. В. Намруевой «Аналитический отчет (с приложением анкет) по результатам социологического исследования „Этнокультурное взаимодействие народов юга России“» в рамках фундаментальных исследований РАН «Этнокультурное взаимодействие в Евразии», *научных отчетов* Н. И. Кичапова «Анализ организации и функционирования различных форм хозяйствования в сельском хозяйстве РК», М. Н. Мухановой «Социологический опрос делегатов Съезда калмыцкого народа Республики Калмыкия — Хальмг Таңһч», М. Б. Убушаева «Социально-экономический анализ рынка труда Республики Калмыкия», Д. А. Шарманджиева «Этические представления калмыков: традиция и современность» и «Ценностные ориентации населения Республики Калмыкия», М. Б. Марзаевой «Конфессиональная ситуация в Республике Калмыкия», Е. А. Гунаева «Конституционный строй Калмыкии в 90-е гг. XX в. – нач. XXI в. (1990–2005 гг.)»; *экономические обзоры, докладные и служебные записки* в руководящие органы республики о состоянии сельского хозяйства в переходный период; проблемах использования трудовых ресурсов в отраслях сельскохозяйственного производства и внедрения рыночных отношений (выводы и предложения), об организации и функционировании различных форм хозяйствования и собственности в сельском хозяйстве республики.

Большой интерес представляют *работы по экологии*: «Красная книга почв и экосистем Калмыкии» Л. Н. Ташниновой, коллективные монографии «Традиционное природопользование и степные экосистемы Калмыкии» и «Биоэкологические условия роста защитных лесонасаждений на юге Ергеней».

В фонде Отдела монголоведения имеются *ксилографы* сутр «Поучения Эрлиг номин хана»» и «Алтан герел». Большую ценность представляют работы В. О. Чуматова — транслитерация и русский перевод ойратской версии рукописи «Ушандарай тууджи», русский перевод этой же повести с монгольского языка; транслитерация и русский перевод ойратской версии «Үлгүрин Дала»; русский перевод с тибетского языка «Повести о Вессантаре» и транслитерация текста «Повести о Вессантаре» на «тодо бичиг», а также С. Намжавина — транслитерация текста ойратской версии «Сарин герел», перевод Д. Б. Гедеевой этого текста на современный калмыцкий язык. В фонде есть рукопись монографии Д. Н. Музраевой «Повесть о лунной кукушке», *Каталог тибетских рукописей и научные отчеты* — К. В. Орловой «Буддийская каноническая литература», Д. Н. Музраевой «Тибетские книги в Калмыкии: проблемы сохранения и изучения», «Создание базы данных тибетской коллекции КИГИ РАН» и «Традиции монгольских переводов с тибетского языка (на примере буддийских сочинений жанра rtogs-brjod u rnam-thar)», Э. У. Омакаевой «Создание базы данных по монголоведению (электронная энциклопедия: принципы и подходы)», Д. Б. Гедеевой «Калмыцкий язык XVIII в. Морфология», С. Намжавина «Монголо-ойратские сочинения».

*В фонде Сектора археологии н*ебольшая группа документов составляет *архив И. В. Синицына* (переписка с корреспондентами, инструкция к составлению археологической карты Казахстана, археологическая и историческая справка о Саратовском крае, археологические исследования Саратовского университета, археологические находки и их описание и др.). Здесь же хранится неопубликованная *рукопись*

монографии В. П. Шилова «Древние скотоводы Калмыцких степей» (о могильнике «Три брата», раскопки которого были произведены еще в 1929 г.). Архив института является единственным в республике хранилищем «Полевых отчетов» о раскопках, произведенных на территории Калмыкии в 1974–1993, 2001–2012 гг. Особую группу архивных материалов составляют *Альбомы фотографий и чертежей* к отчетам археологических экспедиций, а также *негативы кинопленок* и фильм об археологической экспедиции Института в 1978 г.

В состав архивного фонда института входят 2 фонда: *«Старописьменные памятники»* и *«Коллекция редких рукописей»*. В обоих фондах около 1800 ед. хр. на бумажной основе. Это *рукописи, ксилографы и ксилографические доски* грамматических сочинений; медицинской, дидактической и обрядовой литературы; астрологических и тантрических книг; ряда сочинений по различным направлениям буддийской философии, каталогов монастырских изданий.

Фонд *«Старописьменные памятники»* полностью состоит из личной коллекции старописьменных памятников одного из просвещенных буддийских монахов Калмыкии — Тугмюда гавджи, переданной в 1981 г., согласно его завещанию, в дар институту.

Фонд *«Коллекция редких рукописей»* состоит *из рукописей и ксилографов*, поступивших в дар от буддийских священнослужителей и частных лиц. Следует отметить, что данные коллекции старописьменных памятников научного архива КИГИ РАН представляют собой крупнейшее собрание на юге России и являются ценнейшими источниками для исследования письменного наследия калмыков и других народов Центральной Азии.

Особую группу составляют 107 из 108 томов монгольского «Ганджура» в современном фототипическом издании из серии «Шатапитака», изданных в г. Нью-Дели в 1973–1979 гг. проф. Л. Чандра.

Кроме документов и материалов структурных подразделений института и фондов старописьменных памятников, в архиве имеются *10 личных фондов: А. В. Бурдукова* — известного ученого-монголоведа; *Ц.-Д. Номинханова* — ученого энциклопедического масштаба, занимавшегося различными проблемами тюркологии, монголоведения, фольклора и этнографии монголов и калмыков, первого в Калмыкии доктора филологических наук, участника Монгольской народной революции; *Д. С. Бембеева-Сальмина* — ветерана партии, журналиста; *Н. Ш. Ташинова* — заслуженного учителя Калмыцкой АССР, кандидата исторических наук; *Д. О. Ашиловой* — первого антрополога Калмыкии, кандидата исторических наук; *Л. Б. Чужгинова и К. М. Рыльского* — активных участников Гражданской, Великой Отечественной войн и социалистического строительства; *А. Борманжинова* — гражданина США, калмыка по происхождению, специалиста по славянской, балтийской и германской филологии, доктора филологии, проф. Мерилендского университета США; *П. Э. Алексеевой* — стоявшей у истоков организациии фонда научной библиотеки КИГИ РАН, заслуженного работника культуры Калмыцкой АССР, Почетного гражданина Республики Калмыкия; *А. Г. Митирова* — заслуженного деятеля науки Республики Калмыкия, кандидата исторических наук.

Помимо документов на бумажной основе, в архиве сосредоточено большое количество *материалов на электронных носителях* — более 18 тыс. текстов по буддизму в формате PDF и 374 магнитные ленты, содержащие 2130 записей песен эпоса «Джангар» в исполнении джангарчи, представителей разных школ, а также сказок, легенд, пословиц и поговорок, старинных протяжных и современных калмыцких песен, танцевальных мелодий. Записи были сделаны сотрудниками института во время фольклорных, этнографических, диалектологических экспедиций в 1962–1987, 2000–2006 гг. Эти записи уникальны прежде всего тем, что респондентами были люди пожилого возраста, родившиеся, в основном, в конце XIX – начале XX вв. Это были не только знатоки, но и носители устного народного творчества — духовного богатства калмыцкого народа.

Имеются также *видеозаписи* научных экспедиций и конференций различного уровня; круглых столов; научных сессий; расширенных заседаний Ученого совета, посвященных знаменательным датам, юбилеям ученых; встреч с зарубежными учеными и религиозными деятелями, состоявшихся уже в XXI в.

Более 1000 *фотодокументов (позитивных отпечатков)* отражают значительные даты, события, явления общественной

жизни дореволюционного и советского периодов. На снимках запечатлены виды поселений (ставки, хотоны), хурулы, ламы, хозяйство, традиционное жилище, быт, обряды, интерьер, типы калмыков в национальных костюмах, многие из которых являются копиями картин русских и зарубежных художников.

На фотографиях представлены эпизоды съездов, конференций, пленумов партийных, советских и общественных организаций Калмыкии, строительство г. Элисты в 1927–1928 гг., виды г. Элисты 1957 – начала 1980-х гг., митинги по случаю прибытия в Элисту первого поезда и открытия Калмыцкого педагогического института (ныне — КГУ).

Имеются портреты и фотопортреты участников Отечественной войны 1812–1815 гг. и 1-й мировой войны, Гражданской и Великой Отечественной войн, времени установления советской власти в Калмыкии, Героев Советского Союза и Героев Социалистического Труда, партийных, государственных и общественных деятелей, писателей, деятелей науки и культуры, передовиков производства, заслуженных учителей, врачей, актеров.

Жизнь института представлена фотографиями, на которых зафиксированы заседания Ученого совета, отделов и секторов; торжественные собрания, посвященные юбилеям, памятным датам и знаменательным событиям; научные экспедиции, съезды и конференции (разных уровней), круглые столы, встречи с отечественными и зарубежными учеными, религиозными деятелями.

Басангова Т. Г. Рец. на: ***Т. С. Тягинован амн урн үгин көрңгәс. Фольклорные материалы из репертуара Т. С. Тягиновой. Самозапись 2004–2010 гг. / предисл. Н. Г. Очировой, сост., коммент. Б. Б. Горяевой. – Өвкнрин зөөр (Сокровища предков).*** На калм. и рус. яз. Элиста: КИГИ РАН, 2011. 230 с.

Basangova T. S. *Review of: T. Tyaginovan amn urn үgin kөrңgәs. [Folklore Materials from the T. Tyaginova's Repertoire. Self recording of 2004–2010]. Foreword by N.G. Ochirova, compil., comment. by B.B. Goryaeva. Өvknrin zөөr [Treasures of the ancestors]. Elista, KIGI RAS Publ., 2011, 230 p.*

В 2008 году Калмыцким институтом гуманитарных исследований Российской академии наук была основана серия «Өвкнрин зөөр» («Сокровища предков»), призванная ввести в научный оборот произведения фольклорной традиции калмыков. Открылась она сказками даровитого сказителя Санджи Бутаева, записи которого производились в 1970-х годах прошлого столетия Н. Ц. Биткеевым [Буутан Санҗин туульс 2008]. Тексты сказок данного издания, подготовленного Б. Х. Борлыковой, сопровождены научным аппаратом, примечаниями, в приложении имеются указатели имен персонажей, топонимов и сказочных сюжетов, словарь. Вступительная статья содержит биографию С. Бутаева, в сборник включены также воспоминания о талантливом сказочнике и статьи научно-исследовательского характера. В приложении даны фотоиллюстрации.

В следующем выпуске была уже представлена современная фольклорная традиция калмыков в записи от хранителя народной мудрости Шани Боктаева. Составитель сборника «Алтн чеежтә келмрч Боктан Шаня» [2010] Б. Б. Манджиева подготовила к публикации репертуар сказителя, который представлен разными жанрами калмыцкого фольклора. Тексты фольклорных произведений на калмыцком языке сопровождены научно-справочным аппаратом по типу первого издания серии.

В очередной сборник серии «Т. С. Тягинован амн урн үгин көрңгәс» вошли тексты сказочной и несказочной прозы, калмыцких народных и авторских песен, пословиц, поговорок, загадок и других образцов жанров калмыцкого фольклора, а также некоторые этнографические материалы в самозаписи Таисии (Тophy) Сакиловны Тягиновой, знатока фольклорной традиции и исполнительницы протяжных песен, сделанной ею в период с 2004 по 2010 гг.

Издание открывается биографией сказительницы (автор — канд. полит. наук, директор КИГИ РАН Н. Г. Очирова), в которой содержится немало интересных фактов из жизни Т. С. Тягиновой. Знаток калмыцкого фольклора, Таисия Сакиловна родилась в семье, где ценили меткое слово, бережно хранили и передавали народные традиции и обычаи. Сказительница отмечает, что именно от своего отца С. Тягинова, прямого потомка народного героя Мазан-Баатара, она унаследовала фольклорную традицию. О своем знаменитом предке Таисия Сакиловна написала статью и выступила с ней на конференции, посвященной юбилею Мазан-Баатара. Текст ее включен в материалы научного мероприятия и представляет, в частности, генеалогию эркетеновского нойона, которая была поведана сказительнице отцом, Сяклом Тягиновым [Тягинова 2004]. В этом же издании имеется публикация, в которой рассматриваются легенды и предания о Мазан Баатаре, военном деятеле XVII века [Горяева 2004].

Т. С. Тягинова известна в республике как исполнительница протяжных песен. Ее талант впервые заметил доктор филологических наук, профессор А. Ш. Кичиков, который в середине прошлого века мечтал о возрождении исполнения этого жанра среди современных калмыков. Он же является автором известной статьи о легендарном Мазан-Баатаре, о котором в семье Тягиновых рассказывается много преданий. Известным ученым на материале фольклорных сюжетов о прославленном военачальнике прослежены и калмыцко-башкирские связи [Кичиков 1984].

Отец, словно предвидя предназначение дочери, назвал ее именем Тophy — жаворонок, общепринято жаворонок звучит как *mopha*. По всей видимости, здесь представлена табуация имени в целях защиты от сглаза. Способности Таисии Сакиловны

раскрылись в полной мере в зрелом возрасте, когда она стала исполнять протяжные песни, услышанные в свое время от отца и матери. В репертуаре исполнительницы 18 протяжных песен, тексты которых представлены в сборнике, они отражают как общекалмыцкую песенную традицию, так и родовую, эркетеновскую. Исторические песни «Самбрин һурвн толһа» («Самарских три кургана»), «Церн зәәсңгин дун» («Песня о зайсанге Церене»), «Сөм хамрта пранцнь» («Французы с длинными носами»), «Өндр-өндр уулднь» («На высоких-высоких горах»), «Луузн Шарнь» («Луузан Шар»), «Ацалад һарсн ацаһинь» («Груз, который погрузили») составляют основу песенного репертуара Т. С. Тягиновой. Песни «Сәәхн зеерд» («Красавец рыжко»), «Сайг сәәхн зеерднь» («Красивый иноходец рыжко»), «Чумашг өңгтә торһнь» («Шелк, который переливается всеми цветами»), «Сартгаснь һарсн салькн» («Ветер, дующий с [местности] Сартаг»), «Хар келн тоһрун» («Черноголовый журавль»), «Өндр уулын белднь» («На склоне высокой горы»), «Цаһан толһата борнь» («Серко с белой головой»), по словам самой исполнительницы, поются выходящей замуж девушке во время свадебной церемонии. Подробный анализ песенного репертуара исполнительницы сделан кандидатом филологических наук Б. Х. Борлыковой (С. 199–204).

Составителем сборника классифицированы по жанрам тексты сказочной и несказочной прозы, представленные в самозаписи знатока и носителя традиций. Репертуар Т. С. Тягиновой как сказительницы освещался Б. Б. Горяевой ранее, в 2006 году, в ходе работы Международной научно-практической конференции «Россия и Центральная Азия: историко-культурное наследие и перспективы развития» [Горяева 2007].

Среди опубликованных сюжетов имеется несколько религиозных преданий. В частности, в одном из них говорится о Майдари бурхане, с которым калмыки связывают ясное и благоприятное будущее. Данное божество наряду с Буддой Шакьямуни выступает как культурный герой: создает землю, все живые существа, из материальных благ они создают пояс, который предписывалось носить постоянно.

В сюжете «О том, как один лама ходил в иной мир» представлен мотив «хождения в иномирье», который явно восходит к буддийской картине мира, а именно описанию преисподней, обитатели которой отрабатывают карму, следствия своих поступков.

Центральное место в репертуаре сказительницы принадлежит сказочному жанру, который представлен сказками о животных, волшебными и бытовыми. Сказки о животных имеют этиологическую концовку, давая объяснение тем или иным особенностям животных и птиц. Сюжеты волшебных сказок представляют собой варианты известных в сказочной традиции калмыков сюжетов. Поэтико-стилевая система волшебных сказок, записанных Т. С. Тягиновой, характеризуется наличием инициальных, медиальных и финальных формул.

В сборнике представлены варианты следующих сюжетных типов сказок: 301 А Три подземных царства, 507 Чудесная птица, 670 Разговор двух мышей, 921 Невестины загадки. Отметим, что указатель сказочных сюжетов изданного репертуара создан на основе указателя восточнославянской сказки.

Бытовые сказки в сборнике представлены 10 сюжетами, небольшими по объему, но поучительными («Хан яһҗ күүк шинҗлснә тускар» («Как хан за девушкой наблюдал»), «Мектә хулхач» («Хитрый вор»), «Эргү залу» («Глупый мужчина»), «Ухата көвүн» («Умный юноша»), «Хойр үүрин марһан» («Состязание двух друзей»), «Күүнә кишг күүнәс авч чаддго» («Чужим счастьем человек не может быть счастлив»), «Һәргтә көвүн экиннь зүрк авдг» («Глупый сын — боль сердца матери»), «Биив ятх» («Биив ятха»). К сожалению, в данном разделе не определен международный мотив-индекс. В сборнике представлены также тексты детского фольклора, сопровождавшие игры, скороговорки (с. 128–132).

Особый интерес представляет описание древнего танца-игры «текин би» («танец козла») и текст, сопровождавший это действо.

Жанр благопожеланий представлен пятью образцами, как традиционными, так и новыми, созданными Т. С. Тягиновой на основе древних представлений калмыков (благопожелания первому Президенту Республики Калмыкия К. Н. Илюмжинову, ученому-джангароведу А. Ш. Кичикову).

Таким образом, фольклорные произведения, опубликованные в данном издании, несмотря на их разножанровость, тематическое разнообразие, представляют для калмыцкой фольклористики особый интерес,

ибо отражают состояние устной традиции в XX столетии, передавая характерную речь исполнительницы, обусловленную диалектными особенностями.

Отметим приложение к сборнику, в которое вошли сведения о текстах, словарь, указатели мифологических, легендарных и исторических персонажей, географических и этнических названий, а также указатель сказочных сюжетов и другой справочный материал.

Книга о репертуаре Т. С. Тягиновой имеет большую научную и практическую ценность, в особенности, когда речь идет о сохранении культурного наследия народа.

Литература

Алтн чеежтә келмрч Боктан Шаня. Хранитель мудрости народной Шаня Боктаев / сост., предисл., коммент. и прилож. Б. Б. Манджиевой; ред. Н. Г. Очирова, Б. Б. Горяева. (Өвкнрин зөөр) (Сокровища предков). На калм. и рус. яз. Элиста: КИГИ РАН, 2010. 172 с.

Буутан Санҗин туульс (Сказки Санджи Бутаева). Записи 1971–1978 гг. В 2-х кн. Кн. 1. Өвкнрин зөөр (Сокровища предков). На калм. и рус. яз. Элиста: КИГИ РАН, 2008. 308 с.

Горяева Б. Б. Легенды и предания о Мазан-Батыре // Мазан-Батыр: известный военачальник XVII века и легендарный герой калмыцкого народа. Мат-лы научно-практ. конф., посвящ. 350-летию со дня рождения Мазан-Батыра. Элиста: КалмГУ, 2004. С. 46–53.

Горяева Б. Б. Сказительница Т. С. Тягинова и ее репертуар // Россия и Центральная Азия: историко-культурное наследие и перспективы развития. Ч. I. Мат-лы Междунар. науч.-практ. конф., г. Элиста, 13–14 сент. 2006 г. Элиста: КИГИ РАН, 2007. С. 86–89.

Кичиков А. Ш. Жанровое своеобразие повествований о Мазан-Баатаре в аспекте калмыцко-башкирских межэтнических связей // Межэтнические общности и взаимосвязи фольклора народов Поволжья и Урала. Казань, 1984. С. 120–128.

Тягинова Т. С. Мой предок Мазан-Баатр // Мазан-Батыр: известный военачальник XVII века и легендарный герой калмыцкого народа. Мат-лы научно-практ. конф., посвящ. 350-летию со дня рождения Мазан-Батыра. Элиста: КалмГУ, 2004. С. 61–65.

References

[Fairy Tales of Sanji Butaev]. Records from 1971–1978. In 2 books. Book 1. [Treasures of Ancestors]. Elista: Kalmyk Institute of Humanitarian Research of the RAS, 2008. 308 p. (In Kalm. and Russ.)

[Keeper of the People's Wisdom Shanya Boktaev]. B. B. Manzhieva (comment, foreword). N. G. Ochirov, B. B. Goryaeva (ed.). Elista: Kalmyk Institute of Humanitarian Research of the RAS, 2010. 172 p. (In Kalm. and Russ.)

Goryaeva B. B. [Storyteller T. S. Tyaginova and her Repertoire]. In: [Russia and Central Asia: Historical and Cultural Heritage and Prospects of Development]. Part I. (Elista; 13–14 September, 2006). Elista: Kalmyk Institute of Humanitarian Research of the RAS, 2007. Pp. 86–89. (In Russ.)

Goryaeva B. B. [Tales and Legends about Mazan-Batyr]. In: [Mazan-Batyr: Famous Commander of the 17th Century and the Legendary Hero of the Kalmyk People]. Conf. proc. dedicated to the 350th anniversary of Mazan-Batyr. Elista: Kalmyk State University, 2004. Pp. 46–53. (In Russ.)

Kichikov A. Sh. [Genre Originality of Stories about Mazan-Baatar in Aspect of Kalmyk-Bashkir Interethnic Relations]. In: [Inter-ethnic Communities and Interrelations of Folklore of Volga and Ural Peoples]. Kazan, 1984. Pp. 120–128. (In Russ.)

Tyaginova T. S. [My Ancestor Mazan-Baatar]. In: [Mazan-Batyr: the Famous Commander of the 17th Century and the Legendary Hero of the Kalmyk People]. Conf. proc. dedicated to the 350th anniversary of Mazan-Batyr. Elista: Kalmyk State University, 2004. Pp. 61–65. (In Russ.)

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ / SCHOLARLY MATTERS

Куканова В. В. Экспедиционная деятельность Калмыцкого института гуманитарных исследований Российской Академии наук. Научные мероприятия

Kukanova V. Fieldwork Activity of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences. Scientific Events.

ЭКСПЕДИЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Экспедиционная деятельность занимает важную часть в работе Калмыцкого института гуманитарных исследований Российской академии наук (КИГИ РАН). В 2014 году состоялось свыше 5 экспедиционных поездок сотрудников в различные регионы Монголии, Китайской Народной Республики и Российской Федерации при финансовой поддержке РГНФ, Программы фундаментальных исследований Президиума РАН, Правительства Республики Калмыкия, а также в рамках реализации совместных международных проектов изучался широкий круг проблем. В процессе полевых исследований большое внимание было уделено выявлению, сбору и изучению лингвистического, фольклорно-этнографического, археологического материала, а также изучению традиционной культуры, природопользования и экологической ситуации.

В целом в полевой сезон 2014 года были собраны оригинальные этнографические, антропологические, лингвистические, фольклорные и археологические материалы, которые легли в основу ряда публикаций, докладов на конференции и пополнили базу данных КИГИ РАН.

Международная научная экспедиция «Их Нуудэл» («Великое кочевье») состоялась в рамках сотрудничества Монголии и Калмыкии (рук. экспедиции к.п.н. Н. Г. Очирова, к.ф.н. Е. В. Бембеев (Россия), г-н Мигмерсурен и г-н Батсух (Монголия).

Организаторами экспедиции выступили Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН и Общественная организация «Ойратский народ» при поддержке Правительства Республики Калмыкия и Министерства культуры, спорта и туризма Монголии и других государственных и общественных организаций Монголии и Калмыкии.

С 15 сентября по 15 октября 2014 г. состоялась международная научная экспедиция «Их Нуудэл» («Великое кочевье») по территории Монголии и России. 15 сентября участники экспедиции, в состав которой вошли 12 человек — представителей Монголии, Китая и России, на автомобилях стартовали с площади Чингисхана в г. Улан-Баторе. Экспедиция была посвящена откочевке предков калмыков – ойратов в пределы Российского государства. Участники экспедиции ставили перед собой цель совершить экспедицию по маршруту «Великого кочевья» на автомобилях, создать документальный фильм о Калмыкии, собрать материалы по фольклору, языку, жизни и быту калмыцкого народа. В составе экспедиции работали три телевизионные группы — Национального общественного телевидения Монголии, Телевидение Монголии МБС, а также телевизионная группа Баянгол-Монгольской автономной области Синьцзян-Уйгурского автономного района Китая.

Участники экспедиции проехали по древнему пути миграций наших предков – через Алтай, по Чуйскому тракту, далее через Ишим и Тобольск, Южный Урал, до Самары, Саратова и вниз по Волге. Первой остановкой по программе экспедиции был Хошеутовский хурул (храм), что расположен в селе Речное Харабалинского района Астраханской области, где их радушно встретили жители и школьники. В Калмыкии первым пунктом посещения явился пос. Цаган-Аман, здесь к основной группе, выехавшей из Монголии присоединилась вторая часть экспедиции, представленная учеными Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН, аспирантами и студентами. Всего в полевых исследованиях приняли участие 30 человек. Во время поездки по территории республики участники экспедиции побывали в Юстинском, Лаганском, Черноземельском, Яшкульском, Кетченеровском, Малодербетовском районах и г. Элисте. Участники экспедиции записали

множество старинных песен, познакомились с культурой и искусством калмыцкого народа. Всюду проводились встречи в школах, записи информаторов – знатоков устного народного творчества, участников художественной самодеятельности, посещения исторических мест, буддийских и православных храмов и др.

В г. Волгограде участники экспедиции посетили памятные места города – героя, побывали на Мамаевом кургане, в Государственном музее «Старая Сарепта», встретились с членами калмыцкого землячества. Международная научная экспедиция завершилась на пл. Чингисхана в г. Улан-Баторе. В ходе экспедиции было отснято более 100 часов уникальных видео- и аудиозаписей, показ которых с большим интересом встречен жителями Монголии, Китая и Калмыкии.

В целях реализации проекта Российского научного фонда «Трансграничная культура: сравнительно-сопоставительное исследование традиций западных монголов и калмыков» (рук. д.и.н. Э.П.Бакаева) в июле 2014 г. осуществлена научная экспедиция в Кобдоский аймак Монголии, где основное население составляют торгуты и хошуты — родственные в этногенетическом отношении калмыкам группы. Полевые исследования велись по двум направлениям — этнографическом и филологическом.

В данном аймаке собран богатейший полевой материал у информаторов, принадлежащих к основным группам торгутов Монголии: вангийн, бэйлэн, тайджин, ховгсарин, хошуд-торгут. Зафиксированы сведения о топонимах сомона Булган и их происхождении, песни о родной земле (нутуке), в том числе гимническая песня «Торгууд нутаг», версии которой известны и калмыкам. Учеными осуществлена запись образцов устного народного творчества, устных рассказов, которые будут использованы для изучения особенностей языка и др. В городах и сельских населенных пунктах Монголии проводился сбор полевого материала по современным традициям и обрядам ойратов, на видеокамеру отсняты танцы торгутов, которые будут сопоставлены с ранними образцами с целью выявления сохранности традиций.

В частных коллекциях выявлены и описаны письменные памятники, среди которых — ценные источники разной жанровой природы, в том числе «Воскурение дербетскому нутуку (кочевью)» и др. Рукописные тексты будут исследованы в аспекте особенностей литературно-книжной традиции, а также в сравнительно-сопоставительном плане языка ойратов и калмыков, более 400-х лет назад откочевавших в пределы России. Исполнители проекта подготовили DVD-диск, который включает полевые материалы, собранные во время экспедиции.

Проект «Западномонгольский и калмыцкий песенно-танцевальный фольклор во времени и пространстве: взгляд через столетие» осуществлялся при грантовой поддержке РГНФ и Министерства образования, культуры и науки Монголии (рук. к.ф.н. Омакаева Э.У.)

В июле–августе 2014 г. исследовательской группой состоялась экспедиционная поездка в Кобдоский и Убсунурский аймаки Монголии, где собран уникальный песенно-танцевальный материал. В рамках экспедиции произведена видеозапись свадебного обряда дербетов в сомоне Дерген (монг. Дөргөн) Кобдоского аймака, на которой зафиксировано более 10 свадебных песен. Учеными изучены и выявлены локальные особенности проведения дербетской свадьбы.

5 августа 2014 г. в монастыре Зүүн хүрээ «Дашчойлинг» (г. Улан-Батор) зафиксирована на цифровые носители буддийская танцевальная мистерия Цам. По словам настоятеля монастыря хамба-ламы Ч. Дамбажава и тамга-ламы Ц. Алтанхүү, мистерия восстановлена в результате исследовательской работы по ее реконструкции с 2003 г. На протяжении последних одиннадцати лет 9-го числа последнего летнего месяца по монгольскому календарю в монастыре проводится Цам.

В Улан-Баторе на собрании землячества дербетов, в котором участвовало около 500 человек, исполнители проекта записали на видео- и аудионосители песенно-танцевальный фольклор убсунурских дербетов, уроженцев сомона Сагил, Здесь особенно популярны такие танцы, как «Жудар», «Хүрэн торгон», «Эрээн хавирга», «Ховог биелгээ», «Их бага Агсал», «Елхэндэг», «Цацал», «Жороо морь» и др. Исполнителями проекта зафиксировано значительное количество образцов протяжных песен ‘уртын дуу’ («Саяг саяг саарал» («Буланый-буланый

иноходец»), «Цагаан саарал морь» («Светло-буланый конь») и др.) и коротких песен ‘богиноо дуу’ («Шаарын өндөр модонд» («На высокой сосне), «Тоокуу нэгэн госон» («Сапоги тооку») и др.).

Одной из основных целей экспедиции являлось исследование степени сохранности западномонгольской и калмыцкой песенно-танцевальной традиции, зафиксированной в ходе фольклорных экспедиций Г. Рамстедтом, А. Рудневым и А. Бурдуковым. Выявление особенностей песенно-танцевальной традиции ойратоязычного мира на уровне родственных субэтнических групп Монголии и Калмыкии с учетом разновременных записей дало возможность определить не только этнотерриториальную и локальную специфику, но и проследить ее развитие, этногенетические связи и межкультурные взаимовлияния. Ученые отметили, что каждая этническая группа вносит в танец свои элементы, сохраняя при этом общие черты. В настоящее время большинство носителей традиции – люди пожилого возраста, число которых с каждым днем сокращается. Под угрозой оказывается и присущее ойратской традиции «Биелгээ» хореографическое разнообразие, поскольку все меньше остается исполнителей этого танца в разных этнических группах.

Проект «Этнолингвистическая карта монголов северо-западного Китая: язык и традиционная культура кукунорских ойратов», поддержанный Российским гуманитарным научным фондом (рук. к.ф.н. Бадмаев Б. В.) был реализован учеными Калмыцкого государственного университета и Калмыцкого института гуманитарных исследований Российской академии наук.

В июле–августе 2014 года состоялась экспедиция в Китай, где было проведено исследование языка и традиционной культуры кукунорских ойратов, в ходе которого удалось собрать значительный научный материал, позволяющий под новым углом зрения взглянуть на язык, фольклор, культуру и историю современных ойратских групп, проживающих в провинциях Цинхай и Ганьсу. В результате опрошено более 60 информаторов среди кукунорских хошутов (провинции Цинхай и Ганьсу), 11 — среди торгутов (СУАР), 6 информаторов записано среди шара-югуров (провинция Ганьсу). Общий массив аудио- и видеозаписей составил более 80 часов, общий объем полевого материала — более 500 Гб.

В ходе исследования ученые пришли к выводу, что несмотря на процессы глобализации и малочисленность населения до настоящего времени сохраняется самобытность этнической группы кукунорских ойратов. Представители данной группы ойратов, около трех веков назад перекочевав в район озера Кукунор и оказавшись в иноязычной среде, все же сумели сохранить свой язык, который весьма близок ойратскому диалекту Синьцзяна КНР и языку калмыков России. В силу сложившейся социолингвистической ситуации язык хошутов стал языком старшего поколения. Среднее и молодое поколение говорит на монгольском языке, который является языком обучения монголов в школе и в высших учебных заведениях Китая.

Собранный полевой материал позволяет говорить об ойратской основе языка кукунорских хошутов и утверждать, что среди них не получило распространение «зая-пандитское письмо», поскольку ученым не удалось выявить здесь старописьменные ойратские памятники. Большой интерес исследователей вызвало песенное творчество: до настоящего времени у кукунорских хошутов сохранились и активно бытуют протяжные песни, состав которых богат и разнообразен как в содержательном, так и в мелодическом отношении. Вместе с тем установлен факт утраты в данной ойратской среде героического эпоса «Джангар», который замещен тибетским эпосом «Гесер». О тибетском влиянии свидетельствуют и данные материальной культуры: в частности, национальная одежда хошутов претерпела значительные изменения и вобрала в себя элементы верхней одежды тибетцев. Кукунорские хошуты-скотоводы сохранили до настоящего времени свой традиционный уклад жизни, кочевое скотоводство. Основным жилищем для них является юрта, так как она рациональна в плане транспортировки во время перекочевки каждые три месяца при смене пастбища для скота. Исследование этнического самосознания ойратов Куку-Нора в сравнении с калмыками России и ойратами Синьцзяна свидетельствует о том, что они идентифицируют себя как «дээд монголы» и, шире, «монголы КНР», в большинстве своем они утратили свои родовые этнонимы, т. н. арваны, или десятки.

НАУЧНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ

1 октября 2014 г. КИГИ РАН совместно с Министерством образования и науки Республики Калмыкия, Калмыцким государственным университетом провел республиканскую научно-практическую конференцию «Ока Городовиков — видный военный, государственный и общественный деятель: к 135-летию со дня рождения О. И. Городовикова». Конференция была посвящена жизни и деятельности легендарного военачальника, Героя Советского Союза генерал-полковника О. И. Городовикова. В работе научного форума приняли участие ученые КИГИ РАН, профессорско-преподавательский состав Калмыцкого государственного университета, преподаватели других высших учебных заведений республики, учителя школ, представители государственных органов власти РК. сотрудники музеев и научно-исследовательских Институтов.

6 ноября 2014 г. в Калмыцком институте гуманитарных исследований РАН состоялась республиканская научно-практическая конференция «Современная молодежь Республики Калмыкия: тенденции и перспективы развития». Конференция проведена в рамках реализации проекта «Современная молодежь и традиционная культура (на примере Республики Калмыкия)». Данный Проект получил поддержку Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре» (рук. к. социол. н. Л. В. Намруева,). В научном мероприятии приняли участие свыше 30 ученых, исследователей-практиков, представителей органов власти, СМИ, а также преподавателей и аспирантов Калмыцкого государственного университета. Выступления участников конференции были восприняты с большим вниманием и вызвали активную дискуссию.

10 ноября 2014 г. состоялась встреча ученых Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН с делегацией Хобуксар-Монгольского уезда Синьцзян-Уйгурского автономного района Китайской Народной Республики (рук. делегации, губернатор уезда г-н Цевегджав), прибывшей по приглашению КИГИ РАН. Гости ознакомились с деятельностью Института, побывали в научной библиотеке, Рукописном фонде, Музее калмыцкой традиционной культуры им. Зая-пандиты. За три дня пребывания в республике они посетили школы, детские сады, художественную школу, ознакомились с работой фермерского хозяйства в Целинном районе. В эти же дни состоялись встречи руководителя делегации г-на Цевегджава и директора КИГИ РАН Н. Г. Очировой с Председателем правительства РК И. А. Зотовым, заместителем Председателя правительства РК Б. В. Бадмаевым и другими официальными лицами.

IN MEMORIAM

Н. Г. Очирова

«ДРАГОЦЕННЫЕ ТРУДЫ Б. Х. ТОДАЕВОЙ И СВЕТ ЕЕ ДУШИ НАВСЕГДА ОСТАНУТСЯ В НАШИХ СЕРДЦАХ» (*ПАМЯТИ УЧЕНОГО*)

"B.Kh. Todaeva's precious works and light of her soul will remain in our hearts forever" (to the memory of the scientist)

22 сентября 2014 г. ушла из жизни, не дожив чуть более 4-х месяцев до своего 100-летнего юбилея, выдающийся востоковед, прекрасный знаток языка, устного народного творчества монголоязычных народов Буляш Хойчиевна Тодаева.

Б. Х. Тодаевой созданы уникальные по своему содержанию и значению труды, составившие целую эпоху в мировой монголистике. Благодаря книгам ученого научная общественность впервые познакомилась с языками и наречиями всех монголоязычных народностей, представленных на территории Китайской Народной Республики. Как отмечал профессор Университета Хельсинки Ю. А. Янхунен, «работы Б. Х. Тодаевой по монгольским языкам Куку-Нора являются до сих пор одними из самых обширных и надежных источников информации по этим разновидностям монгольской речи, которые даже на сегодняшнем этапе исследований остаются малоизвестными и малоизученными. Можно даже сказать, что Тодаевой удалось «спасти» языки кукунорских монголов для мировой монголистики…» сразу после ее пребывания в Китае разразилась так называемая «культурная революция» 1966–1976 гг., этот период характеризуется волной политических репрессий, значительно ухудшивших положение национальных меньшинств (некитайских народностей) в стране и ученых, занимавшихся этими народностями.

Б. Х. Тодаева родилась 28 января 1915 г. в селе Ики-Манлан Малодербетовского улуса. В 1938 г. она с отличием окончила Астраханский педагогический институт, после чего работала учителем в школе, преподавателем в Калмыцком педагогическом училище, методистом Института усовершенствования учителей в г. Элисте. Молодой Калмыцкой республике нужны были кадры ученых, поэтому в 1941 г. талантливая девушка была направлена на учебу в аспирантуру в Москву. Однако начавшаяся Великая Отечественная война прервала учебу. Как и многие другие советские люди, вчерашняя аспирантка приближала победу в тылу, работая на военном заводе.

Б. Х. Тодаева является первой женщиной-калмычкой, защитившей диссертацию на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Защита ее диссертации состоялась по теме «Семантика и синтаксические функции падежей в монголо-ойратских наречиях» в 1946 г. Затем Б. Х. Тодаева работала в Институте языка и мышления АН СССР (1946–1950) и Институте методов обучения Академии педагогических наук РСФСР (1948–1949).

Б. Х. Тодаева — автор известных трудов и учебных пособий в области монголоведения. В 1951 г. в Москве был опубликован первый в отечественном монголоведении фундаментальный труд Б. Х. Тодаевой — «Грамматика современного монгольского языка: фонетика и морфология», посвященный литературному монгольскому языку. Данная монография до сих пор оценивается

специалистами как одно из самых глубоких лингвистических исследований в монголоведении.

Одним из ярких и плодотворных периодов жизни и научной деятельности Б. Х. Тодаевой и ее супруга, профессора Г. П. Сердюченко, стало трехлетнее пребывание в качестве советских специалистов в составе советской научной экспедиции в Китайской Народной Республике (1954–1957). Г. П. Сердюченко, известный ученый-востоковед, был направлен АН СССР в Китай в качестве советника по языкознанию при Академии наук КНР, а Б. Х. Тодаева была приглашена для работы научным консультантом в Академию национальных меньшинств. Годы, проведенные учеными в Китае, были посвящены изучению языков монгольских народов, исследованию письменного, историко-культурного и материального наследия, созданию письменности для национальных меньшинств, чтению лекций в Пекинском университете. Профессор Г. П. Сердюченко и его супруга были основателями первой в истории Академии национальных меньшинств КНР кафедры монгольского языка. Б. Х. Тодаева вела на кафедре курс современного монгольского языка и была первым представителем калмыцкого народа, посетившим в то далекое время наших сородичей — синьцзянских ойратов, предки которых ушли из России в 1771 году и вернулись на историческую родину.

Успешно завершив работу в Китае, Буляш Хойчиевна вернулась на родину и стала работать в Институте востоковедения, в котором профессор Г. П. Сердюченко возглавил отдел и основал первый в стране сектор языков народов Китая и Юго-Восточной Азии. По утверждению А. М. Решетова, этот «…отдел стал подлинным центром отечественного восточного языкознания». Уникальный и значительный по своему объему материал, собранный в научной экспедиции по территории КНР вместе с китайскими и монгольскими коллегами из Пекина и Внутренней Монголии, нашел отражение в целой серии фундаментальных научных трудов Б. Х. Тодаевой: «Монгольские языки и диалекты» (1960), «Дунсянский язык» (1961), «Баоаньский язык» (1964), «Язык желтых уйгуров» (1966, в соавторстве с Э. Тенишевым), «Монгорский язык. Исследование, тексты словарь» (1973), «Язык монголов Внутренней Монголии. Материалы и словарь» (1981), «Язык монголов Внутренней Монголии. Очерки диалектов» (1985), «Дагурский язык» (1986). Эти и многие другие работы, вышедшие из-под пера Б. Х. Тодаевой, без которых ряд монгольских языков остался бы неизвестным для целого поколения российских и зарубежных ученых-лингвистов, являются значительным вкладом в отечественную и мировую монголоведную науку.

На протяжении всей жизни Б. Х. Тодаевой в числе приоритетных направлений ее научной деятельности было исследование калмыцкого героического эпоса «Джангар». Результатом многолетней кропотливой работы ученого стал фундаментальный труд «Словарь языка ойратов Синьцзяна» (по версиям песен «Джангара» и полевым записям автора)», изданный в 2001 г. в Калмыкии.

Последние десятилетия жизни Б. Х. Тодаевой ознаменовались новым подъемом творческих сил. В эти годы в сотрудничестве с учеными Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН Буляш Хойчиевна завершила и издала колоссальный трехтомный труд «“Джангар”. Героический эпос синьцзянских ойрат-монголов», состоящий из 70 эпических песен, переложенный с ойратского «ясного письма» («тодо бичиг») на современный калмыцкий язык. Данное издание позволяет значительно расширить исследования в области фольклористики и джангароведения, дает новые возможности для сравнительно-сопоставительного исследования древних памятников. В этой работе, как и во многих других ее трудах, особенно проявляется фундаментальность знаний, основательность и высокий профессионализм Б. Х. Тодаевой. Другим замечательным и широко востребованным трудом, основанным на материалах полевых экспедиций в Китае и Калмыкии, является работа Б. Х. Тодаевой «Пословицы и поговорки калмыков России и ойратов Синьцзяна (Китая)» (2007). Книга содержит лучшие образцы калмыцких пословиц, поговорок и загадок, а также фольклорные тексты, записанные собирателем у ойратов Синьцзяна.

В книгу Б. Х. Тодаевой «О научной работе в Китайской Народной Республике», опубликованную КИГИ РАН в 2012 г., включены дневниковые записи, который автор вела в 1954–1957 гг. во время экспедиции по Китайской Народной Республике, и уникальные сведения о работе, проводившейся Академией национальных меньшинств и Пекинским университетом по подготовке реформы и созданию письменностей для националь-

ных меньшинств Китая, составлению карты распространения диалектов монгольского языка, основанию кафедры монгольского языка в Академии и др. В дневниковых записях ученого-востоковеда содержатся ценные сведения о проводимой полевой работе: поездках, встречах, беседах и записях материалов по монгольским языкам на территории Китая, которые свидетельствуют о том, как методично, тщательно и скрупулезно работала Б. Х. Тодаева. Экспедиция по изучению монгольских языков Внутренней Монголии и Центральной части Китая была организована Академией национальных меньшинств, одной из экспедиционных групп руководила Б.Х. Тодаева. Изданные материалы являются ценным источником и представляют большой интерес для исследователей культуры монголоязычных народов Китая, истории ее изучения.

Когда пришла из Москвы печальная весть о кончине Б. Х. Тодаевой, в Калмыцком институте гуманитарных исследований РАН находился в печати ее труд «Ойратский “Гесер”. Героический эпос синьцзянских ойратов», включающий тексты 12 эпических песен, изданных в Китае в 1990 г. и переложенных Б. Х. Тодаевой на современное калмыцкое письмо. Она успела увидеть экземпляр этой сверстанной книги, которую я возила Буляш Хойчиевне в Москву. Конечно же, как и всегда при виде нового издания, она очень обрадовалась. Эта работа ученого дала нам возможность познакомиться на родном языке с образцом богатейшего эпического наследия монголоязычных народов — эпосом «Гесер». Издание особенно актуально и потому, что впервые в российском востоковедении введен в научный оборот большой цикл эпических песен о Гесере, бытующий среди ойратов СУАР КНР. Благодаря данной публикации можно ставить и рассматривать вопрос о том, что среди калмыков, у которых «Гесер» сохранился в письменной форме и в сказочных сюжетах, выдающийся эпический памятник широко бытовал и в устной форме.

В преддверии 100-летия со дня рождения Б. Х. Тодаевой в Калмыцком институте гуманитарных исследований РАН завершается подготовка к публикации другой ее работы – переложения на современное калмыцкое письмо романа «Өрин өмн» («Перед рассветом») ойратского писателя Кензя из Синьцзяна. Это издание будет еще одной данью памяти выдающемуся ученому — главным делом всей жизни Б. Х. Тодаевой было, как она считала, служение своему народу. Она была необычайно скромным, требовательным, прежде всего к себе, и фантастически работоспособным человеком. Жизнь Б. Х. Тодаевой до самой ее кончины была наполнена активным трудом.

Признание научных заслуг Б. Х. Тодаевой нашло выражение в награждении ее орденами «Дружба народов», «Знак почета», медалями СССР, Китайской Народной Республики и Монголии. Она удостоена званий Почетного члена Общества монголоведов Российской академии наук, Почетного гражданина Республики Калмыкия, Заслуженного деятеля науки Республики Калмыкия и другими отличиями.

В дни прощания с Б. Х. Тодаевой (гражданская панихида состоялась в Калмыцком институте гуманитарных исследований РАН 1 октября 2014 года) на адрес института поступило множество телеграмм и писем со словами скорби о кончине и благодарности Учителю. В многочисленных соболезнованиях из России, Китая, Монголии, в том числе из Южного научного центра РАН (академик Г. Г. Матишов), Института восточных рукописей РАН (проф. Т. Ф. Попова), Института языка и литературы АН Монголии, Института национальных литератур Академии общественных наук Китайской Народной Республики (проф. Дамринджав), Общества «Тод номин герел» («Свет ясного письма») Монголии, Общества по изучению ойратов Синьцзяна (проф. Б. Батбайр) и Филиала Общества в г. Монголкурээ Или-Казахской автономной области СУАР КНР, Синьцзянского государственного университета (проф. Джамца), исследователя из г. Монголкурээ Т. Төрбата и других, выражалась горечь и печаль по поводу невосполнимой для отечественной науки и всего монгольского мира утраты. Представители Общества по изучению ойратов Синьцзяна отмечали, что Б. Х. Тодаева — «…выдающийся деятель культуры и просвещения ойратов и монголов, великий лингвист Калмыкии, один из тех ученых, которые стояли у истоков монголоведения». В письме «Һашудлын бичг» — «Письмо печали и горечи», полученном от профессора Дамринджава, отмечался огромный вклад Б. Х. Тодаевой в изучение жемчужины фольклора монголоязычных народов — героического эпоса «Джангар» — и подчеркивалось, что «…драгоценные труды Б. Х. Тодаевой, свет ее души навсегда останутся в наших сердцах».

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Редакция журнала «Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН» принимает к печати авторские рукописи по приоритетным направлениям фундаментальных исследований РАН в области гуманитарных наук, а также рецензии, хронику, персоналии, ранее нигде не публиковавшиеся.

Журнал входит в **Перечень рецензируемых научных журналов и изданий для опубликования основных научных результатов диссертаций** на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук по направлениям (редакция 17.06.2011):

– история;
– юриспруденция;
– филология;
– религиоведение,
– политология,
– философия,
– педагогика,
– биология,
– экономика
– социология.

Материалы принимаются в электронном виде в редакторе Word, набранные 14-м шрифтом через полуторный интервал (все поля по 2,5 см), объемом не более 0,7 п. л. При наборе необходимо использовать стандартную гарнитуру шрифта TimesNewRoman. Допускается представление рисунков в редакторе Word внутри текста статьи с перечнем подрисуночных подписей. Литература должна быть затекстовая в алфавитном порядке. Страницы обязательно должны быть пронумерованы.

К материалу прилагаются следующие документы: 1) аннотация на русском языке (объемом не более 10 строк); 2) аннотация на английском языке (объемом не более 500 слов); 3) перевод названия статьи; 4) ключевые слова (не более 20) и их перевод на английский язык; 5) сведения об авторе: фамилия, имя, отчество (полностью); ученая степень; ученое звание; направление работы; должность (с указанием полного названия кафедры вуза или структурного подразделения исследовательского института); рабочий адрес и телефоны; адрес электронной почты; 6) внешняя рецензия на статью; 7) ББК и УДК; 8) договор (бумажный вариант договора с личной подписью в двух экземплярах).

Редакция отправляет предлагаемые к изданию рукописи на независимое научное рецензирование. Мнение редакции может не совпадать с точкой зрения авторов публикуемых материалов. Рукописи не возвращаются, редакция не вступает в переписку по поводу отклоненных материалов. Перепечатка опубликованных в журнале материалов допускается только по согласованию с редакцией.

Материалы могут быть отправлены простой корреспонденцией, заказным письмом (358000 Республика Калмыкия, г. Элиста, ул. Илишкина, 8), электронной почтой (vestnik.kigiran@gmail.com).

Правила для авторов, Положение о рецензировании, а также договор опубликованы на сайте Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (www.kigiran.com/articles.php?cat_id=8).

INTSTRUCTIONS FOR AUTHORS

The Editorial Board of the Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences accepts for publication manuscripts relevant to the fundamental studies of the Russian Academy of Sciences in the field of Humanities as well as reviews, chronicles, personalia which have not been previously published.

The Journal is in the List of cited scholarly journals and periodicals for publication of the basic scientific outcomes of dissertations for those seeking for candidate and doctor of sciences degrees in the following fields of study (edited on 17.06.2011):

- History;
- Jurisprudence;
- Philology;
- Religious Studies;
- Political Science;
- Philosophy;
- Pedagogy;
- Biology;
- Economics;
- Sociology.

Manuscripts should be submitted in the electronic version in the Word processing format, font: Times New Roman, font size: 14pt. with line spacing 1,5 (all margins: 2,5 cm.), paper size: no more than 0,7 of a printing (author's) sheet. Pictures should be incorporated in the text body with accompanying captions. References are listed in the alphabetical order, pages should be enumerated.

Every article should be accompanied with the following elements: 1) an abstract in Russian (no more than 10 lines); 2) an abstract in English (up to 500 words); 3) translation of the title; 4) keywords (about 20) with translation into English; 5) information on the author: surname, first name, patronymic name (in full); scientific ranks and titles, position including the full name of a chair or department of a research institution; work address and telephone numbers, e-mail; 6) an external review of the article; 7) ББК and УДК; 8) the agreement (two signed copies of the paper version).

The Board of Editors forwards submitted manuscripts for independent review. The Editorial Board's opinion can be different from that of an author. Entries submitted are not returned, editors do not enter into correspondence with authors concerning rejected articles. Reprint of the published in the Journal manuscripts is possible with the Editorial Board's agreement.

Submissions should be sent to the address: 358000, the Republic of Kalmykia, the city of Elista, Ilishkin Street, 8 or to the e-mail: vestnik.kigiran@gmail.com.

The Instructions for authors, Provisions on submitted manuscripts review and the Agreement text are posted on the site of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS (www.kigiran.com/article.php?cat_id=8).

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ВЕСТНИК
Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН

№ 4, 2014

Сдано в набор 08.12.2014. Подписано в печать 15.12.2014. Формат бумаги 60x84⅛.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 30. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Учредитель и издатель:
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Калмыцкий институт гуманитарных исследований
Российской академии наук

Отпечатано в КИГИ РАН
(358000, Республика Калмыкия, г. Элиста, ул. Илишкина, 8).

Индекс 10236

ISSN 2075-7794. Вестник Калмыцкого института
гуманитарных исследований РАН